

ЗАКОНЪ

ОБЪ

УСЛОВНОМЪ ДОСРОЧНОМЪ ОСВОБОЖДЕНІИ

СЪ

ИЗЛОЖЕНІЕМЪ РАЗСУЖДЕНІЙ, НА КОИХЪ ОНЪ ОСНОВАНЪ

(Собр. Узак. 1909 г. № 126, ст. 1216)

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

Д. А. Коптева

(Статсъ-Секретарь Государственного Совѣта)

ИЗДАНИЕ

Г. Г. Ходунова

Содержаніе: Краткое обзоріе движенія законопроекта. — Высочайше утвержденный 22 Іюня 1909 г. законъ объ условномъ досрочномъ освобожденіи. — А. Общія основанія закона: I. Краткая объяснительная записка къ проекту Министра Юстиціи. — II. Докладъ Коммисіи по судебнымъ реформамъ Государственной Думы. — III. Докладъ Коммисіи Законодательныхъ Предположеній Государственного Совѣта. — Б. Одобренный Государственнымъ Совѣтомъ и Государственною Думою законъ объ условномъ досрочномъ освобожденіи съ постатейными къ нему объясненіями. — В. Приложенія: I. Пренія въ Государственной Думѣ и въ Государственномъ Совѣтѣ по официальнымъ стенографическимъ отчетамъ. — II. Утвержденный Министромъ Юстиціи нормальный уставъ обществъ покровительства лицамъ, освобождаемымъ изъ мѣстъ заключенія (патроната).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Государственная Типографія

1909

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

„Условное досрочное освобожденіе, по моему глубокому убѣжденію, вносить лучъ свѣта въ нашъ тюремный порядокъ, благотѣльное вліяніе котораго, думается мнѣ, не заставитъ себя долго ждать“ (Министръ Юстиціи И. Г. Щегловитовъ въ Госуд. Думѣ). „Оно коснется тѣхъ, которые сдѣлались преступниками случайно, кто въ общемъ складѣ своего характера не заключаетъ ничего преступнаго, кто не только созналъ, но, быть можетъ, и горько оплакалъ свое преступленіе, кто съ перваго дня пребыванія въ тюрьмѣ понялъ весь ужасъ своего положенія, и наша благороднѣйшая задача возвратить ихъ къ здоровой, честной, трудовой жизни“ (от. Дмитріевъ въ Госуд. Думѣ), памятуя, что „во всякомъ человѣкѣ, какъ-бы онъ глубоко ни палъ нравственно, въ изгибахъ его души всегда живетъ искра добра“ (от. Рознатовскій въ Госуд. Думѣ).

Изданная книга, посвященная вопросу объ условномъ досрочномъ освобожденіи, является одною изъ первыхъ попытокъ распространенія какъ въ заинтересованныхъ кругахъ, такъ и вообще въ обществѣ не только голаго текста закона, но и его основаній, имѣющихъ корни какъ въ законодательствѣ Запада, такъ и въ условіяхъ нашей родной жизни.

Мотивы, руководившіе издателемъ настоящаго труда, заключались въ убѣжденіи не только полезности, но и прямой необходимости освѣдомленія какъ органовъ, призванныхъ примѣнять новый законъ на практикѣ, такъ и самого общества, въ средѣ котораго законъ примѣняться будетъ, съ тѣми руководящими соображеніями, которыя положены въ основу труда законодательныхъ учрежденій.

Въ Западной Европѣ изданія такого рода уже давно завоевали себѣ право гражданства, и всякій, кому такъ или иначе приходится сталкиваться въ жизни со вновь изданнымъ закономъ, стремится ознакомиться возможно детально со всѣми мотивами закона, чтобы правильно усвоить самый текстъ его, резюмирующій мысль законодателя.

Принципъ „никто не можетъ отговариваться незнаніемъ закона“ лежитъ въ основѣ всякаго правового государства; чтобы принципъ этотъ не былъ мертвой фразой, но чтобы онъ сталъ дѣйствительнымъ правиломъ юридической жизни страны, чтобы общество знало, какія нормы регулируютъ его жизнь, чтобы оно пропиталось чувствомъ законности, чтобы органы, примѣняющіе законъ, толковали его правильно, согласно мысли законодателя,—для всего этого необходимо имѣть подъ рукой изданіе, въ которомъ приведены мотивы разсматриваемаго закона.

Переходя къ данному закону, мы видимъ, что онъ является рѣшительнымъ нововведеніемъ нашего законодательства и особенно обращаетъ на себя, съ высказанной точки зрѣнія, наше вниманіе созданіемъ совершенно новаго института, призывая къ жизни новыя учрежденія при его примѣненіи.

На практикѣ придется столкнуться съ нимъ прежде всего какъ чинамъ прокурорскаго надзора, возбуждающимъ вопросъ примѣненія въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ условнаго досрочнаго освобожденія къ отбывающему наказаніе, такъ и особенно близко къ нему стоящимъ начальникамъ мѣстъ заключенія, а равно директорамъ, директрисамъ и членамъ комитетовъ и отдѣленій общества попечительнаго о тюрьмахъ (въ С.-Петербургѣ и Москвѣ—благотворительно-тюремныхъ комитетовъ), членамъ мѣстныхъ обществъ патроната и состоящимъ при мѣстахъ заключенія духовнымъ лицамъ и врачамъ, какъ органамъ, въ рукахъ которыхъ находится оцѣнка поведенія заключеннаго. Широкий просторъ, предоставляемый при этомъ, возлагаетъ на нихъ обязанность особенно тщательно разобратся въ тѣхъ требованіяхъ, которыя прилагаются къ условно досрочно освобождаемому по мысли законодательныхъ учрежденій.

Законъ вызываетъ къ жизни новую организацію—патронатъ, и совершенно очевидно, что и тутъ детальное ознакомленіе съ закономъ и его основаніями является прямой необходимостью, условіемъ практической дѣятельности, средствомъ „поддержать на распутьѣ предъ тюремными воротами тѣхъ, кого нашъ народъ привыкъ называть „несчастливыми“. Люди для этого найдутся, какъ они нашлись въ свое время для судебной, городской и земской реформы“ (А. Э. Кони въ Госуд. Сов.).

Не менѣе необходимымъ представляется детальное знакомство съ разсматриваемымъ закономъ органамъ, рѣшающимъ и утверждающимъ конкретно освобожденіе заключеннаго,—составу Особаго Совѣщанія и Окружнаго Суда, а также учрежденіямъ и лицамъ, подъ наблюденіе и на попеченіе коихъ передается досрочно освобожденный.

Въ равной степени органамъ полиціи отмежевана новымъ закономъ значительная роль, и ознакомленіе со смысломъ закона является тѣмъ болѣе необходимымъ, что неправильное толкованіе правъ и обязанностей, закономъ на нихъ возложенныхъ, сводило бы на нѣтъ всѣ благія цѣли, преслѣдуемая проведеніемъ въ жизнь новаго закона.

Таковы мотивы изданія настоящей книги, въ приложеніяхъ которой воспроизведены безъ сокращеній всѣ произнесенныя въ общихъ собраніяхъ Государственной Думы и Государственнаго Совѣта рѣчи, освѣщающія законъ съ разныхъ точекъ зрѣнія, и помѣщенъ утвержденный Министромъ Юстиціи нормальный уставъ обществъ покровительства лицамъ, освобождаемымъ изъ мѣстъ заключенія (патроната), для возникновенія коихъ созданы въ высшей степени благопріятныя условія.

Г. Г. Ходуновъ.

Іюль 1909 г.

Законопроектъ объ условномъ досрочномъ освобожденіи былъ внесенъ Министромъ Юстиціи въ Государственную Думу второго созыва, но не былъ разсмотрѣнъ.

По внесеніи сего проекта закона въ Государственную Думу третьяго созыва, онъ поступилъ въ Коммисію по судебнымъ реформамъ и по докладу сей Коммисіи (№ 132—1/ш) былъ предложенъ на обсужденіе Государственной Думы, съ нѣкоторыми въ немъ измѣненіями.

Докладъ этотъ былъ подвергнутъ разсмотрѣнію въ засѣданіяхъ Государственной Думы 27 Февраля, 1, 4 и 7 Марта 1908 г. и вызвалъ предложенія о внесеніи въ проектъ многихъ поправокъ (см. стен. отч. Гос. Думы 1908 г., засѣд. 32, 33, 34, 35).

Принятые при первомъ чтеніи въ засѣданіи 7 Марта 1908 г. поправки были разсмотрѣны Коммисіей по судебнымъ реформамъ и по докладу ея (№ 206—1/ш) поступили на обсужденіе Государственной Думы во второмъ чтеніи.

Въ засѣданіи 26 Мая 1908 г. (см. стен. отч., засѣд. 73) законопроектъ объ условномъ досрочномъ освобожденіи былъ принятъ въ цѣломъ и переданъ въ редакціонную Коммисію.

Въ предложенной Редакціонною Коммисіею редакціи проектъ обсуждался Государственною Думою въ засѣданіи 4 Іюня 1908 г. (см. стен. отч., засѣд. 78) и по одобреніи переданъ въ Государственный Совѣтъ при отношеніи отъ 12 Іюня 1908 г. (№ 2395). Государственный Совѣтъ, въ IV сессіи, въ засѣданіи 23 Октября 1908 г. постановилъ: означенный проектъ передать для предварительнаго разсмотрѣнія въ Коммисію Законодательныхъ Предположеній.

Коммисія, разсмотрѣвъ проектъ въ засѣданіяхъ 21 Ноября, 12, 19 и 27 Декабря 1908 г. признала необходимымъ внести въ одобренный Государственною Думою законопроектъ нѣкоторыя поправки и вошла съ предложеніемъ о передачѣ его согласно статьѣ 49 Учр. Гос. Сов. (свод. зак., т. I, ч. II, изд. 1906 г.) въ Согласительную Коммисію изъ равнаго числа Членовъ Государственнаго Совѣта и Государственной Думы.

Государственный Совѣтъ, разсмотрѣвъ одобренный Государственною Думою проектъ въ засѣданіяхъ 4, 9 и 13 Февраля 1909 г. и разрѣшивъ предложеніе объ отклоненіи законопроекта отрицательно (см. стен. отч., засѣд. 16, 17 и 19), постановилъ: передать таковой на новое разсмотрѣніе Коммисіи Законодательныхъ Предположеній въ виду внесеннаго на обсужденіе Совѣта предложенія объ измѣненіи одного изъ основныхъ положеній проекта, относящагося къ примѣненію условнаго досрочнаго освобожденія къ лицамъ, присужденнымъ къ тюремному заключенію.

Коммисія въ засѣданіи, состоявшемся 3 Марта 1909 г., нашла, что предложеніе объ измѣненіи проекта установленіемъ разрѣшенія вопросовъ объ условномъ досрочномъ освобожденіи лицъ, присужденныхъ къ тюремному заключенію, въ особыхъ и мѣстныхъ присутствіяхъ подлежитъ отклоненію, о чемъ и внесла въ Государственный Совѣтъ дополнительный докладъ, вмѣстѣ съ своимъ заключеніемъ по переданнымъ на ея разрѣшеніе поправкамъ.

Государственный Совѣтъ, въ засѣданіяхъ 20 Марта и 15 Апрѣля 1909 г., обсудивъ проектъ по статьямъ и разрѣшивъ разныя мнѣнія Коммисіи, по нѣкоторымъ изъ нихъ, постановилъ: принять законопроектъ съ сдѣланными въ немъ измѣненіями и передать таковой въ Согласительную Коммисію, на основаніи ст. 49 Учр. Гос. Сов., изъ 6 Членовъ Государственнаго Совѣта и 6 Членовъ Государственной Думы.

Образованная на семъ основаніи Особая Согласительная Коммисія, разсмотрѣвъ въ засѣданіи, состоявшемся 5 Мая 1909 г., измѣненный Государственнымъ Совѣтомъ законопроектъ, постановила единогласное заключеніе по I и II Отдѣламъ его, но не пришла къ единогласному рѣшенію объ исключеніи III его Отдѣла.

Согласно постановленію Особой Коммисіи дѣло объ условномъ досрочномъ освобожденіи, съ согласительнымъ заключеніемъ Коммисіи, 20 Мая 1909 г. было возвращено въ Государственную Думу, вновь разсмотрѣно Думою 2 Іюня 1909 г. и затѣмъ внесено въ Государственный Совѣтъ.

Въ засѣданіи 12 Іюня 1909 г. Государственный Совѣтъ одобрилъ измѣненный законопроектъ, и таковой 22 того же Іюня удостоенъ Высочайшаго утвержденія.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:
„БЫТЬ ПО СЕМУ“.

22 Іюня 1909 года.

Въ Петергофѣ.

Скрѣпилъ: Исправляющій должность Государственнаго Секретаря *Н. Дерюжинскій*,

Одобренный Государственнымъ Совѣтомъ и Государ-
ственною Думою

ЗАКОНЪ

объ условномъ досрочномъ освобожденіи.

(Собр. Узак. и Расп. Прав. 2 Іюля 1909 г., № 126, ст. 1216).

І. Въ измѣненіе, дополненіе и отмѣну подлежащихъ узаконеній постановить нижеслѣдующія правила объ условномъ досрочномъ освобожденіи.

1. Приговоренные къ заключенію въ тюрьмѣ, въ исправительномъ арестантскомъ отдѣленіи или въ исправительномъ домѣ могутъ быть условно освобождены изъ заключенія по отбытіи не менѣе трехъ четвертей опредѣленнаго имъ судебнымъ приговоромъ срока наказанія, если они пробыли въ мѣстѣ заключенія, во исполненіе приговора, не менѣе шести мѣсяцевъ, безъ зачета въ этотъ послѣдній срокъ времени, проведеннаго до того подъ стражею.

2. Условное досрочное освобожденіе можетъ быть предоставлено заключеннымъ въ томъ случаѣ, если ихъ одобрительное поведеніе во время заключенія даетъ достаточныя основанія предполагать, что, по освобожденіи изъ заключенія, они будутъ вести добронорядочный образъ жизни.

3. Условное досрочное освобожденіе не примѣняется: 1) къ осужденнымъ за конокрадство и 2) къ тѣмъ изъ заключенныхъ, кои, по отбытіи наказанія срочнымъ лишеніемъ свободы, подле-

жать по закону водворенію въ Якутской области или ссылкѣ на поселеніе.

4. Сроки дѣйствія постановленій объ отдачѣ приговоренныхъ къ срочному лишенію свободы подъ надзоръ мѣстной полиціи и объ ограниченіяхъ въ правѣ избранія и перемѣны мѣста жительства исчисляются со времени условнаго освобожденія осужденнаго.

5. Возбужденіе вопроса объ условномъ досрочномъ освобожденіи заключенныхъ принадлежитъ лицамъ прокурорскаго надзора, начальнику мѣста заключенія, директорамъ, директрисамъ и членамъ комитетовъ и отдѣленій общества попечительнаго о тюрьмахъ (въ С.-Петербургѣ и Москвѣ—благотворительно-тюремныхъ комитетовъ), членамъ мѣстныхъ обществъ патроната и состоящимъ при мѣстѣ заключенія духовнымъ лицамъ и врачамъ.

6. Вопросъ объ условномъ досрочномъ освобожденіи можетъ быть возбужденъ и до истеченія трехъ четвертей опредѣленнаго судебнымъ приговоромъ срока, но съ тѣмъ, чтобы само освобожденіе было осуществлено не раньше наступленія означеннаго въ статьѣ 1 срока условнаго освобожденія.

7. Вопросъ о примѣненіи условнаго досрочнаго освобожденія къ заключенному вносится начальникомъ мѣста заключенія на обсужденіе Особаго Совѣщанія, подъ предсѣдательствомъ одного изъ мѣстныхъ мировыхъ судей, назначаемаго съѣздомъ мировыхъ судей или окружнымъ судомъ, по принадлежности, а въ мѣстностяхъ, гдѣ введено Положеніе о земскихъ участкахъ начальникахъ,—мѣстнаго уѣзднаго члена окружнаго суда; Особое Совѣщаніе образуется изъ лица прокурорскаго надзора, губернскаго тюремнаго инспектора или его помощника (тамъ, гдѣ должности эти учреждены), полиціймейстера или уѣзднаго исправника или лица, занимающаго соотвѣтствующую должность, или ихъ помощника, начальника мѣста заключенія или его помощника, двухъ директоровъ или директрисъ мѣстныхъ комитета или отдѣленія общества попечительнаго о тюрьмахъ, по избранію сихъ установленій (въ С.-Петербургѣ и Москвѣ—двухъ директоровъ или директрисъ благотворительно-тюремныхъ комитетовъ, по избранію правленій сихъ комитетовъ), а гдѣ учреждены общества патроната,—и двухъ членовъ сихъ

обществъ, избираемыхъ ихъ правленіями; состоящихъ при мѣстѣ заключенія: духовнаго лица того вѣроисповѣданія, къ коему принадлежитъ заключенный, врача, имѣвшаго падѣ нимъ наблюденіе или пользовавшаго его отъ болѣзни, и лица, завѣдывающаго школьнымъ обученіемъ заключенныхъ. Для законности состава Совѣщанія необходимо присутствіе предсѣдателя, начальника мѣста заключенія или его помощника, одного изъ директоровъ или директрисъ мѣстныхъ комитета или отдѣленія общества попечительнаго о тюрьмахъ (въ С.-Петербургѣ и Москвѣ—благотворительно-тюремпаго комитета) или одного изъ членовъ мѣстнаго общества патрона.

8. Вопросъ о предоставленіи условнаго досрочнаго освобожденія разрѣшается Особымъ Совѣщаніемъ по большинству голосовъ; при равенствѣ голосовъ, мнѣніе предсѣдателя даетъ перевѣсъ.

9. Постановленіе Особаго Совѣщанія заносится въ протоколъ съ подробнымъ изложеніемъ основаній, по коимъ заключенный признается или не признается заслуживающимъ условнаго досрочнаго освобожденія. Каждый изъ членовъ Особаго Совѣщанія, оставшійся при особомъ мнѣніи, можетъ представить таковое въ письменномъ изложеніи для приобщенія къ протоколу.

10. Возобновленіе ходатайства объ условномъ досрочномъ освобожденіи можетъ послѣдовать не ранѣ истеченія трехъ мѣсяцевъ съ того дня, когда состоялось постановленіе о признаніи заключеннаго незаслуживающимъ такого освобожденія.

11. Постановленіе Особаго Совѣщанія о предоставленіи условнаго досрочнаго освобожденія объявляется заключенному начальникомъ мѣста заключенія не позже дня, слѣдующаго за тѣмъ, въ который это постановленіе состоялось, съ предупрежденіемъ, что освобожденіе можетъ послѣдовать лишь съ утвержденія судебной власти. При этомъ начальникъ мѣста заключенія предлагаетъ заключенному дать письменное обязательство въ томъ, что имъ будутъ соблюдаться условія, на коихъ ему предоставляется свобода, а также указать мѣсто жительства, которое онъ желаетъ избрать на время условнаго досрочнаго освобожденія.

12. Постановленіе Особаго Совѣщанія, коимъ заключенный признавъ заслуживающимъ условнаго досрочнаго освобожденія,

препровождается начальникомъ мѣста заключенія не позже дня, слѣдующаго за выдачею указаннаго въ предшедшей (11) статьѣ обязательства, вмѣстѣ съ особыми мнѣніями, если таковыя были заявлены, съ подлиннымъ дѣломъ о заключенномъ и другихъ, имѣющимися о немъ, свѣдѣніями, черезъ прокурора окружнаго суда, въ округѣ котораго заключенный отбываетъ наказаніе, на разсмотрѣніе сего суда.

13. Окружный судъ, по предложенію прокурора, разсматриваетъ дѣло объ условномъ досрочномъ освобожденіи въ распорядительномъ засѣданіи въ ближайшій присутственный день. Въ случаѣ надобности, судъ имѣетъ право требовать дополнительныхъ свѣдѣній и вызывать въ засѣданіе для дачи объясненій пребывающихъ въ мѣстѣ нахожденія суда начальника мѣста заключенія, а равно и другихъ членовъ Совѣщанія. Утверждая постановленіе Особаго Совѣщанія, судъ назначаетъ досрочно-освобожденному мѣсто его жительства. Опредѣленія суда по вопросу объ условномъ досрочномъ освобожденіи не подлежатъ обжалованію и немедленно, по постановленіи, обращаются къ исполненію на общемъ основаніи.

14. По полученіи выписки изъ опредѣленія окружнаго суда о предоставленіи заключенному условнаго досрочнаго освобожденія, начальникъ мѣста заключенія въ теченіе сутокъ приводитъ въ исполненіе означенное опредѣленіе; если же опредѣленіе суда послѣдовало до истеченія трехъ четвертей срока, къ которому былъ присужденъ заключенный,—то въ тотъ же самый день, въ который истекаетъ указанный въ статьѣ 1 срокъ условнаго освобожденія. Въ томъ же случаѣ, когда начальнику мѣста заключенія сдѣлались извѣстными какія либо обстоятельства, которыя могутъ препятствовать предоставленію заключенному условнаго досрочнаго освобожденія и которыхъ судъ не имѣлъ въ виду при разрѣшеніи дѣла объ условномъ досрочномъ освобожденіи, начальникъ, не пріостанавливая исполненія опредѣленія суда, немедленно доводитъ объ открывшихся препятствіяхъ до свѣдѣнія прокурора суда, для предложенія суду о пересмотрѣ постановленнаго имъ опредѣленія.

15. Досрочно-освобожденный передается, при самомъ освобожденіи изъ-подъ стражи, на весь оставшійся неотбытымъ срокъ лишенія свободы, назначенный судебнымъ приговоромъ, подѣ

наблюденіе и на попеченіе мѣстнаго общества патроната или мѣстнаго комитета или отдѣленія общества попечительнаго о тюрьмахъ (въ С.-Петербургѣ и Москвѣ—благотворительно-тюремныхъ комитетовъ).

Если означенныя учрежденія не признаютъ возможнымъ принять подѣ наблюденіе и на попеченіе досрочно-освобожденнаго или если мѣсто жительства назначено ему внѣ того города, въ которомъ онъ отбывалъ заключеніе, а также въ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ ни обществъ патроната, ни комитетовъ или отдѣлений общества попечительнаго о тюрьмахъ, досрочно-освобожденный поступаетъ на указанный срокъ подѣ наблюденіе мѣстнаго мирового, городского или гмипнаго судьи или же земскаго участковаго начальника, по принадлежности.

Означенныя должностныя лица могутъ входить въ соглашеніе съ помянутыми учрежденіями, попечительствами о трудовой помощи, приходскими попечительствами при церквахъ и прочими учрежденіями общественнаго призрѣнія и благотворительными обществами, а также заслуживающими довѣрія лицами о принятіи ими на себя ближайшаго наблюденія надѣ досрочно-освобожденнымъ и попеченія о немъ.

16. Досрочно-освобожденный во всякое время до истеченія срока условнаго освобожденія, по уважительнымъ причинамъ, имѣетъ право просить означенное въ предшедшей (15) статьѣ должностное лицо о перемѣнѣ лица, коему поручено надѣ нимъ ближайшее наблюденіе и попеченіе.

17. При увольненіи досрочно-освобожденнаго, начальникъ мѣста заключенія дѣлаетъ распоряженіе о пересылкѣ денегъ, принадлежащихъ досрочно-освобожденному и находящихся на храненіи у администраціи мѣста заключенія, подлежащему учрежденію или должностному лицу (ст. 15).

Выдача означенныхъ денегъ досрочно-освобожденному производится частями, по мѣрѣ дѣйствительной надобности.

18. По прибытіи досрочно-освобожденнаго въ назначенное ему мѣсто жительства, онъ обязанъ въ теченіе сутокъ явиться въ указанное ему начальствомъ мѣста заключенія полицейское установленіе. Последнее немедленно сообщаетъ о прибытіи досрочно-освобожденнаго подлежащему учрежденію или должностному лицу (ст. 15).

19. Въ теченіе срока условнаго освобожденія досрочно-освобожденный не имѣетъ права отлучаться изъ назначеннаго ему мѣста жительства безъ разрѣшенія того изъ указанныхъ въ статьѣ 15 учрежденія или должностнаго лица, подъ наблюденіемъ коего онъ состоитъ, причемъ разрѣшеніе на отлучку выдается по уважительнымъ причинамъ на срокъ не свыше одного мѣсяца. Отлучки на болѣе продолжительные сроки, а также перемѣна назначеннаго для досрочно-освобожденнаго мѣста жительства, допускаются лишь съ разрѣшенія мѣстнаго уѣзднаго члена окружнаго суда, въ мѣстностяхъ же, гдѣ не введено Положеніе о земскихъ участковыхъ начальникахъ,—того окружнаго суда, въ округѣ котораго водворенъ досрочно-освобожденный.

20. Если досрочно-освобожденный въ теченіе срока условнаго освобожденія совершитъ какое либо преступное дѣяніе, за которое будетъ осужденъ приговоромъ суда, или будетъ установлено его порочное поведеніе, могущее угрожать личной или общественной безопасности или порядку (какъ то: пьянство, распутство, тунеядство, праздношатаніе, общеніе съ порочными людьми и т. п.), или, наконецъ, если досрочно-освобожденный нарушитъ другія условія, на коихъ ему предоставляется свобода, то досрочное освобожденіе можетъ быть отмѣнено.

Условное досрочное освобожденіе обязательно подлежитъ отмѣнѣ, если досрочно-освобожденный будетъ присужденъ вступившимъ въ законную силу приговоромъ суда къ наказанію свыше ареста.

21. О всѣхъ случаяхъ нарушенія досрочно-освобожденнымъ условій, на коихъ ему предоставляется свобода, учрежденіе или частное лицо, имѣющее надъ нимъ наблюденіе и попеченіе (ст. 15), а также мѣстное полицейское начальство, доводятъ до свѣдѣнія мѣстныхъ мирового, городского или гминнаго судьи или земскаго участковаго начальника, по принадлежности. По полученіи означенныхъ свѣдѣній и, въ случаѣ надобности, по провѣркѣ ихъ, означенныя должностныя лица, черезъ прокурора окружнаго суда, въ округѣ котораго водворенъ досрочно-освобожденный, передаютъ возникшее дѣло, съ своимъ заключеніемъ, на разсмотрѣніе сего суда.

Мировой, городской и гминный судья, а равно земскій участковый начальникъ, по принадлежности, могутъ: а) под-

вергнуть предварительному задержанію досрочно-освобожденнаго, порочное поведеніе котораго грозитъ личной или общественной безопасности, и б) возбудить дѣло объ отмѣнѣ условнаго досрочнаго освобожденія по непосредственному своему усмотрѣнію.

22. Къ дѣламъ о нарушеніи досрочно-освобожденнымъ условій, на коихъ ему предоставляется свобода, окружнымъ судомъ примѣняются порядокъ и правила, указанные въ статьѣ 13 для дѣлъ объ условномъ досрочномъ освобожденіи.

Досрочно-освобожденный, прибывшій въ засѣданіе суда, допускается къ представленію словесныхъ объясненій.

Въ случаѣ надобности, суду предоставляется вызывать въ засѣданіе для дачи объясненій досрочно-освобожденнаго, если онъ имѣетъ пребываніе въ мѣстѣ нахожденія суда; неявка досрочно-освобожденнаго не останавливаетъ разсмотрѣнія дѣла.

23. При возвращеніи досрочно-освобожденнаго, на основаніи статьи 20, въ мѣсто заключенія, время, проведенное имъ на свободѣ, въ срокъ наказанія, а равно въ срокъ полицейскаго надзора и другихъ ограниченій (ст. 4), не засчитывается, и срокъ оставшагося неотбытымъ заключенія исчисляется со времени взятія его подъ стражу.

24. Если въ теченіе срока условнаго досрочнаго освобожденія таковое не будетъ на основаніи статьи 20 отмѣнено, то опредѣленное судебнымъ приговоромъ наказаніе почитается отбытымъ.

II. Статью 317 и примѣчанія 1 и 2 къ сей статьѣ Устава о Содержащихся подъ Стражей (Св. Зак., т. XIV, изд. 1890 г. и по Прод. 1906 г.) и часть 3 статьи 23 Высочайше утвержденнаго, 22 Марта 1903 г., Уголовнаго Уложенія—отмѣнить.

Вице-Предсѣдатель
Государственнаго Совѣта (подписалъ) *Иванъ Голубевъ*.

А. ОБЩІЯ ОСНОВАНІЯ ЗАКОНА.

І. Краткая объяснительная записка къ проекту Министра Юстиціи объ условномъ досрочномъ освобожденіи.

Исправленіе преступника, какъ одна изъ главнѣйшихъ цѣлей наказанія, получаетъ все болѣе и болѣе широкое признаніе въ наукѣ уголовного права, и значеніе этой задачи уголовной кары становится все болѣе и болѣе преобладающимъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ указываетъ опытъ пенитенціарныхъ учрежденій, одна регулировка лишь внѣшняго поведенія лицъ, подвергаемыхъ уголовному наказанію, оказываетъ сравнительно весьма слабое вліяніе на ихъ исправленіе. Послѣднее наиболѣе успѣшно, въ предѣлахъ возможности, достигается лишь въ томъ случаѣ, когда удастся пробудить самодѣятельность самого наказываемаго по отношенію къ самоисправленію и въ немъ самомъ создать такіе мотивы, которые побуждали бы его дѣйствовать именно въ направленіи, наиболѣе желательномъ въ интересахъ общей уголовной политики. Къ числу мѣропріятій, стремящихся къ достиженію этой цѣли и къ проведенію новыхъ началъ въ области примѣненія уголовной репрессіи, принадлежитъ условное досрочное освобожденіе.

Въ основаніе этого института положена мысль о возможности освобожденія отъ наказанія лишеніемъ свободы, до истеченія его срока, тѣхъ лицъ, которыя во время отбыванія этой кары отличались хорошимъ поведеніемъ и подавали надежду на исправленіе,—подъ условіемъ соблюденія ими на свободѣ, въ теченіе опредѣленнаго промежутка времени послѣ освобожденія, особо установленныхъ правилъ поведенія. Задача разсматриваемаго института, сводясь такимъ образомъ къ стремленію достигнуть исправленія преступника путемъ предоставленія ему возможности

заслужить сокращение срока наказания одобрительнымъ поведениемъ какъ во время нахождения въ мѣстѣ заключенія, такъ и послѣ освобожденія изъ него, придаетъ условному досрочному освобожденію значеніе стимула къ самоисправленію преступника.

Полезность досрочнаго освобожденія, давно уже вошедшаго въ практику тюремнаго дѣла, подтверждается тюремнымъ опытомъ всѣхъ государствъ и вполне раздѣляется теоріею. Досрочное освобожденіе: во первыхъ, побуждаетъ арестанта къ хорошему поведенію и трудолюбію; во вторыхъ, даетъ тюремному начальству дѣйствительное средство исправительнаго воздѣйствія на заключенныхъ; въ третьихъ, содѣйствуетъ поддержанію тюремной дисциплины и авторитета тюремной администраціи; въ четвертыхъ, даетъ возможность экономіи въ издержкахъ государства на организацію карательныхъ мѣръ, и, въ пятыхъ, основываясь на началѣ индивидуализаціи наказанія, регулируетъ послѣднее сообразно съ дѣйствительною виновностью каждаго отдѣльнаго преступника.

Что касается условности примѣненія досрочнаго освобожденія, т. е. зависимости ея осуществленія на практикѣ отъ выполненія освобождаемымъ опредѣленныхъ условій, то такая постановка этого дѣла является несомнѣннымъ усовершенствованіемъ.

Условно-освобожденный до наступленія опредѣленнаго момента находится подъ спеціальной угрозой возврата въ тюрьму и подъ обязательнымъ надзоромъ; такимъ образомъ условное освобожденіе, съ одной стороны, не избавляетъ виновнаго отъ карательнаго воздѣйствія, а съ другой—служитъ средствомъ испытанія прочности результатовъ тюремнаго содержанія, удерживаетъ освобожденнаго отъ рецидива и укрѣпляетъ въ немъ привычку къ честной и добропорядочной жизни на свободѣ. Короче, досрочное освобожденіе, обусловленное возможностью обратнаго возвращенія въ тюрьму, представляетъ особую форму исполненія наказанія, опредѣленнаго судомъ (Prins *), часть правильно и цѣлесообразно исполняемаго наказанія (Krohn **), конечную стадію въ отбытіи наказанія лишеніемъ свободы (Понтковскій ***). Эта точка зрѣнія

*) Science pénale et droit positif, стр. 528.

**) Lehrbuch der Gefängnissskunde, стр. 260.

***) Условное освобожденіе, стр. 137.

является господствующей въ современной юридической литературѣ *).

Освобожденіе до срока изъ заключенія, обусловливаемое обязательнымъ нахожденіемъ подъ попечительнымъ надзоромъ особыхъ органовъ, очевидно, ставитъ лицо съ неустойчивою волею и порочными наклонностями въ такія условія существованія, когда возвращеніе на путь порока и преступленія будетъ по крайней мѣрѣ затруднено до возможныхъ предѣловъ, и, слѣдовательно, съ одной стороны, общественная безопасность будетъ болѣе гарантирована, а съ другой—будутъ обезпечены интересы освобожденнаго, въ смыслѣ введенія его въ общественную среду для трудовой и честной жизни. Поэтому, въ виду практичности и цѣлесообразности этого института, онъ прочно установился въ иностранныхъ законодательствахъ и, несмотря на сильныя нападки, сдѣлался необходимою принадлежностью тюремнаго режима во всей Европѣ **).

Результаты примѣненія условнаго досрочнаго освобожденія въ Западной Европѣ видны изъ слѣдующей таблицы ***):

Государство и періодъ времени.	% возвращенія въ мѣсто закл.
Англія (1855—1879)	8,5
Ирландія (1856—1880)	13,6
Франція (1886—1895)	1,2
Франція (1898)	2,4
Франція (1899)	3,6
Франція (1900)	1,8
Бельгія (1888—1893)	2,01
Италія (1891—1896)	0,8
Венгрія (1881—1890)	1,7—2,78
Пруссія (1872—1885)	3,3
Баварія (1881—1890)	3,17

Конечно, приведенныя цифры не могутъ служить безусловнымъ мѣриломъ цѣлесообразности рассматриваемаго института, такъ какъ величины эти находятся въ зависимости отъ разнооб-

*) Условное освобожденіе, стр. 138.

**) Н. С. Таганцевъ. Русск. угол. право, II, стр. 1222. Объясн. записка къ проекту угол. улож., I, стр. 191.

***) Цифры таблицы заимствованы изъ книги проф. Пюнтковского «Условное освобожденіе», при чемъ нѣкоторыя изъ нихъ провѣрены по имѣвшимся офиціальнымъ даннымъ.

разныхъ вліяній: различія во взглядахъ примѣняющихъ органовъ, степени благоустройства надзора и попеченія, экономическихъ условій страны и т. п., но во всякомъ случаѣ незначительность этихъ цифръ и сравнительная ихъ устойчивость не могутъ не подтверждать того высокаго уголовно-политическаго значенія, которое придается условному освобожденію какъ практикою, такъ и доктриною.

О желательности введенія института условнаго досрочнаго освобожденія въ Россіи неоднократно высказывались какъ отдѣльные писатели—ученые и практики, такъ и происходившіе въ 1900 и 1901 г.г. второй и третій съѣзды членовъ русской группы Международнаго союза криминалистовъ. Полезность этого института была признана и Редакціонною Коммисіею по составленію проекта уголовного уложенія, предполагавшей первоначально ввести примѣненіе условнаго досрочнаго освобожденія въ извѣстномъ, довольно, впрочемъ, ограниченномъ объемѣ. Впослѣдствіи, однако, подъ вліяніемъ замѣчаній нѣкоторыхъ лицъ на проектъ общей части уложенія, высказавшихъ сомнѣнія какъ въ цѣлесообразности института условнаго досрочнаго освобожденія вообще, такъ и въ особенности относительно цѣлесообразности введенія его нынѣ у насъ, въ виду неустройства мѣстъ заключенія и проблематичности ихъ скорой и полной реформы,—Редакціонная Коммисія, хотя и сохранила высказанное ею убѣжденіе въ томъ, что такое освобожденіе составляетъ необходимое дополненіе всякой рационально устроенной тюремной системы, но пришла къ тому выводу, что введеніе этого института нынѣ-же, по состоянію нашихъ тюремъ и отсутствію у насъ правильно организованнаго полицейскаго надзора, не представляется своевременнымъ. Поэтому Коммисія сочла необходимымъ замѣнить условное освобожденіе безусловнымъ. Сужденія эти и легли въ основаніе 3 части ст. 23 уголовного уложенія, содержащей слѣдующее постановленіе: «приговоренные къ заключенію въ исправительномъ домѣ, по истеченіи пяти шестыхъ назначеннаго имъ срока сего заключенія, въ случаѣ одобрительнаго ихъ поведенія, могутъ быть освобождены изъ заключенія». Разрѣшеніе такого освобожденія возложено, по представленію начальника, завѣдывающаго исправительнымъ домомъ, на общее присутствіе губернскаго или областного правленія, либо губернскаго управленія, или же областного совѣта по принадлежности, съ участіемъ при разрѣшеніи дѣлъ сего рода

предсѣдателя и прокурора окружнаго суда въ качествѣ членовъ (п. 8 отд. II Высочайше утв. 22 марта 1903 г. мн. Гос. Сов., собр. узак. 416).

Вмѣстѣ съ тѣмъ Государственный Совѣтъ, при разсмотрѣніи проекта уголовного уложенія, останавливался на вопросѣ о возможности введенія у насъ въ Россіи института условнаго досрочнаго освобожденія и заключеніемъ, удостоившимся 22 марта 1903 г. Высочайшаго утвержденія, положилъ: предоставить Министру Юстиціи войти въ обсужденіе этого вопроса и предположенія свои по изъясненному предмету представить на законодательное разсмотрѣніе въ установленномъ порядкѣ.

Предварительное исполненіе этого порученія было возложено на Высочайше учрежденную при Министерствѣ Юстиціи особую Коммисію для разработки мѣропріятій, вызываемыхъ изданіемъ новаго уголовного уложенія. Означенною Коммисіею (по отдѣлу уголовныхъ вопросовъ) былъ составленъ законопроектъ объ условномъ досрочномъ освобожденіи, съ объяснительною къ нему запискою. Проектъ этотъ и положенъ въ основаніе настоящаго законодательнаго труда.

Обращаясь къ выполненію помнутаго выше порученія, Министръ Юстиціи, и съ своей стороны, пришелъ къ убѣжденію, что поставленный Государственнымъ Совѣтомъ вопросъ о возможности введенія въ Россіи института условнаго досрочнаго освобожденія надлежитъ разрѣшить въ утвердительномъ смыслѣ. При усилившемся въ нашемъ законодательствѣ стремленіи въ уголовномъ наказаніи закрѣпить элементъ исправленія,—стремленіи, особенно сильно выраженномъ въ карательной системѣ новаго уголовного уложенія,—дальнѣйшее игнорированіе данныхъ многолѣтняго опыта иностранныхъ государствъ, свидѣтельствующихъ объ успѣшномъ примѣненіи, въ цѣляхъ исправленія, условнаго досрочнаго освобожденія, едва ли было бы основательнымъ. Съ другой стороны, возраженія, дѣлаемыя противниками введенія этого института у насъ и сводящіяся, главнымъ образомъ, къ неустройству нашихъ мѣстъ заключенія и къ слабому развитію у насъ патроната, не могутъ быть признаны указывающими на совершенно непреодолимые препятствія. Благодаря хотя и медленному, но постепенно развивающемуся переустройству и улучшенію мѣстъ заключенія, содержаніе арестантовъ и тюремный режимъ приближаются все болѣе и болѣе къ требованіямъ,

предъявляемымъ благоустроеннымъ пенитенціарнымъ учрежденіямъ.

Затѣмъ, слабое развитіе у насъ общественной самодѣятельности въ области патроната также не должно останавливать введенія въ Россіи условнаго досрочнаго освобожденія, такъ какъ, съ одной стороны, самодѣятельность эта, при увеличеніи въ ней потребности и при принятіи мѣръ къ ея развитію и поддержкѣ, несомнѣнно, возрастетъ, а съ другой—является возможнымъ отсутствіе или недостатокъ общественной самодѣятельности восполнить на первыхъ порахъ привлеченіемъ къ дѣлу нѣкоторыхъ правительственныхъ органовъ.

Признавая, такимъ образомъ, введеніе института условнаго досрочнаго освобожденія у насъ желательнымъ и возможнымъ, Тайный Совѣтникъ Щегловитовъ считалъ необходимымъ вмѣстѣ съ тѣмъ замѣтить, что осуществленіе такой мѣры представляется и вполнѣ своевременнымъ, тѣмъ болѣе, что отсрочка ея на неопредѣленное время не могла бы быть оправдана серьезными основаніями. А между тѣмъ такою отсрочкою было бы выжиданіе, для осуществленія предполагаемой мѣры, напр., введенія въ дѣйствіе въ полномъ объемѣ Высочайше утвержденнаго, 22 марта 1903 г., новаго уголовного уложенія. По этому поводу надлежитъ принять во вниманіе, прежде всего, что условное досрочное освобожденіе и введеніе въ дѣйствіе новаго уголовного уложенія вовсе не стоятъ въ такой тѣсной связи между собою, которая требовала бы ихъ одновременнаго осуществленія. Съ другой стороны, условное досрочное освобожденіе могло бы быть введено теперь же, введеніе же въ дѣйствіе уголовного уложенія 22 марта 1903 г. требуетъ предварительной существенной переработки сего уложенія въ виду необходимости какъ согласованія его съ началами, провозглашенными въ Высочайшемъ Манифестѣ 17 октября 1905 года, такъ и приведенія въ соотвѣтствіе съ позднѣйшими карательными узаконеніями. Поэтому представлялось бы болѣе правильнымъ выработать, по отношенію къ условному досрочному освобожденію, проектъ такого закона, который, предусматривая постановленія уголовного уложенія 22 марта 1903 г., вмѣстѣ съ тѣмъ могъ бы имѣть примѣненіе также при дѣйствіи нынѣшнихъ уложенія и устава о наказаніяхъ.

При этомъ прежде всего необходимо принять во вниманіе, что нашему современному законодательству (ст. 317 уст. суд.

подъ страж., ст. 305 и слѣд. уст. ссыльн., ст. 23 ч. 3 угол. улож.) извѣстны начала сокращенія срока заключеннымъ нѣкоторыхъ категорій при условіи хорошаго поведенія ихъ во время пребыванія подъ стражей, т. е. безусловное досрочное освобожденіе. Институтъ же условнаго досрочнаго освобожденія, ставя цѣли исправленія значительно шире, пользуясь для этого болѣе разнообразными мѣрами и въ томъ числѣ, главнымъ образомъ, наблюденіемъ за досрочно-освобожденнымъ и воздѣйствіемъ на него въ періодъ условной свободы, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, расширяя условія, случаи и объемъ сокращенія сроковъ заключенія, дѣлаетъ существованіе наряду съ нимъ и института безусловнаго досрочнаго освобожденія не только излишнимъ, но и совершенно недопустимымъ, какъ могущимъ ослабить то исправительное воздѣйствіе на заключеннаго и устранить то пріученіе выпущеннаго изъ тюрьмы къ разумному пользованію своею свободою, которыя положены въ основу самой идеи условнаго досрочнаго освобожденія. Поэтому представляется необходимымъ отмѣнить безусловное досрочное освобожденіе по отношенію къ тѣмъ категоріямъ заключенныхъ, къ которымъ предполагается примѣнять условное досрочное освобожденіе.

Обращаясь къ выработкѣ основныхъ правилъ организаціи института условнаго досрочнаго освобожденія, надлежитъ, для цѣлесообразнаго разрѣшенія этой задачи, выяснить вопросы: 1) при какихъ видахъ лишенія свободы примѣнимо условное освобожденіе; 2) при какомъ срокѣ опредѣленнаго судомъ лишенія свободы; 3) при какомъ размѣрѣ отбытаго срока наказанія, и 4) требуется ли для примѣненія этой мѣры согласіе на то освобождаемаго?

По поводу перваго изъ перечисленныхъ вопросовъ слѣдуетъ замѣтить, что изъ иностранныхъ уголовныхъ кодексовъ примѣненіе условнаго досрочнаго освобожденія допускается: по германскому—при цухтгаузѣ (Zuchthaus) свыше одного года и тюрьмѣ (Gefängnisz, § 23); по итальянскому—при заключеніи (reclusione) и заточеніи (detenzione, ст. 16); по венгерскому—при всѣхъ видахъ лишенія свободы, но съ тѣмъ, что при содержаніи въ цухтгаузѣ (Zuchthaus) и исправительномъ домѣ (Kerker) на срокъ болѣе 3 лѣтъ необходимо быть переведеннымъ сперва въ переходную тюрьму (§§ 44 и 48); по французскому (законъ 14 августа 1885 г., ст. 2) и бельгійскому (законъ 31 мая 1888 г., ст. 1)

законодательствамъ оно примѣняется ко всѣмъ видамъ лишенія свободы. Наконецъ, у насъ, по финляндскому уголовному уложенію, условное освобожденіе допущено также при всѣхъ видахъ лишенія свободы (§ 13 Высоч. пост. 19 декабря 1889 г., сб. постан. В. К. Ф. 1894 г. № 17, и §§ 1, 2 и 3 гл. 2 угол. улож. В. К. Ф.).

Такимъ образомъ, большинство законодательствъ признаетъ возможнымъ примѣненіе этого института при всѣхъ видахъ лишенія свободы, по германскому же уложенію онъ не можетъ имѣть мѣста при заключеніи въ крѣпости (*Festungshaft*) и арестѣ (*Haft*), а по итальянскому—при наказаніи каторгою (*ergastolo*).

Съ своей стороны, третій съѣздъ русской группы Международнаго союза криминалистовъ единогласно высказался за примѣненіе условнаго освобожденія ко всѣмъ видамъ лишенія свободы, кромѣ ареста.

По соображеніи изложеннаго нельзя не признать, что по своей природѣ институтъ условнаго освобожденія примѣнимъ, безъ ущерба для дѣйствительнаго обезпеченія общественной безопасности, вообще ко всѣмъ формамъ лишенія свободы, конечная цѣль которыхъ состоитъ въ исправленіи преступника. Поэтому представляется крайне затруднительнымъ найти прочныя основанія къ исключенію отъ дѣйствія этой мѣры тѣхъ наказаній, при осуществленіи которыхъ практически достижимо исправительное воздѣйствіе на заключеннаго. Слѣдовательно, рассуждая теоретически, условное освобожденіе должно имѣть примѣненіе при всякой формѣ лишенія свободы: каторгѣ, исправительномъ домѣ, тюрьмѣ, арестѣ и т. д.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, принимая за основаніе примѣненія условнаго освобожденія цѣль исправленія, слѣдуетъ признать, что на тѣ формы лишенія свободы, которыя такой цѣли не преслѣдуютъ, распространеніе этого института было бы неправильнымъ. Поэтому лишеніе свободы, имѣющее характеръ *custodiae honestae*, не вызываетъ необходимости примѣненія условнаго освобожденія.

Точно также не можетъ быть распространено условное освобожденіе на краткосрочныя формы лишенія свободы, при осуществленіи которыхъ исправительное воздѣйствіе, если не совсѣмъ устранено, то во всякомъ случаѣ не имѣетъ первенствующаго значенія, при чемъ краткіе сроки пребыванія въ заключеніи не

даютъ тюремной администраціи возможности составить болѣе или менѣе основательное убѣжденіе объ исправленіи осужденнаго.

Отсюда слѣдуетъ, что къ аресту и заключенію въ крѣпости условное досрочное освобожденіе непримѣнимо. Что касается каторги, то, хотя по сущности этого наказанія и не усматривалось бы основаній къ исключенію его изъ области примѣненія условнаго освобожденія, но у насъ въ Россіи этому препятствуетъ современное положеніе каторги. Дѣйствительно существующее въ настоящее время, но отмѣняемое новымъ уголовнымъ уложеніемъ, правило о переводѣ каторжныхъ въ, такъ называемый, внѣтюремный разрядъ, требуетъ сооруженія новыхъ мѣстъ заключенія и приспособленія годныхъ старыхъ зданій для исполненія установленнаго нынѣ ночнаго разобщенія каторжныхъ; равнымъ образомъ необходимо точное установленіе въ каторжныхъ тюрьмахъ соотвѣтствующаго единообразнаго режима, болѣе интенсивнаго развитія работъ и проч. Въ виду же предстоящаго коренного преобразованія каторги представляется крайне затруднительнымъ выработать практичныя и цѣлесообразныя правила примѣненія условнаго освобожденія къ этому виду лишенія свободы въ современномъ его состояніи, а потому временно, впредь до окончательнаго обновленія каторги, этотъ институтъ было бы осторожнѣе на нее не распространять, сохранивъ допускаемый уставомъ о ссыльных (ст. 305 и слѣд.) и уголовнымъ уложеніемъ (ст. 23) безусловный досрочный переводъ каторжныхъ на поселеніе, при одобрительномъ ихъ поведеніи.

Затѣмъ, поселеніе представляетъ совершенно особый видъ ограниченія свободы и притомъ назначаемый за особаго рода преступныя дѣянія. Примѣненіе къ этому наказанію условнаго освобожденія представляется едва ли возможнымъ, въ виду крайней затруднительности осуществленія при отбытіи этого наказанія исправительныхъ задачъ.

Наконецъ, необходимо разсмотрѣть вопросъ о желательности примѣненія условнаго досрочнаго освобожденія къ лицамъ, которыя подлежатъ помѣщенію въ создаваемомъ новымъ уголовнымъ уложеніемъ (ст. 32) пенитенціарномъ учрежденіи—работномъ домѣ. По этому поводу слѣдуетъ замѣтить, что вопросъ объ устройствѣ работныхъ домовъ подвергался обсужденію особаго совѣщанія, учрежденнаго при Министерствѣ Юстиціи, которое, при разработкѣ подлежащаго законопроекта, особенно выдвинуло исправи-

тельное значеніе работнаго дома, при чемъ, въ распространеніе ст. 32 угол. улож., предположило сдѣлать помѣщеніе въ работномъ домѣ не только возможнымъ послѣдствіемъ содержанія въ тюрьмѣ, но и наказаніемъ, могущимъ замѣнить собою тюремное заключеніе. При такихъ условіяхъ, принимая во вниманіе исправительныя задачи работнаго дома и то обстоятельство, что досрочное условное освобожденіе предположено, какъ указано выше, примѣнять къ содержащимся въ тюрьмѣ, необходимо признать, что условное досрочное освобожденіе должно примѣняться и къ помѣщеннымъ въ работномъ домѣ.

По изложеннымъ основаніямъ надлежитъ допустить примѣненіе условнаго досрочнаго освобожденія при отбываніи наказанія въ исправительномъ домѣ или арестантскомъ отдѣленіи, въ работномъ домѣ и тюрьмѣ.

Переходя затѣмъ къ срокамъ какъ опредѣленнаго судомъ, такъ и отбытаго осужденнымъ лишенія свободы, при которыхъ допустимо примѣненіе условнаго освобожденія, необходимо руководствоваться слѣдующими условіями: 1) чтобы условное освобожденіе не ослабляло въ значительной степени силы репрессіи того наказанія, которое наложено судомъ, и 2) чтобы срокъ пребыванія осужденнаго въ мѣстѣ заключенія давалъ возможность тюремной администраціи установить данныя для основательнаго сужденія о вѣроятномъ исправленіи арестанта.

Въ иностранныхъ законодательствахъ по этому предмету имѣются слѣдующія правила. Во Франціи условное освобожденіе можетъ быть даровано, по истеченіи 3 мѣсяцевъ заключенія, лицамъ, приговореннымъ къ лишенію свободы до 6 мѣсяцевъ, а въ остальныхъ случаяхъ по отбытіи половины опредѣленнаго судомъ лишенія свободы (законъ 14 авг. 1885 г., ст. 2). Въ Бельгіи—по отбытіи одной трети наказанія и притомъ, чтобы лишеніе свободы превышало 3-мѣсячный срокъ, а при пожизненномъ заключеніи не ранѣе, какъ по отбытіи 10 лѣтъ (законъ 31 мая 1888 г., ст. 1). Въ Германіи—приговореннымъ къ долгосрочному цухтгаузу или тюрьмѣ по отбытіи трехъ четвертей наказанія и во всякомъ случаѣ не менѣе одного года (улож., § 23), при чемъ подъ долгосрочнымъ цухтгаузомъ, какъ въ литературѣ, такъ и въ практикѣ, разумѣется заключеніе свыше одного года. Въ Италіи—приговореннымъ къ заключенію или заточенію на срокъ свыше

трехъ лѣтъ, по отбытіи при заключеніи—трехъ четвертей наказанія и во всякомъ случаѣ не менѣе трехъ лѣтъ, а при заточеніи—половины положеннаго наказанія, и во всѣхъ случаяхъ, если остающаяся часть наказанія не превышаетъ трехъ лѣтъ (улож., ст. 16); кромѣ того для присужденныхъ къ заключенію на срокъ не ниже трехъ лѣтъ, по отбытіи половины наказанія, но не менѣе 30 мѣсяцевъ, установленъ переводъ на остающійся срокъ въ пенитенціарныя учрежденія, земледѣльческія или промышленныя, или на отдѣльныя публичныя и частныя работы подъ наблюдениемъ административной власти (улож., § 14). Въ Венгріи установлены два способа осуществленія условнаго освобожденія: 1) приговоренные къ болѣе чѣмъ трехлѣтнему заключенію въ цухтгаузъ или въ исправительномъ домѣ, по отбытіи двухъ третей опредѣленнаго судомъ наказанія, и пожизненно заключенные черезъ 10 лѣтъ могутъ быть переводимы въ переходныя тюрьмы (Zwischenanstalt); изъ этихъ тюремъ заключенные могутъ быть условно освобождаемы по отбытіи трехъ четвертей срока наказанія, а приговоренные къ пожизненному цухтгаузу — по отбытіи не менѣе 15 лѣтъ; 2) приговоренные къ цухтгаузу менѣе, чѣмъ на трехлѣтній срокъ, или къ другимъ видамъ лишенія свободы на время свыше одного года, по отбытіи трехъ четвертей наказанія, могутъ быть условно освобождены изъ заключенія (улож., § 44—48). У насъ, въ Финляндіи, приговореннымъ къ лишенію свободы на три года и болѣе, по отбытіи трехъ четвертей срока наказанія, а при пожизненномъ смирительномъ домѣ—не менѣе 12 лѣтъ, можетъ быть предоставлена условная свобода (Высоч. пост. отъ 19 дек. 1889 г. § 13, сб. постан. В. К. Ф. 1894 г. № 17).

Такимъ образомъ, по приведеннымъ узаконеніямъ срокъ заключенія, который долженъ отбыть осужденный, чтобы получить возможность условнаго освобожденія, является наименьшимъ во Франціи и Бельгіи, а наибольшимъ—въ Италіи, и колеблется въ своемъ минимумѣ для срочныхъ наказаній, кромѣ Франціи и Бельгіи, въ предѣлахъ отъ 3 лѣтъ до 9 мѣсяцевъ. При опредѣленіи срока, отбытіе котораго открывало бы заключенному возможность воспользоваться условнымъ досрочнымъ освобожденіемъ, необходимо принять во вниманіе, что срокъ этотъ долженъ быть поставленъ въ зависимость отъ двухъ обстоятельствъ. Съ одной стороны, сокращеніе его не должно въ значительной степени

подрывать карательнаго значенія наказанія, и потому должно сообразоваться съ продолжительностью лишенія свободы, опредѣленною въ судебномъ приговорѣ. Вслѣдствіе этого должно быть установлено извѣстное пропорціональное отношеніе между срокомъ, назначеннымъ по приговору, и срокомъ заключенія, дающимъ возможность полученія условнаго досрочнаго освобожденія. Съ другой стороны, интересы общей карательной политики и задача оказанія исправительнаго воздѣйствія на осужденнаго требуютъ установленія какого либо общаго минимума обязательнаго содержанія осужденнаго подъ стражей, дальнѣйшее сокращеніе котораго не соотвѣтствовало бы ни той, ни другой цѣли.

Для этого прежде всего необходимо, чтобы упомянутый минимумъ, являясь по своей продолжительности болѣе или менѣе чувствительнымъ лишеніемъ для осужденнаго, вмѣстѣ съ тѣмъ въ достаточной степени обезпечивалъ возможность оказанія на заключеннаго надлежащаго и дѣйствительнаго воздѣйствія. Наряду съ этимъ необходимо, чтобы тотъ же минимумъ не былъ черезчуръ великъ, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, онъ чрезмѣрно стѣснялъ бы дѣятельность подлежащихъ органовъ и лишалъ бы ихъ возможности оказывать широкое воздѣйствіе какъ по отношенію къ размѣру сокращаемаго наказанія, такъ и по отношенію къ кругу лицъ, къ которымъ условное досрочное освобожденіе могло бы быть примѣнено.

Въ этомъ отношеніи, казалось бы, въ виду новизны для Россіи института условнаго досрочнаго освобожденія и несовершеннолетия нашихъ мѣстъ заключенія наиболѣе осторожнымъ опредѣлить этотъ срокъ, по примѣру нѣкоторыхъ иностранныхъ государствъ (Германіи, отчасти Италіи и Венгріи), а также Финляндіи, въ $\frac{3}{4}$ назначеннаго приговоромъ наказанія, предоставивъ возможность сокращать опредѣленный судомъ срокъ заключенія не болѣе, чѣмъ на $\frac{1}{4}$.

Что же касается размѣра общаго минимальнаго срока, ранѣе отбытія котораго заключенный во всякомъ случаѣ долженъ быть лишенъ возможности воспользоваться условнымъ досрочнымъ освобожденіемъ, то, на основаніи вышеприведенныхъ соображеній и въ виду постановленій нашего законодательства о срокахъ заключенія, въ связи съ условіями режима нашихъ карательныхъ

учрежденій, болѣе всего, казалось бы, соотвѣтствуетъ срокъ въ 6 мѣсяцевъ, признанный наиболѣе подходящимъ для этой цѣли и третьимъ съѣздомъ членовъ русской группы Международнаго союза криминалистовъ.

Сопоставляя оба приведенныя выше условія относительно абсолютнаго и относительнаго минимума обязательнаго заключенія съ установленными въ законѣ сроками заключенія въ исправительномъ домѣ, исправительномъ арестантскомъ отдѣленіи, работномъ домѣ и тюрьмѣ, слѣдуетъ прійти къ выводу, что условное досрочное освобожденіе можетъ быть примѣняемо къ приговореннымъ къ содержанію въ исправительномъ домѣ или арестантскомъ отдѣленіи на всякій срокъ, который, на основаніи ст. 18 угол. улож. и ст. 31 улож. наказ., не можетъ быть ниже: въ первомъ случаѣ $1\frac{1}{2}$ года, а во второмъ—1 года, и, слѣдовательно, даже по сокращеніи на $\frac{1}{4}$, будетъ превышать указанный выше абсолютный минимумъ въ 6 мѣсяцевъ, необходимый для полученія права на условное досрочное освобожденіе; что же касается заключенныхъ въ тюрьму или въ работный домъ, то, такъ какъ содержаніе въ этихъ карательныхъ учрежденіяхъ допускается и на болѣе краткіе сроки (ст. 20 и 32 угол. улож., ст. 38 улож. наказ.), необходимо, чтобы относительный минимумъ по меньшей мѣрѣ равнялся минимуму абсолютному, т. е. былъ, по сокращеніи на $\frac{1}{4}$ назначеннаго судомъ наказанія, не ниже 6 мѣсяцевъ, что возможно лишь въ томъ случаѣ, если приговоромъ суда срокъ содержанія въ означенныхъ мѣстахъ заключенія опредѣленъ не ниже 8 мѣсяцевъ.

Необходимо, наконецъ, имѣть въ виду, что условное освобожденіе можетъ быть примѣнено только къ тѣмъ арестантамъ, которые выразятъ согласіе на примѣненіе этой мѣры, такъ какъ при дарованіи свободы заключенному достиженіе успѣха возможно лишь тогда, когда онъ самъ увѣренъ, что не обратится вновь къ преступной жизни. Согласіе осужденнаго на условное освобожденіе подразумѣвается само собою, но нѣкоторые кодексы прямо на это указываютъ (бельгійскій, германскій, финляндскій). Во избѣжаніе недоразумѣній по этому поводу, о необходимости согласія арестанта на условное освобожденіе должно быть прямо указано въ законѣ.

Въ соотвѣтствіи съ изложенными основными началами и редактиврованы положенія настоящаго проекта.

II. Докладъ Коммисіи по судебнымъ реформамъ Государственной Думы по внесенному Министромъ Юстиціи законопроекту объ условномъ досрочномъ освобожденіи *)
(№ $\frac{132}{I/III}$).

Наше дѣйствующее законодательство допускаетъ досрочное, т. е. до истеченія срока наказанія, назначеннаго судебнымъ приговоромъ, — освобожденіе преступниковъ, присужденныхъ къ каторжнымъ работамъ (ст. 305 уст. о ссыльн. Свод. Зак. т. XIV, изд. 1890 г.) или къ заключенію въ исправительномъ отдѣленіи (ст. 317 уст. о сод. подъ стражей Свод. Зак. т. XIV, изд. 1890 г.) какъ награду за хорошее поведеніе, прилежаніе въ работѣ и покорность начальству. Такое освобожденіе производится по распоряженію начальниковъ мѣстъ заключенія и можетъ быть названо *безусловнымъ*, ибо послѣдующее поведеніе освобожденнаго на свободѣ не можетъ повлечь за собою возвращенія обвиняемаго въ мѣсто заключенія для отбытія той части наказанія, отъ которой онъ былъ освобожденъ.

Въ настоящемъ законопроектѣ Министерствомъ Юстиціи предлагается введеніе новой мѣры—*условнаго* досрочнаго освобожденія, причемъ условность этого освобожденія состоитъ въ томъ, что (ст. 18 проекта) если досрочно-освобожденный въ теченіе извѣстнаго, закономъ указаннаго, срока по освобожденіи совершитъ новое преступное дѣяніе, то онъ не только отбываетъ назначенное судомъ за это новое преступное дѣяніе наказаніе, но и ту часть прежняго наказанія, отъ которой онъ былъ освобожденъ въ надеждѣ на его хорошее поведеніе, причемъ никакого поглощенія наказанія не допускается. Отсюда ясно, что предлагаемая мѣра исходитъ не столько изъ соображеній гуманности, или тѣмъ менѣе желанія ослабить репрессію, сколько изъ вполне правильной мысли: удержать преступника отъ совершенія на свободѣ новыхъ преступленій дополнительной угрозой отбытія неотбытаго еще наказанія. Въ такомъ смыслѣ эта мѣра является несомнѣнно шагомъ впередъ по сравненію съ нынѣ примѣняемымъ у насъ безусловнымъ досрочнымъ освобожденіемъ и имѣетъ въ виду болѣе цѣлесообразную постановку борьбы съ тѣмъ грознымъ явленіемъ рецидива (повтореніе преступленія и обращеніе его въ обычное

*) Докладчикъ Графъ Э. П. Беннигсенъ.

ремесло), явленіемъ, съ которымъ приходится къ сожалѣнію считаться правительствамъ всѣхъ культурныхъ странъ. Насколько эта мѣра въ дѣйствительности достигаетъ указанной цѣли, показываютъ статистическія данныя. Такъ, въ то время, какъ по даннымъ образцовой тюремной статистики англійской, даже изъ числа впервые отбывшихъ въ тюрьмѣ наказаніе, 30% возвращаются назадъ, а для осужденныхъ два или болѣе раза этотъ процентъ повышается очень быстро, процентъ возвращаемыхъ за дурное поведеніе условно-досрочно освобожденныхъ не достигаетъ 8% (Англія), а въ нѣкоторыхъ странахъ падаетъ даже ниже 4% (Пруссія—3,3, Бельгія—2,01% и т. д.). Въ такомъ важномъ вопросѣ, какъ вопросъ объ уменьшеніи численности преступныхъ элементовъ въ странѣ, конечно сокращеніе на 25% имѣетъ громадное значеніе. Надо къ этому еще прибавить, что примѣненіе этой мѣры въ другихъ странахъ имѣетъ уже за себя много десятковъ лѣтъ (въ Англіи съ сороковыхъ годовъ прошлаго столѣтія, въ Германіи съ шестидесятыхъ годовъ и т. д.). Такимъ образомъ предполагаемая нынѣ Министерствомъ Юстиціи мѣра является вполне испытанной на практикѣ и конечно введеніе ея у насъ является и своевременнымъ и желательнымъ. Она будетъ оказывать двойное вліяніе на преступника: съ одной стороны она, какъ награда, будетъ побуждать его вести себя хорошо въ стѣнахъ тюрьмы, а съ другой стороны, какъ угроза, она будетъ удерживать его по освобожденіи, по крайней мѣрѣ на время испытательнаго періода, отъ совершенія новаго преступленія.

Едва ли имѣются основанія опасаться какихъ либо затрудненій въ примѣненіи этой мѣры у насъ, но, конечно, она должна быть поставлена надлежаще и слѣдуетъ позаботиться объ обезпеченіи тѣхъ условій, при которыхъ вполне можно разсчитывать на успѣхъ.

По этому поводу слѣдуетъ, прежде всего, остановиться на учрежденіи, коему будетъ ввѣрено примѣненіе условно-досрочнаго освобожденія. И въ этомъ отношеніи также нельзя не отмѣтить улучшенія, вносимаго законопроектомъ въ это дѣло. Въ то время какъ примѣненіе по дѣйствующему закону безусловнаго досрочнаго освобожденія ввѣряется тюремной администраціи, по проекту (ст. 5) примѣненіе условнаго досрочнаго освобожденія предоставляется особой комиссіи, состоящей изъ уѣзднаго члена окружнаго суда, начальника мѣста заключенія, духовника, врача и двухъ чле-

новъ общества патроната или директоровъ мѣстнаго отдѣленія попечительнаго о тюрьмахъ общества. Постановленіе этой комиссіи получаетъ осуществленіе, однако, только по утвержденіи такового мѣстнымъ окружнымъ судомъ въ распорядительномъ засѣданіи. Такимъ образомъ создаются прочныя гарантіи того, что предлагаемая мѣра будетъ примѣняться только въ заслуживающихъ уваженія случаяхъ.

Что же касается до мѣръ, которыя предположены въ законопроектѣ, въ обезпеченіе успѣшности того испытанія, которому подвергается досрочно-освобожденный предоставленіемъ ему жить на свободѣ подѣ угрозой возвращенія въ мѣсто заключенія, то въ этомъ отношеніи проектъ (ст. 14—17) имѣетъ въ виду поставленіе условно-освобожденныхъ подѣ покровительство и надзоръ мѣстнаго общества патроната или отдѣленія попечительнаго о тюрьмахъ общества, а буде таковыхъ не окажется, или они не имѣютъ возможности оказывать такое попеченіе,—подѣ наблюденіе благонадежнаго лица, по выбору мирового или городского судьи или земскаго начальника; вмѣстѣ съ тѣмъ проектомъ устанавливается правило объ избраніи условно-освобожденнымъ на время испытанія опредѣленнаго мѣста жительства и опредѣляются условія отлучекъ съ этого мѣста жительства. Конечно, проектированныя мѣры имѣютъ значеніе, но самая дѣйствительная изъ нихъ—попеченіе общества патроната—будетъ имѣть реальное значеніе только тогда, когда и у насъ разовьются эти общества, которыя прочно поставлены во всѣхъ культурныхъ странахъ, гдѣ дѣйствуетъ институтъ условнаго досрочнаго освобожденія. Хотя введеніе условнаго досрочнаго освобожденія не можетъ быть поставлено въ прямую зависимость отъ возникновенія обществъ патроната у насъ, но для обезпеченія успѣшнаго функціонированія условнаго досрочнаго освобожденія необходимо принятіе немедленныхъ и рѣшительныхъ мѣръ для обезпеченія условій, необходимыхъ для ихъ возникновенія. Задачи этихъ обществъ далеко выходятъ за предѣлы простой благотворительности, ибо, будучи частными обществами, они выполняютъ, тѣмъ не менѣе, и государственныя функціи, оказывая власти могущественную поддержку въ борьбѣ съ преступностью. Опытъ всѣхъ странъ показалъ, что совершеніе преступленія и въ такой же степени самое отбываніе наказанія въ тюрьмѣ, вмѣстѣ съ клеймомъ тюремнаго сидѣльца, лишаютъ бывшаго уголовнаго преступника всякаго довѣрія чест-

ныхъ людей, хозяевъ и работодателей, которые отказываютъ въ работѣ такимъ выходцамъ изъ тюрьмы. Лишенные возможности получить честный заработокъ, бывшіе преступники часто даже поневолѣ впадаютъ въ новое преступленіе и, такимъ образомъ, создается то зло рецидива, которое разростается въ наше время въ такихъ широкихъ размѣрахъ и дѣлаетъ безсильной всякую репрессію. Между тѣмъ борьбѣ именно съ этимъ явленіемъ предназначены служить какъ условное досрочное освобожденіе, такъ и патронатъ. Послѣдній проявляетъ свое участіе въ этой борьбѣ въ томъ, что устраняетъ причины, вызывающія оставленіе бывшего преступника безъ работы. Изучая преступника въ тюрьмѣ, онъ можетъ выбирать среди тюремныхъ сидѣльцевъ лицъ, которыя по освобожденіи дѣйствительно желали бы заняться честнымъ трудомъ. На основаніи этого ознакомленія общества патроната имѣютъ дѣйствительно возможность рекомендовать и поручиться хозяевамъ и работодателямъ за избранныхъ ими лицъ и тѣмъ устранить недовѣріе хозяевъ; такой отвѣтственности на себя никто другой, кромѣ общества патроната, взять не можетъ. Съ другой стороны, имѣя въ своемъ составѣ лицъ самыхъ разнообразныхъ профессій и соціальныхъ положеній, они имѣютъ возможность въ самыхъ разнообразныхъ отрасляхъ труда пріискать занятія выходящимъ изъ тюрьмы, а затѣмъ, помѣстивъ ихъ на мѣста, наблюдать и руководить ими. Какъ велики практическіе результаты ихъ дѣятельности показываетъ примѣръ Англіи, гдѣ особенно прочно поставлено дѣло патроната и гдѣ рецидивъ и ростъ преступности меньше, чѣмъ въ другихъ странахъ. Понятно поэтому, что всѣ культурныя государства признали государственное значеніе патроната и выработали особое отношеніе къ нему. Оставляя образованіе ихъ частной инициативѣ, они въ то же время подвергаютъ ихъ надзору тюремной инспекціи и оказываютъ имъ денежное пособіе, во Франціи въ размѣрѣ 140.000 фр. въ годъ, въ Англіи въ размѣрѣ 4.600 фунтовъ стерлинговъ, въ Германіи въ размѣрѣ 66.364 марокъ (при общемъ бюджетѣ въ 75.463 м.). Вмѣстѣ съ тѣмъ правительствомъ облегчена частная инициатива въ этомъ направленіи. Примѣру указанныхъ государствъ слѣдуетъ послѣдовать и намъ, ибо въ то время, какъ на примѣръ, въ маленькомъ Баденѣ 60 обществъ патроната, въ Баваріи 144, а всего въ Германіи 854, въ Англіи при каждой тюрьмѣ по нѣсколько обществъ патроната, во Франціи 103, въ Россіи, при наличности 791 мѣстъ

заключенія (Отч. по Главн. Тюр. Управ. за 1905 г. ст. 13), имѣется всего 23 общества патроната.

Для того, чтобы вызвать къ жизни и у насъ общества патроната, комиссія признаетъ прежде всего необходимымъ утвержденіе въ ближайшемъ будущемъ, одновременно съ утвержденіемъ законопроекта объ условномъ досрочномъ освобожденіи, особаго нормальнаго устава обществъ патроната. Утвержденіе такого устава облегчитъ частную инициативу; дѣло вѣдь скромное и трудно надѣяться, чтобы люди, полагающіе имъ заняться, имѣли бы возможность вырабатывать и проводить уставъ; въ этомъ отношеніи тотъ явочный порядокъ, который установленъ новѣйшимъ законодательствомъ, нисколько не устраняетъ необходимости въ изданіи нормальнаго устава. Дѣйствительно, хотя частная инициатива, какъ уже указано было выше, и необходима для образованія этихъ обществъ—въ этомъ сходятся и опытъ Бельгійскихъ полуофициальныхъ обществъ патроната, закрывшихся и замѣненныхъ частными обществами, и печальный примѣръ нашего попечительнаго о тюрьмахъ общества, существующаго только на бумагѣ—тѣмъ не менѣе относиться къ нимъ, какъ къ чисто частнымъ обществамъ, правительство не можетъ. Для успѣшнаго осуществленія преслѣдуемыхъ ими задачъ представителямъ ихъ необходимо обезпечить свободный доступъ въ тюрьмы, при которыхъ они состоятъ, а, конечно, такой доступъ долженъ быть обставленъ извѣстными условіями; далѣе, должны столь же точно быть опредѣлены и условія оказанія денежной помощи со стороны правительства и отчетности со стороны обществъ, а также порядокъ надзора за ними.

Слѣдующей мѣрой содѣйствія является назначеніе извѣстной ежегодной субсидіи изъ средствъ казны. Прецедентовъ для этого и въ нашемъ законодательствѣ имѣется много. Такъ у насъ имѣются возникшія по частной инициативѣ исправительно-воспитательныя заведенія для малолѣтнихъ преступниковъ, въ числѣ 53. Положеніе ихъ нормировано уже дѣйствующимъ закономъ (уст. суд. страж. ст. 153—167), а нынѣ издается особое нормальное положеніе о нихъ; въ силу ст. 155 уст. суд. страж. для подкрѣпленія ихъ средствъ отчисляется 10% штрафнаго капитала, а нынѣ такое отчисленіе предполагается удвоить. Далѣе, въ силу ст. 209 того же устава и примѣчанія къ ней, кормовыя деньги для арестантовъ отпускаются и пріютамъ, принимающимъ на попеченіе дѣтей

арестантовъ на время содержанія родителей въ тюрьмѣ, Наконецъ, съ образованіемъ съ 1893 г. въ Петербургѣ и Москвѣ благотворительно-тюремныхъ комитетовъ, имѣющихъ совершенно частный характеръ обществъ патроната и замѣнившихъ собою въ этихъ городахъ признанные вполнѣ неотвѣчающими своей цѣли губернскіе комитеты попечительнаго о тюрьмахъ общества, Министру Внутреннихъ Дѣлъ было предоставлено (уст. о сод. подѣ страж. ст. 62 прим. по прод. 1895 г.) назначать ежегодныя субсидіи этимъ обществамъ въ мѣрѣ дѣйствительной надобности.

Наконецъ, комиссіей было обращено вниманіе и на содѣйствіе, которое всюду въ другихъ государствахъ Министры Юстиціи и Внутреннихъ Дѣлъ оказываютъ чрезъ своихъ подчиненныхъ на мѣстахъ къ возбужденію частной инициативы въ этомъ направленіи.

Остановившись на этихъ соображеніяхъ, комиссія признала необходимымъ включить таковыя въ докладъ объ условномъ досрочномъ освобожденіи и во первыхъ обратить вниманіе Государственной Думы на желательность ко времени утвержденія законопроекта объ условномъ досрочномъ освобожденіи разработки и утвержденія Министромъ Юстиціи по соглашенію съ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ (Выс. пов. 28 февраля 1901 г.) проекта нормальнаго устава обществъ патроната и во вторыхъ поручить Министру Юстиціи внести на разсмотрѣніе Государственной Думы законопроектъ о размѣрѣ и условіяхъ пособія обществамъ патроната изъ средствъ государственнаго казначейства.

Перейдя затѣмъ, послѣ этихъ общихъ сужденій, къ постановленію обсужденію законопроекта, комиссія остановилась прежде всего на отд. II законопроекта и спеціально на вопросѣ о возможности примѣненія условнаго досрочнаго освобожденія и къ присужденнымъ къ каторжнымъ работамъ. По этому поводу докладчикъ обратилъ вниманіе комиссіи на то, что дѣйствующими узаконеніями (ст. 229 сводѣ учр. и уст. о ссыльныхъ, Свод. Зак. т. XIV изд. 1890 г. и ст. 23 Угол. Ул. 22 марта 1903 г.) для лицъ, присужденныхъ къ каторжнымъ работамъ, установлено уже и нынѣ не условное, а безусловное досрочное освобожденіе, причемъ допущено сокращеніе назначенныхъ по суду сроковъ отбытія наказанія въ значительно болѣе широкихъ размѣрахъ, чѣмъ предположенное въ настоящемъ законопроектѣ; такъ напримѣръ каторжные III разряда, присужденные къ каторжнымъ работамъ отъ 6—

8 лѣтъ, по отбытіи всего $1\frac{1}{2}$ года, при одобрительномъ поведеніи, переводятся въ разрядъ исправляющихся, а еще черезъ годъ получаютъ возможность жить внѣ острога, въ построенныхъ ими домахъ, обзаводиться семьей и т. д. При такихъ условіяхъ сокращеніе срока каторжныхъ работъ лишь по отбытіи $\frac{3}{4}$ наказанія и переводъ въ ссылку, являющуюся пока обязательнымъ послѣдствіемъ присужденія къ каторжнымъ работамъ, едва ли явились бы облегченіемъ участи присужденныхъ. Съ своей стороны помощникъ Начальника Главнаго Тюремнаго Управленія, к. с. Борови-тиновъ, удостовѣрилъ, что ст. 299 уст. о ссыльныхъ соблюдается и въ настоящее время; что хотя всѣ 5 пересыльныхъ тюремъ, расположенныхъ въ Россіи, и содержатъ многихъ каторжныхъ, въ виду временнаго переполненія сибирскихъ каторжныхъ тюремъ, за закрытіемъ Сахалина какъ мѣста ссылки, тѣмъ не менѣе всѣ содержащіеся въ пересыльныхъ тюрьмахъ каторжные ко времени ихъ перечисленія въ разрядъ исправляющихся переводятся въ сибирскія тюрьмы и тамъ уже поступаютъ въ этотъ разрядъ и затѣмъ на свободу.

Выслушавъ эти соображенія, Коммисія признала распространеніе примѣненія условнаго досрочнаго освобожденія и на присужденныхъ къ каторгѣ, въ настоящее время, впредь до реорганизаціи таковой, несвоевременнымъ.

III. Докладъ Коммисіи Законодательныхъ Предположеній Государственнаго Совѣта.

(Засѣдан. 21 ноября, 12, 19 и 27 декабря 1908 г.) ¹⁾.

Государственный Совѣтъ, въ засѣданіи 23 октября 1908 г., постановилъ: поступившій изъ Государственной Думы законопроектъ «объ условномъ досрочномъ освобожденіи» передать, для предварительнаго обсужденія, въ Коммисію законодательныхъ предположеній.

Приступивъ къ выполненію возложеннаго на нее порученія, Коммисія приняла во вниманіе, что одобреннымъ Государственною Думою законопроектомъ «объ условномъ досрочномъ освобожденіи» предположено введеніе у насъ института, принятаго большинствомъ государствъ Западной Европы и, какъ свидѣтельствуется ихъ опытъ, дающаго благотворные результаты. Сущность

¹⁾ Докладчикъ В. Ф. Дейтрихъ.

этого института заключается въ освобожденіи, до истеченія назначеннаго судомъ срока лишенія свободы, тѣхъ заключенныхъ, которые во время отбыванія заключенія отличались хорошимъ поведеніемъ и подавали надежду на исправленіе, но подѣ условіемъ соблюденія ими на свободѣ, до истеченія извѣстнаго срока обязательнаго надъ ними попеченія, правилъ добропорядочнаго поведенія и подѣ угрозой, въ противномъ случаѣ, возвращенія въ мѣсто заключенія. Институтъ условнаго досрочнаго освобожденія признается необходимымъ звеномъ пенитенціарной системы, принятой и нашимъ законодательствомъ. Опытъ примѣненія этой системы показываетъ, что исправленіе заключеннаго лучше всего достигается въ тѣхъ случаяхъ, когда удастся пробудить въ немъ самомъ стремленіе къ самоисправленію. Однимъ изъ способствующихъ къ тому средствъ, какъ свидѣтельствуется опытомъ, и является условное досрочное освобожденіе. Раскрывая отбывающему наказаніе за преступленія, къ какому выгоднымъ для заключеннаго послѣдствіямъ можетъ привести соблюденіе имъ правилъ добропорядочнаго поведенія, трудолюбіе и успѣхъ въ работахъ, досрочное освобожденіе оказывается могучимъ стимуломъ къ его самодѣятельности, способствующимъ духовному перерожденію преступника. Послѣ же выхода заключеннаго на свободу, связанная съ досрочнымъ освобожденіемъ подѣ условіемъ добропорядочнаго поведенія угроза обратнаго возвращенія въ мѣсто заключенія побуждаетъ его разумно пользоваться предоставленною ему свободою и воздерживаться отъ преступной дѣятельности. Наконецъ, возможность возбужденія вопроса о досрочномъ освобожденіи заключенныхъ служитъ для тюремной администраціи надежнымъ средствомъ исправительнаго на нихъ воздѣйствія и способствуетъ поддержанію тюремной дисциплины.

Вопросъ о возможности введенія у насъ условнаго досрочнаго освобожденія возникалъ уже при обсужденіи Государственнымъ Совѣтомъ проекта уголовного уложенія, удостоившагося Высочайшаго утвержденія 22 марта 1903 г. Въ виду, однако, многочисленныхъ указаній на неудовлетворительное состояніе нашихъ тюремъ, недостатковъ личнаго состава тюремной администраціи и отсутствія правильно организованнаго полицейскаго надзора, было признано болѣе осторожнымъ, не вводя этого института, предоставить Мини-

стру Юстиціи войти въ обсужденіе вопроса о своевременности примѣненія у насъ условнаго досрочнаго освобожденія лицъ, приговоренныхъ къ лишенію свободы, и свои по сему предмету предположенія внести на законодательное разсмотрѣніе (журн. Особ. Сов. Гос. Сов., стр. 34 и 35; журн. Особ. Прис. Гос. Сов., стр. 342, отд. VI, п. 2).

Останапливаясь, прежде всего, на тѣхъ препятствіяхъ, которыя имѣлись въ виду при возбужденіи вопроса о возможности введенія условнаго досрочнаго освобожденія въ новое уголовное уложеніе, Коммисія, съ своей стороны, находитъ, что ставить въ прямую зависимость введеніе сего института отъ повсемѣстнаго улучшенія у насъ тюремнаго дѣла—значило бы отказаться на очень долгое время отъ примѣненія мѣры, признаваемой полезною. Къ тому же и опытъ иностранныхъ законодательствъ, примѣняющихъ условное досрочное освобожденіе, подтверждаетъ возможность введенія его до завершенія тюремнаго преобразованія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по удостовѣренію Министра Юстиціи, преобразование тюремнаго заключенія на тѣхъ началахъ, которыя приняты уголовнымъ уложеніемъ 1903 г., значительно подвинулось впередъ. Не должны служить также препятствіемъ для принятія сего законопроекта и указанія на неудовлетворительность личнаго состава тюремной администраціи, ибо этотъ недостатокъ можетъ быть исправленъ заботами Главнаго Тюремнаго Управленія и до извѣстной степени будетъ ослабляться тѣмъ, что примѣненіе досрочнаго освобожденія, по проекту, ввѣряется коллегіальнымъ учрежденіямъ, при участіи общественныхъ силъ и лицъ судебнаго вѣдомства.

Такимъ образомъ, по мнѣнію Коммисіи, вышеуказанныя препятствія имѣютъ второстепенное значеніе, по сравненію съ тѣми условіями, которыя въ другихъ государствахъ обеспечиваютъ успѣхъ примѣненія условнаго досрочнаго освобожденія. Условія эти сводятся, главнымъ образомъ, къ двумъ положеніямъ: 1) къ организаціи разумнаго и осторожнаго примѣненія этого института и 2) къ особому попеченію о досрочно-освобожденномъ изъ мѣста заключенія въ теченіе извѣстнаго періода времени. Хотя объемъ примѣненія этой мѣры и самая организація порядка досрочнаго освобожденія въ иностранныхъ законодательствахъ далеко не одинаковы, но вездѣ замѣчается общее стремленіе къ осторожному пользованію этою мѣрою. Наряду съ правилами, въ этомъ

направленіи выработанными законами и практикою, во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ признается необходимымъ широкое поощреніе особыхъ организацій помощи и попеченія о досрочно-освобожденныхъ. Опытъ тюремнаго дѣла показываетъ, что лишеніе свободы, какъ бы разумно и цѣлесообразно оно поставлено ни было, не въ состояніи въ большинствѣ случаевъ отвратить заключеннаго отъ возвращенія на преступный путь, по выходѣ изъ тюрьмы. Объясняется это, главнымъ образомъ, тѣмъ, что освобожденный изъ заключенія ставится въ высшей степени неблагопріятныя житейскія условія, обыкновенно худшія по сравненію съ тѣми, которыя привели его къ преступленію. То недовѣрчивое и даже враждебное отношеніе, которое встрѣчаютъ со стороны значительной части общества бывшіе тюремные сидѣльцы, нерѣдко закрываетъ для нихъ возможность выбиться на дорогу честнаго труда. Сознаніе необходимости устраненія такихъ неблагопріятныхъ условій и привело къ мысли объ оказаніи особой помощи освобожденнымъ изъ мѣстъ заключенія при посредствѣ учрежденій обществъ—«тюремнаго патроната». Еще въ 1846 г. международный тюремный конгрессъ во Франкфуртѣ на Майнѣ призналъ, что «организація попеченія надъ освобождаемыми изъ тюремъ составляетъ необходимое дополненіе всякой тюремной реформы». Тюремный патронатъ, сильно поощряемый правительствами, въ большинствѣ европейскихъ государствъ получилъ самое широкое развитіе. Для того, чтобы яснѣе представить себѣ ростъ этихъ обществъ, достаточно сказать, что нынѣ во многихъ европейскихъ государствахъ имѣются общества патроната при каждой тюрьмѣ, въ Англіи же, по отчету за 1898 г., на 56 мѣстныхъ и 5 каторжныхъ тюремъ существовало около 112 обществъ патроната для выпущенныхъ изъ этихъ мѣстъ заключенія и 10—посвящающихъ свою дѣятельность спеціально каторжнымъ. Изъ того же отчета видно, что названными обществами въ теченіе 1898 г. была оказана помощь 32.038 лицамъ.

Изъ исторіи введенія института условнаго досрочнаго освобожденія въ другихъ государствахъ однако не видно, чтобы его введеніе обусловливалось степенью развитія обществъ тюремнаго патроната. Хотя, быть можетъ, объясняется это тѣмъ, что тюремный патронатъ, возникшій на почвѣ общей филантропіи, получилъ свое развитіе еще до возникновенія института условнаго досрочнаго освобожденія, но во всякомъ

случаѣ несомнѣнно одно, что его введеніе способствовало большому развитію патроната.

Останапливаясь на вопросѣ о возможности и своевременности введенія у насъ условнаго досрочнаго освобожденія, признаваемаго, при вышеуказанныхъ условіяхъ его примѣненія, мѣрою цѣлесообразною и полезною, Коммисія не можетъ не замѣтить, что основные принципы уголовного права имѣютъ международный характеръ; они вызываются общими всѣмъ культурнымъ государствамъ условіями общественной жизни; но совсѣмъ другое, когда идетъ рѣчь о практическомъ ихъ примѣненіи. Поэтому Коммисія, обсуждая цѣлесообразность предлагаемой мѣры, совершенно ясно сознаетъ необходимость считаться съ существующими въ Имперіи бытовыми условіями и особенностями общественнаго строя. Такъ, нельзя, напримѣръ, не отмѣтить, что дѣло прирѣнія бѣдныхъ у насъ вообще страдаетъ отсутствіемъ правильной общей организаціи. вмѣстѣ съ тѣмъ и въ самомъ обществѣ не пробудилось еще яснаго сознанія необходимости неустанной борьбы съ преступленіями, какъ съ соціальнымъ зломъ, предупредительною дѣятельностью, могущею затруднять переходъ слабыхъ въ нравственномъ, умственномъ и матеріальномъ отношеніяхъ лицъ въ ряды преступнаго класса. Слабое развитіе у насъ частной инициативы не могло не отразиться и на ростѣ тюремнаго патроната. Несмотря на нѣкоторый интересъ, замѣчавшійся въ нашемъ обществѣ къ пенитенціарнымъ вопросамъ еще въ двадцатыхъ годахъ минувшаго столѣтія, патронаты долгое время не возникали. Основанное еще въ 1819 г., на широкихъ общественныхъ началахъ, попечительное о тюрьмахъ общество не успѣло расширить свою дѣятельность за предѣлы тюрьмы и новымъ уставомъ 7 ноября 1851 г. было превращено въ административное учрежденіе, имѣющее своимъ ближайшимъ предметомъ завѣдываніе хозяйственною частью тюремъ. Тѣмъ не менѣе, начало тюремнаго патроната было положено у насъ именно названнымъ учрежденіемъ. Впервые въ 1827 г. С.-Петербургскимъ тюремнымъ комитетомъ было учреждено, при городской тюрьмѣ, небольшое отдѣленіе, которое должно было служить временнымъ пристанищемъ для освобожденныхъ арестантовъ, впредь до приисканія послѣдними занятій. Примѣръ этотъ нашелъ себѣ подражаніе и въ другихъ мѣстностяхъ, причемъ обще-

ства патроната стали возникать и самостоятельно. По свѣдѣніямъ, включеннымъ въ отчетъ Главнаго Тюремнаго Управленія за 1906 г. (стр. 274—282), оказывается, что въ отчетномъ году состояло 23 общества, преслѣдующихъ цѣли тюремнаго патроната въ широкомъ смыслѣ (изъ нихъ 5—въ С.-Петербургѣ, 2—въ Москвѣ, по одному—въ Варшавѣ, Владимірѣ, Гомелѣ, Кишиневѣ, Кіевѣ, Кронштадтѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Одессѣ, Перми, Ростовѣ на Дону, Рыбинскѣ, Таганрогѣ, Харьковѣ, Царскомъ Селѣ и Ярославлѣ). При этомъ нѣкоторыя изъ нихъ ограничиваютъ свою дѣятельность помощью только несовершеннолѣтнимъ преступникамъ или призрѣніемъ дѣтей заключенныхъ. Такимъ образомъ, въ то время, какъ въ Англіи число обществъ патроната значительно превышаетъ количество мѣстъ заключенія, у насъ на 36 исправительныхъ отдѣленій и 715 губернскихъ и уѣздныхъ тюремъ имѣется всего лишь 23 общества съ задачами патроната. Засимъ, изъ числа существующихъ въ Имперіи 81 тюремнаго комитета и 522 тюремныхъ отдѣленій только немногія оказываютъ пособія арестантамъ и ихъ семействамъ въ самомъ ограниченномъ размѣрѣ. Такъ, за 1906 г. такихъ пособій было выдано всего на сумму 2.633 р.

При такихъ условіяхъ, нельзя скрывать отъ себя, что недостаточное развитіе у насъ тюремнаго патроната можетъ породить сомнѣнія въ возможности достиженія тѣхъ благихъ цѣлей, которыя преслѣдуются условнымъ досрочнымъ освобожденіемъ. Нельзя также упускать изъ виду, что правильная организація частныхъ патронатовъ можетъ получиться лишь съ общимъ поднятіемъ культуры и улучшеніемъ мѣстныхъ условій. Разбросанность и удаленность населенныхъ мѣстъ отъ городскихъ центровъ, недостатокъ средствъ и тому подобныя причины могутъ еще на долгое время задерживать развитіе частныхъ патронатовъ. Поэтому, Коммисія остановилась прежде всего на возникшей въ ея средѣ мысли о постепенномъ введеніи института условнаго досрочнаго освобожденія лишь въ мѣстностяхъ, въ которыхъ уже существуютъ или будутъ открываться тюремные патронаты. Въ семъ отношеніи Коммисія нашла, что ставить въ зависимость примѣненіе этой полезной мѣры отъ чисто случайныхъ обстоятельствъ было бы нецѣлесообразно и практически неудобно. Несомнѣнно, что всѣ подлежащіе досрочному освобожденію, при свободномъ избраніи мѣста жительства, стремились бы въ тѣ города,

гдѣ дѣйствуютъ патронаты. Последніе же, конечно, не располагали бы ни возможностью, ни достаточными матеріальными средствами для принятія всѣхъ освобожденныхъ на свое попеченіе. Независимо отъ сего, въ случаяхъ прекращенія дѣятельности тюремныхъ патронатовъ, по какимъ либо причинамъ, всѣ досрочно-освобожденные на ихъ попеченіе оставались бы внѣ всякаго наблюденія. По всѣмъ приведеннымъ соображеніямъ, Коммисія, всесторонне обсудивъ подлежащій законопроектъ, находитъ, что къ безотлагательному и повсемѣстному введенію у насъ института условнаго досрочнаго освобожденія, при попыткѣ такой его организаціи, которая бы обезпечивала разумное и осторожное примѣненіе этой полезной мѣры, не должно быть препятствій.

Б. ОДОБРЕННЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫМЪ СОВѢТОМЪ И ГОСУДАРСТВЕННОЮ ДУМОЮ ЗАКОНЪ ОБЪ УСЛОВНОМЪ ДОСРОЧНОМЪ ОСВОБОЖДЕНІИ СЪ ПОСТАТЕЙНЫМИ КЪ НЕМУ ОБЪЯСНЕНІЯМИ.

І. Въ измѣненіе, дополненіе и отмѣну подлежащихъ узаконеній постановить нижеслѣдующія правила объ условномъ досрочномъ освобожденіи *).

1. Приговоренные къ заключенію въ тюрьмѣ, въ исправительномъ арестантскомъ отдѣленіи или въ исправительномъ домѣ

*) а) Что касается кодификаціи настоящаго проекта, то Министръ Юстиціи, принимая во вниманіе, что проектъ этотъ, заключая въ себѣ нормы матеріальнаго и процессуальнаго права, содержитъ постановленія, относящіяся къ пяти законодательнымъ кодексамъ (уложеніе о наказаніяхъ, уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, уголовное уложеніе 22 марта 1903 года, уставъ уголовного судопроизводства и уставъ о содержащихся подѣ стражей) и что расчлененіе его предположеній, въ кодификаціонныхъ цѣляхъ, соотвѣтственно содержанію каждаго изъ перечисленныхъ кодексовъ, могло бы неблагоприятно отразиться на его цѣльности и ясности, столь необходимыхъ при разсмотрѣніи законопроекта о новомъ для Россіи институтѣ условнаго досрочнаго освобожденія, — полагалъ соотвѣтственнымъ кодификацію правилъ объ условномъ досрочномъ освобожденіи, по окончательномъ разсмотрѣніи ихъ законодательными учрежденіями, предоставить Государственной Канцеляріи. (Объясн. зап. Мин. Юст., стр. 15).

б) На основаніи соображеній, приведенныхъ въ объясненіяхъ къ проекту, предполагалось ввести нижеслѣдующія правила въ измѣненіе и дополненіе дѣйствующихъ узаконеній.

І. Статью 317 и примѣчанія 1 и 2 къ сей статьѣ устава о содержащихся подѣ стражей (сводъ законовъ томъ XIV изданія 1890 года и по продолженію 1902 года) и

могутъ быть условно освобождены изъ заключенія по отбытіи не менѣе трехъ четвертей опредѣленнаго имъ судебнымъ приговоромъ срока наказанія, если они пробыли въ мѣстѣ заключенія, во исполненіе приговора, не менѣе шести мѣсяцевъ, безъ зачета въ этотъ послѣдній срокъ времени, проведеннаго до того подъ стражею.

При постатейномъ разсмотрѣніи одобреннаго Государственною Думою проекта Коммисія Государственнаго Совѣта остановилась на слѣдующемъ замѣчаніи:

1) По статьѣ 1 проекта, приговоренные къ заключенію въ тюрьмѣ или работномъ домѣ на срокъ не менѣе восьми мѣсяцевъ, а также къ заключенію въ исправительномъ арестантскомъ отдѣленіи или исправительномъ домѣ, могутъ быть, съ ихъ согласія, условно освобождены изъ заключенія по отбытіи не менѣе трехъ четвертей опредѣленнаго имъ судебнымъ приговоромъ срока наказанія.

По мнѣнію Коммисіи, изъ предположеннаго постановленія статьи 1 слѣдуетъ, прежде всего, исключить указаніе на то, что досрочному освобожденію могутъ подлежать заключенные въ работномъ домѣ, ибо нынѣ такого мѣста заключенія еще не существуетъ и настоящій законопроектъ не долженъ, конечно, предрѣшать вопроса объ учрежденіи работныхъ домовъ, составляющаго предметъ особаго законопроекта, еще не разсмотрѣннаго законодательными учрежденіями. Такъ какъ, на основаніи обсуждаемаго проекта, условное досрочное освобожденіе не распространяется на всѣ виды лишенія свободы, то очевидно, что, для разрѣшенія вопроса о примѣнимости этой мѣры къ заключеннымъ въ работ-

часть 3 статьи 23 уголовного уложенія Высочайше утвержденнаго 22 марта 1903 года,—отмѣнить.

II. Въ измѣненіе и дополненіе подлежащихъ узаконеній постановить:

Приговоренные къ заключенію въ тюрьмѣ или въ работномъ домѣ на срокъ не менѣе восьми мѣсяцевъ, а также къ заключенію въ исправительныхъ арестантскомъ отдѣленіи или домѣ, могутъ быть, съ ихъ согласія, условно освобождены изъ заключенія по отбытіи не менѣе трехъ четвертей опредѣленнаго имъ судебнымъ приговоромъ срока наказанія съ соблюденіемъ нижеслѣдующихъ правилъ (Проект. Мин. Юст.).

в) Первоначальная редакція одобреннаго Государственною Думою проекта:

I. Въ измѣненіе и дополненіе подлежащихъ узаконеній постановить нижеслѣдующія правила объ условномъ досрочномъ освобожденіи:

1. Приговоренные къ заключенію въ тюрьмѣ или работномъ домѣ на срокъ не менѣе восьми мѣсяцевъ, а также къ заключенію въ исправительномъ арестантскомъ отдѣленіи или исправительномъ домѣ, могутъ быть, съ ихъ согласія, условно освобождены изъ заключенія по отбытіи не менѣе трехъ четвертей опредѣленнаго имъ судебнымъ приговоромъ срока наказанія, въ порядкѣ, указанномъ въ статьяхъ 2—26.

ныхъ домахъ, необходимо было бы войти въ обсужденіе самыхъ основаній, на которыхъ имѣется въ виду ихъ учрежденіе; между тѣмъ, эти основанія, существующія лишь въ проектѣ, могутъ еще подвергнуться измѣненію, при его разсмотрѣніи. Поэтому, было бы правильнѣе вопросъ о примѣнимости условнаго досрочнаго освобожденія къ заключеннымъ въ работномъ домѣ разрѣшить при обсужденіи законопроекта о рабочихъ домахъ.

Затѣмъ, разсматриваемая статья, опредѣляя для досрочнаго освобожденія наименьшій срокъ заключенія, по приговору судебныхъ мѣстъ, въ восемь мѣсяцевъ и требуя для такого освобожденія отбытія заключеннымъ не менѣе трехъ четвертей опредѣленнаго судебнымъ приговоромъ наказанія, умалчиваетъ о томъ, какъ будетъ исчисляться этотъ срокъ въ случаяхъ зачета въ срокъ наказанія предварительнаго заключенія, на основаніи уголовного уложенія 1903 г. (ст. 54), а также зачета времени, проведеннаго подъ стражею до обращенія приговора къ исполненію по правиламъ устава уголовного судопроизводства (ст. 191¹, 968 и прим.). Въ семъ отношеніи, имѣя въ виду преслѣдуемую проектомъ цѣль установленія минимума срока отбытія наказанія въ видахъ исправительнаго воздѣйствія на осужденнаго, Коммисія полагаетъ, что для примѣненія условнаго досрочнаго освобожденія необходимо, чтобы лишенный свободы пробылъ въ мѣстѣ заключенія, во исполненіе приговора, не менѣе шести мѣсяцевъ, безъ зачета въ этотъ послѣдній срокъ времени, проведеннаго подъ стражею до начала исполненія надъ нимъ приговора, о чемъ и слѣдуетъ оговорить въ разсматриваемой статьѣ проекта.

Кромѣ сего, въ средѣ Коммисіи было заявлено, что предположенный одобреннымъ Государственною Думою проектомъ минимальный для досрочнаго освобожденія—восьмимѣсячный срокъ заключенія по судебному приговору, надлежало бы продлить до одного года. Большинство западно-европейскихъ кодексовъ признаютъ примѣненіе условнаго досрочнаго освобожденія лишь къ долгосрочнымъ заключеннымъ (не менѣе одного года—въ Германіи и Венгріи, двухъ лѣтъ—въ Швеціи, трехъ лѣтъ—въ Англіи, Голландіи, и Италіи и др. и даже шести лѣтъ—въ Даніи). Только Франція и Бельгія ограничиваютъ пребываніе въ мѣстѣ заключенія минимальнымъ трехмѣсячнымъ срокомъ. Въ основѣ принятой большинствомъ законодательствъ системы лежитъ та мысль, что краткосрочность заключенія препятствуетъ осуществленію испра-

вительныхъ задачъ и устраняетъ возможность констатировать исправленіе отбывающаго наказаніе или, во всякомъ случаѣ, уменьшаетъ вѣроятность заключенія относительно происшедшихъ въ отбывающемъ наказаніе перемѣнъ, могущихъ побуждать его къ честной, трудовой жизни на свободѣ. Препятствія эти должны оказываться еще болѣе значительными тамъ, гдѣ преобразование тюремъ находится въ переходномъ состояніи и гдѣ тюремная администрація стоитъ не на высокомъ уровнѣ. Несомнѣнно, что примѣненіе условнаго досрочнаго освобожденія къ краткосрочнымъ заключеннымъ требуетъ по отношенію къ нимъ отъ органовъ тюремной администраціи большаго вниманія, и, быть можетъ, особой организаціи изслѣдованія всей той обстановки, которая привела заключеннаго къ совершенію преступнаго дѣянія. Такъ, на примѣръ, Бельгійскимъ закономъ 1 августа 1888 г., допускающимъ примѣненіе досрочнаго освобожденія къ отбывшимъ заключеніе, превышающее три мѣсяца, а для рецидивистовъ—десять мѣсяцевъ (ст. 2), требуется, чтобы въ восьмидневный срокъ со дня приведенія въ исполненіе всякаго приговора, въ который входитъ заключеніе на срокъ болѣе трехъ мѣсяцевъ, прокурорскій надзоръ, возбудившій преслѣдованіе, передалъ директору пенитенціарнаго учрежденія свѣдѣнія, относящіяся къ прошлому приговореннаго и содержащія оцѣнку его нравственности. вмѣстѣ съ тѣмъ, съ цѣлью полученія свѣдѣній, касающихся положенія приговореннаго, его средствъ къ жизни, семейныхъ отношеній и матеріальныхъ ресурсовъ директору пенитенціарнаго учрежденія предоставляется (ст. 4 того же закона) входить въ сношенія съ мѣстными властями, а въ подлежащихъ случаяхъ и съ благотворительными учрежденіями и комитетами патроната.

Въ нѣкоторыхъ же штатахъ Америки, гдѣ институтъ досрочнаго освобожденія пользуется особымъ успѣхомъ, учреждены даже особые должностныя лица, на обязанности которыхъ лежитъ ознакомленіе съ дѣломъ каждаго заключеннаго, могущаго подлежать досрочному освобожденію, и самое тщательное изслѣдованіе личныхъ свойствъ отбывающаго наказаніе и его прошлаго. Если это должностное лицо, на основаніи добытыхъ разслѣдованіемъ данныхъ, приходитъ къ убѣжденію, что заключенный можетъ быть досрочно освобожденъ на испытаніе, то оно входить о томъ съ предложеніемъ въ подлежащій судъ. Всѣ эти правила, конечно,

непримѣнимы къ нашему укладу жизни, къ нашему общественному строю и мѣстнымъ условіямъ нашего обширнаго отечества. Поэтому, разсматриваемымъ проектомъ закона и предположено предоставленіе досрочнаго освобожденія при одномъ только условіи,—если заключенный поведеніемъ своимъ въ мѣстѣ заключенія будетъ подавать надежду на добропорядочный образъ жизни на свободѣ. Въ виду этого, по мнѣнію нѣкоторыхъ Членовъ, было бы осторожнѣе не распространять дѣйствія условнаго досрочнаго освобожденія на приговоренныхъ къ заключенію менѣе, чѣмъ на одинъ годъ.

Съ своей стороны, Коммисія, по большинству голосовъ, находитъ, что опредѣленный проектомъ закона наименьшій восьмимѣсячный срокъ заключенія не требуетъ повышенія до одного года. Восьмимѣсячный срокъ заключенія, особливо при системѣ одиночнаго заключенія, къ которой переходитъ Главное Тюремное Управленіе, не можетъ почитаться краткосрочнымъ содержаніемъ подѣ стражею и даетъ достаточно времени для ознакомленія съ личностью отбывающаго наказаніе. Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что исправленіе заключеннаго менѣе всего достигается продолжительностью срока лишенія свободы. Долговременное пребываніе въ тюрьмѣ можетъ даже притуплять въ заключенномъ сознаніе испытываемыхъ лишеній и, отзываясь на его здоровьѣ и физическомъ состояніи, убивать въ немъ энергію и силы, могущія подвинуть его къ трудовой жизни на свободѣ. Кромѣ того, не всякій приговоренный по суду къ заключенію требуетъ непремѣннаго исправленія. Виды преступленій и ихъ мотивы, а также личные свойства и характеръ приговариваемыхъ къ лишенію свободы столь разнообразны, что нѣтъ никакой возможности заранѣе опредѣлить общій минимальный срокъ лишенія свободы, необходимый для успѣшнаго примѣненія мѣры досрочнаго освобожденія. Считая поэтому, что предположенный восьмимѣсячный срокъ представляется достаточнымъ, Коммисія вмѣстѣ съ тѣмъ находитъ, что указаніе въ разсматриваемой статьѣ на то, что для примѣненія досрочнаго освобожденія требуется отбытіе заключеннымъ не менѣе трехъ четвертей опредѣленнаго судебнымъ приговоромъ наказанія и пребываніе его въ мѣстѣ заключенія, во исполненіе приговора, не менѣе шести мѣсяцевъ, устраняетъ необходимость опредѣленія общаго минимальнаго срока заключенія по судебному приговору. Изъ приведенныхъ условій совершенно ясно, что срокъ

этотъ не долженъ быть менѣе восьми мѣсяцевъ, почему указаніе на сей срокъ можетъ быть исключено изъ постановленія обсуждаемой статьи.

Далѣе, нѣкоторыми членами Коммисіи было заявлено, что условное досрочное освобожденіе, по проекту, не распространяется на приговоренныхъ къ заключенію въ крѣпость, на томъ, какъ видно изъ объяснительной записки Министерства Юстиціи (стр. 9), основаніи, что этотъ видъ лишенія свободы имѣетъ характеръ *custodiae honestae*, т. е. мѣръ, не преслѣдующихъ исправленія заключеннаго. Между тѣмъ, соображеніе это, въ примѣненіи къ дѣйствующему у насъ уголовному законодательству, едва ли вполнѣ вѣрно. Не только дѣйствующее уложеніе о наказаніяхъ (изд. 1885 г.), но и новое уголовное уложеніе 1903 г., частично введенное въ дѣйствіе, во многихъ случаяхъ устанавливаетъ заключеніе въ крѣпости наряду съ другими видами лишенія свободы. Такъ, отдача въ исправительныя арестантскія отдѣленія, наряду съ крѣпостью, предусматривается статьями 341 ч. 2, 344 ч. 2, 345 ч. 1, 362 ч. 1, 366—368, 395, 458 ч. 2, 978 ч. 2, 979 ч. 2, 1080¹ ч. 2 и 1100 уложенія о наказаніяхъ. Точно также заключеніе въ крѣпости стоитъ рядомъ съ заключеніемъ въ исправительномъ домѣ по уголовному уложенію 1903 г. въ случаяхъ, предусмотрѣнныхъ статьями 73 п. 3, 82 ч. 1, 125, 458 ч. 2 и 462 ч. 2 сего уложенія. Засимъ, заключеніе въ крѣпости наряду съ заключеніемъ въ тюрьмѣ устанавливается статьями 317 ч. 1, 394 ч. 2, 396 ч. 1, 986³ п. 2 уложенія о наказаніяхъ и статьями 121 ч. 1 и 2, 459 и 478 уголовного уложенія 1903 г. Такимъ образомъ, отъ суда зависитъ примѣнить за одинъ и тотъ же видъ преступнаго дѣянія или крѣпость, или другой видъ лишенія свободы, не изъемлющійся проектомъ изъ наказаній, допускающихъ примѣненіе досрочнаго освобожденія.

Затѣмъ, согласно Именному Высочайшему указу 22 Ноября 1906 г. (собр. узак., ст. 1917) повелѣно: при недостаткѣ въ крѣпостяхъ общихъ камеръ, приговоренныхъ, на основаніи постановленій Высочайше утвержденнаго 22 марта 1903 г. уголовного уложенія, къ заключенію въ крѣпости содержать въ особо устроенныхъ для сего при мѣстахъ заключенія помѣщеніяхъ, съ подчиненіемъ сихъ лицъ дѣйствию правилъ, опредѣленныхъ для содержанія въ крѣпости; въ случаѣ же отдаленности означенныхъ помѣщеній, а также при недостаткѣ въ оныхъ камеръ, приговоренные

къ заключенію въ крѣпости должны отбывать сіе наказаніе въ тюрьмахъ, отдѣльно отъ прочихъ заключенныхъ. Такимъ образомъ, вслѣдствіе недостатка мѣстъ заключенія въ крѣпостяхъ, этотъ видъ лишенія свободы на практикѣ сводится къ содержанію въ тюрьмахъ, и никакія особыя правила содержанія въ нихъ заключенныхъ, приговоренныхъ къ крѣпости, не въ состояніи, въ дѣйствительности, возвести этотъ видъ лишенія свободы въ карательную мѣру, имѣющую характеръ *custodiae honestae*. Засимъ, если обратиться къ отдѣльнымъ видамъ тѣхъ преступныхъ дѣяній, которыя по закону наказываются крѣпостью, то станетъ яснымъ, что и послѣдній видъ лишенія свободы можетъ оказывать исправительное воздѣйствіе на заключенныхъ. Можно ли, напримѣръ, утверждать, что приговоренный къ крѣпости за поношеніе догматовъ вѣры христіанской, съ цѣлью произвести соблазнъ между присутствующими (ст. 73 п. 3 угол. улож. 1903 г.), или за участіе въ публичномъ скопищѣ, предусмотрѣнномъ статьею 121 уголовного уложенія, не можетъ во время отбыванія сего наказанія проявить раскаяніе въ содѣянномъ подъ вліяніемъ заблужденія или увлеченія, или даже измѣнить свои воззрѣнія и взгляды на догматы той религіи, которая имъ была оскорблена, или на то ученіе, къ которому онъ выразилъ сочувствіе участіемъ въ скопищѣ. Поэтому, казалось бы, что для изъятія крѣпости изъ числа тѣхъ видовъ лишенія свободы, къ которымъ, по проекту, допускается примѣненіе условнаго досрочнаго освобожденія, нѣтъ достаточныхъ основаній.

Обсудивъ это указаніе, Коммисія, по большинству голосовъ, пришла къ тому заключенію, что если примѣненіе условнаго досрочнаго освобожденія преслѣдуетъ цѣль исправленія, то распространеніе этого института на тѣ виды лишенія свободы, которые такой цѣли не преслѣдуютъ, было бы неправильно. Къ этимъ видамъ лишенія свободы должна относиться и крѣпость, какъ карательная мѣра, имѣющая характеръ *custodiae honestae*. Если система нашихъ дѣйствующихъ уголовныхъ законовъ, въ семъ отношеніи, не вполне выдержана, то она требуетъ исправленія, но самый принципъ института условнаго досрочнаго освобожденія не долженъ колебаться изъ за нѣкоторыхъ несовершенствъ нашего уголовного законодательства. То обстоятельство, что по закону въ нѣкоторыхъ случаяхъ отъ суда зависитъ присужденіе, за одно и то же преступное дѣяніе, или къ крѣпости, или къ испра-

вительному дому, либо къ тюрьмѣ, еще не доказываетъ необходимости примѣненія досрочнаго освобожденія къ заключеннымъ въ крѣпость. Одно и то же преступное дѣяніе можетъ быть совершено изъ разныхъ побужденій и при различныхъ условіяхъ и обстановкѣ, почему ближайшее опредѣленіе наиболѣе соотвѣтствующаго каждому данному случаю наказанія и должно быть предоставлено суду. Что же касается замѣны заключенія въ крѣпости заключеніемъ въ другихъ помѣщеніяхъ, на основаніи Высочайшаго указа 22 ноября 1906 г., то, не говоря уже о томъ, что изданныя по этому предмету правила имѣютъ значеніе временныхъ мѣръ, нельзя не признать, что ими достаточно ясно проводится различіе между содержаніемъ въ крѣпости и въ тюрьмѣ. Не отрицая, наконецъ, возможности въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ исправительнаго воздѣйствія на заключенныхъ въ крѣпости, Комисія полагаетъ, что къ нимъ досрочное освобожденіе можетъ примѣняться лишь въ путяхъ Монаршаго милосердія. По всѣмъ изложеннымъ соображеніямъ, Коммисія, присоединяясь къ одобренному Государственною Думою по этому вопросу постановленію статьи 1, не усматриваетъ необходимости отнесенія заключенія въ крѣпости къ числу тѣхъ видовъ лишенія свободы, на которые предположено распространить дѣйствіе условнаго досрочнаго освобожденія.

Наконецъ, постановленіе статьи 1 проекта о томъ, что для условнаго освобожденія требуется согласіе освобождаемаго, вызвало въ средѣ Коммисіи то замѣчаніе, что условное досрочное освобожденіе, въ существѣ своемъ, составляетъ не право арестанта на таковое, а оказываемую ему милость, а потому, по примѣру уголовного уложенія 1890 года Итальянскаго Королевства (ст. 16), должно быть примѣняемо не иначе, какъ по ходатайству самого арестанта, когда по даннымъ кондуитнаго тюремнаго списка онъ будетъ заслуживать этой мѣры. Въ такомъ ходатайствѣ арестанта заключалось бы само собою и согласіе его на освобожденіе. Упомянутое же въ законѣ о согласіи арестанта, какъ условіи для досрочнаго освобожденія, представляется едва ли удобнымъ, такъ какъ принципиально нельзя допустить предпочтительности дароваго пребыванія въ тюрьмѣ трудовой жизни на свободѣ. Ходатайство заключеннаго выражало бы и признаніе его въ самоисправленіи, безъ котораго, какъ признается и въ объясненіяхъ Министра Юстиціи къ проекту (стр. 14),

было бы трудно ожидать успѣха, ибо рассчитывать на него возможно лишь тогда, когда содержащійся подъ стражею чувствуетъ въ себѣ увѣренность, что не обратится вновь къ преступной жизни.

Съ своей стороны, Коммисія нашла, что предлагаемый порядокъ, не принятый большинствомъ государствъ Западной Европы, не могъ бы не отразиться на отношеніяхъ арестантовъ къ тюремной администраціи, такъ какъ, во всѣхъ случаяхъ отклоненія ходатайства о досрочномъ освобожденіи, лицо, чувствующее себя этимъ отклоненіемъ обиженнымъ, непременно винило бы въ этомъ преимущественно свое тюремное начальство. Далѣе, нельзя не имѣть въ виду, что, при разрѣшеніи арестантамъ самимъ возбуждать ходатайства о досрочномъ освобожденіи, учрежденія, коимъ, по проекту, предоставляется разрѣшеніе принятія такой мѣры, были бы обременены въ большинствѣ случаевъ не оправдываемыми одобрительнымъ поведеніемъ просьбами. Затѣмъ, несогласіе заключеннаго на условное досрочное освобожденіе можетъ означать вовсе не то, что онъ предпочитаетъ даровое пребываніе въ тюрьмѣ трудовой жизни на свободѣ, а возможную неувѣренность его въ своихъ силахъ и нежеланіе быть поставленнымъ въ тягостныя условія пользованія свободою, подъ постояннымъ наблюденіемъ тѣхъ органовъ, отъ которыхъ будетъ зависѣть возвращеніе его въ мѣсто заключенія въ случаѣ неодобрительности поведенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, нельзя не признать, что столь категорически выраженное требованіе въ законѣ о согласіи отбывающаго наказаніе на примѣненіе къ нему досрочнаго освобожденія нежелательно. Необходимо не согласіе заключеннаго на примѣненіе мѣры, признаваемой полезною, въ видахъ его исправленія, а скорѣе обѣщаніе съ его стороны или принятіе на себя обязательства выполненія всѣхъ условій досрочнаго освобожденія. Въ такомъ обязательствѣ согласіе заключеннаго должно лишь подразумѣваться, ибо очевидно, что принятіе на себя извѣстныхъ обязанностей можетъ быть только добровольнымъ. Въ силу приведенныхъ соображеній, было бы правильнѣе ограничиться указаніемъ на такой порядокъ примѣненія условнаго досрочнаго освобожденія въ соотвѣтствующей сему предмету статьѣ 11 проекта, исключивъ указаніе на требуемое согласіе заключеннаго изъ обсуждаемой статьи.

На основаніи всѣхъ вышеизложенныхъ соображеній Комми-

сія находила, что статья 1 проекта должна быть изложена въ слѣдующемъ видѣ:

1. Приговоренные къ заключенію въ тюрьмѣ, въ исправительномъ арестантскомъ отдѣленіи или въ исправительномъ домѣ могутъ быть условно освобождены изъ заключенія по отбытіи не менѣе трехъ четвертей опредѣленнаго имъ судебнымъ приговоромъ срока наказанія, если они пробыли въ мѣстѣ заключенія, во исполненіе приговора, не менѣе шести мѣсяцевъ, безъ зачета въ этотъ послѣдній срокъ времени, проведеннаго до того подъ стражею. (Докл. Ком. Г. С. Стр. 7—15, Согл. зак. Особ. Ком., стр. 2—4).

2. Условное досрочное освобожденіе можетъ быть предоставлено заключеннымъ въ томъ случаѣ, если ихъ одобрительное поведеніе во время заключенія даетъ достаточныя основанія предполагать, что, по освобожденіи изъ заключенія, они будутъ вести добропорядочный образъ жизни *).

При разсмотрѣніи сей статьи Коммисія по судебнымъ реформамъ Государственной Думы нашла, что приведенныя въ проектѣ

*) Условное досрочное освобожденіе можетъ быть предоставлено заключеннымъ въ томъ случаѣ, если ихъ одобрительное поведеніе во время заключенія, выразившееся не только въ соблюденіи правилъ порядка, но и въ трудолюбіи и успѣхѣ въ работахъ, въ связи съ данными ихъ прошлой жизни и тѣми условіями, въ которыхъ они окажутся по освобожденіи, даетъ достаточныя основанія предполагать, что по освобожденіи изъ заключенія они будутъ вести добропорядочный образъ жизни. (Проект. Мин. Юст.).

Поведеніе арестанта можетъ служить основаніемъ досрочнаго освобожденія лишь въ томъ случаѣ, когда оно выражается не только въ полномъ подчиненіи арестанта правиламъ тюремной дисциплины, но и въ активномъ проявленіи исправленія, выказанномъ въ трудолюбіи, успѣхѣ въ работахъ и т. д., такъ какъ опытъ указываетъ, что хорошее съ формальной стороны поведеніе осужденнаго въ тюрьмѣ еще не свидѣтельствуетъ о его исправленіи, такъ же точно, какъ совершеніе арестантомъ какого либо единичнаго дисциплинарнаго проступка не можетъ служить признакомъ его закоренѣлости. На изложенной точкѣ зрѣнія стоятъ и всѣ законодательства, принявшія институтъ условнаго досрочнаго освобожденія. Такъ, венгерское уголовное уложеніе требуетъ, чтобы арестантъ «своимъ прилежаніемъ и хорошимъ поведеніемъ представилъ основательное ручательство въ своемъ исправленіи» (§ 44). Бельгійскій законъ 31 мая 1888 г. примѣняется къ тѣмъ изъ заключенныхъ, которые дали доказательства своего исправленія (королевск. указъ 1 авг. 1888 г. ст. 1). Въ Пруссіи цѣлымъ рядомъ циркуляровъ разъяснено, что слѣдуетъ разумѣть подъ хорошимъ поведеніемъ, при чемъ прямо воспрещается основываться, примѣняя условное освобожденіе, только на отсутствіи дисциплинарныхъ проступковъ со стороны заключеннаго (цирк. министр. юст. и вн. дѣлъ 21 янв. 1871 г., § 3); конференція мѣста заключенія прежде всего должна установить, что предоставляемая заключенному условная свобода послужитъ для него началомъ закономѣрной и честной жизни (тамъ же и инстр. мин. вн. дѣлъ 14 нояб. 1902 г., § 181 п. 4); кромѣ того, въ другихъ прусскихъ циркулярахъ и отдѣльныхъ предписаніяхъ указывается, чтобы при обсужденіи вопроса о примѣненіи условнаго освобожденія имѣлись въ виду всѣ тѣ обстоятельства, которыя удостовѣрили бы, что заключенный дѣйствительно исправился, способенъ къ трудовой и

сего постановленія слова: «выразившееся не только въ соблюденіи правилъ порядка, но и въ трудолюбіи и успѣхѣ на работахъ, въ

честной жизни и не вернется болѣе на преступный путь. Въ Финляндіи для примѣненія условнаго освобожденія требуется отъ заключеннаго такое поведеніе, на основаніи котораго можно съ вѣроятностью ожидать отъ него непреступной жизни (Высоч. пост. 19 дек. 1889 г.,—сбор. постан. В. К. Ф. 1894 г., № 17). Итальянское уложеніе допускаетъ примѣненіе этого института къ тѣмъ арестантамъ, которые отличались поведеніемъ, заставляющимъ предполагать объ ихъ исправленіи (ст. 16).

Такимъ образомъ, главнымъ условіемъ для предоставленія досрочной свободы должно быть признанное основанное на наблюденіи за содержащимся подъ стражею и другихъ обстоятельствахъ вѣроятное предположеніе, что заключенный усвоилъ себѣ привычку воздерживаться отъ дурнаго образа жизни, укрѣпилъ въ себѣ стремленіе къ добру, уваженіе къ законамъ и потребность въ трудѣ. По этимъ соображеніямъ въ статьѣ 1 и указано, что одобрительное поведеніе должно выражаться не только въ соблюденіи правилъ порядка, но и въ трудолюбіи и въ успѣхѣ въ работахъ.

При обсужденіи поведенія заключеннаго, какъ основанія къ предоставленію ему условнаго досрочнаго освобожденія, не можетъ быть оставлена безъ вниманія прошлая его жизнь. Данные изъ прошлой жизни въ большинствѣ случаевъ дадутъ надлежащее освѣщеніе поведенію заключеннаго и послужатъ такимъ образомъ твердымъ основаніемъ для рѣшенія вопроса о досрочномъ освобожденіи. Независимо отъ этого нельзя оставлять безъ обсужденія, при рѣшеніи означеннаго вопроса, и тѣ условія жизни, которыя ожидаютъ арестанта по освобожденіи. Если досрочно-освобожденнаго ожидаетъ на свободѣ неблагопріятная среда, если для надлежащаго устройства своей жизни, въ виду какихъ либо неблагопріятныхъ внѣшнихъ условій, отъ него потребуется много энергіи и силы воли, то эти обстоятельства должны послужить къ болѣе полному и всестороннему выясненію того, насколько заключенный дѣйствительно усвоилъ себѣ привычку воздерживаться отъ дурнаго образа жизни, укрѣпилъ потребность къ труду и пріобрѣлъ навыкъ къ какой либо работѣ. Поэтому въ статьѣ 1 данные прошлой и условія предстоящей жизни поставлены въ связь съ поведеніемъ осужденнаго въ мѣстѣ заключенія, въ качествѣ основаній для разрѣшенія вопроса о досрочномъ освобожденіи.

Въ качествѣ обязательнаго условія для примѣненія рассматриваемаго института указывается иногда возможное пополненіе причиненнаго осужденнымъ ущерба. Такое правило принято въ швейцарскомъ законодательствѣ и защищается нѣкоторыми изъ современныхъ криминалистовъ. Однако включеніе въ законодательныя нормы объ условномъ освобожденіи подобнаго правила едва ли желательно. Вознагражденіе потерпѣвшаго составляетъ предметъ гражданскаго иска, при чемъ, въ цѣляхъ скорого и возможно полнаго возстановленія правъ потерпѣвшаго и устраненія вредныхъ послѣдствій преступнаго дѣянія, многія законодательства предоставляютъ потерпѣвшему присоединять свои гражданскія требованія къ уголовному иску безъ соблюденія требуемыхъ гражданскимъ процессомъ формальностей. Такимъ образомъ, потерпѣвшему, при доказанности обвиненія, открытъ облегченный путь къ возмѣщенію понесенныхъ убытковъ, взысканіе которыхъ съ лицъ, имѣющихъ средства, обеспечивается установленнымъ въ законѣ порядкомъ. Что же касается осужденныхъ неимущихъ, то возмѣщеніе ими убытковъ, несмотря на признаніе судомъ гражданскаго иска подлежащимъ удовлетворенію, представляется фактически неосуществимымъ. Тѣмъ не менѣе это обстоятельство не можетъ служить основаніемъ къ лишенію такого преступника права на условное освобожденіе, ибо послѣднее устанавливается, главнымъ образомъ, въ цѣляхъ предупрежденія повторенія преступленій, исправленія правонарушителя и обезпеченія этою мѣрою общественной и государственной безопасности. Съ другой стороны, нельзя относиться безучастно и къ интересамъ потерпѣвшаго. Злонамыренное или вообще умышленное уклоненіе осужденнаго отъ обязанности возмѣстить вполнѣ или частью нанесенный имъ ущербъ не можетъ не быть принято во вниманіе при разрѣшеніи вопроса о дарованіи условнаго освобожденія. Лицо, имѣющее

связи съ данными ихъ прошлой жизни и тѣми условіями, въ которыхъ они окажутся по освобожденіи», какъ поясненіе къ словамъ «одобрительное поведеніе»—имѣютъ характеръ не законодательнаго, а инструкціоннаго постановленія. Къ тому же и по существу изложенныя въ этихъ словахъ требованія могутъ иногда поставить въ затрудненіе особыя совѣщанія по примѣненію условнаго досрочнаго освобожденія; таково напримѣръ требованіе выполненія работъ въ тюрьмахъ, гдѣ таковыя не заведены или мало развиты, или когда лично, для даннаго осужденнаго по состоянію его здоровья, выполненіе работъ невозможно; таково далѣе—требованіе данныхъ изъ прошлой жизни, которыхъ можетъ не быть въ виду у совѣщанія и т. д. По всѣмъ этимъ соображеніямъ Коммисія предпочла исключить указанныя слова изъ сего правила проекта (Докл. Комм. № 132 ¹/III, стр. 4).

3. Условное досрочное освобожденіе не примѣняется: 1) къ осужденнымъ за конокрадство и 2) къ тѣмъ изъ заключенныхъ, кои, по отбытіи наказанія срочнымъ лишеніемъ свободы, подлежатъ по закону водворенію въ Якутской области или ссылкѣ на поселеніе *).

Статьею 3 проекта устанавливается, что условное досрочное освобожденіе не предоставляется: 1) осужденнымъ за бродяже-

возможность возмѣстить ущербъ и уклоняющееся отъ этого, тѣмъ самымъ обнаруживаетъ свое нераскаяніе въ учиненномъ преступномъ дѣяніи, а слѣдовательно и неусвоеніе имъ тѣхъ побужденій, которыя подтверждали бы его исправленіе и готовность къ честной жизни. Въ виду этого весьма желательно, чтобы установленіе, примѣняющее условное досрочное освобожденіе, входило и въ обсужденіе этого вопроса при оцѣнкѣ поведенія заключеннаго, къ коему предполагается примѣнить рассматриваемый институтъ. Указанія по сему предмету въ самомъ законѣ были бы, однако, излишни и даже опасны, но могли бы послѣдовать въ порядкѣ инструкціонномъ. (Объясн. зап. Мин. Юст., стр. 5—9).

*) Условное досрочное освобожденіе не предоставляется: 1) осужденнымъ за бродяжество и 2) тѣмъ изъ присужденныхъ къ заключенію въ тюрьмѣ, которые, по отбытіи сего заключенія, подлежатъ помѣщенію въ работномъ домѣ. (Проект. Мин. Юст.).

Нѣкоторые законодательства распространяютъ дѣйствіе условнаго освобожденія не на всѣ категоріи арестантовъ и устанавливаютъ изъятія по роду учиненныхъ ими преступленій и другимъ признакамъ. Такъ, итальянское уголовное уложеніе не допускаетъ условнаго освобожденія въ отношеніи осужденныхъ за тяжкія корыстные преступленія, повторныя убійства или нанесеніе тѣлесныхъ поврежденій и за составленіе преступныхъ сообществъ, всѣхъ рецидивистовъ, которые были приговорены къ наказанію на срокъ свыше 5 лѣтъ, а также присужденныхъ, взамѣнъ каторги, къ заключенію (reclusione) на тридцать лѣтъ (ст. 16). Венгерское уголовное уложеніе исключаетъ иностранцевъ и рецидивистовъ имущественныхъ преступленій и поджога (ст. 49). Французскій и бельгійскій законы устанавливаютъ для рецидивистовъ только увеличенный срокъ заключенія, послѣ коего они могутъ воспользоваться условнымъ освобожденіемъ (ст. 2 и ст. 1), а въ Прус-

ство, 2) осужденных за кражу лошади и 3) тѣмъ изъ присужденныхъ къ заключенію въ тюрьмѣ, которые, по отбытіи сего заклю-

сін, несмотря на то, что германское уголовное уложеніе не даетъ по этому предмету никакихъ указаній, циркулярно разъяснено, что условное освобожденіе не можетъ быть примѣняемо къ тѣмъ, которые избираютъ свое мѣсто жительства за границею, такъ какъ при этомъ не можетъ быть осуществленъ надъ ними полицейскій контроль; отсюда слѣдуетъ, что иностранецъ, подлежащій высылкѣ на родину, также не можетъ воспользоваться условною свободою.

Равнымъ образомъ и у насъ, въ замѣчаніяхъ на проектъ уголовного уложенія указывалось, что условное освобожденіе не должно быть распространяемо на рецидивистовъ, въ виду того, что «рецидивисты-воры и т. п. никогда не исправляются», «впаденіе ихъ въ новое преступленіе даетъ основаніе ожидать отъ нихъ менѣе дѣйствительнаго исправленія», «рецидивисты, эти главные гости мѣстъ заключенія, выказываютъ такъ называемое хорошее поведеніе чисто изъ лукавыхъ расчетовъ». Однако, эти соображенія едва ли могутъ быть признаны убѣдительными, ибо, съ одной стороны, повтореніе преступнаго дѣянія не можетъ служить неоспоримымъ доказательствомъ неисправимости, а съ другой—установленіе въ законѣ такого ограниченія являлось бы со стороны государственной власти признаніемъ своего безсилія въ дѣлѣ борьбы съ преступленіемъ. Напротивъ, на рецидивистовъ должно быть обращено особое вниманіе, какъ на лицъ, которыя перѣдко выходятъ изъ тюрьмы съ искреннимъ намѣреніемъ болѣе не возвращаться въ нее и возвращаются обратно только потому, что въ трудныя для нихъ минуты они не могли найти необходимой поддержки въ осуществленіи своихъ благихъ стремленій. Кромѣ того, нельзя не принять во вниманіе, что условное освобожденіе, хотя и составляетъ извѣстную льготу, но по существу своему является мѣрою, способствующею предупрежденію рецидива. Отсюда слѣдуетъ, что преступнику-рецидивисту еще въ большей степени необходимы надзоръ и попеченіе на свободѣ, чѣмъ впервые осужденному. Наконецъ, надлежитъ имѣть въ виду, что распространеніе на рецидивистовъ условнаго освобожденія даетъ болѣе значительную гарантію безопасности, чѣмъ при безусловномъ досрочномъ освобожденіи. Точно также и по тѣмъ же основаніямъ не слѣдуетъ обуславливать досрочнаго освобожденія родомъ совершеннаго преступнаго дѣянія. Изъятіе должно быть установлено лишь въ отношеніи лицъ, къ которымъ условное освобожденіе не можетъ быть примѣнено только въ виду особаго свойства мѣръ, установленныхъ закономъ относительно нѣкоторыхъ категорій преступниковъ. Въ этомъ отношеніи слѣдуетъ выдѣлить бродягъ, которые, согласно закону 10 апрѣля 1906 г. (собр. узак., ст. 675), подлежатъ водворенію въ Якутской области, а также, относительно тюремнаго заключенія,—лицъ, признанныхъ судомъ учинившими преступное дѣяніе вслѣдствіе тунеядства или праздности и подлежащихъ помѣщенію, по отбытіи заключенія въ тюрьмѣ, въ работный домъ,—такъ какъ, въ случаѣ призванія этихъ лицъ заслуживающими условнаго досрочнаго освобожденія, таковое можетъ быть примѣнено къ нимъ по отношенію къ сроку содержанія ихъ въ работномъ домѣ.

Что касается установленнаго въ нѣкоторыхъ законодательствахъ увеличенія для извѣстныхъ категорій осужденныхъ продолжительности срока, послѣ котораго имъ можетъ быть предоставлена условная свобода, то эта мѣра представляется также мало обоснованной. Дѣйствительно, если установленіе ея вытекаетъ изъ необходимости усиленія репрессіи относительно рецидивистовъ, то послѣднимъ въ большинствѣ случаевъ и безъ того назначаются повышенные сроки наказанія, а слѣдовательно увеличивается въ общемъ срокъ какъ заключенія, такъ и условной свободы. Съ другой стороны, увеличеніемъ для рецидивиста срока обязательнаго пребыванія въ мѣстѣ заключенія сокращается срокъ обязательнаго надзора на свободѣ; между тѣмъ главнѣйшая цѣль условнаго освобожденія можетъ быть достигнута съ большимъ успѣхомъ именно тогда, когда освобожденный будетъ находиться на попеченіи подлежащаго органа болѣе продолжительное время. (Объясн. зап. Мин. Юст., стр. 9—11).

ченія, подлежатъ помѣщенію въ работномъ домѣ. Приведенный перечень, по заявленію нѣкоторыхъ членовъ Коммисіи Государственнаго Совѣта, оказывается недостаточнымъ. Прежде всего, къ категоріи лицъ, не подлежащихъ досрочному освобожденію, должны бы быть отнесены, по примѣру нѣкоторыхъ иностранныхъ государствъ, имѣющихъ за собою долгій опытъ примѣненія этой мѣры, рецидивисты, затѣмъ лица, осужденныя за поджогъ, а также за похищеніе хлѣба въ снопахъ съ полей, ибо тотъ вредъ, который причиняется этого рода преступными дѣяніями, требуетъ не ослабленія, а повышенія репрессіи. Всякое ослабленіе таковой несомнѣнно вносило бы раздраженіе и неудовольствіе въ среду населенія, несущаго отъ этихъ преступныхъ дѣяній невознаградимые убытки.

Обсуждая эти замѣчанія, Коммисія, съ своей стороны, нашла, что примѣненіе условнаго досрочнаго освобожденія отнюдь не должно быть ограничиваемо въ законѣ тѣмъ или другимъ родомъ преступныхъ дѣяній. Такой точки зрѣнія, принятой современнымъ направленіемъ науки уголовного права, придерживался, какъ это видно изъ постатейныхъ объясненій (стр. 11), и проектъ Министерства Юстиціи по настоящему вопросу. Проектомъ этимъ было признано необходимымъ установить изъятіе не по роду учиненныхъ преступныхъ дѣяній, а лишь въ отношеніи лицъ, къ которымъ условное освобожденіе не можетъ быть примѣнено только въ виду особыхъ свойствъ примѣняемыхъ къ нимъ мѣръ наказанія. Къ лицамъ этимъ были отнесены осужденные за бродяжество, какъ подлежащіе, по закону, послѣ отбытія заключенія въ исправительномъ арестантскомъ отдѣленіи, водворенію въ Якутской области, и тѣ изъ присужденныхъ къ тюремному заключенію, которые будутъ признаны судомъ подлежащими, послѣ отбытія заключенія въ тюрьмѣ, отдачѣ въ работный домъ. Если отъ сего общаго начала было сдѣлано единственное отступленіе, по почину Государственной Думы, въ отношеніи лицъ, осужденныхъ «за кражу лошади», очевидно, во вниманіе того страшнаго бѣдствія, которое несетъ преимущественно сельское населеніе отъ конокрадства, то идти далѣе въ этомъ направленіи Коммисія не признаетъ возможнымъ.

Переходя къ обсужденію каждаго изъ предлагаемыхъ дополненій статьи 3 проекта и останавливаясь, прежде всего, на вопросѣ о примѣнимости условнаго досрочнаго освобожденія къ рециди-

вистамъ, Коммисія полагала, что бороться съ рецидивомъ необходимо или предупредительными мѣрами, или тѣми, которыя установлены Высочайше утвержденнымъ, 22 марта 1903 г., уголовнымъ уложеніемъ какъ, на примѣръ, усиленіемъ репрессіи за повтореніе преступныхъ дѣяній и за учиненіе таковыхъ по привычкѣ или промыслу, но отнюдь не лишеніемъ рецидивистовъ надежды на досрочное освобожденіе, каковая можетъ и ихъ побуждать къ хорошему поведенію въ мѣстѣ заключенія и воздержанію отъ преступной дѣятельности на свободѣ. Признать же, въ видѣ общаго правила, неисправимость всякаго рецидивиста, очевидно, невозможно.

Затѣмъ, слѣдуетъ вообще замѣтить, что очень немногія иностранныя законодательства отказываютъ рецидивистамъ въ условномъ досрочномъ освобожденіи. Наука же уголовного права и большинство государствъ Западной Европы не только не признаютъ необходимымъ лишать рецидивистовъ льготъ досрочнаго освобожденія, но въ условности такового видятъ одинъ изъ способовъ для борьбы съ рецидивомъ. Что касается присуждаемыхъ къ заключенію за похищеніе хлѣба въ снопахъ съ полей, то отказъ въ примѣненіи къ нимъ условнаго досрочнаго освобожденія былъ бы тѣмъ менѣе правильнымъ, что такое похищеніе наказуемо по дѣйствующему закону какъ обыкновенная кража и въ особый квалифицированный видъ не выдѣляется. Не слѣдуетъ также упускать изъ виду, что при нормальномъ наказаніи за такую кражу заключеніемъ въ тюрьмѣ отъ трехъ до шести мѣсяцевъ досрочное освобожденіе виновныхъ въ этомъ преступномъ дѣяніи, въ силу правила статьи 1 проекта, требующаго для досрочнаго освобожденія заключенія на срокъ не менѣе восьми мѣсяцевъ, не могло бы въ большинствѣ случаевъ къ нимъ примѣняться. Такимъ образомъ, предлагаемое ограниченіе достигало бы преслѣдуемую имъ цѣль лишь въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, въ коихъ учиненіе такой кражи сопровождалось бы указываемыми въ законѣ особо увеличивающими вину обстоятельствами, дающими суду право увеличить тюремное заключеніе до одного года. Посему съ этимъ зломъ цѣлесообразнѣе бороться повышеніемъ репрессіи, а не предлагаемымъ ограниченіемъ примѣненія института досрочнаго освобожденія. Относительно же предлагаемаго распространенія правила статьи 3 на поджигателей также слѣдуетъ замѣтить, что поджоги въ наиболѣе важныхъ

случаяхъ облагаются наказаніемъ свыше отдачи въ арестантскія отдѣленія, а потому правило этой статьи проекта къ нимъ вовсе не могло бы имѣть примѣненія. Въ менѣе же важныхъ случаяхъ для поджигателей условное досрочное освобожденіе будетъ во всякомъ случаѣ болѣе тяжкою мѣрою, чѣмъ безусловное досрочное ихъ освобожденіе по дѣйствующему закону. Съ другой стороны, невозможно, казалось бы, въ видѣ общаго правила, устанавливать непримѣнимость условнаго досрочнаго освобожденія къ осужденнымъ за всякій поджогъ. Преступленія эти, весьма часто совершаемыя изъ побужденій мести, злобы, или подъ вліяніемъ душевныхъ волненій, какъ указываетъ судебная практика, нерѣдко приводятъ осужденныхъ къ чистосердечному раскаянію въ своей винѣ.

По всѣмъ приведеннымъ соображеніямъ, Коммисія находитъ, что возможность досрочнаго освобожденія заключеннаго должна бы зависѣть не столько отъ степени вреда, причиненнаго преступнымъ дѣяніемъ, сколько отъ тщательнаго соображенія всего прошлаго осужденнаго въ связи съ совершеннымъ имъ преступнымъ дѣяніемъ и личными свойствами его характера. При такомъ направленіи дѣятельности учрежденій, коимъ ввѣряется примѣненіе правилъ условнаго досрочнаго освобожденія, нужно полагать, что прежняя неоднократная судимость заключеннаго и родъ совершеннаго имъ преступнаго дѣянія также будутъ приниматься во вниманіе въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ при разрѣшеніи вопроса о досрочномъ освобожденіи заключеннаго. Равнымъ образомъ, при томъ порядкѣ, который предполагается проектомъ установить для примѣненія условнаго досрочнаго освобожденія, нѣтъ основаній опасаться, что оно не будетъ примѣняться съ должною осторожностью.

Но, переходя къ ближайшему разсмотрѣнію отдѣльныхъ пунктовъ постановленія статьи 3 проекта и останавливаясь, прежде всего, на первомъ ея пунктѣ, Коммисія разсуждала, что выдѣленія осужденныхъ за бродяжество изъ числа заключенныхъ, къ которымъ можетъ быть примѣнено досрочное освобожденіе, какъ уже было выше замѣчено, объясняется исключительно тѣмъ, что бродяги, по отбытіи срочнаго лишенія свободы, подлежатъ, по закону, водворенію въ Якутской области. Допуская такую оговорку объ изъятіи этой группы лицъ отъ дѣйствія правилъ условнаго досрочнаго освобожденія, Коммисія,

съ своей стороны, приняла во вниманіе, что дѣйствующій законъ предусматриваетъ и другіе подобные случаи, когда за срочнымъ лишеніемъ свободы слѣдуетъ ссылка на поселеніе и когда, по тѣмъ же основаніямъ, досрочное освобожденіе не можетъ быть примѣнено. Случаи эти возможны при соединеніи наказанія за преступное дѣяніе, учиненное послѣ провозглашенія резолюціи суда, но до отбытія наказанія за предшествующее преступное дѣяніе, съ опредѣленнымъ по первоначальному приговору наказаніемъ, если при этомъ ссылка на поселеніе должна быть соединена съ срочнымъ лишеніемъ свободы (отд. II, статьи 133 п. 4 улож. наказ., по прод. 1906 г., и статьи 66 п. 6 угол. улож.). Въ виду этого пунктъ первый статьи 3 было бы предпочтительнѣе изложить въ болѣе обобщенной редакціи. Въ пунктѣ же второмъ разсматриваемой статьи, придерживаясь терминологіи какъ дѣйствующаго уложенія, такъ и новаго, слѣдовало бы, по мнѣнію Коммисіи, выраженіе «кража лошади» замѣнить принятымъ въ нихъ терминомъ «конокрадство», какъ болѣе соответствующимъ тѣмъ основаніямъ, по коимъ это преступное дѣяніе изъемлется изъ дѣйствія правилъ условнаго досрочнаго освобожденія. Въ виду изложеннаго и находя, что, по соображеніямъ, приведеннымъ выше (стр. 8) къ статьѣ 1 проекта, пунктъ 3 разсматриваемой статьи подлежитъ исключенію, Коммисія полагаетъ изложить ее слѣдующимъ образомъ:

«Условное досрочное освобожденіе не примѣняется: 1) къ осужденнымъ за конокрадство, и 2) къ тѣмъ изъ заключенныхъ, кои, по отбытіи наказанія срочнымъ лишеніемъ свободы, подлежатъ по закону водворенію въ Якутской области или ссылкѣ на поселеніе». (Докл. Ком. Г. С., стр. 15—18; Согл. зак. Особ. Ком., стр. 4—5).

4. Сроки дѣйствія постановленій объ отдачѣ приговоренныхъ къ срочному лишенію свободы подъ надзоръ мѣстной полиціи и объ ограниченіяхъ въ правѣ избранія и перемѣны мѣста жительства исчисляются со времени условнаго освобожденія осужденнаго *).

Первая часть статьи 4 постановляетъ, что «предоставленіе условнаго досрочнаго освобожденія не устраняетъ дѣйствія поста-

*) Предоставленіе условнаго досрочнаго освобожденія не устраняетъ дѣйствія постановленій объ отдачѣ подъ надзоръ мѣстной полиціи и объ ограниченіяхъ въ правѣ

новленія объ отдачѣ подѣ надзорѣ мѣстной полиціи и объ ограниченіяхъ въ правѣ избранія и перемѣны мѣста жительства (ст. 58¹ и 58² улож. наказ., по прод. 1906 г., и Выс. утв., 22 марта 1903 г. угол. улож., ст. 34 и 35) ».

Такое указаніе представляется, по мнѣнію Коммисіи, излишнимъ. Проектомъ закона объ условномъ досрочномъ освобожденіи не имѣется въ виду отмѣнять статьи 58¹ и 58² уложенія о наказаніяхъ и статьи 34 и 35 уголовного уложенія, а потому само собою разумѣется, что правила объ отдачѣ подѣ надзорѣ мѣстной полиціи и объ ограниченіи въ правѣ избранія и перемѣны мѣста жительства сохраняютъ свою силу и для случаевъ досрочнаго освобожденія, поскольку въ соотвѣтствующихъ статьяхъ разсматриваемаго закона не заключается специальныхъ постановленій для лицъ, досрочно освобожденныхъ. Между тѣмъ ссылка въ статьѣ 4 только на указанные статьи 58¹ и 58² улож. наказ. и статьи 34 и 35 угол. улож. 1903 года можетъ на практикѣ вызвать сомнѣніе, не устраняется ли, въ отношеніи досрочно освобожденныхъ, дѣйствіе другихъ постановленій закона о наступающихъ за отбытіемъ наказанія послѣдствіяхъ, какъ, напримѣръ, объ удаленіи за границу иностранцевъ, взамѣнъ отдачи подѣ надзорѣ полиціи (ст. 58³ улож. наказ., по прод. 1906 г.). Принимая же при этомъ во вниманіе, что постановленіемъ статьи 4 имѣется въ виду, главнымъ образомъ, опредѣленіе времени, съ котораго должны быть исчисляемы для досрочно освобождаемыхъ сроки дѣйствія указанныхъ ограниченій, Коммисія, во избѣжаніе

избранія и перемѣны мѣста жительства (ст. 58¹ и 58² улож. наказ., по прод. 1902 г., и ст. 34 и 35 угол. улож.). Сроки дѣйствія означенныхъ постановленій исчисляются со времени условнаго освобожденія осужденнаго. (Проект. Мин. Юст.).

Условно освобожденный въ теченіе всего періода условной свободы долженъ состоять подѣ надзоромъ особыхъ органовъ (ст. 14) и подвергаться стѣсненіямъ въ правѣ избранія и перемѣны мѣстожительства (ст. ст. 12 и 17). Въ виду этого въ статьѣ 3, въ устраненіе какихъ либо сомнѣній, представляется необходимымъ оговорить, что дѣйствіе постановленій уложенія о наказаніяхъ и уголовного уложенія объ отдачѣ подѣ надзорѣ полиціи и объ ограниченіяхъ въ избраніи и перемѣнѣ мѣста жительства не устраняется предоставленіемъ условнаго освобожденія и что сроки дѣйствія означенныхъ постановленій исчисляются съ момента условнаго освобожденія осужденнаго. Такое исчисленіе срока, несомнѣнно, повлечетъ за собою болѣе раннее освобожденіе осужденнаго отъ ограниченій, указанныхъ въ ст. 58¹ и 58² улож. наказ. и ст. 34 и 35 угол. улож., сравнительно съ тѣми случаями, когда осужденный пробудетъ весь назначенный ему судебнымъ приговоромъ срокъ въ мѣстѣ заключенія. Положеніе это надлежитъ признать вполне соотвѣтствующимъ требованіямъ справедливости въ виду того соображенія, что осужденный, признанный достойнымъ досрочнаго освобожденія и благополучно его проводшій, заслуживаетъ таковой льготы. (Объясн. зап. Мин. Юст., стр. 13).

такого рода сомнѣній, предпочла первую часть статьи 4 изъ проекта закона исключить, изложивъ вторую ея часть въ слѣдующемъ видѣ:

«Сроки дѣйствія постановленій объ отдачѣ приговоренныхъ къ срочному лишенію свободы подъ надзоръ мѣстной полиціи и объ ограниченіяхъ въ правѣ избранія и перемѣны мѣста жительства исчисляются со времени условнаго освобожденія осужденнаго». (Докл. Ком. Г. С., стр. 18, 19; Согл. зак. Особ. Ком., стр. 5—6).

5. Возбужденіе вопроса объ условномъ досрочномъ освобожденіи заключенныхъ принадлежитъ лицамъ прокурорскаго надзора, начальнику мѣста заключенія, директорамъ, директрисамъ и членамъ комитетовъ и отдѣленій общества попечительнаго о тюрьмахъ (въ С.-Петербургѣ и Москвѣ—благотворительно-тюремныхъ комитетовъ), членамъ мѣстныхъ обществъ патронажа и состоящимъ при мѣстѣ заключенія духовнымъ лицамъ и врачамъ.

Инициативу возбужденія вопроса объ условномъ освобожденіи законодательства обыкновенно предоставляютъ тюремному начальству. Въ правильности этого положенія нѣтъ основаній сомнѣваться, такъ какъ устраненіе тюремнаго начальства отъ участія въ разрѣшеніи вопроса о предоставленіи условной свободы обратило бы разсматриваемый институтъ въ пустую и мертвую форму, лишенную всякаго жизненнаго значенія. Возможныя опасенія, что наша тюремная администрація не подготовлена къ проведенію въ жизнь такого института, какъ условное освобожденіе, что со стороны ея могутъ быть злоупотребленія, едва ли слѣдуетъ признавать серьезно обоснованными. Безспорно, что нашъ тюремный персоналъ по своему составу не можетъ конкурировать съ персоналомъ западно-европейскихъ пенитенціарныхъ учрежденій, но несомнѣнно также и то, что изъ года въ годъ нашъ тюремный персоналъ все улучшается, а въ мѣстностяхъ, гдѣ введена тюремная инспекція, находится подъ непосредственнымъ руководствомъ и надзоромъ тюремныхъ инспекторовъ, въ большинствѣ случаевъ—лицъ, получившихъ высшее образованіе. Независимо отъ этого, центральнымъ управленіемъ принимаются всѣ мѣры къ улучшенію состава чиновъ тюремныхъ учрежденій, при чемъ такія мѣропріятія, какъ введеніе новыхъ штатовъ для исправительныхъ

арестантскихъ отдѣленій и предполагаемое преобразованіе штатовъ прочихъ мѣстъ заключенія, а равно и общая реформа мѣстнаго тюремнаго управленія,—могутъ служить прочнымъ обезпеченіемъ постепеннаго усовершенствованія нашей тюремной части повсемѣстно.

Привлеченіе тюремной администраціи къ разрѣшенію вопросовъ объ условномъ освобожденіи и оказаніе ей въ этомъ дѣлѣ довѣрія представляется безусловно необходимымъ какъ по существу самаго дѣла, такъ и потому, что, при постоянно обнаруживаемомъ недовѣріи, лишеніи всякой инициативы и контролѣ въ каждой мелочи, нельзя ожидать активной и плодотворной дѣятельности отъ лицъ, приставленныхъ къ столь живому и многосложному дѣлу, какъ завѣдываніе мѣстами заключенія. Участіе тюремной администраціи въ дѣлѣ условнаго освобожденія, независимо отъ прямой цѣли, должно будетъ повлечь еще и другія благія послѣдствія. Оно побудитъ начальство мѣстъ заключенія стать ближе къ заключенному и подниметъ въ нашихъ тюрьмахъ значеніе современныхъ пенитенціарныхъ задачъ. вмѣстѣ съ тѣмъ оно послужитъ средствомъ къ упроченію авторитета начальника, къ поддержанію котораго должны быть приняты самыя рѣшительныя мѣры. Тѣмъ не менѣе такая постановка вопроса вовсе не исключаетъ предоставленія инициативы и другимъ лицамъ, такъ или иначе соприкасающимся съ заключенными, ибо участіе ихъ въ этомъ дѣлѣ будетъ, съ одной стороны, гарантировать безпристрастіе, а съ другой — полноту изученія личности освобождаемаго. Поэтому предположено возбужденіе вопроса объ условномъ досрочномъ освобожденіи заключенныхъ предоставить не только начальнику мѣста заключенія, но и членамъ мѣстныхъ обществъ патронажа, благотворительно-тюремныхъ комитетовъ, комитетовъ и отдѣленій общества попечительнаго о тюрьмахъ и состоящимъ при тюремномъ учрежденіи духовнымъ лицамъ и врачамъ. Въ особенности было бы цѣлесообразнымъ предоставленіе права возбужденія вопроса о примѣненіи условнаго освобожденія лицамъ прокурорскаго надзора, такъ какъ прокуратура, на которую закономъ возложены особыя обязанности по надзору за мѣстами заключенія, будучи облечена подобнымъ правомъ, можетъ обезпечить лишь правильное и безпристрастное примѣненіе разсматриваемаго института. Такое право прокурорскаго надзора особенно цѣнно по отношенію къ уѣзднымъ тюрьмамъ, при коихъ, за весьма рѣдкими

исключеніями, очень слабо развита дѣятельность тюремно-благотворительныхъ обществъ (общества попечительнаго о тюрьмахъ) и гдѣ поэтому инициатива возбужденія вопроса о примѣненіи условнаго досрочнаго освобожденія будетъ фактически принадлежать однимъ начальникамъ этихъ учреждений, которые именно въ этихъ тюрьмахъ не всегда стоятъ на должной высотѣ. Правомъ возбужденія вопроса о примѣненіи условнаго освобожденія чины прокурорскаго надзора будутъ очевидно пользоваться только въ отношеніи такихъ арестантовъ, поведение которыхъ имъ лично извѣстно, вслѣдствіе чего подобное право не можетъ подорвать авторитета начальника тюрьмы въ глазахъ арестантовъ. Последніе и не должны быть освѣдомляемы о возбужденіи указаннаго вопроса до разсмотрѣнія таковаго въ особомъ совѣщаніи; не можетъ, казалось бы, означенное право прокурорскаго надзора стѣснить и сужденія начальника тюрьмы въ совѣщаніи, членами коего чины прокурорскаго надзора состоятъ не будутъ.

Нѣкоторыя законодательства, какъ напр. французское, предоставляютъ инициативу возбужденія вопроса о досрочномъ освобожденіи и самому заключенному. Однако допущеніе у насъ такой инициативы самого заключеннаго едва ли было бы цѣлесообразнымъ, какъ въ виду склонности нашего арестанта къ сутяжничеству, такъ и потому, что вопросъ о способѣ и порядкѣ отбытія наказанія, законно примѣняемаго, не можетъ быть предметомъ обсужденія заключеннаго. (Объясн. зап. Мин. Юст., стр. 13—15).

6. Вопросъ объ условномъ досрочномъ освобожденіи можетъ быть возбужденъ и до истеченія трехъ четвертей опредѣленнаго судебнымъ приговоромъ срока, но съ тѣмъ, чтобы само освобожденіе было осуществлено не раньше наступленія означеннаго въ статьѣ 1 срока условнаго освобожденія.

Статья 6 проекта гласитъ, что «вопросъ объ условномъ досрочномъ освобожденіи можетъ быть возбужденъ и до истеченія трехъ четвертей опредѣленнаго судебнымъ приговоромъ срока, но съ тѣмъ, чтобы самос освобожденіе было осуществлено не раньше наступленія этого срока». По этому поводу было заявлено, что предположенное правило представлялось бы полезнымъ восполнить указаніемъ на то, за сколько именно времени до истеченія трехъ четвертей назначаемаго приговоромъ срока лишенія свободы можетъ быть возбуждаемъ вопросъ о досрочномъ освобожде-

ніи заключеннаго. Съ своей стороны, Коммисія, не встрѣчая препятствій къ принятію этой статьи, съ соотвѣтственнымъ съ статьею 1 проекта измѣненіемъ ея редакціи, нашла, что, такъ какъ цѣль означеннаго постановленія заключается въ томъ, чтобы досрочное освобожденіе осуществлялось въ тотъ самый моментъ, когда по закону оно можетъ быть предоставлено заключенному, то казалось бы, что, въ виду затруднительности въ законодательномъ порядкѣ опредѣлить то время, когда вопросъ о досрочномъ освобожденіи долженъ быть возбуждаемъ, отъ Министра Юстиціи можетъ зависѣть дать надлежащія по этому предмету указанія въ инструкціонномъ порядкѣ. (Докл. Ком. Г. С., стр. 6—7; Согл. зак. Особ. Ком., стр. 6—7).

7. Вопросъ о примѣненіи условнаго досрочнаго освобожденія къ заключенному вносится начальникомъ мѣста заключенія на обсужденіе Особаго Совѣщанія, подъ предсѣдательствомъ одного изъ мѣстныхъ мировыхъ судей, назначаемаго съѣздомъ мировыхъ судей или окружнымъ судомъ, по принадлежности, а въ мѣстностяхъ, гдѣ введено Положеніе о земскихъ участковыхъ начальникахъ,—мѣстнаго уѣзднаго члена окружнаго суда. Особое Совѣщаніе образуется изъ лица прокурорскаго надзора, губернскаго тюремнаго инспектора или его помощника (тамъ, гдѣ должности эти учреждены), полиціймейстера или уѣзднаго исправника или лица, занимающаго соотвѣтствующую должность, или ихъ помощника, начальника мѣста заключенія или его помощника, двухъ директоровъ или директрисъ мѣстныхъ комитета или отдѣленія общества попечительнаго о тюрьмахъ, по избранію сихъ установленій (въ С.-Петербургѣ и Москвѣ—двухъ директоровъ или директрисъ благотворительно-тюремныхъ комитетовъ, по избранію правленій сихъ комитетовъ), а гдѣ учреждены общества патроната,—и двухъ членовъ сихъ обществъ, избираемыхъ ихъ правленіями; состоящихъ при мѣстѣ заключенія: духовнаго лица того вѣроисповѣданія, къ которому принадлежитъ заключенный, врача, имѣвшаго надъ нимъ наблюденіе или пользовавшаго его отъ болѣзни, и лица, завѣдывающаго школьнымъ обученіемъ заключенныхъ. Для законности состава Совѣщанія необходимо присутствіе предсѣдателя, начальника мѣста заключенія или его помощника, одного изъ директоровъ или директрисъ мѣстныхъ комитета или отдѣленія общества попечительнаго о тюрьмахъ (въ С.-Петербургѣ

и Москвѣ—благотворительно-тюремнаго комитета) или одного изъ членовъ мѣстнаго общества патроната *).

Коммисія по судебнымъ реформамъ Государственной Думы, остановившись на проектѣ этой статьи, нашла, что ею предполо-

*) Вопросъ о примѣненіи условнаго досрочнаго освобожденія къ заключенному вносится начальникомъ тюремнаго учрежденія на обсужденіе особаго совѣщанія, образуемаго подъ предсѣдательствомъ мѣстнаго мирового судьи, а въ мѣстностяхъ, гдѣ введено положеніе о земскихъ участковыхъ начальникахъ, мѣстнаго уѣзднаго члена окружнаго суда, изъ начальника мѣста заключенія, помощниковъ его и состоящихъ при тюремномъ учрежденіи духовнаго лица того вѣроисповѣданія, къ коему принадлежитъ заключенный, врача, имѣвшаго надъ нимъ наблюденіе или пользовавшаго его отъ болѣзни, и завѣдывающаго обученіемъ заключенныхъ, двухъ директоровъ или директрисъ мѣстныхъ комитета или отдѣленія общества попечительнаго о тюрьмахъ, по избранію сихъ установленій и съ утвержденія губернатора, а гдѣ учреждены общества патроната—двухъ членовъ сихъ обществъ, избираемыхъ правленіемъ общества и утверждаемыхъ губернаторомъ.

Для законности состава совѣщанія необходимо присутствіе предсѣдательствующаго, начальника мѣста заключенія или его помощника, одного изъ директоровъ или директрисъ мѣстныхъ комитета или отдѣленія общества попечительнаго о тюрьмахъ или одного изъ членовъ общества патроната.

Примѣчаніе. Въ С.-Петербургѣ и Москвѣ директора и директрисы благотворительно-тюремныхъ комитетовъ избираются въ члены особаго совѣщанія правленіями сихъ комитетовъ. (Проект. Мин. Юст.).

По вопросу объ органахъ, примѣняющихъ условное досрочное освобожденіе, въ законодательствахъ, принявшихъ этотъ институтъ, содержатся слѣдующія правила. Французскій законъ 1885 г. предоставляетъ окончательное распоряженіе объ условномъ освобожденіи министру внутреннихъ дѣлъ, который основывается на заключеніи префекта, директора тюрьмы или начальника пенитенціарнаго округа, наблюдательной коммисіи и прокурорскаго надзора того судебнаго учрежденія, комъ былъ постановленъ приговоръ объ освобождаемомъ (ст. 3). Всѣ данныя (notice individuelle) о заключенномъ, которому мѣстная власть предполагаетъ даровать условную свободу, сосредоточиваются въ особомъ комитетѣ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ (comité de la libération conditionnelle), состоящемъ подъ предсѣдательствомъ директора центрального тюремнаго управленія изъ семи чиновъ министерства внутреннихъ дѣлъ и трехъ чиновъ министерства юстиціи, въ качествѣ членовъ. Постановленія этого комитета утверждаются министромъ. Бельгійскій законъ 1888 г. возлагаетъ рѣшеніе объ освобожденіи на тѣ же органы, какъ во Франціи, съ тою лишь разницею, что окончательное распоряженіе по этому предмету дѣлаетъ министр юстиціи (ст. 5). На основаніи § 25 германскаго уголовного уложенія опредѣленіе объ условномъ освобожденіи исходитъ отъ высшаго завѣдующаго юстиціею учрежденія (oberste Justiz-Aufsichtsbehörde), которое основывается на заключеніи тюремнаго управленія (Gefängnisverwaltung). Подробности опредѣляются въ порядкѣ инструкціонномъ (инструкція, § 181; цирку. 21 янв. 1871 г.). Вопросъ о предполагаемомъ условномъ освобожденіи начальникъ мѣста заключенія вноситъ въ конференцію, состоящую изъ чиновъ тюремнаго учрежденія. Постановленія конференціи представляются чрезъ прокурора въ высшій земскій судъ того округа, гдѣ находится судъ, постановившій объ освобождаемомъ обвинительный приговоръ, а о лицахъ, принадлежавшихъ до осужденія къ военному или военно-морскому вѣдомству,—въ военное министерство (по судебному отдѣленію) или въ морское министерство, по принадлежности. Рѣшеніе суда гражданскаго вѣдомства подлежитъ утвержденію министра юстиціи. Въ Венгріи допускается возбужденіе вопроса объ условномъ освобожденіи самимъ заключеннымъ и наблюдательнымъ комитетомъ. Послѣдній (состоящій изъ предсѣдателя суда второй степени или лица, заступающаго его мѣсто, прокурора или его товарища, директора тюрьмы, духовнаго лица, тюремнаго учителя и двухъ

жено требовать утверждения губернаторомъ лицъ, избранныхъ отдѣленіемъ общества попечительнаго о тюрьмахъ или обществомъ патроната въ составъ особаго совѣщанія по примѣненію условнаго досрочнаго освобожденія. Что касается до директоровъ отдѣленій

представителей муниципальнаго управленія) рассматриваетъ вопросъ объ условномъ освобожденіи и заключеніе свое по этому предмету представляетъ министру юстиціи, отъ котораго зависитъ окончательное рѣшеніе (ст. 43, 46 и 48 угол. улож.). Въ Италіи точно также допущено ходатайство самаго заключеннаго. Каждая просьба препровождается генеральному прокурору того апелляціоннаго суда, въ округѣ котораго состоялся обвинительный приговоръ, при чемъ прилагается постановленіе дирекціи и наблюдательнаго комитета мѣста заключенія. Прокуроръ предлагаетъ дѣло со своимъ заключеніемъ обвинительной камерѣ, опредѣленіе которой представляется на окончательное разрѣшеніе министра юстиціи. Въ Финляндіи возбужденіе вопроса объ условномъ освобожденіи предоставляется дирекціи карательнаго заведенія. Дирекція входитъ съ представленіемъ на имя Государя Императора, препровождая свое ходатайство въ тюремное управленіе, а это послѣднее, представляетъ упомянутое ходатайство съ своимъ заключеніемъ въ Сенатъ по судебному департаменту, который окончательно рѣшаетъ дѣло (Высоч. постан. 19 дек. 1889 г., § 13 сб. постан. В. К. Ф. 1894 г. № 17).

Изъ изложеннаго усматривается, что въ предварительной стадіи вопросъ объ условномъ освобожденіи подлежитъ обсужденію учреждений, близко стоящихъ къ заключенному и тюрьмѣ. Рѣшеніе тюремныхъ органовъ контролируется судебными установленіями при участіи прокурорскаго надзора и окончательно утверждается высшею административною или судебною властью.

Обращаясь къ обсужденію того порядка, который было бы желательно установить у насъ, нельзя не замѣтить, что, съ предоставленіемъ начальнику мѣста заключенія виднаго значенія въ дѣлѣ примѣненія условнаго освобожденія (ст. 4 проекта), возникаетъ необходимость обставить примѣненіе этого новаго института такими гарантіями, которыя, устраняя всякое подозрѣніе въ лицепріятіи, укрѣпляли бы какъ въ арестахъ, такъ и въ населеніи страны довѣріе къ каждому отдѣльному случаю его примѣненія и вѣру въ благотворность новаго закона. Поэтому примѣненіе условнаго освобожденія слѣдовало бы возложить на коллегіальное учрежденіе подъ контролемъ судебныхъ органовъ, подобно тому, какъ это принято отчасти въ иностранныхъ законодательствахъ и у насъ въ Финляндіи.

Въ этомъ отношеніи представлялось бы соотвѣтственнымъ въ качествѣ первой инстанціи образовать *особое совѣщаніе*, въ составѣ лицъ, близко соприкасающихся вообще съ бытомъ того именно тюремнаго учрежденія, въ коемъ содержится освобождаемый, и въ частности съ характеромъ и качествами послѣдняго. Къ такимъ лицамъ надо отнести самого начальника мѣста заключенія, его помощниковъ, духовныхъ лицъ, состоящихъ при тюремномъ учрежденіи, врачей, имѣвшихъ наблюденіе надъ освобождаемымъ или пользовавшихся его отъ болѣзни, и завѣдывающаго обученіемъ заключенныхъ. Всѣ эти лица, безъ сомнѣнія, могутъ представить цѣнныя данныя по рассматриваемому вопросу и содѣйствовать его разностороннему освѣщенію. Затѣмъ, также въ качествѣ членовъ совѣщанія, должны быть допущены представители тѣхъ учреждений, которыя проявляютъ свою дѣятельность въ заботахъ о заключенныхъ, какъ во время содержанія ихъ подъ стражею, такъ и по освобожденіи, т. е. представителей мѣстныхъ комитета или отдѣленія общества попечительнаго о тюрьмахъ, а также обществъ патроната, гдѣ таковыя учреждены. Хотя означенные члены и не всегда будутъ принимать на себя обязанность попеченія объ освобождаемомъ въ данной мѣстности, такъ какъ освобожденный можетъ быть отправленъ на жительство на родину или вообще въ иное мѣсто, но тѣмъ не менѣе участіе этихъ лицъ въ обсужденіи вопроса объ условномъ освобожденіи нельзя не признать весьма полезнымъ. На этомъ основаніи предположено допустить въ качествѣ членовъ совѣщанія двухъ директоровъ

попечительнаго о тюрьмахъ общества, то предварительное утверждение ихъ въ семь званій Высочайшею властью дѣлаетъ, казалось бы, излишнимъ особое разрѣшеніе со стороны губернатора на вступленіе ихъ въ составъ особаго совѣщанія. Что же касается до членовъ совѣщанія, избираемыхъ обществами патроната, то, конечно, губернаторъ не можетъ быть лично освѣдомленъ о всѣхъ избираемыхъ лицахъ и вынужденъ будетъ весьма часто основываться на донесеніяхъ и отзывахъ даже низшихъ органовъ полиціи. Въ этомъ отношеніи въ гораздо болѣе выгодномъ положеніи находится прокуроръ окружнаго суда, который чрезъ непосредственно подчиненныхъ ему товарищей прокурора, завѣдующихъ уѣздными тюрьмами, всегда будетъ имѣть полную возможность выяснить, въ какой мѣрѣ избранные обществами патроната члены совѣщанія могутъ быть допущены къ выполненію функцій, возлагаемыхъ закономъ на это совѣщаніе. Въ виду этихъ соображеній, Коммисія пришла къ заключенію о необходимости вовсе устранить

или директрисъ общества попечительнаго о тюрьмахъ, по избранію комитета или отдѣленія и двухъ членовъ общества патроната, по избранію ихъ правленій, съ утвержденія тѣхъ и другихъ губернаторомъ; а въ Петербургѣ и Москвѣ директора и директрисы благотворительно-тюремныхъ комитетовъ должны избираться правленіями послѣднихъ.

Предсѣдателемъ совѣщанія едва ли было бы удобно назначить начальника мѣста заключенія. Въ этомъ отношеніи нельзя не считаться съ тѣмъ обстоятельствомъ, что начальники уѣздныхъ, да и многихъ губернскихъ тюремъ, не обладающіе въ большинствѣ случаевъ достаточнымъ образовательнымъ цензомъ и избираемые часто изъ отставныхъ нижнихъ военныхъ чиновъ, едва ли могутъ быть достаточно авторитетными предсѣдателями собранія, членами коего состоятъ директора тюремнаго комитета или члены обществъ патроната, каковыя должности занимаютъ обыкновенно почетныя лица губерніи или уѣзда (напр., уѣздный предводитель дворянства, членъ суда и т. п.), стоящіе въ іерархическомъ отношеніи значительно выше начальника тюрьмы. Вслѣдствіе сего и принимая во вниманіе, что управленіе ходомъ засѣданія совѣщанія, и притомъ довольно многочисленнаго по составу, должно быть вѣрою лицу, имѣющему въ этомъ дѣлѣ навыкъ и стоящему по общественному или служебному своему положенію въ всякихъ постороннихъ вліяній, а также пользующемуся въ средѣ мѣстнаго общества солиднымъ авторитетомъ, надлежитъ признать, что всего правильнѣе и полезнѣе для дѣла возложить обязанность предсѣдательства на мѣстнаго уѣзднаго члена окружнаго суда или, гдѣ положеніе о земскихъ участковыхъ начальникахъ не введено, — мирового судью. Эти лица, пользуясь по ихъ положенію достаточнымъ авторитетомъ, могутъ по своимъ спеціальнымъ познаніямъ въ значительной мѣрѣ способствовать правильному примѣненію разсматриваемаго института.

Въ виду многочисленности состава особаго совѣщанія представляется необходимымъ указать въ законѣ, присутствіе какихъ членовъ обязательно для законности состава совѣщанія. Безъ такого указанія, для образованія присутствія совѣщанія была бы необходима наличность всѣхъ членовъ, указанныхъ въ статьѣ 5, на что едва ли возможно всегда рассчитывать. Въ виду этого во 2 части статьи 5 и перечислены тѣ лица, присутствіе которыхъ, въ виду ихъ значенія при рѣшеніи вопроса о досрочномъ освобожденіи, представляется безусловно необходимымъ. (Объясн. зап. Мин. Юст., стр. 15—19).

утвержденіе губернаторами директоровъ отдѣленій попечительнаго о тюрьмахъ общества, а въ отношеніи членовъ общества патроната передать соотвѣтственныя права прокурору мѣстнаго окружнаго суда.

Въ той же статьѣ вызываетъ сомнѣніе и столь широкое представленіе въ особомъ совѣщаніи объ условномъ освобожденіи тюремнаго начальства въ лицѣ не только начальника мѣста заключенія, но и его помощниковъ, тогда какъ очевидно присутствіе послѣднихъ, одновременно съ начальникомъ, дало бы едва ли желательное значительное преобладаніе тюремнаго персонала надъ элементами судебнымъ и общественнымъ; присутствіе помощниковъ можетъ быть, конечно, допущено лишь въ качествѣ замѣстителей начальника мѣста заключенія въ его отсутствіе, а потому Коммисія признала необходимымъ сдѣлать въ статьѣ редакціонное измѣненіе и сказать, что въ совѣщаніи участвуетъ начальникъ мѣстнаго заключенія или его помощникъ. (Докл. Ком. Г. Д., стр. 5).

Съ своей стороны Коммисія Государственного Совѣта нашла, что, статья 7, опредѣляя составъ особаго совѣщанія, разсматривающаго вопросъ о предоставленіи заключенному досрочнаго освобожденія, между прочимъ, устанавливаетъ, что предсѣдателемъ сего совѣщанія состоитъ одинъ изъ мѣстныхъ мировыхъ судей, назначаемыхъ съѣздомъ мировыхъ судей. Имѣя, однако, въ виду, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Имперіи, какъ, напримѣръ, въ Закавказьѣ, съѣзды мировыхъ судей не образованы и обязанности ихъ возложены на окружные суды, Коммисія признала полезнымъ дополнить въ семъ отношеніи статью соотвѣтственною оговоркою. Далѣе, перечисляя членовъ совѣщанія, статья 7 упоминаетъ о «завѣдывающимъ обученіемъ заключенныхъ». Припимая въ соображеніи, что при мѣстѣ заключенія могутъ быть завѣдывающіе разными работами, и полагая, что рѣшающій голосъ въ этомъ совѣщаніи можетъ быть предоставленъ только лицу, завѣдывающему школьнымъ обученіемъ, а не мастерамъ, обучающимъ заключенныхъ ремесламъ, какъ людямъ, по своему образованію, мало подготовленнымъ для оцѣнки всѣхъ тѣхъ условій, которыя требуются для примѣненія института условнаго досрочнаго освобожденія, Коммисія признала необходимымъ дополнить текстъ статьи указаніемъ, что въ составъ совѣщанія входитъ завѣдывающій

школьнымъ обученіемъ заключенныхъ. (Докл. Ком. Г. С., стр. 20).

Независимо отъ сего, Государственный Совѣтъ призналъ полезнымъ участіе въ составѣ Особыхъ Совѣщаній уѣзднаго исправника и полиціймейстера, какъ лицъ, которыя могутъ быть хорошо знакомы съ мѣстными условіями и самими заключенными и съ тою средою, въ которой они вращались, а также тюремнаго инспектора или его помощника, участіе которыхъ въ составѣ Особыхъ Совѣщаній, въ особенности на первое время дѣйствія у насъ института условнаго досрочнаго освобожденія, можетъ быть желательнымъ.

Вполнѣ соглашаясь съ проектированными Государственнымъ Совѣтомъ измѣненіями, Особая Коммисія (изъ 6 членовъ Государственнаго Совѣта и 6 членовъ Государственной Думы), съ своей стороны, не могла также не признать, что участіе въ разрѣшеніи вопроса о возможности предоставленія заключенному досрочнаго освобожденія—уѣзднаго исправника или полиціймейстера, по принадлежности, которые, хотя и состоятъ по должности директорами уѣзднаго отдѣленія общества попечительнаго о тюрьмахъ, но могутъ не всегда избираться отдѣленіемъ въ составѣ Особого Совѣщанія, представляется до нѣкоторой степени полезнымъ. Считая, однако, что въ составѣ Особого Совѣщанія достаточно имѣть либо уѣзднаго исправника, либо полиціймейстера, а не обоихъ этихъ должностныхъ лицъ одновременно, Особая Коммисія, единогласно, полагала дополнить статью 7 соотвѣтствующимъ указаніемъ и принять ее въ нижеслѣдующей редакціи:

«7. Вопросъ о примѣненіи условнаго досрочнаго освобожденія къ заключенному вносится начальникомъ мѣста заключенія на обсужденіе Особого Совѣщанія, подѣ председательствомъ одного изъ мѣстныхъ мировыхъ судей, назначаемаго съѣздомъ мировыхъ судей или окружнымъ судомъ, по принадлежности, а въ мѣстностяхъ, гдѣ введено положеніе о земскихъ участковыхъ начальникахъ,—мѣстнаго уѣзднаго члена окружнаго суда. Особое Совѣщаніе образуется изъ лица прокурорскаго надзора, губернскаго тюремнаго инспектора или его помощника (тамъ, гдѣ должности эти учреждены), полиціймейстера или уѣзднаго исправника или лица, занимающаго соотвѣтствующую должность, или ихъ помощника, начальника мѣста заключенія или его помощ-

ника, двухъ директоровъ или директрисъ мѣстныхъ комитета или отдѣленія общества попечительнаго о тюрьмахъ, по избранію сихъ установленій (въ С.-Петербургѣ и Москвѣ—двухъ директоровъ или директрисъ благотворительно-тюремныхъ комитетовъ, по избранію правленій сихъ комитетовъ), а гдѣ учреждены общества патроната,—и двухъ членовъ сихъ обществъ, избираемыхъ ихъ правленіями; состоящихъ при мѣстѣ заключенія: духовнаго лица того вѣроисповѣданія, къ которому принадлежитъ заключенный, врача, имѣвшаго надъ нимъ наблюденіе или пользовавшаго его отъ болѣзни, и лица, завѣдывающаго школьнымъ обученіемъ заключенныхъ. Для законности состава Совѣщанія необходимо присутствіе предсѣдателя, начальника мѣста заключенія или его помощника, одного изъ директоровъ или директрисъ мѣстныхъ комитета или отдѣленія общества попечительнаго о тюрьмахъ (въ С.-Петербургѣ и Москвѣ—благотворительно-тюремнаго комитета) или одного изъ членовъ мѣстнаго общества патроната». *Примѣчаніе* же къ ст. 7 проекта исключить.

(Согл. закл. Особ. Ком., стр. 7—8).

8. Вопросъ о предоставленіи условнаго досрочнаго освобожденія разрѣшается Особымъ Совѣщаніемъ по большинству голосовъ; при равенствѣ голосовъ, мнѣніе предсѣдателя даетъ перевѣсъ.

9. Постановленіе Особаго Совѣщанія заносится въ протоколъ съ подробнымъ изложеніемъ основаній, по коимъ заключенный признается или не признается заслуживающимъ условнаго досрочнаго освобожденія. Каждый изъ членовъ Особаго Совѣщанія, оставшійся при особомъ мнѣніи, можетъ представить таковое въ письменномъ изложеніи для пріобщенія къ протоколу.

Постановленіе этой статьи проектировано въ виду желательности предоставить суду, окончательно разрѣшающему вопросъ о примѣненіи условнаго досрочнаго освобожденія, возможно полный матеріалъ для обоснованія своего сужденія. (Объясн. зап. Мин. Юст., стр. 21).

10. Возобновленіе ходатайства объ условномъ досрочномъ освобожденіи можетъ послѣдовать не ранѣе истеченія трехъ мѣся-

цевъ съ того дня, когда состоялось постановленіе о признаніи заключеннаго незаслуживающимъ такого освобожденія.

Намѣчая весьма широко кругъ лицъ, которымъ предоставляется инициатива возбужденія вопроса объ условномъ досрочномъ освобожденіи, необходимо, съ другой стороны, для устраненія обремененія особаго совѣщанія неоднократнымъ разсмотрѣніемъ однихъ и тѣхъ же дѣлъ предупредить возможность слишкомъ частаго возбужденія вопроса объ условномъ освобожденіи одного и того же лица въ тѣхъ случаяхъ, когда предшествующее ходатайство по тому же предмету было признано Особымъ Совѣщаніемъ незаслуживающимъ удовлетворенія. Съ этою цѣлью въ приведенной статьѣ проекта устанавливается запрещеніе возобновлять такое ходатайство ранѣе трехъ мѣсяцевъ со времени его отклоненія, такъ какъ въ теченіе болѣе короткаго срока едва ли можно ожидать наступленія какихъ либо болѣе или менѣе существенныхъ измѣненій тѣхъ условій, которыя имѣютъ рѣшающее значеніе при разсмотрѣніи вопроса о возможности предоставленія данному лицу условнаго досрочнаго освобожденія (тамъ же стр. 21).

11. Постановленіе Особаго Совѣщанія о предоставленіи условнаго досрочнаго освобожденія объявляется заключенному начальникомъ мѣста заключенія не позже дня, слѣдующаго за тѣмъ, въ который это постановленіе состоялось, съ предупрежденіемъ, что освобожденіе можетъ послѣдовать лишь съ утвержденія судебной власти. При этомъ начальникъ мѣста заключенія предлагаетъ заключенному дать письменное обязательство въ томъ, что имъ будутъ соблюдаться условія, на коихъ ему предоставляется свобода, а также указать мѣсто жительства, которое онъ желаетъ избрать на время условнаго досрочнаго освобожденія.

Постановленіемъ Особаго Совѣщанія о предоставленіи условнаго досрочнаго освобожденія открывается для заключеннаго возможность быть выпущеннымъ изъ подъ стражи. Поэтому, чтобы не задерживать въ заключеніи лишнее время такое лицо, относительно котораго возникло предположеніе, что дальнѣйшее содержаніе его подъ стражей можетъ оказаться излишнимъ, въ 9-ой и слѣдующихъ статьяхъ проекта предположено установить кратчайшій срокъ для прохожденія дѣла объ условномъ досрочномъ освобожденіи черезъ всѣ необходимыя стадіи разсмотрѣнія.

Для того, чтобы избѣжать случаевъ напраснаго разсмотрѣнія судомъ дѣлъ объ условномъ досрочномъ освобожденіи, начальнику мѣста заключенія вмѣняется въ обязанность предварительно отбирать отъ заключеннаго заявленіе о согласіи или несогласіи его воспользоваться такимъ освобожденіемъ; на необходимость такого заявленія было указано при изложеніи общихъ соображеній по поводу настоящаго проекта. Далѣе, въ виду того, что, согласно предположеніямъ ст. 12 сего проекта, судъ, при предоставленіи условнаго досрочнаго освобожденія, назначаетъ досрочно-освобождаемому мѣстность для постояннаго его жительства, при чемъ, конечно, онъ можетъ сообразоваться съ желаніями освобождаемаго, начальнику мѣста заключенія поручается опрашивать заключеннаго о мѣстѣ жительства, которое онъ желаетъ избрать на время его досрочнаго освобожденія, для доставленія этихъ свѣдѣній суду. Наконецъ, чтобы оградить какъ начальника мѣста заключенія, такъ и другихъ членовъ особаго совѣщанія отъ упрековъ или подозрѣній въ пристрастіи, и для того, чтобы не вселять въ заключенныхъ ложнаго представленія о томъ, будто приговоръ суда можетъ быть измѣненъ постановленіемъ другихъ учреждений, въ разъясняемую статью проекта включено указаніе на необходимость предупреждать заключеннаго о томъ, что окончательное разрѣшеніе вопроса о его освобожденіи зависитъ отъ судебной власти. (Объясн. зап. Мин. Юст., стр. 23).

Соотвѣтственно съ вышеприведенными, при обсужденіи статьи 1 проекта, соображеніями относительно необходимости согласія заключеннаго на условное досрочное освобожденіе, Комисія нашла, что статья 11 проекта должна быть изложена въ слѣдующей редакціи:

«Постановленіе особаго совѣщанія о предоставленіи условнаго досрочнаго освобожденія объявляется заключенному начальникомъ мѣста заключенія не позже дня, слѣдующаго за тѣмъ, въ который это постановленіе состоялось, съ предупрежденіемъ, что освобожденіе можетъ послѣдовать лишь съ утвержденія судебной власти. При этомъ начальникъ мѣста заключенія предлагаетъ заключенному дать письменное обязательство въ томъ, что имъ будутъ соблюдаться условія, на коихъ ему предоставляется свобода, а также указать мѣсто жительства, которое онъ желаетъ избрать на время условнаго досрочнаго освобожденія». (Докл. Ком. Г. С., стр. 21; Согл. зак. Особ. Ком., стр. 9).

12. Постановленіе Особого Совѣщанія, коимъ заключенный признанъ заслуживающимъ условнаго досрочнаго освобожденія, препровождается начальникомъ мѣста заключенія не позже дня, слѣдующаго за выдачею указаннаго въ предшедшей (11) статьѣ обязательства, вмѣстѣ съ особыми мнѣніями, если таковыя были заявлены, съ подлиннымъ дѣломъ о заключенномъ и другими, имѣющимися о немъ, свѣдѣніями, черезъ прокурора окружнаго суда, въ округъ котораго заключенный отбываетъ наказаніе, на разсмотрѣніе сего суда *).

Коммисія Государственной Думы, обсуждая эту статью проекта, нашла, что ею, предположено въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ введена

*) Постановленіе Особого Совѣщанія, коимъ заключенный признанъ заслуживающимъ условнаго досрочнаго освобожденія, при согласіи его воспользоваться предоставляемою ему льготой, начальникомъ мѣста заключенія препровождается не позже дня, слѣдующаго за полученіемъ такого согласія, вмѣстѣ съ особыми мнѣніями, если таковыя были заявлены, подлиннымъ дѣломъ о заключенномъ и другими имѣющимися о немъ свѣдѣніями, прокурору мѣстнаго окружнаго суда, а гдѣ учреждены тюремныя инспекціи — губернскому тюремному инспектору, который не позже, чѣмъ черезъ два дня со времени полученія, направляетъ дѣло съ своимъ заключеніемъ указанному прокурору. Послѣдній безъ замедленія предлагаетъ дѣло суду. (Проект. Мин. Юст.).

Съ момента изъявленія заключеннымъ согласія воспользоваться предоставляемою ему свободою на опредѣленныхъ условіяхъ, дѣло объ условномъ освобожденіи вступаетъ въ окончательную стадію разрѣшенія. Занадно-европейское законодательство ставитъ окончательное разрѣшеніе вопроса о возможности примѣненія условнаго досрочнаго освобожденія въ зависимость отъ усмотрѣнія административной власти Министерства Юстиціи или Внутреннихъ Дѣлъ, куда стекаются всѣ ходатайства по дѣламъ сего рода, возбужденныя подлежащимъ должностнымъ лицомъ или учрежденіемъ (особыя комиссіи), а въ иныхъ случаяхъ (въ Италіи), даже кромѣ того провѣренныя судебными учрежденіями. Однако возложеніе постановленія опредѣленій объ освобожденіи на административную власть едва ли можетъ быть признано правильнымъ. Условное досрочное освобожденіе, являясь по существу своему облегченіемъ участи осужденнаго, несомнѣнно колеблетъ силу состоявшагося о немъ ранѣе судебного приговора. Въ виду сего и въ цѣляхъ соблюденія крайней осторожности при примѣненіи вводимаго института, было бы всего правильнѣе установить контроль со стороны тѣхъ органовъ, которымъ ввѣрено отправленіе въ государствѣ правосудія. Этотъ контроль необходимъ однако по отношенію лишь къ тѣмъ постановленіямъ совѣщаній, коими признано предоставить заключенному условную свободу, такъ какъ только такими постановленіями измѣняются порядокъ отбытія наказанія, назначеннаго судебнымъ приговоромъ, при чемъ заключенный ставится въ относительно самостоятельное положеніе. Въ остальныхъ же случаяхъ, т. е. когда Особое Совѣщаніе признаетъ заключеннаго не заслуживающимъ условной свободы, нѣтъ основаній подвергать постановленію Совѣщанія контролю и сомнѣваться въ правильности его отрицательнаго отношенія къ возбужденному ходатайству.

Затѣмъ необходимо, чтобы съ постановленіемъ Особого Совѣщанія, до поступленія его въ судъ, ознакомился тюремный инспекторъ и прокурорскій надзоръ. Тюремному инспектору важно знать постановленіе Совѣщанія для осуществленія надзора за тюремною администраціею. Прокурорскому же надзору ознакомленіе съ постановленіемъ необходимо для дачи заключенія въ судъ по вопросу объ освобожденіи.

При разрѣшеніи вопроса о примѣненіи условнаго досрочнаго освобожденія, по самому его существу, едва ли настоятъ надобность въ разсмотрѣніи дѣла тѣмъ именно судомъ,

тюремная инспекція, въ отступленіе отъ общаго правила о непосредственномъ представленіи постановленія особаго совѣщанія прокурору суда, препровождаютъ таковыя предварительно къ тюремному инспектору, который уже отъ себя представляетъ ихъ прокурору суда. Имѣя въ виду: 1) что вообще вопросъ о примѣненіи условнаго досрочнаго освобожденія будетъ требовать спѣшнаго обсужденія, такъ какъ возбужденіе его по проекту совпадаетъ съ наступленіемъ того періода отбытія наказанія (часто весьма непродолжительнаго; такъ напримѣръ при минимумѣ наказанія по ст. II въ 8 мѣсяцевъ—2 мѣсяца), когда допускается законопроектомъ примѣненіе условнаго досрочнаго освобожденія, и что поэтому должна быть устранена всякая излишняя проволочка, 2) что тюремный инспекторъ, завѣдуя рядомъ тюремъ и не имѣя, конечно, возможности имѣть свѣдѣній объ отдѣльныхъ арестантахъ и ихъ поведеніи, въ существо дѣла вдаваться не будетъ, 3) съ точки зрѣнія соотвѣтствія законамъ постановленія Особаго Совѣщанія будутъ провѣряться окружнымъ судомъ, Коммисія признала полезнымъ исключить изъ этой статьи предположенія о представленіи постановленія Особаго Совѣщанія на просмотръ тюремнаго инспектора. (Докл. Ком. Г. Д., № 132—¹/ш, стр. 5).

Обсудивъ статью 12 проекта о порядкѣ направленія постановленія Особаго Совѣщанія о предоставленіи заключенному условнаго досрочнаго освобожденія, въ связи съ послѣдующею статьею 13 о томъ, что дѣла по этому предмету подлежатъ разсмотрѣнію

которымъ постановленъ приговоръ, такъ какъ при рѣшеніи означеннаго вопроса вовсе нѣтъ надобности входить въ оцѣнку приговора,—напротивъ, вопросъ этотъ разрѣшается почти всецѣло оцѣнкою личности заключеннаго, его поведенія и проч. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ совпаденіе суда, постановившаго приговоръ, и суда, рѣшающаго о досрочномъ освобожденіи, будетъ имѣть мѣсто, но оно скорѣе вредно отразится на рѣшеніи, чѣмъ принесетъ пользу, такъ какъ судьямъ трудно будетъ отрѣшиться отъ обстоятельствъ учиненнаго преступнаго дѣянія, которыми отчасти заслоняты новыя факты, свидѣтельствующіе объ исправленіи осужденнаго. Затѣмъ, соображенія чисто практическаго свойства также не позволяютъ остановиться на выборѣ для этой цѣли судовъ по первоначальной подсудности, такъ какъ порядкомъ осужденные отбываютъ наказанія, въ особенности долгосрочныя, въ мѣстахъ заключенія, находящихся въ другихъ округахъ, а при нашихъ огромныхъ разстояніяхъ установленіе такой юрисдикціи для дѣлъ объ условномъ освобожденіи повело бы неминуемо къ значительному промедленію въ ихъ разрѣшеніи. Необходимость участія въ этого рода дѣлахъ прокурорскаго надзора, коллегіальное обсужденіе этого рода дѣлъ, и притомъ въ несудебномъ засѣданіи, а равно приведенныя выше соображенія, заставляютъ признать, что наиболѣе соотвѣтствующимъ судебнымъ учрежденіемъ для окончательнаго разрѣшенія вопросовъ о примѣненіи условнаго освобожденія является окружный судъ, въ округѣ котораго содержится подѣ стражею освобождаемый. (Объясн. зап. Мин. Юст., стр. 23—25).

окружного суда, въ округѣ котораго заключенный отбываетъ наказаніе, Коммисія Государственнаго Совѣта не встрѣтила препятствій къ тому, чтобы дѣла о досрочномъ освобожденіи заключенныхъ были отнесены къ вѣдѣнію окружного суда, въ округѣ котораго заключенный отбываетъ наказаніе, совершенно независимо отъ того, какимъ судомъ былъ постановленъ исполняющійся надъ нимъ приговоръ. Раздѣляя, въ существѣ, соображенія объяснительной записки Министерства Юстиціи (стр. 25) о необходимости сосредоточенія этихъ дѣлъ именно въ окружныхъ судахъ, коллегіальное устройство которыхъ и порядокъ разрѣшенія дѣлъ, при участіи прокурорскаго надзора, можетъ лучше обезпечить правильное и единообразное примѣненіе института условнаго досрочнаго освобожденія, Коммисія, съ своей стороны, нашла, что въ подвѣдомственности этихъ дѣлъ окружному суду, въ округѣ котораго заключенный отбываетъ наказаніе, и заключается главная сущность статей 12 и 13; между тѣмъ, въ первой изъ нихъ лишь указывается, что постановленіе особаго совѣщанія передается прокурору мѣстнаго окружного суда, которымъ дѣло предлагается суду, безъ поясненій, какому именно. Поэтому Коммисія полагала: исключивъ статью 13 *), внести содержащееся въ ней постановленіе въ предшествующую статью 12 и изложить послѣднюю такъ:

«Постановленіе особаго совѣщанія, коимъ заключенный признанъ заслуживающимъ условнаго досрочнаго освобожденія, препровождается начальникомъ мѣста заключенія не позже дня, слѣдующаго за выдачею указаннаго въ предшедшей (11) статьѣ обязательства, вмѣстѣ съ особыми мнѣніями, если таковыя были заявлены, съ подлиннымъ дѣломъ о заключенномъ и другими, имѣющимися о немъ, свѣдѣніями, черезъ прокурора окружного суда, въ округѣ котораго заключенный отбываетъ наказаніе, на разсмотрѣніе сего суда». (Докл. Ком. Г. С., стр. 22; Согл. закл. Особ. Ком. стр. 9—10).

13. Окружный судъ, по предложенію прокурора, разсматриваетъ дѣло объ условномъ досрочномъ освобожденіи въ распорядительномъ засѣданіи въ ближайшій присутственный день. Въ случаѣ надобности, судъ имѣетъ право требовать дополнительныхъ

*) Дѣла объ условномъ досрочномъ освобожденіи подлежатъ разсмотрѣнію окружного суда, въ округѣ котораго заключенный отбываетъ наказаніе. (Перв. проект., одобр. Гос. Думою).

свѣдѣній и вызывать въ засѣданіе для дачи объясненій пребывающихъ въ мѣстѣ нахожденія суда начальника мѣста заключенія, а равно и другихъ членовъ Совѣщанія. Утверждая постановленіе Особаго Совѣщанія, судъ назначаетъ досрочно-освобожденному мѣсто его жительства. Определенія суда по вопросу объ условномъ досрочномъ освобожденіи не подлежатъ обжалованію и немедленно, по постановленіи, обращаются къ исполненію на общемъ основаніи *).

Приведенная статья проекта, устанавливая порядокъ разсмотрѣнія дѣлъ о досрочно-освобождаемыхъ окружнымъ судомъ,

*) Судъ разсматриваетъ дѣло объ условномъ досрочномъ освобожденіи въ распорядительномъ засѣданіи въ ближайшій присутственный день. Въ случаѣ надобности, судъ имѣетъ право требовать дополнительныхъ свѣдѣній и вызывать въ засѣданіе для дачи объясненія начальника мѣста заключенія. Утверждая постановленіе особаго совѣщанія, судъ назначаетъ досрочно-освобожденному мѣсто его жительства. Определенія суда по вопросу объ условномъ досрочномъ освобожденіи не подлежатъ обжалованію и, немедленно по постановленіи, обращаются къ исполненію на общемъ основаніи. (Проект. Мин. Юст.).

Условное досрочное освобожденіе является только извѣстной формой отбыванія наказанія; поэтому судъ, разрѣшая вопросъ о такомъ освобожденіи, входитъ въ разсмотрѣніе лишь измѣненія порядка отбыванія наказанія, примѣнительно къ ст. 955 уст. угол. суд., каковой вопросъ, какъ не касающійся существа дѣла, подлежитъ обсужденію въ распорядительномъ засѣданіи суда.

Хотя судъ при разсмотрѣніи дѣла и будетъ располагать достаточнымъ для его рѣшенія матеріаломъ, тѣмъ не менѣе вполне возможны случаи возникновенія сомнѣній, вызывающихъ, для ихъ устраненія, необходимость въ дополнительныхъ свѣдѣніяхъ, а потому суду должно быть предоставлено право не только требовать доставленія такихъ свѣдѣній, но и вызывать для дачи объясненій начальника мѣста заключенія. Вызовъ другихъ лицъ, а въ особенности подчиненныхъ послѣднему, едва ли былъ бы уместенъ, а кромѣ того и неудобенъ, какъ замедляющій безъ пользы производство дѣлъ.

Основнымъ началомъ, обеспечивающимъ правильность примѣненія института условнаго досрочнаго освобожденія, является подчиненіе освобожденнаго постоянному, надлежащему надзору во время его условной свободы. Для того же, чтобы обеспечить соответствующимъ органамъ возможность въ дѣйствительности осуществлять такой надзоръ надъ освобожденнымъ, необходимо отнять у этого послѣдняго право свободной перемѣны мѣстожительства. Съ другой стороны, такъ какъ такой надзоръ является совершенно необходимымъ и такъ какъ не вездѣ онъ можетъ быть надлежащимъ образомъ организованъ, нельзя предоставлять освобождаемому право свободнаго избранія хотя бы даже постояннаго мѣстожительства. Такія ограниченія правъ условно освобождаемаго не могутъ показаться чрезмерными, если принять во вниманіе, что условная свобода предоставляется ему въ сущности взамѣнъ содержанія его подъ стражей, сопряженнаго, конечно, съ значительно большими стѣсненіями. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, слѣдуетъ признать, что вышеуказанныя серьезныя стѣсненія правъ освобождаемаго по избранію и перемѣнѣ мѣстожительства должны быть налагаемы только судомъ, какъ органомъ, болѣе всего обеспечивающимъ безпристрастное и всестороннее разсмотрѣніе дѣла. Соответственно съ этими соображеніями ст. 12 проекта и указываетъ, что мѣстожительство назначается досрочно-освобожденному судомъ; при этомъ, конечно, судъ будетъ принимать во вниманіе желанія и интересы освобождаемаго (ст. 9 настоящаго проекта).

Обжалованія опредѣленій суда слѣдуетъ ожидать, главнымъ образомъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда судомъ отказано въ предоставленіи условнаго досрочнаго освобожденія.

между прочимъ, предоставляетъ суду, въ случаѣ надобности, право вызывать въ засѣданіе для дачи объясненій начальника мѣста заключенія, а равно другихъ членовъ совѣщанія.

Съ своей стороны, Коммисія Государственного Совѣта приняла во вниманіе, что такое право суда, хотя и факультативнаго характера, можетъ возбуждать на практикѣ различнаго рода затрудненія. Вызовъ въ засѣданіе суда членовъ совѣщанія, проживающихъ часто въ уѣздныхъ городахъ, на значительныхъ отъ мѣста нахождения суда разстояніяхъ, былъ бы сопряженъ съ немалыми расходами, для возмѣщенія коихъ проектомъ не указывается никакого порядка, а въ отношеніи начальника мѣста заключенія сопровождался бы важными неудобствами служебнаго свойства. Поэтому, право вывоза въ засѣданіи членовъ совѣщанія, въ томъ числѣ и начальника мѣста заключенія, могло бы, по мнѣнію Коммисіи, быть предоставлено суду лишь для тѣхъ случаевъ, когда лица эти пребываютъ въ мѣстѣ нахождения суда. Такое условіе едва ли можетъ вызвать на практикѣ какія либо затрудненія, такъ какъ, согласно статьѣ 9 рассматриваемаго проекта, постановленія особаго совѣщанія заносятся въ протоколъ съ подробнымъ изложеніемъ основаній, по коимъ заключенный признается или не признается заслуживающимъ условнаго досрочнаго освобожденія, и каждый изъ членовъ особаго совѣщанія, оставшійся при особомъ мнѣніи, можетъ представить таковое въ письменномъ видѣ для приобщенія къ протоколу. При этомъ судъ имѣетъ право требовать всякаго рода дополнительныхъ свѣдѣній.

Та же статья говоритъ далѣе, что окружный судъ, утверждая постановленіе особаго совѣщанія, назначаетъ досрочно-освобожденному мѣсто его жительства. Хотя при этомъ не указывается, что судъ долженъ принимать во вниманіе мѣсто жительства, избранное самимъ заключеннымъ, тѣмъ не менѣе, въ виду того, что статьею 11 проекта требуется указаніе самимъ заключеннымъ мѣста жительства, которое онъ желаетъ себѣ избрать, и что выборъ тако-

Между тѣмъ въ такихъ случаяхъ содержаніе опредѣленія суда сводится, въ сущности, къ признанію отсутствія надлежащихъ основаній къ измѣненію положенія, созданнаго судебнымъ приговоромъ. Поэтому, и во избѣжаніе излишняго осложненія дѣлопроизводства, казалось бы дѣлесообразнымъ не допускать дальнѣйшаго обжалованія по вопросу, по которому уже разъ судомъ постановлено рѣшеніе, затѣмъ вторично подтвержденное. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ интересахъ равноправія сторонъ, казалось бы, нельзя предоставлять и прокуратурѣ права опротестовывать опредѣленіе суда по вопросу о предоставленіи условнаго досрочнаго освобожденія. (Объясн. зап. Мин. Юст, стр. 25—27).

вого можетъ находиться въ зависимости отъ принятія заключеннымъ на себя обязательства выполнять всѣ условія досрочнаго освобожденія, Коммисія выразила увѣренность, что судъ, назначая мѣсто жительства освобожденному, будетъ принимать въ соображеніе и заявленіе его объ избираемомъ мѣстѣ жительства, оставляя таковое безъ удовлетворенія лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда исполненіе желанія заключеннаго невозможно по закону или по какимъ нибудь особымъ условіямъ. На основаніи изложеннаго, Коммисія полагала эту статью проекта изложить слѣдующимъ образомъ:

«Окружный судъ, по предложенію прокурора, рассматриваетъ дѣло объ условномъ досрочномъ освобожденіи въ распорядительномъ засѣданіи въ ближайшій присутственный день. Въ случаѣ надобности, судъ имѣетъ право требовать дополнительныхъ свѣдѣній и вызывать въ засѣданіе для дачи объясненій пребывающихъ въ мѣстѣ нахожденія суда—начальника мѣста заключенія, а равно и другихъ членовъ совѣщанія. Утверждая постановленія особаго совѣщанія, судъ назначаетъ досрочно-освобожденному мѣсто его жительства. Опрежденія суда по вопросу объ условномъ досрочномъ освобожденіи не подлежатъ обжалованію и немедленно, по постановленіи, обращаются къ исполненію на общемъ основаніи». (Докл. Ком. Г. С., стр. 22—24; Согл. закл. Особ. Ком., стр. 10—11).

14. По полученіи выписки изъ опредѣленія окружнаго суда о предоставленіи заключенному условнаго досрочнаго освобожденія, начальникъ мѣста заключенія въ теченіе сутокъ приводитъ въ исполненіе означенное опредѣленіе; если же опредѣленіе суда послѣдовало до истеченія трехъ четвертей срока, къ которому былъ присужденъ заключенный, то въ тотъ же самый день, въ который истекаетъ указанный въ статьѣ 1 срокъ условнаго освобожденія. Въ томъ же случаѣ, когда начальнику мѣста заключенія сдѣлались извѣстными какія либо обстоятельства, которыя могутъ препятствовать предоставленію заключенному условнаго досрочнаго освобожденія и которыхъ судъ не имѣлъ въ виду при разрѣшеніи дѣла объ условномъ досрочномъ освобожденіи, начальникъ, не приостанавливая исполненія опредѣленія суда, немедленно доводитъ объ открывшихся препятствіяхъ до свѣдѣнія прокурора

суда, для предложенія суду о пересмотрѣ постановленнаго имъ опредѣленія.

Постановленіемъ этимъ обезпечивается немедленное и непрекословное исполненіе, со стороны начальника мѣста заключенія, опредѣленія суда объ условномъ досрочномъ освобожденіи и вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ порядокъ доведенія до свѣдѣнія суда объ обстоятельствахъ, могущихъ препятствовать предоставленію заключенному условнаго освобожденія и не бывшихъ въ разсмотрѣніи суда. Порядокъ этотъ аналогиченъ съ тѣмъ, который установленъ настоящимъ проектомъ, по отношенію къ должностнымъ лицамъ и учрежденіямъ, на попеченіи коихъ находится досрочно-освобожденный во время предоставленной ему условной свободы, а также по отношенію къ мѣстному полицейскому начальству. Начальнику мѣста заключенія не можетъ быть предоставлено право по своему усмотрѣнію приостанавливать приведеніе въ исполненіе опредѣленія суда; въ случаѣ же необходимости принять по отношенію къ освобождаемому какія либо мѣры пресѣченія, таковыя могутъ быть приняты въ общемъ порядкѣ.

Во Франціи, Бельгіи и Германіи, а также въ Финляндіи, установлена выдача условно-освобождаемому особыхъ увольнительныхъ свидѣтельствъ, форма которыхъ утверждается въ административномъ порядкѣ. Казалось бы, вводить въ законодательныя правила указанія по этому предмету едва ли нужно; цѣлесообразнѣе эту подробность разработать въ порядкѣ инструкціонномъ, по соглашенію съ подлежащими вѣдомствами. (Объясн. зап. Мин. Юст., стр. 27—29).

15. Досрочно-освобожденный передается, при самомъ освобожденіи изъ-подъ стражи, на весь оставшійся неотбытымъ срокъ лишенія свободы, назначенный судебнымъ приговоромъ, подъ наблюденіе и на попеченіе мѣстнаго общества патроната или мѣстнаго комитета или отдѣленія общества попечительнаго о тюрьмахъ (въ С.-Петербургѣ и Москвѣ—благотворительно-тюремныхъ комитетовъ).

Если означенныя учрежденія не признаютъ возможнымъ принять подъ наблюденіе и на попеченіе досрочно-освобожденнаго или если мѣсто жительства назначено ему внѣ того города, въ которомъ онъ отбывалъ заключеніе, а также въ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ ни

обществъ патроната, ни комитетовъ или отдѣленій общества попечительнаго о тюрьмахъ, досрочно-освобожденный поступаетъ на указанный срокъ подъ наблюденіе мѣстнаго мирового, городского или гминнаго судьи или же земскаго участковаго начальника, по принадлежности.

Означенныя должностныя лица могутъ входить въ соглашеніе съ помянутыми учрежденіями, попечительствами о трудовой помощи, приходскими попечительствами при церквахъ и прочими учрежденіями общественнаго призрѣнія и благотворительными обществами, а также заслуживающими довѣрія лицами о принятіи ими на себя ближайшаго наблюденія надъ досрочно-освобожденнымъ и попеченія о немъ.

Приведенная статья проекта *) вызвала въ Коммисіи Государственнаго Совѣта разныя мнѣнія.

*) Въ теченіе оставшагося неотбытымъ срока лишенія свободы, назначеннаго судебнымъ приговоромъ, досрочно-освобожденный состоитъ на попеченіи мѣстнаго общества патроната, а въ мѣстностяхъ, гдѣ такого общества не учреждено, — мѣстныхъ комитета или отдѣленія общества попечительнаго о тюрьмахъ. Если означенныя общества не имѣютъ средствъ для принятія досрочно-освобожденнаго на попеченіе, то таковое возлагается на мѣстныхъ мирового, городского или гминнаго судью, или земскаго начальника, по принадлежности. Означенныя должностныя лица ближайшее наблюденіе за досрочно-освобожденнымъ могутъ возложить на несостоящихъ подъ судомъ или слѣдствіемъ и неопороченныхъ по суду вполнѣ-благонадежныхъ совершеннолѣтнихъ родственниковъ досрочно-освобожденнаго или другихъ избранныхъ лицъ, съ ихъ на то согласія.

Примѣчаніе. Въ С.-Петербургѣ и Москвѣ попеченіе о досрочно-освобожденныхъ предоставляется также благотворительно-тюремнымъ комитетамъ. (Перв. проект., одобр. Гос. Думою).

Продолжительность испытательнаго періода большинствомъ законодательствъ опредѣляется вообще въ размѣрѣ оставшагося неотбытымъ срока наказанія; только бельгійскій законъ (ст. 4 зак. 1899 г.) требуетъ, чтобы этотъ періодъ равнялся удвоенному сроку оставшагося неотбытымъ наказанія, при чемъ срокъ этотъ не долженъ быть менѣе 2 лѣтъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и 5 лѣтъ. Если съ точки зрѣнія теоріи было бы правильнѣе установленіе только максимума срока, въ теченіе котораго допускается отмѣна условнаго досрочнаго освобожденія, и притомъ такого, который обезпечивалъ бы наилучшее достиженіе исправительныхъ цѣлей, то со стороны практической надо указать на полную невозможность опредѣлить заранее въ предѣлахъ этого максимума тотъ срокъ, который былъ бы достаточенъ для того или другого лица въ цѣляхъ окончательнаго исправительнаго воздѣйствія и прочнаго устройства его жизни на правомѣрныхъ началахъ. Равнымъ образомъ, нельзя ставить такой задачи и органамъ, на которыхъ будутъ лежать надзоръ за освобожденнымъ, по затруднительности ея разрѣшенія въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ вслѣдствіе неустойчивости тѣхъ основаній, по которымъ оно могло бы послѣдовать. Вмеѣстѣ съ тѣмъ нельзя упускать изъ вида, что установленіе максимума или предоставленіе права сокращать, а въ особенности удлинять, опредѣленные судомъ сроки, по усмотрѣнію хотя бы и судебныхъ органовъ, вносило бы элементъ неопредѣленности въ отбываемое по судебному приговору наказаніе. Избѣжать того, что одинъ освобожденный пробудетъ, можетъ быть, нѣсколько большій срокъ подъ угрозою лишенія его условной свободы, когда въ этомъ уже нѣтъ надобности, и наоборотъ, — невозможно, между

На основаніи правилъ проекта, досрочно-освобожденный состоитъ на попеченіи мѣстнаго общества патроната, а въ мѣстно-

тѣмъ определенное точно и согласно съ приговоромъ суда время испытательнаго періода представляетъ гораздо больше гарантій для осужденнаго, чѣмъ усмотрѣніе въ этомъ отношеніи надзирающихъ органовъ. По изложеннымъ соображеніямъ казалось бы наиболѣе соответственнымъ срокъ испытательнаго періода установить, по примѣру большинства законодательствъ, въ размѣрѣ, равномъ оставшемуся неотбытымъ времени назначеннаго судебнымъ приговоромъ лишенія свободы (ч. 1 ст. 14 проекта).

Достиженіе благотѣльныхъ результатовъ путемъ условнаго освобожденія возможно лишь при надлежащей организаціи обязательнаго попеченія надъ освобожденнымъ въ теченіе испытательнаго періода. По французскому закону 1885 г., надзоръ за освобожденными возложенъ на мѣстную административную власть, но эта послѣдняя въ правѣ поручить наблюденіе обществамъ и учрежденіямъ патроната, обязаннымъ оффиціально отчетностью по этому предмету (ст. 6 и 7). Бельгійскій королевскій указъ 1 августа 1888 г. возлагаетъ эту обязанность на мѣстныя прокуратуру и администрацію, при чемъ рекомендуется имѣть въ виду, чтобы надзоръ не привлекалъ общественнаго вниманія и не компрометировалъ условно-освобожденнаго (ст. 13). Въ Финляндіи освобожденные подлежатъ «полицейскому надзору», который возлагается въ уѣздѣ на короннаго ленсмана, а въ городахъ—на бургомистра или, гдѣ есть полицейское управленіе,—на полиціймейстера; при этомъ «полицейскій надзоръ долженъ осуществляться такимъ образомъ, чтобы условно-освобожденные не стѣснялись, вслѣдствіе надзора, въ своемъ заработкѣ и не подвергались общему презрѣнію» (Высоч. объяв. 14 окт. 1895 г. § 1,—сб. постан. В. К. Ф., № 34). По прусской инструкціи 1902 г. условно-освобожденный состоитъ подъ спеціальнымъ полицейскимъ надзоромъ, при чемъ особымъ циркулярѣмъ рекомендуется въ этомъ отношеніи особая осторожность, чтобы условно-освобожденный не привлекалъ общественнаго презрѣнія (цирк. 21 янв. 1871 г., § 11). Въмѣстѣ съ тѣмъ допускается участіе въ заботахъ объ условно-освобожденныхъ какъ заслуживающихъ довѣрія частныхъ лицъ, такъ и обществъ патроната (тотъ же цирк., § 4); эта послѣдняя форма надзора начинаетъ все болѣе и болѣе проникать въ практику.

Возложеніе у насъ обязанностей по попеченію и надзору за досрочно-освобожденными на полицію будетъ имѣть результатомъ превращеніе этого весьма важнаго элемента разсматриваемаго института въ обыкновенный полицейскій надзоръ, давно уже признанный несовѣщающимся карательнымъ цѣлямъ и положительно отвергнутый новымъ уголовнымъ уложеніемъ.

Полагая, такимъ образомъ, что за мѣстною полиціею должна остаться обязанность наблюденія за условно-освобожденнымъ въ тѣхъ же предѣлахъ, какъ то исполняется ею въ отношеніи всѣхъ гражданъ, представляется необходимымъ озаботиться установленіемъ организаціи спеціальнаго, не столько надзора, сколько попеченія о лицахъ, получившихъ условную свободу, при чемъ такое попеченіе должно быть обязательнымъ въ теченіе всего срока испытательнаго періода. Если бы общества патроната имѣли у насъ въ Россіи достаточное развитіе, то они, безъ сомнѣнія, были бы наиболѣе соответствующими для осуществленія этой задачи органами; имѣя же въ виду, что означенныя общества начинаютъ въ Россіи лишь возникать, слѣдуетъ указать въ законѣ также и другіе органы, которые въ мѣстностяхъ, гдѣ такихъ обществъ не учреждено, могли бы замѣнять ихъ въ дѣлѣ попеченія надъ условно-освобожденными. Прежде всего къ этимъ органамъ надо отнести мѣстные комитеты и отдѣленія общества попечительнаго о тюрьмахъ; но, такъ какъ въ настоящее время эти учрежденія въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ проявляютъ крайне слабую дѣятельность, такъ что возникла уже мысль о ихъ полномъ преобразованіи въ связи съ предполагаемою реформою мѣстнаго тюремнаго управленія, то, по необходимости, впредѣ до повсемѣстнаго образованія обществъ патроната, попеченіе объ условно-освобожденныхъ приходится возложить на должностныхъ лицъ, наиболѣе близко соприкасающихся съ населеніемъ, а именно на мѣстныхъ мировыхъ или городскихъ судей или земскихъ начальни-

стяхъ, гдѣ такого общества не учреждено,—мѣстнаго комитета или отдѣленія общества попечительнаго о тюрьмахъ. Если же означенныя общества не имѣютъ средствъ для принятія досрочно-освобожденнаго на попеченіе, то таковое возлагается на мѣстныхъ мирового, городского или гминнаго судью или земскаго начальника, по принадлежности. Означенныя должностныя лица ближайшее наблюденіе за досрочно-освобожденнымъ могутъ возложить на несостоящихъ подъ судомъ или слѣдствіемъ и неопороченныхъ по суду, вполнѣ благонадежныхъ, совершеннолѣтнихъ родственниковъ досрочно-освобожденнаго или другихъ избранныхъ лицъ, съ ихъ на то согласія.

Правила эти, по мнѣнію большинства членовъ Коммисіи, не только по ихъ изложенію не имѣютъ достаточной ясности, но и по существу возбуждаютъ значительныя сомнѣнія. Попеченіе мѣстнаго общества патроната, очевидно, должно заключаться какъ въ нравственной, такъ и въ матеріальной поддержкѣ досрочно-освобожденнаго. Употребленіе того же термина по отношенію къ мѣстнымъ судьямъ и земскимъ начальникамъ не можетъ на практикѣ не вызвать сомнѣній, ибо очевидно, что возложеніе на нихъ такого же рода обязанностей невозможно.

Если даже понимать возлагаемое проектомъ на этихъ должностныхъ лицъ попеченіе надъ досрочно-освобожденными въ болѣе узкомъ смыслѣ—лишь наблюденія за ними и выполненія только тѣхъ обязанностей, которыя перечисляются въ той же и послѣдующихъ статьяхъ проекта, то и въ этомъ случаѣ нельзя не признать, что указанные обязанности, совершенно не соотвѣтствующія органамъ судебной власти, крайне обремененнымъ къ тому же судебными дѣлами, окажутся на практикѣ или вовсе невыполнимыми или будутъ весьма невыгодно отражаться на исполненіи сими должностными лицами ихъ прямыхъ судебныхъ функцій. Возложеніе такихъ функцій на должностныхъ лицъ, призванныхъ нести обязанности судьи, было бы тѣмъ болѣе неправильно, что, по предположеніямъ Коммисіи, имъ же имѣется въ виду пре-

ковъ. Принимая же во вниманіе многосложность другихъ обязанностей означенныхъ должностныхъ лицъ, цѣлесообразно предоставить послѣднимъ право возлагать ближайшее наблюденіе за условно-освобожденными на несостоящихъ подъ судомъ или слѣдствіемъ и неопороченныхъ по суду вполнѣ благонадежныхъ совершеннолѣтнихъ родственниковъ освобожденнаго или другихъ избранныхъ лицъ съ ихъ на то согласія. Наконецъ, въ С.-Петербургѣ и Москвѣ попеченіе объ условно-освобожденныхъ должно быть возложено также на благотворительно-тюремные комитеты. (Объясн. зап. Мин. Юст., стр. 29—31).

доставить право возбужденія дѣлъ о прекращеніи условнаго досрочнаго освобожденія по собственному ихъ усмотрѣнію и право подвергать досрочно-освобожденныхъ, нарушившихъ условія освобожденія, предварительному задержанію. Совмѣщеніе въ одномъ лицѣ этихъ судебныхъ функцій съ попечительными обязанностями о досрочно-освобожденномъ, несомнѣнно, противорѣчило бы принципу раздѣленія судебной и административной власти и ставило бы этихъ должностныхъ лицъ въ крайне неудобное положеніе по отношенію къ состоящимъ на ихъ попеченіи лицамъ. Съ другой стороны, одно лишь формальное наблюденіе за исполненіемъ досрочно-освобожденными нѣкоторыхъ обязательныхъ для нихъ условій не соответствовало бы, конечно, тому попеченію о нихъ, въ смыслѣ оказанія нравственной и даже матеріальной поддержки, которое признается желательнымъ условіемъ для успѣшнаго примѣненія этого института. Имѣя же въ виду, что тюремный патронатъ не получилъ у насъ достаточнаго развитія, слѣдуетъ ожидать, что большая часть досрочно-освобожденныхъ будетъ состоять подъ такимъ фиктивнымъ наблюденіемъ указанныхъ должностныхъ лицъ, а при этомъ положеніи условное досрочное освобожденіе превратится въ безусловное.

Было бы однако ошибочно полагать, что отъ сего, при существующей у насъ системѣ безусловнаго досрочнаго освобожденія, общественная безопасность и спокойствіе не станутъ въ худшее положеніе, ибо не слѣдуетъ упускать изъ виду, что по дѣйствующему закону (ст. 312 и 317 уст. суд. страж.) сокращеніе сроковъ заключенія допускается лишь по отношенію къ приговореннымъ къ заключенію въ исправительныя арестантскія отдѣленія и не ранѣе перевода ихъ въ отрядъ исправляющихся послѣ двухлѣтняго пребыванія въ отдѣленіи. Такимъ образомъ, означенное правило примѣняется только къ нѣкоторымъ категоріямъ заключенныхъ и вовсе не распространяется на приговоренныхъ къ содержанію въ тюрьмахъ, почему, само собою разумѣется, оно не можетъ имѣть значительнаго примѣненія, а слѣдовательно и степень вреда, при ошибочности примѣненія этой мѣры, должна быть менѣе грозною. Слѣдуетъ также замѣтить, что закономъ надзоръ за нравственнымъ исправленіемъ содержащихся въ исправительныхъ отдѣленіяхъ поставленъ въ лучшія условія. Въ нихъ не замѣчается такого переполненія, какъ въ тюрьмахъ общаго устрой-

ства. Такъ, по отчету Главнаго Тюремнаго Управленія за 1906 г., въ 33 исправительныхъ арестантскихъ отдѣленіяхъ имѣлось мѣстъ въ общихъ камерахъ 16.921 и въ одиночныхъ—1.273. Всего же въ исправительныя отдѣленія были направлены въ отчетномъ году 9.869 человекъ. Среднее число ежедневно содержащихся въ нихъ составляло всего 12.215 и высшій однодневный составъ арестантовъ достигалъ 15.592. Такимъ образомъ, число заключенныхъ не превышало числа мѣстъ въ отдѣленіяхъ, а слѣдовательно и наблюдение за поведеніемъ арестантовъ со стороны чиновъ тюремнаго надзора могло быть болѣе дѣйствительнымъ, чѣмъ въ тюрьмахъ, гдѣ къ тому же содержатся арестанты разныхъ категорій, и по отчету за тотъ же годъ оказывается, что высшій однодневный составъ арестантовъ достигалъ 130.332, при общемъ числѣ мѣстъ, равнявшемся 78.659. Нельзя не принять во вниманіе, что и работы въ исправительныхъ отдѣленіяхъ поставлены болѣе правильно. По тому же отчету, средній ежедневный заработокъ каждаго арестанта въ отдѣленіи составлялъ 33,7 к.; что, очевидно, даетъ нѣкоторую поддержку арестантамъ, получающимъ, при выходѣ на свободу, закономъ опредѣленную часть своего заработка на руки. Нельзя при этомъ не пожалѣть, что не имѣется никакихъ свѣдѣній о числѣ досрочно-освобожденныхъ изъ отдѣленій и о томъ, какой процентъ изъ этихъ лицъ впадаетъ въ рецидивъ до истеченія назначеннаго приговоромъ срока наказанія, а потому невозможно судить о томъ, насколько эта мѣра является вредною или полезною. Во всякомъ случаѣ, все указанное выше должно быть принято во вниманіе при оцѣнкѣ нынѣ дѣйствующей системы, по сравненію съ мѣрами, предлагаемыми законопроектомъ.

По всѣмъ изложеннымъ выше основаніямъ, отвергая возможность и цѣлесообразность возложенія попеченія и наблюденія за досрочно-освобожденными на указанные органы мѣстной судебной власти, большинство членовъ Комиссіи обратилось къ вопросу о томъ, на какія нынѣ существующія на мѣстахъ власти было бы удобнѣе возложить эти обязанности. Въ семъ отношеніи Комиссія разсуждала, что при настоящемъ положеніи дѣла общественнаго призрѣнія вообще и разнообразіи существующихъ у насъ благотворительныхъ заведеній, содержимыхъ казною, общественными установленіями и частными лицами, ощущается очевидная потребность въ такихъ органахъ, которые, будучи связаны съ мѣстами заключенія, могли бы способствовать оказанію помощи освобожден-

нымъ изъ мѣстъ заключенія, не только непосредственно, но и черезъ другія учрежденія. Поэтому, Коммисія остановилась на мысли объ отнесеніи намѣченныхъ проектомъ обязанностей попеченія о досрочно-освобожденныхъ на мѣстные комитеты и отдѣленія общества попечительнаго о тюрьмахъ. Обсудивъ и взвѣсивъ всѣ представленныя по этому поводу сомнѣнія и возраженія, Коммисія признала, что на мѣстахъ нѣтъ другихъ болѣе подходящихъ органовъ, на которые могло бы быть возложено попеченіе надъ досрочно-освобожденными. Ближайшая мѣстная власть къ населенію—полиція, чрезвычайно обремененная лежащими на ней разнообразными обязанностями, очевидно, не могла бы успѣшно выполнять функціи попеченія надъ этими лицами и не имѣла бы для того рѣшительно никакихъ средствъ. За полицейскою властью, по отношенію къ досрочно-освобожденнымъ, должны быть сохранены лишь обязанности полицейскаго за ними надзора, на общемъ основаніи. Къ тому же порученіе несвойственнаго этимъ органамъ попеченія о досрочно-освобожденныхъ могло бы вредно отражаться на судьбѣ этихъ лицъ, ибо очевидно, что мѣстное населеніе продолжало бы относиться къ нимъ съ недоувѣріемъ, какъ къ тѣмъ сомнительной нравственности элементамъ, надъ которыми тяготѣетъ особѣй полицейскій надзоръ. Затѣмъ, органы полицейской власти непосредственно не связаны съ мѣстами заключенія. Между тѣмъ, успѣшность примѣненія института досрочнаго освобожденія во многомъ зависитъ отъ изученія личныхъ свойствъ заключенныхъ еще во время отбыванія ими наказанія. Единственными, при настоящемъ положеніи, органами, наиболѣе подходящими къ задачамъ тюремнаго патроната, осуществляемымъ посредствомъ обязательнаго на извѣстный срокъ попеченія о досрочно-освобожденныхъ, являются мѣстные тюремные комитеты и отдѣленія. Прежде всего, по закону, эти учрежденія, имѣющіяся повсемѣстно, за исключеніемъ губерній Царства Польскаго и Закаспійской области, поставлены въ непосредственную связь съ мѣстами заключенія. На нихъ и теперь возлагается попеченіе объ арестантахъ (ст. 91, 92 и 98 уст. суд. страж.) въ смыслѣ содѣйствія тюремной администраціи къ тому, чтобы заключеніе вело къ нравственному исправленію содержащихся подъ стражею. Каждое изъ состоящихъ въ вѣдѣніи общества попечительнаго о тюрьмахъ мѣсто заключенія должно быть поручено ближайшему надзору одного изъ директоровъ (ст. 116, тамъ же). Въ развитіе этихъ правилъ, обсуждае-

мымъ законопроектомъ (ст. 7) предполагено не только привлеченіе директоровъ и директрисъ мѣстныхъ отдѣленій и комитетовъ общества попечительнаго о тюрьмахъ въ составъ особаго совѣщанія по вопросамъ о примѣненіи къ заключеннымъ условнаго досрочнаго освобожденія, но и обязательное, для законности сего совѣщанія, присутствіе въ немъ одного изъ директоровъ или директрисъ сихъ комитетовъ или отдѣленій. Такимъ образомъ, тюремные комитеты и отдѣленія будутъ имѣть въ своемъ составѣ лицъ, обязанныхъ имѣть всѣ свѣдѣнія о досрочно-освобожденныхъ. Въ составъ этихъ учрежденій, по закону, входятъ не только высшіе представители мѣстной административной власти, но и представители земскихъ и городскихъ учрежденій, а также мѣстные судебные органы (прокуроры окружныхъ судовъ и товарищи прокуроровъ, уѣздные члены суда и городскіе судьи). При такомъ составѣ указанныхъ учрежденій есть полное основаніе ожидать, что имъ можетъ быть ввѣрено дѣло попеченія и наблюденія надъ досрочно-освобожденными. Такая организація къ тому же логически вытекаетъ изъ присвоенныхъ этимъ учрежденіямъ, по дѣйствующему закону, обязанностей попеченія надъ заключенными, ибо если условное досрочное освобожденіе слѣдуетъ разсматривать, какъ продолженіе отбыванія наказанія въ теченіе опредѣленнаго судебнымъ приговоромъ срока за предѣлами мѣста заключенія, то обязанности эти и не должны быть слагаемы съ названныхъ учрежденій до отбытія осужденными срока наказанія. Само собою разумѣется, что соотвѣтственно тѣмъ измѣненіямъ, которыя вносятся институтомъ досрочнаго освобожденія въ систему отбыванія наказанія по судебному приговору, способы попеченія надъ освобожденными не могутъ быть одинаковыми съ тѣми, которые преподаны закономъ (ст. 92 уст. суд. страж.) по отношенію къ заключеннымъ, но останавливаться на регламентаціи этихъ способовъ въ подробностяхъ и, тѣмъ болѣе, опредѣлять ихъ въ законодательномъ порядкѣ, нѣтъ, казалось бы, ни возможности, ни надобности. Затѣмъ, если, по указаніямъ опыта другихъ государствъ, для досрочно-освобожденнаго, возвращающагося на путь честной трудовой жизни, необходима преимущественно нравственная поддержка, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и матеріальная, то названныя учрежденія, по ихъ цѣли и по самому своему составу, также наиболѣе отвѣчаютъ этой задачѣ. Въ нихъ соединяются всѣ нити общественнаго при-

зрѣнія въ самомъ широкомъ смыслѣ, ибо, съ одной стороны, дѣло общественнаго призрѣнія относится къ предметамъ земскихъ учрежденій и городскихъ управленій (ст. 2 п. 7 пол. земск. учр. и отд. V ст. 2 гор. пол., изд. 1892 г.), имѣющихъ въ этихъ учрежденіяхъ своихъ представителей, а съ другой стороны и къ предметамъ вѣдомства административной власти, на высшаго представителя которой въ губерніи возлагается мѣстный надзоръ за дѣломъ общественнаго призрѣнія (ст. 2 уст. общ. призр., изд. 1892 г.). Такъ какъ къ предметамъ общественнаго призрѣнія (ст. 7, тамъ же) относится, между прочимъ, установленіе и содержаніе разныхъ общественныхъ заведеній, къ коимъ тѣмъ же закономъ причисляются и работные дома, то очевидно, что тюремные комитеты и отдѣленія могли бы входить въ сношеніе съ этими установленіями, чтобы, въ случаѣ необходимости, придти на помощь досрочно-освобожденному до пріисканія имъ себѣ заработка, а также обращаться къ ближайшему содѣйствію тюремныхъ патронатовъ, гдѣ они имѣются, и къ помощи другихъ мѣстныхъ учрежденій и обществъ, какъ, напримѣръ, приходскихъ попечительствъ при православныхъ церквахъ (ст. 564, тамъ же) и попечительствъ о домахъ трудолюбія и работныхъ домахъ, согласно Высочайше утвержденному 1 сентября 1895 г. положенію (собр. узак., ст. 1191), имѣющихъ своею цѣлью, между прочимъ, оказаніе помощи не только лишеннымъ вообще заработка, но и, въ частности,—освобожденнымъ изъ мѣстъ заключенія. Не слѣдуетъ также упускать изъ виду, что наши мѣстныя благотворительныя учрежденія обыкновенно пополняются тѣми же лицами, которыя входятъ въ составъ тюремныхъ комитетовъ и отдѣленій, чѣмъ можетъ значительно облегчаться задача попеченія надъ досрочно-освобожденными. Затѣмъ, опытъ примѣненія института досрочнаго освобожденія въ другихъ государствахъ показываетъ, что досрочно-освобожденные нуждаются въ матеріальной поддержкѣ въ очень скромныхъ предѣлахъ. Поэтому нѣтъ основаній опасаться, что при такой организаціи, досрочно-освобожденные будутъ лишены необходимой матеріальной поддержки со стороны названныхъ учрежденій и, слѣдовательно, не будутъ поставлены въ лучшія условія, сравнительно съ тѣми, которыя имѣлись въ виду при учрежденіи надъ ними попеченія на основаніяхъ, изложенныхъ въ статьѣ 16 проекта. Изъ отчетовъ тюремныхъ комитетовъ и отдѣленій усматривается, что и нынѣ нѣкоторые изъ нихъ приходятъ

на помощь арестантамъ и даже ихъ семьяхъ денежными пособіями, а также открываютъ учрежденія патронатскаго характера. Такое направленіе дѣятельности общества попечительнаго о тюрьмахъ, несмотря на отсутствіе въ законѣ прямыхъ указаній на то, что тюремный патронатъ входитъ въ полномочія общества, не встрѣчало возраженій со стороны правительства. Оно и не должно вызывать возраженій, ибо средства общества образуются не только изъ суммъ, поступающихъ изъ государственнаго казначейства, но также изъ пожертвованій, поступающихъ отъ членовъ и благотворителей, изъ духовнымъ завѣщаніямъ и другимъ актамъ, и, наконецъ, отъ сборовъ изъ кружекъ (ст. 118 уст. суд. страж., по прод. 1906 г.). Причемъ, по закону, сбереженія отъ суммъ, отпускаемыхъ отъ казны на содержаніе арестантовъ, причисляются также къ экономическимъ капиталамъ тюремныхъ комитетовъ и отдѣленій въ размѣрѣ, какой будетъ имъ причитаться по числу арестантовъ, дѣйствительно находившихся въ тюрьмахъ въ теченіе года (ст. 118 прим. 1, тамъ же). Поэтому, нѣкоторыя средства названныхъ учрежденій, очевидно, могутъ быть расходуемы и на надобности тюремнаго патроната. Правильность сего вывода подтверждается и производящимися въ смѣтномъ порядкѣ ассигнованіями изъ этихъ средствъ суммъ на пособія неимущимъ арестантамъ, при выходѣ изъ тюремъ, и ихъ семьямъ (см. смѣту доходовъ и расходовъ спеціальныхъ средствъ Министерства Юстиціи, по тюремной части, на 1909 г. § 3, ст. 3, п. в). Въ видахъ большаго освѣщенія этой стороны вопроса слѣдуетъ замѣтить, что по отчету Главнаго Тюремнаго Управленія за 1906 г. о спеціальныхъ средствахъ тюремныхъ комитетовъ и ихъ отдѣленій усматривается, что къ 1 января 1907 г. означенныя учрежденія имѣли въ остаткѣ капиталовъ съ спеціальнымъ назначеніемъ 443.640 р. 18 к., прочихъ спеціальныхъ средствъ—523.565 р. 46 к. Въ томъ числѣ, въ отчетномъ году поступило: капиталовъ спеціальнаго назначенія—26.777 р. 87 к., процентовъ на капиталы того же назначенія—14.710 р. 74 к., процентовъ отъ прочихъ капиталовъ—28.757 р. 75 к., пожертвованій деньгами—19.514 р. 41 к., кружечнаго сбора—8.728 р. 93 к., церковнаго сбора—26.425 р. 26 к., доходовъ съ недвижимостей—42.935 р. 79 к. и пособій—35.812 р. 32 к. Изъ этихъ цифръ, казалось бы, нельзя вывести того заключенія, что общество попечительное о тюрьмахъ находится въ такомъ положеніи, при которомъ оно лишено всякой возможности приходить

на помощь досрочно-освобожденнымъ арестантамъ. Къ тому же слѣдуетъ ожидать, что такая обязанность окажется еще болѣе возможною въ виду того, что условное досрочное освобожденіе должно увеличить ростъ экономическихъ капиталовъ комитетовъ и ихъ отдѣленій. Но досрочно-освобожденные, какъ показываетъ практика другихъ государствъ, требуютъ не столько матеріальной поддержки, сколько оказанія имъ содѣйствія въ преодоленіи препятствій къ устройству ихъ трудовой жизни. Общество попечительное о тюрьмахъ и въ этомъ отношеніи, по самому своему составу, несомнѣнно болѣе отвѣчаетъ такой задачѣ, чѣмъ мѣстные органы судебной власти (мировой или городской либо гминный судья и земскій начальникъ), на коихъ проектомъ предположено возложеніе обязанностей попеченія надъ досрочно-освобожденными. Затѣмъ, предоставленіе названнымъ учрежденіямъ права передавать попеченіе и наблюденіе за досрочно-освобожденными другимъ учрежденіямъ, а именно мѣстнымъ обществамъ патроната, попечительствамъ о трудовой помощи, приходскимъ попечительствамъ при церквахъ и прочимъ учрежденіямъ общественнаго призрѣнія, должно еще болѣе облегчить дѣятельность тюремныхъ комитетовъ и ихъ отдѣленій въ этомъ направленіи. Наконецъ, возможность возложенія сими учрежденіями ближайшаго попеченія о досрочно-освобожденныхъ на отдѣльныхъ лицъ, заслуживающихъ довѣрія, должно также способствовать успѣху развитія тюремнаго патроната. Нѣтъ, при этомъ, надобности опредѣлять, кто именно можетъ привлекаться къ такой дѣятельности. Лица эти могутъ оказаться, какъ въ средѣ всѣхъ названныхъ учрежденій, такъ и между родственниками досрочно-освобожденныхъ и другими посторонними, изъявившими согласіе на принятіе обязанности попеченія о досрочно-освобожденномъ. Практика другихъ государствъ показываетъ, что исполненіе такихъ обязанностей возлагается тюремными патронатами даже на лицъ, являющихся ихъ агентами, за вознагражденіе. Что же касается наблюденія собственно за выполненіемъ досрочно-освобожденнымъ опредѣленныхъ условій его освобожденія, то оно должно бы быть сохранено за означенными учрежденіями. Въ семъ отношеніи дѣятельность этихъ учрежденій можетъ значительно облегчиться тѣмъ, что, по проекту (ст. 22), обязанность доводить до свѣдѣнія подлежащей власти о всѣхъ случаяхъ нарушенія досрочно-освобожденнымъ условій, на коихъ

ему предоставляется свобода, должна лежать также и на мѣстномъ полицейскомъ начальствѣ.

Наконецъ, имѣя въ виду, что въ С.-Петербургѣ и въ Москвѣ тюремные комитеты преобразованы въ мужскіе и дамскіе благотворительные тюремные комитеты (прил. къ ст. 66 уст. суд. страж., по прод. 1906 г.), что въ губерніяхъ Царства Польскаго и въ Закаспійской области комитетовъ и отдѣленій общества попечительнаго о тюрьмахъ не существуетъ, надлежитъ обязанности наблюденія и попеченія о досрочно-освобожденныхъ предоставить, на одинаковыхъ основаніяхъ, въ С.-Петербургѣ и Москвѣ — мужскимъ и дамскимъ благотворительнымъ комитетамъ, а въ прочихъ указанныхъ мѣстностяхъ временно возложить на учрежденія, отчасти замѣняющія комитеты и отдѣленія общества попечительнаго о тюрьмахъ, т. е. на губернскія правленія (по тюремному отдѣленію) и на областныя правленія, по принадлежности. При этомъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что въ губерніяхъ Царства Польскаго, гдѣ ближайшее завѣдываніе благотворительными учрежденіями въ городахъ и уѣздахъ возлагается на губернскіе и уѣздные совѣты общественнаго призрѣнія, по составу своему соотвѣтствующія тюремнымъ комитетамъ и ихъ отдѣленіямъ (ст. 358, 364—366 уст. общ. призр.) дѣятельность тюремныхъ отдѣленій губернскихъ правленій, по наблюденію за досрочно-освобожденными, не можетъ, казалось бы, вызвать особыхъ затрудненій. Наконецъ, самое учрежденіе комитетовъ и отдѣленій общества попечительнаго о тюрьмахъ въ означенныхъ мѣстностяхъ не должно бы встрѣтить серьезныхъ препятствій.

Остановливаясь, въ заключеніе, на главнѣйшихъ сомнѣніяхъ по поводу такой организаціи попеченія о досрочно-освобожденныхъ до времени отбытія ими наказанія, Коммисія нашла, что указанія на затруднительность возложенія обязанностей сего наблюденія и попеченія на мѣстные комитеты и отдѣленія общества попечительнаго о тюрьмахъ, существующихъ будто бы лишь на бумагѣ, едва ли правильны. Прежде всего, на основаніи дѣйствующаго закона (ст. 64—123 уст. суд. страж.) общество попечительное о тюрьмахъ, состоя подъ Высочайшимъ Его Императорскаго Величества покровительствомъ и имѣя предметомъ своихъ занятій улучшеніе нравственнаго и физическаго состоянія арестантовъ и мѣсть заключенія, въ сихъ видахъ

получаетъ въ свое распоряженіе отпускаемыя на содержаніе заключенныхъ и тюремъ деньги изъ средствъ государственнаго казначейства и о расходованіи ихъ представляетъ отчетъ Главному Тюремному Управленію. Затѣмъ, комитеты и отдѣленія названнаго общества обязаны собираться не менѣе двухъ разъ въ мѣсяцъ (ст. 101) и разрѣшать дѣла по всѣмъ предметамъ попечительства о заключенныхъ въ томъ порядкѣ, который установленъ для сего закономъ (ст. 102—113). Каждое изъ состоящихъ въ вѣдѣніи общества попечительнаго о тюрьмахъ мѣстъ заключенія поручается ближайшему надзору одного изъ директоровъ (ст. 116). Директоры, завѣдывающіе мѣстами заключенія, обязаны по истеченіи каждаго года, не позже января, представить комитету или отдѣленію подробный отчетъ о результатахъ наблюденій и заботливости ихъ по ввѣренной имъ части и о состояніи мѣстъ заключенія, имъ порученныхъ. Изъ представляемыхъ въ Главное Тюремное Управленіе ежегодныхъ отчетовъ тюремныхъ комитетовъ и отдѣленій о средствахъ общества и денежныхъ оборотахъ ввѣренныхъ имъ суммъ никакъ нельзя придти къ тому заключенію, что учрежденія эти существуютъ лишь на бумагѣ. Если, при этомъ, заботы сихъ учрежденій относительно нравственнаго исправленія арестантовъ съ достаточною ясностью не отражаются въ составляемыхъ ими отчетахъ, то это прежде всего объясняется существомъ самыхъ обязанностей, возлагаемыхъ на нихъ по закону (ст. 91 и 92), и тѣми сомнѣніями, которыя возникали на практикѣ относительно возможности развитія дѣятельности общества попечительнаго о тюрьмахъ въ области тюремнаго патроната. Привлеченіе сего общества къ такой дѣятельности, одновременно съ введеніемъ института условнаго досрочнаго освобожденія, должно, при содѣйствіи правительства, призвать тюремные комитеты и отдѣленія къ жизни тамъ, гдѣ этого рода дѣятельность не получила еще развитія. Возложеніе на общество попечительное о тюрьмахъ такихъ обязанностей не только вытекаетъ изъ его утвержденнаго въ законодательномъ порядкѣ устава, но и практически, судя по отдѣльнымъ примѣрамъ проявленія его дѣятельности въ этомъ направленіи, осуществимо.

То возраженіе, что комитеты и отдѣленія названнаго общества существуютъ лишь въ городахъ и не имѣютъ района

дѣйствию за предѣлами тѣхъ городовъ, гдѣ они открыты, т. е. въ уѣздахъ, и что они во всякомъ случаѣ, по закону, не должны распространять свою дѣятельность внѣ подвѣдомыхъ имъ мѣстъ заключенія, а потому ни юридически, ни фактически будто бы не могутъ осуществлять функцій тюремнаго патроната, едва ли правильно. Прежде всего, по дѣйствующему закону (ст. 65 уст. суд. страж.), попеченіе общества попечительнаго о тюрьмахъ распространяется не только на тюрьмы, существующія въ городскихъ поселеніяхъ, но и на полицейскія мѣста заключенія, а таковыя, какъ извѣстно, имѣются въ уѣздахъ внѣ городскихъ поселеній. Поэтому районъ дѣйствій уѣздныхъ отдѣленій и нынѣ не долженъ ограничиваться тѣми городами, гдѣ они открыты. Затѣмъ, въ составъ уѣздныхъ отдѣленій входятъ должностныя лица, вѣдающія дѣла всего уѣзда, и несомнѣнно, что въ составѣ этихъ отдѣленій могутъ также находиться директора, имѣющіе пребываніе въ сельскихъ мѣстностяхъ. Контингентъ названныхъ учрежденій во всякомъ случаѣ шире, по сравненію съ количествомъ органовъ мѣстной судебной власти, въ которыхъ къ тому же повсемѣстно ощущается недостатокъ.

Не слѣдуетъ также забывать, что осуществленіе обязанностей патроната уѣздными отдѣленіями можетъ облегчаться передачею этихъ обязанностей другимъ учрежденіямъ и лицамъ. Наконецъ, нельзя не имѣть въ виду, что въ попеченіи будутъ преимущественно нуждаться досрочно-освобожденные, избравшіе себѣ мѣстожителство въ городахъ, ибо несомнѣнно, что досрочно-освобожденный крестьянскаго сословія, возвращающійся на жительство въ среду своего общества, будетъ поставленъ въ совсѣмъ другія условія жизни, при которыхъ самое установленіе особаго о немъ попеченія едва ли окажется всегда необходимымъ. Что же касается ссылки на дѣйствующій законъ, ограничивающій дѣятельность общества попечительнаго о тюрьмахъ стѣнами мѣстъ заключенія, ему подвѣдомыхъ, то рамки этого закона уже раздвинуты самою жизнью, указавшею на возможность направленія дѣятельности общества по пути тюремнаго патроната. Во всякомъ случаѣ предлагаемое исполненіе сего закона обязанностью попеченія объ условно-досрочно-освобожденных до отбытія ими наказанія не противорѣчитъ его основаніямъ и цѣлямъ и не требуетъ одно-

временнаго съ введеніемъ института досрочнаго освобожденія преобразованія учрежденій сего общества.

Что же касается сомнѣній въ цѣлесообразности развитія официальныхъ тюремныхъ патронатовъ, высказываемыхъ на основаніи того, что опытъ учрежденія такихъ патронатовъ въ Бельгіи не имѣлъ успѣха и что въ другихъ государствахъ тюремный патронатъ разросся на почвѣ частной благотворительности, то нельзя не замѣтить, что наши бытовые условія и укладъ жизни настолько разнятся отъ строя жизни иностранныхъ государствъ, что руководствоваться во всемъ ихъ примѣромъ не всегда возможно. Прежде всего, официальные патронаты въ Бельгіи, конечно, не имѣли той организаціи, какая имѣется въ виду въ данномъ случаѣ. Засимъ, если съ поднятіемъ общей культуры и общественной самостоятельности тюремный патронатъ получить свое развитіе и у насъ на почвѣ частной благотворительности, то, быть можетъ, современемъ устранился и необходимость въ такой дѣятельности общества попечительнаго о тюрьмахъ. При настоящемъ же положеніи, безъ желательнаго оживленія дѣятельности общества попечительнаго о тюрьмахъ въ области попеченія о досрочно-освобожденныхъ, трудно разсчитывать на какой либо успѣхъ введенія института условнаго досрочнаго освобожденія и даже есть основаніе опасаться вредныхъ отъ сего послѣдствій. Полагая, вмѣстѣ съ тѣмъ, что отъ Министра Юстиціи, какъ президента названнаго общества, должно зависѣть общее руководство дѣятельностью его учрежденій на мѣстахъ въ области попеченія о досрочно-освобожденныхъ и что практика должна указать на тѣ преобразованія, которыя въ семъ отношеніи могутъ быть предприняты для облегченія дѣятельности тюремныхъ комитетовъ и ихъ отдѣленій въ этомъ направленіи, Коммисія полагала, что нѣтъ препятствій къ тому, чтобы попеченіе о досрочно - освобожденныхъ, на предположенныхъ основаніяхъ, было возложено на названныя учрежденія, одновременно съ введеніемъ института условнаго досрочнаго освобожденія.

Съ своей стороны Государственный Совѣтъ въ общемъ собраніи (см. стен. отч., зас. 27, 20 мар. 1909 г. стлб. 1448—1516), отклонивъ предложеніе большинства Коммисіи, согласился съ особымъ мнѣніемъ пяти ея членовъ, которые, раздѣляя въ существѣ то мнѣніе большинства членовъ Коммисіи, что успѣхъ инсти-

тута условнаго досрочнаго освобожденія долженъ зависѣть отъ разумной и осторожной организаціи его примѣненія и особаго попеченія о досрочно-освобожденномъ, въ смыслѣ облегченія ему стать на путь честной и трудовой жизни оказаніемъ нравственной и матеріальной поддержки именно на первыхъ шагахъ жизни на свободѣ, полагали, что предположенная Коммисіею организація обязательнаго попеченія не можетъ достигнуть желательныхъ результатовъ.

Согласно проектируемой Коммисіею статьѣ проекта, досрочно-освобожденный на время оставшагося неотбытымъ срока лишенія свободы обязательно поступаетъ подъ наблюденіе и на попеченіе комитета или отдѣленія общества попечительнаго о тюрьмахъ, «въ районѣ дѣйствій» котораго находится назначенное судомъ мѣсто его жительства, при чемъ комитетъ или отдѣленіе, на основаніи особыхъ соглашеній, можетъ передавать наблюденіе за выполненіемъ условій досрочнаго освобожденія и попеченіе объ освобожденномъ мѣстнымъ обществамъ патроната и вообще учрежденіямъ общественнаго призрѣнія. Всѣ эти учрежденія, въ свою очередь, могутъ перелагать съ себя ближайшее о досрочно-освобожденномъ попеченіе на заслуживающихъ довѣрія частныхъ лицъ.

Исходя изъ того положенія, что мысль учрежденія обязательнаго попеченія о досрочно-освобожденныхъ вообще неосуществима и останавливаясь, прежде всего, на обществѣ попечительномъ о тюрьмахъ, какъ на органѣ обязательнаго тюремнаго патроната, 5 членовъ не могли не принять въ соображеніе, что, по точному смыслу статьи 64 устава о содержащихся подъ стражею (свод. зак., т. XIV, изд. 1890 г.), общество это «имѣетъ предметомъ своихъ занятій улучшеніе какъ нравственнаго и физическаго состоянія арестантовъ, такъ и мѣстъ заключенія». Если затѣмъ обратиться къ статьямъ 67 и 92 того же устава, перечисляющимъ «главные предметы попечительства и занятій общества», то нельзя не усмотрѣть, что обязанности комитетовъ и отдѣленій общества, по закону, заключаются исключительно въ заботахъ о содержащихся въ тѣхъ мѣстахъ заключенія, которыми эти учрежденія завѣдываютъ. Обязательное постоянное наблюденіе за правильнымъ размѣщеніемъ арестантовъ, назиданіе заключенныхъ въ правилахъ христіанскаго благочестія и доброй нравственности, продовольствіе арестантовъ пищею, забота о здоровьѣ, попеченіе объ

одеждѣ, бѣльѣ и т. п.,—все это, по закону, должно относиться лишь къ содержащимся подъ стражею въ данномъ мѣстѣ заключенія. Только на содержащихся въ тюрьмѣ арестантовъ получаетъ общество средства изъ казны и только на нихъ могутъ тратиться экономическіе капиталы общества. Такимъ образомъ, дѣятельность комитетовъ и отдѣленій названнаго общества ограничивается предѣлами мѣста заключенія и, по точному смыслу дѣйствующаго закона, никакого «района дѣйствій» внѣ стѣнъ тюрьмы органы общества имѣть не должны.

То соображеніе Коммисіи, что обязанность общества попечительнаго о тюрьмахъ заботиться о досрочно-освобожденныхъ логически вытекаетъ изъ присвоенныхъ этимъ учрежденіямъ функцій попеченія о заключенныхъ, ибо условное досрочное освобожденіе слѣдуетъ разсматривать какъ продолженіе отбыванія наказанія въ теченіе опредѣленнаго судебнымъ приговоромъ срока за предѣлами мѣста заключенія, едва ли представляется убѣдительнымъ.

Въ семъ отношеніи 5 членовъ замѣтили, что и по системѣ, предлагаемой Коммисіею, на мѣстные комитеты и отдѣленія общества возлагается попеченіе не объ освобожденныхъ только изъ мѣста заключенія, состоящихъ въ вѣдѣніи сихъ учрежденій, но о всѣхъ вообще досрочно-освобожденныхъ, проживающихъ въ данной губерніи или уѣздѣ, совершенно независимо отъ того, изъ какихъ мѣста заключенія они были освобождены. Такая постановка вопроса несомнѣнно въ корнѣ измѣняетъ самый характеръ дѣятельности общества попечительнаго о тюрьмахъ, превращая его, путемъ юридической фикціи, изъ органа коллегіальнаго управленія мѣстами заключенія въ учрежденіе съ задачами офіціальнаго тюремнаго патроната. Преобразование это слишкомъ значительно, чтобы могло быть сдѣлано попутно, лишь по поводу закона объ условномъ досрочномъ освобожденіи и, во всякомъ случаѣ, требуетъ, для своего осуществленія, законодательнаго пересмотра устава этого общества. Къ тому же, по заявленію, въ присутствіи Коммисіи, представителя Министерства Юстиціи, общій вопросъ о преобразованіи управленія мѣстами заключенія разрабатывается въ настоящее время въ Главномъ Тюремномъ Управленіи и будетъ предметомъ особаго представленія въ законодательныя учрежденія, которымъ долженъ быть затронутъ и уставъ общества попечительнаго о тюрьмахъ. Только этимъ путемъ представлялось бы, по

мнѣнію 5 членовъ, возможнымъ поставить на разрѣшеніе вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли, подобно тому, какъ это было сдѣлано въ свое время при учрежденіи въ С.-Петербургѣ и Москвѣ благотворительно-тюремныхъ комитетовъ, освободить органы упомянутаго общества отъ хозяйственнаго управленія мѣстами заключенія и преобразовать ихъ въ учрежденія съ дѣятельностью исключительно благотворительною.

Независимо отъ приведенныхъ соображеній, возложеніе на общество попечительное о тюрьмахъ функцій обязательнаго патроната неминуемо должно вызвать затрудненія практическаго свойства. Нельзя не имѣть въ виду, что во многихъ мѣстностяхъ Имперіи дѣятельность комитетовъ и отдѣленій общества попечительнаго о тюрьмахъ, благодаря недостатку матеріальныхъ средствъ и людей, способныхъ посвятить свой трудъ на пользу заключенныхъ, весьма слабо развита и сводится къ выполненію лишь хозяйственныхъ операцій. Нельзя, наконецъ, скрывать отъ себя и того факта, что есть комитеты и отдѣленія, которые, вопреки точному указанію закона, почти не собираются, ограничиваясь подписаніемъ такъ называемыхъ «летучихъ журналовъ», санкціонирующихъ преимущественно распоряженія начальниковъ мѣстъ заключенія или отчетность по содержанію арестантовъ. Возложеніе на эти комитеты и отдѣленія функцій попеченія о досрочно-освобожденныхъ привело бы къ тому, что фактически досрочно-освобожденный оказался бы не только лишеннымъ нравственной и матеріальной поддержки, но и свободнымъ отъ всякаго надъ нимъ спеціального надзора. Означенныя учрежденія, вообще существующія лишь въ городахъ, слишкомъ удалены отъ населенія и не имѣютъ опредѣленныхъ органовъ въ уѣздахъ. По проекту Коммисіи, въ такихъ случаяхъ на мѣстахъ водворенія досрочно-освобожденныхъ не будетъ должностныхъ лицъ, на обязанности которыхъ лежала бы забота о пріисканіи учрежденія общественнаго призрѣнія или частнаго лица, желающаго взять досрочно-освобожденнаго на свое попеченіе, храненіе принадлежащихъ ему денегъ съ выдачею ихъ по частямъ, по мѣрѣ дѣйствительной надобности, а также разрѣшеніе на отлучку изъ назначеннаго судомъ мѣста жительства.

Съ другой стороны, нельзя не имѣть въ виду, что общество попечительное о тюрьмахъ не имѣетъ опредѣленныхъ средствъ для матеріальной поддержки досрочно-освобожденныхъ и что эконо-

мическія его суммы слишкомъ недостаточны для того, чтобы изъ нихъ могли производиться такіе расходы въ мѣрѣ дѣйствительной потребности. Расходование же экономическихъ суммъ не на заключенныхъ и не на мѣста, подвѣдомыя тюремнымъ отдѣленіямъ и комитетамъ, неминуемо должно вредно отразиться на хозяйственномъ управленіи мѣстами заключенія.

Независимо отъ сего, 5 членовъ не усматривали основаній ставить общества патроната по отношенію къ досрочно-освобожденнымъ не въ одинаковыя условія сравнительно съ отдѣленіями и комитетами общества попечительнаго о тюрьмахъ. Казалось бы, напротивъ того, что общества патроната, призываемыя нормальнымъ ихъ уставомъ къ содѣйствію лицамъ, освобождаемымъ изъ мѣстъ заключенія, въ устройствѣ ихъ быта въ видахъ возвращенія на путь честной жизни (уст., ст. 1 п. 1), являются учрежденіями, предназначенными именно для попечительнаго наблюденія за досрочно-освобожденными, какъ это опредѣлительно и выражено въ статьѣ 3 того же устава. То обстоятельство, что число подобныхъ обществъ пока незначительно, требуетъ лишь принятія мѣръ къ возможному ихъ размноженію и едва ли оправдываетъ такую постановку вопроса, при которой общества патроната могли бы принимать на себя наблюденіе за выполненіемъ условій досрочнаго освобожденія и попеченія объ освобожденныхъ изъ мѣстъ заключенія не иначе, какъ на основаніи особыхъ соглашеній съ комитетами и отдѣленіями общества попечительнаго о тюрьмахъ.

По изложеннымъ соображеніямъ, 5 членовъ Коммисіи предполагали отдать предпочтеніе организаціи наблюденія и попеченія о досрочно-освобожденныхъ, намѣченной Министерствомъ Юстиціи и, въ существѣ, одобренной Государственною Думою, лишь съ нѣкоторыми, съ своей стороны, частичными поправками.

Признавая, такимъ образомъ, возможнымъ и во всѣхъ отношеніяхъ болѣе удобнымъ въ тѣхъ случаяхъ, когда досрочно-освобожденный не можетъ быть принятъ подъ наблюденіе и попеченіе мѣстныхъ обществъ патроната или мѣстныхъ комитета и отдѣленія общества попечительнаго о тюрьмахъ, чтобы онъ поступалъ подъ наблюденіе мѣстнаго мирового, городского или гминнаго судьи или же земскаго участковаго начальника, по принадлежности, 5 членовъ Коммисіи не могли, въ семъ отношеніи, не согла-

ситься съ такою организаціею примѣненія института условнаго досрочнаго освобожденія. Само собою, однако, разумѣется, что означенныя должностныя лица не должны будутъ оказывать досрочно-освобожденнымъ матеріальной поддержки и выполнять вообще функціи патроната. Обязанности ихъ заключались бы въ точно обозначенныхъ въ законѣ, весьма немногосложныхъ заботахъ о досрочно-освобожденномъ и, прежде всего, въ заботѣ о пріисканіи для него учрежденія общественнаго призрѣнія или частнаго лица, которое согласилось бы взять на себя попеченіе о немъ. При такой постановкѣ примѣненія сего института, досрочно-освобожденный оставался бы безъ поддержки лишь въ тѣхъ исключительныхъ случаяхъ, когда въ данной мѣстности нѣтъ ни учрежденія, ни частнаго лица, желающаго взять его на свое попеченіе. Однако, и въ этихъ случаяхъ условное досрочное освобожденіе не должно превратиться въ безусловное. Основное различіе этихъ формъ досрочнаго освобожденія заключается не въ наличности или отсутствіи попеченія о досрочно-освобожденномъ, одинаково желательнымъ въ обоихъ случаяхъ, а въ томъ, что условно-освобожденный, при нарушеніи условій, на которыхъ ему была предоставлена свобода (совершеніе новаго преступнаго дѣянія, порочное поведеніе и т. п.), будетъ подлежать возвращенію въ мѣсто заключенія. Поэтому, гораздо важнѣе, чтобы досрочно-освобожденный состоялъ подъ дѣйствительнымъ наблюденіемъ такихъ органовъ мѣстной власти, которые бы имѣли возможность своевременно возбудить вопросъ объ отмѣнѣ условнаго досрочнаго освобожденія.

Соображенія Коммисіи, что обязанности такого наблюденія и попеченія, совершенно не соотвѣтствующія органамъ судебной власти, крайне обремененнымъ къ тому же судебными дѣлами, окажутся на практикѣ или вовсе невыполненными или будутъ весьма невыгодно отражаться на выполненіи сими должностными лицами ихъ прямыхъ судебныхъ функцій,—представляются мало убѣдительными и во всякомъ случаѣ преувеличенными.

Прежде всего, надлежитъ имѣть въ виду, что на мѣстные органы судебной власти возлагается въ нѣкоторыхъ случаяхъ по закону, кромѣ обязанностей судей, и рядъ другихъ обязанностей, имѣющихъ характеръ административныхъ, какъ, напримѣръ, участіе въ коммисіи по составленію очередныхъ списковъ присяжныхъ заседателей, завѣдываніе въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ нотаріаль-

ною частью, а также и участіе въ дѣлахъ мѣстныхъ уѣздныхъ тюремныхъ отдѣленій.

Затѣмъ, едва ли слѣдуетъ опасаться, что обязанности наблюденія за досрочно-освобожденными будутъ чрезмѣрно обременительны для мѣстныхъ органовъ судебной власти, въ особенности въ сельскихъ мѣстностяхъ. Досрочно-освобожденныхъ въ округѣ каждаго суда едва ли будетъ много, а потому забота о нихъ не можетъ быть особенно затруднительна. Обязанности эти съ тѣмъ большею легкостью будутъ ими выполняться, что судья, а тѣмъ болѣе земскій участковый начальникъ стоятъ близко къ населенію и ко всѣмъ мѣстнымъ учрежденіямъ общественнаго призрѣнія. Что касается, затѣмъ, крупныхъ городскихъ центровъ, гдѣ единоличныя судьи дѣйствительно весьма обременены судебными дѣлами, какъ, напримѣръ, въ Варшавѣ, гдѣ имъ приходится разрѣшать въ годъ до 4¹/₂ тысячъ производствъ, то не слѣдуетъ упускать изъ виду, что по закону досрочно-освобожденный въ такихъ крупныхъ центрахъ—столицахъ и губернскихъ городахъ—весьма часто и не будетъ имѣть права жительства; во всякомъ случаѣ, въ означенныхъ мѣстностяхъ досрочно-освобожденные, съ большою вѣроятностью, будутъ поступать на попеченіе обществъ тюремнаго патроната или общества попечительнаго о тюрьмахъ. Наконецъ, по мнѣнію 5 членовъ, нельзя не принять во вниманіе, что вопросъ объ успѣхѣ примѣненія института условнаго досрочнаго освобожденія имѣетъ столь существенное значеніе, что для его достиженія необходимо примириться съ возможностью нѣкотораго обремененія мѣстныхъ органовъ судебной власти.

Въ заключеніе, 5 членовъ не могли согласиться и съ проектируемою Коммисіею постановкою вопроса о порученіи попеченія о досрочно-освобожденныхъ частнымъ лицамъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда тѣ либо другія учрежденія общественнаго призрѣнія взяли на себя попеченіе о досрочно-освобожденномъ, они и должны сами о немъ заботиться, не перелагая, въ дальнѣйшемъ, своихъ обязанностей на иныхъ лицъ. Возлагать же обязанности патроната на частныхъ лицъ долженъ лишь мѣстный судья. Такая организація учрежденія попеченія о досрочно-освобожденномъ вполнѣ гарантируетъ, что попечителями надъ досрочно-освобожденными явятся дѣйствительно заслуживающія довѣрія лица, берущія на себя эти обязанности лишь изъ чувства человѣколюбія. А при наличности гарантіи въ этомъ, можно было бы предоставить этимъ лицамъ не

только ближайшее попеченіе надъ досрочно-освобожденнымъ, какъ то предполагаетъ Коммисія, но и ближайшее наблюденіе за выполненіемъ тѣхъ условій, на коихъ ему предоставляется свобода, а, слѣдовательно, и право, въ случаѣ нарушенія досрочно-освобожденнымъ этихъ условій, возбуждать вопросъ о прекращеніи досрочнаго освобожденія (ст. 22). Такія полномочія лицъ, взявшихъ на себя патронатъ, едва ли могутъ вести къ злоупотребленіямъ, такъ какъ, согласно проекту, досрочно-освобожденный во всякое время до истеченія срока условнаго освобожденія, по уважительнымъ причинамъ, имѣетъ право просить должностное лицо о перемѣнѣ того лица, коему поручено надъ нимъ ближайшее наблюденіе и попеченіе.

На основаніи изложеннаго 5 членовъ Коммисіи Государственнаго Совѣта полагали означенную статью и послѣдующія статьи проекта соотвѣтственно измѣнить. (Особ. мн. 5 член. Ком. Гос. Сов., стр. 1—7).

Раздѣляя и съ своей стороны приведенныя соображенія, Особая Коммисія (изъ 6 членовъ Государственнаго Совѣта и 6 членовъ Государственной Думы) единогласно полагала принять указанную статью въ слѣдующемъ, измѣненномъ Государственнымъ Совѣтомъ изложеніи:

«15. Досрочно-освобожденный передается, при самомъ освобожденіи изъ подъ стражи, на весь оставшійся неотбытымъ срокъ лишенія свободы, назначенный судебнымъ приговоромъ, подъ наблюденіе и на попеченіе мѣстнаго общества патроната или мѣстнаго комитета или отдѣленія общества попечительнаго о тюрьмахъ (въ С.-Петербургѣ и Москвѣ—благотворительно-тюремныхъ комитетовъ).

Если означенныя учрежденія не признаютъ возможнымъ принять подъ наблюденіе и на попеченіе досрочно-освобожденнаго или если мѣсто жительства назначено ему внѣ того города, въ которомъ онъ отбывалъ заключеніе, а также въ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ ни обществъ патроната, ни комитетовъ или отдѣленій общества попечительнаго о тюрьмахъ, досрочно-освобожденный поступаетъ на указанный срокъ подъ наблюденіе мѣстнаго мирового, городского или гминнаго судьи, или же земскаго участковаго начальника, по принадлежности.

Означенныя должностныя лица могутъ входить въ соглашеніе съ упомянутыми учрежденіями, попечительствами о тру-

довой помощи, приходскими попечительствами при церквахъ и прочими учрежденіями общественнаго призрѣнія и благотворительными обществами, а также заслуживающими довѣрія лицами о принятіи ими на себя ближайшаго наблюденія надъ досрочно-освобожденнымъ и попеченіи о немъ». (Согл. закл. Особ. Ком., стр. 13).

16. Досрочно-освобожденный во всякое время до истеченія срока условнаго освобожденія, по уважительнымъ причинамъ, имѣетъ право просить означенное въ предшедшей (15) статьѣ должностное лицо о перемѣнѣ лица, коему поручено надъ нимъ ближайшее наблюденіе и попеченіе.

17. При увольненіи досрочно-освобожденнаго, начальникъ мѣста заключенія дѣлаетъ распоряженіе о пересылкѣ денегъ, принадлежащихъ досрочно-освобожденному и находящихся на храненіи у администраціи мѣста заключенія, подлежащему учрежденію или должностному лицу (ст. 15).

Выдача означенныхъ денегъ досрочно-освобожденному производится частями, по мѣрѣ дѣйствительной надобности.

Для того, чтобы укрѣпить связь между условно-освобожденнымъ и тѣмъ учрежденіемъ или лицомъ, которымъ будетъ принадлежать о немъ попеченіе, предположено предоставить этимъ послѣднимъ завѣдываніе деньгами освобожденнаго, находившимся на храненіи у администраціи мѣста заключенія, изъ котораго онъ выпущенъ. Такая мѣра вмѣстѣ съ тѣмъ имѣетъ то значеніе, что предупреждаетъ возможность быстраго и непроизводительнаго израсходованія этихъ денегъ освобожденнымъ и даетъ новыя средства оказывать на освобожденнаго дѣйствительное воздѣйствіе и имѣть за нимъ болѣе близкій надзоръ. Съ другой стороны, безъ сомнѣнія, нѣтъ никакой необходимости въ томъ, чтобы замѣна содержанія подъ стражей—условною свободой должна была непремѣнно сопровождаться и уничтоженіемъ тѣхъ ограниченій, которыя существуютъ для заключенныхъ въ отношеніи ихъ права распоряженія принадлежащими имъ и хранящимися у администраціи мѣста заключенія деньгами.

Порядокъ препровожденія упомянутыхъ денегъ устанавливается чрезъ посредство полиціи, сообразно съ по-

становленіемъ слѣдующей статьи. (Объясн. зап. Мин. Юст., стр. 33).

18. По прибытіи досрочно-освобожденнаго въ назначенное ему мѣсто жительства, онъ обязанъ въ теченіе сутокъ явиться въ указанное ему начальствомъ мѣста заключенія полицейское установленіе. Послѣднее немедленно сообщаетъ о прибытіи досрочно-освобожденнаго подлежащему учрежденію или должностному лицу (ст. 15).

Въ связи съ правиломъ объ обязательномъ мѣстѣ жительства проектировано, что по прибытіи условно-освобожденнаго въ назначенное ему мѣсто онъ обязанъ въ теченіе сутокъ явиться въ указанное ему начальствомъ мѣста заключенія полицейское установленіе, а послѣднее должно немедленно сообщить о его прибытіи тому учрежденію или лицу, которыя обязаны имѣть надзоръ за освобожденнымъ въ теченіе испытательнаго періода. (Объясн. зап. Мин. Юст., стр. 33).

19. Въ теченіе срока условнаго освобожденія досрочно-освобожденный не имѣетъ права отлучаться изъ назначеннаго ему мѣста жительства безъ разрѣшенія того изъ указанныхъ въ статьѣ 15 учрежденія или должностного лица, подъ наблюденіемъ коего онъ состоитъ, причемъ разрѣшеніе на отлучку выдается по уважительнымъ причинамъ на срокъ не свыше одного мѣсяца. Отлучки на болѣе продолжительные сроки, а также перемѣна назначеннаго для досрочно-освобожденнаго мѣста жительства допускается лишь съ разрѣшенія мѣстнаго уѣзднаго члена окружнаго суда, въ мѣстностяхъ же, гдѣ не введено Положеніе о земскихъ участковыхъ начальникахъ,—того окружнаго суда, въ округѣ котораго водворенъ досрочно-освобожденный *).

Коммисія по судебнымъ реформамъ Государственной Думы при обсужденіи проекта сего постановленія нашла, что этою

*) Въ теченіе обязательнаго срока попеченія (ст. 14) досрочно-освобожденный не имѣетъ права отлучаться изъ назначеннаго ему мѣста жительства безъ разрѣшенія того изъ указанныхъ въ статьѣ 14 учрежденія или должностнаго лица, на попеченіи коего онъ состоитъ, при чемъ разрѣшеніе на отлучку выдается по уважительнымъ причинамъ на срокъ не свыше семи дней по соглашенію съ мѣстнымъ полицейскимъ начальствомъ.

Отлучки же на болѣе продолжительные сроки, а также перемѣна назначеннаго для досрочно-освобожденнаго мѣста жительства, могутъ быть допущены лишь съ разрѣшенія того суда, коимъ было постановлено о досрочномъ освобожденіи. (Проект. Мин. Юст.).

статьею предположено было предоставить должностному лицу, на попеченіи коего находится условно-освобожденный, давать разрѣшеніе послѣднему на отпуски не свыше 7 дней и притомъ по соглашенію съ полицейскимъ начальствомъ. Указанный срокъ отлучекъ Коммисія признала неотвѣчающимъ дѣйствительнымъ потребностямъ нашего трудового люда, часто занимающагося отхожими промыслами, и предположила продолжить таковой до 1 мѣсяца; соглашеніе же съ полицейскимъ начальствомъ признала совершенно излишнимъ, такъ какъ должностное лицо, коему ввѣрено попеченіе, будетъ располагать такими же данными, какъ и полицейское начальство; для сомнѣнія въ компетентности его для разрѣшенія даннаго вопроса едва ли имѣются основанія. (Докл. Ком. Г. Д. (132 ¹/м) стр. 5).

Съ своей стороны Государственный Совѣтъ при обсужденіи сей статьи (см. стен. отч. Г. С., зас. 27—29, столб. 1448—1516, 1592—1600) принялъ предложенную въ его засѣданіи поправку

Условное освобожденіе требуетъ, въ видахъ осуществленія исправительныхъ цѣлей, а равно наблюденія за исполненіемъ освобожденнымъ постановленныхъ ему условій, чтобы послѣдній былъ обязанъ пребывать въ опредѣленномъ мѣстѣ жительства. Означенное правило обусловливаетъ другое, по которому отлучка условно-освобожденнаго должна зависѣть отъ разрѣшенія подлежащей власти. По правиламъ прусскаго закона освобожденный не въ правѣ отлучиться безъ разрѣшенія полиціи на срокъ свыше 48 часовъ. По условіямъ нашего быта отлучку досрочно-освобожденнаго возможно допустить на срокъ не болѣе семи дней, но не иначе, какъ съ надлежащаго разрѣшенія, при чемъ самое разрѣшеніе ея должно быть поставлено въ зависимость отъ уважительной причины.

Предоставленіе же отлучки на болѣе продолжительный срокъ, равно какъ разрѣшеніе на перемѣну мѣстожителства представляютъ собою существенное измѣненіе опредѣленія суда, коимъ предоставлено условное досрочное освобожденіе и коимъ освобождаемому указано опредѣленное мѣсто для постояннаго жительства. Порядокъ предоставленія такого разрѣшенія особо не предусмотрѣнъ въ большинствѣ законодательствъ западныхъ государствъ. Въ нихъ оговаривается лишь общимъ образомъ, что неисполненіе досрочно-освобожденнымъ спеціально поставленныхъ ему условій можетъ повлечь отмѣну условнаго освобожденія. Опредѣленіе же этихъ условій предоставляется административной власти, которая въ числѣ ихъ ставитъ неоставленіе освобожденнымъ своего мѣста пребыванія безъ подлежащаго разрѣшенія (итальянское уг. ул. ст. 17, венгерское уг. ул. § 50, германское уг. улож. § 24, французскій законъ 14 Августа 1885 г. ст. 2, бельгійскій законъ 31 Мая 1888 г., ст. 3; см. также инструкцію прусскимъ тюремнымъ учрежденіямъ, подчиненнымъ министерству внутреннихъ дѣлъ, отъ 14 Ноября 1902 г., прилож. §§ 13 и 14, бельгійскій королевскій указъ отъ 1 Августа 1888 г., ст. 7. Также по законодательству Финляндіи,—см. Выс. пост. 19 Декабря 1889 г., § 14 и Высоч. объявл. 14 Октября 1895 г. § 7). Въ виду того, что, по настоящему проекту, постоянное мѣсто жительства условно-освобождаемаго назначается судомъ (ст. 12), то казалось бы, что и право давать разрѣшеніе на перемѣну такого мѣста жительства, а равно на продолжительную отлучку изъ него, не можетъ быть осуществляемо въ исполнительномъ порядкѣ, а должно быть предоставлено только самому же суду, постановившему опредѣленіе о досрочномъ освобожденіи. (Объясн. зап. Мип. Юст., стр. 35).

о томъ, чтобы отлучки на болѣе продолжительные сроки, а также перемѣна назначеннаго для досрочно-освобожденнаго мѣста жительства допускалась съ разрѣшенія мѣстнаго уѣзднаго члена окружнаго суда, въ мѣстностяхъ же, гдѣ не введено положеніе о земскихъ участковыхъ начальникахъ,—того окружнаго суда, въ округѣ котораго водворенъ досрочно-освобожденный. Въ той же редакціи статья эта принята Особою Коммисією (Согл. закл. Особ. Ком., стр. 14—15).

20. Если досрочно-освобожденный въ теченіе срока условнаго освобожденія совершить какое либо преступное дѣяніе, за которое будетъ осужденъ приговоромъ суда, или будетъ установлено его порочное поведеніе, могущее угрожать личной или общественной безопасности или порядку (какъ то: пьянство, распутство, тунеядство, праздношатаніе, общеніе съ порочными людьми и т. п.), или, наконецъ, если досрочно-освобожденный нарушитъ другія условія, на коихъ ему предоставляется свобода, то досрочное освобожденіе можетъ быть отмѣнено.

Условное досрочное освобожденіе обязательно подлежить отмѣнѣ, если досрочно-освобожденный будетъ присужденъ вступившимъ въ законную силу приговоромъ суда къ наказанію свыше ареста *)

*) Если досрочно-освобожденный въ теченіе срока обязательнаго попеченія (ст. 16, соотвѣтств. ст. 15) совершить какое либо преступное дѣяніе, за которое будетъ присужденъ вступившимъ въ законную силу приговоромъ суда къ наказанію свыше ареста на три мѣсяца или къ денежному взысканію, или пенѣ *свыше трехсотъ рублей*, то условное досрочное освобожденіе обязательно подлежить отмѣнѣ. Если же досрочно-освобожденный будетъ присужденъ вступившимъ въ законную силу приговоромъ суда къ наказанію, не превышающему ареста на три мѣсяца, или денежнаго взысканія, или пени въ триста рублей, или будетъ установлено его дурное поведеніе, выразившееся въ пьянствѣ, тунеядствѣ или постоянномъ общеніи съ порочными людьми, то *условное* досрочное освобожденіе можетъ быть отмѣнено (Перв. проект., одобр. Гос. Думою).

Условное досрочное освобожденіе предоставляется въ томъ предположеніи, что освобождаемый проявляетъ признаки исправленія, что можно ожидать видѣть въ немъ, если и не полезнаго, то во всякомъ случаѣ безопаснаго члена общества. Въмѣстѣ съ тѣмъ условное досрочное освобожденіе имѣетъ задачей способствовать приученію преступника сообразовать свое поведеніе съ интересами общежитія. Такимъ образомъ, задача этого института—не считаться съ прошедшимъ преступника, а приспособить его для будущаго. Поэтому неудачное примѣненіе условнаго освобожденія и необходимость его отмѣны проявляются только тогда, когда станетъ очевиднымъ, что предполагавшееся исправленіе преступника не наступило. Установить какіе либо формальные признаки, которые свидѣтельствовали бы о непригодности даннаго лица для общежитія, чрезвычайно трудно, почему опредѣленіе такихъ признаковъ въ законѣ должно быть сдѣлано съ особой осторожностью. Такъ, прежде всего, нельзя утверждать, что совершеніе досрочно-освобожденнымъ, въ періодъ условной свободы, какого либо новаго преступнаго дѣянія всегда

21. О всѣхъ случаяхъ нарушенія досрочно-освобожденнымъ условій, на коихъ ему предоставляется свобода, учрежде-

можетъ свидѣтельствовать о неудачномъ примѣненіи досрочнаго освобожденія. Вообще понятіе преступности, особенно въ ея наиболѣе мелкихъ проявленіяхъ, далеко не совпадаетъ съ понятіемъ непригодности для общества. Очень часто нарушившій какую нибудь несущественную норму уголовного закона можетъ быть весьма полезнымъ членомъ общества, съ другой же стороны серьезную опасность можетъ представлять человѣкъ, хотя бы и не нарушившій ни одного формально установленнаго въ уголовномъ законѣ предписанія. Изъ сказаннаго вытекаетъ необходимость какъ можно болѣе сузить кругъ формальныхъ признаковъ, заранее точно предустановленныхъ въ законѣ въ качествѣ доказательствъ непригодности даннаго лица для общежитія, и при разрѣшеніи этого вопроса отвести значительный просторъ усмотрѣнію судьи, располагающаго въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ непосредственными, наглядными, но неуловимыми для общаго закона, данными характеризующими внутреннее состояніе обвиняемаго.

Въ частности, въ силу изложенныхъ соображеній, на случай совершенія досрочно-освобожденнымъ въ періодъ его условной свободы новаго преступнаго дѣянія, казалось бы цѣлесообразнымъ не отрѣшаться всецѣло отъ усвоенной нашимъ законодательствомъ точки зрѣнія, связывающей формально наступленіе извѣстныхъ послѣдствій съ опредѣленнымъ по приговору суда наказаніемъ, но при выдѣленіи въ особую категорію такихъ осужденій, которыя часто не предполагаютъ наличности злой воли у правонарушителя. Озабочиваясь созданіемъ изъ преступника полезнаго гражданина, его перевоспитаніемъ, институтъ условнаго досрочнаго освобожденія предполагаетъ заботливое и бережное отношеніе къ прохожденію освобожденнаго черезъ трудный для него и критическій періодъ условной свободы, вслѣдствіе чего поставленіе судьбы его, при такихъ условіяхъ, въ непремѣнную зависимость отъ обстоятельствъ, иногда, быть можетъ, не вызванныхъ его дурными побужденіями, противорѣчило бы задачамъ упомянутаго института. Изложенное мнѣніе усвоено и нѣкоторыми иностранными законодательствами, не придающими мелкимъ осужденіямъ рѣшающаго для судьбы условно-освобожденнаго значенія. Такъ, согласно ст. 17 итальянскаго уголовного уложенія, отміна досрочнаго освобожденія является непосредственнымъ послѣдствіемъ совершенія лишь преступленія, влекущаго за собою наказаніе, связанное съ лишеніемъ свободы; по бельгійскому же закону 3 Августа 1899 года таковая отміна составляетъ послѣдствіе совершенія лишь преступленія или проступка, но не нарушенія.

Для нашего законодательства представлялось бы наиболѣе цѣлесообразнымъ выдѣлить въ особую категорію, въ этомъ отношеніи, тѣ изъ осужденій къ лишенію свободы, по которымъ обвиненные приговорены къ наказанію не выше ареста на три мѣсяца. Такое выдѣленіе, охватывая массу мелкихъ и часто несущественныхъ правонарушеній, значительно расширило бы желательное въ этой области усмотрѣніе судьи и избавило бы государство отъ наступленія нежелательнаго явленія—заключенія подъ стражу досрочно-освобожденнаго безъ какой либо въ томъ надобности, по однимъ лишь формальнымъ основаніямъ, и подрыва, со стороны самой же государственной власти, задачъ, преслѣдуемыхъ ею посредствомъ всей уголовной политики вообще, и посредствомъ института условнаго освобожденія въ частности. Не надо забывать, что, по настоящему проекту, досрочное освобожденіе предполагается предоставлять осужденнымъ и на весьма продолжительные сроки (до 6 лѣтъ), и потому отміна этого освобожденія, являясь весьма серьезнымъ послѣдствіемъ для освобожденнаго, должна вызываться лишь вполне достаточными основаніями.

На ряду съ осужденіями къ аресту на три мѣсяца слѣдовало бы отнести къ той же категоріи, по изложеннымъ соображеніямъ, и осужденія къ денежнымъ взысканіямъ или пенямъ, и притомъ не выше той суммы, уплата которой, при несостоятельности, замѣняется арестомъ на тотъ же трехмѣсячный срокъ. Пришмая во вниманіе, что по уложенію о наказаніяхъ (ст. 84) трехмѣсячнымъ арестомъ замѣняется денежное взысканіе

ніе или частное лицо, имѣющее надъ нимъ наблюденіе и попеченіе (ст. 15), а также мѣстное полицейское начальство, доводятъ до свѣдѣнія мѣстныхъ мирового, городского или гминнаго судьи или земскаго участковаго начальника, по принадлежности. По полученіи означенныхъ свѣдѣній и, въ случаѣ надобности, по провѣркѣ ихъ, означенныя должностныя лица, черезъ прокурора окружнаго суда, въ округъ котораго водворенъ досрочно-освобожденный, передаютъ возникшее дѣло, съ своимъ заключеніемъ, на разсмотрѣніе сего суда.

Мировой, городской и гминный судья, а равно земскій участковый начальникъ, по принадлежности, могутъ: а) подвергнуть предварительному задержанію досрочно-освобожденного, порочное поведеніе котораго грозитъ личной или общественной безопасности, и б) возбудить дѣло отъ отмѣнъ условнаго досрочнаго освобожденія по непосредственному своему усмотрѣнію *).

до 300 рублей, а по уголовному уложенію (ст. 59) такимъ же арестомъ замѣняется денежная пеня до 500 рублей, представляется болѣе правильнымъ опредѣлить въ данномъ случаѣ максимальную цифру, подходящую для обоихъ нашихъ уголовныхъ кодексовъ, т. е. 300 рублей. При этомъ необходимо замѣтить, что до разрѣшенія въ установленномъ законѣмъ порядкѣ дѣла о новомъ преступномъ дѣяніи, совершенномъ условно-освобожденнымъ въ періодъ его условной свободы, едва ли правильно возвращать условно-освобожденного въ мѣсто заключенія, такъ какъ онъ можетъ быть оправданъ по предъявленному ему новому обвиненію. Въ виду этого слѣдуетъ признать, что учиненіе условно-освобожденнымъ въ теченіе испытательнаго періода новаго преступнаго дѣянія само по себѣ еще не можетъ служить основаніемъ къ возвращенію его въ мѣсто заключенія, хотя при этомъ обвиняемый можетъ, по общему правилу, быть подвергнутъ предварительному аресту, и что возвращеніе досрочно-освобожденного въ мѣсто заключенія можетъ наступить лишь по вступленіи новаго обвинительнаго приговора въ законную силу. Основаніемъ къ отмѣнѣ условнаго освобожденія большинствомъ законодательствъ признается и дурное поведеніе, доказанное извѣстными поступками. Такъ, французское законодательство указываетъ на дурное поведеніе обычное и публичное (законъ 14 августа 1885 г., ст. 2), бельгійское — на дурное поведеніе, выразившееся въ публичномъ безчинствѣ или пьянствѣ (корол. указъ 1 августа 1888 г., ст. 13), финляндское — на сношенія съ пользующимися дурною славою лицами, съ которыми освобожденный не состоитъ въ близкомъ родствѣ, безправственную или вообще предосудительную жизнь и бродяжество (Высоч. объявл. 14 октябр. 1895 г. § 11, сборн. постанов. В. К. Ф. № 34). Дурное поведеніе, упоминаемое въ § 24 германскаго уголовного уложенія, должно выразиться въ слѣдующемъ: если освобожденный будетъ избѣгать работы, предаваться пьянству или обнаружитъ вообще безпорядочный образъ жизни, если онъ будетъ имѣть общеніе съ порочными людьми или проживать у нихъ, или не будетъ въ состояніи найти себѣ постоянныхъ средствъ къ существованію (Dienstordnung 14 Nov. 1902 für die dem Ministerium der Innern unterstellten Strafanstalten in Preussen. Anlage 17 zu § 181; 8). Руководствуясь приведенными постановленіями, предложено включить въ рассматриваемый проектъ правило о томъ, что досрочно-освобожденный подлежитъ возвращенію въ мѣсто заключенія, «если будетъ установлено его дурное поведеніе, выразившееся въ пьянствѣ, тунеядствѣ, общеніи съ порочными людьми». (Объясл. зап. Мин. Юст., стр. 36—39).

*) О всѣхъ случаяхъ нарушенія досрочно-освобожденнымъ условій, на коихъ ему предоставляется свобода, учрежденіе или должностное лицо, имѣющее надъ нимъ попеченіе

22. Къ дѣламъ о нарушеніи досрочно-освобожденнымъ условій, на коихъ ему предоставляется свобода, окружнымъ судомъ примѣняются порядокъ и правила, указанные въ статьѣ 13 для дѣлъ объ условномъ досрочномъ освобожденіи.

Досрочно - освобожденный, прибывшій въ засѣданіе суда, допускается къ представленію словесныхъ объясненій.

Въ случаѣ надобности, суду предоставляется вызывать въ засѣданіе для дачи объясненій досрочно-освобожденного, если онъ имѣетъ пребываніе въ мѣстѣ нахожденія суда; неявка досрочно-освобожденного не останавливаетъ разсмотрѣнія дѣла *).

При обсужденіи приведенныхъ статей (соотвѣтствующихъ статьямъ 21—23 проекта) Коммисія Государственного Совѣта нашла, что статьями 21—23 проекта опредѣляются случаи и порядокъ отмѣны условнаго досрочнаго освобожденія. Въ семъ отношеніи статьею 21 проекта предположено установить, что, если досрочно-освобожденный въ теченіе срока обязательнаго попеченія совершитъ какое либо преступное дѣяніе, за которое будетъ присужденъ вступившимъ въ законную силу приговоромъ

(ст. 16), а также мѣстное полицейское начальство, доводитъ до свѣдѣнія прокурора мѣстнаго окружнаго суда. По полученіи означенныхъ свѣдѣній, и въ случаѣ надобности по провѣркѣ ихъ, прокуроръ немедленно предлагаетъ объ этомъ суду. (Перв. проект., одобр. Гос. Думою).

Въ виду того, что объ отмѣнѣ условнаго досрочнаго освобожденія долженъ постановлять судъ, въ этой статьѣ проекта указывается порядокъ доведенія до свѣдѣнія суда о нарушеніи досрочно-освобожденнымъ условій, на которыхъ ему предоставлена свобода. Такое доведеніе до свѣдѣнія осуществляется въ формѣ предложенія прокурора, которому органы, имѣющіе попеченіе надъ досрочно-освобожденнымъ, и полиція обязаны сообщать о таковомъ нарушеніи. (Объясн. зап. Мин. Юст., стр. 39).

Дѣла о взятіи вновь подъ стражу досрочно-освобожденного подлежатъ разсмотрѣнію окружнаго суда, въ округѣ котораго досрочно-освобожденный отбываетъ срокъ обязательнаго попеченія. *Въ случаяхъ, предусмотрѣнныхъ второю частью статьи 21 настоящихъ правилъ, судъ постановляетъ опредѣленіе по вызову досрочно-освобожденного для дачи объясненій; неявка досрочно-освобожденного не останавливаетъ разсмотрѣнія дѣла.* (Перв. проект., одобр. Гос. Думою).

Назначенное досрочно-освобожденному, согласно настоящему законопроекту, мѣсто-жителство можетъ находиться въ округѣ другого окружнаго суда, а не того, который предоставилъ условное освобожденіе. Въ такихъ случаяхъ, очевидно, нѣтъ надобности пересылать дѣло объ отмѣнѣ досрочнаго освобожденія, требующее возможно скорѣйшаго разрѣшенія, суду, постановившему о таковомъ освобожденіи, такъ какъ вопросъ объ отмѣнѣ условной свободы рѣшается на основаніи совершенно самостоятельныхъ данныхъ и не имѣетъ тѣсной связи съ первоначальнымъ опредѣленіемъ суда о предоставленіи условнаго освобожденія. Въ виду этого въ приведенной статьѣ указано, что дѣла объ отмѣнѣ условнаго досрочнаго освобожденія разсматриваются судомъ, въ округѣ котораго условно-освобожденный отбываетъ срокъ обязательнаго попеченія. (Объясн. зап. Мин. Юст., стр. 39).

*) Означенныя въ предшедшей (23) статьѣ дѣла судъ разсматриваетъ порядкомъ, указаннымъ въ статьѣ 14 настоящихъ правилъ. (Перв. проект., одобр. Гос. Думою).

суда къ наказанію свѣше ареста на три мѣсяца или къ денежному взысканію или къ пенѣ свѣше трехсотъ рублей, то условное досрочное освобожденіе обязательно подлежить отмѣнѣ. Если же досрочно - освобожденный будетъ присужденъ вступившимъ въ законную силу приговоромъ суда къ наказанію, не превышающему свѣше указанныя, или будетъ установлено его дурное поведеніе, выразившееся въ пьянствѣ, тунеядствѣ или постоянномъ общеніи съ порочными людьми, то условное досрочное освобожденіе можетъ быть отмѣнено.

По поводу приведеннаго постановленія въ средѣ Коммисіи прежде всего было замѣчено, что такое казуистическое опредѣленіе понятія дурнаго поведенія, дающаго основанія для прекращенія досрочнаго освобожденія, можетъ привести къ неправильному пониманію и примѣненію сего правила на практикѣ. Если исходить изъ того, что дурное поведеніе должно выражаться именно въ пьянствѣ, тунеядствѣ или постоянномъ общеніи съ порочными людьми, то, очевидно, многіе случаи, несомнѣнно подходящіе подъ понятіе дурнаго или порочнаго поведенія, не подойдутъ подъ указанное опредѣленіе. Неудовлетворительность въ этомъ отношеніи разсматриваемаго постановленія проекта особенно ярко выступаетъ при его сравненіи съ постановленіями большинства иностранныхъ законовъ, признающихъ вообще, что условное досрочное освобожденіе можетъ быть отмѣнено, если осужденный «будетъ дурно вести себя» или «будетъ замѣченъ въ предосудительномъ поведеніи». Въ виду сего, Коммисія, признавая необходимымъ дать понятію дурнаго поведенія болѣе широкое опредѣленіе и приведеннымъ въ статьѣ признакамъ такового придать лишь примѣрный характеръ, полагала выразить въ обсуждаемой статьѣ, что судъ можетъ отмѣнить досрочное освобожденіе, если будетъ установлено порочное поведеніе досрочно-освобожденнаго, могущее угрожать общественной безопасности или порядку (какъ-то: пьянство, распутство, тунеядство, праздношатаніе, общеніе съ порочными людьми и т. п.). Въ связи съ этимъ и соотвѣтственно указанію статьи 22 проекта, не нашедшему себѣ достаточно яснаго выраженія, суду должно быть предоставлено право отмѣны досрочнаго освобожденія и въ другихъ случаяхъ нарушенія досрочно-освобожденнымъ условій, на коихъ ему предоставляется свобода.

Другой недостатокъ разсматриваемыхъ статей проекта, по

сравненію съ иностранными законами, заключается въ томъ, что взятіе вновь подъ стражу досрочно-освобожденнаго можетъ имѣть мѣсто лишь по опредѣленію окружнаго суда, въ округѣ котораго онъ отбываетъ срокъ обязательнаго попеченія, причемъ судъ въ случаяхъ, предусмотрѣнныхъ второю частью статьи 21 настоящихъ правилъ, постановляетъ сіе опредѣленіе только по вызовѣ досрочно-освобожденнаго (ст. 23), что очевидно не можетъ послѣдовать съ желательною скоростью, когда мѣсто пребыванія этого лица удалено отъ суда. Между тѣмъ, многія иностранныя законодательства предусматриваютъ возможность и предварительнаго лишенія свободы такихъ лицъ. Такъ, согласно статьѣ 25 уголовного уложенія Германской Имперіи, при наличности настоятельныхъ опасеній за общественную безопасность, временное задержаніе условно-освобожденнаго можетъ послѣдовать по распоряженію полицейской власти того мѣста, въ которомъ онъ имѣетъ пребываніе. Вслѣдъ за симъ должно быть исходатайствовано немедленно надлежащее опредѣленіе о прекращеніи условнаго освобожденія. Нидерландскій кодексъ также допускаетъ предварительное заарестованіе за дурное поведеніе досрочно-освобожденнаго по распоряженію начальствующаго лица общинной полиціи. Аналогичныя постановленія находятся въ Бельгійскомъ законѣ 31 мая 1888 г., въ силу коего заарестованіе производится по распоряженію прокурора, и во французскомъ законѣ 14 августа 1883 г.—по предписанію административной или судебной власти.

Указанное въ этомъ отношеніи направленіе названныхъ иностранныхъ законодательствъ, казалось бы, должно заслуживать полнаго вниманія. Преступникъ, досрочно-освобожденный изъ мѣста заключенія, подъ условіемъ хорошаго поведенія, не долженъ пользоваться тѣми гарантіями неприкосновенности личности, которыя установлены, конечно, не для отбывающихъ довольно тяжкія наказанія. Пребываніе же на свободѣ преступника, порочнымъ своимъ поведеніемъ доказавшаго нецѣлесообразность и ошибочность постановленія о досрочномъ его освобожденіи, не можетъ, безъ сомнѣнія, быть терпимо съ точки зрѣнія общественной безопасности. Казалось бы, что, ради бдительнаго и своевременнаго охраненія ея и для устраненія опасеній произвола при заключеніи подъ стражу досрочно-освобожденнаго, предварительный арестъ его могъ бы быть предоставленъ мѣстнымъ органамъ судебной власти, уполномоченнымъ вообще на лишеніе свободы.

Въ связи съ приведеннымъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ членовъ Коммисіи, надлежало бы установить въ проектѣ право ареста досрочно-освобожденныхъ, совершившихъ преступныя дѣянія, не ожидая вступленія постановленныхъ о нихъ обвинительныхъ приговоровъ суда въ законную силу, ибо, при медленности нашего уголовного судопроизводства и возможности затягивать процессъ, между совершеніемъ преступнаго дѣянія, долженствующаго влечь за собою отмѣну досрочнаго освобожденія, и вступленіемъ въ законную силу приговора объ этомъ дѣяніи, можетъ пройти продолжительное время. Между тѣмъ, казалось бы, что самый фактъ присужденія досрочно-освобожденнаго къ новому наказанію можетъ почитаться достаточнымъ основаніемъ для прекращенія условнаго его освобожденія.

Обсудивъ это замѣчаніе, Коммисія нашла желательнымъ предоставить суду возможность отмѣны досрочнаго освобожденія, если досрочно-освобожденный будетъ осужденъ за какое либо преступное дѣяніе, хотя бы и до вступленія приговора въ законную силу, ибо, если, по проекту (ст. 21), такое право предоставляется суду въ случаяхъ установленія лишь дурнаго поведенія досрочно-освобожденнаго, то нѣтъ основанія къ ограниченію такого права въ отношеніи преступнаго поведенія освобожденнаго, установленнаго судебнымъ приговоромъ, если въ тѣхъ фактахъ, которые имъ выяснены, судомъ, рассматривающимъ вопросъ о прекращеніи условнаго досрочнаго освобожденія, будутъ усмотрѣны къ тому достаточныя основанія. При этомъ, однако, вступленіе приговора въ законную силу, если этимъ приговоромъ досрочно-освобожденный былъ присужденъ къ наказанію выше ареста, должно быть признаваемо условіемъ обязательной отмѣны досрочнаго освобожденія.

Далѣе, согласно статьѣ 22 проекта, о всѣхъ случаяхъ нарушенія досрочно-освобожденнымъ условій, на коихъ ему предоставляется свобода, учрежденія, имѣющія надъ нимъ попеченіе, а также мѣстное полицейское начальство, доводятъ до свѣдѣнія прокурора мѣстнаго окружнаго суда. По полученіи означенныхъ свѣдѣній и, въ случаѣ надобности, по провѣркѣ ихъ, прокуроръ немедленно предлагаетъ объ этомъ суду.

Обсудивъ предположенный порядокъ возбужденія дѣла о прекращеніи условнаго досрочнаго освобожденія, Коммисія нашла, что возложеніе на прокурора окружнаго суда обязан-

ности проверки нарушения условий досрочного освобождения, при отдаленности места нахождения суда от места водворения условно-освобожденного, может быть причиною медленности в разрешении этих дел. В виду этого, Коммисія признала болѣе удобнымъ возложить эту обязанность на ближайшіе къ населенію органы мѣстной судебной власти, а именно на мѣстныхъ мирового, городского или гминнаго судью или же земскаго участковаго начальника, по принадлежности. Установленіе такого порядка представляется желательнымъ и въ виду предполагаемаго уполномочія этихъ лицъ на предварительное задержаніе досрочно-освобожденныхъ. Онъ представитъ большія удобства и для самого досрочно-освобожденного, ибо явка его въ окружный судъ для дачи объясненій, согласно статьѣ 23 проекта, несомнѣнно во многихъ случаяхъ была бы сопряжена съ большими затрудненіями. Независимо отъ сего, по мнѣнію Коммисіи, было бы полезно предоставить означеннымъ должностнымъ лицамъ также право возбужденія дела о прекращеніи досрочнаго освобожденія по непосредственному усмотрѣнію. Такимъ образомъ, дело о нарушеніи досрочно-освобожденнымъ условий его освобожденія поступало бы, съ заключеніемъ мѣстнаго органа судебной власти, черезъ прокурора суда въ тотъ окружный судъ, въ округѣ котораго досрочно-освобожденный отбываетъ наказаніе; заключеніе это, основанное на проверенныхъ данныхъ, могло бы значительно облегчать разсмотрѣніе дела окружнымъ судомъ.

Далѣе статья 23 проекта опредѣляетъ, что въ случаяхъ, предусмотрѣнныхъ второю частью статьи 21 настоящихъ правилъ, судъ постановляетъ опредѣленіе о вызовѣ досрочно-освобожденного для дачи объясненій. Притомъ неявка досрочно-освобожденного не останавливаетъ разсмотрѣнія дела.

Обсуждая это постановленіе въ связи съ послѣдующею 24 статьею, Коммисія не могла не замѣтить внутренняго между ними несоотвѣтствія. Согласно статьѣ 24, дела о прекращеніи досрочнаго освобожденія подлежатъ разсмотрѣнію въ распорядительномъ засѣданіи въ ближайшій присутственный день, послѣ поступленія дела въ судъ. Статья же 23, требуя обязательнаго вызова въ судъ досрочно-освобожденного, могущаго нерѣдко проживать въ значительномъ отдаленіи отъ города, гдѣ находится окружный судъ, очевидно, дѣлаетъ неосуществимымъ требованіе о безотлагательномъ разсмотрѣніи дела. Въ виду этого, Коммисія,

придавая особливое значеніе скорѣйшему окончанію дѣлъ о досрочномъ освобожденіи, полагала ограничить требованіе вызова досрочно-освобожденнаго въ судъ лишь тѣми случаями, въ коихъ досрочно-освобожденный пребываетъ въ мѣстѣ нахожденія суда, разсматривающаго дѣло о прекращеніи досрочнаго освобожденія. При этомъ, само собою разумѣется, что досрочно-освобожденному, прибывшему въ засѣданіе суда, хотя бы и безъ вызова, должна быть дана судомъ возможность представленія словесныхъ объясненій. Засимъ, съ перенесеніемъ въ предшедшую статью начала статьи 23, вторая ея половина въ измѣненной Коммисіею формѣ могла бы быть отнесена къ статьѣ 24, говорящей о порядкѣ разсмотрѣнія дѣлъ о прекращеніи досрочнаго освобожденія, а потому статья 23 проекта подлежала бы исключенію. Статью же 24 проекта слѣдовало бы изложить слѣдующимъ образомъ:

«Къ дѣламъ о нарушеніи досрочно-освобожденнымъ условій, на коихъ ему предоставляется свобода, окружнымъ судомъ примѣняются порядокъ и правила, указанные въ статьѣ 14 для дѣлъ объ условномъ досрочномъ освобожденіи.

Досрочно-освобожденный, прибывшій въ засѣданіе суда, допускается къ представленію словесныхъ объясненій. Въ случаѣ надобности, суду предоставляется вызывать въ засѣданіе, для дачи объясненій, досрочно-освобожденнаго, если онъ имѣетъ пребываніе въ мѣстѣ нахожденія суда; неявка досрочно-освобожденнаго не останавливаетъ разсмотрѣнія дѣла». (Докл. Ком. Г. С., стр. 37—43).

Обсудивъ предложенныя Государственнымъ Совѣтомъ измѣненія статей 21 и 22 проекта и не встрѣчая препятствій согласиться съ ними, Особая Коммисія, съ своей стороны, признала лишь желательнымъ оговорить въ проектѣ, что досрочно-освобожденный можетъ быть подвергнутъ предварительному задержанію и досрочное освобожденіе отмѣнено, если порочное поведеніе досрочно-освобожденнаго можетъ грозить не только общественной, но и личной безопасности. Посему Коммисія, единогласно, полагала принять статьи 21 (20) и 22 (21) въ измѣненной редакціи, изложивъ ихъ въ слѣдующемъ видѣ:

«20. Если досрочно-освобожденный въ теченіе срока условнаго освобожденія совершитъ какое либо преступное дѣяніе, за которое будетъ осужденъ приговоромъ суда, или будетъ установлено его порочное поведеніе, могущее угрожать личной или

общественной безопасности и порядку (какъ то: пьянство, распутство, тунеядство, праздношатаіе, общеніе съ порочными людьми и т. п.), или, наконецъ, если досрочно-освобожденный нарушитъ другія условія, на коихъ ему предоставляется свобода, то досрочное освобожденіе можетъ быть отмѣнено.

Условное досрочное освобожденіе обязательно подлежитъ отмѣнѣ, если досрочно-освобожденный будетъ присужденъ вступившимъ въ законную силу приговоромъ суда къ наказанію выше ареста».

«21. О всѣхъ случаяхъ нарушенія досрочно-освобожденнымъ условій, на коихъ ему предоставляется свобода, учрежденіе или частное лицо, имѣющее надъ нимъ наблюденіе и попеченіе (ст. 15), а также мѣстное полицейское начальство доводятъ до свѣдѣнія мѣстныхъ мирового, городского или гминнаго судьи или земскаго участковаго начальника, по принадлежности. По полученіи означенныхъ свѣдѣній, и, въ случаѣ надобности, по провѣркѣ ихъ, означенныя должностныя лица, черезъ прокурора окружнаго суда, въ округѣ котораго водворенъ досрочно-освобожденный, передаютъ возникшее дѣло, съ своимъ заключеніемъ, на разсмотрѣніе сего суда.

Мировой, городской и гминный судья, а равно земскій участковый начальникъ, по принадлежности, могутъ: а) подвергнуть предварительному задержанію досрочно-освобожденнаго, порочное поведеніе котораго грозитъ личной или общественной безопасности, и б) возбудить дѣло объ отмѣнѣ условнаго досрочнаго освобожденія по непосредственному своему усмотрѣнію. (Согл. закл. Особ. Ком., стр. 18—19).

23. При возвращеніи досрочно-освобожденнаго, на основаніи статьи 20, въ мѣсто заключенія, время, проведенное имъ на свободѣ, въ срокъ наказанія, а равно въ срокъ полицейскаго надзора и другихъ ограниченій (ст. 4), не засчитывается, и срокъ оставшагося неотбытымъ заключенія исчисляется со времени взятія его подъ стражу.

Отмѣна условнаго досрочнаго освобожденія, доказывая, что послѣднее было примѣнено въ данномъ случаѣ ошибочно и что заключенный не достоинъ былъ воспользоваться этой льготой, должно влечь за собою заключеніе условно-освобожденнаго подъ стражу на все время, оставшееся ему съ того момента, когда ему

была предоставлена условная свобода, до окончанія назначеннаго по приговору срока. Неизбѣжность такого послѣдствія должна гарантировать исполненіе освобожденнымъ всѣхъ поставленныхъ ему условій. Порядокъ объявленія условно-освобождаемому о такихъ послѣдствіяхъ подлежитъ указанію въ инструкціонномъ порядкѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ возможно, что условно-освобожденный, въ случаѣ совершенія имъ какого либо преступнаго дѣянія, будетъ задержанъ, для пресѣченія ему способовъ уклоненія отъ слѣдствія и суда, подѣ стражей раньше, чѣмъ послѣдуетъ опредѣленіе суда объ отмѣнѣ предоставленнаго ему условнаго досрочнаго освобожденія. Въ предвидѣніи такихъ случаевъ установлено, по примѣру многихъ иностранныхъ законодательствъ (венгерское угол. улож., § 51; французскій законъ 14 августа 1885 г., ст. 5; бельгійскій законъ 31 мая 1888 г., ст. 6; германское угол. улож., § 25; инструкція прусскимъ тюремнымъ учрежденіямъ отъ 14 ноября 1902 г. п. 10 и прилож. къ § 181 п. 16), что срокъ оставшагося неотбытымъ заключенія исчисляется со времени задержанія освобожденнаго. Съ другой стороны, учиненіе условно-освобожденнымъ новаго преступнаго дѣянія, въ случаѣ осужденія, должно влечь для него еще особыя послѣдствія. Въ основаніе разрѣшенія этого вопроса должно быть принято то воззрѣніе, что пользованіе осужденнымъ условною свободою представляетъ только особый способъ отбытія опредѣленнаго судомъ наказанія. Поэтому къ условно-освобожденному, учинившему преступное дѣяніе въ теченіе испытательнаго періода, должны примѣняться тѣ же постановленія закона, какъ и къ лицамъ, отбывающимъ наказанія на общемъ основаніи (ст. 133 улож. наказ., ст. 14² уст. наказ. и ст. 66 угол. улож.). Однако дѣлать по сему предмету какую либо особую оговорку не представляется необходимости въ виду того соображенія, что примѣненіе означенныхъ статей въ указанномъ случаѣ само собою разумѣется. (Объясн. зап. Мин. Юст., стр. 41—43).

24. Если въ теченіе срока условнаго досрочнаго освобожденія таковое не будетъ на основаніи статьи 20 отмѣнено, то опредѣленное судебнымъ приговоромъ наказаніе почитается отбытымъ.

Сущность постановленія вытекаетъ изъ приведенныхъ выше соображеній объ основныхъ началахъ института условнаго досрочнаго освобожденія. Аналогичныя постановленія имѣются и

въ законодательствахъ Финляндіи (Высоч. постан. отъ 19 декабря 1889 г. сборн. постан. В. К. Ф. 1894 г. № 17, § 17), Италіи (§ 17 угол. улож.), Венгріи (§ 50 угол. улож.), Германіи (§ 26 угол. улож.), Франціи (§ 2 закона 14 августа 1885 г.), Бельгіи (законъ 3 августа 1899 г.) и др. (Тамъ же, стр. 43).

II. Статью 317 и примѣчанія 1 и 2 къ сей статьѣ Устава о Содержащихся подѣ Стражей (Св. Зак., т. XIV, изд. 1890 г. и по Прод. 1906 г.) и часть 3 статьи 23 Высочайше утвержденнаго, 22 Марта 1903 г., Уголовнаго Уложенія—отмѣнить.

ПРИЛОЖЕНІЯ

I. Пренія въ Государственной Думѣ и въ Государственномъ Совѣтѣ по официальнымъ стенографическимъ отчетамъ. — II. Нормальный уставъ обществъ покровительства лицамъ, освобождаемымъ изъ мѣстъ заключенія (патроната).

ВЪ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМѢ.

Въ Общемъ Собраніи.

Гр. Беннигсенъ (докладчикъ комисіи по судебнымъ реформамъ). Съ тѣхъ поръ, какъ исправленіе преступника было признано одной изъ тѣхъ задачъ, достиженіе которыхъ ставится цѣлью наказанія, оказалось необходимымъ ввести въ тюремный обиходъ цѣлый рядъ мѣръ, облегчающихъ такое исправленіе. Въ числѣ этихъ мѣръ видное мѣсто принадлежитъ и досрочному освобожденію, заключающемуся въ томъ, что преступникъ, хорошо ведущій себя во время отбыванія наказанія, освобождается ранѣе того срока, который ему былъ назначенъ по судебному приговору. Уже давно была признана недостаточность одного внѣшняго воздѣйствія, чисто формальнаго, на преступника, и необходимость пробудить въ немъ самодѣятельность въ направленіи къ самоисправленію, что наилучшимъ образомъ достигается путемъ созданія въ самомъ преступникѣ соотвѣствующихъ мотивовъ. А такъ какъ преступникъ во время пребыванія въ тюрьмѣ живетъ главнымъ образомъ мечтой о свободѣ, о томъ днѣ, когда онъ выйдетъ изъ мѣста заключенія, то въ цѣляхъ исправленія является наиболее соотвѣтственнымъ использовать эту мечту, дабы понудить его къ хорошему поведенію, дабы привести его къ добровольному подчиненію тюремному режиму и этимъ путемъ развить въ немъ привычку къ регулярной жизни и труду. Основанное на этой идее досрочное освобожденіе уже давно вошло въ практику всѣхъ западныхъ законодательствъ. Известно оно и нашему законодательству, по которому оно примѣняется въ исправительныхъ арестантскихъ отдѣленіяхъ, гдѣ хорошо ведущій себя преступникъ освобождается по расчету 10 мѣсяцевъ за годъ срока заключенія, назначеннаго ему по судебному приговору. Условное досрочное освобожденіе является дальгѣйшимъ шагомъ впередъ въ дѣлѣ развитія этой основной идеи. При условномъ освобожденіи преступникъ не выходитъ на свободу безъ всякаго условія, какъ при освобожденіи досрочномъ, безусловно. Это освобожденіе обуславливается хорошимъ поведеніемъ на

**27 ФЕВРАЛЯ 1908 г.,
засѣданіе 32.**

свободѣ въ теченіе заранѣе опредѣленнаго періода времени и особымъ за нимъ надзоромъ тѣхъ или другихъ органовъ власти. Сопровождая преступника и за стѣнами тюрьмы, расширяя такимъ образомъ предѣлы карательнаго воздѣйствія, условное досрочное освобожденіе является особымъ видомъ отбытія наказанія; оно является, такъ сказать, заключительной его стадіей. Нельзя не признать, что эта форма воздѣйствія является несомнѣннымъ улучшеніемъ и для самого преступника, и для общества. Общество болѣе гарантировано тѣмъ, что надъ преступникомъ, уже освобожденнымъ, продолжаетъ тяготѣть воздѣйствіе карательной власти, и въ немъ создается лишній стимулъ хорошаго поведенія, а съ другой стороны для преступника это лишній стимулъ, удерживающій его отъ вовлеченія въ новое преступное дѣяніе, который служитъ, по выраженію одного изъ нашихъ писателей по этому предмету, проф. Пюнтковского, тѣмъ добрымъ геніемъ, который охраняетъ его отъ рецидива. Условное досрочное освобожденіе распространилось въ настоящее время не только на материкъ Европы, оно извѣстно и Америкѣ, извѣстно и нѣкоторымъ азіатскимъ странамъ. У насъ оно существуетъ точно также въ практикѣ исправительныхъ заведеній для малолѣтнихъ преступниковъ, а засимъ въ совершенно своеобразномъ видѣ существуетъ уже почти цѣлое столѣтіе и въ практикѣ нашей каторги. Всѣ каторжане поступаютъ первоначально въ разрядъ испытуемыхъ, затѣмъ, по прошествіи сравнительно короткаго времени пребыванія въ этомъ разрядѣ, они переводятся въ разрядъ исправляющихся, а засимъ, отбывъ въ немъ главную часть наказанія, переводятся въ такъ называемый внѣ-тюремный разрядъ, въ которомъ они получаютъ разрѣшеніе жить внѣ тюрьмы и обзавестись семьей, получаютъ казенное пособіе на обзаведеніе дома и имѣютъ право имѣть свою собственность; за дурное поведеніе въ разрядѣ внѣ-тюремномъ каторжныхъ могутъ переводить обратно въ тюрьму, но на срокъ не болѣе одного года. Такимъ образомъ изъ этихъ краткихъ данныхъ уже видно, что наше законодательство уже признаетъ досрочное освобожденіе безусловное, а въ частности, хотя можетъ быть въ нѣсколько своеобразномъ видѣ, и досрочное освобожденіе условное. Въ настоящее время, когда намъ приходится рѣшать вопросъ о распространеніи этого института и на другіе виды лишенія свободы, я позволю себѣ удостовѣрить, что этотъ вопросъ имѣетъ за собой у насъ уже болѣе, чѣмъ 25-лѣтнее прошлое. Еще въ 1872 г., когда была учреждена редакціонная Коммисія для выработки новаго уголовного уложенія, уже тогда впервые возникъ проектъ ввести этотъ институтъ въ наше право. Въ то время редакціонная Коммисія испугалась нѣкоторыхъ возраженій, которыя были противъ этого института сдѣланы, и въ тотъ проектъ, который былъ утвержденъ въ 1903 г., этотъ институтъ не вошелъ. Но одновременно съ этимъ Государственный Совѣтъ предоставилъ Министерству Юстиціи разработать и внести въ законодательномъ порядкѣ законопроектъ о введеніи этого института.

Этотъ то вотъ законопроектъ въ настоящее время намъ и предстоитъ разсмотрѣть. Обращаясь къ его детальному обсужденію, необходимо первымъ дѣломъ остановиться на тѣхъ возраженіяхъ, которыя были сдѣланы еще во время оно, еще редакціонной коммисіей по выработкѣ уголовного уложенія, возраженіяхъ, къ которымъ до сихъ поръ не прибавлено никакихъ другихъ новыхъ. Эти возраженія заключаются въ томъ, что наши тюрьмы являются неудовлетворительными, что у насъ нѣтъ правильно организованнаго полицейскаго надзора, который бы достаточнымъ образомъ гарантировалъ наблюденіе за условно-освобожденными, и, затѣмъ, указывалось на

отсутствіе у насъ обществъ патроната. Противъ этихъ указаній редакціонной Комисіи Министерство Юстиціи возражаетъ, и съ его возраженіями нельзя не согласиться, ибо они являются достаточно убѣдительными, что если у насъ тюрьмы были плохи, то, съ одной стороны, можно указать, что за тѣ 25 лѣтъ, которыя истекли со времени написанія соображеній редакціонной Комисіи, эти тюрьмы значительно улучшились, а съ другой стороны, мы видимъ изъ примѣра западно-европейской практики, что условное досрочное освобожденіе примѣняется успѣшно и въ тѣхъ странахъ, гдѣ тюрьмы не лучше нашихъ. То же самое относится и къ полицейскому надзору. Если онъ у насъ не организованъ и недостаточно хорошъ, то этимъ же недостаткомъ страдаетъ и весь культурный міръ, ибо въ одной только Англіи полицейскій надзоръ является удовлетворительнымъ и нареканій на себя не вызываетъ. Что касается обществъ патроната, то можно признать, что этихъ обществъ, правда, у насъ очень малое количество: на всю Россію имѣется ихъ всего 23. Несомнѣнно также, что только при широкомъ развитіи этихъ обществъ можно надѣяться, что этотъ институтъ войдетъ, дѣйствительно, въ плоть и кровь нашей жизни и дастъ осязательные благіе результаты. Но, съ другой стороны, обуславливать введеніе этого института наличностью большаго количества обществъ патронатовъ едва ли является возможнымъ. Общество патроната—организація частная, обязанная своимъ существованіемъ частной инициативѣ, между тѣмъ какъ досрочное освобожденіе является институтомъ государственнымъ, вводимымъ въ цѣляхъ государственнаго воздѣйствія на преступниковъ и въ цѣляхъ уменьшенія преступности. Обуславливать же введеніе того или другого института государственнаго характера проявленіемъ частной инициативы едва ли представляется возможнымъ. Въ виду этого, вѣтъ, казалось бы, возможности придавать столь рѣшающее значеніе широкому развитію обществъ патроната. Таковы тѣ принципиальныя возраженія, которыя представлялись противъ введенія этого института въ нашемъ прошломъ и, казалось бы, что они не должны служить основаніемъ къ непринятію того законопроекта, который вносится Министерствомъ Юстиціи.

Признавая такимъ образомъ законопроектъ пріемлемымъ, я позволяю себѣ остановиться на основныхъ его чертахъ и вкратцѣ выяснить отношеніе къ нимъ Комисіи по судебнымъ реформамъ. Остановившись на вопросѣ о томъ, при какихъ видахъ лишенія свободы подлежитъ примѣненію условное досрочное освобожденіе, Комисія присоединилась вполне къ соображеніямъ Министра Юстиціи о томъ, что этотъ институтъ подлежитъ примѣненію при исправительныхъ арестантскихъ домахъ и при исправительныхъ арестантскихъ отдѣленіяхъ и тюрьмахъ. Равнымъ образомъ Комисія присоединилась къ соображеніямъ Министра Юстиціи о томъ, что желательно распространить условное досрочное освобожденіе и на работные дома,—новыя карательныя учрежденія, которыя созданы новымъ уголовнымъ уложеніемъ, по которыя еще въ настоящее время въ насъ обиходъ совершенно не вошли. Министръ Юстиціи далѣе высказывается противъ распространенія досрочнаго освобожденія на каторгу. Мотивами къ этому является то переходное состояніе, въ которомъ каторга въ настоящее время находится, и неудовлетворительность этого вида наказанія. Съ этими соображеніями Комисія по судебнымъ реформамъ согласиться не могла въ виду того, что въ сравнительно переходномъ состояніи находятся и другіе наши виды заключеній и говоритъ о томъ, что неудовлетворительна одна только каторга, едва ли возможно. Если стоять на почвѣ этихъ возраженій, то намъ придется отказаться

вообще отъ условнаго досрочнаго освобожденія. Но Коммисія останавливается на иныхъ соображеніяхъ. Какъ я уже указалъ, въ нашей каторгѣ существуетъ, хотя и своеобразная, форма условнаго освобожденія. Если мы обратимся къ ближайшему изученію положенія объ этомъ досрочномъ освобожденіи каторжанъ, то мы увидимъ, что если бы мы распространили въ настоящее время на каторжанъ рассматриваемый законопроектъ, то мы поставили бы ихъ въ значительно болѣе худшее положеніе, чѣмъ они нынѣ находятся. Если мы возьмемъ, напримѣръ, наказаніе каторгой срокомъ на 20 лѣтъ, то, принимая во вниманіе тѣ положенія, которыя положены въ основаніе законопроекта, мы должны бы были признать, что каторжанинъ будетъ освобождаться изъ тюрьмы черезъ 15 лѣтъ, въ настоящее же время онъ освобождается, будучи приговоренъ къ 20 годамъ, уже черезъ 7 лѣтъ. Если мы возьмемъ наказаніе каторжника на 10 лѣтъ, то въ настоящее время онъ освобождается черезъ $3\frac{1}{2}$ года, а по новому закону будетъ освобождаться черезъ $7\frac{1}{2}$ лѣтъ. Словомъ, если бы мы распространили настоящій законопроектъ на каторжанъ, то мы бы значительно ухудшили ихъ положеніе, что несомнѣнно въ задачу законопроекта не входило. Засимъ, имѣется два вида лишенія свободы, на которые законопроектъ не распространяется и какъ Коммисія признаетъ не распространяется совершенно правильно,—это наказаніе крѣпостью и краткосрочнымъ арестомъ. Цѣлью, которую преслѣдуетъ настоящій законопроектъ, является исправленіе преступника, между тѣмъ въ крѣпость сажаются тѣ изъ преступниковъ, которые по самой идеѣ законодателя не подлежатъ исправленію, это лица, виновныя въ совершеніи того или другого преступленія, безъ наличности позорящихъ ихъ мотивовъ. Въ виду этого и такъ какъ лица, содержащіяся въ крѣпости, исправленію никакому не подлежатъ, то не представляется никакихъ основаній распространять на нихъ этотъ законопроектъ. Такъ какъ цѣлью законопроекта является исправленіе преступника, то необходимо въ видахъ успѣшности этого исправленія, чтобы наказаніе было достаточно продолжительнымъ, чтобы можно было вывести то или другое заключеніе о степени исправленія преступника. Поэтому на краткосрочное наказаніе настоящій законопроектъ, казалось бы, распространенію не подлежитъ. Между тѣмъ, такимъ именно краткосрочнымъ наказаніемъ и является у насъ наказаніе арестомъ. Поэтому Министерство Юстиціи вполне правильно отказывается отъ распространенія настоящаго законопроекта на арестъ. Переходя далѣе къ вопросу о томъ, какова же должна быть продолжительность того наказанія, при которомъ допустимо примѣненіе условнаго досрочнаго освобожденія, и какая доля наказанія подлежитъ сокращенію, Коммисія по судебнымъ реформамъ вполне присоединилась къ тѣмъ предположеніямъ, которыя были высказаны въ законопроектѣ Министерства Юстиціи. Наказаніе это, какъ я уже указывалъ, не должно быть слишкомъ краткимъ, съ другой же стороны—оно не должно быть и слишкомъ продолжительнымъ; не должно быть слишкомъ продолжительнымъ потому, что эта чрезмѣрная продолжительность дѣлала бы преступника апатичнымъ и устранила бы въ немъ побужденіе къ самоисправленію, о которомъ я уже говорилъ. Такимъ срокомъ, по мнѣнію Министерства, являются 6 мѣсяцевъ заключенія, тотъ срокъ, который принятъ въ большинствѣ западно-европейскихъ законодательствъ и который и у насъ былъ принятъ третьимъ съѣздомъ русскихъ криминалистовъ, и Коммисія со своей стороны громаднымъ большинствомъ голосовъ присоединилась точно также къ мысли о цѣлесообразности оставленія этого срока въ законопроектѣ. Переходя къ вопросу относительно того, какая доля наказа-

нія должна сокращаться, Коммисія остановилась на соображеніи о томъ, что условное досрочное освобожденіе не должно слишкомъ понижать репрессіи наказанія, наказаніе всетаки должно оставаться; если же сокращеніе будетъ идти, скажемъ, до $\frac{1}{3}$ или $\frac{1}{4}$ назначеннаго судебнымъ приговоромъ наказанія, то объ этой репрессіи намъ затруднительно было бы говорить. Въ виду этого Коммисія присоединилась къ мнѣнію Министерства Юстиціи о желательности сокращенія лишь $\frac{1}{4}$ срока, безъ допущенія возможности освобождать преступника до отбытія $\frac{3}{4}$ наказанія, и думаетъ, что дальше въ настоящее время идти не слѣдуетъ: такого рода размѣръ сокращенія принять нѣкоторыми западно-европейскими законодательствами. Если въ будущемъ выяснится необходимость сдѣлать еще какіе либо шаги въ направленіи сокращенія доли наказанія, то это могло бы быть сдѣлано впослѣдствіи, когда выяснятся результаты проектируемаго досрочнаго освобожденія. Засимъ, Коммисія присоединилась къ мысли о томъ, что примѣнять условное досрочное освобожденіе можно лишь къ тѣмъ преступникамъ, которые сами изъявляютъ на это согласіе. Дѣйствительно, нельзя говорить объ освобожденіи условномъ лица, которое само не увѣрено, что оно сумѣетъ этой свободой воспользоваться; безъ его согласія не представляется возможнымъ освобождать.

Переходя къ вопросу о томъ, кто будетъ разрѣшать вопросъ объ освобожденіи преступника, слѣдуетъ указать, что настоящій законопроектъ представляетъ значительный шагъ впередъ по сравненію съ тѣми органами, которые вѣдаютъ это дѣло въ настоящее время. Въ исправительныхъ арестантскихъ отдѣленіяхъ вопросъ этотъ рѣшается предварительно начальникомъ отдѣленія, а засимъ его представленіе утверждается губернскимъ правленіемъ. Въ каторжныхъ тюрьмахъ въ первой инстанціи вопросъ рѣшается начальникомъ мѣста заключенія, а во второй приказомъ о ссыльныхъ. По проекту, нынѣ представляемому въ Государственную Думу, первоначально вопросъ относительно освобожденія преступника, о томъ, насколько онъ этой льготы достоинъ, разрѣшается особымъ совѣщаніемъ, созываемымъ при каждомъ мѣстѣ заключенія. Въ составъ этого совѣщанія, подъ предсѣдательствомъ мирового судьи или уѣзднаго члена окружнаго суда, входятъ представитель мѣстной тюремной администраціи, священникъ, врачъ, учитель, гдѣ таковой имѣется, и представитель мѣстнаго отдѣленія общества попечительнаго о тюрьмахъ или общества патроната, если таковое существуетъ. То постановленіе, которое по этому дѣлу состоится, въ случаѣ, если преступникъ признается заслуживающимъ досрочнаго освобожденія, поступаетъ чрезъ прокурора мѣстнаго окружнаго суда на разсмотрѣніе этого суда, рассматривающаго дѣло въ распорядительномъ засѣданіи. Такимъ образомъ мы видимъ, что и въ этомъ отношеніи законопроектъ Министерства Юстиціи представляетъ значительный шагъ впередъ по сравненію съ нынѣ дѣйствующимъ законодательствомъ.

Послѣ этого мнѣ приходится остановиться на одномъ лишь вопросѣ, именно на вопросѣ объ органѣ, который наблюдаетъ за преступникомъ во время испытательнаго періода. Это несомнѣнно самый большой вопросъ настоящаго законопроекта. Въ законопроектѣ проектируется, что если въ той или другой мѣстности не имѣется общества патроната или болѣе или менѣе активныхъ обществъ попечительства о тюрьмахъ, которыя могли бы взять подъ свое попеченіе освобожденнаго преступника, то этотъ надзоръ долженъ принадлежать

мѣстному мировому судѣ или земскому пачальнику. Несомнѣнно, что этотъ надзоръ мирового судьи или земскаго начальника будетъ надзоромъ чисто фиктивнымъ: у этихъ должностныхъ лицъ слишкомъ много своихъ прямыхъ обязанностей для того, чтобы имѣть возможность наблюдать за освобождаемыми преступниками. Коммисія однако считала, что институтъ во всей его совокупности всетаки представляетъ настолько значительный шагъ впередъ, что останавливаться надъ этимъ не приходится, тѣмъ болѣе, что имѣется возможность извѣстнаго рода мѣропріятіями со стороны Правительства и общества восполнить этотъ недостатокъ. Эти мѣры должны служить всячески къ содѣйствію развитію у насъ обществъ патроната. Какъ я уже говорилъ, у насъ имѣется въ настоящее время 23 подобнаго рода общества, между тѣмъ какъ за границей они насчитываются сотнями. И вотъ, обсуждая вопросъ о томъ, какъ придти къ столь же широкому развитію у насъ этихъ обществъ, Коммисія остановилась на двухъ мѣрахъ. Одна мѣра—чисто формальная. Это—изданіе нормальнаго устава для обществъ патроната. Когда мы обратились съ вопросомъ о томъ, почему подобнаго рода уставъ до настоящаго времени не изданъ, то представитель Главнаго Тюремнаго Управленія заявилъ намъ, что по его мнѣнію изданіе подобнаго рода устава представляется въ настоящее время излишнимъ, ибо общества эти могутъ открываться явочнымъ порядкомъ. Коммисія, однако, съ этимъ мнѣніемъ согласиться не могла. Дѣло въ томъ, что члены обществъ патроната, дабы имѣть возможность болѣе или менѣе плодотворно работать въ дѣлѣ попеченія о преступникѣ, должны съ нимъ ознакомляться еще во время пребыванія преступника въ тюрьмѣ, а для сего они должны имѣть право свободнаго доступа въ эти мѣста заключенія. Если общества патроната будутъ стоять внѣ всякаго надзора со стороны органовъ власти, со стороны прокурорскаго надзора, то едва ли вѣроятно, чтобы эти самые представители власти стали допускать членовъ общества патроната совершенно безконтрольно для наблюденій въ мѣста заключенія. Въ виду этого представляется необходимымъ заранѣе оговорить тѣ условія, при соблюденіи коихъ члены общества допускались бы въ мѣста заключенія. А это возможно лишь въ томъ случаѣ, если Министерствомъ Юстиціи будетъ выработанъ нормальный уставъ для этихъ обществъ. Кромѣ того, выработка нормальнаго устава представляется цѣлесообразной еще и потому, что дѣятелями этихъ обществъ, сплошь и рядомъ, могутъ являться лица, недостаточно компетентныя для выработки устава, и самая наличность такого нормальнаго устава значительно облегчала бы для нихъ организацію этихъ обществъ. Съ другой стороны, еще болѣе важнымъ, по мнѣнію Коммисіи, представляется оказаніе этимъ обществамъ матеріальной помощи изъ суммъ государственнаго казначейства. Вездѣ въ западныхъ государствахъ, мы встрѣчаемся съ фактами оказанія помощи этимъ обществамъ со стороны казны, помощи, не достигающей, правда, значительныхъ размѣровъ, но тѣмъ не менѣе для этихъ обществъ являющейся весьма существенной. Позволю себѣ указать одинъ примѣръ. Въ Германіи изъ 75.000 марокъ, которыми обладали эти общества во всей совокупности, 66.000 были даны изъ государственнаго казначейства. Особенно важны подобнаго рода субсидіи у насъ въ настоящее время, ибо пылъ, какъ всѣмъ извѣстно, средства всѣхъ благотворительныхъ обществъ крайне изсякли и поступаютъ очень туго. Безъ оказанія этой помощи обществамъ, при самомъ ихъ возникновеніи, со стороны казначейства трудно рассчитывать, чтобы они широко распространились по всей территоріи нашего государства.

Въ виду этого, въ своемъ заключеніи, Коммисія высказывается за порученіе Министру Юстиціи внести на разсмотрѣніе Государственной Думы въ ближайшемъ же будущемъ законопроектъ объ оказаніи обществамъ патроната пособій за счетъ государственнаго казначейства.

Таковы тѣ общія замѣчанія, которыя, казалось бы, должны бы были быть предпосланы настоящему докладу, а засимъ дальнѣйшія заключенія, которыя могли бы быть сдѣланы, касаются уже отдѣльныхъ статей министерскаго законопроекта и будутъ мною сдѣланы уже по переходѣ къ постатейному обсужденію.

Министръ Юстиціи Щегловитовъ. Господа члены Государственной Думы! Современное карательное право государства проникается все болѣе и болѣе началомъ цѣлесообразности, которое находитъ свое яркое выраженіе въ такъ называемой индивидуализаціи наказанія, т. е. въ примѣненіи его сообразно съ личными свойствами преступности. «Каждому да воздастся не только по дѣламъ его, но и въ соотвѣтствіи съ его личными особенностями» — таковъ лозунгъ, которымъ опредѣляется все содержаніе современной карательной дѣятельности. Наказывая, государство во имя цѣлесообразности, должно стремиться къ поднятію павшаго преступника, къ возвращенію его въ прежнюю среду, по возможности, обновленнымъ, исправленнымъ. Отсюда широкія исправительныя задачи карательныхъ мѣропріятій. Общество, говоритъ извѣстный французскій соціологъ Тардъ, имѣетъ право защищаться подобно каждому человѣку въ отдѣльности, но общество въ отличіе отъ этого отдѣльнаго человѣка, обладаетъ гораздо большимъ матеріальнымъ достаткомъ, а потому и можетъ себѣ позволить роскошь гуманности и человѣчности. Стремясь воздать каждому по его дѣламъ, въ соотвѣтствіи съ личными особенностями преступника, современное государство, прежде всего, расширяетъ полномочія суда по избранію и опредѣленію установленныхъ въ законѣ уголовныхъ каръ. Наказаніе, которое фиксируется, намѣчается судомъ по ближайшемъ соображеніи съ характеромъ преступнаго дѣянія и свойствами судимаго лица, можетъ, однако, оказаться при самомъ отбываніи уголовной кары не вполне соотвѣтствующимъ личнымъ особенностямъ того, кто подѣйствіе уголовной кары подпалъ. Обстоятельство это, подтверждаемое многочисленнѣйшими наблюденіями, привело къ допущенію возможности измѣнить назначенное осужденному наказаніе въ смыслѣ нѣкотораго, весьма существеннаго для него, облегченія.

Въ наукѣ за послѣднее время стали высказываться мнѣнія о желательности и обратнаго измѣненія наказанія въ сторону отягощенія участи осужденнаго, въ смыслѣ удлиненія того наказанія, которое ему опредѣлено судебнымъ приговоромъ, но это мнѣніе, принадлежащее сторонникамъ такъ называемыхъ неопредѣленныхъ судебныхъ приговоровъ и представляющее собой серьезную опасность интересамъ личной свободы, пока еще въ наукѣ господства не получило и на практикѣ, за исключеніемъ нѣсколькихъ штатовъ Сѣверной Америки, достаточно испробовано не было. Возможность измѣненія наказанія, фиксируемаго судомъ въ сторону облегченія для осужденнаго, съ половины прошлаго столѣтія на континентѣ Европы получаетъ все большее и большее распространеніе, будучи заимствовано изъ Англіи. Наиболѣе свое совершенное выраженіе эта идея облегченія участи осужденнаго получила въ такъ называемомъ условномъ досрочномъ освобожденіи. Идея этого досрочнаго освобожденія, совершенно правильно охарактеризованная докладчикомъ Коммисіи по судебнымъ реформамъ, покоится на возбужденіи самодѣятельности самаго заключеннаго въ смыслѣ собственнаго его

стремленія къ исправленію. Съ этой цѣлью заключенному предоставляется возможность хорошимъ поведеніемъ заслужить сокращеніе срока пребыванія въ тюрьмѣ съ тѣмъ, что его хорошее поведеніе на свободѣ, ограниченной въ теченіе извѣстнаго срока, будетъ имѣть своимъ послѣдствіемъ признаніе отбытія имъ наказанія полностью. Въ случаѣ же неодобрительнаго поведенія условно освобожденный возвращается обратно въ тюрьму и доканчиваетъ прерванное отбываніе наказанія. Условное досрочное освобожденіе несомнѣнно придаетъ уголовной репрессіи осмысленный характеръ, отнюдь не нарушая интересовъ общества и государства.

Въ настоящее время оно пользуется законодательнымъ признаніемъ во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ; между прочимъ, условное досрочное освобожденіе принято и на нашей финляндской окраинѣ. Что касается собственно русскаго законодательства, то въ немъ условное досрочное освобожденіе признано только по отношенію къ несовершеннолѣтнимъ, помѣщеннымъ въ исправительныя заведенія. Всѣ же другіе осужденные, которые отбываютъ долгосрочные виды лишенія свободы, а именно которые отбываютъ наказаніе въ каторжныхъ тюрьмахъ, на поселеніи, въ исправительныхъ арестантскихъ отдѣленіяхъ, пользуются по дѣйствующему закону, извѣстными облегченіями, но только не въ формѣ условнаго досрочнаго освобожденія, а въ формѣ досрочнаго освобожденія безусловнаго, т. е. такого, которое совершенно отсѣкаетъ дальнѣйшее отбываніе оставшагося неотбытымъ срока наказанія, хотя бы впослѣдствіи и было обнаружено неодобрительное поведеніе такого освобожденного. Въ высшей степени важнымъ представляется, конечно, выяснить, какая же изъ двухъ системъ досрочнаго освобожденія: система ли досрочнаго освобожденія безусловнаго, или система досрочнаго освобожденія условнаго заслуживаетъ предпочтеніе. Всѣ знатоки этого вопроса безъ колебанія удостовѣряютъ преимущество системы условнаго досрочнаго освобожденія. Высказываваясь въ этомъ смыслѣ, знатоки рассматриваемаго вопроса, конечно, не исходятъ исключительно изъ однихъ интересовъ освобождаемыхъ. Если на минуту стать на узкую точку зрѣнія этихъ интересовъ, то окажется, что безусловное досрочное освобожденіе, которое совершенно порываетъ всякую связь освобождаемаго съ тѣмъ мѣстомъ заключенія, изъ котораго онъ выбылъ, имѣетъ извѣстныя преимущества. Но эта система заключаетъ въ себѣ чрезвычайные недостатки съ точки зрѣнія всей карательной системы, побуждающіе отдать предпочтеніе условному досрочному освобожденію. Недостатки системы безусловнаго досрочнаго освобожденія могутъ быть сведены къ двумъ положеніямъ: первое заключается въ томъ, что ошибки, которыя происходятъ при примѣненіи безусловнаго досрочнаго освобожденія, суть ошибки непоправимыя; второе положеніе выражается въ томъ, что освобожденный въ порядкѣ безусловнаго досрочнаго освобожденія остается предоставленнымъ самому себѣ, несмотря на рѣзкость перехода, которую заключаетъ въ себѣ переходъ отъ абсолютной несвободы къ абсолютной свободѣ. Второй недостатокъ очень нагляденъ въ явленіи, постоянно въ жизни встрѣчающемся, когда тяжело больной, оправившійся отъ болѣзни, выпускается на свѣжій воздухъ. По отношенію къ нему извѣстный періодъ времени требуетъ большой осторожности, осмотрительности. Когда къ досрочно освобождаемому примѣняется система условнаго освобожденія, то освобождаемый, подобно оправившемуся тяжело больному, не получаетъ сразу во всей своей широтѣ свободы, которая дается безусловно досрочно освобождаемому. Существованіе въ системѣ условнаго досрочнаго освобожденія извѣстныхъ стѣпеней съ принятіемъ относительно освобо-

ждаемаго соотвѣтствующихъ мѣръ попеченія и даетъ весьма важное преимущество системѣ условнаго досрочнаго освобожденія передъ системой безусловнаго досрочнаго освобожденія.

Желательность введенія у насъ условнаго досрочнаго освобожденія засвидѣтельствована двумя съѣздами русской группы международного союза криминалистовъ, происходившими въ 1900 и въ 1901 гг.; признана она и Государственнымъ Совѣтомъ прежняго устройства при разсмотрѣніи новаго уголовнаго уложенія и раздѣляется, какъ только что удостовѣрилъ докладчикъ Комисіи по судебнымъ реформамъ, и вашей Комисіей, уже обсуждавшей внесенный мною по настоящему вопросу законопроектъ. Законопроектъ этотъ я поддерживаю и очень радуюсь тому, что всѣ тѣ предположенія, которыя въ законопроектѣ, нынѣ обсуждаемомъ, намѣчены Министерствомъ Юстиціи, встрѣтили въ существѣ сочувствіе и поддержку въ судебной Комисіи. Подробностей законопроекта я въ настоящее время касаться не буду. Буду высказываться по поводу этихъ подробностей по ходу преній и возраженій, буде таковыя въ отношеніи тѣхъ или другихъ положеній законопроекта предъявлены будутъ. Но позвольте мнѣ коснуться теперь же въ моихъ вступительныхъ объясненіяхъ по настоящему дѣлу того вопроса, которому, по справедливости, судебная Комисія отвела видное мѣсто въ своемъ заключеніи по поводу моего законопроекта. Я хочу остановиться на вопросѣ о необходимости обезпечить условія, которыя бы облегчили возникновеніе у насъ обществъ патроната. Слабое развитіе общественной самодѣятельности въ области патроната дѣйствительно требуетъ того, чтобы подумать объ изысканіи мѣръ къ возбужденію и оживленію общественной инициативы въ этой области. Успѣшное примѣненіе условнаго досрочнаго освобожденія несомнѣнно наилучшимъ образомъ и обезпечивается попеченіемъ объ условномъ досрочномъ освобожденномъ со стороны обществъ патроната. Услуги, которыя эти общества оказываютъ тюремному дѣлу, неисчислимы. Общества эти, которыя въ Западной Европѣ получили широкое развитіе, какъ свидѣтельствуется опытомъ, дѣйствуютъ наиболее совершеннымъ образомъ, когда они возникаютъ на почвѣ частной инициативы. Поэтому необходимо ее вызвать къ жизни, распространяя среди общества пониманіе серьезной и незамѣнимой ея роли въ борьбѣ съ преступностью. Улучшить преступника есть святое, но трудное дѣло, требующее много времени, заботъ и денегъ. Затрата для этой цѣли времени и средствъ должна быть предметомъ обязательной общественной расточительности. Съ своей стороны я отъ всей души привѣтствую заключеніе вашей Комисіи о томъ, чтобы Министерство Юстиціи разработало законопроектъ о воспособленіи обществъ патронатовъ изъ средствъ государственнаго казначейства, и приложу также всѣ стремленія къ возможно болѣе скорому утвержденію нормальнаго устава обществъ патронатовъ.

Условное досрочное освобожденіе, по моему глубокому убѣжденію, внесетъ лучъ свѣта въ нашъ тюремный порядокъ, благотѣльное вліяніе котораго, думается мнѣ, не заставитъ себя долго ждать.

Максудовъ (Казанская губ.). Господа народныя представители. Прежде всего я привѣтствую благія начинанія Государственной Думы въ области улучшенія положенія заключенныхъ. Всякая мѣра, направленная къ смягченію участи заключенныхъ, должна встрѣтить одобреніе народнаго представительства. За послѣднее время въ уголовное законодательство все больше и больше проникаетъ принципъ гуман-

**1 МАРТА 1908 г.,
засѣданіе 33.**

ности и цѣлесообразности. Культурное человѣчество XX столѣтія измѣнило свой взглядъ на преступника и на цѣли наказанія. Далеки уже тѣ времена, когда тюрьмы представляли грязныя подземелія, ужасныя зданія, куда безъ разбора помѣщали настоящихъ преступниковъ вмѣстѣ съ смѣлыми людьми, отважившимися высказать или только мыслить о возможномъ въ будущемъ прогрессѣ въ области религіи, науки и политики. Некультурное человѣчество усматривало въ наказаніи удовлетвореніе чувства мщенія. Доказательствомъ этого можетъ служить вся тюремная исторія Испаніи, Италіи. Достаточно вспомнить «Мои темницы» Сильвіо Пеллако, Гладоморшо въ Чешской Прагѣ, Лондонскій Тауеръ, ужасные Tour de Monza въ Венеціи и Французскую Бастилію. Къ великой чести человѣчества надо сказать, что во всѣ времена и во всѣхъ странахъ были люди, возстававшіе противъ жестокости карательной системы. Въ этомъ отношеніи мы должны упомянуть съ благоговѣніемъ имена: Говарда, Беккариа, Токвиля, Бентама и т. д. Серьезныя реформы въ области уголовного права начались въ началѣ XVIII и XIX столѣтія. Особенно серьезныя реформы начинаютъ дѣлать въ нашу эпоху, благодаря трудамъ уголовно-соціологической школы. Въ этой области уже приняты рядъ мѣръ. Одной изъ самыхъ симпатичныхъ мѣръ является институтъ условнаго досрочнаго освобожденія. Этотъ институтъ существуетъ уже во всѣхъ уголовныхъ законодательствахъ почти всѣхъ Европейскихъ государствъ. Во Франціи институтъ этотъ былъ введенъ въ 1885 г. закономъ 14 августа, и съ тѣхъ поръ онъ далъ весьма блестящіе результаты. Во Франціи, до введенія института условнаго освобожденія, число преступниковъ, обратно возвращающихся въ тюрьмы, доходило до 50%, а съ тѣхъ поръ, какъ этотъ институтъ введенъ во Франціи, это число никогда не превышаетъ 20%. Такому блестящему результату во Франціи способствуетъ существованіе множества обществъ покровительства заключенныхъ, т. н. «обществъ патроната». Такихъ обществъ во Франціи насчитывается около 120, при всѣхъ исправительныхъ заведеніяхъ непремѣнно существуетъ одно такое общество. Всѣ эти мѣстныя общества послѣ конгресса 1893 г. объединились въ одну общую организацію съ центральнымъ бюро въ Парижѣ. Главною цѣлью этихъ обществъ является препятствованіе рецидивамъ преступленій. Они достигаютъ этой цѣли разными средствами, доставляютъ освобожденнымъ временныя пріюты, снабжаютъ ихъ орудіемъ труда и пріискиваютъ имъ работу. Во многихъ мѣстахъ весь заработокъ заключенныхъ, накопившійся во время пребыванія въ тюрьмѣ, поступаетъ прямо въ дирекцію «патроната», куда по освобожденіи являются заключенные и входятъ въ соглашеніе относительно порядка расходованія этихъ денегъ. Центральное бюро всѣхъ французскихъ обществъ патроната находится въ постоянномъ сношеніи съ разными фабриками и заводами и разными другими работодателями, такъ что они всегда имѣютъ возможность помѣстить своихъ патрониремыхъ. Наша Коммисія прекрасно поняла ту неразрывную связь, которая существуетъ между условнымъ освобожденіемъ и обществами патроната. Мнѣ кажется, эти два института одинъ безъ другого немыслимы. Въ самомъ дѣлѣ, что значитъ освободить человѣка, не способнаго къ труду или хотя и способнаго, но не имѣющаго возможности найти подходящее занятіе и не обладающаго собственными средствами? Это значитъ толкать его на путь порока и преступленія; поэтому, мнѣ кажется, Министерство должно дополнить свой проектъ не только выработкою устава о патронатахъ, но и внесеніемъ другого проекта о мѣрахъ къ поощренію возникновеній обществъ патроната.

Я не буду больше распространяться о теоретическом значеніи обществъ патроната и объ институтѣ условнаго освобожденія; я возшелъ, главнымъ образомъ, на эту трибуну для того, чтобы предложить одну поправку. Поправка эта заключается въ слѣдующемъ. Въ проектѣ Министерства, принятомъ Коммисіей, по ст. 5 инициатива возбужденія вопроса объ условномъ освобожденіи преступниковъ принадлежитъ начальнику тюрьмы. Разрѣшеніе этого вопроса принадлежитъ особому совѣщанію. Ни тюремный начальникъ, ни лица, входяція въ составъ этого совѣщанія, не находятся въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ преступниками. Такъ что въ этомъ отношеніи они должны обращаться за свѣдѣніями къ низшимъ служителямъ тюрьмы. Это обстоятельство мнѣ представляется неприемлемымъ. Я не отношусь отрицательно ко всѣмъ чиновникамъ тюремнаго вѣдомства; я знаю, что въ этомъ вѣдомствѣ есть столько же честныхъ людей, какъ и во всѣхъ другихъ вѣдомствахъ, но я говорю, что прямая обязанность этихъ низшихъ чиновниковъ и служителей исправительныхъ заведеній и тюремъ это—поддержаніе дисциплины въ смыслѣ соблюденія тюремныхъ правилъ, а что касается нравственной оцѣнки поведенія заключенныхъ, то это ни въ какомъ случаѣ не должно входить въ компетенцію этихъ низшихъ чиновниковъ и служителей. Всякая профессія обуславливаетъ извѣстную деформацию физическую и нравственную. Психологія каждаго человѣка приспособляется къ его профессіи; отъ человѣка, по должности въ теченіе долгихъ лѣтъ жившаго въ общеніи съ преступниками, нельзя требовать слишкомъ оптимистическаго, слишкомъ довѣрчиваго отношенія къ преступнику. Въ виду всего вышесказаннаго, я предлагаю слѣдующую поправку: «При всѣхъ тюремно-исправительныхъ заведеніяхъ учреждается особая должность наблюдателя, на котораго возлагается ежедневное наблюденіе за поведеніемъ заключенныхъ и регулярное записываніе всѣхъ ихъ поступковъ, при чемъ эти наблюдатели не подчиняются тюремному начальству, а непосредственно Министерству и назначаются по рекомендаціи обществъ патроната, если таковое существуетъ въ районѣ».

Марковъ (Курская губ.). Идея предложеннаго намъ законопроекта сама по себѣ чрезвычайно заманчива и симпатична. Когда два дня тому назадъ Министръ Юстиціи въ образной формѣ нарисовалъ намъ картину, какъ мракъ тюрьмы пронизаетъ лучъ, яркій свѣтлый лучъ извнѣ, то мнѣ представилось это въ весьма непривлекательной картинѣ. Я представилъ себѣ нашу современную узднюю тюрьму, переполненную снизу до верху тройнымъ комплектомъ людей, полную конечно озлобленія и всякаго недовольства, полную всякихъ счетовъ и расчетовъ съ закономъ и съ тѣми, кто ихъ держитъ въ тюрьмѣ, и вдругъ въ видѣ луча свѣта проникаетъ въ тюрьму директриса благотворительнаго попечительнаго общества или врачъ, лечащій больныхъ, какойнибудь новый докторъ Гаазъ, или духовникъ, которому на грудь опускаетъ свою голову преступникъ и исповѣдуется ему въ своихъ грѣхахъ. И вотъ эти чудные, прекрасные люди, знающіе подноготную всякаго преступника, вошедшіе въ святая святыхъ его души, изучившіе его поведеніе, они говорятъ смотрителю тюрьмы (быть можетъ, изъ раскаявшихся жандармовъ), что вотъ этотъ человѣкъ одобрительнаго поведенія и надо его выпустить. Если бы это было все такъ, то, конечно, нельзя было бы ни одного слова сказать противъ этого законопроекта. Что можетъ быть лучше, какъ выпустить раскаявшагося хорошаго человѣка, который, быть можетъ невинно, быть можетъ по винѣ, но уже раскаялся, находится въ тюрьмѣ? Противъ этой идеи, противъ

освобожденія такихъ людей, конечно, никто спорить не можетъ. Но дѣло въ томъ, что кромѣ идеи, кромѣ теоріи, кромѣ той отвлоченной науки, о которой намъ рассказывалъ Министръ Юстиціи, есть жизнь, есть быть; кромѣ Бельгіи и Франціи существуетъ страна, именуемая Россіей. Намъ говорили, что законопроектъ этотъ— и многіе думаютъ такъ и по сейчасъ—построенъ на гуманпыхъ началахъ. Мнѣ этотъ законопроектъ, въ силу котораго прощенный преступникъ отпускается не на волю, а подъ надзоръ тѣхъ обществъ патронатовъ, которыхъ пока нѣтъ, но которые, какъ намъ обѣщаютъ, появятся послѣ изданія нормальнаго устава, не кажется гуманнымъ. Теперь нѣтъ обществъ патронатовъ, но земскіе начальники у насъ имѣются. Это несомнѣнно. Пока возникнутъ тѣ общества патроната, которыхъ еще нѣтъ, земскіе начальники будутъ наблюдать и опекать этого преступника, который уже не преступникъ, а раскаялся, и который выпущенъ изъ тюрьмы благотворительнымъ обществомъ или тюремнымъ начальствомъ. Онъ каждый день мечтаетъ о томъ, что вотъ, можетъ быть, меня не посадятъ въ тюрьму. Каждый день онъ въ то же время опасается, что одинъ изъ благонадежныхъ родственниковъ или просто добрыхъ сосѣдей можетъ сообщить, что онъ выпилъ лишнее, т. е. виновенъ въ пьянствѣ, что онъ тунеядецъ, или что нибудь подобное. Короче говоря, этотъ бывшій преступникъ, который мучился въ тюрьмѣ, по опредѣленно знаетъ конецъ своего наказанія, попадаетъ ежедневно въ нравственную муку, ежедневно опасаясь, что вотъ найдутся добрые люди, которые сообщатъ, что его надо опять посадить въ тюрьму. Многимъ это кажется гуманнымъ. Я долженъ извиниться—я не вижу ничего гуманнаго въ этой системѣ. Мнѣ это напоминаетъ приемы опытнаго извозчика, который, искалѣчивъ свою клячу, перестаетъ бить ее кнутомъ, а помахиваетъ имъ въ воздухъ, нагибается съ козелъ и дѣлаетъ видъ, что хочетъ ударить, но не бьетъ. По моему, это гораздо ближе къ понятіямъ о мучительствѣ и о палачествѣ, чѣмъ къ понятію о гуманности. Но это въ сторону. Я думаю, что тѣ, которые желали внести этотъ законопроектъ, они конечно не желали ни мучить, ни издѣваться надъ тѣмъ, кто былъ еще недавно преступникомъ. Я думаю, что дѣло проще. Дѣло не въ паукѣ криминальной, но въ гуманности, а дѣло въ томъ, чтобы по возможности скорѣе опрастывать тюрьмы, которыя переполнены. Вотъ съ этой точки зрѣнія этотъ законопроектъ весьма по моему практиченъ. Известно, что всѣ тюремныя власти заинтересованы въ громадномъ болыпинствѣ случаевъ, въ томъ, чтобы какъ можно скорѣе избавиться отъ своихъ опекаемыхъ, которыхъ слишкомъ много, которые ихъ беспокоятъ, очень часто доставляютъ массу непріятностей, и поэтому несомнѣнно, что помимо добродушія тюремныхъ властей ими будутъ руководить и практическія соображенія, какъ можно скорѣе выпустить изъ тюрьмы тѣхъ, которые въ особенности тюрьмѣ непріятны. Нѣчто въ родѣ тюремной дешевки. Знаете, какъ магазины объявляютъ дешевку, когда товары залежались, ихъ стремятся подешевле и поскорѣе сбыть, дабы открыть мѣсто новому, свѣжему присылу. Мнѣ думается, что особенно восторгаться идеей этого законопроекта, хотя я считаю ее вполне приемлемой, не слѣдуетъ. Слѣдуетъ только видѣть въ ней довольно практичный пріемъ, дабы справиться съ теперешнимъ, весьма затруднительнымъ положеніемъ—переполненіемъ тюрьмы и дать нѣкоторое облегченіе тюремнымъ властямъ. Но это опять-таки только въ теоріи. Я попрошу бы васъ перейти въ жизнь. Кромѣ теоріи, есть жизнь. Кто будетъ рѣшать вопросъ объ участи этого самаго раскаявшагося, или яко бы раскаявшагося преступника? Законопроектъ намъ строить весьма сложную организа-

цію, особое совѣщаніе, подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго члена окружнаго суда, начальника тюрьмы, врача, лечащаго больного, духовника того пменно вѣроисповѣданія, къ какому преступникъ принадлежитъ, обучающаго заключенныхъ, двухъ директоровъ или директрисъ обществъ попечительства о тюрьмахъ или обществъ патроната. Я васъ, господа, прошу обратить вниманіе, кто изъ этихъ господъ, дѣйствительно, не въ теоріи, а въ жизни, будетъ наблюдать за преступникомъ, кромѣ, конечно, тюремнаго начальства? Неужели всѣ эти лица, которыя, безъ сомнѣнія, имѣютъ массу своихъ прямыхъ обязанностей. и не въ тюрьмѣ, а въ другихъ мѣстахъ, неужели не ясно, что всѣ они могутъ посѣщать тюрьму только эпизодически, во всякомъ случаѣ не постоянно и никакимъ образомъ, при теперешнемъ постоянномъ массовомъ переполненіи тюремъ, не въ состояніи физически изучить душевный міръ и характеръ заключенныхъ? Неужели не ясно, что эти люди, хотя и входятъ въ составъ совѣщанія, но они будутъ слѣпой игрушкой въ рукахъ у тюремнаго начальства, у тюремныхъ надзирателей, и всѣ свои мнѣнія въ громадномъ большинствѣ случаевъ будутъ выводить изъ доклада тюремщика? Если тюремный надзиратель, тюремный смотритель будутъ аттестовать съ хорошей стороны этихъ преступниковъ, тогда они присоединятся къ аттестаціи: разъ тюремщикъ доволенъ, значитъ надо выпустить; если же имъ покажется, что тотъ или другой заключенный человѣкъ хорошаго, удовлетворительнаго поведенія, то тюремщикъ скажетъ: нѣтъ, въ такой то день такой то мнѣ не поклонился, въ такой то день сдѣлалъ то, косо на меня посмотрѣлъ, въ его топѣ было что то рѣзкое, то они волею неволею измѣняютъ свое мнѣніе. Вѣдь всегда тюремщикъ, который живетъ съ нимъ вмѣстѣ, сумѣетъ пайти достаточно фактическаго матеріала, чтобы разбить представленіе такихъ благотворительныхъ лицъ или учреждений о поведеніи преступника. Правда, намъ говорятъ, что особое совѣщаніе не можетъ рѣшать окончательно, имѣется еще окружный судъ. Но и окружный судъ, допустимъ губернскаго города, не можетъ имѣть ни малѣйшаго матеріала для проверки фактически невѣрнаго сообщенія совѣщанія. Тюрьма въ какомъ нибудь уѣздномъ городѣ, быть можетъ, за 300 верстъ отъ суда, и ни одного изъ арестованныхъ членъ окружнаго суда не знаетъ и знать не можетъ. Эта проверка судомъ никакой гарантіи справедливости не даетъ, это всецѣло сводится къ тому, что именемъ окружнаго суда, подъ флагомъ особаго совѣщанія, участь преступника будетъ рѣшаться тюремнымъ начальствомъ, единственно и окончательно имѣющимъ возможность фактически доказывать то или другое поведеніе преступнаго. Я полагаю, что при всей доброжелательности законопроекта, при всей, такъ сказать, симпатичности тѣхъ идей, на которыхъ онъ базируется, предоставленіе рѣшенія участи преступниковъ тюремному начальству безъ всякихъ гарантій не желательно и не содержитъ въ себѣ ничего симпатичнаго. Я думаю, что съ другой стороны тюремная власть, которая фактически будетъ рѣшать вопросъ о томъ, выпустить или не выпустить преступника, будетъ подвержена постоянному давленію извнѣ: какъ просьбамъ или быть можетъ другимъ мѣрамъ въ пользу подсудимыхъ со стороны лицъ, быть можетъ очень вліятельныхъ, или даже со стороны цѣлыхъ общественныхъ круговъ, такъ и со стороны враговъ этого заключеннаго. Быть можетъ, вліятельные враги, какія нибудь вліятельныя сферы будутъ давить на тюремщиковъ въ известномъ смыслѣ. Короче говоря, этотъ законопроектъ ставитъ тюремщиковъ центромъ цѣлой атмосферы давленія, произвола, атмосферы всякихъ воздѣйствій, не законныхъ и быть можетъ и незаконныхъ, атмосферы личныхъ счетовъ тюремщика съ

арестантами. Арестанты—заключенные будутъ видѣть въ этомъ тюремщикѣ судью своей судьбы, они будутъ на него смотрѣть не какъ на стража, поставленнаго у двери, который обязанъ выпустить ихъ въ опредѣленный судомъ день, а будутъ смотрѣть какъ на высшаго рѣшителя ихъ судьбы. Въ какое положеніе вы ставите и заключенныхъ, и тѣхъ, кто ихъ не допускаетъ выйти? Не развращаете ли вы этимъ законопроектомъ и арестованныхъ, и тюремщиковъ? Подумайте объ этомъ, господа. Мнѣ думается, что увлекаться звучными красными фразами не всегда полезно; полезно иногда посмотреть прямо въ лицо тому, что мы собираемся сдѣлать. Затѣмъ допустимъ, что раскаявшійся преступникъ выпущенъ изъ тюрьмы, онъ попадаетъ на свободу. Намъ говорятъ, что условное досрочное освобожденіе имѣетъ громадныя преимущества, а безусловное освобожденіе досрочное, каковос практикуется теперь на каторгѣ, безнравственно, и наука, на которую ссылался Министръ Юстиціи, этого пока не одобряетъ. Но я спрашиваю васъ, какая же тутъ условность въ этомъ освобожденіи преступника? Въ нашемъ русскомъ быту, въ быту нашей русской деревни,—общества патроната я позволю себѣ оставить въ сторонѣ, говорить серьезно объ этомъ учрежденіи, о томъ, чего нѣтъ, нельзя; когда они будутъ, тогда и будемъ о нихъ говорить,—сейчасъ у насъ есть земскій начальникъ; можетъ ли земскій начальникъ, самый добросовѣстный, самый трудолюбивый, взять на себя опеку надъ разбросанными по всѣмъ деревнямъ бывшими преступными личностями, можетъ ли съ нѣкоторой добросовѣстностью взять на себя за нихъ отвѣтъ? Конечно нѣтъ. Мы хорошо знаемъ бытъ нашей деревни, разстоянія, многочисленность населенія участка, который находится въ вѣдѣніи земскихъ начальниковъ, чтобы ожидать, чтобы они могли, хоть за одного изъ этихъ преступниковъ брать на себя отвѣтственность. Неужели не ясно, что эти самые бывшіе преступники попадутъ на полную свободу,—я не могу считать серьезнымъ предположеніе законопроекта о передачѣ этихъ бывшихъ преступниковъ на попеченіе благонадежнаго родственника. Меня даже нѣсколько удивляетъ это предложеніе законопроекта; въ нашемъ крестьянскомъ быту, въ нашемъ деревенскомъ быту своему же родственнику отдавать, быть можетъ, пейскавившагося преступника, это значитъ выпустить его на свободу. Неужели среди родственниковъ можно найти людей, которые бы стали допустить начальству, что вотъ, молъ, мой родственникъ пилъ или то или другое дѣлалъ? Это порученіе само по себѣ развращаетъ самихъ родственниковъ. И это абсурдъ; ибо мы знаемъ ту легкость, съ какой благонадежный родственникъ можетъ сгорѣть въ первую же ночь послѣ того, какъ ему придетъ фантазія сообщить какія-либо свѣдѣнія про своего преступнаго сородича. Мы отлично понимаемъ, что никакіе благонадежные родственники смотрѣть за своими преступными сородичами не будутъ, не могутъ и не должны, ибо они родственники, а не полиція. Такимъ образомъ я утверждаю, что условность этого досрочнаго освобожденія есть фикція; никакой условности нѣтъ; намъ подъ видомъ условнаго досрочнаго освобожденія предлагаютъ явно безусловное досрочное освобожденіе. Я ничего, быть можетъ, не возражу противъ такого оборота; быть можетъ уголовныя репрессіи признаются Государственной Думой слишкомъ тяжкими, быть можетъ пришло время, чтобы сказать, что за такія то преступленія слишкомъ строго наказывать годомъ тюремнаго заключенія и вмѣсто года слѣдуетъ наказывать на 9 мѣсяцевъ. Объ этомъ можно говорить, это можно обсуждать, но, конечно, рѣшать этотъ вопросъ должны компетентные судьи, а не бывшіе унтеръ-офицеры, которые случайно окажутся въ числѣ смотрителей тюрьмы. Я полагаю, что Государствен-

ная Дума не может ставить тюремную власть высшей инстанціей, кассационной и апелляционной, надъ нашимъ законнымъ судомъ. А вѣдь этотъ законопроектъ къ тому и ведетъ, что тюремщики будутъ высшей инстанціей, если не надъ окружнымъ судомъ, то надъ мировымъ судьей, мировымъ съѣздомъ. Положеніе создается явно ненормальное. Министръ Юстиціи намъ нѣсколько разъ ссылался на науку; не съ такой абсолютной вѣрой въ науку, но до извѣстной степени, и я готовъ считать, что въ этихъ вопросахъ считаться съ наукой необходимо; но наука, господа, не одна, я вамъ приведу довольно краснорѣчивый примѣръ, что выводы одной и той же уголовной или криминальной науки бываютъ разные. Вотъ въ Россіи русскій ученый намъ рекомендуетъ ввести—еще этотъ законопроектъ не внесенъ, но будетъ внесенъ—условное осужденіе. Въ настоящую минуту намъ рекомендуютъ условное досрочное освобожденіе преступника. Русскіе Министры ожидаютъ извнѣ, чтобы лучи свѣта пронизали тутъ, въ которой обрѣтаются подвѣдомственные имъ учрежденія, короче говоря, мы стоимъ на крайне либеральной, крайне прогрессивной точкѣ зрѣнія въ Россіи и ссылаемся въ этихъ случаяхъ на науку. Хорошо, пусть будетъ наука, но если бы я переплылъ вмѣстѣ съ вами и нѣкоторыми другими членами Государственной Думы черезъ океанъ и заинтересовался бы, что дѣлается въ Сѣверо-Американской демократической республикѣ, то я бы пришелъ къ совершенно другимъ выводамъ. Мы бы узнали, господа, что нѣкоторые штаты Сѣверо-Американской республики дошли на основаніи точныхъ, по ихъ словамъ, выводовъ науки до необходимости обезопасить свое государство не только отъ преступника, но даже отъ нисходящаго потомства преступника, они пришли и уже практикуютъ массовую кастрацію преступниковъ. Это дѣлается тоже въ силу науки—кастрація преступниковъ; такъ что, господа, и къ наукѣ надо относиться съ нѣкоторымъ, если не недовѣріемъ, то во всякомъ случаѣ съ нѣкоторой осторожностью и примѣнять выводы точной науки съ нѣкоторымъ собственнымъ житейскимъ пониманіемъ и воспоминаніемъ, что кромѣ ума у человѣка есть совѣсть, по нашему душѣ. Такъ вотъ, господа, наука американская, т. е. не всей Америки, а нѣкоторыхъ, еще немногихъ штатовъ (я сейчасъ забылъ, какихъ именно штатовъ, но это несомнѣнный фактъ, который можно будетъ провѣрить очень легко послѣ думскаго засѣданія) стала уже явно безчеловѣчной. Мы, русскіе, въ нашемъ русскомъ государствѣ нашу русскую науку ставимъ на путь правда не только не безчеловѣчный, но за то на путь сверхчеловѣчный. Это уже, знаете, какая то божественно-человѣческая теорія, которая по моему такъ же неумѣстна, какъ и безчеловѣчность. Надо быть только человѣчными, но не сверхчеловѣчными. Мы живемъ во время крайне повышенное, во время смутное, время, которое еще недавно было революціоннымъ, а на мой взглядъ не прекращается быть революціоннымъ и въ данный моментъ. Въ наше время уже произошла сильная переоцѣнка цѣнностей, не только матеріальныхъ, но и нравственныхъ. Теперь уже мы видимъ цѣлыя, не только отдѣльныя группы лицъ, но цѣлыя категоріи лицъ, для которыхъ понятіе о преступности, о томъ, что преступно, что нѣтъ, понятіе о добрѣ и злѣ, уже не то, которое раньше считалось всѣми абсолютно вѣрнымъ. Мы теперь уже не довольствуемся тѣмъ, когда намъ говорятъ, что такой-то человѣкъ былъ въ тюрьмѣ,—значитъ онъ опозоренъ, какъ подразумѣваетъ именно законопроектъ, намъ предложенный. Теперь спрашиваютъ: за что человѣкъ сидѣлъ въ тюрьмѣ? Теперь мало сказать, что этотъ человѣкъ убійца, а спросать, не убилъ ли онъ ради высокой политической цѣли? Теперь

уже недостаточно сказать, этот человек разбойник, а спросить. может быть это политический экспроприатор? Теперь уже не скажут—поджигатель, а скажут, может быть, иллюминатор во имя высокой идеи. Так что теперь все это спуталось, все это смѣшалось, и прикладывать старую мѣрку къ обстановкѣ новаго времени неумѣстно. Преступность въ нашемъ народѣ возросла чрезвычайно, это всѣ могутъ засвидѣтельствовать. Поджоги, убійства, грабежи, небезпечность собственности, небезпечность личности никогда не процвѣтали такъ, какъ теперь за послѣдніе 2—3 года. Народъ нашъ прямо сбился съ толку, онъ прямо въ ужасѣ, онъ ожидаетъ отъ Правительства и отъ Законодательныхъ Палатъ (какъ теперь называютъ Государственную Думу и Государственный Совѣтъ) явной, реальной помощи, ожидаетъ, что онѣ станутъ на такой путь, который прекратилъ бы эту преступность, далъ бы возможность мирнымъ жителямъ жить и дышать спокойно. Врядъ ли нашъ народъ въ данную минуту думаетъ именно объ облегченіи участи преступныхъ элементовъ, какъ это думаютъ составители законопроекта. Не думаетъ ли нашъ народъ гораздо больше о тѣхъ сотняхъ милліоновъ мирныхъ людей, труженникахъ, которые нуждаются въ покоѣ, мирѣ и тишинѣ и имѣютъ болѣе права на вниманіе государства въ данный моментъ, чѣмъ элементы преступные, чѣмъ элементы падшіе? Судя по тому, что я выношу изъ своей мѣстности, изъ своей округи,—я не могу говорить отъ имени всего народа, ибо мы не представители народа, а лишь избранные отъ той или другой группы населенія люди,—такъ вотъ, избранный отъ населенія Курской губерніи, я свидѣтельствую, что у насъ народъ въ его массѣ, въ его большинствѣ желаетъ усиленія строгостей, усиленія уголовной репрессіи и не только за политическія преступленія, а вообще за всякія преступленія, начиная съ самыхъ мелкихъ кражъ. По моему народъ нашъ не одобритъ никакого законопроекта, направленнаго къ пониженію репрессій, направленнаго къ ослабленію наказаній, а этотъ законопроектъ именно такъ и будетъ понятъ, ибо онъ сведется къ простому сокращенію сроковъ наказанія. Противъ этого я и встаю. Я считаю, что этотъ законопроектъ несвоевремененъ, какъ бы хороша ни была идея, которая вложена въ его конструкцію его составителями. Намъ Министръ Юстиціи приглашалъ къ общественной расточительности; я не Министръ Юстиціи, и васъ къ этому не могу пригласить. Я считаю, что не къ расточительности слѣдуетъ приглашать насъ, а къ бережливости. Общественная расточительность преступна теперь, когда народъ нашъ бѣдствуетъ отъ недостатка средствъ, а расточительность для такихъ сомнительныхъ дѣлей, какъ облегченіе преступникамъ возможности повторять ихъ преступленія, въ особенности нежелательна. Я заканчиваю свое слово заявленіемъ, что всецѣло считаю предложенный намъ законопроектъ теоретичнымъ, необоснованнымъ на жизненныхъ опытныхъ данныхъ и подлежащимъ со стороны Государственной Думы полному отверженію.

Щечковъ (Курская губ.). Господа члены Государственной Думы. Вниманію вашего высокаго собранія предложенъ законопроектъ объ условномъ досрочномъ освобожденіи лицъ, отбывающихъ уголовное наказаніе въ тюрьмахъ. Мѣра эта, какъ уже было сказано, несомнѣнно подсказана чувствомъ человеколюбія и можетъ быть съ этой идейной своей стороны только привѣтствуема. Но она заслуживаетъ одобренія, какъ мѣра гуманная, только въ томъ случаѣ, если остается вѣрна этой гуманности не только въ отношеніи къ личности преступника, но также и въ отношеніи къ другой сторонѣ, а именно къ потерпѣвшему отъ этого преступника обществу. Каратель-

ный законъ несомнѣнно относится не только къ преступнику, но и къ обществу. Это есть законная защита общества, и мы знаемъ, что этотъ законъ устанавливаетъ *modus vivendi* между преступникомъ и имъ оскорбленнымъ, или имъ угрожаемымъ, нарушеннымъ въ порядкѣ своемъ, обществомъ. Если мы знаемъ, что существуютъ карантинны для того, чтобы прекратить заразу, то и распространяющій заразу преступности преступникъ тоже долженъ быть подвергнутъ извѣстному карантину. И вотъ этотъ то карантинъ представляетъ собою время отбыванія осужденнымъ своего наказанія въ тюрьмѣ. Если мы знаемъ, что наука, на которую здѣсь ссылались, напримѣръ, по отношенію къ чумѣ устанавливаетъ минимумъ двухнедѣльный карантинъ, то освобожденіе досрочное въ такомъ случаѣ несомнѣнно будетъ угрожать уже общественности и поведетъ непремѣнно къ распространенію заразы, а не къ ея прекращенію. Вотъ, по моему мнѣнію, съ этой то точки зрѣнія, съ точки зрѣнія чисто практическаго приложенія такой по идеѣ въ высшей степени гуманной мѣры, какъ условное досрочное освобожденіе, именно и слѣдуетъ прежде всего обсудить предлагаемый намъ законопроектъ.

Здѣсь говорено уже было о послѣднемъ словѣ науки. Я не буду долго на этомъ останавливаться, но скажу только, что мы, какъ выборные люди, отъ земли взятые свидѣтели, взятые непосредственно отъ жизни ея участники, мы призваны сказать здѣсь не послѣднее слово науки, а послѣднее слово переживаемой отечествомъ дѣйствительности въ настоящее время. И вотъ съ этой точки зрѣнія я позволю себѣ обратить ваше вниманіе на теперешнее положеніе жизни въ провинціи. Мы знаемъ, что въ селахъ полиціи почти нѣтъ. Вся полиція не связана непосредственно съ организаціей полицейской. Сотники, десятскіе подчинены земскому начальнику, но исполняютъ функціи независимо отъ общей цѣпи полицейской организаціи. Такимъ образомъ наблюденіе за преступникомъ, которое здѣсь предполагается, кому будетъ вести. Затѣмъ слѣдственная часть поставлена очень слабо и почти никакого во время не привлекаетъ. Немного лицъ попадаетъ въ руки правосудія, и тѣмъ, кто попадаетъ, болѣею частью наши суды назначаютъ весьма небольшое наказаніе. Никто не будетъ спорить, что наши суды скорѣе страдаютъ слабостью, нежели излишней строгостью. Они назначаютъ минимумъ срока отбыванія тюремнаго наказанія. Этотъ минимумъ срока будетъ еще сокращенъ безъ всякаго суда, а по усмотрѣнію особаго учрежденія, «особаго совѣщанія», которое имѣетъ быть установлено. Такъ вотъ мнѣ кажется, что это совершенно не соотвѣтствуетъ практическимъ условіямъ той жизни, въ которой эта мѣра будетъ проведена. Я позволю себѣ указать на слѣдующее. Напримѣръ, въ § 1 законопроекта говорится, что преступникъ освобождается до срока, если его поведеніе «даетъ достаточныя основанія предполагать»... Значитъ дѣло основывается на предположеніи. Я никогда не думалъ, чтобы серьезный законъ, чтобы твердое основаніе закона, на которомъ управляется Россія, покоились на предположеніяхъ. И далѣе, рассматривая текстъ проекта, вы найдете, господа, что и другія мѣры основаны на предположеніяхъ. Такъ, напримѣръ, по § 5 особое совѣщаніе, которое должно рассматривать предложеніе прокурора объ освобожденіи какого нибудь преступника, будетъ поставлено въ зависимость отъ показаній духовнаго лица и врача... Я понимаю еще, если говорятъ о духовномъ лицѣ, но при чемъ тутъ врачъ? Если бы рѣчь шла о томъ, что преступникъ страдаетъ какой нибудь болѣзнію, то тогда голосъ врача былъ бы авторитетенъ, но когда вопросъ идетъ о его поведеніи, о возможности, что

онъ будетъ себя хорошо вести въ тюрьмы, то при чемъ тутъ врачъ? Мнѣ думается, что послѣ широковскаго сѣзда многіе врачи сами не даютъ повода предполагать, что, будучи выпущены, они вели бы себя хорошо. Затѣмъ въ § 12 говорится, что судъ немедленно будетъ разсматривать всѣ дѣлаемые ему представленія, въ распорядительномъ засѣданіи. Между тѣмъ, кто велъ дѣла въ нашихъ судахъ, знаетъ, что въ распорядительныхъ засѣданіяхъ дѣла залеживаются, суды завалены нерѣшенными дѣлами, такъ какъ очень медленно работаютъ. Судъ нашъ, вмѣсто того, чтобы быть скорымъ и правымъ, и милостивымъ,—прежде всего милостивый, милостивый и милостивый, но нескорый, нескорый и нескорый. Здѣсь все равно преступникъ будетъ отсиживать, рѣшеніе суда не поспѣетъ во время, и онъ просидитъ свое, такъ что и съ этой стороны предлагаемая мѣра непрактична. Все построenie этого § основано на томъ, что судъ нашъ сдѣлается быстрымъ, но это ни откуда не вытекаетъ, слѣдовательно, это опять относится къ области предположеній. Затѣмъ, все дѣло строится на предположеніи, что у насъ существуетъ патронажъ, котораго на самомъ дѣлѣ не существуетъ. Я могу утверждать, что всегда во всякомъ маленькомъ городкѣ есть сердобольные люди, которые къ Пасхѣ и Рождеству снабжаютъ тюремщиковъ предметами для разговѣнья заключеннымъ. Такое теплое участіе лицъ, членовъ общества, оскорбленнаго этими самими преступниками, отбывающими тюремное наказаніе, вотъ такое теплое участіе, можетъ быть, и можетъ пробудить доброе чувство у лицъ, отбывающихъ наказаніе. Но механическое учрежденіе благотворительности, или игра на заинтересованности заключеннаго едва ли способно измѣнить самое настроеніе души преступника. Нововведеніе предполагается возможнымъ, если у насъ будутъ патроны, но патронатовъ пока почти нѣтъ, слѣдовательно, опять все на предположеніи одномъ основано. Привыютъ ли у насъ такого рода учрежденія, какъ патроны, вѣдь это еще неизвѣстно. Затѣмъ говорятъ, что будетъ найдено какое нибудь лицо, родственникъ, или другое лицо, которое возьметъ на себя надзоръ за преступникомъ. Но мы, господа, знаемъ, что при назначеніи въ опекуны, лично и по имуществу, по всегда легко находить лицъ, которыя бы согласились нести обязанности опекуна. Такимъ образомъ, здѣсь встрѣтятся еще большія затрудненія, и еще меньше окажется шансовъ найти лицъ, желающихъ быть опекунами отпущенныхъ изъ тюрьмы. Оставлю разборъ гипотетичности проекта.

Господа, мнѣ кажется, нужно принять во вниманіе тѣ условія жизни, въ которыхъ мы находимся въ деревняхъ и уѣздныхъ городахъ. Только что по лицу всей земли нашей пропелся революціонный ураганъ, теперь революція у насъ успокаивается, но по всему взбаломученному морю народной жизни идетъ еще огромная мертвая зыбь; она несомнѣнно угрожаетъ государственному кораблю, и съ этой точки зрѣнія всѣ послабительныя мѣры, въ области функцій карательной судебной власти, не могутъ соответствовать несомнѣннымъ нуждамъ теоретическаго положенія. Мы видѣли, что вторая Дума и первая Дума въ особенности, гдѣ такъ много было лицъ, которыя только что прямо изъ тюремнаго заключенія переселились сюда въ Таврическій дворецъ, установили тѣсныя связи съ тюрьмою. Первымъ словомъ первой Думы была телеграмма заключеннымъ въ тюрьмахъ и послѣднее слово первой и второй Думъ была «амнистія». Вотъ, если мы это вспомнимъ, то тогда понятно станетъ, почему во вторую Думу былъ внесенъ проектъ, который, такъ сказать, въ тонѣ амнистіи требовалъ досрочнаго освобожденія. Это было проявленіе того общаго освободительнаго движенія, бла-

годаря которому разыгралась наша недавняя революція. И вотъ, въ виду такого положенія дѣла мнѣ думается, что эта мѣра, сама по себѣ очень полезная, едва ли теперь уменьшить ростъ преступности. Преступность растетъ чрезвычайно, между тѣмъ какъ функціи суда соотвѣтственно этому строгостью своею не растутъ. Отсюда въ жизни является такой коррективъ, не желательный въ высшей степени, какъ самосудъ. Я знаю въ нашемъ уѣздѣ случаи самосуда, я свидѣтельствую о томъ, что я знаю, изъ жизни того мѣста, откуда я сюда присланъ. Не такъ давно убито около Конотопа, но въ предѣлѣ Путивльскаго уѣзда, 5 человѣкъ крестьянъ по самосуду. И вотъ я думаю, что такой ростъ случаевъ самосуда можетъ увеличиться, если мѣра будетъ недостаточно осмотрительно и при недостаточныхъ данныхъ приводиться въ исполненіе. Она основана на предположеніи фактовъ, въ дѣйствительности еще не существующихъ. Такимъ образомъ высказываюсь, что эта мѣра, дѣйствительно въ высшей степени чловѣколюбивая, можетъ быть, гуманная съ виду, въ дѣйствительности непрактична и неудобна, потому что она повсюду будетъ принята населеніемъ, какъ мѣра послабленія преступности, а не пресѣченія ея.

Люцъ (Херсонская губ.). Для того, чтобы ослабить впечатлѣніе, которое было, можетъ быть, произведено на извѣстную часть Государственной Думы примѣромъ, приведеннымъ членомъ Государственной Думы Марковымъ ссылкой на американскаго теоретика объ особомъ способѣ борьбы съ преступностью, я позволю себѣ предложить коротенькую поправку. Американскій теоретикъ Боесъ дѣйствительно сдѣлалъ такое предложеніе, предложеніе кастрировать преступниковъ по такъ называемымъ чувственнымъ преступленіямъ; но вѣдь это предложеніе единственное и было встрѣчено общимъ хохотомъ тамъ же въ Америкѣ, не только въ обществѣ, но и въ теоріи, а о практикѣ не можетъ быть и рѣчи. Но законопроектъ, который предлагается и который построенъ на условномъ досрочномъ освобожденіи, принять не только въ теоріи уже, я позволю себѣ замѣтить депутату Маркову, но примѣняется уже цѣлый рядъ лѣтъ, могу сказать даже десятки лѣтъ, въ Западной Европѣ, такъ что съ такимъ недоувѣріемъ относиться къ этому предложенію уже ни въ коемъ случаѣ нельзя. Вѣдь нельзя же не признать, что цѣль государства не только наказывать преступника, но и исправлять; и разъ это признано, положительно никѣмъ теперь не оспаривается, нѣтъ ни одного теоретика и можетъ быть только въ самыхъ низахъ вы найдете такого практика, который отрицаетъ такого рода теорію, который скажетъ, что государство не должно преслѣдовать цѣлей исправительныхъ въ дѣлѣ наказанія, то съ этой стороны и надо подходить къ этому законопроекту. Онъ безусловно имѣетъ этотъ благородный стимулъ: заставить преступника или привлечь преступника къ его исправленію, это начало несомнѣнно есть, начало, положенное длинной уже исторіей пенитенціарной системы. Пенитенціарная система, какъ вамъ извѣстно, началась чуть ли не съ XVII столѣтія. Датскимъ королемъ Христіаномъ IV были построены уже тогда соотвѣтствующія мѣста заточенія для малолѣтнихъ преступниковъ. Постепенно эта система получала тѣ или другія измѣненія: была Осборн-ская система, дальше Пенсильванская, такъ называемая «молчанія», заключающаяся въ томъ, что преступникъ оставался бы самъ съ собою и въ такомъ положеніи естественно имѣлъ бы лишь общеніе съ Богомъ и съ библіей; дальше, система классификаціонная, и, наконецъ, прогрессивная, на которой я позволю себѣ немного остановиться. Вотъ здѣсь есть уже нѣкоторые зачатки того, что принято и въ

условномъ досрочномъ освобожденіи. Здѣсь преступнику, который постепенно показывалъ свое исправленіе въ работѣ, выдавались марки для того, чтобы ему дать въ той или другой формѣ временную свободу. Правда, она первоначально казалась безусловной эта свобода, но потомъ въ Ирландской системѣ уже принято и условное досрочное освобожденіе. Каждый преступникъ, не только въ работѣ доказавшій свое исправленіе, но и въ одобрительномъ поведеніи своемъ, получалъ условное досрочное освобожденіе. Такъ что съ этой стороны, я хочу сказать, цѣлый рядъ вѣковъ подчеркнул ту цѣль, которую должно преслѣдовать государство. Поэтому депутату Маркову слѣдовало бы на этомъ остановиться и не относиться такъ скептически къ той мѣрѣ, которая предлагается. Правда, быть можетъ, первоначально мы не достигнемъ той благой цѣли, которая предлагается законопроектомъ; быть можетъ, это не выразится сразу настолько явными цифрами, чтобы сказать: да это радикальное средство для борьбы съ преступностью, но вѣдь разъ другой мѣры нѣтъ, и разъ мы признаемъ и несомнѣнно въ Государственной Думѣ нѣтъ лицъ, которые не признали бы, что наша тюремная система не выдерживаетъ критики, что всѣ тюрьмы переполнены, что этотъ вопросъ требуетъ самаго внимательнаго отношенія со стороны Государственной Думы, и разъ такая мѣра предложена, Государственная Дума должна принять ту мѣру, которая въ Западной Европѣ примѣняется и въ теоріи не встрѣчаетъ никакихъ возраженій. Я позволю себѣ остановиться на вопросѣ о патронатахъ и именно потому, что депутатъ Марковъ не хотѣлъ остановиться на немъ, потому что онъ считаетъ, что ихъ у насъ нѣтъ; тутъ докладчикъ объяснилъ, что у насъ есть около 25 патронатовъ. Государственной Думѣ слѣдовало бы несомнѣнно на этомъ вопросѣ остановиться, даже хотя бы съ тою цѣлью, чтобы вызвать въ странѣ реакцію на этотъ вопросъ, на эту думу пенитенціарной системы. Я думаю, что сознаніе большинства общества въ русскомъ государствѣ несомнѣнно есть, что путемъ патронатовъ можно будетъ придти на помощь Правительству въ борьбѣ съ преступностью; это сознаніе есть, можетъ быть оно спитъ временно, можетъ быть, въ силу тѣхъ событій, которые мы пережили въ предыдущее время, можетъ быть, въ силу этого оно не проявляется, но мы его должны вызвать, вызвать въ чистомъ видѣ, вызвать для того, чтобы направить именно для борьбы съ преступностью, а не для того, какъ это въ нашихъ общественныхъ кружкахъ часто бываетъ: преслѣдуя одну цѣль, задаются другими задачами—я имѣю въ виду политическими. Даже въ такомъ обществѣ, какъ на примѣръ «прачешныхъ», устанавливались политическія платформы. Но для лучшей цѣли мы должны призвать общество—въ этомъ отношеніи мы должны можетъ быть съ агитаціонной цѣлью использовать эту трибуну. Въ виду того, что здѣсь было указано, что о патронатахъ, при обсужденіи условнаго досрочнаго освобожденія не можетъ быть рѣчи, такъ какъ ихъ еще нѣтъ, что пока не будетъ общества патроната, до тѣхъ поръ нельзя примѣнить условное досрочное освобожденіе,—въ виду этого я позволю себѣ сослаться на удивительно рельефный примѣръ того, что точь въ точь такая законодательная мѣра въ видѣ условнаго досрочнаго освобожденія была принята, при неимѣніи почти ни одного общества патроната, въ 1888 г. въ Бельгіи. До 1835 г., если не ошибаюсь, въ Бельгіи организовались нѣкоторые общества патроната, но въ виду того, что съ теченіемъ времени послѣ этого, около 50 годовъ, былъ изданъ новый уставъ, сковывающій частную инициативу, общественную самодѣятельность общества патроната, патронатамъ приблизительно въ 70 годахъ при-

шлось абсолютно прекратить свое существование. Не было ни одного патроната. И вотъ въ 1888 г., послѣ того какъ былъ принятъ въ Бельгіи законъ объ условномъ осужденіи и условномъ досрочномъ освобожденіи, послѣ того, какъ этотъ вопросъ тамъ обсуждался, послѣ того, какъ въ обществѣ былъ вызванъ интересъ къ этимъ обществамъ патроната, появилось энергичное лицо, въ лицѣ профессора Тири, которое начало агитировать за созданіе, возрожденіе и организацію этихъ обществъ. И что же получилось? Благодаря агитаціи и новому уставу, дающему свободу общественной инициативѣ въ этомъ дѣлѣ, Бельгія достигла въ теченіи 10 лѣтъ того, что не было ни одного уѣзда, малой области, въ которыхъ бы не было общества патроната. И вотъ депутату Маркову я долженъ сказать, что раньше было проведено условное досрочное освобожденіе, когда не было патронатовъ, и появленіе въ жизнь этого закона объ условномъ досрочномъ освобожденіи вызвало, можетъ быть, и при агитаціи со стороны законодателей, общества патроната. Я хочу коснуться и тѣхъ средствъ, которыя потребуются для «патронатовъ». Средства эти не должны запугивать, не должны запугивать, можетъ быть, особенно нашу бюджетную Коммисію, которая къ этому вопросу относится въ высшей степени съ большимъ интересомъ. Средства вовсе не требуются такіа большія. Если не ошибаюсь, каждое общество «Патроната» въ Баденѣ обходится чуть-ли не въ 75 р. въ годъ. Этого достаточно для того, чтобы дѣйствительно принять участіе въ дѣлѣ борьбы съ преступностью. Англійскій Парламентъ субсидируетъ ежегодно, приблизительно около 300 р. на наши деньги, каждое общество «Патроната». Какъ видите изъ этого, средства вовсе ужъ не такіа большія, которыя государства должны расходовать для этой цѣли. Цѣль въ высшей степени важная, въ высшей степени благородная. Такъ, въ Англіи, патронаты построены скорѣе на помощи лицъ наемныхъ. У патронатовъ имѣются спеціальныя агенты, получающіе около 2 р. «за случай». Агентъ этотъ долженъ прослѣдить за преступникомъ, вышедшимъ изъ тюремнаго заключенія, дать возможность патронату узнать его нужды.

Марковъ (Курская губ.). Это шпионъ, значить?

Люцъ (Херсонская губ.). Нѣтъ, это не шпионъ, это лицо, наблюдающее и опекающее. Опекуны, приходящіе на помощь человѣку, требующему матеріальной и моральной поддержки, не называются шпиономъ, депутатъ Марковъ. Этотъ агентъ получаетъ это вознагражденіе за то, что онъ все время слѣдитъ и даетъ возможность освобожденному изъ мѣстъ заключенія получить или работу, или купить себѣ какой нибудь инструментъ, или опредѣляетъ его куда нибудь на службу, садитъ его на корабль, отбывающій на родину и т. д. Словомъ, это наемный работникъ, а само общество «Патронатъ» слѣдитъ за нравственной стороной этого дѣла. Такимъ образомъ, тамъ, въ Англіи, функционируетъ около 120 патронатовъ. Долженъ вамъ сказать, что въ Англіи около 55 всего мѣстъ заключенія, слѣдовательно на каждое мѣсто заключенія приходится почти по 2 патроната. Вотъ гдѣ есть сознаніе общества, въ видѣ патронатовъ, борются съ преступностью и приходятъ на помощь Правительству при той свободной инициативѣ, каковая безусловно предоставляется обществамъ въ Англіи, тамъ и результатъ таковъ: почти два патроната на одно мѣсто заключенія. Въ Россіи идея объ обществахъ, которыя приходятъ на помощь Правительству въ этомъ дѣлѣ, тоже не нова. Еще въ 1819 г. получили жизнь такъ называемыя попечительныя о тюрьмахъ общества. Они первоначально начали функционировать вполне

правильно. Несмотря на то время, приблизительно около 100 лѣтъ тому назадъ, имъ была предоставлена довольно свободная инициатива. Но приблизительно къ 50-мъ годамъ уже дѣятельность этихъ обществъ была поставлена въ извѣстные условія, которыя не дали имъ возможности вполне осуществить свои благія задачи. Туда были внесены офиціальный, можетъ быть только полуофиціальный, элементъ, который началъ мѣшать заниматься дѣйствительно той цѣлью, которая предназначена была для этихъ обществъ. И несомнѣнно эти общества, постепенно, все больше и больше уничтожались. Вѣдь, должно же признать, что когда преступникъ выходитъ изъ мѣстъ заключенія, то, по моему, роль Правительства, если хотите, окончилась; оно считало своимъ долгомъ блюсти за заключеннымъ до тѣхъ поръ, пока онъ находился въ его вѣдѣніи; но когда онъ вступаетъ въ общество, несомнѣнно общество должно принять его уже въ свои объятія. Такъ что въ этомъ отношеніи эту задачу и обязанность русское общество должно признать и взять ее на себя. Я думаю, что къ этому именно и относились слова Министра Юстиціи о той расточительности, къ которой онъ призывалъ, мнѣ хотѣлось бы вѣрить, что не къ расточительности въ матеріальномъ отношеніи, а въ смыслѣ интеллектуальномъ. Вѣдь средствъ матеріальныхъ несомнѣнно не потребуется уже такъ много, для того, чтобы назвать это расточительностью. Итакъ, господа, мнѣ кажется, что это сознаніе у русскаго общества есть—пойти навстрѣчу Правительству въ борьбѣ съ преступностью. Мы должны лишь предоставить этимъ обществамъ благопріятныя условія къ тому, чтобы они могли дѣйствительно осуществлять возложенныя на нихъ задачи въ дѣлѣ патронатовъ. Въ силу этого и желая, такъ сказать, подчеркнуть желаніе Государственной Думы о томъ, чтобы Правительство приходило навстрѣчу этимъ обществамъ, я предлагаю слѣдующую формулу перехода къ постатейному чтенію: Признавая, что цѣль государства не только наказывать, но и исправлять осужденныхъ, что участіе общества въ дѣлѣ борьбы съ преступностью необходимо и что это участіе можетъ между прочимъ выразиться въ плодотворной дѣятельности патронатовъ, для организаціи и развитія коихъ общественная инициатива должна найти самую широкую поддержку со стороны Правительства путемъ поощренія и помощью денежными субсидіями, Государственная Дума переходитъ къ постатейному чтенію.

Аджемовъ (обл. войска Донского). Противъ предлагаемаго института условнаго досрочнаго освобожденія здѣсь дѣлались слѣдующаго содержанія предположенія. Говорилось о томъ, что и съ точки зрѣнія гуманности, и съ точки зрѣнія цѣлесообразности институтъ не выдерживаетъ критики, но всѣ эти точки зрѣнія, которыя развивались членомъ Государственной Думы Марковымъ въ своеобразномъ пониманіи этихъ началъ, сразу же пали свое освѣщеніе въ концѣ его рѣчи, когда онъ сказалъ, что условное досрочное освобожденіе неприемлемо для него потому, что въ этомъ институтѣ онъ видитъ ослабленіе репрессіи вообще. Вотъ еслибы онъ съ этого началъ, то ему не пришлось бы прибѣгать ко всевозможнымъ инымъ, болѣе или менѣе сложнымъ, аргументаціямъ для того, чтобы доказывать, что усиленіе репрессіи есть актъ гуманный. Дѣло въ томъ, что кто бы могъ изъ насъ подумать, что черезъ многіе десятки, а бы сказалъ черезъ слишкомъ два столѣтія, здѣсь воскресали теоріи устрашенія? Кто бы могъ предполагать, что здѣсь найдутся адепты такихъ научныхъ положеній, которыя давно сданы въ архивъ не только дѣятелями науки, но и дѣятелями практической жизни? Извѣстно, что теорія усиленія репрессій не выдерживаетъ критики глав-

нымъ образомъ потому, что устрашеніе не является для кого бы то ни было стимуломъ воздержанія отъ преступленія, ни для тѣхъ, которыхъ устрашаютъ, ни для тѣхъ, кто можетъ встать на путь преступленія, потому что имѣемъ въ себѣ преступный зародышъ. Съ другой стороны, нельзя подходить къ этому институту съ этихъ общихъ положеній теоріи устрашенія, именно потому, что это условное освобожденіе вводится какъ система карательная, какъ извѣстнымъ образомъ улучшающая пенитенціарную систему въ любомъ государствѣ. Вы видите, что здѣсь вы имѣете главное и лучшее средство для того, чтобы тюремное населеніе держать въ постоянной возможности воспользоваться извѣстными привилегіями, и вмѣстѣ съ этимъ вы имѣете возможность, выпустивъ преступника раньше времени, въ немъ развивать тѣ начала, которыя могутъ явиться побудительными не совершать снова преступленій. Вѣдь, господа, если вы оставляете человѣка въ тюрьмѣ до конца дней, согласно назначенному судомъ наказанію, это не значитъ, что вы разъ навсегда его берете изъ общежитія, это значитъ, что вы, отвергая этотъ законъ, предлагаете еще ту четверть, которую могли бы при извѣстномъ поведеніи ему простить, эту четверть ему не прощать, но вы же сами говорите, что этотъ преступникъ при нынѣшнихъ тюремныхъ условіяхъ ни въ какомъ случаѣ не исправится, вы его потомъ въ общежитіи будете имѣть, все равно эти условія надзора останутся, при этомъ надзора при отсутствіи патронажа. Какое возраженіе серьезнаго характера можетъ быть, если вы будете исходить при оцѣнкѣ даннаго института съ точки зрѣнія теоріи устрашенія вообще? Нужно этотъ институтъ разбирать именно не съ этой точки зрѣнія, а съ той точки зрѣнія, что этотъ институтъ улучшаетъ карательную систему въ государствѣ. Правда, мы имѣемъ странный родъ законодательствъ; цѣлая масса вопросовъ, которые поставлены предъ нами нашей жизнью, остаются пока неразрѣшенными. Мы, такъ сказать, въ настоящее время имѣемъ дѣло съ тѣми вѣхами, съ тѣми украшеніями, которыя должны имѣть мѣсто во всякомъ культурномъ государствѣ. И съ этой именно стороны вѣроятно членъ Государственной Думы Марковъ путалъ тѣ соціальныя политическія условія, которыя питаютъ преступность, съ тѣми условіями, въ которыхъ пребываетъ преступный агентъ. Онъ путалъ тѣ общія коллизіи, общія условія, которыя рождаютъ преступленія при современныхъ отношеніяхъ, съ тѣмъ, какъ нужно бороться съ преступникомъ, какъ въ условіяхъ нашей современности какъ съ фактомъ, уже совершившимся, такъ точно для того, чтобы приспособить этого преступника къ условіямъ общежитія и къ существующему общественному строю. И странно было бы говорить, что пока вы не сдѣлали тѣхъ или иныхъ социальныхъ улучшеній, тѣхъ или иныхъ политическихъ улучшеній рождающихъ преступленія, а это улучшеніе вы обязаны сдѣлать, вы поэтому оберегать должны всѣ тѣ мѣропріятія, которыя направлены къ тому, чтобы въ условіяхъ существующаго сдѣлать возможно легкою борьбу съ индивидуальнымъ преступнымъ типомъ вообще. Затѣмъ, во всякомъ наказаніи существуетъ 3 стороны: наказывая, вы, такъ сказать, въ достаточной степени самымъ автоматическимъ образомъ указываете всѣмъ и каждому въ общественномъ сознаніи, вѣдрая фактъ, что за преступленіемъ слѣдуетъ наказаніе. И какъ разъ въ противоположность теоріи устрашенія было указано, что не въ силѣ дѣло наказанія, а въ неизбежности этого наказанія. И съ другой стороны, во всѣхъ тѣхъ, у кого имѣется склонность къ преступленію, въ комъ воля находится въ

недостаточно сильно въ видѣ, въ комъ есть колебанія, вотъ для нихъ наличность вслѣдъ за преступленіемъ наказанія является моментомъ, удерживающимъ и воспитывающимъ въ нихъ волю, волю, противодействующую его преступнымъ инстинктамъ. Въ третьихъ, вы имѣете въ виду въ условіяхъ правильно поставленной тюремной жизни и исправлять самого преступника. Условное досрочное освобожденіе это есть институтъ, который ни въ коемъ случаѣ не затрагиваетъ двухъ первыхъ сторонъ всякаго наказанія. Вслѣдъ за преступленіемъ наказаніе будетъ назначено, и, слѣдовательно, въ общественномъ сознаніи автоматичность будетъ соблюдена. Вмѣстѣ съ этимъ всѣ тѣ, въ комъ есть преступные инстинкты, увидятъ, что преступленіе карается, но вмѣстѣ съ этимъ будетъ указано, что тотъ, кто попалъ въ тюремныя условія жизни, соблюдая всѣ правила тюремной жизни и вмѣстѣ съ тѣмъ проявляя всѣ тѣ данныя, которыя могутъ показать, что онъ для гражданской жизни не потерянъ, онъ получаетъ должную свободу. Я понимаю, что конечно условное досрочное освобожденіе нуждается въ цѣломъ рядѣ сопутствующихъ обстоятельствъ. Здѣсь было указано совершенно правильно, что только при развитіи общественной самодѣятельности, той самодѣятельности, которая только и можетъ бороться правильно съ преступнымъ типомъ и съ преступленіемъ вообще, только общество можетъ правильно приспособлять преступный типъ къ условіямъ общежитія, случайнаго человѣка не доводить въ условіяхъ тюремной жизни до типа профессиональнаго преступника, что только въ этомъ заключается необходимое условіе правильнаго функціонированія этого института. Я вѣрю, что условія развитія обществъ патроната не будутъ зависѣть отъ субсидій; я знаю, что даже не будутъ зависѣть отъ хорошихъ уставовъ, а главнымъ образомъ отъ того, что въ нашемъ отечествѣ поднимется вообще общественная самодѣятельность въ широкомъ смыслѣ слова и въ частности будетъ проявляться на этомъ благомъ дѣлѣ. Я понимаю, что при условіяхъ административной опеки вообще немыслима какая бы то ни было самодѣятельность и въ частности та, которая будетъ проявляться въ заботахъ о тюрьмѣ и въ заботахъ о тюремномъ населеніи. И такія возраженія конечно могутъ быть дѣлаемы, но мы должны понимать, что всѣ стороны нашей жизни постепенно обновляются и если ходъ законодательной работы раньше времени выдвигаетъ вопросы, которые должны были бы идти, можетъ быть, во вторую очередь, то во всякомъ случаѣ институтъ этотъ не опороченъ, но, наоборотъ, это указываетъ, что и этотъ институтъ въ обновленныхъ условіяхъ нашей жизни является наиболѣе уместнымъ. Намъ говорятъ о томъ, что здѣсь все дѣло будетъ передано въ руки тюремной администраціи. Совершенно вѣрно, что въ первоначальномъ проектѣ въ особомъ совѣщаніи, которое должно было предварительно разсматривать вопросъ о возможности примѣненія, въ каждомъ данномъ случаѣ, условнаго досрочнаго освобожденія, тюремному элементу отводилось слишкомъ широкое мѣсто, но уже Коммисія предлагаетъ въ этомъ отношеніи ограниченія. Затѣмъ всѣ забываютъ, что тутъ представители тюремной администраціи ослабляются представителями общества, которое должно входить въ тюрьмы, должно въ эту жизнь отверженныхъ людей вносить—правильно сказано—лучъ свѣта, и съ этой точки зрѣнія всѣ тѣ возраженія, которыя дѣлались, они не выдерживаютъ критики. Если же намъ говорятъ, что это дѣлается ради того, чтобы освободить побольше мѣстъ въ тюрьмахъ и для того, чтобы тамъ побольше сажать новыхъ, то, вѣдь, господа, никогда никого не оставляли безъ наказанія изъ-за отсутствія мѣста. Я не стану говорить о томъ, что этотъ институтъ

съ той точки зрѣнія, съ которой разбираюсь членомъ Государственной Думы Марковымъ, разбираться не можетъ. Обращаясь затѣмъ ко всѣмъ научнымъ и статистическимъ въ особенности даннымъ, тѣмъ самымъ даннымъ, которыя математически устанавливаютъ необходимость этого института, мы видимъ, что процентъ рецидива доходитъ до 30 тамъ, гдѣ не примѣняется условное досрочное освобожденіе, и падаетъ до 8 въ Англіи, до 4 въ Пруссіи и т. д. Не указываетъ ли это, что въ этой области этихъ самыхъ людей, которые правильно освобождаются, и неправильно ихъ было бы задерживать, всѣ тѣ начала, о которыхъ говорилось съ точки зрѣнія цѣлесообразности, всѣ они гораздо сильнѣе, чѣмъ тѣ общія разсужденія, которыя атавистически возстановливаютъ въ наши дни стародавнюю теорію устрашенія и тѣмъ самымъ борьбу съ преступленіями? Мы только должны сказать, что, принимая этотъ законъ, мы надѣемся, что онъ будетъ жизнененъ, а онъ будетъ жизнененъ тогда, когда широкою рѣкою по нашей землѣ будетъ распространяться организація общественныхъ силъ и въ частности эта организація будетъ въ кругѣ тюремнаго попеченія, чтобы гуманность въ дѣлѣ наказанія имѣла бы примѣненіе; и вмѣстѣ съ уничтоженіемъ всѣхъ тѣхъ препонъ, которыя стоятъ по дорогѣ къ широкой самодѣятельности общества, упадутъ и опасенія, что у насъ не будутъ общественные патронаты развиваться; могу только сказать, что введеніе условнаго досрочнаго освобожденія вездѣ предшествовало развитію общественныхъ патронатовъ, когда уже есть готовое дѣло, а у насъ есть масса людей, которые готовы посвятить свой трудъ хорошему и благому дѣлу. Не будетъ административныхъ препонъ, тогда найдутся и тѣ общественныя организаціи, которыя дѣйствительно проявятъ широкое попеченіе о тюремномъ бытѣ.

Гегечкори (Кутаисская губ.). Господа члены Государственной Думы, когда мы рассматривали законопроектъ, предложенный Государственной Думѣ Коммисіей судебныхъ реформъ, мы не могли не остановиться на одной весьма любопытной и очень характерной мысли, которую высказала Коммисія въ своей мотивировкѣ къ данному законопроекту. Эта мысль намъ кажется характерной, такъ какъ въ ней отражается вся сущность взгляда современныхъ буржуазныхъ классовъ и правительствъ на преступность, какъ на явленіе общественное, и, главнымъ образомъ, на тѣ средства, которыми эти классы и правительства думаютъ бороться съ этимъ недугомъ капиталистическаго строя. На стр. 1-й настоящаго доклада мы читаемъ, «что предлагаемая мѣра исходитъ не столько изъ соображеній гуманности, или тѣмъ менѣе желанія ослабить репрессію, сколько изъ вполне правильной мысли: удержать преступника отъ совершенія на свободѣ новыхъ преступленій дополнительной угрозой отбытія неотбытаго еще наказанія». Министръ Юстиціи оказался нѣсколько либеральнѣе Коммисіи. Общество, говоритъ онъ, повторяя или цитируя слова Тарда, можетъ позволить себѣ чувства гуманности и человѣчности. Правда эта гуманность и человѣчность особаго порядка, но все жъ таки эти чувства какъ будто выразились въ словахъ Министра Юстиціи. Свою гуманность онъ оправдываетъ соображеніемъ цѣлесообразности. Онъ утверждаетъ, что настоящій законопроектъ предлагается Правительствомъ только потому, что по его мнѣнію онъ можетъ оказать большую пользу въ цѣляхъ борьбы съ преступностью. «Наказывая», говоритъ Министръ Юстиціи, «государство, во имя цѣлесообразности, должно стремиться къ поднятію павшаго преступника, къ возвращенію его въ прежнюю среду, по возможности обновленнымъ и исправленнымъ». Это

прекраснодушное заявленіе повторяется постоянно людьми, рекомендующими репрессивныя мѣры. Это заявленіе можно встрѣтить на устахъ цѣлой школы юристовъ, которые съ пѣной у рта доказываютъ и указываютъ на репрессіи, какъ на средство исправленія. На этой же точкѣ зрѣнія стоитъ и сама Коммисія, на эту же точку зрѣнія сталъ сегодня представитель праваго крыла Государственной Думы, депутатъ Марковъ. Это, по нашему мнѣнію, лицемеріе есть та дань, которую по извѣстной французской поговоркѣ, порокъ платитъ добродѣтели. Карая и преслѣдуя, современное Правительство, и въ особенности наше, ничуть не думаетъ объ исправленіи и поднятіи преступниковъ. Конечно, я не говорю о томъ поднятіи, которое выражается въ поднятіи на висѣлицу: такое поднятіе у насъ примѣняется и практикуется съ особеннымъ увлеченіемъ. Но я думаю, что, вѣроятно, Министръ Юстиціи не такое поднятіе имѣлъ въ виду. Говорить объ исправленіи преступниковъ при той обстановкѣ, которая создается для нихъ тюремнымъ заключеніемъ, въ особенности, у насъ, въ Россіи, не приходится. Теорія и практика давно доказали, что тюрьма не только не исправляетъ, но наоборотъ тюрьма является школой и рассадницей преступности. Чѣмъ продолжительнѣе заточеніе и пребываніе въ тюрьмѣ, тѣмъ меньше шансовъ на исправленіе. Послѣ этихъ общихъ соображеній, я позволю себѣ перейти къ разбору тѣхъ основныхъ взглядовъ, которые были высказаны Коммисіей, относительно борьбы съ преступностью. Въ своей мотивировкѣ въ настоящемъ законопроектѣ, Коммисія, прежде всего, полагаетъ и считаетъ главными средствами борьбы съ преступностью репрессіи и наказанія, полагая, что репрессіи и наказанія могутъ исправить и вернуть на прежній честный путь, на путь честнаго труда, преступника. Въ этомъ взглядѣ, повторяю, на который стала Коммисія, проявляется то, что она стала на старую и очень устарѣлую точку зрѣнія, извлекая изъ архива науки уголовного права такъ называемую теорію исправленія. Въ этомъ взглядѣ, съ другой стороны, проявляется и сказывается та глубокая пропасть, которая раздѣляетъ взгляды съ одной стороны представителей и идеологовъ буржуазіи, а съ другой стороны представителей пролетаріата. Мы не можемъ не констатировать того факта, что борьба съ преступностью и въ особенности съ преступленіями противъ собственности всѣми мѣрами, которыя рекомендуются Коммисіей, а именно репрессіями и наказаніями, приведетъ къ тому, что въ концѣ концовъ эти средства не только не исправятъ, а наоборотъ, въ концѣ концовъ станутъ факторами преступности. Очевидный фактъ, что никакія репрессіи и угрозы не могутъ остановить увеличенія числа преступниковъ, осужденныхъ за имущественныя преступленія. Если обратиться къ статистическимъ даннымъ, не говоря, конечно, уже о Россіи, и указать на Германію, то придется констатировать тотъ фактъ, что въ одной Германіи въ 1900 г. число осужденныхъ за преступленія имущественнаго характера достигало колоссальной цифры—200.000 человекъ, а по любопытному подсчету одного изъ криминалистовъ 243 раза въ день, т. е. черезъ каждыя 6 минутъ, въ Германіи открывались тюрьмы, чтобы принять въ свои объятія осужденныхъ за преступленія имущественнаго характера. Что преступленія разрастаются—это признаетъ и сама Коммисія, признаетъ она, хотя и совершенно произвольно, что репрессіи въ борьбѣ съ преступностью безсильны, когда говоритъ, что это зло рецидива распространяется въ наше время въ такихъ широкихъ размѣрахъ и дѣлаетъ безсильными всякія репрессіи. Но вопреки здравому смыслу и собственному признанію, она все же обращается къ старому негодному, уже испытанному оружію

репрессій, угрозъ, наказаній и строгихъ судебныхъ приговоровъ, которые, по образному выраженію одного изъ извѣстныхъ криминалистовъ—бельгійскаго профессора Принса, современную юстицію уподобляютъ дурному крану, откуда капля за каплей сочится вода, безслѣдно исчезая въ землѣ. Мы, конечно, не можемъ такъ оцѣнивать явленія общественной жизни. Мы знаемъ, что только въ неравномѣрномъ распределеніи богатствъ, только въ социальныхъ условіяхъ, т. е. въ чрезмѣрной эксплуатаціи пролетаріата и трудящихся массъ, поставляющихъ главный контингентъ преступниковъ, нужно искать причины преступности. То положеніе, которое выставляется нами, оно не является голословнымъ, оно подтверждается выводами и изслѣдованіями цѣлаго ряда ученыхъ. Достаточно вспомнить представителей, такъ называемой, моральной статистики Дюкпетю Гери и въ особенности Кетлэ, который въ своей знаменитой книгѣ «Опытъ моральной статистики» говоритъ, что общество въ себѣ самомъ содержитъ зародыши имѣющихъ совершиться преступленій, что общество подготавливаетъ преступленія, а преступники являются только орудіемъ. Мы говоримъ, что преступленіе именно является продуктомъ социального неустройства. Это самое положеніе, какъ извѣстно и всѣмъ членамъ Коммисіи и какъ должно быть извѣстно и Министру Юстиціи, подтверждается также цѣлымъ рядомъ изслѣдованій извѣстныхъ европейскихъ государственныхъ и общественныхъ дѣятелей, принадлежащихъ къ такъ называемой социологической школѣ уголовного права и въ особенности къ крайнему ея теченію—соціалистической. Мы говоримъ, что въ борьбѣ съ преступностью репрессіи и наказанія являются и практически и теоретически несостоятельными. Несостоятельными они являются потому, что въ основѣ преступности лежитъ не злая воля, не испорченность людей, какъ заявляли здѣсь нѣкоторые изъ ораторовъ, говорившихъ до меня, а лежатъ глубокія социальныя причины. Стоитъ хотя бы бросить бѣглый взглядъ на то соотношеніе, которое устанавливается между преступностью и ростомъ цѣны на хлѣбъ. Въ своемъ извѣстномъ изслѣдованіи Тарновскій—кстати сказать это изслѣдованіе напечатано въ журналѣ Министерства Юстиціи—доказываетъ, что въ 33 губерніяхъ и во всѣхъ районахъ этихъ губерній преступность находится въ прямомъ соотношеніи съ цѣнами на хлѣбъ. Когда падала цѣна на рожь въ 1885 и 1890 гг., понижалась преступность. Высшаго своего развитія преступность достигла въ голодные годы въ 1891 и 1892 гг. Такъ что мы заявляемъ, что въ данномъ случаѣ, если мы хотимъ поставить дѣйствительно вопросъ ребромъ, если мы хотимъ къ разрѣшенію вопроса подойти съ радикальными средствами, такъ мы должны прежде всего выяснить основу, коренную причину преступности. Въ данномъ случаѣ тутъ между прочимъ предлагается, какъ мѣра борьбы съ преступностью, институтъ условнаго досрочнаго освобожденія. Мы думаемъ, что прежде чѣмъ вводить этотъ институтъ, мы должны раньше всего разрѣшить тѣ социальныя политическія задачи, которыя лежатъ передъ народнымъ представительствомъ. Мы должны устранить тѣ условія, которыя порождаетъ сама преступность. А именно, должны обратиться къ разрѣшенію аграрнаго вопроса и поставить многомилліонную трудовую массу въ такое положеніе, чтобы она этими голодовками не толкалась на эксцессы; тогда бы не было той иллюминаціи, о которой здѣсь такъ много и съ такимъ ужасомъ говорилъ депутатъ Марковъ. Послѣ этого мы должны бы были разрѣшить вопросъ о безработныхъ. Всѣмъ извѣстно, господа, что въ томъ самомъ Петербургѣ, гдѣ заседаетъ Государственная Дума, находятся цѣлые десятки тысячъ безработныхъ людей. Что сдѣлала Государственная Дума,

что сдѣлало Правительство и что дѣлаютъ плутократическія городскія думы? Рѣшительно ничего. Въ самомъ Петербургѣ, гдѣ были организованы мало-мальски спосныя общественныя работы, эти работы отмѣнены петербургской городской думой. Поэтому мы думаемъ, что прежде чѣмъ вводить институтъ условнаго досрочнаго освобожденія, нужно было подумать объ этихъ вопросахъ. Сюда должна быть направлена по нашему мнѣнію та общественная расточительность, о которой такъ широковъщательно говорилъ Министръ Юстиціи, а вы вмѣсто этого предлагаете законопроектъ объ условномъ досрочномъ освобожденіи и наивно полагаете, что эта жалкая палліатива плюсъ патроны сыграютъ незамѣнимую роль въ борьбѣ съ преступностью, какъ выражался Министръ Юстиціи. Мы думаемъ, что роль института условнаго досрочнаго освобожденія весьма и весьма мала. Поэтому полагаемъ, что въ борьбѣ съ преступностью пастоящій институтъ не можетъ сыграть никакой роли. Поэтому въ данномъ случаѣ социалъ-демократическая фракція, исходя изъ всѣхъ тѣхъ соображеній, которыя были высказаны здѣсь, воздерживается отъ голосованія настоящаго законопроекта, не находя въ немъ разрѣшенія тѣхъ задачъ, которыя должна поставить себѣ Государственная Дума, какъ народное представительство.

Никитюкъ (Волынская губ.). Господа члены Государственной Думы, я не буду много говорить, но скажу однихъ два слова. Когда меня избирали мои избиратели, такъ просили, чтобы принять самыя строгія мѣры на конокрадовъ, которые воруютъ скотъ и убиваютъ. Еще скажу одно слово. Было бы хорошо, если бы у насъ въ Россіи была правда, да ея нѣтъ. Если этотъ законопроектъ пройдетъ, то будетъ одно хабарство, у насъ его и такъ много въ Россіи: кто больше дастъ въ карманъ, того и освободятъ. А честный человѣкъ за малое преступленіе будетъ до послѣдняго сидѣть.

Бабянский (Пермская губ.). Господа члены Государственной Думы! Совокупность всѣхъ нормъ матеріальнаго и процессуальнаго уголовного права составляетъ то, что мы называемъ уголовной политикой, которая имѣетъ своею цѣлію уменьшеніе преступности среди населенія. Съ этой трибуны было уже сказано о политикѣ репрессій, которая этой цѣли не достигаетъ, и потому уголовная политика всѣхъ культурныхъ государствъ свелась къ тому, чтобы всякое преступленіе было обнаружено и чтобы оно получило должное возмездіе. Какъ Министръ Юстиціи сказалъ, государство и общество располагаютъ большими средствами для того, чтобы преступника не тиранили, а принять всѣ мѣры къ тому, чтобы его можно было опять принять въ среду общества. Главныя средства для этого, это, во-первыхъ, широта предѣловъ наказанія уголовного, которая опредѣляется въ законѣ. Принципы этотъ установленъ уже въ культурныхъ странахъ, онъ заимствованъ изъ Англіи. Въ Англіи онъ настолько широкъ, что англичане считаютъ лучшей гарантіей своей политической свободы отсутствіе уголовного кодекса. Тамъ все зависитъ отъ обычая, отъ судьи, тамъ невозможны такія положенія, о которыхъ мы только что слышали, что будто бы за вину возможенъ откупъ. Тамъ судья вѣрять безусловно, вѣрять ему населеніе и вѣрять ему законъ. И вотъ эта первая гарантія тому, что преступникъ будетъ наказанъ соотвѣтственно своей винѣ, соотвѣтственно той степени злой воли, которую онъ обнаружилъ. Но кромѣ матеріальнаго закона существуютъ еще и другія средства, прежде всего самый судъ. Сѣйчасъ явилось новое положеніе, котораго раньше не было. Это судоговореніе. Мы, имѣющіе

отношеніе къ судамъ, знаемъ, какое вліяніе производитъ этотъ обрядъ судоуговоренія на преступника. Въ то время, когда преступникъ совершаетъ преступленіе, онъ не всегда отдаетъ себѣ отчетъ въ томъ, что онъ совершаетъ. Отчетъ онъ отдаетъ себѣ послѣ, когда производится изслѣдованіе преступленія, когда производится предварительное слѣдствіе и, наконецъ, когда происходитъ самый судъ. Можетъ быть тѣ часы и дни, которые онъ проводитъ въ судѣ, будутъ ему наукой на всю жизнь. То нравственное состояніе, которое онъ испытываетъ, когда его со всѣхъ сторонъ критикуютъ, разбираютъ, съ одной стороны обвиненіе, съ другой защита, и когда наконецъ судъ постановляетъ свой приговоръ, навсегда запечатлѣвается въ его памяти. Онъ ожидаетъ этого приговора съ глубокимъ трепетомъ. Это незначительныя дѣйствія, но они можетъ быть большіе вліяютъ на исправленіе преступника, на его сознаніе, чѣмъ все послѣдующее, что должно съ нимъ произойти. И вотъ мы приходимъ къ третьему моменту: примѣненію самого наказанія. Весь проектъ, съ которымъ мы здѣсь имѣемъ дѣло, обоснованъ на системѣ исправленія. По примѣру Запада, устанавливается положеніе, что, когда преступникъ уже достаточно исправился, онъ можетъ подлежать досрочному условному освобожденію. Я думаю, что къ нашимъ условіямъ жизни этотъ принципъ совершенно не примѣнимъ. Если будемъ говорить объ успѣшности исправленія, то очевидно этотъ институтъ у насъ быть введенъ не можетъ. Я думаю, что никто изъ насъ не видѣлъ исправленнаго тюремой преступника. Наша тюрьма не исправляетъ, но создаетъ преступника. Наша тюрьма это похороны духовной личности, заключенные въ ней люди заживо погребены. Они тамъ вырабатываютъ свою этику, и эту этику переполняютъ ненавистью къ обществу, они озлобляются. Наша литература въ этомъ отношеніи богата: мы имѣемъ «Мертвый Домъ», мы имѣемъ «Воскресеніе» гр. Толстого, мы знаемъ, что дѣлается въ душѣ преступника; если мы вдумаемся въ его психику, въ ту полную отверженность, въ которой онъ находится, тогда мы признаемъ, что именно тамъ люди гибнутъ, и наша обязанность всѣми мѣрами предупредить отъ этой гибели, изъять по крайней мѣрѣ тѣхъ изъ нихъ, которые еще могутъ жить или еще не окончательно испортились, и въ этомъ, по моему мнѣнію, смыслъ этого института—досрочнаго освобожденія—въ примѣненіи къ русской жизни. Мнѣ кажется, что нигдѣ не можетъ быть такъ широко поставленъ и примѣненъ этотъ институтъ, какъ именно у насъ, именно вслѣдствіе полной негодности нашей тюремной системы. Въ послѣднемъ бюджетномъ предположеніи Главнаго Тюремнаго Управленія заключаются нѣкоторыя данныя относительно нашихъ тюремъ; они указываютъ, что это состояніе совершенно невозможное. У насъ сейчасъ число заключенныхъ ежедневно доходитъ до 150.000, въ то время какъ комплектъ мѣстъ рассчитанъ только на половину; они находятся въ невозможныхъ санитарныхъ и гигиеническихъ условіяхъ, они всѣ смѣшаны въ одну кучу. Тюремное вѣдомство говоритъ, что оно не въ состояніи поддержать дисциплины, а не то что исправлять этихъ лицъ. Несомнѣнно, это состояніе хроническое, съ которымъ мы ничего подѣлать не можемъ. Мы можемъ только этимъ единственнымъ путемъ разгрузить наши тюрьмы, разгрузить относительно тѣхъ преступниковъ, которые еще не окончательно испорчены; чѣмъ дольше они тамъ останутся, тѣмъ больше мы будемъ имѣть дѣло съ преступниками, съ лицами, которыя въ обществѣ уже больше не будутъ въ состояніи находиться. Вотъ, мнѣ кажется, первое основаніе, почему этотъ институтъ у насъ долженъ быть широко поставленъ; другимъ основаніемъ я считаю

характеръ русскаго преступника. Я думаю, что всякій, кто сталкивался съ преступниками, кто исполнялъ судейскія обязанности и вдумчиво къ нимъ относился, тотъ не могъ не замѣтить крайней диспропорціи между мотивами и совершенными преступными дѣяніями. Я всегда поражался тѣми незначительными мотивами, которые были у преступника. Человѣкъ, который до 30—40 лѣтъ велъ себя хорошо, жилъ такъ, какъ всѣ люди его среды, и вдругъ въ одинъ день, чаще всего подъ вліяніемъ алкоголя, совершилъ все: убилъ, зарѣзалъ, ограбилъ. И на другой день онъ уже самъ не понимаетъ, какимъ образомъ онъ это совершилъ. Вообще отсутствіе сознательныхъ мотивовъ въ преступленіяхъ, совершаемыхъ въ Россіи, одна изъ характерныхъ чертъ и совершенно отличная отъ Запада. Тамъ культура настолько установилась, что человѣкъ, совершающій преступленіе, сознательно долженъ переступить извѣстныя опредѣленныя грани, которыя вычеканены, которыя онъ отлично знаетъ. У нашего народа эти грани еще не вычеканены, эти нравственные стимулы не такъ точно опредѣлены. Легкомысліе, пьянство, которое сопровождаетъ почти всѣ преступленія, именно создаетъ ту недостаточность мотивовъ, которую мы видимъ. Это не преступники, а это люди, которые въ данный моментъ не могли собой управлять. При помощи условнаго освобожденія мы можемъ разгрузить тюрьмы, вернуть тѣхъ лицъ, которыя сознали свою ошибку, и такимъ образомъ мы можемъ придти на помощь тому «Мертвому Дому», жители котораго въ такомъ значительномъ количествѣ заражаютъ нашу общественную жизнь. Господа члены Государственной Думы, вы призваны сюда для того, чтобы обновить Россію; дѣйствительно, Россію обновить надо, надо раскрѣпить ее, она закрѣплена всячески: политически, экономически, духовно, національно; и синтезъ этихъ закрѣпленій—это наша тюрьма: все ненормальное, что есть въ нашей жизни, все это совокупляется здѣсь; здѣсь мы имѣемъ центръ всѣхъ нашихъ подчетовъ. Я думаю съ этого мы должны пачать. Это первый законопроектъ, который подложить вашему вниманію, и я думаю, что вы въ разрѣшеніи этого вопроса должны идти широко и гуманно; вы несомнѣнно пойдете такимъ образомъ навстрѣчу населенію, которое пойметъ это и будетъ благодарно за то, что вы много ненужнаго горя съ него снимете. Представляетъ ли этотъ институтъ государству какую нибудь опасность, дѣйствительно ли уменьшатся тѣ репрессіи, на которыхъ такъ настаиваетъ членъ Государственной Думы Марковъ? Я думаю, что онъ обставленъ такими формальностями, что само Правительство не имѣетъ основанія бояться освобожденій нецѣлесообразныхъ, нежелательныхъ. Я думаю, что будутъ освобождены именно тѣ лица, которыя явились случайными преступниками, и какъ таковыя они могутъ быть возвращены обществу. По этимъ соображеніямъ я полагаю, что той мѣрой, которая предложена Министерствомъ, мы не удовлетворимся. Я думаю, что эта мѣра не соответствуетъ условіямъ русской жизни и должна быть измѣнена. Я внесу предложеніе о томъ, чтобы условное досрочное освобожденіе началось съ момента отбытія двухъ третей наказанія, и затѣмъ при соблюденіи требуемыхъ условій наказаніе должно быть превращено въ условное. Я полагаю, что это отвѣчаетъ дѣйствительнымъ условіямъ русской жизни, и съ этимъ согласятся тѣ, кто ближе стоитъ къ нимъ. Я думаю, что эту поправку поддержитъ духовенство, которому извѣстно великое горе, которое терпитъ народъ, я думаю, поддержитъ крестьянство, которое выработало по отношенію къ преступнику нашему терминъ «несчастный». Дѣйствительно, русскій преступникъ—онъ не есть типичный преступникъ, это несчастный человѣкъ.

Кривцовъ (Курская губ.). Я, къ сожалѣнію, на этотъ разъ, не могу согласиться съ моими коллегами по фракціи, говорившими здѣсь за непринятіе этого проекта. Я къ этому проекту отношусь въ высшей степени симпатично и скорѣе согласенъ съ членомъ Думы Бобянскимъ о недостаточности времени досрочнаго освобожденія, нежели со своими сотоварищами по фракціи, такъ какъ достиженіе цѣли по моему мнѣнію не въ величинѣ наказанія, а въ самомъ наказаніи; но сомнѣваюсь въ томъ, чтобы идея о патронатѣ, переселенная по образцамъ запада на російскую почву, имѣла шансы развиться у насъ въ Россіи. У насъ совершенно другія условія климатическія и территоріальныя: слишкомъ большая протяженность и малая населенность, чтобы можно было рассчитывать на успѣшное развитіе и функціонированіе такихъ патронатовъ, въ особенности въ деревняхъ. Доказывается это отчасти и вопросомъ, который возбуждался давно уже о *patronages familiales* въ дѣлѣ призрѣнія душевно-больныхъ, которые прекрасно функціонировали въ Бельгіи, но, къ сожалѣнію, у насъ не получили своего развитія. Несмотря, однако, на сочувственное мое отношеніе къ этому законопроекту, я нахожу, что въ той редакціи, какъ онъ намъ представленъ, онъ едва ли можетъ быть принятъ. Въ него необходимо внести поправки. Я сейчасъ укажу на такіе дефекты этого законопроекта въ редакціонномъ отношеніи, которые, едва ли, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, могутъ давать возможность достиженія той основной цѣли, къ которой онъ стремится. Основная идея законопроекта заключается въ томъ, чтобы сократить время пребыванія заключеннаго въ тюрьмѣ, по крайней мѣрѣ, на $\frac{1}{4}$. Но что же проектируется для этого? Я докажу вамъ, что по законопроекту въ предлагаемой редакціи, это никоимъ образомъ осуществлено быть не можетъ и вотъ почему: въ законопроектѣ не сказано, когда же можетъ и долженъ быть возбужденъ вопросъ о досрочномъ освобожденіи. Въ п. 4 правилъ говорится лишь о томъ, кто можетъ возбуждать вопросы, но не говорится о томъ, когда. Можно допустить, разсматривая другія статьи этихъ правилъ, что этотъ вопросъ только можетъ быть возбужденъ послѣ истеченія $\frac{3}{4}$ срока отбытія наказанія и только послѣ этого можетъ состояться опредѣленіе суда. На эту мысль меня наводитъ ст. 13. Въ ст. 13 этихъ правилъ говорится, что «по полученіи выписки изъ опредѣленія суда о предоставленіи заключенному условнаго досрочнаго освобожденія, начальникъ мѣста заключенія *въ теченіе сутокъ* приводитъ въ исполненіе означенное опредѣленіе». Значитъ, это увѣдомленіе должно быть послѣ $\frac{3}{4}$ отбытія наказанія, а никоимъ образомъ не ранѣе; а такъ какъ процессуальная волокита у насъ можетъ продолжаться и не мѣсяцъ, и не два, при возможной отдаленности суда отъ тюрьмы, и если вопросъ о досрочномъ освобожденіи будетъ возбужденъ послѣ $\frac{3}{4}$, то, очевидно, никоимъ образомъ заключенный не можетъ воспользоваться предоставленнымъ ему, если не правомъ требовать, то, такъ сказать, правомъ рассчитывать на сокращеніе своего заключенія на одну четверть. Затѣмъ, въ этомъ законопроектѣ есть еще дефекты. Напримѣръ, въ п. 12. Въ пунктѣ этомъ сказано, что судъ назначаетъ досрочно освобожденному мѣсто жительства, но съ другой стороны какое же мѣсто жительства? Можетъ быть, такое, куда не пожелаетъ заключенный. А между тѣмъ идея всего законопроекта та, что освобожденіе заключеннаго только тогда можетъ состояться, когда этого пожелаетъ самъ заключенный. На основаніи сказаннаго, мнѣ казалось бы, что въ законопроектѣ необходимо сдѣлать слѣдующаго рода поправки: п. 4 правилъ дополнить словами: Вопросъ объ условномъ досрочномъ освобожденіи

можетъ быть возбужденъ и до истеченія трехъ четвертей опредѣленнаго судебнымъ приговоромъ срока, но съ тѣмъ, чтобы само освобожденіе было бы осуществлено не раньше истеченія этого срока. А въ п. 12 включить, что судъ назначаетъ досрочно-освобожденному мѣсто его жительства *съ согласія заключеннаго*. Если Государственной Думѣ угодно будетъ согласиться съ этими поправками, тогда въ согласованіе съ ними необходимо въ п. 13 добавить послѣ слова «опредѣленіе»: «если же опредѣленіе суда послѣдовало до истеченія трехчетвертаго срока, къ которому былъ присужденъ заключенный, то не позже дня, въ который истекаетъ этотъ срокъ», такъ какъ возбужденіе вопроса объ освобожденіи и опредѣленіе самаго суда можетъ быть сдѣлано до истеченія срока, но самое освобожденіе должно произойти по истеченіи этого срока. Затѣмъ, въ п. 17 меня удивляетъ вопросъ, что отлучка на срокъ болѣе мѣсяца можетъ быть разрѣшаема только тѣмъ судомъ, который сдѣлалъ постановленіе относительно досрочнаго освобожденія, а не мѣстнымъ судомъ. Это поставить въ нѣкоторыхъ случаяхъ рѣшеніе вопроса въ очень затруднительное и невозможное положеніе. Представьте себѣ, что мѣсто жительства временно-освобожденнаго находится въ 2—3 тысячахъ верстахъ отъ этого суда, когда же получится рѣшеніе его и почему же рѣшеніе этого вопроса не предоставитъ мѣстному суду. Казалось бы, нужно замѣнить выраженіе «того суда, который рѣшилъ дѣло» выраженіемъ «того суда, въ округѣ котораго живетъ досрочно-освобожденный». Затѣмъ въ п. 18 въ высшей степени непонятная редакція въ томъ смыслѣ, что тутъ два положенія: «если приговоръ суда къ наказанію свыше ареста на 3 мѣсяца или денежнаго взысканія или пени въ 300 р.». Здѣсь нужно прибавить слово «свыше 300 р.», потому что можно толковать выраженіе «свыше», имѣющееся въ законопроектѣ, относящимся только къ заключенію, а не къ 300 р. Это будетъ не согласно съ идеей. Вотъ на основаніи всего изложеннаго я позволяю себѣ предложить Государственной Думѣ, что если угодно ей будетъ принять этотъ законопроектъ, то только съ тѣми поправками, которыя я имѣю честь представить.

Матюнинъ (Харьковская губ.). Господа члены Государственной Думы, я не стану возвращаться къ тѣмъ объясненіямъ, которыя были здѣсь приведены на кааедрѣ въ подтвержденіе необходимости изданія настоящаго закона. Я лично присоединяюсь къ нему вполне и только останавлиюсь на нѣкоторыхъ статьяхъ закона, которыя по моему мнѣнію не соотвѣтствуютъ какъ самой цѣли, такъ и неудобны будутъ въ будущемъ при примѣненіи этого закона. Я прежде всего останавлиюсь на отдѣлѣ III закона, который опредѣляетъ минимальный срокъ тюремнаго заключенія въ 8 мѣсяцевъ, какъ дающій право на известнаго рода привилегію. Я не могу согласиться съ тѣмъ вычисленіемъ этого восьмимѣсячнаго срока, который въ данномъ случаѣ былъ примѣненъ. Мнѣ кажется, что если мы желаемъ избѣгнуть этимъ путемъ, путемъ поваго закона, рецидивовъ, то намъ нужно бы прежде всего поощрить тѣхъ, которые .подготавливаются въ рецидивы, а подготавливаются къ нимъ, обыкновенно, мелкіе воры, для которыхъ первое наказаніе за простую кражу является 6-ти-мѣсячное тюремное заключеніе. Слѣдовательно, при этомъ условіи, почему намъ не поощрить и тѣхъ первыхъ, такъ сказать, первыхъ воровъ, или первыхъ преступниковъ, которые попадаютъ въ тюрьму на срокъ менѣе 8-ми мѣсяцевъ? Вотъ я въ сущности и думаю, что было бы справедливѣе ту же самую льготу, которую предполагается даровать въ настоящее время, предоставить и тѣмъ, которые будутъ приговорены къ тюремному заключенію на 6 мѣсяцевъ. Затѣмъ, переходя къ правиламъ, которыя

опредѣляютъ порядокъ дѣйствія, я совершенно соглашаюсь съ моимъ предшественникомъ, членомъ Государственной Думы Кривцовымъ, относительно того, что необходимо установить срокъ, въ который долженъ быть возбужденъ вопросъ объ условномъ досрочномъ освобожденіи. Иначе получится маленькій *nonsense*, именно, что если возбудить вопросъ о срокѣ послѣ, то, при извѣстной процедурѣ, въ которой должны пройти эти ходатайства, этотъ срокъ можетъ превратиться или въ ноль, или, во всякомъ случаѣ, сократиться гораздо больше, чѣмъ законъ намѣренъ дать льготу. Затѣмъ я считалъ бы въ этомъ случаѣ, что можно установить, скажемъ, такое положеніе, чтобы за двѣ недѣли до истеченія того трехчетвертного срока отсрочиванія могло быть возбуждено такое ходатайство. Затѣмъ далѣе, намъ всѣмъ, конечно, извѣстно, что наблюденіе за исполненіемъ приговора лежитъ непосредственно на прокурорѣ окружнаго суда. Между тѣмъ, согласно предполагаемаго закона, вопросъ о примѣненіи условнаго досрочнаго освобожденія вносится не прокурорскимъ надзоромъ, а вносится начальникомъ мѣста заключенія. Я нахожу это несовсѣмъ удобнымъ. Вѣдь тюрьма подчинена прокурорскому надзору. Прокурорскій надзоръ слѣдитъ за приведеніемъ приговора въ исполненіе. Онъ слѣдитъ за содержаніемъ арестантовъ и т. д. При этихъ условіяхъ, предоставить начальнику тюрьмы непосредственно возбуждать вопросъ объ условномъ досрочномъ освобожденіи, мнѣ кажется, будетъ нераціонально. Такое ходатайство непременно должно идти чрезъ лицо прокурорскаго надзора. Этимъ путемъ будутъ соблюдены интересы и остальныхъ лицъ, имѣющихъ право возбудить помимо начальника тюрьмы ходатайство. Если мы оставимъ редакцію, принятую Коммисіей, то всѣ другія лица должны будутъ всѣ свои ходатайства въ совѣщаніе внести чрезъ начальника тюрьмы. Между тѣмъ начальникъ тюрьмы можетъ по той или другой причинѣ задержать, не захотѣть или что нибудь подобное. Изъ этого выйдетъ проволочка, невыгодная для самаго дѣла. Поэтому я полагаю, что эти ходатайства въ совѣщаніе должны проходить чрезъ лицо прокурорскаго надзора. Далѣе, въ ст. 5 говорится, что совѣщаніе состоитъ подъ предсѣдательствомъ мѣстнаго мирового судьи. Какого мирового судьи? Кто этотъ мѣстный мировой судья? Мировые судьи имѣются въ крупныхъ городахъ, т. е. такихъ, какъ Петербургъ, Москва, Варшава, Кіевъ, Одесса, Харьковъ, т. е. въ такихъ городахъ, гдѣ тюрьмы бываютъ особенно значительны, выстроенныя для большаго количества преступниковъ. Если мѣстнымъ мировымъ судьей считать того, въ участкѣ котораго находится тюрьма, то опъ, въ концѣ концовъ, помимо своей прямой работы, будетъ заваленъ дѣлами совѣщанія. Поэтому я полагаю бы, что будетъ болѣе правильно въ этой статьѣ замѣнить выраженіе это выраженіемъ: «одного изъ мѣстныхъ мировыхъ судей по назначенію мирового съѣзда». Можетъ быть, мировой съѣздъ назначить добавочныхъ судей, другихъ участковыхъ, менѣе занятыхъ, это уже будетъ видно потому, какъ съѣздъ рѣшитъ этотъ вопросъ. Далѣе ст. 8 говоритъ:

«Возобновленіе ходатайства объ условномъ досрочномъ освобожденіи можетъ послѣдовать не ранѣе истеченія трехъ мѣсяцевъ съ того дня, когда состоялось постановленіе о признаніи заключеннаго не заслуживающимъ такого освобожденія».

Эта статья, по моему, идетъ вразрѣзъ съ принципомъ, проведеннымъ Министромъ Юстиціи въ его объяснительной запискѣ и принятомъ, повидимому, Коммисіей. Если $\frac{3}{4}$ показанія, т. е. при 8-ми-мѣсячномъ—6 мѣсяцевъ, считается уже достаточнымъ для того, чтобы узнать, исправился человѣкъ или не исправился, то въ данномъ случаѣ оказывается, что уже 3-хъ мѣсяцевъ, послѣ того какъ онъ призналъ неспра-

вившимся, 3-хъ мѣсяцевъ достаточно, чтобы его изучить и признать заслуживающимъ впредь облегченія участи. Я нахожу, что ст. 8 должна быть выброшена совершенно. Въ этомъ отношеніи потомъ еще говорятъ, что если въ теченіе $\frac{3}{4}$ срока преступникъ не проявилъ признаковъ исправленія, вѣтъ себя недоброкачественно, то нѣтъ основанія рассчитывать, что онъ за слѣдующіе 4—5 мѣсяцевъ настолько исправится, что будетъ достоинъ получить такую великую льготу. Затѣмъ въ ст. 12 говорится, что судъ, разсмотрѣвъ дѣло, можетъ потребовать для дачи объясненій начальника мѣста заключенія. Я полагалъ бы справедливымъ, въ интересахъ заключенныхъ, считать бы въ интересахъ ихъ полезнымъ, чтобы судъ имѣлъ право допросить и то лицо, которое возбудило ходатайство о досрочномъ освобожденіи. Вѣдь мы имѣемъ въ числѣ этихъ лицъ и врача тюремнаго, и духовника, и члена отдѣленія тюремнаго общества попеченія, слѣдовательно, то лицо, которое возбудило ходатайство, очевидно, имѣло извѣстное основаніе для возбужденія его, и въ интересахъ обѣихъ сторонъ слѣдовало бы, чтобы судъ имѣлъ право и это лицо вызвать и допросить. Далѣе въ ст. 13, между прочимъ, говорится, что «въ томъ же случаѣ, когда начальнику мѣста заключенія сдѣлались извѣстными какія либо обстоятельства, которые могутъ препятствовать предоставленію заключенному условнаго досрочнаго освобожденія и которыхъ судъ не имѣлъ въ виду при разрѣшеніи дѣла объ условномъ досрочномъ освобожденіи, начальникъ, не приостанавливая исполненія опредѣленія суда, немедленно доводитъ объ открывшихся препятствіяхъ до свѣдѣнія прокурора суда, постановившаго о досрочномъ освобожденіи заключеннаго. для предложенія суду о пересмотрѣ постановленнаго имъ опредѣленія». По моему, эту часть слѣдуетъ совершенно выкинуть вонъ, а выкинуть вонъ слѣдуетъ по тому соображенію, что вѣдь бываютъ случаи, которые могутъ въ тотъ моментъ, когда уже состоялось опредѣленіе суда, воспрепятствовать освобожденію. Вѣдь дѣло въ томъ, что по проекту все это должно идти ускореннымъ темпомъ, слѣдовательно, тутъ суточный срокъ установленъ. По постановленію суда, черезъ сутки сообщается начальнику тюрьмы, который немедленно дѣлаетъ распоряженіе. Слѣдовательно, какія тутъ могутъ быть такія обстоятельства, которые въ теченіе этихъ нѣсколькихъ часовъ настолько уже видоизмѣнили мнѣніе о заключенномъ, что начальникъ тюрьмы сообщаетъ и моментально судъ можетъ постановить о томъ, чтобы досрочное освобожденіе уничтожить. Я боюсь, что эта статья дастъ слишкомъ много возможности вотъ именно тюремной администраціи быть слишкомъ своевольной. Можетъ быть тутъ будутъ такія обстоятельства, которые нежелательны. Во всякомъ случаѣ я не успѣлъ докончить своихъ объясненій и передаю г. председателю тѣ поправки, которыя я хотѣлъ сдѣлать.

Министръ Юстиціи Щегловитовъ. Господа члены Государственной Думы, желая воспользоваться въ заключеніе сегодняшняго засѣданія нѣсколькими минутами для того, чтобы предложить вашему вниманію мои объясненія, я отнюдь не предполагаю касаться отдѣльных подробностей законопроекта. Думаю объ этомъ сказать впоследствии. Въ настоящее время я хотѣлъ бы только возстановить въ вашей памяти тѣ основныя положенія, которыми объясняется законопроектъ, поддерживаемый мною. Здѣсь говорившіе до меня упоминали о томъ, что этотъ законопроектъ въ настоящее время особенно нежелателенъ, такъ какъ не въ ослабленіи репрессій нуждается русское населеніе, а напротивъ того, въ возможномъ ея усиленіи. Конюграды и убійцы, какъ говорилъ одинъ изъ моихъ предшественниковъ на трибунѣ, должны нести сугу-

бую отвѣтственность, но отнюдь не отвѣтственность сколько нибудь смягченную. Слыша эти слова, я невольно приходилъ въ нѣкоторое смущеніе. Да неужели же, въ самомъ дѣлѣ, законопроектъ, который имѣетъ своею задачею поставить въ болѣе правильныя условія порядокъ отбыванія наказаній въ тюрьмахъ и арестантскихъ отдѣленіяхъ, этотъ законопроектъ можетъ заслужить упрекъ въ томъ, что онъ направленъ къ ослабленію репрессій? Смущеніе, которое я испытывалъ, усилилось еще болѣе, когда одинъ изъ членовъ Государственной Думы упомянулъ о томъ, что то освободительное движеніе, которое приводило въ засѣданія Государственной Думы прежнихъ составовъ къ возгласамъ объ амнистіи, имѣло между прочимъ своимъ послѣдствіемъ и представленіе въ Государственную Думу законопроекта объ условномъ досрочномъ освобожденіи. Но, нѣсколько разобравшись въ этомъ вопросѣ, я еще разъ убѣдился въ томъ, до какой степени опасно подходить съ точки зрѣнія политики, съ точки зрѣнія политическихъ міровоззрѣній, къ вопросамъ, которые къ политикѣ никакого отношенія не имѣютъ. Какъ только къ вопросамъ, къ политикѣ не относящимся, мы подойдемъ съ угломъ зрѣнія политики, то у насъ по отношенію къ положеніямъ совершенно безспорнымъ получатся рѣшенія, ихъ исключаящія. Институтъ условнаго досрочнаго освобожденія нигдѣ, никогда—буду это смѣло утверждать и по отношенію къ теперешнему русскому Правительству—политической точки зрѣнія въ себѣ не отражалъ; институтъ этотъ есть установленіе чисто юридическое, правовое, которое находитъ свое обоснованіе въ особыхъ свойствахъ тюремнаго пенитенціарнаго дѣла. На это обстоятельство я бы покорнѣйше просилъ Государственную Думу обратить серьезное вниманіе, ибо, если мы сойдемъ съ этого основного положенія, то, я боюсь, мы утратимъ почву, на которой вообще разрѣшеніе какихъ бы то ни было юридическихъ вопросовъ было возможно. Остановлюсь ближайшимъ образомъ на заявленіяхъ о томъ, что условное досрочное освобожденіе ослабитъ репрессію и что, въ частности, убійцы и конокрады выйдутъ изъ тюремъ. Выйдутъ ли конокрады и убійцы изъ тюремъ при дѣйствіи настоящаго законопроекта въ случаѣ, если онъ будетъ одобренъ, это во всякомъ случаѣ утверждать довольно рискованно, такъ какъ убійцы и конокрады преимущественно попадаютъ въ тюрьмы, именуемые каторжными. Между тѣмъ, если вы изволите помнить, въ настоящемъ законопроектѣ не предполагается вовсе распространять условное досрочное освобожденіе на лицъ, отбывающихъ наказаніе въ каторжныхъ работахъ. Поэтому позвольте всѣ соображенія, касающіяся убійцъ и конокрадовъ, оставить и перейти къ разсмотрѣнію общаго заявленія объ ослабленіи репрессій условнымъ досрочнымъ освобожденіемъ. Утверждая это, очевидно, усматриваютъ ослабленіе репрессій въ томъ, что лица, которымъ былъ назначенъ опредѣленный срокъ лишенія свободы, выйдутъ изъ мѣстъ заключенія, не отбывши полностью назначеннаго срока. Милостивые государи, быть можетъ нѣкоторые изъ васъ посѣщали тюрьмы и видѣли арестантовъ. Мнѣ, по прежней моей служебной дѣятельности, приходилось обзрѣвать тюрьмы. Въ нихъ я видѣлъ, на ряду съ людьми крайне неотзывчивыми, людьми, носящими на себѣ слѣды озлобленности, людей чрезвычайно мирныхъ, спокойныхъ, которыхъ всецѣло пропикало сознаніе тяжести совершеннаго преступленія. По отношенію къ этимъ послѣднимъ безусловно строгое систематическое поддержаніе требованія, чтобы они отбыли полный срокъ наказанія, есть въ концѣ концовъ жестокость и не по отношенію къ заключенному, а главнымъ образомъ по отношенію къ его семьѣ. Не забывайте, что наказаніе, хотя и строится теоре-

тически на началах индивидуальной ответственности, всегда ложится тяжелым гнетом на тех, которые принадлежат къ составу семьи осуждаемаго. Эти непопавшія въ тюрьмы лица и несутъ въ дѣйствительности на себѣ всю тяжесть наказанія, которое отбываетъ находящійся въ тюрьмѣ. Ноужели же, перебравши тюрьмы, въ нихъ не окажется извѣстнаго числа лицъ, которыхъ можно совершенно безъ всякой опасности какого бы то ни было ослабленія репрессіи, признать подлежащими условному освобожденію изъ мѣста заключенія подѣ страхомъ возвращенія въ тюрьму, если они вновь вступятъ на преступный путь? Будемъ же, наконецъ, придавать извѣстнымъ понятіямъ то истинное значеніе, которое они должны имѣть. Очевидно не объ ослабленіи репрессіи идетъ рѣчь въ условіи досрочномъ освобожденіи. Въ этомъ случаѣ мы говоримъ только о правильномъ и, какъ я уже указывалъ въ прошломъ засѣданіи, болѣе приспособленномъ къ индивидуальности заключеннаго примѣненіи карательныхъ мѣръ. Но мнѣ возражаютъ—это все одна теорія, вы не соображались съ жизнью и бытомъ Россіи. Позвольте же мнѣ въ самыхъ краткихъ чертахъ познакомить васъ съ положеніемъ тюремнаго дѣла въ настоящей его постановкѣ у насъ. Наши мѣста заключенія по числу мѣстъ для арестантовъ рассчитаны на количество ихъ отъ 100 до 110,000. Между тѣмъ въ настоящее время въ мѣстахъ заключенія Россійской Имперіи болѣе 150,000 заключенныхъ. Если мы будемъ впредь, для поддержанія строгости репрессіи, точно соблюдать требованіе, чтобы всѣ арестанты—и самые закоренѣлые преступники, и тѣ, которые являются лицами, которыя никогда больше въ тюрьму не вернутся, высиживали въ тюрьмахъ полный срокъ наказанія, то, такъ какъ преступность у насъ за послѣдніе годы страшно увеличилась, мы будемъ имѣть только одинъ результатъ—намъ скоро некуда будетъ помѣщать лицъ, заслуживающихъ наказанія. Поэтому тѣмъ, которые выступали противниками условнаго досрочнаго освобожденія, я въ правѣ сказать, что домогательство въ конечномъ результатѣ ослабитъ репрессію, и при томъ не по теоретическимъ соображеніямъ, а по соображеніямъ нашего тюремнаго быта, т. е. по бытовымъ условіямъ жизни. Проектъ объ условномъ, досрочномъ освобожденіи покоится на жизненной необходимости, на потребностяхъ, вытекающихъ изъ теперешняго тюремнаго быта. Съ указываемой мною точки зрѣнія оспариваніе настоящаго законопроекта, угрожающее отклоненіемъ его, можетъ создать серьезное замѣшательство въ нашемъ тюремномъ дѣлѣ. Съ 1882 г., какъ правильно указалъ докладчикъ судебной Коммисіи въ прошломъ засѣданіи, въ Россіи вопросъ объ условномъ досрочномъ освобожденіи не получилъ до настоящаго времени своего разрѣшенія. Онъ былъ поставленъ въ 1882 г., а затѣмъ далѣе не двинулся ни на шагъ. Если бы вы поинтересовались узнать соображенія, изъ которыхъ этотъ вопросъ приостановился, то вы встрѣтили бы тѣ же возраженія, которыя раздавались и въ сегодняшнемъ засѣданіи, а именно отсутствіе общества патронажа, неподготовленность нашего тюремнаго персонала, отсутствіе у насъ полицейскаго надзора, правильно поставленнаго, и наконецъ, опасенія относительно ослабленія репрессіи. Въ настоящее время мы дожили до 1908 г. Позвольте, за весь этотъ большой промежутокъ времени съ 1882 по 1908 гг., поставить вопросъ, о томъ, наступило ли въ тюремномъ дѣлѣ какою либо улучшеніе при отсутствіи въ немъ системы условнаго досрочнаго освобожденія? Я думаю, что отвѣта вы отъ меня не потребуете, онъ дается самою жизнью. Улучшенія не послѣдовало, а послѣдовало одно ухудшеніе. Если такимъ образомъ условное досрочное освобожденіе подсказывается необходи-

мостью, если условное досрочное освобождение может помочь правильной постановке тюремного дела, то позвольте въ заключение сказать еще нѣсколько словъ въ защиту тѣхъ людей, которые именовались здѣсь тюремщиками. Что тюремная администрація пережила въ Россіи за послѣдніе годы, то беспильно передать вамъ мое слово. Цифры убійствъ и поврежденій, которыя причинены лицамъ, несшимъ за ничтожное вознагражденіе тяжелую обязанность тюремнаго надзора,—являются лучшимъ отвѣтомъ на сомнѣнія въ томъ, что въ средѣ тюремной администраціи не имѣется людей, которые бы самоотверженно отирали свои обязанности и умѣли бы сохранить чувство своего долга въ создающейся около нихъ неблагопріятной «атмосферѣ пропизвола». Мнѣ кажется, что тюремный надзоръ не заслуживаетъ подозрѣнія въ томъ, что если онъ будетъ докладывать въ совѣщаніи о предположеніи, касающемся примѣненія условнаго досрочнаго освобожденія, то онъ непремѣнно будетъ отражать соображенія корыстнаго свойства, а именно, какъ выразился одинъ изъ говорившихъ сегодня,—кто больше дастъ, тотъ и будетъ выпущенъ. Конечно, семья не безъ урода, и въ средѣ тюремнаго надзора могутъ оказаться лица, которыя не будутъ стоять на высотѣ своего служебнаго долга, но, вѣдь, собственно въ этихъ то видахъ и предположено въ проектѣ не сосредоточивать рѣшенія вопроса объ условномъ досрочномъ освобожденіи въ вѣдѣніи тюремной администраціи. Для этого устраивается коллегія. Однако противниковъ условнаго досрочнаго освобожденія ничѣмъ убѣдить нельзя: коллегія, по ихъ утвержденію, будетъ дѣйствовать по внушенію тюремнаго начальства. Никто въ коллегіи арестанта не знаетъ и поэтому все, что будетъ передано о немъ представителемъ тюремной администраціи, то и будетъ осуществлено. Несмотря на то, что проектъ затѣмъ указываетъ на судъ, какъ на рѣшающую инстанцію, и это обстоятельство точно также не убѣждаетъ противниковъ условнаго досрочнаго освобожденія. Но если это все такъ, и если на минуту стать на точку зрѣнія члена Государственной Думы, который такъ мрачно смотритъ на тюремную администрацію, то я бы спросилъ: развѣ лучше оставить теперешнее положеніе, при которомъ арестанты въ исправительныхъ арестантскихъ отдѣленіяхъ могутъ получить безусловное досрочное освобожденіе, т. е. такое, которое ни при какихъ условіяхъ не можетъ быть взято обратно, только по усмотрѣнію тюремной администраціи? Тамъ нѣтъ судебныхъ коллегій, которыя бы рѣшали вопросъ о безусловномъ досрочномъ освобожденіи. Между тѣмъ, законопроектъ, который я защищаю, для исправительныхъ арестантскихъ отдѣленій, имѣетъ въ виду замѣнить безусловное досрочное освобожденіе условнымъ досрочнымъ освобожденіемъ, и при томъ не иначе какъ по постановленію суда, а не тюремнаго начальства. Въ виду этого, я желалъ бы знать, неужели законопроектъ въ этой части не вводитъ улучшенія въ теперешнее положеніе? Позволяю себѣ далѣе спросить о томъ, гдѣ же указанія на злоупотребленія со стороны тюремной администраціи при безусловномъ досрочномъ освобожденіи лицъ, отбывающихъ наказаніе въ исправительныхъ арестантскихъ отдѣленіяхъ? Насколько мнѣ приходилось встрѣчаться со всякаго рода указаніями на злоупотребленія по тюремной части, я еще никогда не встрѣчалъ указаній на то, чтобы тюремная администрація злоупотребляла своимъ правомъ безусловнаго досрочнаго освобожденія. Почему же считать обоснованными опасенія, что если тюремное начальство будетъ докладывать, а не рѣшать, обратитъ на это вниманіе, въ совѣщаніи о примѣненіи условнаго досрочнаго освобожденія, то здѣсь то и

раскроется обширное поле для злоупотреблений. Законопроект по отношенію къ исправительнымъ арестантскимъ отдѣленіямъ несомнѣнно упорядочиваетъ постановку досрочнаго освобожденія. Но затѣмъ законопроектъ на этомъ не останавливается. Онъ идетъ дальше и по отношенію къ другому наказанію, родственному исправительнымъ арестантскимъ отдѣленіямъ, а именно по отношенію къ тюремному заключенію распространяетъ условное досрочное освобожденіе. Господа, я кончилъ съ тѣми соображеніями, которыя желалъ противопоставить опасеніямъ, здѣсь высказавшимся, относительно ослабленія репрессіи и относительно того, что условное досрочное освобожденіе не можетъ получить осуществленія, такъ какъ тюремное начальство будетъ фактически рѣшать эти вопросы.

Какъ вы опредѣлите судьбу моего законопроекта, это дѣло ваше, но я просилъ бы только объ одномъ, чтобы вы, рѣшая этотъ вопросъ, вспомнили о томъ положеніи, въ которомъ находятся въ настоящее время русскія тюрьмы. Здѣсь говорилось о томъ, что существуютъ нужды гораздо болѣе существенныя и что та общественная самодѣятельность, о которой я упоминалъ въ прошлый разъ, должна быть обращена прежде всего на нужды болѣе насущныя. Я не спорю, что нужды у насъ накопились необычайное множество, такое множество, что, знакомясь съ ними, приходишь иногда въ совершенное отчаяніе. Отказываться однако отъ помощи, очевидно, не слѣдуетъ и по отношенію къ тюремному дѣлу. Утверждать, что оно относится къ потребностямъ послѣдней категоріи, едва ли возможно и едва ли правильно. Тюремное дѣло и вообще вся карательная система есть та неизбежная дань, которую платитъ каждое государство въ своей современной жизни. Безъ наказаній, безъ карательныхъ учрежденій ни одно государство не обходится. Поэтому государству необходимо расходовать известное количество средствъ на содержаніе карательныхъ учрежденій. Но создавая эти учрежденія, оплачивая ихъ, каждое государство обязано заботиться объ одномъ, чтобы вся постановка карательнаго дѣла была, по возможности, наиболѣе цѣлесообразна, чтобы она была не только репрессивной по названію, но чтобы она была таковою въ дѣйствительности. Репрессивной въ дѣйствительности будетъ та система, которая правильно и умѣло отдѣляетъ изъ среды арестантовъ тѣхъ, которыхъ нельзя исправить, отъ тѣхъ, которые исправленію уже поддались. Если же всѣ будутъ смѣшаны въ одну массу и ко всѣмъ будетъ примѣняться одна мѣра строгости, во имя непослабленія репрессіи, то я скажу: никогда государство съ правильной постановкой карательныхъ учрежденій не совладаетъ. Не забывайте поэтому о томъ, что тюремное дѣло у насъ, въ Россіи, находится въ весьма печальномъ положеніи и что законопроектъ, который я имѣю честь защищать, имѣетъ своей цѣлью попытаться въ это дѣло ввести, въ видѣ перваго шага, мѣропріятіе, дающее этому тюремному дѣлу болѣе правильную постановку.

Гр. Бобринскій (Кіевская губ.). Господа члены Государственной Думы! Мои сочлены по фракціи уже имѣли случай высказать тѣ мотивы, на основаніи которыхъ мы счи-

таемъ долгомъ голосовать противъ законопроекта о досрочномъ освобожденіи. Мы основываемся на мотивахъ чисто практическихъ. Теоретическое значеніе вопроса мы признаемъ и теоретическую пользу закона мы не оспариваемъ. Поэтому, собственно, напрасны были здѣсь указанія на итальянское ученіе, хотя имени Ломброзо никто не упоминалъ и поиски къ опредѣленію преступленія, съ точки зрѣнія юридической или

**4 МАРТА 1908 г.,
засѣданіе 34.**

психологической, напрасны потому, что, повторяю, противъ теоріи и теоретической пользы закона объ исправленіи путемъ досрочнаго освобожденія мы не возражали. Мы стоимъ на чисто практической сторонѣ вопроса и говоримъ, что въ Россіи законъ этотъ не примѣнимъ и не въ Россіи вообще, а въ той Россіи, которую мы имѣемъ въ настоящее время передъ глазами. Членъ Государственной Думы Люцъ указывалъ намъ на Бельгію. Вообще у насъ принято ссылаться на иностранныя законодательства. Это особенно практиковалось прежде, въ прежнемъ Государственномъ Совѣтѣ, гдѣ по каждому законопроекту можно было встрѣтить обширные томы переводовъ законопроектовъ какого-нибудь Виртемберга или Голландіи. Въ настоящее время говорятъ о Бельгіи, но, милостивые государи, надо учесть разницу въ политическомъ состояніи странъ. Для Бельгіи, при ея развитомъ политическомъ и пенитенціарномъ положеніи, законъ о досрочномъ освобожденіи являлся вѣнцомъ зданія, поставленнаго на самыхъ твердыхъ устояхъ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ такомъ положеніи законъ долженъ былъ принести ту пользу, которую отъ него ожидали. Въ Бельгіи, гдѣ досрочное освобожденіе невозможно иначе какъ по закону, другое дѣло, чѣмъ у насъ, гдѣ досрочно освобождаются тѣ, которые этого желаютъ, и гдѣ каждый изъ насъ, милостивые государи, могъ бы указать на цѣлый списокъ именъ извѣстныхъ арестантовъ, которые въ настоящее время пребываютъ въ Швейцаріи, въ Парижѣ, въ Берлинѣ, разжигая костеръ революціи. У насъ положеніе иное, и правъ былъ членъ Государственной Думы Никитюкъ, который указалъ, что населеніе ждетъ отъ насъ не освобожденія преступниковъ, не облегченія ихъ наказанія, а, наоборотъ, ожидаетъ отъ насъ, чтобы были приняты мѣры къ тому, чтобы то наказаніе, которое налагается судомъ, было бы напротивъ эффективнѣе. Мы не довѣряемъ тюремному начальству, и если г. Министръ Юстиціи указалъ намъ на цѣлый рядъ лицъ, служащихъ въ тюремной администраціи, которые наравнѣ съ другими русскими людьми пострадали за правое дѣло и сумѣли положить свою голову за честь Россіи, то мы преклоняемся предъ такими благородными личностями, какъ предъ всякими людьми такого пошиба. Но это лишь отгѣняетъ общую картину, а общая картина тюремнаго дѣла, которую нарисовалъ Министръ Юстиціи, непривлекательна и не можетъ внушить намъ чувства увѣренности въ томъ, что дѣйствительно досрочному освобожденію подвергнутся лишь тѣ арестанты, которые своимъ поведеніемъ того заслуживаютъ. Затѣмъ далѣе—патронаты. До меня указывали, и я не буду на этомъ останавливаться, что все это пока фиктивно, и что патронатовъ у насъ почти нѣтъ. Дѣлать же опыты, какъ предлагаетъ членъ Государственной Думы Люцъ, на подобіе Бельгіи, и распускать по Россіи досрочныхъ преступниковъ въ надеждѣ на то, что это возбудитъ порожденіе патронатовъ, такіе опыты мы признаемъ въ настоящее время опасными. Итакъ, съ практической точки зрѣнія мы указываемъ на то, что въ настоящее время введеніе предлагаемой мѣры является преждевременнымъ. Но и на теоретической сторонѣ кажется и само Министерство уже болѣе не такъ настаиваетъ. По крайней мѣрѣ въ послѣдней своей рѣчи г. Министръ Юстиціи уже съ теоретической защиты закона переходитъ на почву, которую ему угодно было назвать практической. Съ нашей точки зрѣнія пожалуй и черезчуръ практической. Освободить арестантовъ оттого только, что наши тюрьмы переполнены, и въ виду этого распустить ихъ по всей Россіи, это мѣра, передъ которой пошевелъ остановишься.

Да и логически посылка не соответствует заключенію; отъ того факта, что тюрьмы переполнены, еще вовсе не слѣдуетъ необходимость непременно освободить арестантовъ. Съ такимъ же успѣхомъ можно предложить рядъ другихъ мѣръ, какъ, на примѣръ, не наказывать вовсе за извѣстные преступныя дѣянія или замѣнить тюремное заключеніе другими наказаніями, какъ это и нынѣ указывается въ законѣ, если уже не примѣнять самаго простаго способа и несложнаго аргумента: если у васъ нѣтъ тюремъ—стройте ихъ. На это мнѣ скажутъ, что нужны деньги, нужны извѣстныя ассигнованія. Несомнѣнно такъ, но Государственная Дума, которая бережно относится къ вопросамъ бюджета, когда дѣло идетъ о роскоши, едва ли откажетъ въ кредитѣ, необходимость котораго была бы ей доказана. Во всякомъ случаѣ нельзя заранѣе предрѣшить, что внесенный Министерствомъ законопроектъ объ увеличеніи тюремъ встрѣченъ былъ бы отпоромъ, если на это потребуется денежное ассигнованіе. Нѣтъ, Государственная Дума отнеслась бы къ этому со вниманіемъ и вѣроятно ассигновала бы необходимыя деньги. Навожденіе этими неотбывшими срокъ наказанія преступниками и отдача ихъ на попеченіе несуществующихъ патронатовъ—это, нѣсколько напоминало бы того администратора заразной больницы, который при переполненіи больницы рѣшился бы не вполне выльчившихся еще больныхъ распустилъ по всей Россіи подъ наблюденіе уѣздныхъ врачей—мѣра очень опасная какъ для самихъ больныхъ, такъ и съ точки зрѣнія заразы населенія. На основаніи изложенныхъ соображеній фракція правыхъ будетъ голосовать противъ этого законопроекта и вносить слѣдующее мотивированное объясненіе своего голосованія. Милостивые государи, это объясненіе займетъ у васъ нѣсколько минутъ. Но вопросъ такой серьезный, что къ мнѣнію отдѣльныхъ группъ Государственной Думы кажется слѣдуетъ относиться со вниманіемъ.

«Не возражая противъ основной мысли законопроекта о досрочномъ освобожденіи и признавая теоретически правильными общіе принципы, положенные въ основаніе этого закона, фракція правыхъ, тѣмъ не менѣе, считаетъ своимъ долгомъ голосовать противъ законопроекта по нижеслѣдующимъ практическимъ соображеніямъ.

1) Убіиства, экспропріаціи и тяжкія политическія преступленія всякаго рода въ Россіи не прекращаются, приводя мирное населеніе страны въ ужасъ и отчаяніе. При такихъ условіяхъ смягченіе наказаній, въ какой бы формѣ оно ни выразилось, въ настоящее время недопустимо.

2) Политическіе арестанты обыкновенно не признаютъ тюремной дисциплины, не подчиняются законнымъ требованіямъ тюремнаго начальства и своимъ поведеніемъ не даютъ повода къ досрочному ихъ освобожденію. Между тѣмъ тюремная стража и чины тюремной администраціи, до высшихъ включительно, являются постояннымъ объектомъ политическаго террора, благодаря чему досрочное освобожденіе политическаго арестанта ставится въ зависимость отъ соображеній, ничего общаго съ цѣлью законопроекта не имѣющихъ. При такихъ условіяхъ досрочное освобожденіе политическихъ арестантовъ будетъ понято наседеніемъ, какъ новая уступка революціонерамъ, а Россіи изъ горькаго опыта достаточно извѣстно, до чего довели подобныя уступки. Установить же для политическихъ арестантовъ исключеніе въ смыслѣ нераспространенія на нихъ досрочнаго освобожденія невозможно, за невозможностью провести въ законѣ строгое различіе между преступленіями политическими и общественными.

3) Досрочное освобождение может иметь благотворное значение лишь в том случае, если, как это признает и сам законопроект, освобожденный в течение оставшагося неотбытым срока лишения свободы будет находиться под таким надзором, который давал бы возможность установить дурное поведение освобожденного, согласно указанию ст. 18 законопроекта: пьянство, тунеядство, постоянное обращение с порочными людьми. Но несовершенная организация нашей полиции, в связи с ничтожным развитием патронатов и попечительных отрядов обществ, делают надзор за освобожденными в том виде, как он проектирован законопроектом, мѣрою чисто бумажною, канцелярскою, не достигающей цѣли и равносильной почти полному отсутствию какого-либо надзора. Къ тому же законопроект о досрочномъ освобожденіи возлагаетъ массу новыхъ, отнимающихъ много времени, обязанностей на чиновъ судебного вѣдомства, а это повлечетъ весьма быстро «требованіе объ усиленіи штатовъ, что ляжетъ безъ достаточныхъ къ тому основаній новой тяжестью на нашъ обремененный бюджетъ». Въ виду всего вышеизложеннаго фракція правыхъ будетъ голосовать противъ законопроекта о досрочномъ освобожденіи.

Ляхницкій (Ставропольская губ.). Отъ имени трудовой группы я долженъ заявить, что она будетъ баллотировать за принятіе этого законопроекта, хотя и считаетъ, что та польза, какую могла бы принести эта мѣра, не можетъ осуществиться въ условіяхъ нынѣшняго неизмѣненнаго тюремнаго режима, при условіяхъ дѣятельности теперешней тюремной администраціи, въ то время, когда не развитъ институтъ патронатовъ и когда не осуществлены еще многія предварительныя условія, которыя необходимо должны были бы быть для того, чтобы этотъ законопроектъ принесъ надлежащую пользу. Болѣе того, мы полагаемъ, что этотъ законопроектъ откроетъ новое поприще для злоупотребленій тюремной администраціи и создастъ деморализацію въ тюремномъ населеніи какъ въ отношеніи подкупа, такъ и въ отношеніи сыска и т. д. Однако мы считаемъ все же эту мѣру прогрессивною и надѣемся, что рано или поздно наступятъ тѣ условія, при которыхъ этотъ законъ будетъ нормально функционировать и исполнять свое жизненное назначеніе. Для того, чтобы при современныхъ условіяхъ тѣмъ не менѣе этотъ законъ приносилъ возможно большую пользу, мы считаемъ необходимымъ сдѣлать въ немъ нѣкоторыя измѣненія, паходя, что для органовъ, которые должны исполнять предначертанія этого закона, не установлено опредѣленныхъ требованій и не ограждены интересы тѣхъ лицъ, для которыхъ этотъ законъ главнымъ образомъ и создается. Я остановлюсь прежде всего на ст. 5: разъ возбужденъ вопросъ относительно досрочнаго освобожденія, то естественно, чтобы самое исполненіе этого освобожденія и его обсужденіе были поставлены въ рамки срока. Въ послѣдующихъ статьяхъ, ст. 10 и 12, есть точныя указанія на срѣзность разрѣшенія вопроса объ освобожденіи; тамъ говорится, что особое совѣщаніе не позже слѣдующаго дня представляетъ прокурору сдѣланное имъ постановленіе; затѣмъ окружной судъ разсматриваетъ дѣло въ ближайшемъ своемъ засѣданіи. Между тѣмъ нѣтъ совершенно указаній того, когда долженъ быть представленъ возбужденный вопросъ о досрочномъ освобожденіи для разрѣшенія въ подлежащее особое совѣщаніе. Поэтому къ ст. 5 нужно сдѣлать прибавленіе, что такое заявленіе представляется не позже, какъ въ предѣльный срокъ. Затѣмъ въ ст. 12 указано, что судъ при разсмотрѣніи

вопроса о досрочномъ освобожденіи можетъ вызывать для объясненія смотрителя мѣстной тюрьмы; между тѣмъ мы находимъ, что судъ не можетъ быть стѣсненъ въ разрѣшеніи вопроса, возможно ли въ приглашеніи тѣхъ лицъ, которыхъ онъ найдетъ нужнымъ. Поэтому нужно, чтобы въ этой статьѣ было указано на право суда приглашать и другихъ лицъ. Далѣе въ ст. 14 говорится, что досрочно освобожденные отдаются, ежели возможно, на попеченіе патронатовъ или мѣстныхъ комитетовъ, а если таковыхъ не будетъ, то земскимъ начальникамъ, мировымъ судьямъ или городскимъ судьямъ, которые въ свою очередь имѣютъ право устроить ближайшій надзоръ; для этого они выбираютъ по собственной инициативѣ подходящихъ лицъ. Мы находимъ, что лица, хотя бы и преступныя, условно освобождаемыя, тѣмъ не менѣе не должны находиться въ совершенномъ произволѣ отъ отдѣльнаго лица. А между тѣмъ досрочно освобождаемый отдается совершенно во власть другого лица, и оно можетъ сдѣлать съ нимъ что угодно. Мы находимъ, что ближайшій надзоръ—мѣра, самимъ закономъ признаваемая въ качествѣ крайней, должна быть поставлена въ болѣе нормальныя условія. Эти нормальныя условія были бы соблюдены въ томъ случаѣ, если бы лица, которымъ поручается ближайшій надзоръ, выбирались мировыми судьями и земскими начальниками, но съ согласія самого освобождаемаго изъ заключенія. Наконецъ, въ ст. 20 говорится, что судъ можетъ сдѣлать постановленіе о возвращеніи опять въ мѣсто заключенія лица, которое, будучи освобожденнымъ, не исполнило тѣхъ условій, на основаніи которыхъ оно было освобождено. Судъ этотъ дѣлаетъ постановленіе келейно, закрыто, безъ какихъ-либо дополнительныхъ свѣдѣній, которыя онъ могъ бы добыть, но судъ не долженъ будетъ дѣлать какихъ-либо постановленій безъ того, чтобы не было выслушано лицо освобожденное. Въ этомъ смыслѣ мы представимъ тѣ 5 поправки, на которыя я сейчасъ указывалъ.

Савельевъ (Нижегородская губ.). Проектъ, представленный Коммисіей, и положенія Министра Юстиціи основаны исключительно на утилитарной точкѣ зрѣнія. Проведена она чрезвычайно послѣдовательно и строго черезъ весь проектъ. Общее положеніе, которое въ этомъ отношеніи высказывается, формулируется такимъ образомъ: «предлагаемая мѣра исходитъ не столько изъ соображеній гуманности, или тѣмъ менѣе желанія ослабить репрессію, сколько изъ вполнѣ правильной мысли: удержать преступника отъ совершенія на свободѣ новыхъ преступленій дополнительной угрозой отбытія неотбытаго еще наказанія». Слово нѣтъ, утилитарная точка зрѣнія въ уголовномъ правѣ имѣетъ свое основаніе и приноситъ свою пользу въ огражденіи общества отъ преступныхъ дѣйствій лицъ преступнаго типа, отъ враговъ общества и государства. Совершенно вѣрно, но нельзя намъ забывать, именно намъ, въ Россіи преимущественно, и другую точку зрѣнія, точку зрѣнія гуманитарную. Великій творецъ судебныхъ уставовъ 1864 г., за котораго мы молились прошлый разъ, завѣщалъ намъ, что въ дѣлѣ судебномъ должна царствовать не только правда, но и милость, а между тѣмъ въ этомъ проектѣ мы не видимъ именно этой черты, онъ черезчуръ строгъ для преступниковъ, многія категоріи преступленій изъяты изъ его благотѣльного дѣйствія, срокъ, который назначенъ для отбыванія минимальный $\frac{3}{4}$ —слишкомъ великъ. Наконецъ, прошлый разъ мы слышали даже такія соображенія, которыя утилитарность доводятъ до *plus ultra*, когда уже, собственно говоря, цѣли наказанія низводятся къ цѣлямъ чисто административнаго

характера. На эту точку зрѣнія, господа, становиться невозможно въ такомъ великомъ дѣлѣ. Я не буду утомлять вашего вниманія, я не стану перечислять всѣхъ тѣхъ дефектовъ, которые съ моей точки зрѣнія имѣются въ этомъ проектѣ. Это завлекло бы далеко и было бы совершенно бесполезно, потому что на пересмотръ его въ корни я не рассчитываю. Поэтому я, указавши на это, позволю внести только одну маленькую поправку, руководясь русской старинной пословицей или поговоркой: «лучше взять синицу въ руку, чѣмъ гнаться за журавлемъ». Я предлагаю внести эту поправку въ ст. 6 проектированныхъ правилъ именно во вторую ея часть. Я предлагаю помѣстить слова: «при чемъ при равенствѣ голосовъ принимается мнѣніе въ пользу осужденнаго», вмѣсто словъ, которыя говорятъ: «при чемъ при равенствѣ голосовъ мнѣніе предсѣдателя даетъ перевѣсъ». Это, конечно, поправка маленькая, можетъ быть она въ общемъ и не скраситъ этого проекта, слишкомъ суроваго и черстватаго, но все же она по моему мнѣнію болѣе согласована съ великимъ принципомъ нашихъ судебныхъ уставовъ и не будетъ неумѣстна.

Тимошкинъ (русское населеніе Закавказья). Господа члены Государственной Думы, съ этой кафедры выражались привѣтствія разсматриваемому нами законопроекту. Не смотря на то, что фракція правыхъ отвергаетъ этотъ законопроектъ, тѣмъ не менѣе я тоже привѣтствую его идею. Мы всѣ, русскіе люди, очень хорошо сознаемъ тяжелое положеніе находящихся въ заключеніи арестованныхъ по тѣмъ или другимъ причинамъ. Мы очень сожалѣемъ и постоянно о нихъ заботимся, но вмѣстѣ съ тѣмъ не нужно намъ и забывать то положеніе, въ какомъ мы теперь находимся: нужно жалѣть, но нужно и говорить: «достойному нужно воздать достойное»,—это сказалъ г. Министръ Юстиціи. Разъ человѣкъ проштрафился, разъ онъ набѣдокурилъ, то пусть и отсиживаетъ свое время. Намъ здѣсь говорили, что во Франціи существуютъ общества патроната, которыя имѣютъ тѣсную связь съ арестованными, которыя входятъ въ тюрьмы и вообще изучаютъ жизнь арестантовъ, какъ они живутъ, какъ себя ведутъ; но, господа, не надо забывать, что это во Франціи, а не у насъ. Не помните ли вы тѣхъ случаевъ, когда такія общества патроната входили въ заводы и всевозможныя фабрики; вмѣсто того, чтобы усовѣщевать рабочихъ или мастеровъ работать, они говорили: «господа, забастуйте, не работайте, у насъ теперь такое время». Дальше намъ говорятъ: «тюрьмы наши переполнены». Одинъ изъ ораторовъ сказалъ намъ: въ Англіи тюремныхъ мѣстъ заключенія только 55, а у насъ въ Россіи 791, и то они положительно переполнены. Но, вѣдь, это Англія. Мнѣ кажется, Англія равняется всего на всего нашему Кавказу, и было бы очень удивительно, если бы въ Англіи было 791 мѣсто заключенія. Это уже было бы верхъ всякаго безобразія. Но, вѣдь, мы не Англія, мы Россія; наша Россія необъятной широты, и поэтому намъ имѣть 55 мѣстъ заключенія совершенно невозможно. Кромѣ того, можно ли согласиться съ тѣми доводами, которые здѣсь говорились, что можно пустить арестанта и онъ будетъ поправляться здѣсь; его возьмутъ на поруки и онъ будетъ подъ надзоромъ находиться. Господа, вы развѣ не знаете, какое у насъ положеніе теперь? У насъ можно за 3 р. на толкучкѣ, на базарѣ купить паспортъ. Выпустить арестанта Петрова, онъ купитъ паспортъ Иванова и будетъ жить подъ именемъ Иванова, и будетъ больше безобразій строить, а вы не будете знать, Петровъ это или Ивановъ. Какъ же вы можете различить, когда паспортъ тотъ же, что и у Иванова? Я думаю, что съ этой точки зрѣнія совершенно не оправдывается этотъ

законопроектъ. Членъ Государственной Думы Гегечкори очень крѣпко упиралъ на то, что говорятъ иностранные ученые объ этомъ дѣлѣ, и очень подчеркивалъ ихъ мнѣніе. Вы знаете, господа, что говорятъ иностранные ученые, а не знаете, что говоритъ русскій народъ. Русскій народъ говоритъ: «господа, возьмите отъ насъ конокрадовъ, не давайте намъ ихъ больше, пожалуйста, уберите ихъ хоть совсѣмъ отъ насъ»; а вы говорите, что тамъ говорятъ за границей. Русскій человѣкъ говоритъ «конокрадъ насъ разорилъ, поэтому мы не хотимъ его имѣть въ нашей средѣ, а вы его посадили, онъ просидѣлъ два года, выпустили на свободу раньше года, все равно, вѣдь украдетъ лишнихъ 20—30 лошадей въ селѣ; это не имѣетъ никакого значенія». Я никакъ не могу согласиться съ членомъ Государственной Думы Бабянскимъ, который говоритъ, что справа раздавались голоса, что мы не вѣримъ нашимъ судьямъ. Это совершенная неправда. Мы судьямъ вѣримъ, признаемъ судей ставленниками нашего Самодержавнаго Царя. Мы имъ не вѣримъ не можемъ, но мы говорили о тюремной администраціи, а вовсе не о мировыхъ судьяхъ; тутъ о мировыхъ судьяхъ совершенно нѣтъ разговора, а что касается тюремнаго печальства, то что тутъ распространяться; самъ г. Министръ Юстиціи заявилъ, что семья не безъ уroda. Оно совершенно вѣрно. Потомъ я никоимъ образомъ не могу согласиться съ доводами г. Министра Юстиціи. Когда г. Министръ Юстиціи вышелъ первый разъ защищать законопроектъ, когда онъ намъ говорилъ, что этимъ законопроектомъ преслѣдуются чисто идеальныя научныя точки зрѣнія, тогда, правда, мы были склонны признать: совершенно вѣрно, идеальная и научная точка зрѣнія говорятъ, что нужно принять этотъ законопроектъ, но, когда другой разъ сталъ говорить, въ защиту проекта, о томъ, что наши тюрьмы переполнены, что у насъ мѣста нѣтъ и мы не можемъ больше сажать, въ этомъ случаѣ я совершенно растерялся и сказалъ: какъ не можемъ больше сажать? Значитъ теперь каждый сколько хочетъ можетъ грабить и воровать, и больше сажать ихъ некуда? Господа, я позволю васъ спросить, если бы въ то время, когда у насъ продолжалась русско-японская война, или въ то время, когда Турція объявить намъ войну, къ намъ придетъ Военный Министръ и скажетъ: «Господа! Казармы переполнены солдатами, намъ нужно отпустить ихъ въ запасъ»; а между прочимъ война идетъ горячая, неужели вы тогда скажете: «нужно ихъ отпустить», а въ это время турки уже забрали Тифлисъ и Батумъ? Вотъ съ какой точки зрѣнія я не могу согласиться съ доводами г. Министра Юстиціи. Потомъ г. Министръ Юстиціи говоритъ, что этотъ законопроектъ не коснется конокрадовъ, и это вопросъ еще сомнительный, ибо они подлежатъ заключенію въ каторжныя тюрьмы. Я, прочитывая сводъ законовъ, наталкиваюсь въ уложеніи о наказаніяхъ на ст. 1654¹, ч. I, которая говоритъ: «виновный въ кражѣ лошади, когда будетъ признано, что онъ занимается конокрадствомъ въ видѣ промысла, подвергается лишенію всѣхъ особыхъ личныхъ и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ и отдаѣ въ исправительныя арестантскія отдѣленія по первой, второй, третьей или четвертой ступени ст. 31 (по прод.)», а ст. 31 говоритъ: «исправительныя арестантскія отдѣленія». Такъ вотъ, какъ же можно конокрадовъ подводить подъ этотъ законопроектъ? Мнѣ кажется, такіе доводы, господа члены Государственной Думы, и для васъ должны быть неосновательными, а, въ виду всего сказаннаго, я и думаю, что этотъ законопроектъ, какъ это было правильно заявлено со стороны правыхъ, подлежитъ совершенному отверженію, ибо во

время военных дѣйствій солдатъ въ запасъ не отпускаютъ, а когда Россія горитъ въ революціи, арестантовъ въ это время отпускать на свободу тоже не слѣдуетъ. Я ничуть не сторонникъ репрессій, но полагаю, что время такое, что вообще приходится съ этимъ мириться, и думаю, что напрасно г. Министръ Юстиціи говорилъ здѣсь, что съ 1882 г. и по настоящее время наше тюремное дѣло ничуть не улучшилось. Господа, позвольте у васъ спросить, почему оно не улучшилось, почему Министрство Юстиціи... Я думаю, что въ настоящее время, когда разгорѣлись у насъ національныя страсти, когда разгорѣлись у насъ партійныя взгляды, этотъ законопроектъ именно невозможно принять, и если примется этотъ законопроектъ, оно будетъ похоже на то, какъ къ простой крестьянской деревенской посконной рубашкѣ пришить брюссельскія кружева, больше ничего не выйдетъ изъ этого законопроекта.

От. Дмитріевъ (Екатеринославская губ.). Въ европейскомъ законодательствѣ, которое нельзя упрекнуть въ особой снисходительности къ преступнику, наряду съ системой карательныхъ мѣръ, уже давно проводится идея исправленія преступниковъ. Свое осуществленіе она находитъ въ установленіи государствомъ исправительныхъ заведеній и въ тѣхъ широкихъ общественныхъ учрежденіяхъ, какими самодѣятельность общества старается оградить себя отъ преступныхъ элементовъ. Идея исправленія преступниковъ не чужда и русскому законодательству, но ни русское государство, ни русское общество въ этомъ направленіи до сихъ поръ не сдѣлали ничего такого, чтобы этой идеѣ дало практическое значеніе. Исправительныхъ государственныхъ заведеній мы не имѣемъ. Что же касается нашей общественной самодѣятельности въ дѣлѣ исправленія преступниковъ, то таковая совершенно отсутствуетъ. Русское общество оградило себя отъ преступника стѣнами тюрьмы, оно безразлично относится къ его судьбѣ, успокаивая себя той мыслью, что у русскаго государства и русскаго правосудія найдется достаточно силъ и средствъ защитить его отъ преступныхъ элементовъ государства. Милостивые государи, кто наблюдалъ жизнь заключенныхъ, кто имѣлъ возможность входить въ близкое общеніе съ ними, въ ихъ повседневную жизнь, тотъ съ горечью долженъ будетъ признаться, что въ этомъ забытомъ нами мірѣ отверженныхъ часто человѣческая преступность топчетъ въ безысходномъ морѣ горя и напрасныхъ страданій. Я помню здѣсь сказанныя прекрасныя слова Министра Юстиціи: «преступнику должно быть воздано по заслугамъ его, и не только по заслугамъ его, но и въ соотвѣтствіи съ его личными особенностями». Если мы съ этой точки зрѣнія взглянемъ на жизнь нашихъ заключенныхъ, то мы увидимъ, что часто имъ воздается не только сверхъ всѣхъ заслугъ, но и сверхъ всякой мѣры. И профессиональный мошенникъ—воръ, и убійца, и конокрадъ, и тотъ случайный преступникъ, кого толкнула на этотъ путь бѣдность, пицета, а быть можетъ и наше равнодушіе къ судьбѣ обездоленныхъ, и деревенскій житель, крестьянинъ-хлѣборобъ, который совершилъ преступленіе въ состояніи опьяненія, ожесточенія и, можетъ быть, въ состояніи непониманія, невѣжества, — всѣ они въ современной намъ тюрьмѣ оцѣниваются одной цѣной, мѣрятся одной мѣркой. Тюремный режимъ не дѣлаетъ между ними различія. Пусть одинъ смотритъ на свое пребываніе въ тюрьмѣ какъ на даровую казенную квартиру, которою онъ готовъ воспользоваться и въ слѣдующій разъ; пусть другого не пугаетъ заключеніе въ тюрьмѣ, ибо его не испугаешь и каторгой, но наряду съ ними живутъ и тѣ, а ихъ часто преобладающее большинство, которые сдѣлались преступниками случайно, кто въ общемъ

складъ своего характера не заключаетъ ничего преступнаго, кто не только созналъ, но, быть можетъ, и горько оплакалъ свое преступленіе, кто съ перваго дня пребыванія въ тюрьмѣ понялъ весь ужасъ своего положенія; тюрьма не входитъ въ оцѣнку этой сложной психологіи души заключенныхъ; она всѣхъ сковываетъ однимъ режимомъ, одной цѣпью. Вотъ на этой почвѣ бездушнаго, холоднаго отношенія къ душевному состоянію заключенныхъ воспитывается чувство ненависти, ожесточенія и озлобленія заключенныхъ къ своимъ судьямъ. Здѣсь и люди съ крѣпкимъ характеромъ и волею опускаются, здѣсь гложетъ въ человѣкѣ все доброе, здѣсь воспитываются и культивируются преступныя склонности, и наша тюрьма, по общему признанію, выпускаетъ преступника худшимъ, чѣмъ она его приняла. Вотъ гдѣ причина страшно возрастающаго у насъ рецидива, вотъ гдѣ причина того, что тюрьмы наши переполнены, вотъ гдѣ причина того, что нашъ деревенскій людъ не видитъ для себя защиты отъ конокрадовъ и мошенниковъ и принимается падъ ими самъ чинить судъ и расправу. Таковы послѣдствія той исключительно карательной системы наказанія, какая существуетъ у насъ. Досрочное освобожденіе, учрежденіе, при широкомъ матеріальномъ участіи государства, патронатовъ, предоставленіе общественной самодѣятельности права и возможности проявлять свою инициативу въ дѣлѣ исправленія преступника—вотъ тѣ свѣтлыя начала, которыя Министръ Юстиціи вноситъ въ забытый нами міръ отверженныхъ заключенныхъ. Нужно ли говорить о значеніи указанныхъ мѣръ, когда ихъ практическая польза засвидѣтельствована опытомъ европейскихъ государствъ; нужно ли говорить, что русскому государству и русскому обществу предоставляется теперь благороднѣйшая задача возвратитъ къ здоровой, честной, трудовой жизни десятки тысячъ тѣхъ заключенныхъ, которые теперь нравственно погибаютъ, благодаря нашему равнодушію и нашей безпечности? Господа, имя доктора Гааза, отдавшаго себя на служеніе несчастнымъ заключеннымъ, съ глубокой благодарностью и благоговѣніемъ воспоминается и теперь, спустя десятки лѣтъ, послѣ его смерти; неужели же въ современномъ намъ русскомъ обществѣ не найдется этихъ великодушныхъ, благородныхъ душъ, которыя и свои средства, и свой трудъ, и свое милосердіе и любовь отдадутъ великому дѣлу спасенія погибающихъ братьевъ? Въ то время, какъ мы ведемъ здѣсь наши теоретическіе споры, вспомнимъ, господа, о десяткахъ тысячъ тѣхъ заключенныхъ, которые съ тоскою ждутъ облегченія своей тяжелой участи. Принятіе законопроекта будетъ реальнымъ дѣломъ добра и правды, однимъ изъ тѣхъ дѣлъ, какихъ съ нетерпѣніемъ отъ теперешней Думы ждетъ наша страна.

От. Рознатовскій (Кіевская губ.). Въ теченіе всѣхъ дебатовъ и преній въ Государственной Думѣ вопросъ, насъ интересующій, до сихъ поръ еще стоитъ на почвѣ юридической и бытовой. Я предлагаю Государственной Думѣ съ почвы бытовой и юридической передвинуться на почву этическую, и тогда этотъ законопроектъ получитъ особенное значеніе. Я глубоко убѣжденъ въ томъ, что этотъ законопроектъ покоится на двухъ невыблемыхъ и глубочайшихъ нравственныхъ основахъ. Первая основа этого законопроекта можетъ быть формулирована такъ: во всякомъ человѣкѣ какъ бы онъ глубоко ни палъ нравственно, въ изгибахъ его души всегда живетъ искра добра. Въдь эта основа нравственная всѣми нами признана. Въ книгѣ жизни—Евангеліи—постоянно настойчиво констатируется фактъ этой всеобщей нравственной основы. Эта книга жизни—Евангеліе—не только констатируетъ, но постоянно

апеллируетъ къ тому факту, что въ каждомъ изъ насъ, въ изгибахъ души, какъ бы она ни была испорчена, непременно живетъ искра добра. Эта истина, подтверждаемая Евангеліемъ, подтверждается и областью всей нашей криминальной жизни и всѣхъ наблюденій надъ ней. Не такъ давно мнѣ пришлось прочесть огромную книгу Дорошевича: «Сахалинъ». Несомнѣнно, эта книга имѣетъ характеръ фельетонный, она нѣсколько легковѣсна, но идейность этой книги несомнѣнна. Я читалъ ее съ захватывающимъ интересомъ. Идея книги та, что въ каждомъ самомъ развращенномъ преступникѣ непременно живетъ искра добра. Дорошевичъ въ этой книгѣ подбираетъ факты изъ русской жизни огромнаго, захватывающаго интереса. Я помню случайное прощаніе Дорошевича съ извѣстной воровкой «Сонькой—Золотой Ручкой». Вѣдь уже что кажется извращеніе этой женщины! она состарилась въ каторгѣ! Но когда она прощается съ Дорошевичемъ и проситъ передать поклонъ и благословеніе своей дочери въ Одессѣ, то слезы льются ручьями по щекамъ этой преступницы, и я съ облегченнымъ вздохомъ еще разъ сказалъ себѣ: «да, дѣйствительно въ каждомъ преступникѣ живетъ искра добра». Итакъ, рядомъ фактовъ и духомъ Евангелія мы въ этомъ несомнѣнно убѣждаемся. Если же такъ, если въ каждомъ преступникѣ живетъ искра добра, то долгъ каждаго изъ насъ въ отдѣльности и долгъ всего общества, а русскаго въ особенности, создать такія условія жизни, при которыхъ бы искра добра у преступника, разгораясь все больше и больше, довела его до истинной человѣчности. Опять скажу: Христосъ Спаситель постоянно заботился создать такія условія. Онъ обращался съ мытарями и грѣшниками, создавая имъ условія раскаянія. И когда блудный сынъ возвратился къ своему отцу, то предъ милосердіемъ его всѣ сроки остановились и восторжествовалъ принципъ безсрочности.

Законопроектъ, который внесенъ Министромъ Юстиціи, именно старается дать намъ возможность создать такія условія, при которыхъ искра добра въ преступникѣ разгорѣлась бы и довела бы его до истинной человѣчности. Этотъ законопроектъ въ высшей степени идейный. Онъ потому жизнененъ, что идейность его захватываетъ, она захватываетъ и логикой своей и психологіей. Логика и психологія этого законопроекта говорятъ прежде всего нашему обществу: «считайте человѣка лучшимъ, и онъ непременно сдѣлается лучшимъ». Этотъ законопроектъ, его логика и психологія говорятъ отдѣльному преступнику: «вотъ ты созналъ въ себѣ искру добра, вотъ ты вступилъ на путь исправленія, стой же на этомъ пути, а мы будемъ радоваться и поддержимъ тебя на этомъ пути, на пути твоего собственнаго исправленія». Если, господа, наша земля есть слабое отраженіе неба, а на небѣ радуются ангелы и одному грѣшнику кающемуся, то, я думаю, не найдется ни одного изъ насъ по всей Россіи, который не порадовался бы исправленію одного преступника. Вотъ идейная сторона этого законопроекта. Она меня подкупаетъ въ высшей степени, она чиста, жизненна, увлекающа. Но вотъ вопросъ оборачивается къ сторонѣ практической. Въ прошломъ собраніи одинъ изъ членовъ Думы, г. Марковъ 2, представилъ рядъ практическихъ сторонъ этого законопроекта. Эти доводы г. Маркова сильны, стремительны, въ высшей степени жизненны. Вся Дума, выслушавъ его, вздрогнула, прямо вздрогнула, и я замѣтилъ прямо стихійный поворотъ въ этомъ вопросѣ съ момента произнесенія рѣчи г. Маркова 2. Доводы его всѣмъ вамъ извѣстны: отсутствіе обществъ патронажа, отсутствіе хорошей полиціи, неорганизованность тюремнаго надзора и т. д. Да, господа, я отдаю дань справедливости таланту г. Маркова. Его рѣчь дѣйстви-

тельно талантлива, жизненна въ высшей степени, посыпана аттической солью, рѣчь великолѣпная. Но когда ее я слушалъ, я испытывалъ такое чувство, какъ будто прекрасное произведеніе искусства забрасывается камнями и разрушается. Я въ продолженіе всей его рѣчи испытывалъ именно это страданіе, какъ будто прекрасное созданіе художника забрасывается камнями стремительно и безпощадно. Между тѣмъ я убѣжденъ, что законопроектъ этотъ по своей идейной сторонѣ заслуживаетъ полного вниманія. Я вѣрю, что въ нѣдрахъ своихъ этотъ законопроектъ таитъ именно источникъ воспитательнаго своего значенія, разъ онъ будетъ облеченъ въ форму закона. Нашъ несравненный мыслитель Владиміръ Соловьевъ, котораго я, какъ философа, ставлю выше всѣхъ въ Россіи современной, ибо духъ его еще живъ, говоря въ книгѣ: объ оправданіи добра и о крѣпостномъ правѣ, ставитъ вопросъ: было ли подготовлено русское общество къ этому величайшему акту по всѣмъ условіямъ своей жизни? И отвѣчаетъ: нѣтъ, русское общество въ большей степени не было подготовлено къ этому акту по условіямъ своей наличной жизни, но когда Государь Александръ II возвелъ и облекъ этотъ актъ въ законъ, тогда жизненность его дополнила, создала условія для его поддержки и его жизни. Такимъ образомъ, соглашаясь со своей фракціей по этому законопроекту, я просилъ бы, въ силу его идейной жизненности, перенести его опять въ Коммисію, дать ему рядъ поправокъ и рядъ дополненій для вторичнаго обсужденія. Если, господа, въ темной комнатѣ, въ которой нѣтъ луча свѣта, отворяется вдругъ ставня, неужели кто нибудь изъ васъ скажетъ: не отворяйте, мы еще не готовы къ тому, чтобы свѣтъ наступилъ? Нѣтъ, пусть ставни открываются, пусть свѣтъ ударитъ въ эту темную область тюремную, освѣтитъ ее и поставитъ на путь исправленія нашего русскаго преступника.

От. Гепецкій (Бессарабская губ.). Господа, все то хорошее, что можно было сказать въ пользу цѣлесообразности и пріемлемости обсуждаемаго законопроекта объ условномъ досрочномъ освобожденіи, уже сказано съ достаточной убѣдительностью и полнотой,—сказано и г. Министромъ Юстиціи, и докладчикомъ по этому вопросу, и тѣми ораторами, которые отнеслись сочувственно къ идеѣ проекта новаго закона. И если я выступилъ сюда передъ вами занять на 1—2 минуты ваше вниманіе, то для того выступилъ, чтобы заявить отъ лица духовенства наше отношеніе къ предмету этого вопроса, заявить, что мы на сторонѣ этого законопроекта и будемъ голосовать съ тѣми, которые стоятъ за принятіе его. Мы, господа, признаемъ, что идея этого закона, проникнутая духомъ гуманности, вполне соответствуетъ и высокимъ началамъ евангельскаго ученія и истекающимъ отсюда началамъ правильнаго взгляда на наказаніе не какъ на актъ возмездія или кары за содѣянное преступленіе, а какъ на средство для исправленія человѣка, впадшаго въ грѣхъ, для возвращенія его, по возможности исправленнымъ, въ среду общества. Мы признаемъ, господа, что государство должно не только судить и карать, но должно оно и исправлять и воспитывать преступниковъ въ предѣлахъ возможности и силъ, и съ этою цѣлью оно должно поддерживать всякую инициативу общества, возникающую на мѣстахъ въ этомъ направленіи. И мы вѣримъ, что сознаніе возможности быть освобожденнымъ хотя бы только отъ извѣстной части наказанія несомнѣнно послужитъ для преступника громаднѣйшимъ моральнымъ побужденіемъ и стимуломъ къ исправленію жизни. Мы вѣримъ, что общество наше, въ распоряженіе котораго переходитъ столь высокое право воспитательнаго воздѣйствія на преступника, никогда не затемнитъ

и не извратить истиннаго смысла и значенія этого закона, оно никогда не злоупотребить своимъ правомъ. Но мы, господа, согласны съ тѣми ораторами, которые здѣсь утверждаютъ, что организація патронатовъ требовала бы особаго вниманія, дабы осуществленіе задачи воспитательнаго воздѣйствія на преступниковъ дѣйствительно было бы обезпечено обществу и чтобы это великое святое дѣло не выродилось въ спортъ досужихъ людей, а явилось бы осмысленнымъ, планомѣрнымъ и дѣйствительнымъ осуществленіемъ подвига человеколюбія и гуманности. Мы, далѣе, признавали бы возможнымъ передавать заботу объ условно-освобожденныхъ въ вѣдѣніе приходовъ, которые, вѣтъ всякаго сомнѣнія, могли бы лучше и цѣлесообразнѣе осуществить свою задачу, чѣмъ какія нибудь случайныя или должностныя лица. Во всякомъ случаѣ, мы горячо привѣтствуемъ этотъ первый шагъ нашего Правительства на пути къ дальнѣйшему усовершенствованію и развитію хорошей идеи, положенной въ основаніе этого, несомнѣнно, хорошаго закона. Мы вѣримъ, пройдетъ время—и всѣ эти страхи, сомнѣнія и опасенія, которые были высказаны нѣкоторыми ораторами, безусловно исчезнутъ. Пусть люди ближе станутъ другъ къ другу, пусть силы нашего общества подойдутъ къ тѣмъ, которые нуждаются въ моральной и нравственной поддержкѣ для ихъ же собственнаго исправленія, и тогда возродится любовь, которая и въ самомъ закоренѣломъ преступникѣ сумѣетъ воскресить человека. И вотъ мы, привѣтствуя этотъ первый шагъ Правительства на такомъ пути, говоримъ, что если мы примемъ этотъ законопроектъ, то несомнѣнно по отношенію къ тѣмъ, которые волей или неволей, намѣренно или ненамѣренно, впали въ грѣхъ преступленія, мы всѣ осуществимъ по отношенію къ нимъ великія слова Священнаго Писанія: «не любимъ мы словомъ, ниже языкомъ, но любимъ дѣломъ и истиной».

Данилюкъ (Волынская губ.). Господа члены Государственной Думы. Нашъ народъ избралъ и послалъ сюда позаботиться о бѣдномъ населеніи, которое желаетъ работать и трудиться и своимъ трудомъ добыть себѣ кусокъ пасущаго хлѣба. А теперь мы заботимся о тѣхъ преступникахъ, которые грабятъ и разоряютъ бѣдный народъ и вырываютъ этотъ кусокъ хлѣба силою у нихъ изъ рукъ. Увѣряю, господа, никогда изъ нужды воръ воровать не пойдетъ, а воръ воруетъ ради своей прихоти. Что же тогда получится, если мы этотъ законъ проведемъ? Каждый воръ, сидящій въ тюрьмѣ, ради того, чтобы ему ранѣе срока освободиться изъ тюрьмы и надѣлать пакостей мирнымъ христіанамъ своимъ грабежомъ, онъ всѣ старанія будетъ придавать себѣ, и всѣ силы употреблять, чтобы вести себя хорошо. Теперь же Министръ Юстиціи говоритъ, что въ тюрьмахъ наряду съ неисправимыми и закоренѣлыми преступниками есть люди тихіе, спокойные, сознавшіе тяжесть своего проступка и свою вину. Такъ значитъ законъ будетъ только существовать для этихъ людей. Господа, если человекъ тихъ и спокоенъ и сознателенъ въ своихъ чувствахъ, такъ почему же на него возлагать это пятно, сажать его въ тюрьму? Почему его пачкать, когда падъ нимъ мѣры можетъ принять общество? Общество можетъ дать ему порицаніе и если онъ настоящій человекъ, не испортившійся, онъ можетъ образумиться и стать настоящимъ человекомъ. А тутъ выходитъ на подобіе того, что будто бы взять человека, выпачкать его въ грязи, а потомъ выпвырнуть грязнымъ. Теперь далѣе тоже говорилъ Министръ Юстиціи, что не надо забывать, что тяжесть наказанія косвенно падаетъ на семейство этихъ преступниковъ. Господа, обратите вниманіе, сколько такихъ семействъ у насъ находятся въ Россіи, которыя страдаютъ отъ рукъ

воровъ и конокрадовъ, которые ихъ лишаютъ послѣдняго куска хлѣба. Напримѣръ, приходитъ воръ къ бѣдному крестьянину, забираетъ и уводитъ у него послѣднюю корову, бѣдныхъ несчастныхъ дѣтей оставляетъ безъ послѣдней пищи. Теперь вотъ не больно ли намъ смотрѣть на такіе рассказы, какъ рассказывалъ мой товарищъ, членъ Государственной Думы Никитюкъ? Во время Японской войны, когда его забрали на Дальній Востокъ, воръ приходитъ и забираетъ у него послѣднюю корову и не рассчитываетъ на то, что тотъ можетъ назадъ не вернуться, можетъ быть голову тамъ положить; несчастныя дѣти остаются сиротами на вѣкъ. Теперь помилуйте, господа, какъ нашъ хлѣбопашецъ можетъ жить на свѣтѣ, какъ онъ можетъ себя содержать? Бѣдный, онъ трудится, работаетъ, самъ себя и худобу мучаетъ. Придетъ почъ, онъ самъ покоя не имѣетъ и худобѣ покоя не дастъ. Запираетъ худобу на желѣзныя цѣпи и мучитъ ее бѣдную цѣлую ночь и самъ мучается, ходитъ слѣдомъ за ней, и какъ на веревкѣ ее водить. Развѣ это житье? Это—каторга, да и то говорятъ, что въ каторгѣ живутъ лучше, чѣмъ живетъ бѣдный крестьянинъ; сколько онъ страдаетъ отъ воровъ и конокрадовъ. Отчего это происходитъ? Это происходитъ отъ того, что у насъ слабый законъ; въ судахъ нѣтъ правды: невиновнаго караютъ, а виноватаго освобождаютъ. Поймаютъ вора, приведутъ его въ судъ, его подруга или товарищъ приходятъ и берутъ его на поруки; поручаются за него; его освобождаютъ на время, онъ за это время старается тому, кто его поймалъ, отомстить и приобрести матеріалы для своего оправданія. Поэтому я повторяю, что чѣмъ строже будетъ дисциплина, тѣмъ лучше будетъ порядокъ. Если дисциплина будетъ плоха и законъ слабъ, то порядка никогда не будетъ, и наше крестьянство погибнетъ отъ воровъ.

Парчевскій (Калишская губ.). Пренія, вмѣсто того, чтобы разъяснить, скорѣе осложнили вопросъ самъ по себѣ чрезвычайно простой и несложный. Въ постоянномъ законопроектѣ предлагается общеизвѣстная полезная и гуманная мѣра карательной системы, которая проведена въ современной европейской наукѣ въ принципѣ. Затѣмъ, она принята во всѣхъ европейскихъ законодательствахъ и, наконецъ, полезность оной проверена и оправдана опытомъ жизни и статистическими данными. Я полагаю, что на осложненіе этого вопроса въ Государственной Думѣ повліяла, можетъ быть, и ссылка на такой мотивъ, которымъ не руководствовались законодатели въ другихъ странахъ, а именно, на мотивъ о необходимости освободить изъ мѣстъ заключенія уголовныхъ преступниковъ для того, чтобы открыть переполненныя тюрьмы для другихъ жильцовъ. Дальше, на осложненіе этого вопроса повліяло, можетъ быть, и внесеніе политическаго элемента. Этотъ политическій элементъ я вижу уже въ самомъ законопроектѣ, именно, въ томъ положеніи, которое постановляетъ по примѣнять условное досрочное освобожденіе къ тѣмъ, которые приговорены къ заключенію въ крѣпости. Законопроектъ по этому пункту, а даже и по другимъ, слишкомъ буквально придерживается ст. 23 пѣмцакаго уголовного уложенія. Это видно тоже, когда идетъ рѣчь объ опредѣленіи срока, послѣ истеченія котораго можетъ преступникъ пользоваться уже льготами условнаго досрочнаго освобожденія. Другія законодательства пошли шире, бельгійскій законъ 31 мая 1888 г. позволяетъ освобождать приговоренныхъ уже послѣ отбытія одной трети наказанія; французскій законъ 14 августа 1885 г., который вообще далъ толчекъ къ законодательной дѣятельности въ этомъ направленіи на материкѣ Европы, позволяетъ примѣнять

досрочное условное освобождение уже послѣ отбытія половиннаго срока. Но важнѣе разница въ томъ, между другими законодательствами, въ особенности французскимъ, и тѣмъ законопроектомъ, который нынѣ предлагается, что французскій законъ ставитъ общій принципъ и не дѣлаетъ исключеній для тѣхъ, которые приговорены къ такъ называемой *détention*, т. е. заключенію въ крѣпости, хотя по французскому уголовному уложенію заключеніе въ крѣпости примѣняется исключительно къ политическимъ преступникамъ. Въ Комисіи по судебнымъ реформамъ, при обсужденіи настоящаго законопроекта, возбуждался этотъ вопросъ; была сдѣлана поправка о распространеніи условнаго освобожденія на приговоренныхъ къ заключенію въ крѣпости, но она отвергнута и отвергнута потому именно, что по большей части заключеніе въ крѣпости примѣняется къ политическимъ. Но не слѣдуетъ забывать, что по дѣйствующему нынѣ уголовному уложенію заключеніе въ крѣпости примѣняется и въ другихъ случаяхъ. Обратите вниманіе на религіозныя преступленія, въ нѣкоторыхъ случаяхъ этого рода преступленіямъ угрожаетъ заключеніе въ крѣпости. Довольно обратить, напримѣръ, вниманіе на ст. 73 Угол. Улож., по которой въ извѣстныхъ случаяхъ виновные въ богохуленіи, если они произвели хулу съ цѣлью соблазна присутствующихъ, подвергаются именно заключенію въ крѣпости. Человѣкъ, который при тѣхъ условіяхъ совершаетъ хулу, показываетъ недостатокъ терпимости къ убѣжденіямъ другихъ, и этотъ недостатокъ терпимости безусловно является порочнымъ въ человѣкѣ. Слѣдовательно тутъ тоже элементъ исправленія имѣется на лицо. Затѣмъ обратите еще вниманіе, что заключеніе въ крѣпости примѣняется и по другого рода преступленіямъ, напримѣръ, по преступленіямъ должностныхъ лицъ по службѣ. Слѣдовательно, нѣтъ причины, чтобы не распространять дѣйствіе настоящаго закона и на тѣхъ, которые приговорены къ заключенію въ крѣпость. Если настоящій законопроектъ будетъ принятъ въ сегодняшнемъ засѣданіи Государственной Думы, то безусловно слѣдуетъ сдѣлать поправку, чтобы дѣйствіе его распространить тоже и на тѣхъ, которые приговорены къ заключенію въ крѣпость. Во время преній появилось сомнѣніе, насколько этотъ законопроектъ полезенъ будетъ въ жизни и какъ будетъ осуществляться дѣятельность новаго закона. Я сознаюсь, что мое настроеніе не совсѣмъ оптимистично, хотя я не раздѣляю тѣхъ соображеній, которыя нѣкоторыми ораторами по этому поводу были высказаны. Мой пессимизмъ тѣсно связанъ съ общимъ вопросомъ, почему многіе европейскіе институты, принесенные въ Россію при нынѣшнихъ условіяхъ административной системы, вырождаются, о чемъ, намъ, полякамъ, прежде другихъ извѣстно.

Крыловъ (Тульская губ.). Я принималъ участіе въ разсмотрѣніи законопроекта объ условномъ досрочномъ освобожденіи въ судебной Комисіи и былъ сторонникомъ этого законопроекта, потому и высказывалось за его принятіе. Законопроектъ объ условномъ досрочномъ освобожденіи заслуживаетъ особаго вниманія, такъ какъ въ его основу положенная идея—исправленіе преступниковъ очень симпатична и введеніе у насъ въ Россіи этого закона является и своевременно и весьма желательно. Говорившіе здѣсь какъ докладчикъ гр. Боннигсень, членъ Думы Люцъ и членъ Думы Аджемовъ уже въ достаточной степени выяснили хорошія стороны этого законопроекта, а потому я буду кратокъ. Безусловно, на обязанности Правительства лежитъ бороться съ преступностью, но въ то же время лежитъ и другая обязанность—это исправлять преступника. И вотъ эта то вторая обязанность и бу-

детъ исполняться проведеніемъ въ жизнь закона объ условномъ досрочномъ освобожденіи. Условное досрочное освобожденіе будетъ оказывать двойное вліяніе на преступниковъ, съ одной стороны, какъ здѣсь говорится въ докладѣ, она, какъ награда за хорошее поведеніе, будетъ побуждать преступника вести себя хорошо въ стѣнахъ тюрьмы, а съ другой стороны, какъ угроза, будетъ направлять его, чтобы онъ велъ себя хорошо по освобожденіи его изъ тюрьмы. Насколько я могъ понять, говорившіе здѣсь ораторы противъ этого законопроекта опасались, что онъ будетъ ослабленіемъ законности и поощреніемъ преступности. Я же думаю совсѣмъ иначе, такъ какъ преступленія, какъ они преслѣдовались, такъ и будутъ преслѣдоваться и за каждое преступленіе, какъ назначалось наказаніе, такъ оно и будетъ налагаться и причеиъ самая мѣра наказанія нисколько этимъ законопроектомъ не ослабляется, не понижается, но досрочное освобожденіе заключается лишь въ томъ, что если досрочно освобожденный въ теченіе извѣстнаго срока по освобожденіи совершитъ новое преступленіе, то онъ не только отбываетъ назначенное ему судомъ наказаніе за это новое преступленіе, но долженъ отбыть и то наказаніе, до истеченія срока котораго онъ былъ раньше освобожденъ. Если нѣкоторые говорили здѣсь, что не своевременно вводить у насъ въ Россіи настоящій законъ, что еще слишкомъ развита у насъ преступность, то я нахожу, что, исправляя преступника, мы этимъ самымъ уменьшаемъ преступность, а слѣдовательно законъ въ то же самое время является мѣрой борьбы съ преступностью, а бороться съ преступностью никогда не рано, и чѣмъ раньше, тѣмъ лучше. Говорятъ, что мы еще до этого не дожили, что намъ еще рано; но вѣдь когда освобождали крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, то говорили, что народъ нашъ еще не можетъ вести самостоятельную жизнь; когда вводили судебные уставы Александра II, говорили, что русскій народъ не дожилъ и не можетъ провести въ жизнь выборное начало; когда вводили учрежденіе Государственной Думы, говорили что это очень рано,—но, наоборотъ, вы дайте законъ, а русскій народъ сумѣетъ провести въ жизнь такой законъ. Затѣмъ не всѣ отбывающіе тюремное наказаніе неисправимы и закоренѣлые преступники. Нѣкоторые попадаютъ въ тюрьму въ силу неблагопріятно сложившихся для нихъ обстоятельствъ; нѣкоторые совершаютъ преступленія подъ вліяніемъ водки, а затѣмъ уже глубоко раскаиваются въ совершенномъ ими. И вотъ для такихъ то преступниковъ очень будетъ полезно примѣнять условное досрочное освобожденіе. Неисправимые же преступники никогда этимъ закономъ не воспользуются и условное досрочное освобожденіе имъ никогда не будетъ предоставлено. Одинъ изъ предшествующихъ ораторовъ, говорившихъ противъ этого законопроекта, сказалъ: «кто больше дастъ, того и освободятъ». Вотъ это то, по моему, къ настоящему законопроекту нисколько не относится и никакъ съ нимъ не вяжется и брошенный тюремному начальству упрекъ, по моему, совершенно имъ не заслуженъ. Мнѣ никогда не приходилось не только слышать, но и читать жалобы на тюремное начальство въ этомъ отношеніи, и тюремное начальство въ этомъ отношеніи совершенно безупречно; жаловались на суровое обращеніе, на слишкомъ строгую дисциплину, но на это никогда не жаловались. А если принять во вниманіе тяжелыя условія службы тюремнаго начальства, то оно заслуживаетъ не только порицанія, но даже одобренія. Если мы будемъ становиться на точку зрѣнія недовѣрія—вотъ подкупать тюремное начальство, священника, врача,—то мы никогда не сможемъ провести въ жизнь ни одного закона. Откинемъ же въ сторону всѣ

эти предрасудки и будемъ проводить въ жизнь назрѣвшіе и нужные законы. Далѣе, изъ рѣчей нѣкоторыхъ ораторовъ, говорившихъ противъ этого законопроекта, я вынесъ убѣжденіе, что они смотрятъ на него, какъ на частичную амнистію; ничего общаго по моему мнѣнію съ амнистіей въ этомъ законопроектѣ нѣтъ, такъ какъ амнистія есть дѣло Государя Императора и насъ не касается. Законъ же объ условномъ досрочномъ освобожденіи мы можемъ провести въ жизнь, и то, что положено въ основаніе этого закона, удерживаетъ преступника отъ совершенія на свободѣ новыхъ преступленій подъ угрозой отбытія наказанія еще неотбытаго. Членъ Государственной Думы Максудовъ внесъ поправку въ этотъ законопроектъ объ учрежденіи при тюрьмахъ особыхъ наблюдателей; по моему поправка эта неприемлема, такъ какъ зачѣмъ намъ вводить еще казенныхъ контролеровъ надъ поведеніемъ арестантовъ, когда это наблюденіе достаточно предусматривается самимъ закономъ объ условномъ досрочномъ освобожденіи въ ст. 4? Мнѣніе социаль-демократической фракціи по данному вопросу, по моему, не выдерживаетъ никакой критики, такъ какъ сказанная ихъ представителемъ, членомъ Думы Гегечкори, рѣчь повторяется ими чуть ли не по каждому вопросу, какъ выученный урокъ. Гг. народные представители, мы собраны здѣсь со всѣхъ концовъ земли русской, и каждый отъ нашей работы ожидаетъ улучшенія своего положенія; такого же улучшенія ожидаютъ и отбывающіе наказаніе въ тюрьмахъ. Будемъ же справедливы и отдадимъ должную дань нашимъ меньшимъ братьямъ, дадимъ имъ дорогу для исправленія, а потому примемъ настоящій законопроектъ.

Кузнецовъ (Екатеринославская губ.). Господа, только что говорившій членъ Думы Крыловъ указалъ, что мнѣніе по данному вопросу социаль-демократической фракціи отнюдь не выдерживаетъ критики. Мнѣ думается, что это не вполне вѣрное опредѣленіе мнѣнія по данному вопросу, мнѣ думается, что та мысль, которая проводилась депутатомъ Гегечкори, моимъ товарищемъ по фракціи, какъ разъ именно закрѣплена вторымъ выступленіемъ Министра Юстиціи. Видѣ онъ указалъ, что тѣ гуманныя человѣческія чувства, которыми якобы руководствовались Коммисіи Министерства, сами собой отпадаютъ. Слѣдовательно ясно, что здѣсь руководствовались чисто практическимъ соображеніемъ. Въ чемъ же оно заключается? А въ томъ, чтобы придти на помощь главному тюремному управленію, съ одной стороны, при чемъ гуманность эта была отброшена въ сторону, а съ другой стороны, указывалось, что 150.000 заключенныхъ въ тюрьмахъ—это значитъ, что переполнены тюрьмы, нужно освободить ихъ отъ одной части лицъ, а другую часть посадить. О комъ же рѣчь идетъ? А рѣчь идетъ, очевидно, о политическихъ, которыхъ нужно посадить, а такъ называемыхъ воришекъ освободить, это несомнѣнно. Такъ что та мысль, которая социаль-демократическимъ депутатомъ была развита, несомнѣнно вполне справедлива. Но мнѣ думается, что и не нужно было бы дѣйствительно прикрываться маской гуманности и человѣчности, тогда не пришлось бы представителю Министерства выслушивать со стороны правыхъ возраженія. Напрасно депутатъ Марковъ опасается того, что досрочное освобожденіе можетъ освободить политическихъ. Мнѣ думается, что это не такъ, что тѣ иллюминаторы, о которыхъ онъ такъ хорошо говорилъ, они не только досрочно освобождаются, а очень срочно вѣшаются. Это фактъ. Съ другой стороны, не депутату Маркову было бы говорить противъ этого законопроекта,—если допустить, что и случится, что Государственная Дума приметъ настоящій

законопроектъ, то будетъ видно, что прежде всего, несомнѣнно, этотъ законопроектъ распространится на такъ пазываемыхъ преступниковъ черносотенно-погромнаго характера. Съ другой стороны я долженъ указать, что не нужно опасаться, такъ какъ и при теперешнемъ положеніи эти категоріи лицъ паходятся въ очень отличномъ положеніи, такъ какъ они не только досрочно освобождаются, но и безсрочно не привлекаются. Итакъ, я значить говорю, что дѣйствительно та мысль, которая была развита представителемъ социаль-демократической фракціи, вполне вѣрна, что проектъ нисколько не имѣлъ и не имѣетъ гуманнаго чувства, а просто практическія, такъ сказать, соображенія,—одну часть значить выселить, другую посадить. Поэтому на основаніи этой правильной мысли, подкрѣпленной Министромъ Юстиціи, всетаки социаль-демократическая фракція воздерживается отъ голосованія подобнаго законопроекта.

Пергаментъ (г. Одесса). Членъ Государственной Думы Парчевскій уже указалъ, что пренія, которыя имѣли мѣсто по настоящему законопроекту, мало способствовали выясненію того спорнаго вопроса, который подлежитъ вашему разрѣшенію. Дѣйствительно, странная вещь случилась съ аргументаціей какъ господъ противниковъ настоящаго законопроекта, такъ и его защитниковъ. Одинъ изъ тѣхъ противниковъ законопроекта, въ лицѣ котораго особенно ярко, повидимому, отразилось отрицательное къ нему отношеніе, депутатъ Марковъ, началъ съ опасенія того, что настоящій законопроектъ не внесетъ въ жизнь достаточнаго осуществленія началъ гуманности; онъ уподобилъ даже досрочно освобожденнаго бѣдной, загнанной, извожичьей клячѣ, надъ которой постоянно виситъ угроза поднятаго кнута. А окончилъ депутатъ Марковъ тѣмъ, что убоился, какъ бы отъ введенія этого законопроекта не уменьшились репрессіи. Г. Министръ Юстиціи въ первой рѣчи тоже началъ съ широкихъ завѣтовъ гуманности, съ необходимости индивидуализаціи преступника, съ его исправленія, а окончилъ увѣреніемъ, что репрессивная дѣятельность нисколько не ослабѣетъ. Г. Марковъ исходилъ изъ опасенія, какъ бы мы не развратили преступника. Въ самомъ дѣлѣ, онъ будетъ вѣчно находиться подъ страхомъ, что тѣ или другіе знакомые, пожалуй, на него донесутъ, что онъ ненадлежащимъ образомъ себя ведетъ, а окончилъ тѣмъ, что хотя тюрьмы и плохи, но этого самаго преступника слѣдуетъ держать подольше въ тюрьмѣ. Г. Министръ Юстиціи началъ съ необходимости того, что въ темное царство тюрьмы надо впустить лучъ свѣта, а на повѣрку вышло, что впустить то надо не лучъ свѣта, а ожидающихъ своей очереди преступниковъ. И единственное различіе между господами противниками законопроекта и господами защитниками заключается въ томъ, что первые боятся, какъ бы нѣкоторыхъ не выпустили, а вторые опасаются, какъ бы не всѣхъ выпустили. Противники законопроекта въ своей осторожной подозрительности, или, быть можетъ, въ подозрительной осторожности изслѣдуютъ и самый источникъ этого законопроекта: а не сродни ли онъ,—чего Боже упаси—освободительному движенію, а не связанъ ли онъ съ крамольными стремленіями первыхъ двухъ Государственныхъ Думъ по части амнистіи; а защитники законопроекта приходятъ въ очень большое смущеніе отъ одной мысли, что можно идею законопроекта поставить въ связь съ освободительными стремленіями. Такимъ образомъ и разногласіе между защитниками и противниками въ сущности покоится, повидимому, на одномъ только недоразумѣніи. Произошло это на мой взглядъ вотъ почему. Хотя противники законопроекта и ни слова о политикѣ

не говорили, но тѣмъ не менѣе политикой занимались, а Министръ Юстиціи, хотя и предупреждалъ, что отнюдь не слѣдуетъ подходить къ закону съ политической мѣркой, но тѣмъ не менѣе политикой только и занимался. И такъ какъ въ конечномъ итогѣ политическія стремленія совпали, то совпали въ основныхъ чертахъ и всѣ соображенія, которыя только распредѣлились, то какъ возраженія, то какъ защита. Я хотѣлъ бы къ этому вопросу подойти безъ всякой политики. Юридическая сторона этого законопроекта въ достаточной степени проста, чтобы о ней стоило много говорить. Она не только проста, но и ясна: законопроектъ этотъ, какъ опредѣленный институтъ, имѣетъ за собой значительную теоретическую основу и значительный опытъ. Этотъ опытъ Западной Европы доказалъ полную его пригодность и безусловную его полезность. Онъ доказалъ не только то обстоятельство, что уменьшается въ значительной степени преступность, но онъ установилъ и огромное социальное его значеніе. Если вы хотите перевести количество тѣхъ часовъ, которые проводятъ напрасно заключенные подъ стражей, на количество труда, то для васъ станетъ ясна огромная социальная значительность этого института. Но намъ на это возражаютъ: «мало ли что наука, мало ли что за границей, а вотъ у насъ страна, именуемая Россіей, а въ этой странѣ не должны, повидимому, дѣйствовать ни общіе выводы науки, ни безусловно повѣренныя итоги практики». Это, повидимому, все исходитъ изъ убѣжденія, что то, что нѣмцу здорово, — русскому смерть. Но это не совсѣмъ такъ. Это общее мѣсто. Мнѣ кажется, что поскольку мы будемъ вращаться въ этихъ общихъ мѣстахъ и будемъ отвергать все то, что имѣетъ хорошій опытъ и хорошую за собой заслугу на Западѣ, только потому, что это пришло съ Запада, то такіе доводы будутъ недостаточно убѣдительны. А вотъ всякій разъ, какъ пытались общія мѣста перевести на какую нибудь конкретную почву, вы непременно попадали въ кругъ логическихъ противорѣчій. Вы говорите: мы не можемъ ввести институтъ досрочнаго условнаго освобожденія, потому что у насъ тюремщики плохіе. Я на это скажу, что съ этой точки зрѣнія вообще ни одного хорошаго закона вводить нельзя, ибо исполнители закона у насъ всѣ очень плохи. Съ этой точки зрѣнія я вамъ скажу: зачѣмъ вамъ вводить хорошую программу въ учебныя заведенія, когда преподаватели изъ рукъ вонъ плохіе? Такъ мы вообще далеко не уйдемъ. Вы говорите намъ: не нуженъ институтъ досрочнаго условнаго освобожденія потому, что у насъ нѣтъ никакой общественной инициативы. Право, господа, вы мнѣ напоминаете того чадолубиваго родителя, который говорилъ своему сыну: «я тебя въ воду не пущу, пока плавать не научишься». Надо же для того, чтобы общественная инициатива проявилась, дать ей возможность проявляться! Надо, чтобы она проявилась безъ опасеній, что, какъ только она дастъ о себѣ знать, моментально явятся представители сыска и розыска. А здѣсь то и откроется область проявленія общественной инициативы, которая рѣшительно никакихъ крамольныхъ подозрѣній возбуждать не станетъ. Вы возбуждаете вѣковѣчный споръ о томъ, predetermined ли учрежденія людей, или же люди обуславливаютъ учрежденія. При такой постановкѣ, этотъ вопросъ не имѣетъ никакого логическаго смысла. Учрежденія опредѣляютъ людей, но и люди обуславливаютъ учрежденія. Это постоянное взаимодействіе, и вы никогда не вызовете общественной инициативы, никогда не создадите опредѣленный классъ исполнителей, если соответственные законы у васъ будутъ таковы, что инициатива эта и эта самостоятельность проявиться не въ со-

стояніи. Если мы вотируемъ за этотъ законопроектъ, то вовсе не потому, чтобы у насъ было особенно розовое представленіе о современной російской дѣйствительности, и не потому, чтобы мы думали, что тюрьмы въ Россіи ужъ такъ хороши, а общественная инициатива была ключемъ съ полной свободой. Нѣтъ, но мы вѣримъ въ здоровую, зиждительную и воспитательную силу хорошаго закона и правового начала и вѣримъ, что это здоровое пачало окажетъ свое оздоравливающее вліяніе, несмотря на своеобразные опыты примѣненія, которые будутъ дѣлаться надъ этимъ закономъ, и несмотря на то одностороннее политическое содержаніе, которое въ него будутъ вкладывать его исполнители. Мы вѣримъ, что пародъ вынесетъ все и эти своеобразные опыты примѣненія и широкую ясную грудью дорогу проложитъ себѣ!

Бѣлогуровъ (Курская губ.). Господа члены Государственной Думы! Законопроектъ объ условномъ досрочномъ освобожденіи въ принципѣ безусловно заслуживаетъ полнѣйшаго одобренія, но при этомъ нельзя упустить изъ виду, что вмѣстѣ съ шимъ слѣдуетъ ослабленіе наказанія, а поэтому необходимо обратить вниманіе на то, достаточно ли строги наши карательные законы и выполняютъ ли они возложенныя на нихъ задачи, первую главенствующую—защиту мирныхъ жителей отъ преступныхъ дѣяній, а затѣмъ уже и вторую—исправленіе преступника? Мнѣ кажется, что защитить мирныхъ жителей мудрымъ, подходящимъ ко времени закономъ возможно, но исправить преступника въ нашей тюрьмѣ нельзя, и законопроектъ этотъ въ роли исправленія преступника въ тюрьмѣ свою задачу исполнить очень слабо. Онъ, главнымъ образомъ, будетъ имѣть вліяніе на поведеніе преступниковъ въ тюрьмѣ, но жертвовать спокойствіемъ мирныхъ жителей, охраненіемъ ихъ безопасности, ради тюремнаго поведенія преступниковъ и мнимаго исправленія ихъ не слѣдуетъ. Я, главнымъ образомъ, имѣю въ виду заурядныхъ преступниковъ, т. е. тѣхъ, которые совершаютъ дѣяніе сознательно, съ обдуманымъ заранѣе намѣреніемъ, профессиональныхъ, пристрастившихся къ преступленію, и тѣхъ, которые родились съ зачатками зародыша къ преступленіямъ. А такія то лица, главнымъ образомъ, устрашаютъ населеніе и наполняютъ тюрьмы. И льготой досрочнаго освобожденія скорѣе другихъ воспользуются худшіе элементы, т. е. тѣ преступники, которые обладаютъ лучшей силой воли. Они, стремясь къ освобожденію, всегда смогутъ показать себя предъ тюремнымъ надзоромъ скромными, ласковыми и даже предупредительными, и, воспользовавшись льготой досрочнаго освобожденія, возвратятся къ мирнымъ жителямъ далеко не исправившимися и менѣе уstraшенными тюремнымъ наказаніемъ, но безусловно еще больше умудренными въ подлостяхъ тюремной средой. Другое дѣло относительно преступника случайнаго. Тотъ несчастный, наказанный, главнымъ образомъ, позоромъ (но не ценой), врядъ ли нуждается въ тюремныхъ заботахъ о своемъ исправленіи, и вотъ такому разряду преступниковъ, мнѣ кажется, слѣдуетъ подать руку сострадательной помощи, гораздо раньше, чѣмъ предполагается въ указанномъ законопроектѣ, даже съ половины наказанія и при томъ безъ всякихъ условій, и эта льгота, правда, немного уже другого характера, будетъ сильнѣе прочувствована. Но какъ отличить первыхъ отъ другихъ? А что карательные законы наши слабы, наглядно указываютъ не единичные, а многократные случаи самосуда; нужно только правильно смотрѣть на эти самосуды, чтобы сказать, что это дѣйствіе грубой, озвѣрѣвшей толпы, а не вопль уже много претерпѣвшихъ и изстрадавшихся душъ, только потому, что законъ не ограждаетъ ихъ отъ преступническихъ дѣяній. Возьмите, напримѣръ, конокрадство.

Это давнишнее систематическое часто даже наследственно преступное ремесло и вмѣстѣ съ тѣмъ до сего времени законъ не смогъ хотя бы сократить его. Кому изъ провинціаловъ не извѣстно, какой ужасъ на мѣстное населеніе наводятъ конокрады, кто не видѣлъ отчаянія бѣдной крестьянской семьи, попавшей подъ гнѣвъ или страсть конокрада? Нерѣдко бываютъ случаи уличать конокрада въ преступленіи, да рѣдко кто рѣшается на это, опять таки, вслѣдствіе слабости закона, сила кары котораго гораздо слабѣе дурной наклонности преступника, и потому, что уличенный скоро возвратится и отомститъ. Взгляните и на другой разрядъ преступниковъ, ради алчности и тунеядства которыхъ мирное семейство не увѣрено въ томъ, проснется ли оно спокойно, а еще лучше, увидитъ ли оно другъ друга, увидитъ ли дитя изъ колыбели ласкающую мать или жена мужа—кормильца семьи? Нѣтъ, господа, не слѣдуетъ бросаться въ объятія предлагаемаго законопроекта. Вѣдь нужно же согласиться, что онъ построенъ всетаки на шаткихъ громоздкостяхъ, на условностяхъ. Не обращено вниманія, что этотъ законопроектъ при примѣненіи принесетъ въ настоящее время мирнымъ жителямъ. Теперь же достаточная польза отъ осуществленія этой реформы признается при существованіи патронатовъ, а патронатовъ почти нѣтъ, и на образованіе ихъ нужны многіе годы. Затѣмъ, самое исправленіе преступниковъ лишь предполагаемое и во всякомъ случаѣ могущее быть осязательнымъ только послѣ многихъ десятковъ лѣтъ. Берутся примѣры, нѣтъ, вѣрнѣе, подбираются такіа законодательства западныхъ державъ, какія оратору скорѣе необходимы для силы рѣчи, но не для пользы дѣла. Послѣдовательность во всякомъ случаѣ отсутствуетъ. Напримѣръ, говорили о пользѣ примѣненія досрочнаго освобожденія за границей, но вмѣстѣ съ тѣмъ умалчивали о выдающейся тамъ строгости предшествовавшихъ тому законовъ, напримѣръ, англійскихъ. Въ Америкѣ за конокрадство примѣнялась смертная казнь и этой строгостью мирныхъ жителей не обидѣли, а конокрадовъ уgomонили. Я предлагаю къ исправленію уголовного законодательнаго строя приступить послѣдовательно и безпристрастно, создать его соотвѣтствующимъ времени и цѣлямъ, для чего первоначально въ интересахъ населенія усилить слабыя статьи закона, а затѣмъ въ интересахъ преступниковъ образовать патронаты и по образованіи ихъ примѣнить досрочное условное освобожденіе.

Шубинскій (предсѣдатель Коммисіи по судебнымъ реформамъ). Господа народные представители, когда я, въ качествѣ предсѣдателя Коммисіи по судебнымъ реформамъ, подписывалъ настоящій докладъ, то у меня и въ мысляхъ не было, что онъ возбудитъ такіа громадныя сомнѣнія, такіа громадныя объясненія, скажу болѣе, споры. Я думалъ, что это самый мирный изъ законопроектовъ, какой мы могли внести, покоящійся на основаніяхъ, неспособныхъ пробудить тѣхъ политическихъ страстей, которыя возбуждаются въ этой Думѣ по поводу разнообразнѣйшихъ вопросовъ, иногда кстати, а иногда совершенно не кстати. Я никакъ не воображалъ, что изъ этого законопроекта создадутъ какую то угрозу общественному благополучію, порядку, спокойствію, что его станутъ трактовать съ политической точки зрѣнія, чуть не какъ роспускъ преступниковъ, чуть не какъ наводненіе страны такими элементами, отъ которыхъ надо оградить ее громадными и высокими стѣнами. По правдѣ говоря, меня все это поразило,—больше скажу, взволновало, и я рѣшилъ со всей доступной мнѣ энергіей выступить на защиту этого законопроекта, проникнутаго самыми высокими и самыми свѣтлыми началами гуманизма и справедливости, какъ это я поста-

раюсь сейчас вамъ доказать. Разбить аргументацію правыхъ, которая выдвигалась здѣсь, которая стремилась наклейть на этотъ законопроектъ политическій этикетъ, необыкновенно легко и необыкновенно просто. Всѣ они начинали съ того: «идея сочувствую, идея хороша, но практическое осуществленіе встрѣчаетъ нѣкоторыя препятствія, и мы боимся, что эта идея не получить того широкаго роста, какой мы ожидаемъ и надѣемся получить». Да вѣдь и дерево не сразу вырастаетъ, какъ бы оно хорошо ни было. Нужно терпѣніе, нужно посадить какое то маленькое сѣмячко, изъ котораго покажется ростокъ, а потомъ, быть можетъ, раскинется широкими вѣтвями и дастъ ту ожидаемую благодать, которая предполагалась, когда насаждали это сѣмя. Я смотрю такъ, что данныя возраженія правыхъ носятъ характеръ очень неудачной попытки воткнуть красный флагъ на грузъ необыкновенно мирный, грузъ, состоящій изъ лѣкарствъ и перевязочныхъ средствъ для больной группы людей. Я думаю, что та резолюція, которая оглашалась г-р. Бобринскимъ 1-мъ, мотивированная, говорившая о бомбахъ, что она ничего общаго съ даннымъ законопроектомъ и съ тѣми высокими идеями, которыя лежатъ въ основѣ его, рѣшительно не имѣетъ, и лучшую аргументацію почерпая въ его собственныхъ доводахъ по этому поводу. Что же онъ намъ говорить? «Проектъ хорошъ, но мы боимся освобожденія преступниковъ, боимся облегченія репрессій». Прежде всего, съ этой трибуны справедливо указывалось, что вѣдь это законъ не объ амнистіи, которая говоритъ: такіе то разряды преступленій освобождаются и преступники ввергаются въ общественную жизнь на началахъ полноправныхъ гражданъ; это даже не законъ, который можно было бы приравнять къ Всемилоствѣйшему манифесту, который по поводу извѣстныхъ событій безразлично говоритъ: сократить сроки тюремнаго пребыванія на столько-то, каторги на столько-то и т. д. Это не что-то безразличное и безмотивное, во имя вѣшняго событія, сокращеніе сроковъ отбыванія наказанія. Наоборотъ, это законъ, который различаетъ падшаго отъ преступника, исправившагося отъ неисправимаго. Неисправимый до конца несетъ тяжесть своей участи. Доказать вамъ, что наказаніе преслѣдуетъ не одну идею устрашенія, но и идею исправленія, просто и легко. Если есть нѣсколько такихъ раскаившихся и исправившихся, то да откроетъ имъ дверь тюрьмы этотъ великій законъ; можетъ быть онъ будетъ зерномъ, которое дастъ великій ростъ въ будущемъ, и будетъ имѣть великое значеніе. Иду дальше въ разсмотрѣніи доводовъ, выдвигаемыхъ правыми. Говорятъ, у насъ нѣтъ хорошихъ тюремщиковъ; положимъ, ихъ нѣтъ, ихъ очень мало, и тѣмъ не менѣе они есть. Есть тюремные порядки, чрезвычайно высоко поставленные; сошлюсь на Московскую тюрьму, одну изъ громаднѣйшихъ тюремъ, гдѣ трудолюбіе въ высшей степени развито, гдѣ занятія по части труда съ арестантами, по части одежды и обстановки доведены до того, что почти все, что здѣсь есть, можно получить оттуда, сдѣланное необыкновенно хорошо. Стало быть сказать, что не существуетъ такихъ тюремъ, которыя не способны пробудить и воспитать трудолюбіе, рѣшительно невозможно. Наконецъ, какъ замѣтилъ въ одномъ изъ нашихъ фракціонныхъ собраній одинъ изъ уважаемыхъ членовъ Думы Петрово-Соловово: «да будетъ же этотъ законъ толчкомъ къ тому, чтобы тюремщиками были хорошие люди»! Да, дѣйствительно, мы должны создавать такіе законы, которые будутъ давать возможность ставить тюремщиками людей достойныхъ; если же мы будемъ держать тюремщиками такихъ людей, которые равны палачамъ, тогда тюрьмы никакого значенія не будутъ имѣть. Иду далѣе;

говорять о патронатахъ. Да, пора Государственной Думѣ выступить съ инициативой развитія такихъ учреждений, которыя подняли бы общественную инициативу, способную воспитательнымъ образомъ вліять на массы. Пусть люди, свободно живущіе въ праздности и богатствѣ, объединятся по инициативѣ Государственной Думы и олицетворяютъ великій девизъ помощи несчастнымъ и создадутъ тѣ патронаты, которые сослужатъ великую службу и которые будутъ имѣть великое значеніе въ русской жизни. Перехожу къ послѣднему аргументу, чрезвычайно яркому и окончательно меня убѣдившему въ несостоятельности аргументаціи правыхъ. Говорятъ—какъ это такъ: выпускать на свѣтъ Божій заразныхъ больныхъ, каковыми считаютъ арестантовъ. Господа, да развѣ заразные болѣзни проходятъ отъ того, что больной пробудетъ 12 или 15 мѣсяцевъ въ больницѣ? Это одно возраженіе, другое очень важное соображеніе: если уже приравнивать къ больницамъ и больнымъ, то вѣдь больные въ разное время выздоравливаютъ; вѣдь нѣтъ такой больницы, гдѣ бы къ четвергу выздоравливали всѣ. Вѣдь одни выздоравливаютъ въ одинъ день, другіе въ другой, одни раньше, другіе позже. Навстрѣчу этимъ-то въ разное время пришедшимъ въ исправленіе людямъ и приходитъ данный законъ. Если позволительно держать больного въ тюрьмѣ, то выздоровѣвшихъ, которые несомнѣнно въ этихъ тюрьмахъ существуютъ, держать въ этихъ тюрьмахъ величайшая жестокость! Значитъ этотъ законъ идетъ на помощь самому высокому гуманному началу и сравниваетъ тѣ неизбѣжныя несправедливости, которыя свойственны какъ уголовному закону, такъ и уголовному, смѣю сказать вамъ, правосудію. Уголовному закону почему? Потому, что онъ знаетъ только опредѣленные рамки: уголовный законъ говоритъ: приговорить такого то къ четыремъ, шести, восьми, десяти мѣсяцамъ тюрьмы, и конецъ дѣлу. Можетъ быть въ этотъ промежутокъ времени человѣкъ приговоренный обновился, а такіе случаи есть, бывали. Натура русскаго человѣка такова именно, что толчками несчастій она способна обновляться и возрождаться и дѣлаться лучше. Не каждый преступникъ, не каждый падшій человѣкъ то безнадежное существо, какъ его представляютъ здѣсь. А если онъ въ самомъ дѣлѣ безнадежное существо, то логика правыхъ также невѣрна. Тогда ихъ нельзя выпускать совсѣмъ, потому что если однажды павшій человѣкъ есть нераскаянный, непрощенный грѣшникъ, то его никогда нельзя выпускать или ему остается одно: или пожизненная тюрьма, или висѣлица, чтобы окончательно освободить отъ него общество! Вотъ противъ этого то и протестуетъ теорія, противъ этого и протестуетъ гуманизмъ, говоря о различіи людей. Всѣ величайшіе гуманисты вѣка, всѣ величайшіе юристы нашего времени, собираясь на конгрессы, установили одно положеніе, что преступность есть выраженіе нравственнаго паденія человѣка. Судите не по вѣншему дѣянію, а по тѣмъ нравственнымъ недостаткамъ и дефектамъ, которые онъ проявилъ въ данномъ преступленіи. Если же таково различіе съ точки зрѣнія теоріи права, то оно всецѣло восполняется идеей тюремнаго содержанія того закона, который индивидуализируетъ личность человѣка. Въ этомъ глубокая правда! Я скажу вамъ, какъ защитникъ многихъ уголовныхъ процессовъ: уголовный судъ имѣетъ дѣло съ преступленіями, съ фактами, съ мотивами, но не съ личностью человѣка, впаваго въ преступленіе. Съ личностью человѣка имѣетъ дѣло именно тюрьма. Тамъ онъ выражается, тамъ его изучаютъ и отказать въ этой ужасной стадіи въ признаніи человѣка, ставшимъ на путь добра, ставшимъ на путь исправленія отнюдь нельзя! Я приведу вамъ одинъ примѣръ изъ той книги

о Сахалинѣ, о которой здѣсь упоминали. Тамъ есть удивительныя страницы, гдѣ рассказано о жизни палача, жесточайшаго человѣка, вырывавшаго плетью куски человѣческаго мяса, который въ свободное время занимался тѣмъ, что у одного изъ каторжанъ нянчилъ дѣтей. Плеть, поражающая людей, и та же рука, нянчавшая ребенка и заботливо относящаяся къ нему, это въ самомъ дѣлѣ такія антитезы, которыя наводятъ на мысль, что нѣтъ безусловнаго паденія, нѣтъ нераскаяннаго грѣшника. Съ другой стороны, когда мы припимали законъ, у насъ въ головѣ была другая мысль, другая идея. Мы мыслили такъ. Законъ этотъ несомнѣнно облегчить общество отъ преступности, не только потому, что онъ заключаетъ въ себѣ условное освобожденіе, но и потому, что онъ говоритъ о переходномъ положеніи человѣка отъ тюрьмы къ жизни. Неужели лучше по отбытіи трехъ лѣтъ тюрьмы прямо выбросить на свободу человѣка, неужели это будетъ лучшее изъ положеній, какое можно рекомендовать? Неужели не лучше положеніе, если будетъ промежуточный стажъ, когда до отбытія наказанія, усмотрѣвъ у извѣстнаго человѣка полное раскаяніе и исправленіе, способность къ трудолюбію, этого человѣка подъ покровомъ патроната выпустятъ въ общественную жизнь? Я говорю, несомнѣнно, послѣднее положеніе даже съ точки зрѣнія общественной политики представляется гораздо болѣе благоразумнымъ и гарантирующимъ общество, чѣмъ выпускъ преступниковъ, которые только по случайнымъ причинамъ за отбытіемъ срока прямо изъ преступной среды переходятъ въ общественную жизнь. Съ другой стороны, мы думали, что эти люди въ тюрьмѣ, пріученные къ трудолюбію и наученные ремеслу—это возможно—представятъ собой тѣ силы, которыя избавятъ общество отъ необходимости содержанія ихъ по тюрьмамъ и сами сдѣлаются самостоятельными и полезными работниками въ общественной жизни. Вотъ соображенія, которыми мы руководствовались, когда стояли за этотъ законопроектъ и проводили его. Въ сказанному добавить многаго я не могу и скажу только одно. Въ этомъ законопроектѣ, въ первой его статьѣ я разошелся съ Коммисіей. Коммисія въ ст. 1 остановилась на очень общихъ выраженіяхъ. Коммисія сказала: «если поведеніе окажется одобрительнымъ, то такой то человѣкъ можетъ быть досрочно освобожденъ». Я стоялъ за первоначальную редакцію законопроекта, гдѣ говорилось, что недостаточно одного одобрительнаго поведенія, но необходимо, чтобы оно выразилось не только въ соблюденіи правилъ и порядка, но въ трудолюбіи и успѣхахъ въ работѣ. Я стоялъ за такое выраженіе, какъ за элементъ, какъ за залогъ. Такимъ образомъ мы думали, что необходимо въ законѣ провести идею воспитанія человѣка въ трудолюбіи и когда убѣдятся въ этомъ, что это будетъ членъ общества, который не преступнымъ, а легальнымъ, законнымъ путемъ можетъ зарабатывать себѣ средства, тогда и освобождайте его изъ тюрьмы. Этому же мнѣнію держатся тѣ законодательства, которыя допускаютъ досрочное условное освобожденіе—законодательства Итальянское, Французское, Бельгійское и даже наше Финляндское. Они проводятъ также ту идею, что мало одобрительнаго поведенія, что необходимо признать человѣка способнымъ къ труду, развитъ въ немъ трудоспособность. Когда вы признаете принципиальнымъ, что законопроектъ этотъ пріемлемъ, и когда мы будемъ обсуждать его по статьямъ, тогда я внесу то предложеніе, чтобы была сохранена первоначальная редакція даннаго законопроекта. Оканчиваю мои объясненія короткими словами: несомнѣнно это законъ прогрессивный, бояться этого закона нечего; это путь мирнаго прогресса, по которому мы должны идти. Несомнѣнно это лучъ

свѣта и да окружать подобные лучи своимъ ореоломъ дѣятельности пынѣвшихъ представителей Государственной Думы.

Гр. Беннигсенъ (докладчикъ Коммисіи по судебнымъ реформамъ). Послѣ тѣхъ блестящихъ рѣчей, которыя съ этой каюды раздались за защиту института условнаго досрочнаго освобожденія, мнѣ приходится добавить лишь нѣсколько словъ по поводу тѣхъ отдѣльныхъ возраженій, которыя отсюда раздавались. Было внесено 19 поправокъ, касающихся отдѣльныхъ статей этого законопроекта. Возражать и сейчасъ не буду. Это будетъ происходить при обсужденіи отдѣльныхъ статей проекта. Въ настоящее же время я позволю себѣ остановиться лишь на нѣкоторыхъ возраженіяхъ болѣе общаго характера. Я отвѣчу тѣмъ ораторамъ, которые говорили, что Коммисія по судебнымъ реформамъ внесла политику въ обсужденіе этого законопроекта. Я позволю себѣ указать, что никакихъ политическихъ, въ узкомъ смыслѣ этого слова, соображеній мы въ виду не имѣли, не имѣли мы въ виду и того соображенія, которое ставилось здѣсь въ укоръ Министру Юстиціи, его желанія освободить скорѣе тюрьмы. Этого соображенія мы даже въ нашихъ преніяхъ совершенно не касались, и я думаю, что это послужило бы скорѣе минусомъ въ рѣшеніи принять этотъ законопроектъ. Я позволю себѣ остановиться лишь на нѣсколькихъ словахъ, на нѣкоторыхъ возраженіяхъ, которыя раздавались преимущественно съ правыхъ скамей о нецѣлесообразности этого законопроекта по чисто практическимъ соображеніямъ нашей дѣйствительности. Указывалось здѣсь, что законопроектъ этотъ останется мертвой буквой въ виду отсутствія общества патроната. Намъ говорили здѣсь, что когда эти общества будутъ вводиться, тогда можно проводить этотъ законопроектъ, но пока это преждевременно. Я думаю, что съ этимъ мотивомъ никоимъ образомъ согласиться нельзя. Эти самыя возраженія представлялись уже 25 лѣтъ тому назадъ въ Коммисіи по выработкѣ проекта новаго уголовного уложенія. И тогда говорили, что нужны сперва общества патроната, а затѣмъ можно осуществлять этотъ законопроектъ. Однако, господа, 25 лѣтъ прошло, а число этихъ обществъ почти совершенно не выросло. Это является вполне понятнымъ. Пока нѣтъ потребности въ какомъ нибудь учрежденіи, они не могутъ возникать, они не могутъ распространяться; лишь тогда, когда будетъ потребность, они начнутъ появляться. Здѣсь было сказано однимъ изъ ораторовъ, говорившихъ за законопроектъ, членомъ Государственной Думы Гепецкимъ, что необходимо, чтобы эти общества стали для нашего общества—въ болѣе широкомъ смыслѣ—дѣломъ роднымъ; онъ видѣлъ въ расширеніи этихъ обществъ святое дѣло. Я вполне съ нимъ согласенъ, ибо это дѣло окажетъ помощь къ сокращенію у насъ преступности. Я вѣрю и я думаю, что вся судебная Коммисія вѣритъ въ то, что это святое дѣло наше общество приметъ на себя. Въ этомъ мы видимъ залогъ того, что не будутъ имѣть мѣсто тѣ печальныя факты, о которыхъ намъ говорилось здѣсь. Тѣ опасенія окажутся неправильными, которыя здѣсь высказывались о томъ, что тюремщики будутъ давать досрочное освобожденіе за рубль или за бутылку водки. Мы вѣримъ въ то, что, при участіи живыхъ общественныхъ силъ, живая струя будетъ внесена и въ мертвые наши дома и что при участіи этихъ общественныхъ силъ измѣнится и тотъ печальный строй, который въ нихъ въ настоящее время наблюдается. Я засимъ позволю себѣ возразить нѣсколько словъ члену Государственной Думы Маркову, который боялся расточительности государства въ расходованіи общественныхъ средствъ на дѣло помощи этимъ

обществамъ патроната. Та сотня или двѣ, или три тысячи рублей, которыя быть можетъ въ крайнемъ случаѣ придется государству израсходовать, я думаю, сторицей окупится тѣмъ сокращеніемъ преступности, которое мы отъ этого можемъ ожидать. Нельзя, господа, закрывать глаза на тѣ милліоны, которые отъ насъ требуются на содержаніе преступниковъ. Вчера мнѣ совершенно случайно пришлось узнать, что надняхъ будетъ внесенъ въ Государственную Думу законопроектъ объ ассигнованіи дополнительныхъ 5.500.000 р. на содержаніе въ 1908 г. излишка арестантовъ, который оказался противъ первоначальнаго числа, принятаго въ основаніе бюджетныхъ предположеній тюремнаго управленія. Я думаю, что когда ростъ преступниковъ идетъ такими быстрыми шагами, то намъ нужно принять всѣ мѣры для того, чтобы можно было сократить этотъ ростъ. Одной изъ такихъ мѣръ и является условное досрочное освобожденіе. Мы видимъ, что та страна, въ которой этотъ институтъ наиболѣе широко развился, именно Англія, является одновременно и той страной, въ которой ростъ преступности идетъ наиболѣе медленными шагами. Несомнѣнно, что приписать это одному лишь условному досрочному освобожденію не представляется возможнымъ, но вся англійская система, въ которой условное досрочное освобожденіе занимаетъ видное мѣсто, такова, что она приостанавливаетъ этотъ ростъ.

Засимъ я позволю себѣ въ заключеніе остановиться на томъ соображеніи, которое было руководящимъ для многихъ, возражавшихъ противъ условнаго досрочнаго освобожденія, они боятся, что съ введеніемъ этого законопроекта понизится репрессія, тогда какъ въ настоящее время колоссальный ростъ преступности требуетъ, наоборотъ, ея повышенія. Я думаю, что главнымъ средствомъ сократить ростъ преступности является не та мѣра, о которой здѣсь говорилось, не повышеніе репрессіи, а скорѣе устраненіе тѣхъ условій, при коихъ преступникъ остается безнаказаннымъ. Лишь тогда, когда полиція будетъ реорганизована, когда у насъ окажутся дѣйствительные органы сыска, при которыхъ мы могли бы преступника разыскивать, когда преступленіе перестанетъ оставаться, какъ нынѣ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, безнаказаннымъ. тогда можно рассчитывать на то, что ростъ преступности до нѣкоторой степени сократится. Засимъ, въ частности, я позволю себѣ остановиться на томъ преступленіи, на которое здѣсь указывалось многими членами Государственной Думы, преимущественно изъ крестьянъ, на конокрадствѣ, которое несомнѣнно, какъ признаютъ всѣ члены Государственной Думы, является однимъ изъ бичей нашей крестьянской жизни. Я позволю себѣ указать, что уже въ 80-хъ годахъ усилялись наказанія за конокрадство, въ 1886 и 1887 гг. въ цѣломъ рядѣ мѣстностей была введена административная высылка для конокрадовъ, и однако, мы видимъ, что нигдѣ конокрадство не сократилось, а, наоборотъ, вездѣ продолжаетъ расти, и даже тотъ самосудъ, о которомъ здѣсь говорилось, и который является, несомнѣнно, болѣе страшнымъ, чѣмъ усиленіе наказанія на 2—3 мѣсяца тюрьмы, и тотъ преступника не останавливаетъ. И тутъ главной причиной является, я думаю, та дезорганизация полицейской нашей части, которой, къ сожалѣнію, мы страдаемъ. Въ заключеніе я вернусь къ тѣмъ соображеніямъ, на которыхъ уже останавливались мои предшественники, и я думаю, что никакихъ серьезныхъ возраженій противъ настоящаго законопроекта мы здѣсь не слышали, а тѣ, которыя были сдѣланы, являются уже въ достаточной степени опровергнутыми, и я продолжалъ думать, что принятіе этого законопроекта является въ интересахъ нашего

тюремного быта и въ интересахъ сокращенія преступности, и сокращеніе рецидивовъ, которые являются однимъ изъ бичей нашей судебной практики, несомнѣнно желательно.

Предсѣдатель. Позвольте, господа, приступить къ голосованію. Есть два предложенія: одно передать весь вопросъ въ особую комисію для новой разработки, а затѣмъ, если это будетъ отвергнуто, то я поставлю вопросъ, угодно ли будетъ приступить къ обсужденію вопроса постатейно, и до того, какъ мы приступимъ къ постатейному обсужденію, сдѣлать перерывъ, ибо имѣется около 30 поправокъ.

Голоса. Позвольте намъ сговориться.

Новицкій (Херсонская губ.). Позвольте слово къ порядку дня. Мы, члены Государственной Думы, которые заявили о перерывѣ, хотѣли воспользоваться имъ, чтобы при проведеніи этого закона сговориться во фракціяхъ, и потому покорнѣйше просили бы г. Предсѣдателя дать намъ воспользоваться перерывомъ.

Замысловскій (Виленская губ.). Я къ постановкѣ вопроса. Господа, очевидно, что здѣсь всѣми ораторами высказывались мнѣнія, которыя можно суммировать въ три группы: совсѣмъ отклонить законопроектъ, принять его или передать въ Комисію. Вотъ три мнѣнія, которыя высказывались всѣми ораторами. И надо ставить на баллотировку такой вопросъ первымъ: отклонить совсѣмъ или не отклонить. Если сказано будетъ, что совсѣмъ не отклонять, тогда вопросъ второй принять въ томъ видѣ какъ есть, или передать въ комисію для разработки. Это должно идти вторымъ вопросомъ, а не первымъ, а первый отклонить начисто или не отклонять. Второй вопросъ, если не отклонить начисто, то принять въ такомъ видѣ или передать въ Комисію.

Предсѣдатель. Если будетъ отвергнутъ переходъ къ постатейному обсужденію, этимъ самымъ отвергается законопроектъ, и потому ставить на особую баллотировку вопросъ объ отклоненіи законопроекта по моему уразумѣнію нѣтъ никакого основанія. Передъ тѣмъ, чтобы приступить къ голосованію вопроса о желательности разсмотрѣнія настоящаго законопроекта по статьямъ, позвольте поставить вопросъ, предложенный членомъ Государственной Думы Рознатовскимъ, о томъ, чтобы передать весь законопроектъ и имѣющійся матеріалъ на новое разсмотрѣніе въ Комисію. Позвольте поставить его на голосованіе. (*Производится баллотировка вставаніемъ*). Предложеніе отвергнуто. Позвольте предложить вопросъ о разсмотрѣніи законопроекта по статьямъ. Тутъ есть два предложенія: одно—простой переходъ къ постатейному чтенію, а другое—мотивированный переходъ. Мотивированный переходъ предлагается членомъ Государственной Думы Люцъ. Позвольте его доложить.

Товарищъ Предсѣдателя Государственной Думы, кн. Волконскій (*читаетъ*): «Признавая, что цѣль государства не только наказывать, но и исправлять осужденныхъ, что участіе общества въ дѣлѣ борьбы съ преступностью необходимо, что это участіе можетъ между прочимъ выразиться въ плодотворной дѣятельности патропатовъ, для организаціи и развитія коихъ общественная инициатива должна найти самую широкую поддержку со стороны Правительства путемъ поощренія и помощью денежными субсидіями, Государственная Дума переходитъ къ постатейному чтенію».

Предсѣдатель. Вотъ предложеніе члена Государственной Думы Люца. Позвольте поставить его на голосованіе. Если оно будетъ принято, то этимъ голосованіе закончится, и простого перехода я ставить на голосованіе не буду. И такъ, предлагается

мотивированный переходъ къ постановленію по тексту, который былъ доложенъ Государственной Думѣ. Ставлю его на баллотировку. (*Производится баллотировка вставленіемъ*). Принято. Позвольте, господа, приступить къ чтенію каждой статьи въ отдѣльности и по мѣрѣ того, какъ статьи будутъ обсуждаться, докладывать тѣ поправки, которыя были внесены во время преній.

Предсѣдатель. Позвольте читать каждую статью въ отдѣльности, а я буду докладывать тѣ поправки, которыя были внесены къ статьямъ, по мѣрѣ ихъ чтенія.

**7 МАРТА 1908 г.,
засѣданіе 35.**

Секретарь Государственной Думы. Отдѣлъ I. «Статью 317 и примѣчанія 1 и 2 къ сей статьѣ устава о содержащихся подѣ стражей (сводъ зак. т. XIV изданія 1890 г. и по продолженію 1902 г.) и часть 3 ст. 23 уголовного уложенія Высочайше утвержденнаго, 22 марта 1903 г., отмѣнить».

Предсѣдатель. По этому отдѣлу поправокъ не было; позвольте его голосовать. Отдѣлъ I принять.

Секретарь Государственной Думы. Отдѣлъ II. «Поручить Министру Юстиціи безотлагательно внести на разсмотрѣніе Государственной Думы законопроектъ о размѣрѣ и условіяхъ пособій обществамъ патроната изъ средствъ государственнаго казначейства».

Товарищъ Министра Юстиціи Люце. Помѣщенное въ проектъ и принятое Комисіей выраженіе «поручить» Министру Юстиціи, безъ всякаго сомнѣнія, надо признать не совсѣмъ удачнымъ. Государственной Думѣ не предоставлено поручать Министрамъ какія нибудь работы. Предложенная поправка—замѣнить это слово словомъ «предоставить» Министру Юстиціи представлялась бы пріемлемой. Я позволю себѣ, однако, обратить вниманіе Государственной Думы на то, что Министръ Юстиціи уже высказалъ свою полную готовность внести на разсмотрѣніе Государственной Думы законопроектъ о размѣрѣ и условіяхъ пособій обществамъ патроната изъ казны. Такимъ образомъ Министръ Юстиціи уже принялъ на себя ту обязанность, которую Комисія желала бы на него возложить. Казалось бы, въ виду этого, можно было бы удовлетвориться такимъ обѣщаніемъ Министра Юстиціи и этотъ отдѣлъ въ настоящее время исключить, какъ не содержащій въ себѣ законоположенія, въ собственномъ смыслѣ, а только представляющійся пожеланіемъ, при томъ пожеланіемъ, которое Министерствомъ Юстиціи уже принято къ исполненію.

Гр. Беннигсенъ (докладчикъ Комисіи по судебнымъ реформамъ). Комисія по судебнымъ реформамъ, обсудивъ настоящую поправку, не возражаетъ противъ замѣны слова «поручить» словомъ «предоставить». Что же касается того, чтобы совсѣмъ этотъ отдѣлъ снять съ обсужденія, то я думаю, что это едва ли представляется цѣлесообразнымъ.

Милюковъ (г. С.-Петербургъ). Если бы не было представленнаго здѣсь объясненія, почему слово «поручить» нужно замѣнить словомъ «предоставить», мы бы можетъ быть съ этимъ согласились; но такъ какъ это объясненіе сдѣлано и оно имѣетъ для насъ принципиальное значеніе, то мы считаемъ необходимымъ поддерживать выраженіе «поручить». Несомнѣнно, что не Государственная Дума поручаетъ, а поручаютъ всѣ законодательныя учрежденія вмѣстѣ взятые, съ того момента, когда это сдѣлается закономъ. Пока это не есть законъ—вообще никакого порученія нѣтъ, а есть только извѣстное предложеніе дать порученіе; но когда законъ прошелъ всѣ инстанціи, то это

выраженіе не означаетъ, очевидно, «порученіе» одной Государственной Думою, а всей совокупностью нашихъ государственныхъ учреждений. Въ виду этого, я считаю необходимымъ поддерживать первоначальное выраженіе «поручить», а не «предоставить».

Гр. Бобринскій (Тулъская губ.). Слова члена Государственной Думы Миллюкова сводятся къ тому, что въ законодательномъ порядкѣ мы можемъ вмѣшиваться въ управленіе страной и давать указанія Министрамъ. Вѣдь, всѣ три законодательные элемента въ совокупности не могутъ вмѣшиваться въ дѣло Верховнаго управленія, это предоставляется Государю Императору, а посему давать порученія Министру можетъ только Государь Императоръ. Но въ законодательномъ порядкѣ мы можемъ издавать законы, мы можемъ проявлять свое право контроля надъ Министрами, а давать имъ указанія и порученія мы не можемъ.

Миллюковъ (г. С.-Петербургъ). Я совершенно отказываюсь понимать это разсужденіе. Я полагаю, что законъ можетъ быть весьма разнообразенъ по своему содержанію. Если онъ даетъ порученія, то это не значитъ, что мы вмѣшиваемся въ Верховное управленіе. Порученіе можетъ быть дано и въ порядкѣ Верховнаго управленія и въ порядкѣ законодательномъ. Почему всякаго рода порученія являются вмѣшательствомъ въ права администраціи—я рѣшительно отказываюсь понимать.

Предсѣдатель. Позвольте приступить къ голосованію. Здѣсь три предложенія. Одно предложеніе совсѣмъ снять съ очереди, исключить совершенно этотъ отдѣлъ; второе предложеніе—замѣнить слово «поручить» словомъ «предоставить», и третье—остаться при первоначальной редакціи. Позвольте поставить на голосованіе исчерпывающее предложеніе совсѣмъ этотъ отдѣлъ исключить. Предложеніе отклонено. Угодно будетъ принять предложеніе: замѣнить слово «поручить» словомъ «предоставить»? Предложеніе принято. Слово «поручить» замѣняется словомъ «предоставить».

Секретарь Государственной Думы. Отдѣлъ III: «Въ измѣненіе и дополненіе устава о содержащихся подъ стражей и подлежащихъ узаконеній постановить:

Приговоренные къ заключенію въ тюрьмѣ или въ работномъ домѣ на срокъ не менѣе восьми мѣсяцевъ, а также къ заключенію въ исправительныхъ арестантскомъ отдѣленіи или домѣ, могутъ быть, съ ихъ согласія, условно освобождены изъ заключенія по отбытіи не менѣе трехъ четвертей опредѣленнаго имъ судебнымъ приговоромъ срока наказанія съ соблюденіемъ нижеслѣдующихъ правилъ».

Предсѣдатель. Угодно кому нибудь высказаться? Позвольте предварительно доложить поправки. Поправки предлагаются такія: послѣ слова «въ тюрьмѣ» вставить слово «крѣпости»; это одно; затѣмъ слова «восьми мѣсяцевъ» замѣнить словами: «шести мѣсяцевъ»; и третья поправка слова: «менѣе трехъ четвертей» замѣнить словами: «менѣе двухъ третей». Вотъ три поправки, которыя вносятся по этому отдѣлу.

Адженовъ (обл. войска Донского). Въ третьемъ отдѣлѣ законопроекта среди различныхъ мѣстъ заключенія, гдѣ можетъ быть примѣненъ институтъ условнаго досрочнаго освобожденія, мы не находимъ каторги и крѣпости. Что мы не находимъ каторги, для этого въ объяснительной запискѣ достаточно матеріаловъ. На каторгѣ существуетъ безусловное досрочное освобожденіе и при этомъ на условіяхъ, гораздо болѣе льготныхъ, чѣмъ это предполагается по министерскому законопроектѣ. Но мы не находимъ совершенно ни одного слова о крѣпости, и только находимъ въ объяснительной запискѣ разсужденія о томъ, что крѣпость является *custodia honesta*, наказаніемъ

почетнымъ, и тутъ неумѣстно условное досрочное освобожденіе, такъ какъ въ основаніе условнаго досрочнаго освобожденія лежитъ идея исправленія. Я думаю, что эта точка зрѣнія не выдерживаетъ критики, какъ съ точки зрѣнія теоретическаго обоснованія, такъ и по искренности своего построенія. Съ точки зрѣнія теоретическаго обоснованія потому, что въ основаніи института условнаго досрочнаго освобожденія лежитъ не только идея исправленія, но вмѣстѣ съ тѣмъ и идея дать въ руки тюремному начальству новыя рѣшительныя средства для того, чтобы тюремный порядокъ не нарушался. Въ самомъ дѣлѣ, только тогда, когда населеніе тюрьмы знаетъ, что къ каждому изъ нихъ можетъ быть примѣнено условное досрочное освобожденіе, что это освобожденіе наступитъ только тогда, когда данный заключенный будетъ соблюдать всѣ условія и всѣ правила тюремной жизни, тогда естественно, что всякое правонарушеніе противъ тюремнаго порядка и условій тюремной жизни не будетъ имѣть мѣста. Поэтому для насъ не понятно, почему Министерство, которое во всѣхъ отношеніяхъ всегда старается цитировать всѣ передовыя законодательства, въ данномъ случаѣ является *plus royaliste qu'le roi*, болѣе щепетильнымъ по отношенію къ заключеннымъ въ крѣпости, чѣмъ любое законодательство любого государства, исключая въ данномъ случаѣ Германію. Мы находимъ во всѣхъ странахъ условное досрочное освобожденіе по отношенію ко всякаго рода заключеннымъ, въ томъ числѣ къ заключеннымъ въ крѣпости. Но если даже стать на ту точку зрѣнія, что въ теоретическомъ обоснованіи условнаго досрочнаго освобожденія моментъ дисциплины якобы не играетъ никакой роли, а только моментъ исправленія, то здѣсь исправленіе съ точки зрѣнія тюремныхъ порядковъ ни въ коемъ случаѣ нельзя понимать, какъ исправленіе въ смыслѣ моральнаго измѣненія «я» преступника. Здѣсь исправленіе понимается гораздо уже—въ смыслѣ такого настроенія въ преступникѣ, такого видоизмѣненія его «я», возбужденія въ немъ такихъ стимуловъ, чтобы онъ не входилъ въ конфликты съ формальными постановленіями юридической нормы, имѣющей въ законѣ. И если исходить изъ этого единственнаго правильнаго мнѣнія и принятаго въ наукѣ, то тогда понятно, господа, что исправленіе въ этомъ узкомъ смыслѣ слова возможно ко всякаго рода заключенному, въ томъ числѣ и къ тому, который сидитъ въ крѣпости, тѣмъ болѣе, что всѣ эти преступленія, которыя третируются идейными преступленіями, всѣ они несомнѣнно продуктъ конфликта съ формальнымъ закономъ. Но не ясны эти мотивы еще и потому, что здѣсь имѣется цѣлый рядъ преступленій, которыя караются крѣпостью и гдѣ моментъ исправленія, даже въ широкомъ смыслѣ слова, можетъ быть примѣненъ. Мы знаемъ, что по старому уложенію, донынѣ дѣйствующему, крѣпость примѣнялась, напримѣръ, по ст. 1500 къ тѣмъ, кто умышленно возбуждаетъ другого къ поединку. Ясно, что здѣсь имѣется всякій моментъ для того, чтобы сказать: разъ имѣется умышленное преступленіе, разъ имѣется возбужденіе къ извѣстному преступленію, хотя бы и къ преступленію характера непозорящаго, то во всякомъ случаѣ мы имѣемъ наличность злой воли, которая ясно устанавливаетъ возможность исправленія въ широкомъ смыслѣ слова. Я не говорю о религіозныхъ преступленіяхъ, которыя также караются крѣпостью, которыя также въ широкомъ смыслѣ слова могутъ допускать и исправленіе. И такъ ни съ точки зрѣнія теоретическихъ обоснованій, ни съ точки зрѣнія уложенія, ни съ точки зрѣнія категоріи преступленій, караемыхъ крѣпостью, мы не имѣемъ никакихъ данныхъ для того, чтобы отвергнуть крѣпость, какъ мѣсто, гдѣ допускается условное досрочное освобожденіе. Даже и въ той самой Германіи

мы находимъ цѣлый рядъ научныхъ авторитетовъ, которые при обсужденіи даннаго института высказывались за то, чтобы институтъ былъ распространенъ и на крѣпость. Я понимаю Министерство только при одномъ условіи, если смотрѣть на все крѣпостное населеніе какъ на враждебный лагерь, если думать, что государство въ правовыхъ своихъ началахъ мало приспособлено къ тому, чтобы въ условіяхъ правовой жизни могли бы люди работать на почвѣ эволюціоннаго пересозданія и примѣненія своихъ мыслей и идей любой группы въ этомъ населеніи. Какъ то здѣсь гр. Бобринскій по другому поводу говорилъ, что нѣкоторые изъ насъ внѣ Думы проповѣдывали мысль о враждебномъ лагерѣ со стороны тѣхъ лицъ, которыя сплошь да рядомъ являются въ качествѣ заключенныхъ въ крѣпости. Но я думаю, что государство въ широкомъ смыслѣ слова, государство правовое, не можетъ стать на такую точку зрѣнія, что могутъ быть категоріи гражданъ, которые ни въ какихъ условіяхъ къ правовымъ нормамъ не могутъ быть приспособлены. Такая точка зрѣнія не можетъ быть принята въ правовомъ строѣ. Мало этого, господа, вѣдь какія же преступленія въ концѣ концовъ караются? Главнымъ образомъ литературныя преступленія. Ужели вы полагаете, что здѣсь, приспособленіе къ формѣ видоизмѣняющагося закона,—именно вотъ въ этой сферѣ, долженствующей быть видоизмѣненной,—ужели вы полагаете, что здѣсь именно неумѣстно досрочное освобожденіе, какъ условіе для приспособленія къ дѣйствительно видоизмѣнившимся правовымъ нормамъ складывающагося у насъ правового государства? Стать на иную точку зрѣнія—это значитъ защищать нормы стараго права, которыя объявляютъ всѣхъ несогласно мыслящихъ никогда не могущими придти съ ними къ одному и тому же заключенію, къ одной совмѣстной работѣ на общихъ условіяхъ, на общей почвѣ. Мы такой точки зрѣнія принять не можемъ и полагаемъ, что въ новомъ законодательствѣ должна быть создана правильная и правомѣрная почва работы.

Товарищъ Министра Юстиціи Люце. Собственно говоря, настоящій вопросъ напрасно было бы переводить на вопросъ политическій. Здѣсь совсѣмъ не политика. Если бы шелъ вопросъ о томъ, какому наказанію подвергать за такое то преступленіе, тогда можно было бы говорить о природѣ этого преступленія и о желательномъ наказаніи, но въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ только объ одномъ институтѣ—институтѣ досрочнаго условнаго освобожденія. Вотъ, выходя изъ природы этого института, Министерство Юстиціи нашло, что досрочное освобожденіе не примѣнимо къ содержащимся въ крѣпости. Какъ извѣстно, условное освобожденіе примѣняется единственно въ виду того, что такой то, отбывшій часть наказанія, даетъ основаніе предполагать, что онъ исправился. Но какимъ образомъ можно было бы подобную мѣрку примѣнить къ такому наказанію, которое не имѣетъ характера исправленія? Сейчасъ было даже сказано, что проступки, караемые крѣпостью, болыною частью имѣютъ характеръ формальнаго конфликта съ закономъ. Да, именно потому, что виновные въ такихъ проступкахъ совершаютъ ихъ не изъ позорныхъ мотивовъ, именно потому и нельзя говорить въ данномъ случаѣ объ исправленіи. Какимъ образомъ, напр., человекъ, который содержится въ крѣпости за дуэль, можетъ считаться исправившимся? Можно ли сказать, что онъ уже будетъ считать впредь дуэль средствомъ педозволеннымъ. Само собою разумѣется, кто дерется на дуэли, того не убѣдишь нѣсколькими мѣсяцами содержанія въ крѣпости, и объ исправленіи его и разговора быть не можетъ. Въ виду такихъ соображеній, Министерство Юстиціи не признало возможнымъ распространить досрочное

освобожденіе на содержащихся въ крѣпости. Впрочемъ Министерство не придастъ этому вопросу большого значенія.

Гегечкори (Кутаисская губ.). Господа, я позволю себѣ сказать нѣсколько словъ относительно той поправки, которая была внесена сейчасъ членомъ Государственной Думы Аджемовымъ. Поправка эта рекомендуетъ распространить дѣйствіе настоящаго законопроекта на политическихъ, такъ называемыхъ, преступниковъ. Ясно, что тутъ дѣло идетъ о той категоріи лицъ, которыя на языкъ громаднаго большинства Государственной Думы являются преступниками. По нашему же это лучшіе граждане, самоотверженные герои и борцы за свободу. Мы слишкомъ уважаемъ и цѣнимъ этихъ людей для того, чтобы въ примѣненіи къ нимъ позволить употребленіе словъ «преступленіе», «исправленіе» и т. п. выраженія. Мы знаемъ прекрасно, что эти люди меньше всего будутъ заботиться о томъ, чтобы воспользоваться всѣми благами настоящаго института условнаго досрочнаго освобожденія. Самые инициаторы настоящаго законопроекта увѣрены и убѣждены въ томъ, что объ исправленіи этихъ людей думать нельзя. Не даромъ же они такъ предусмотрительно заявляютъ, что настоящій законопроектъ не распространяется на политическихъ. Не даромъ тутъ докладчикъ гр. Бенингсенъ заявилъ, что законодатель не могъ надѣяться на исправленіе этихъ людей. Между прочимъ очень характерно, что онъ долженъ былъ признать, что въ ихъ преступленіи нѣтъ позорящихъ ихъ мотивовъ и соображеній. Еще бы, если тутъ приходится говорить о позорѣ, то о томъ позорѣ, который падаетъ на голову ихъ гонителей и инквизиторовъ. Мы говоримъ, что всѣ осужденные за политическія дѣла лица подлежатъ немедленному освобожденію и даже вознагражденію за тѣ испытанія, которыя.... причемъ къ нимъ нельзя примѣнять ни долгосрочнаго, ни краткосрочнаго заключенія. И то и другое по отношенію къ нимъ, въ одинаковой стѣнени, несправедливо. Вотъ почему мы не голосуемъ за эту поправку; наше отношеніе къ ней такое же, какъ и къ самому законопроекту, т. е. мы воздерживаемся отъ голосованія.

Ткачевъ (Исковская губ.). Предложеніе предшествующаго оратора основано на недоразумѣніи и на незнаніи того закона, о которомъ онъ говоритъ. Къ политическимъ преступникамъ, какъ онъ справедливо говоритъ, не должно примѣнять ни тюрьмы, ни досрочнаго освобожденія; къ нимъ закономъ примѣняется или,—если это преступленіе соединено съ преступленіемъ тяжкимъ, убійствомъ и прочимъ,—смертная казнь, или каторжныя работы, къ которымъ не примѣняется настоящій законопроектъ. Если же преступленіе только политическое, то къ нему примѣняется обыкновенное тюремное заключеніе. Заключеніе въ крѣпость примѣняется по преимуществу къ преступленіямъ, такъ называемымъ не позорящимъ, дуэли и прикасающимся съ ней преступнымъ дѣйствіямъ; затѣмъ, оно примѣняется въ нѣкоторыхъ случаяхъ къ преступленіямъ вѣры и, наконецъ, примѣняется къ преступленіямъ, караемыхъ военнымъ закономъ, какъ, напримѣръ, сдача непріятелю и проч. Въ виду всѣхъ этихъ соображеній, мнѣ кажется, что примѣненіе закона о досрочномъ освобожденіи къ крѣпости, конечно, не должно имѣть мѣста, и не по тѣмъ соображеніямъ, о которыхъ сказалъ Гегечкори, а просто на просто потому, что тѣ лица, которыя подвергаются этому наказанію, не могутъ обнаружить исправленія. Они караются за поступокъ, который не можетъ ни повторяться, ни выражаться въ смягченіи личныхъ взглядовъ преступника. Итакъ, я полагаю отвергнуть эту поправку.

Сушковъ (Курская губ.). Господа народные представители, страннымъ покажется, когда говорятъ—преступникамъ падо давать вознагражденіе. Я понимаю этотъ вопросъ и, продумавъ его серьезно, думаю, что уже безъ этой поправки тутъ есть ошибка наша. Ошибка заключается въ томъ, что мы приняли законъ, не установивъ умиротворенія въ нашей родинѣ. Кому мы даемъ и кого мы хотимъ досрочно освободить, не установивши умиротворенія и нравственности нашихъ гражданъ?

Гр. Беннигсенъ (докладчикъ Коммисіи по судебнымъ реформамъ). Коммисія по судебнымъ реформамъ обсуждала нѣсколько разъ вопросъ о распространеніи условнаго досрочнаго освобожденія на наказанія заключеніемъ въ крѣпости и каждый разъ оставалась при прежнемъ своемъ заключеніи, что это распространеніе представляется не цѣлесообразнымъ. Какъ я имѣлъ честь уже докладывать, цѣлью этого института является исправленіе преступниковъ. Между тѣмъ, крѣпость по самому своему смыслу является такимъ наказаніемъ, которому подвергаются преступники, не подлежащіе исправленію, въ виду того, что мотивы, подвинувшіе ихъ на совершеніе преступнаго дѣянія, позорящаго элемента въ себѣ не заключаютъ. Сегодня здѣсь намъ членъ Государственной Думы Аджемовъ указывалъ на извѣстное противорѣчіе, которое лежитъ въ мнѣніи Коммисіи. Онъ указывалъ на то, что совершенно однородныя преступныя дѣянія въ однихъ случаяхъ караются тюрьмою, а въ другихъ случаяхъ крѣпостью, и нѣтъ основанія, если условное досрочное освобожденіе распространяется на тюрьму, не распространять его на крѣпость. Особенно членъ Государственной Думы Аджемовъ, останавливаясь на такъ называемыхъ политическихъ преступленіяхъ, указывалъ на то, что это есть преступленія идейныя, что, конечно, къ нимъ исправленіе преступника, въ смыслѣ пересозданія его нравственной личности, не примѣнимо, но это наказаніе крѣпостью имѣетъ другую задачу—приспособленіе его къ ненарушенію уголовныхъ нормъ. Несмотря на извѣстную вѣрность этого заключенія, я позволю себѣ остановиться на вопросѣ о томъ, дѣйствительно ли Коммисія по судебнымъ реформамъ сдѣлала въ данномъ случаѣ исключеніе для политическихъ преступленій и именно ли изъ за нихъ это исключеніе и сдѣлано. Я позволю себѣ сказать, что членъ Государственной Думы Аджемовъ былъ неправъ. Если вы возьмете уголовное уложеніе и просмотрите тѣ кары, которыми тамъ обложены политическія преступленія, не говоря о смертной казни, ссылкѣ на поселеніе и каторжныхъ работахъ, то вы убѣдитесь, что въ 19 случаяхъ наказаніе—тюрьма и исправительный домъ, и лишь въ 9 наказаніе—крѣпость. Такъ что большинство политическихъ преступленій подходитъ подъ тѣ виды наказаній, при которыхъ досрочное условное освобожденіе является допустимымъ. Членъ Государственной Думы Аджемовъ остановился въ частности на литературныхъ преступленіяхъ. Я позволю себѣ указать, что большинство этихъ преступныхъ дѣяній карается по ст. 128 и 129 угол. улож., карается исправительнымъ домомъ и тюрьмой, и лишь немногія по ст. 132, примѣняемой крайне рѣдко, ибо она говоритъ объ изданіи или составленіи преступнаго сочиненія, въ случаѣ, если это сочиненіе не получило распространенія. Такъ что это преступное дѣяніе, сравнительно рѣдко встрѣчающееся. Такимъ образомъ, то указаніе, которое здѣсь было сдѣлано намъ, о томъ, что мы, не распространяя условное досрочное освобожденіе на крѣпость, не желаемъ распространить его спеціально на политическія преступленія, является неправильнымъ. Засимъ, членъ Государственной Думы Аджемовъ указалъ здѣсь на примѣры западныхъ законодательствъ. Мнѣ извѣстно въ данномъ случаѣ лишь 3

подобнаго рода законодательства, это французское, итальянское и германское. Действительно, во Франціи и Италіи представляется возможнымъ распространять условное досрочное освобожденіе и на этотъ видъ наказанія. Германія стоитъ на другой точкѣ зрѣнія и къ ней нашъ проектъ присоединяется, находя ее болѣе послѣдовательной. Засимъ, я позволю себѣ указать, что если и были извѣстнаго рода авторитеты въ смыслѣ уголовного права, которые стояли за распространеніе института условнаго досрочнаго освобожденія и на крѣпость, то съ другой стороны можно цитировать рядъ научныхъ авторитетовъ, которые высказывались противъ этого распространенія. Я кстати коснусь тѣхъ двухъ другихъ поправокъ, которыя были сдѣланы къ этому отдѣлу. Эти поправки говорятъ о сокращеніи срока заключенія, при коемъ можетъ быть примѣнено условное досрочное освобожденіе, съ 8 на 6 мѣсяцевъ, и засимъ, сокращеніи срока наказанія, который подлежитъ отбытію съ трехъ четвертей до двухъ третей. Комисія по судебнымъ реформамъ не соглашается ни съ той, ни съ другой поправками, имѣя въ виду, что этотъ институтъ у насъ еще новый, что сроки, которые имъ устанавливаются, установлены въ цѣломъ рядѣ иностранныхъ законодательствъ. Засимъ и то, что минимальный срокъ заключенія въ 8 мѣсяцевъ былъ принятъ такимъ авторитетомъ, какъ послѣдній съѣздъ криминалистовъ, имѣвшій мѣсто у насъ въ Россіи, и поэтому, не усматривая какой бы то ни было настоящей потребности къ сокращенію срока, Комисія и отвергаетъ эти обѣ поправки.

Замысловскій (Виденская губ.). Фракція правыхъ будетъ голосовать противъ тѣхъ поправокъ, которыя предложены къ отдѣлу III. Меня глубоко возмущаютъ тѣ восхваленія тяжкихъ преступленій, которыя только что раздавались съ этой каѳедры. Но, если стать на точку зрѣнія восхвалителей, то намъ всетаки совершенно непонятно, какъ можно вводить въ законъ поправку, которая рассчитана на то, что «герои» вдругъ станутъ раскаиваться. Точно также намъ непонятно, какъ можно примѣнять постоянный законопроектъ къ редакторамъ, которыхъ въ такомъ случаѣ, по тексту закона, придется отдать подъ надзоръ изъ опасенія, что они будутъ предаваться «пьянству, тунеядству и общенію съ порочными людьми». По всѣмъ этимъ соображеніямъ мы высказываемся противъ этихъ поправокъ.

Аджемовъ (обл. войска Донского). Очевидно возраженія, сдѣланныя депутатомъ Замысловскимъ, основаны на недоразумѣніи и основаны на недоразумѣніи потому, что онъ не знаетъ образцовъ западно-европейскихъ, гдѣ вполне допустимо досрочное освобожденіе для крѣпости; основаны на недоразумѣніи и потому, что по существу этого закона, если въ теченіе оставшейся четверти не совершено преступленія лицами, какъ сказано, добропорядочнаго поведенія, то тѣмъ самымъ наказаніе погашается, а все, что тамъ говорится о тунеядствѣ и другихъ порокахъ, то, какъ вамъ извѣстно, это является общимъ порочающимъ обстоятельствомъ для того, чтобы не дать возможности воспользоваться льготами уголовного закона, а тѣмъ болѣе въ данномъ случаѣ это значитъ просто заниматься извѣстнымъ образомъ измѣненіемъ понятій, для того, чтобы доказать недоказуемое. Что же касается всѣхъ литературныхъ произведеній, то не объ этомъ мы конечно говорили, мы говорили о тѣхъ, къ которымъ примѣняется крѣпость, и, конечно, во всѣхъ этихъ разсужденіяхъ депутата Замысловскаго видно то уязвленное прошлое, которое происходило отъ свободолобивой русской прессы.

Предсѣдатель. Позвольте приступить къ голосованію поправокъ. Первая поправка заключается въ томъ, чтобы послѣ словъ «тѣхъ» поставить слова—«крѣ-

пости». Поправка эта отклонена. Слѣдующая поправка: слова «восемь мѣсяцевъ» замѣнить словами—«шесть мѣсяцевъ». Угодно кому высказаться? Позвольте голосовать? Поправка отклонена. Третья поправка—слова: «менѣе трехъ четвертей» замѣнить словами: «менѣе двухъ третей».

Бабянский (Пермская губ.). Определеніе части наказанія, послѣ отбытія коей открывается возможность условнаго досрочнаго освобожденія, въ проектѣ обосновано законодательствами и результатами примѣненія условнаго досрочнаго освобожденія въ Западной Европѣ. Тамъ эти сроки опредѣлены отъ одной трети до трехъ четвертей: одна треть опредѣлена въ Бельгій, половина во Франціи, три четверти въ Германіи и Италіи, при чемъ въ Германіи и Италіи тоже допускается въ нѣкоторыхъ случаяхъ отбытіе половины наказанія. Результаты примѣненія этого института однако таковы, что тамъ, гдѣ примѣняются меньшіе сроки, рецидивъ является тоже уменьшеннымъ: такъ, во Франціи, гдѣ по отбытіи половины наказанія, уже допускается досрочное освобожденіе, рецидивъ понизился отъ 1,2% до 1,8%, а въ Германіи, гдѣ приняты три четверти, рецидивъ выше и доходитъ до 3,3%—3,17%. Такимъ образомъ мы видимъ, что уменьшеніе срока, съ котораго пачинается примѣненіе условнаго досрочнаго освобожденія, именно и повліяло на уменьшеніе рецидива. Слѣдовательно, уже опытъ Западной Европы доказалъ, что этотъ институтъ дѣйствителенъ для уменьшенія преступности, т. е. для той цѣли, для которой онъ предназначенъ. Мы тоже исходимъ изъ той точки зрѣнія, что примѣненіе института имѣетъ одну только цѣль: уменьшеніе преступности и уменьшеніе количества преступниковъ, т. е. рецидивовъ, такъ какъ рецидивисты являются самыми опасными преступниками. Вотъ и спрашивается, какаѣ мѣра уменьшенія примѣнима къ условіямъ русской дѣйствительности? Я уже аргументировалъ по этому поводу въ своей рѣчи и говорилъ, что въ условіяхъ русской дѣйствительности этотъ институтъ долженъ получить наиболѣе широкое примѣненіе. Я не буду повторять этихъ аргументовъ, но считаю долгомъ ихъ резюмировать. У насъ всѣ условія сводятся къ тому, что преступленіе является недостаточно изслѣдованнымъ и опредѣлившимся передъ судомъ; уголовное уложеніе у насъ еще дѣйствуетъ старое, за исключеніемъ одной главы, которое опредѣляетъ безусловныя наказанія. Крайняя узкость въ опредѣленіи наказанія ставитъ судъ въ рамки, недопустимыя нынѣшнимъ уголовнымъ законодательствомъ, и судъ, примѣняя наказаніе, поставленъ въ необходимость примѣнить его безусловно, не имѣя возможности, какъ это было указано Министромъ Юстиціи, индивидуализировать это наказаніе, т. е. примѣнить къ каждому преступнику наказаніе соотвѣтственно съ обнаруженной имъ злой волей. Затѣмъ самое предварительное слѣдствіе, изслѣдованіе преступленія, тоже поставлено у насъ въ очень трудныя условія. Вотъ институтъ досрочнаго освобожденія и долженъ быть этимъ коррективомъ. Вѣдь онъ въ концѣ концовъ сводится къ тому, что преступникъ вторично предстоить предъ судомъ, который опредѣляетъ, какъ по его личности, такъ и по степени его испорченности, правильно ли къ нему примѣнено наказаніе и по можетъ ли оно быть уменьшено. Наказаніе вторично санкціонируется судомъ, и, принимая институтъ досрочнаго освобожденія, мы создаемъ то положеніе, что преступникъ дважды проходитъ передъ судомъ: разъ, когда постановляется приговоръ, но тогда онъ былъ примѣненъ къ нему, какъ къ личности, но могъ: это была извѣстная формальная норма, которую судъ примѣнилъ; и второй—послѣ тюремнаго наблюденія,

болѣе или менѣе продолжительнаго, когда этотъ человѣкъ вновь предстоить предъ судомъ и о немъ собираются свѣдѣнія, какимъ образомъ отразилось на немъ наказаніе; въ этомъ случаѣ судъ опредѣляетъ возможность досрочнаго освобожденія. Такимъ образомъ произвола тутъ нѣтъ, а имѣется полная гарантія того, что наказаніе будетъ примѣнено правильно. Съ этой точки зрѣнія при условіяхъ нашей дѣйствительности, когда, какъ я говорилъ, у насъ чрезвычайно много является преступлоній, мало мотивированныхъ, преступленій случайныхъ, примѣненіе этого института мнѣ кажется цѣлесообразнымъ и безопаснымъ. Я беру не самую меньшую норму, которая установлена во Франціи и Бельгіи, а среднюю, между Франціей и Германіей $\frac{2}{3}$ (въ Германіи $\frac{3}{4}$ и во Франціи $\frac{1}{2}$). Эта средняя норма казалось бы представляется соотвѣтственной нашимъ условіямъ и во всякомъ случаѣ не представляется опасной. Я думаю, что и тотъ мотивъ, что наши тюрьмы находятся въ такомъ положеніи, какъ призналъ самъ Министръ Юстиціи, что онѣ не ведутъ къ исправленію преступниковъ, а, наоборотъ, скорѣе портятъ его, и тѣ условія матеріальныя, въ которыхъ находятся тюрьмы, требующія все большихъ и большихъ ассигнованій на нихъ средствъ, является мотивомъ не послѣднимъ, въ виду того, чтобы этимъ путемъ можно разгрузить наши тюрьмы. Я долженъ сказать, что до сихъ поръ коррективами въ значительной мѣрѣ являлись Высочайшіе манифесты, которые слѣдовали черезъ извѣстные сроки и обыкновенно уменьшали наказаніе уголовнымъ преступникамъ на $\frac{1}{3}$. Теперь манифесты являются сравнительно рѣдко, и этотъ институтъ явится до извѣстной степени коррективомъ нашихъ судебныхъ порядковъ, коррективомъ въ томъ смыслѣ, чтобы тюрьмы не были перегружены. Я говорю, что эта матеріальная сторона тоже имѣетъ нѣкоторое значеніе, тѣмъ болѣе, что мы, занимающіеся нынѣ бюджетомъ, знаемъ хорошо, что самыя неотложныя нужды являются неудовлетворенными. Я паомню, что фракція союза 17 октября внесла предложеніе объ ассигнованіи на строительство школъ кредита въ размѣрѣ 6.000.000 р. Разумѣется, эта ассигновка пройти не можетъ, за отсутствіемъ средствъ, и я предлагаю найти средства для этой цѣли въ тюремномъ бюджетѣ; тогда Государственная Дума будетъ на высотѣ своего положенія и вмѣсто того, чтобы строить тюрьмы, она будетъ строить школы. Я прошу, чтобы срокъ былъ расширенъ и чтобы институтъ досрочнаго освобожденія могъ начаться по истеченіи двухъ третей наказанія, опредѣленнаго судомъ.

Розановъ (Саратовская губ.). Господа, въ одномъ изъ прошлыхъ засѣданій Министръ Юстиціи, оправдываясь отъ обвиненія въ либерализмѣ, между прочимъ, сказалъ, что главная цѣль внесенія этого законопроекта—немножко освободить тюрьмы для того, чтобы онѣ могли вмѣстить новыхъ осужденныхъ. Я не имѣю основаній не вѣрить ему. Но если бы даже онъ этого и не сказалъ, то данный пунктъ относительно примѣненія досрочнаго условнаго освобожденія къ присужденному на 8 мѣсяцевъ и притомъ просидѣвшему не менѣе $\frac{3}{4}$ этого срока, такой пунктъ подтвердилъ бы мнѣ то, что онъ сказалъ, т. е. что данный законопроектъ на самомъ дѣлѣ не имѣетъ въ виду интересовъ заключенныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, если бы кто-нибудь вздумалъ спасать случайнаго преступника, то, разумѣется, нужно спасать его отъ тюрьмы, какъ можно ранѣе, именно, по истеченіи такого срока, когда вы можете убѣдиться, что это дѣйствительно случайный преступникъ. Такой срокъ достаточенъ въ 2 мѣсяца, въ крайнемъ случаѣ въ 3 мѣсяца. Чѣмъ вы его скорѣе освободите отъ тюрьмы, тѣмъ вы

его вѣрнѣе спасете отъ развращенія, отъ возможности полного паденія. Гдѣ же тутъ смыслъ? Допускается, что человѣкъ въ 8 мѣсяцевъ можетъ испортиться, а въ 6 мѣсяцевъ будто бы не можетъ. Въ современныхъ тюрьмахъ онъ такъ же можетъ испортиться въ 6 мѣсяцевъ, какъ и 8 мѣсяцевъ, можетъ испортиться и въ 5 мѣсяцевъ, и въ 4, и даже въ 3, и поэтому, чѣмъ скорѣе вы будете освобождать его, тѣмъ лучше. Слѣдовательно, нужно установить только наикратчайшій срокъ, въ который можно убѣдиться въ случайности паденія этого преступника, а такимъ срокомъ могутъ быть 2 мѣсяца и, въ крайнемъ случаѣ, 3 мѣсяца. Поэтому, по моему мнѣнію, нужно въ данномъ законопроектѣ сказать, что вопросъ о досрочномъ освобожденіи не только можно поднимать и ранѣе $\frac{3}{4}$ отбытія наказанія, но и добавить, что можно освобождать «по отбытіи не менѣе $\frac{1}{4}$ наказанія».

Гулькинъ (Бессарабская губ.). Милостивые государи, я скажу вамъ нѣсколько словъ. Здѣсь говорили многіе ораторы, ученые и все время указывали на Западную Европу, указывали на Германію и на Францію; Долго ли мы будемъ подражать Западной Европѣ и продолжать быть попутаями и обезьянами? Ни одинъ не сказалъ, что Франція ввела у себя условное освобожденіе послѣ французской революціи. Во время французской революціи тамъ свирѣпствовала гильотина и бѣлый терроръ. А у насъ, наоборотъ, во время русскихъ мятежей и разбоевъ вводятъ досрочное условное освобожденіе, да еще по отбытіи менѣе двухъ третей срока заключенія. Въ такомъ случаѣ я буду голосовать за отверженіе этой поправки.

Гр. Беннигсенъ (докладчикъ Комисіи по судебнымъ реформамъ). Быть можетъ, впослѣдствіи намъ придется сократить тотъ срокъ минимальнаго пребыванія доли наказанія въ мѣстѣ заключенія, какъ о томъ въ настоящее время высказываетъ свои пожеланія членъ Государственной Думы Бабянкскій, но я думаю, что въ настоящее время, когда мы дѣлаемъ еще первый шагъ въ этомъ направленіи, намъ лучше придерживаться такихъ примѣровъ, которые видимъ въ иностранныхъ государствахъ, гдѣ уже этотъ институтъ получилъ давнымъ давно права гражданства. Здѣсь намъ указывалось на 2 страны, гдѣ будто бы установлены $\frac{3}{4}$ наказанія—Германія и Италія. Я позволю себѣ указать, что тотъ же срокъ отбытія наказанія, именно три четверти, существуетъ и въ Венгріи, существуетъ и подъ бокомъ у насъ въ Финляндіи. Затѣмъ я позволю себѣ, параллельно съ этимъ, указать на то, что мы идемъ уже значительно дальше, чѣмъ многія другія законодательства, устанавливая минимальный срокъ заключенія—8 мѣсяцевъ. Та же Италія, о которой здѣсь говорилось, требуетъ пребыванія въ заточеніи или заключеніи не менѣе 3 лѣтъ. Въ Венгріи точно также срокъ болѣе значительный. Мы въ этомъ отношеніи идемъ дальше, чѣмъ тѣ государства, о которыхъ упоминалось, и я думаю, что идти еще дальше по пути сокращенія доли наказанія представлялось бы нецѣлесообразнымъ.

Предсѣдатель. Позвольте приступить къ голосованію. Угодно будетъ согласиться съ предложеніемъ замѣнить—это третья поправка къ отдѣлу III,—замѣнить слова: «три четверти» словами: «двѣ трети»? Поправка отклонена. Всѣ поправки отклонены.

Позвольте перейти далѣе: правила объ условномъ досрочномъ освобожденіи, статья первая.

Секретарь Государственной Думы. «Условное досрочное освобожденіе можетъ быть предоставлено заключеннымъ въ томъ случаѣ, если ихъ одобрительное поведеніе

во время заключенія даетъ достаточныя основанія предполагать, что, по освобожденіи изъ заключенія, они будутъ вести добропорядочный образъ жизни».

Предсѣдатель. По этой статьѣ поправокъ нѣтъ. Позвольте голосовать. Ст. 1 принята. Статья вторая.

Секретарь Государственной Думы. «Условное досрочное освобожденіе не предоставляется: 1) осужденнымъ за бродяжество и 2) тѣмъ изъ присужденныхъ къ заключенію въ тюрьмѣ, которые, по отбытіи сего заключенія, подлежатъ помѣщенію въ работномъ домѣ».

Предсѣдатель. Къ этой предлагается добавить третій пунктъ: «и осужденнымъ за конокрадство».

Лукашинъ (Рязанская губ.). О томъ злѣ, которое приписать крестьянству конокрадство, въ достаточной мѣрѣ говорилось гг. членами Думы въ прошедшемъ засѣданіи, а потому я объ этомъ много не буду говорить. Вносимую нами поправку отъ имени крестьянъ мы покорнѣйше просимъ принять.

Скоропадскій (Черниговская губ.). Значить, предлагается не предоставлять условнаго досрочнаго освобожденія осужденнымъ за конокрадство. Съ этой поправкой, какъ мнѣ кажется, никакъ нельзя согласиться. Разсмотримъ тѣ доводы, которые приводились въ пользу этой поправки въ Коммисіи. Говорили, что для этого преступленія нужно сдѣлать исключеніе, потому что это промыселъ, при томъ промыселъ организованный. Но то же самое можно сказать относительно ростовщичества, на примѣръ, а потомъ и кража можетъ тоже совершаться въ видѣ промысла. Въ видѣ промысла могутъ совершаться и другія преступленія. Если мы распространимъ исключеніе на другія преступленія, которыя совершаются въ видѣ промысла, то тѣмъ самымъ законъ объ условномъ досрочномъ освобожденіи мы сведемъ на нѣтъ. Это особенно будетъ въ томъ случаѣ, если пройдетъ законъ объ условномъ осужденіи, благодаря которому случайные преступники рѣдко будутъ сразу попадать въ тюрьмы. Затѣмъ нѣтъ никакого основанія полагать, что и тѣ преступники, которые совершаютъ преступленія въ видѣ промысла, не способны на исправленіе. По крайней мѣрѣ на этой точкѣ зрѣнія Коммисія не стояла, и законопроектъ этой точки зрѣнія не раздѣляетъ, и потому говорить о томъ, что этотъ принципъ нужно имѣть въ виду, въ данномъ случаѣ нѣтъ никакихъ основаній. Говорятъ еще, что это преступленіе особенно тяжкое, оно разоряетъ крестьянское хозяйство и проч. и проч. На это можно возразить, что со всѣми вообще преступленіями, болѣе или менѣе тяжкими, надо энергично бороться, но если согласиться съ тѣмъ, что это преступленіе исключительно тяжкое, то тогда будетъ совершенно логичнымъ требованіе усилить репрессіи. Если бы усилить репрессіи, то тогда вы достигнете двухъ цѣлей: 1) это преступленіе будетъ строже караться, а 2) на это преступленіе условное освобожденіе не будетъ распространяться, потому что оно выйдетъ изъ той категоріи, на которую такое условное освобожденіе по законопроекту распространяется. Главнымъ образомъ, съ нетерпимостью къ этому преступленію относятся крестьяне. Это вполне понятно. Никто больше этого сословія не терпитъ отъ конокрадства. Такое отношеніе къ конокрадамъ совершенно законно. Но во всякомъ случаѣ становится намъ на эту точку зрѣнія и здѣсь дѣйствовать согласно чувствованію разсудка нельзя. Во всякомъ случаѣ это обывательская точка зрѣнія, на которую юристъ стать не можетъ, а законодательное учрежденіе тѣмъ болѣе. Въ заключеніе посмотримъ еще съ одной стороны на этотъ вопросъ, съ точки зрѣнія цѣлесообразно-

сти. Вѣдь, условное досрочное освобожденіе имѣетъ цѣлью борьбу съ преступленіемъ, пресѣченіе рецидивовъ. Почему же намъ эти благотворныя послѣдствія не распространить и на конокрадовъ? Съ этой точки зрѣнія тоже поправка, принятая Коммисіей, критики не выдерживаетъ, а потому я предполагалъ бы болѣе цѣлесообразнымъ и правильнымъ эту поправку отклонить.

Предсѣдатель. По отдѣлу III поправки были отвергнуты голосованіемъ, но самый отдѣлъ принятъ. Я его не ставилъ на голосованіе. Позвольте его поставить на голосованіе. Отдѣлъ III принятъ.

Тимошкинъ (отъ русскаго населенія Закавказья). Господа члены Государственной Думы! Я никакъ не могу согласиться съ членомъ Государственной Думы Скоропадскимъ, который отъ имени Коммисіи заявляетъ, что Коммисія эту поправку отвергаетъ. (*Скоропадскій съ мѣста:* нѣтъ, я говорилъ отъ своего имени, а не отъ имени Коммисіи). Извиняюсь, господа! Крестьянская группа вообще проситъ принять эту поправку относительно конокрадства. Конокрадство это такое зло, которое хуже неурожаевъ у насъ въ Россіи, хуже пьянства. Пьянство не разоряетъ крестьянъ такъ, какъ конокрадство; поэтому я настаивалъ бы и просилъ Государственную Думу не распространять этотъ законъ на конокрадовъ.

Андрейчукъ (Волынская губ.). Господа члены Государственной Думы! Настоящую поправку мы, крестьяне, просимъ принять и не распространять этотъ законъ на конокрадовъ; никакого снисхожденія имъ не давать. Мы будемъ просить внести еще законъ, по которому бы воровъ по ремеслу вѣшали, а ничуть не давали бы имъ снисхожденія.

Сторчакъ (Херсонская губ.). Господа народные представители! Я слышу, что здѣсь идетъ рѣчь объ условномъ досрочномъ освобожденіи тѣхъ, которые сидятъ за слово, а не тѣхъ, которые убиваютъ, мотаютъ и воруютъ лошадей, вовсе не тѣхъ. Ихъ вовсе не слѣдуетъ выпускать; имъ надо назначить болѣе строгое наказаніе. Это тѣ, которые обижаютъ людей. Я 20 лѣтъ хозяйничаю и не могу завести ни вола, ни лошади. Я бы гдѣ нибудь позылъ или заработалъ, но придутъ и заберутъ ихъ у меня; значитъ ихъ надо убить. Это—первое, а во-вторыхъ, какой законъ въ Россіи существуетъ? Какъ это можно, если 4 человѣка одного убили, то посидѣли они 1½ мѣсяца въ тюрьмѣ, а потомъ ихъ за деньги выручаютъ изъ тюрьмы, значитъ на поруки выпускаютъ. Какой же это законъ? Тюрьма взяла ихъ, а потомъ ихъ взяли на поруки, и они себѣ ходятъ совершенно безъ страха, всѣ 4; они признавались судебному слѣдователю, что кто ударилъ топоромъ, кто клиномъ, кто чѣмъ другимъ, а потомъ ходятъ на свободѣ. Какой такой законъ? А за одно слово сидятъ въ тюрьмѣ, вѣдь за одно только то, что слово сказалъ, а не убилъ. Развѣ это такъ хорошо?

Кузовновъ (Калужская губ.). Господа члены Государственной Думы. Всѣмъ извѣстно, какой ужасный бичъ для крестьянина представляетъ это конокрадство. Можете себѣ представить, что въ то время, когда самая страдная пора и вдругъ крестьянинъ лишается своей рабочей силы, какъ 2 или 1 лошадь, сколько у кого есть,—вы можете себѣ представить, какой въ этомъ отношеніи онъ терпитъ матеріальный ущербъ. Онъ остается безъ всего, какъ говорится безъ рукъ, и мы всецѣло отъ имени крестьянъ просимъ Государственную Думу принять эту поправку.

Замысловскій (Виленская губ.). По вопросу о конокрадахъ я говорить не собираюсь. Возражу только нѣсколько словъ члену Думы Скоропадскому, который сказалъ, что въ этомъ вопросѣ почему то нельзя становиться на обывательскую точку зрѣнія.

Мнѣ кажется, какъ разъ въ этомъ вопросѣ и нужно стать на обывательскую точку зрѣнія, на нее и законъ уже сталъ; поэтому за конокрадство въ видѣ промысла наказаніе значительно выше, чѣмъ за другую кражу. Но кромѣ поправки о конокрадахъ, я отъ имени фракціи правыхъ вношу еще одну поправку слѣдующаго содержанія: перечисляя тѣ категоріи лицъ, на которыя досрочное освобожденіе не распространяется, я дополняю: и къ тѣмъ, кто послѣ отбытія наказанія за кражу, грабежъ, за разбой, мошенничество, ростовщичество, святотатство, присвоеніе и поджогъ снова совершаютъ не позже какъ черезъ 8 лѣтъ какое либо изъ приведенныхъ преступленій и будутъ отбывать за это наказаніе,—поправка эта относится къ рецидивистамъ по преступленіямъ имущественнымъ. Мнѣ кажется, что рассчитывать на исправленіе тѣхъ лицъ, которыя совершили имущественныя преступленія, отбыли за эти преступленія наказаніе, и снова во второй разъ совершаютъ такія же корыстныя преступленія, едва ли возможно. Едва ли возможно, чтобы человѣкъ, осужденный за ростовщичество, отбывшій за это наказаніе и второй разъ попавшійся въ томъ же ростовщичествѣ, вдругъ отъ этого вторичнаго сидѣнья въ тюрьмѣ исправится и ростовщикомъ быть перестанетъ. Точно также какой нибудь пристанодержатель или покупецъ завѣдомо краденаго, отбывшій наказаніе и вновь вернувшійся къ своему ремеслу, врядъ ли исправится послѣ того, какъ будетъ сидѣть вторично въ тюрьмѣ. Между тѣмъ, съ точки зрѣнія тюремнаго начальства, такіе покупщики завѣдомо краденаго и ростовщики являются обыкновенно самыми лучшими арестантами. Это народъ спокойный и покладистый, непріятности тюремному начальству онъ не надѣлаетъ и изъ-за какихъ нибудь гнилыхъ щей скандала не подниметъ, тогда какъ, наоборотъ, лица, отбывающія наказаніе за личное преступленіе, очень часто бываютъ тюремному начальству непріятны. Само собою разумѣется, что если какой нибудь человѣкъ въ запальчивости и раздраженіи нанесъ другому рану, то, обладая столь неуравновѣшеннымъ темпераментомъ, очень возможно, что, сидя въ тюрьмѣ, когда подадутъ гнилыя щи, онъ затѣетъ скандалъ и попадетъ, съ точки зрѣнія тюремнаго начальства, въ разрядъ тѣхъ лицъ, коихъ освободить нельзя. Вотъ почему, если мы выдѣлимъ изъ закона тѣхъ лицъ, которыя являются рецидивистами по имущественнымъ преступленіямъ, то, мнѣ кажется, будемъ содѣйствовать болѣе правильному примѣненію закона тюремнымъ начальствомъ; тогда, именно, тюремное начальство будетъ вдумчиво смотрѣть на дѣло и будетъ освобождать тѣхъ лицъ, которыя дѣйствительно раскаялись, хотя наружно можетъ быть проявляли извѣстную грубость и строптивость. Въ виду сказаннаго, я полагаю бы, что предлагаемая мною поправка должна быть принята.

Коваленко (Кіевская губ.). Господа, мнѣ кажется, что уже довольно крестьяне высказались. Мнѣ осталось мало сказать. Я сочувствую, дѣйствительно, я очень сочувствую тѣмъ людямъ, которые попадаютъ въ тюрьму за малые проступки. Это дѣло. Но я не сочувствую тѣмъ, которые обижаютъ какъ лошади, такъ и другими крайними нашими насущными крестьянскими нуждами. Поэтому я предложилъ бы такую поправку. За границей дѣлаются такіе хорошіе выводы, которые примѣняются на дѣлѣ, и я слышалъ, что въ Китаѣ примѣняется хорошее наказаніе къ тѣмъ, которые крадутъ и проч.: берутъ доску и надѣвдаютъ на шею съ надписью, что за такія то и за такія вины онъ отбываетъ наказаніе. Преступники дома кормятся, правительство ихъ не кормитъ. Такая поправка была бы очень важная, а ваши поправки пользы не могутъ сослужить.

Сушковъ (Курская губ.). Господа члены Государственной Думы, въ законъ, который вами почти уже принятъ, вносятся теперь поправки. Какъ можно такія поправки принимать, коли тотъ законъ, который почти вами принятъ, онъ также несвоевременно? Это доказывается тѣмъ, что наши избиратели возложили на насъ пересоздавать и пересматривать старые законы для того, чтобы имъ жилось лучше того времени, какъ они жили по старому. Что же мы издаемъ? Крестьяне при томъ законѣ, который существовалъ,—они что дѣлали? Дѣйствовали самосудомъ. Крестьянинъ, видя такое страшное разореніе отнятіемъ послѣдней скотины, которой онъ зарабатывалъ кусокъ хлѣба, и видя, что этого человѣка, котораго, какъ покладистаго, добровольно освобождали, а теперь будутъ официально освобождать,—не можетъ не сказать: что же мнѣ дѣлать нужно? Если онъ будетъ выпущенъ, такъ онъ опять придетъ и украдетъ. Поэтому я ходатайствую отклонить эту поправку и дать возможность крестьянамъ свободно заработать кусокъ хлѣба. (*Голоса:* принять, а не отклонить). Принять, я оговорился.

Гр. Уваровъ (Саратовская губ.). Господа члены Государственной Думы, вы сейчасъ присутствовали при очень опредѣленномъ фактѣ: крестьяне-депутаты, несмотря на раздѣленіе ихъ на партіи, всѣ единогласно ходатайствуютъ предъ Государственной Думой, чтобы была внесена поправка въ томъ смыслѣ, чтобы законъ о досрочномъ освобожденіи не распространялся на конокрадовъ. Господа, это очень характерный фактъ. Конокрадство есть такое характерное явленіе въ Россіи, которое для каждаго, кто когда либо жилъ въ деревнѣ, является чѣмъ то совершенно другимъ, чѣмъ простая кража или даже грабежъ. Этого нельзя измѣрять разными западно-европейскими понятіями и т. д. Поэтому, я думаю, что желаніе крестьянъ, чтобы досрочное освобожденіе на конокрадовъ не распространялось, совершенно законно, правильно, совершенно жизненно и вызывается спеціальными требованіями именно русской жизни. Поэтому, господа, я думаю, что слѣдуетъ принять эту поправку. Я долженъ добавить къ этому, что фракція 17 октября раздѣляетъ вполне соображенія крестьянской группы и будетъ баллотировать за принятіе этой поправки.

Андроновъ (Пензенская губ.). Господа члены Государственной Думы, по моему глубокому убѣжденію, если вносить въ какой нибудь законъ какія либо исключенія, то это нужно дѣлать лишь только въ самой крайней необходимости. Вотъ такой крайней необходимости въ данномъ случаѣ я совершенно не вижу. Крестьянская группа, совершенно вѣрно, единогласно предлагаетъ внести поправку, чтобы условное досрочное освобожденіе не распространялось на конокрадовъ, но почему, на какихъ основаніяхъ,—это совершенно не было указано. Было доказано только всѣми говорившими, что законъ, репрессіи, которыя направлены противъ конокрадовъ, что они недостаточны, но, вѣдь и тѣ, кто возстаютъ противъ этой поправки, и они согласны, но они указываютъ крестьянамъ другой болѣе правильный, болѣе дѣйствительный путь. Противники поправки говорятъ крестьянамъ: если вы хотите усилить репрессіи, то идите другимъ путемъ, идите путемъ законодательнаго почина,—этого права у васъ никто отнять не можетъ, и если вы внесете законопроектъ, который будетъ карать конокрадство даже каторжными работами, то, я думаю, всѣ противники этой поправки съ удовольствіемъ подпишутся подъ этимъ законопроектомъ. Что же касается того, что мы хотимъ попутнымъ путемъ основной принципъ измѣнить и ввести въ этотъ законъ различныя измѣненія, то это по моему весьма опасный путь, опасный потому, что разъ внесена одна поправка, то безусловно невозможно удержаться, чтобы не внести

и другую. Блестящій примѣръ этому мы видимъ въ томъ, что депутатъ Замысловскій уже вноситъ цѣлый рядъ замѣчаній по различнымъ родамъ преступленій. По моему глубокому убѣжденію это совершенно не допустимо: или мы довѣряемъ тѣмъ учрежденіямъ, которыя будутъ примѣнять этотъ законопроектъ, или мы имъ не довѣряемъ, тогда мы не должны вносить этого законопроекта. На основаніи всего вышеизложеннаго, я предлагаю поправку о конокрадствѣ, а также поправку г. Замысловскаго отвергнуть.

Гр. Беннигсенъ (докладчикъ Комисіи по судебнымъ реформамъ). Комисія по судебнымъ реформамъ, обсудивъ третьяго дня поправку, внесенную крестьянской группой, присоединилась по большинству голосовъ къ этой поправкѣ. Комисія имѣла въ виду, что, какъ я уже неоднократно говорилъ, цѣлью этого института является исправленіе преступника; между тѣмъ конокрадство является преступленіемъ, совершаемымъ почти исключительно по ремеслу. Въ виду этого, Комисія стояла на той точкѣ зрѣнія, что примѣненіе условнаго досрочнаго освобожденія въ данномъ случаѣ окажется фактически неосуществимымъ, ибо рассчитывать на исправленіе конокрадовъ, лицъ, совершающихъ преступленія по ремеслу, живущихъ этими преступленіями, является почти невысказаннымъ: и въ виду этого Комисія признала возможнымъ согласиться съ поправкой крестьянской группы, при чемъ предлагаетъ лишь редактировать ее такъ: «и лицамъ, осужденнымъ за кражу лошади», вслѣдствіе того, что это является болѣе общимъ опредѣленіемъ этого преступленія въ нашемъ дѣйствующемъ законодательствѣ. Засимъ, что касается поправки, внесенной здѣсь членомъ Государственной Думы Замысловскимъ, то, хотя эта поправка не была въ виду у судебной Комисіи, я думаю, что она къ ней не присоединилась бы, ибо еще при первоначальномъ обсужденіи этого законопроекта въ Комисіи она имѣла въ виду вопросъ о распространеніи условнаго досрочнаго освобожденія вообще на всѣхъ рецидивистовъ, и тогда Комисія согласилась съ доводами Министерства Юстиціи, которое указывало на нецѣлесообразность этого распространенія. Не нужно вѣдь забывать, господа, что условное досрочное освобожденіе является не обязанностью того совѣщанія или того окружнаго суда, которые этотъ вопросъ разрѣшаютъ, а является ихъ правомъ; и нужно вѣрить этимъ учрежденіямъ въ томъ, что они не станутъ всякаго рецидивиста, который можетъ быть двадцать разъ былъ осужденъ за кражу, освобождать изъ тюрьмы, вѣря въ то, что онъ черезъ два-три мѣсяца пребыванія въ тюрьмѣ исправился. Я думаю, что всѣ тѣ преступныя дѣянія, о которыхъ говорилъ членъ Государственной Думы Замысловскій, явятся именно такими преступными дѣяніями, при которыхъ условное досрочное освобожденіе будетъ примѣняться въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ. Поэтому я думаю, что эта поправка является неприемлемою.

Предсѣдатель. Позвольте приступить къ голосованію. Предлагается по ст. 2 правилъ послѣ словъ «въ работномъ домѣ» добавить «и осуждаемымъ за конокрадство». Затѣмъ я поставлю предложеніе члена Государственной Думы Замысловскаго.

Тимошкинъ (отъ русскаго населенія Закавказья). Позвольте по поводу голосованія. Господа члены Государственной Думы, вѣдь вамъ извѣстно всѣмъ, мнѣ кажется, не вездѣ работаютъ только на лошадяхъ; во многихъ мѣстахъ работаютъ и на волахъ; мнѣ кажется, слѣдовало бы прибавить «за конокрадство и за кражу воловъ».

Предсѣдатель. Предлагается голосовать. Комисія первоначально предлагала прибавить слова: «и осужденнымъ за конокрадство». Докладчикъ предлагаетъ замѣ-

нить эти слова словами «за кражу лошадей». Позвольте сначала поставить последнюю поправку, внесенную членом Государственной Думы Тимошкинымъ, которая состоитъ въ томъ, что послѣ словъ «въ работномъ домѣ» прибавить слова «осужденнаго за кражу крупнаго рабочаго скота». Предложеніе усвоено? Предложеніе отклонено. Предлагается, далѣе, добавить слова: «осужденнаго за кражу лошади». Позвольте просить васъ занять мѣста. Здѣсь заявляютъ, что многіе не поняли самаго голосованія. Позвольте его повторить, одно предложеніе—послѣ словъ: «въ работномъ домѣ», поставить слова: «и осужденныхъ за конокрадство».

Кн. Волконскій (Рязанская губ.). Позвольте предложить вопросъ, чтобы объяснить это. Мы понимаемъ, что кража лошади и конокрадство не одно и то же. Конокрадъ это—тотъ, который сбываетъ лошадей, а кражу лошади можетъ совершить и случайное, можетъ быть, лицо помогавшее. Вотъ въ чемъ вся разница.

Гр. Беннигсенъ (докладчикъ Коммисіи по судебнымъ реформамъ). Коммисія по судебнымъ реформамъ имѣла въ виду, что подъ словомъ: «конокрадство» понимается кража лошади по ремеслу, между тѣмъ доказать ремесло сплошь и рядомъ бываетъ трудно, и въ такомъ случаѣ является уже кража лошади. Такимъ образомъ, Коммисія стояла на той точкѣ зрѣнія, что если вы поставите слово «конокрадство», то большинство конокрадовъ подъ это изъятіе не подпадетъ. Поэтому Коммисія высказалась за замѣну слова «конокрадство» словомъ «кража лошади».

Замысловскій (Виленская губ.). Я не знаю, какъ эти слова понимала Коммисія, но въ уставѣ о наказаніяхъ говорится о кражѣ лошади. Объ этомъ сказано въ п. 4 ст. 170, гдѣ говорится, что за кражу, предусмотрѣнную ст. 169 устава о наказаніяхъ и обложенную тюрьмою отъ 3 до 6 мѣсяцевъ, отвѣтственность можетъ быть усилена до года тюрьмы. Въ ст. 170²⁸ пунктовъ, и вотъ въ п. 4 говорится о кражѣ лошади. Затѣмъ, существуетъ въ уложеніи о наказаніяхъ ст. 1654¹, которая караетъ «конокрадство въ видѣ промысла» арестантскими отдѣленіями. Кромѣ того въ уложеніи есть статья, если не ошибалось 930¹, которая караетъ за пристанодержательство лошадей, учиненное въ видѣ промысла. Такимъ образомъ термина «конокрадство» въ законѣ нѣтъ, въ законѣ есть 2 термина—или «кража лошади», или конокрадство въ видѣ промысла, а термина—«конокрадство» вообще нѣтъ. Само собою разумѣется, что выраженіе «кража лошади» гораздо шире, потому что подъ это подпадаетъ и то конокрадство, которое совершено въ видѣ промысла, и то, которое учинено не въ видѣ промысла, въ видѣ отдѣльной кражи. По теоріи уголовного права и по судебной практикѣ обыкновенно подъ понятіе «кража» относятъ и преступленія, примыкающія къ самому совершенію дѣянія, т. е. укрывательство, попустительство и т. д. Такимъ образомъ, если мы выскажемся, что законъ не распространяется на дѣла о кражѣ лошади, то, мнѣ кажется, мы обнимемъ тутъ и самую кражу лошади, какъ единичное преступленіе, и конокрадство въ видѣ промысла, а также и дѣлія тѣхъ лицъ, которыя причастны къ этому преступленію въ видѣ укрывателей, попустителей, доносителей; но, конечно, было бы лучше, если бы выразиться точнѣе о томъ, укрыватели, попустители и доносители входятъ въ опредѣляемую нами группу или не входятъ. Мнѣ лично казалось бы, что въ выраженіи «кража лошади» подъ понятіемъ совершившихъ преступленіе надо понимать и тѣхъ лицъ, которыя являются укрывателями, попустителями и доносителями. Но, повторяю, лучше это объяснить точнѣе.

Павловичъ (Минская губ.). Я хочу сказать исключительно по постановкѣ вопроса. Если у насъ при голосованіи произошло замѣшательство, то это потому, что очень многіе не знали, если бы мы отвергли кражу лошади, то былъ ли бы тогда поставленъ вопросъ о конокрадствѣ. Въ этомъ все. Для насъ же это очень важно, потому что мы понимаемъ, что, вѣдь, вопросъ о досрочномъ освобожденіи будетъ рѣшать судебный патронатъ, который не будетъ такъ точно входить въ то, что такое кража лошади и что такое конокрадство, а пойметъ такъ: разъ человѣкъ былъ причастенъ къ конокрадству, т. е. къ тому бѣдствію, которое теперь находится по всему лицу земли русской, онъ пойметъ, какъ относиться къ этому, какъ бы сказано ни было—конокрадство или просто кража лошади.

Щечковъ (Курская губ.). Это непониманіе было слѣдствіемъ того, что крестьянину хорошо извѣстенъ тотъ бичъ, который онъ именуетъ конокрадствомъ. Послѣ объясненій, данныхъ г. Замысловскимъ, теперь, мнѣ кажется, уже ясно, что понятіе о кражѣ лошади обнимаетъ собой и понятіе о конокрадствѣ. Такъ не только тѣ конокрады, которые занимаются этимъ профессионально, какъ промысломъ, но и пособники ихъ, и прочія лица, сюда причастныя, будутъ устранены отъ той льготы, которая здѣсь предполагается по отношенію къ заключеннымъ въ тюрьмѣ. Поэтому мнѣ и хотѣлось указать, что это включается въ понятіе о конокрадствѣ, т. е. кража лошади. Поэтому послѣ этихъ объясненій это уже не должно смущать крестьянъ.

Предсѣдатель. Позвольте баллотировать два предложенія. Одно предложеніе формулировано такъ: прибавить слова «осужденнымъ за конокрадство» и другое предложеніе—замѣнить это выраженіе словами «осужденнымъ за кражу лошади». Позвольте ставить послѣднее предложеніе на голосованіе: «осужденнымъ за кражу лошади». Противъ формулы «за кражу лошади» 130. За формулу «за кражу лошади»—205. Угодно будетъ принять всю статью съ той поправкой, которая принята. Статья принята. Виноватъ, по этой статьѣ было предложеніе члена Государственной Думы Замысловскаго слѣдующаго содержанія.

Товарищъ Предсѣдателя Государственной Думы кн. Волконскій. Добавить къ статьѣ 3 слова «и тѣмъ, кои послѣ отбытія наказанія за кражу, грабежъ, разбой, мошенничество, ростовщичество, присвоеніе, святотатство и поджогъ снова совершаютъ, не позже, какъ черезъ восемь лѣтъ, какое либо изъ перечисленныхъ преступленій и будутъ отбывать за это наказаніе».

Предсѣдатель. Позвольте голосовать прибавленіе къ этой статьѣ, внесенное членомъ Государственной Думы Замысловскимъ. Предложеніе отклонено.

Секретарь Государственной Думы. Статья третья. Предоставленіе условнаго досрочнаго освобожденія не устраняетъ дѣйствія постановленій объ отдачѣ подъ надзоръ мѣстной полиціи и объ ограниченіяхъ въ правѣ избранія и перемѣны мѣста жительства (ст. 58¹ и 58² улож. наказ., по прод. 1902 г., и ст. 34 и 35 угол. улож.). Сроки дѣйствія означенныхъ постановленій исчисляются со времени условнаго освобожденія осужденнаго.

Предсѣдатель. По этой статьѣ поправокъ нѣтъ? Угодно кому нибудь высказаться? Позвольте голосовать. Ст. 3 принята.

Секретарь Государственной Думы. Статья четвертая. Возбужденію вопроса объ условномъ досрочномъ освобожденіи заключенныхъ принадлежитъ лицамъ прокурорскаго надзора, начальнику мѣста заключенія, членамъ мѣстныхъ обществъ патро-

ната, директорамъ, директрисамъ и членамъ благотворительно-тюремныхъ комитетовъ, комитетовъ и отдѣленій общества попечительнаго о тюрьмахъ и состоящимъ при мѣстѣ заключенія духовнымъ лицамъ и врачамъ.

Предсѣдатель. По самой статьѣ 4 измѣненій нѣтъ, но есть добавленія. Позвольте предварительно голосовать самую статью, а затѣмъ предложить на голосованіе то добавленіе, которое имѣется. Угодно будетъ кому нибудь высказаться по ст. 4? Позвольте ее голосовать. Ст. 4 принята. Угодно будетъ принять добавленіе къ этой статьѣ, изложенное въ слѣдующихъ словахъ?

Товарищъ Предсѣдателя Государственной Думы кн. Волконскій. Дополнить ст. 4 словами: «Вопросъ объ условномъ досрочномъ освобожденіи можетъ быть возбужденъ и до истеченія трехъ четвертей опредѣленнаго судебнымъ приговоромъ срока, но съ тѣмъ, чтобы само освобожденіе было осуществлено не раньше истеченія этого срока.

Гр. Беннигсенъ (докладчикъ Комисіи по судебнымъ реформамъ). Комисія по судебнымъ реформамъ принимаетъ это добавленіе.

Предсѣдатель. Угодно высказаться? Позвольте предложить на голосованіе предложенное добавленіе. Добавленіе принято. Затѣмъ предлагается послѣ ст. 4 поставить особую статью.

Товарищъ Предсѣдателя Государственной Думы кн. Волконскій. Послѣ ст. 4 предлагается нижеслѣдующая новая статья: «4¹. При всѣхъ тюремно-исправительныхъ заведеніяхъ учреждается особая должность наблюдателя, на котораго возлагается ежедневное наблюденіе за поведеніемъ заключенныхъ и регулярное записываніе всѣхъ ихъ поступковъ. При чемъ эти наблюдатели по подчиняются тюремному начальству, а непосредственно Министерству и назначаются по рекомендаціи обществъ патронажа, если таковыя существуютъ въ районѣ».

Предсѣдатель. Возраженій нѣтъ?

Гр. Беннигсенъ (докладчикъ Комисіи по судебнымъ реформамъ). Комисія по судебнымъ реформамъ не признала возможнымъ согласиться на включеніе въ законъ этой статьи, ибо учрежденіе подобнаго рода должности должно бы сопровождаться болѣе точнымъ опредѣленіемъ порядка ея назначенія и указаніемъ объема правъ, предоставляемыхъ этой должности, чего въ настоящее время у насъ не имѣется, и самое лицо, которое эту статью внесло, никакихъ дальнѣйшихъ подробностей пока не указываетъ. Въ виду этого Комисія полагаетъ, что эту поправку слѣдуетъ отвергнуть.

Еп. Евлогій (отъ православнаго паслониіа Люблинской и Сѣдлецкой губ.). Я бы, господа, вмѣсто этой статьи, рекомендовалъ учредить постоянную должность тюремнаго священника. Мнѣ кажется, что никто не можетъ такъ способствовать успѣшному примѣненію этого принимаемаго нами законопроекта, какъ именно пастырь церкви—священникъ. Священникъ является истиннымъ свидѣтелемъ совѣсти осужденнаго; въ тайнѣ исповѣди ему открывается вся его больная душа; кромѣ того онъ является не только свидѣтелемъ, но и врачомъ этой больной души; онъ возбуждаетъ въ ней спасительное чувство покаянія, онъ именно проливаетъ въ эту темную душу лучъ христіанскаго утѣшенія и одобренія и можетъ поставить преступника на новую дорогу жизни. Вы помните изъ «Записокъ изъ мертваго дома» то чудное мѣсто, когда при чтеніи великой молитвы покаявшимся разбойникомъ «помяни

мя, Господи, въ царствіи Твоемъ», всѣ преступники, какъ одинъ человѣкъ, гремя кандалами, упали ницъ, охваченные высокимъ чувствомъ христіанскаго покаянія. Я хочу указать, какимъ могучимъ средствомъ нравственнаго воздѣйствія въ молитвѣ, въ таинствѣ и словѣ Божьемъ располагаетъ пастырь церкви, если онъ постоянно пребываетъ въ тюрьмѣ, какъ велика бываетъ его миссія. Но для того, чтобы миссія его осуществилась, для того, чтобы наши мертвые дома дѣйствительно превратились въ дома милосердія и, скажу, въ дома воскресенія, надо, чтобы священникъ въ нихъ не былъ только рѣдкимъ, случайнымъ гостемъ-посѣтителемъ, а постояннымъ жителемъ. Поэтому, мнѣ кажется, для благотворнаго и успѣшнаго исполненія этого законопроекта нашему Правительству должно позаботиться о томъ, чтобы при каждой тюрьмѣ по возможности былъ постоянный священникъ, другъ и руководитель совѣсти тѣхъ несчастныхъ, которые попадаютъ въ тюрьму. Вотъ къ чему сводится мое предложеніе.

Предсѣдатель. Позвольте отложить сужденія по внесенному преосвященнымъ Евлогіемъ предложенію, потому что это новое предложеніе. Позвольте его поставить какъ особое въ концѣ. А сейчасъ позвольте голосовать предложенную новую ст. 4¹. Ст. 4¹ отклонена.

Ст. 5. Позвольте, можетъ быть, ст. 5 пройти, это самая тяжелая, очень много въ ней поправокъ. (*Голоса: просимъ*).

Секретарь Государственной Думы. «Вопросъ о примѣненіи условнаго досрочнаго освобожденія къ заключенному вносится начальникомъ мѣста заключенія на обсужденіе особаго совѣщанія, образуемаго подъ предсѣдательствомъ мѣстнаго мирового судьи, а въ мѣстностяхъ, гдѣ введено положеніе о земскихъ участковыхъ начальникахъ, мѣстнаго уѣзднаго члена окружнаго суда, изъ начальника мѣста заключенія или его помощника и состоящихъ при мѣстѣ заключенія духовнаго лица того вѣроисповѣданія, къ коему принадлежитъ заключенный, врача, имѣвшаго надъ нимъ наблюденіе или пользовавшаго его отъ болѣзни, и завѣдывающаго обученіемъ заключенныхъ, двухъ директоровъ или директрисъ мѣстныхъ комитета или отдѣленія общества попечительнаго о тюрьмахъ, по избранію сихъ установленій, а гдѣ учреждены общества патроната—двухъ членовъ сихъ обществъ, избираемыхъ правленіемъ общества съ согласія прокурора мѣстнаго окружнаго суда.

Для законности состава совѣщанія необходимо присутствіе предсѣдательствующаго, начальника мѣста заключенія или его помощника, одного изъ директоровъ или директрисъ мѣстныхъ комитета или отдѣленія общества попечительнаго о тюрьмахъ, или одного изъ членовъ общества патроната.

Примѣчаніе. Въ С.-Петербургѣ и Москвѣ директора и директрисы благотворительно-тюремныхъ комитетовъ избираются въ члены особаго совѣщанія правленіями сихъ комитетовъ».

Еп. Евлогій (отъ православнаго населенія Люблинской и Сѣдлецкой губ.). По тѣмъ же самымъ соображеніямъ, которыя я уже имѣлъ честь высказать Государственной Думѣ, я думаю, что въ перечнѣ лицъ, которыя необходимы для состава совѣщанія при рѣшеніи вопроса о примѣненіи условнаго досрочнаго освобожденія, надо включить также и священника, такъ что во второй абзацѣ: послѣ словъ «для законности состава совѣщанія необходимо присутствіе предсѣдательствующаго», я бы поставилъ слова «священника».

Гр. Беннигсенъ (докладчикъ Коммисіи по судебнымъ реформамъ). Коммисія по судебнымъ реформамъ, обсудивъ тѣ поправки, которыя были внесены до настоящаго засѣданія, признала, что первая изъ этихъ поправокъ, а именно, о замѣнѣ словъ: «начальника мѣста заключенія» словами «лицомъ прокурорскаго надзора не ранѣе, какъ за двѣ недѣли до истеченія трехъ четвертей срока заключенія», едва ли является пріемлемой, ибо сводится къ осложненію того порядка, въ которомъ предложенія о предоставленіи досрочнаго освобожденія въ настоящее время идутъ. Въ сущности начальникъ мѣста заключенія является лишь передаточной инстанціей, которая своихъ заключеній никакихъ не даетъ, и поэтому заставлять ее свои заключенія представлять чрезъ прокурора окружнаго суда не представляется никакой надобности. Относительно второй поправки, послѣ словъ: «начальника мѣста заключенія», вставить слова: «въ недѣльный срокъ», Коммисія признала возможнымъ присоединиться къ мысли, изложенной въ этой поправкѣ, но находитъ, что недѣльный срокъ слѣдовало бы сократить и слѣдовало бы поставить «въ теченіе сутокъ», въ виду того, что въ другихъ мѣстахъ, гдѣ говорится объ обязанностяхъ начальника мѣста заключенія, для исполненія разныхъ порученій, на него возлагаемыхъ, настоящимъ закономъ установленъ суточный срокъ. Затѣмъ, Коммисія присоединяется вполне къ 3-й и 4-й поправкамъ, именно клонящимся къ замѣнѣ словъ: «мѣстнаго мирового судьи», словами «одного изъ мѣстныхъ мировыхъ судей, назначаемыхъ съѣздомъ мировыхъ судей», и послѣ слова «изъ» вставить слова: «лица прокурорскаго надзора». Что касается поправки, сдѣланной преосвященнымъ Евлогіемъ, то, казалось бы, она не можетъ встрѣтить возраженій, но слѣдовало бы тогда добавить, что въ тѣхъ тюрьмахъ, гдѣ означенные священнослужители имѣются, такъ какъ большинство тюремъ въ настоящее время не имѣетъ своихъ священниковъ.

Новицкій (Херсонская губ.). Въ концѣ статьи 5 этого законопроекта сказано, что въ особомъ совѣщаніи участвуютъ 2 члена, избираемые правленіемъ общества съ согласія прокурора мѣстнаго окружнаго суда. По проекту Министра Юстиціи здѣсь было сказано «съ согласія губернатора». Я предлагаю такую поправку: «съ согласія губернатора. по соглашенію съ прокуроромъ окружнаго суда», ибо устранить отъ участія губернатора въ данномъ случаѣ, мнѣ кажется, нельзя. Мы вчера, въ Коммисіи по судебнымъ реформамъ, рассматривали законопроектъ о воспитательныхъ и исправительныхъ пріютахъ. и тамъ именно является участіе губернатора, какъ одного изъ начальниковъ такого воспитательнаго пріюта, какъ главнаго начальника мѣстнаго управленія. Такъ что мы были бы непоследовательны, если бы допустили въ данномъ случаѣ только слова: «съ согласія прокурора».

Кривцовъ (Курская губ.). Первая поправка предлагаетъ дополнить 5-ю статью словами: «лицомъ прокурорскаго надзора, не ранѣе, какъ за 2 недѣли до истеченія $\frac{3}{4}$ срока заключенія». По моему, это добавленіе совершенно излишне, такъ какъ срокъ въ 2 недѣли нисколько не гарантируетъ возможности привести въ исполненіе предначертаній этого закона въ этотъ срокъ, въ который желательно, чтобы заключенный былъ освобожденъ. У насъ есть нѣкоторыя тюрьмы, отстоящія отъ окружнаго суда, на основаніи опредѣленій котораго это освобожденіе можетъ быть совершено, на разстояніи въ 700, а можетъ быть и 1,000 верстъ, при отсутствіи желѣзныхъ дорогъ, назначеніе двухнедѣльнаго срока въ этомъ случаѣ нисколько не гарантируетъ того, что это освобожденіе можетъ состояться въ желательное время. Поэтому, разъ мы

приняли поправку къ статьѣ 4-й о томъ, что возбужденіе вопроса объ освобожденіи можетъ быть произведено ранѣе истеченія срока, въ который заключенный можетъ быть освобожденъ, то этимъ самымъ установленіе срока двухнедѣльнаго, для возбужденія этого вопроса, мнѣ кажется, дѣлается совершенно излишнимъ. Что касается до второй поправки, то докладчикъ предлагаетъ замѣнить слова въ этой поправкѣ: «въ теченіе недѣли» словами: «въ теченіе однѣхъ сутокъ». Я съ такой замѣной не могу согласиться, и вотъ почему: вѣдь тутъ не говорится объ исполненіи начальникомъ тюрьмы какого нибудь постановленія, а о томъ, что онъ вноситъ вопросъ на обсужденіе въ особое совѣщаніе. Но вѣдь для того, чтобы внести что либо на обсужденіе въ особое совѣщаніе, нужно, чтобы это совѣщаніе состоялось, а собрать это не постоянно дѣйствующее совѣщаніе въ теченіе сутокъ быть можетъ окажется и невозможнымъ. Поэтому требовать въ данномъ случаѣ для сего суточного срока едва ли возможно. Я бы думалъ остановиться на той редакціи поправки, какъ она есть, т. е. оставить слова «въ теченіе недѣльнаго срока».

Ветчининъ (Орловская губ.). Господа члены Государственной Думы, я думаю, что не слѣдуетъ соглашаться съ предложеніемъ о томъ, чтобы вводить еще надзоръ губернатора. Я думалъ даже совершенно исключить слова «съ согласія прокурора мѣстнаго суда». Вѣдь патронатъ избираетъ двухъ лицъ, и неужели нельзя довѣрять патронату, что онъ выберетъ лицъ, вполне достойныхъ и вполне заслуживающихъ довѣрія, не обращаясь къ санкціи прокурорскаго надзора? Поэтому, я думаю, что слѣдуетъ послѣ словъ «избираемыхъ правленіемъ общества» поставить точку, а слова «съ согласія прокурора мѣстнаго суда» совершенно исключить.

Товарищъ Министра Юстиціи Люце. Министерство Юстиціи совершенно присоединяется къ мнѣнію, выраженному Коммисіей объ этихъ поправкахъ. Въ особенности Министерство должно настаивать на отклоненіи первой поправки относительно того, что вопросъ о примѣненіи условнаго досрочнаго освобожденія къ заключенному вносится не начальникомъ мѣста заключенія, а лицомъ прокурорскаго надзора. Такой вопросъ на разрѣшеніе совѣщанія внести невозможно, не имѣя всѣхъ данныхъ изъ тюрьмы. Поэтому, если это долженъ дѣлать прокурорскій надзоръ, то тогда прокурору придется наводить справки и, только получивъ ихъ, вносить дѣло на разрѣшеніе совѣщанія. Это будетъ только напраснымъ замедленіемъ. Въ сущности все равно, кто именно вноситъ дѣло въ совѣщаніе. Важно только, чтобы оно было внесено какъ можно скорѣе. Затѣмъ относительно новаго предложенія, чтобы совѣщаніе должно было разсматривать дѣло не иначе, какъ въ присутствіи священника, надо сказать, что оно не пріемлемо. Вообще присутствіе священника желательно, но онъ и имѣетъ возможность присутствовать. Если же прибытіе священника поставить непремѣннымъ условіемъ разрѣшенія дѣла, то придется за случайнымъ неприбытіемъ священника откладывать разрѣшеніе вопроса объ освобожденіи заключеннаго, а отсрочка разрѣшенія такого вопроса имѣетъ огромное значеніе для содержащагося подъ стражей. Казалось бы предпочтительнѣе не дѣлать присутствіе священника условіемъ, безъ котораго невозможно рѣшеніе дѣла.

Черносвитовъ (Владимірская губ.). Въ совѣщаніе, образуемое для того, чтобы освободить досрочныхъ, вводятся представители отъ обществъ патроната и попеченія о тюрьмахъ. Коммисія, измѣняя предположеніе министерскаго законопроекта,

поставила введеніе этихъ двухъ членовъ въ зависимость отъ согласія прокурора, вмѣсто предполагавшагося, по министерскому проекту, согласія губернатора. Депутатъ Ветчининъ уже указалъ на неудобство этого обусловливанія вхожденія этихъ двухъ членовъ съ согласія прокурора. Если Коммисія нашла возможнымъ устранить «съ согласія губернатора», то тѣмъ болѣе представляется желательнымъ устраненіе согласія со стороны прокурора. Законопроектъ мы считаемъ,—хотя Министръ Юстиціи отрекался отъ этого,—прогрессивнымъ, и если это такъ, то довѣріе къ тѣмъ обществамъ патронатовъ, которыя предполагается здѣсь учредить, въ самомъ же зародышѣ будетъ поколеблено этими возможными недоразумѣніями между лицами, хотя и не принадлежащими къ администраціи, но несомнѣнно находящимися подъ ея сильнымъ и близкимъ воздѣйствіемъ. Вотъ для того, чтобы этого не случилось, мною уже внесена поправка о томъ, чтобы эти слова «съ согласія прокурора окружнаго суда» были исключены.

Новицкій (Херсонская губ.). По моему убѣжденію, если только такая опека будетъ снята и г. прокуроръ не будетъ изъяслять своего согласія, тогда бы я спялъ свою поправку, и не нужно тогда согласія губернатора. Въ данномъ случаѣ нужно довѣрять, такъ сказать, избранію патроната обществомъ.

Гр. Беннигсенъ (докладчикъ Коммисіи по судебнымъ реформамъ). Первоначальная редакція законопроекта, внесеннаго въ Коммисію по судебнымъ реформамъ, именно требовала согласія губернатора; но Коммисія признала болѣе цѣлесообразнымъ вмѣсто словъ «съ согласія губернатора» поставить слова «съ согласія прокурора мѣстнаго окружнаго суда», ибо въ дѣйствительной жизни мы видимъ, что прокуроръ стоитъ гораздо ближе къ тюрьмамъ, чѣмъ губернаторъ, и всѣ вопросы тюремной администраціи, вопросы, сплошь и рядомъ касающіеся поддѣлѣдственныхъ, посѣщенія содержащихся подъ стражей посѣтителями, все это идетъ чрезъ руки прокурора; въ виду этого самый надзоръ за дѣятельностью патронатовъ несомнѣнно будетъ стоять ближе къ прокурору, чѣмъ къ губернатору. Въ виду этого Коммисія признаетъ, что замѣна прокурора губернаторомъ или дополненіе этого надзора не представляется цѣлесообразнымъ.

Предсѣдатель. Позвольте, господа, приступить къ голосованію. Предлагается—первая поправка—слѣдующія слова: «начальникомъ мѣстнаго заключенія» замѣнить словами: «лицомъ прокурорскаго надзора». Угодно будетъ баллотировать? Поправка отклонена. Затѣмъ, господа, дальше предлагалось сказать: «не раньше, какъ за двѣ недѣли до истеченія $\frac{3}{4}$ срока заключенія». Это одно предложеніе. Другое предложеніе: «въ недѣльный срокъ по возбужденіи вопроса о досрочномъ освобожденіи» и третье предложеніе: «въ суточный срокъ». Позвольте начать съ послѣдняго предложенія. Коммисія предлагаетъ суточный срокъ. Предложеніе принято. Слѣдовательно два остальныхъ предложенія сами собой падаютъ. Засимъ вторая поправка: слова «мѣстнаго мирового судьи» замѣнить словами «одного изъ мѣстныхъ мировыхъ судей», назначаемихъ съѣздомъ мировыхъ судей. Позвольте голосовать. Поправка принята. Третья поправка: послѣ словъ «уѣзднаго члена окружнаго суда изъ» вставить слова «лицъ прокурорскаго надзора». Угодно принять эту поправку? Поправка принята. Затѣмъ угодно будетъ согласиться въ концѣ перваго большаго абзаца слова «съ согласія прокурора мѣстнаго окружнаго суда» исключить? Принято. Разъ исключены эти слова, то вопросъ о губернаторѣ падаетъ.

Позвольте его не голосовать. Позвольте, это предложёніе было внесено членомъ Государственной Думы Новицкимъ, и если онъ его беретъ обратно, то позвольте уже не голосовать. Во 2-мъ абзацѣ предложёніе Преосвященнаго Евлогія поставить послѣ словъ «присутствіе предсѣдательствующаго» слово «священника».

Сыртлановъ (Уфимская губ.). Въ редакціонномъ смыслѣ было бы правильнѣе, если бы, вмѣсто слова «священника», были написаны слова: духовное лицо того вѣроисповѣданія, къ какому принадлежитъ заключенный».

Еп. Евлогій (отъ православнаго населенія Люблинской и Сѣдлецкой губ.). Я ничего не имѣю противъ такой редакціи.

Предсѣдатель. Это будетъ совершенно соответствовать словамъ перваго абзаца. Угодно будетъ принять это предложёніе? Принято. Угодно, господа, признать, что статья эта принята во всей совокупности со сдѣланными поправками? Ст. 5 принята. Угодно будетъ принять примѣчаніе къ этой статьѣ? Возраженій по существу нѣтъ? Примѣчаніе къ ст. 5 принято.

Секретарь Государственной Думы. «Вопросъ о предоставленіи условнаго досрочнаго освобожденія разрѣшается особымъ совѣщаніемъ по большинству голосовъ, причемъ при равенствѣ голосовъ мнѣніе предсѣдателя даетъ перевѣсъ».

Предсѣдатель. Поправка слѣдующая—слова: «мнѣніе предсѣдателя даетъ перевѣсъ» замѣнить словами: «причемъ при равенствѣ голосовъ принимается мнѣніе въ пользу осужденнаго».

Гр. Беннигсенъ (докладчикъ Комисіи по судебнымъ реформамъ). Комисія по судебнымъ реформамъ не признаетъ возможнымъ принятіе этой поправки въ виду того, что то совѣщаніе, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, не есть судебная коллегія, а есть мѣсто съ совѣщательными функціями, и вводитъ въ него правила опредѣленія голосовъ, принятые въ судебной коллегіи, не представляется основаній.

Савельевъ (Нижегородская губ.). Совершенно нѣтъ никакихъ основаній не принять подобную поправку. Дѣло въ томъ, что если въ болѣе важныхъ случаяхъ при рѣшеніи участи преступниковъ, чтобы его приговорить или оправдать,—что представляетъ, само собою разумѣется, гораздо большую важность,—и то принимается мнѣніе въ его пользу; между тѣмъ какъ тутъ дѣло идетъ только о снисхожденіи къ нему, о сокращеніи ему срока, при чемъ все это провѣрено. Если возникаютъ маленькія сомнѣнія, то, мнѣ кажется, вполне естественно и резонно высказаться въ его пользу. Я думаю, что слѣдуетъ принять поправку. Затѣмъ тотъ мотивъ, что дѣло идетъ о процессѣ, а тутъ процессуальной стороны нѣтъ, мнѣ кажется, это возраженіе не имѣетъ своихъ основаній.

Предсѣдатель. Кому угодно высказаться по этой статьѣ?

Голоса. Просимъ баллотировать.

Предсѣдатель. Позвольте голосовать. Предложено такое, чтобы вставить слова «при чемъ при равенствѣ голосовъ принимается мнѣніе въ пользу осужденнаго». Поправка отклонена. Теперь позвольте баллотировать всю статью. Ст. 6 принята. Переходимъ къ слѣдующей статьѣ.

Секретарь Государственной Думы. Ст. 7. «Постановленіе особаго совѣщанія заносится въ протоколъ съ подробнымъ изложеніемъ основаній, по коимъ заключенный признается или не признается заслуживающимъ досрочнаго освобожденія. Каж-

дый изъ членовъ особаго совѣщанія, оставшійся при особомъ мнѣнїи, можетъ представить таковое въ письменномъ изложенїи для приобщенія къ протоколу.

Предсѣдатель. По этой статьѣ замѣчанїи не было, поправки не внесено. Позвольте ее голосовать. Ст. 7 принята. Переходимъ къ ст. 8.

Секретарь Государственной Думы. «Возобновленіе ходатайства объ условномъ досрочномъ освобожденїи можетъ послѣдовать не ранѣе истеченія трехъ мѣсяцевъ съ того дня, когда состоялось постановленіе о признанїи заключеннаго незаслуживающимъ такого освобожденія».

Фридманъ (Ковенская губ.). Правило, изложенное въ ст. 8 настоящаго законопроекта, имѣетъ своею цѣлью предупредить излишнее обремененіе особаго совѣщанія разсмотрѣнїемъ многократныхъ ходатайствъ по вопросу, уже однажды разрѣшенному. Это положеніе, быть можетъ, было бы весьма цѣлесообразно, если бы инициатива по возбужденію ходатайства о досрочномъ освобожденїи принадлежала бы также и заключенному. Возможно было бы въ этомъ случаѣ опасаться, что заключенный и послѣ состоявшагося опредѣленія суда объ отказѣ въ досрочномъ освобожденїи непрестанно будетъ повторять свое ходатайство и тѣмъ излишне станеть обременять особое совѣщаніе. Но дѣло то въ томъ, что по законопроекту это право заключенному совершенно не предоставлено. Право возбужденія ходатайства о досрочномъ освобожденїи принадлежитъ только членамъ совѣщанія. Совершенно невозможно себѣ представить, чтобы членъ совѣщанія, безъ достаточныхъ къ тому основаній, сталъ бы обременять совершенно необоснованными ходатайствами то учрежденіе, въ которомъ онъ самъ работаетъ, котораго онъ является сотрудникомъ, труды котораго раздѣляетъ. Мнѣ кажется, что это опасеніе представляется совершенно неосновательнымъ. Слѣдуетъ принять во вниманіе также, что ограниченіе права возобновленія подобнаго рода ходатайствъ 3-хъ мѣсячнымъ срокомъ очень часто будетъ сводиться къ совершенному аннулированію этого права. Представимъ себѣ, что заключенный осужденъ на 12 мѣсяцевъ; прошли $\frac{3}{4}$, т. е. онъ 9 мѣсяцевъ отсидѣлъ, судъ разсмотрѣлъ ходатайство о досрочномъ освобожденїи и ему отказалъ, и вотъ онъ продолжаетъ сидѣть, и это ходатайство можетъ быть возобновлено только по истеченїи 3 мѣсяцевъ, т. е. по истеченїи всѣхъ 12 мѣсяцевъ, когда уже наказаніе отбыто; въ этомъ случаѣ заключенный совершенно лишается возможности воспользоваться правомъ возобновленія ходатайства. Засимъ, слѣдуетъ принять во вниманіе, что по этому проекту постановленія суда по вопросу о досрочномъ освобожденїи представляются окончательными. Они обжалованію не подлежатъ, а между тѣмъ ошибки возможны всегда и вездѣ. Возможна неполнота тѣхъ данныхъ, на которыхъ основано то или другое судебное опредѣленіе. Поэтому коррективы въ такихъ случаяхъ представляется весьма полезнымъ, и такимъ коррективомъ является возобновленіе ходатайства о досрочномъ освобожденїи. Только мнѣ думается, что право возобновленія не должно быть поставлено въ зависимость отъ какихъ бы то ни было сроковъ, а слѣдуетъ его поставить въ зависимость отъ выясненія такихъ фактовъ, которые не имѣлись въ виду при постановленїи опредѣленія объ отказѣ въ досрочномъ освобожденїи. Подъ такіе факты, конечно, подойдетъ и перемѣна въ поведенїи заключеннаго, имѣдовавшая послѣ состоявшагося опредѣленія суда объ отказѣ въ досрочномъ освобожденїи. Я предлагаю поэтому редактировать ст. 8 слѣдующимъ образомъ: «возобновленіе ходатайства объ условномъ досрочномъ освобожденїи допускается лишь при наличии

новыхъ обстоятельствъ, не имѣвшихся въ виду при постановленіи объ отказѣ въ досрочномъ освобожденіи».

Предсѣдатель. Кому угодно, господа, высказаться по этому поводу?

Гр. Беннигсенъ (докладчикъ комисіи по судебнымъ реформамъ). Коммисія по судебнымъ реформамъ не можетъ принять ни ту, ни другую поправку изъ здѣсь сдѣланныхъ. Съ одной стороны, такъ какъ послѣ перваго обсужденія вопроса о примѣненіи досрочнаго освобожденія срокъ заключенія при наказаніи исправительными арестантскими отдѣленіями можетъ продолжаться еще болѣе 1½ лѣтъ, то было бы жестокостью лишить мѣстную администрацію возможности переобсудить вопросъ о примѣненіи къ арестанту досрочнаго освобожденія, какъ то желаетъ сдѣлать лицо, вносившее поправку объ исключеніи ст. 8. Но, съ другой стороны, казалось бы идти дальше настоящаго законопроекта и заставлять перерѣшать вопросъ о примѣненіи досрочнаго освобожденія, хотя бы черезъ недѣлю или двѣ послѣ перваго обсужденія, едва ли представляется возможнымъ. Исправленіе преступника не есть вещь, которая совершается въ одну, двѣ недѣли; для того, чтобы въ этомъ убѣдиться, необходимъ извѣстный срокъ, и мнѣ кажется, что меньшимъ, чѣмъ трехмѣсячный, онъ не долженъ быть.

Предсѣдатель. Позвольте голосовать 2 предложенія; одно предложеніе—ст. 8 совсѣмъ исключить, другое предложеніе—доложенное членомъ Государственной Думы Фридманомъ, которое выражается такъ: «возобновленіе ходатайства объ условномъ досрочномъ освобожденіи допускается лишь при наличности новыхъ обстоятельствъ, не имѣвшихся въ виду при постановленіи объ отказѣ въ досрочномъ освобожденіи». Позвольте предварительно поставить предложеніе исключить статью совсѣмъ. Итакъ, предлагаютъ ст. 8 опустить. Предложеніе отклонено. Угодно будетъ принять предложеніе члена Государственной Думы Фридмана въ редакціи, мною только что прочитанной? Отклонено. Угодно будетъ принять ст. 8 въ редакціи, которая была принята Коммисіей. Ст. 8 принята.

Секретарь Государственной Думы. 9. Постановленіе особаго совѣщанія о предоставленіи условнаго досрочнаго освобожденія объявляется заключенному пачальникомъ мѣста заключенія не позже дня, слѣдующаго за тѣмъ, въ который это постановленіе состоялось, съ предупрежденіемъ, что освобожденіе можетъ послѣдовать лишь съ утвержденія судебной власти. При этомъ начальникъ мѣста заключенія отбираетъ отъ заключеннаго письменное заявленіе о согласіи или несогласіи воспользоваться предоставленною ему льготой, а также о мѣстѣ жительства, которое онъ желаетъ избрать на время досрочнаго освобожденія.

Предсѣдатель. Угодно кому высказаться? Поправокъ по этой статьѣ нѣтъ. Угодно баллотировать? Ст. 9 принята.

Секретарь Государственной Думы. 10. Постановленіе особаго совѣщанія, коимъ заключенный признаетъ заслуживающимъ условнаго досрочнаго освобожденія, при согласіи его воспользоваться предоставляемою ему льготой, пачальникомъ мѣста заключенія препровождается не позже дня, слѣдующаго за полученіемъ такого согласія, вмѣстѣ съ особыми мнѣніями, если таковыя были заявлены, подлиннымъ дѣломъ о заключенномъ и другими имѣющимися о немъ свѣдѣніями прокурору мѣстнаго окружнаго суда; послѣдній безъ замедленія предлагаетъ дѣло суду.

Предсѣдатель. Поправокъ по настоящей статьѣ нѣтъ. Позвольте голосовать. Ст. 10 принята.

Секретарь Государственной Думы. 11. Дѣла объ условномъ досрочномъ освобожденіи подлежатъ разсмотрѣнію окружнаго суда, въ округѣ котораго заключенный отбываетъ наказаніе.

Предсѣдатель. По этой статьѣ поправокъ нѣтъ. Угодно баллотировать? Ст. 11 принята.

Секретарь Государственной Думы. 12. Судъ разсматриваетъ дѣло объ условномъ досрочномъ освобожденіи въ распорядительномъ засѣданіи въ ближайшій присутственный день. Въ случаѣ надобности, судъ имѣетъ право требовать дополнительныхъ свѣдѣній и вызывать въ засѣданіе для дачи объясненія *начальника мѣста заключенія*. Утверждая постановленіе особаго совѣщанія, судъ назначаетъ досрочно освобожденному *мѣсто его жительства*. Определенія суда по вопросу объ условномъ досрочномъ освобожденіи не подлежатъ обжалованію и немедленно, по постановленіи, обращаются къ исполненію на общемъ основаніи.

Предсѣдатель. По этой статьѣ имѣется 3 поправки. Первая, послѣ словъ: «начальника мѣста заключенія», вставить слова «и лицо, по почину котораго возбужденъ вопросъ объ условномъ досрочномъ освобожденіи», это одно предложеніе. Второе—послѣ словъ: «начальника мѣста заключенія», вставить слова: «а равно и другихъ лицъ». И наконецъ еще поправка, послѣ словъ: «мѣсто его жительства», вставить слова: «съ согласія заключеннаго». Кому угодно высказаться? Членъ-докладчикъ гр. Беннигсенъ.

Гр. Беннигсенъ (докладчикъ комисіи по судебнымъ реформамъ). Комисія по судебнымъ реформамъ принимаетъ вторую поправку, а именно послѣ словъ: «начальника мѣста заключенія», поставить слова: «а равно и другихъ лицъ». Съ принятіемъ этой поправки отпадаетъ необходимость первой поправки о необходимости предоставленія окружному суду права приглашать лицо, по почину котораго возбужденъ вопросъ о примѣненіи досрочнаго освобожденія, такъ какъ это лицо подойдетъ подъ опредѣленіе «другихъ лицъ». Что касается другой поправки о томъ, чтобы мѣсто жительства условно досрочно освобождаемаго назначалось ему обязательно съ его согласія, то Комисія по судебнымъ реформамъ не признала возможнымъ присоединиться къ этой поправкѣ. Комисія исходила изъ того, что законопроектъ построенъ на томъ, что мѣстожительство будетъ указываться самимъ окружнымъ судомъ, и въ случаѣ неимѣнія какихъ бы то ни было препятствій, оно, очевидно, окружнымъ судомъ и будетъ назначаться. Но необходимо не забывать и того, что, согласно ст. 3 этого закона, онъ, предоставляя условное досрочное освобожденіе, не устраняетъ дѣйствія постановленій объ отдачѣ подъ надзоръ мѣстной полиціи и ограниченій въ правѣ избранія мѣста жительства. Если мы обратимся къ ст. 58² Улож. Наказ., то изъ нея явствуется, что находящійся подъ надзоромъ полиціи не имѣетъ права жительства въ цѣломъ рядѣ мѣстностей. Такимъ образомъ, принятіе этой поправки, которая въ настоящее время намъ предлагается, шло бы въ разрѣзъ съ указанной ст. 58² Улож. Наказ. Въ виду этого, Комисія не признала возможнымъ согласиться съ этой поправкой.

Кривцовъ (Курская губ.). Вами, господа, только что были приняты двѣ статьи правилъ—9 и 10. Въ ст. 9 правилъ сказано, что начальникъ тюремнаго заключенія

отбираетъ подписку у арестованнаго о согласіи его на досрочное освобожденіе и объ указаніи избираемаго имъ мѣста жительства; а въ ст. 10 правилъ говорится, что только при согласіи заключеннаго воспользоваться предоставленной ему льготой, только тогда возбуждается вопросъ о досрочномъ его освобожденіи. Слѣдовательно для приведенія въ исполненіе постановленія суда объ освобожденіи необходимо согласіе заключеннаго. Однимъ словомъ, идея этого законопроекта та, что условное освобожденіе можетъ быть совершено только при согласіи заключеннаго. Что же мы видимъ изъ дальнѣйшей статьи? Мы видимъ, что судъ назначаетъ ему мѣсто жительства, но не сказано, что при такомъ назначеніи судъ обязанъ согласоваться съ выраженнымъ заключеннымъ желаніемъ. Представьте себѣ, господа, что если судъ назначитъ заключенному такое мѣсто жительства, гдѣ онъ не захочетъ поселиться. Что же тогда? Изъ законопроекта не видно, что онъ послѣ такого опредѣленія суда можетъ оставаться въ заключеніи, такъ какъ есть другая статья этихъ правилъ, которая говоритъ, что начальникъ тюрьмы, по полученіи опредѣленія суда, обязанъ въ теченіе сутокъ привести въ исполненіе его, т. е. освободить заключеннаго. Мнѣ казалось бы, что поправка *«только съ согласія заключеннаго»*, или по крайней мѣрѣ, *«въ согласованіи съ желаніемъ, выраженнымъ заключеннымъ»*, конечно, въ извѣстныхъ предѣлахъ, должна быть принята. Поэтому я настаиваю на принятіи этой поправки, такъ какъ на основаніи общей идеи закона едва ли безъ согласія заключеннаго судъ имѣетъ право сдѣлать постановленіе объ условномъ его освобожденіи и назначить ему мѣсто жительства помимо его желанія. Правда, заключенному можетъ быть предоставлено указать нѣсколько мѣстъ для жительства; онъ можетъ быть предупрежденъ о томъ, что нѣкоторыя мѣста жительства для него недоступны и что онъ можетъ выбирать лишь изъ числа тѣхъ мѣстъ, изъ которыхъ онъ имѣетъ право выбирать. Но во всякомъ случаѣ выборъ мѣста жительства долженъ быть предоставленъ безусловно заключенному, и судъ можетъ только въ предѣлахъ выраженнаго заключеннымъ указанія сдѣлать постановленіе о назначеніи ему мѣста жительства.

Гр. Беннигсенъ (докладчикъ комисіи по судебнымъ реформамъ). Мнѣ кажется, что никакого противорѣчія статьи 12, какъ она есть, со статьей 9 не имѣется. Преступникъ указываетъ мѣсто жительства, которое онъ желалъ бы избрать, но судъ совершенно еще не обязанъ это мѣсто ему назначить для жительства. Вѣдь нужно считаться съ запрещеніемъ, которое есть въ законѣ. Находящіеся подъ надзоромъ полиціи не имѣютъ права жить въ столицахъ и столичныхъ губерніяхъ, а онъ, напримѣръ, выбираетъ мѣсто жительства въ Петербургѣ, неужели судъ обязанъ ему назначить мѣстомъ жительства Петербургъ, потому лишь, что онъ это заявилъ, вопреки категорическому указанію закона? Если вы хотите предоставить ему большую свободу, то это будетъ уже дѣло внутренняго распорядка, это будетъ зависѣть отъ начальника мѣста заключенія указать ему нѣсколько мѣстъ жительства, изъ которыхъ одно и подойдетъ подъ тѣ требованія, которыя будутъ поставлены окружающимъ судомъ. Но дѣлать то измѣненіе, которое настоящая поправка предлагаетъ, въ томъ видѣ, какъ она внесена, едва ли представляется возможнымъ потому, что это привело бы насъ къ конфликту съ закономъ.

Предсѣдатель. Позвольте приступить къ голосованію. Здѣсь двѣ поправки. Первая—послѣ словъ: «начальника тюремнаго заключенія» поставить слова: «и

лицъ, по почину которыхъ возбуждается вопросъ объ условномъ досрочномъ освобожденіи». Вторая—поставить слова: «а равно и другихъ лицъ». Можетъ быть позволите баллотировать предварительно второе предложеніе, какъ болѣе широкое. Если оно будетъ принято, то первое само собой падаетъ. Позвольте голосовать предложеніе—послѣ словъ: «начальника мѣстнаго заключенія» помѣстить слова: «а равно и другихъ лицъ».

Захарьевъ (обл. войска Донского). Я предлагаю въ этомъ мѣстѣ сдѣлать поправку: «а равно и другихъ лицъ особаго совѣщанія», чтобы этимъ обозначить какихъ именно лицъ можетъ имѣть въ виду судъ, приглашая ихъ для обсужденія затронутого вопроса.

Гр. Беннигсенъ (докладчикъ комисіи по судебнымъ реформамъ). Противъ этой поправки возражать нельзя. Но я бы немного измѣнить редакцію: не «другихъ лицъ изъ состава совѣщанія», а «другихъ членовъ совѣщанія». Это будетъ совершенно ясно.

Предсѣдатель. Такимъ образомъ докладчикъ отъ имени Коммисіи соглашается на такого рода поправку: «а равно и другихъ членовъ совѣщанія». Угодно будетъ принять поправку въ такомъ видѣ?

Ляхницкій (Ставропольская губ.). Господа члены Думы. Мнѣ представляется такъ, что здѣсь нѣтъ возможности стѣснять сколько нибудь роль суда. Судъ въ данномъ случаѣ долженъ имѣть возможность выяснить дѣло такъ, какъ ему будетъ нужно, и вызывать для объясненій и для дачи какихъ либо свѣдѣній и сообщеній кого онъ въ данномъ случаѣ найдетъ необходимымъ; а поэтому, по моему, совершенно правильно было предложеніе, которое было одобрено потомъ и Коммисіей—употребить такого рода выраженіе: «а равно и другихъ лицъ», чтобы судъ въ этомъ отношеніи не былъ совершенно стѣсненъ. Если суду не нужны будутъ какія-нибудь свѣдѣнія, то конечно онъ не возьметъ на себя лишней работы; а если найдетъ необходимымъ что нибудь провѣрить, то его въ этомъ отношеніи стѣснять не слѣдовало бы.

Предсѣдатель. И такъ есть предложенія такіа: одни предлагаютъ поставить слова: «а равно и другихъ лицъ», предложеніе же комисіи такое: «а равно и другихъ членовъ особаго совѣщанія». Позвольте поставить на голосованіе редакцію комисіи: «и другихъ членовъ особаго совѣщанія». Предложеніе комисіи принято. Слѣдовательно, первое предложеніе отпадаетъ. Второе предложеніе—послѣ словъ: «въ мѣстѣ его жительства» поставить слова: «съ согласія заключеннаго». Никто не возражаетъ? Позвольте голосовать. Угодно принять предложеніе послѣ словъ: «въ мѣстѣ его жительства» поставить слова: «съ согласія заключеннаго»? Предложеніе отклонено. Угодно принять всю статью со сдѣланными поправками? Ст. 12 принята. Статья 13.

Секретарь Государственной Думы. 13. По полученіи выписки изъ опредѣленія суда о предоставленіи заключенному условнаго досрочнаго освобожденія, начальникъ мѣста заключенія въ теченіе сутокъ приводитъ въ исполненіе означенное *опредѣленіе*. Въ томъ же случаѣ, когда начальнику мѣста заключенія сдѣлались извѣстными какія-либо обстоятельства, которые могутъ препятствовать предоставленію заключенному условнаго досрочнаго освобожденія и которыхъ судъ не имѣлъ въ виду при разрѣшеніи дѣла объ условномъ досрочномъ освобожденіи, начальникъ,

не приостанавливая исполненія опредѣленія суда, немедленно доводитъ объ открывшихся препятствіяхъ до свѣдѣнія прокурора суда, постановившаго о досрочномъ освобожденіи заключеннаго, для предложенія суду о пересмотрѣ постановленнаго имъ опредѣленія.

Предсѣдатель. Поправки по этой статьѣ слѣдующія—отъ словъ: «въ томъ же случаѣ» и до конца статьи исключить. Это одно предложеніе. А другое предложеніе—послѣ слова «опредѣленіе» поставить: «если же опредѣленіе суда послѣдовало до истеченія трехъ четвертей срока, къ которому былъ присужденъ заключенный, то не позже дня, въ которой истекаетъ этотъ срокъ».

Гр. Беннигсенъ (докладчикъ комисіи по судебнымъ реформамъ). Комисія по судебнымъ реформамъ, къ сожалѣнію, не знаетъ какими мотивами руководилось лицо, внесшее первую поправку; лицо это ихъ не излагало и, внесши поправку, изъ Петербурга отбыло, такъ что мотивы эти неизвѣстны. Мы же сами никакихъ мотивовъ къ исключенію конца не находимъ и высказываемся противъ этой поправки. Что касается до второй поправки, то комисія по судебнымъ реформамъ принимаетъ ее, такъ какъ она является логическимъ послѣдствіемъ той поправки, которая была принята и комисіей и Государственной Думой по ст. 4 законопроекта.

Предсѣдатель. Позвольте голосовать. Угодно будетъ исключить всю часть ст. 13, начиная со словъ «въ томъ же случаѣ». Предложеніе это отклонено. Угодно будетъ принять доложенное добавленіе, противъ котораго докладчикъ комисіи не возражаетъ. Принято. Угодно принять редакцію ст. 13 полностью? Ст. 13 принята.

Секретарь Государственной Думы. 14. Въ теченіе оставшагося неотбытымъ срока лишенія свободы, назначеннаго судебнымъ приговоромъ, досрочно-освобожденный состоитъ на попеченіи мѣстнаго общества патроната, а въ мѣстностяхъ, гдѣ такого общества не учреждено,—мѣстныхъ комитета или отдѣленія общества попечительнаго о тюрьмахъ. Если означенныя общества не имѣютъ средствъ для принятія досрочно-освобожденнаго на попеченіе, то таковое возлагается на мѣстныхъ мирового или городского судью или земскаго пачальника по принадлежности. Означенныя должностныя лица ближайшее наблюденіе за досрочно-освобожденнымъ могутъ возложить на несостоящихъ подъ судомъ или слѣдствіемъ и неопороченныхъ по суду вполне благонадежныхъ совершеннолѣтнихъ родственниковъ досрочно-освобожденнаго или другихъ избранныхъ лицъ съ ихъ на то согласія.

Примѣчаніе. Въ С.-Петербургѣ и Москвѣ попеченіе о досрочно-освобожденныхъ предоставляется также благотворительно-тюремнымъ комитетамъ.

Предсѣдательствующій кн. В. М. Волконскій. Къ этой статьѣ внесена поправка—слова: «въ теченіе» замѣнить словами: «по освобожденіи отъ заключенія досрочно-освобожденный отдается на время...». Вторая поправка со словъ «если означенныя общества» и кончая словами «по принадлежности» исключить совсѣмъ. Третья поправка—слова «должностныя лица» замѣнить словомъ «учрежденія». Четвертая поправка—послѣ словъ: «съ ихъ на то согласія» добавить слова «въ случаѣ отказа вышепоименованныхъ учреждений принять досрочно-освобожденнаго на свое попеченіе, послѣдній отдается подъ непосредственный надзоръ полиціи того мѣста, которое избрано имъ для жительства». Пятая поправка—послѣ словъ «съ ихъ на то согласія» добавить слова: «а равно и съ согласія досрочно-освобожденнаго».

Гр. Беннигсенъ (докладчикъ комисіи по судебнымъ реформамъ). Первая поправка о замѣнѣ словъ «въ теченіе» словами: «по освобожденіи отъ заключенія досрочно-освобожденный отдается, на время...» и въ связи съ этой поправкой исключить слова «досрочно-освобожденный состоитъ» и поправка 3-я вмѣсто словъ «должностныя лица» поставить слово «учрежденія» являются поправками чисто редакционными и, по мнѣнію комисіи, не улучшающими текста, почему она и не находитъ нужнымъ ихъ принимать. Засимъ поправка 2-я, касающаяся исключенія изъ статьи части ея, начиная со словъ: «Если означенное общество» и кончая словами «по принадлежности», комисія не считаетъ возможнымъ принять, въ виду того, что этимъ принятіемъ поправки совершенно исключается всякій надзоръ мировыхъ судей или земскихъ начальниковъ, а равно и надзоръ, который можетъ быть ими порученъ родственникамъ освобожденнаго; можетъ быть этотъ надзоръ является и не совершеннымъ, но, во всякомъ случаѣ, онъ нѣчто лучшее, чѣмъ тотъ надзоръ полиціи, которымъ предполагается замѣнить надзоръ этихъ лицъ. Поэтому комисія по судебнымъ реформамъ не признала возможнымъ присоединиться къ этимъ поправкамъ; равнымъ образомъ, по тѣмъ же самымъ мотивамъ отклоняетъ она и 4-ю поправку—добавленіе словъ, что «въ случаѣ отказа вышепоименованныхъ учреждений принять досрочно-освобожденнаго на свое попеченіе, послѣдній отдается подъ непосредственный надзоръ полиціи того мѣста, которое избрано имъ для жительства». Последняя поправка послѣ словъ: «съ ихъ на то согласія», поставить слова: «а равно и съ согласія досрочно-освобожденнаго» вызвана была соображеніемъ о томъ, что можетъ быть назначено для наблюденія за досрочно-освобожденнымъ лицо, находящееся съ нимъ во враждебныхъ отношеніяхъ, почему либо не безпристрастно относящееся къ нему, и потому желательно было бы дать возможность выбора попечителя самому освобожденному. Комисія по судебнымъ реформамъ не сочла возможнымъ принять это предложеніе, усматривая возможность того, что въ этихъ случаяхъ будутъ назначаться попечителями лишь лица, болѣе или менѣе одного и того же образа поведенія, какъ и самъ досрочно-освобожденный. Что же касается до тѣхъ случаевъ злоупотребленія, о которыхъ комисія докладывала, то она признала, что для устраненія ихъ вполне достаточно принятіе той статьи, которая внесена въ видѣ добавленія къ настоящей статьѣ, которая гласитъ: «Досрочно-освобожденный во всякое время до истеченія срока условнаго освобожденія, по уважительнымъ причинамъ, имѣетъ право просить должностныхъ лицъ, имѣющихъ надъ нимъ попеченіе, о перемѣнѣ лица, коему порученъ надъ нимъ ближайшій надзоръ». Такимъ образомъ, противъ этой поправки комисія возражаетъ и не считаетъ принятіе ея возможнымъ.

Ляхницкій (Ставропольская губ.). Я, господа, скажу нѣсколько словъ по поводу послѣдней поправки, а именно добавленіе словъ: «равно съ согласія досрочно-освобожденнаго». Тѣмъ, что вносится новая статья, не исключается по моему необходимости внести и эту поправку, такъ какъ рѣчь идетъ тамъ и здѣсь о совершенно разныхъ вещахъ. Если лицо, которому будетъ порученъ надзоръ, окажется неоправдавшимъ довѣрія, то оно можетъ быть на основаніи дополнительной статьи замѣнено другимъ. Но дѣло въ томъ, что можетъ быть такъ, что то лицо, которое земскій пачальникъ изберетъ и поручитъ ему ближайшее наблюденіе, будетъ не соответствовать этой роли уже завѣдомо, и досрочно-освобождаемый не пожелалъ бы, чтобы онъ былъ назначенъ ему наблюдателемъ. Дѣло въ томъ, господа, что изъ самаго

текста ст. 14 видно, что эта мѣра самимъ закономъ считается мѣрой крайнею, допускаемой только въ виду необходимости. Можно имѣть принципиальныя возраженія противъ такого надзора вообще, потому что, если лицо совершаетъ преступленіе, то вполне естественно, что и само оно даетъ право государству на то или иное воздѣйствіе по отношенію къ нему, на стѣсненіе его свободы, вызовъ его для допроса и т. д. Если же вмѣсто этого государственнаго воздѣйствія устанавливается совершенно новый принципъ и принципъ совершенно противоположный, принципъ частнаго усмотрѣнія, то никакимъ образомъ съ нимъ нельзя согласиться. Здѣсь между мѣрами государственнаго воздѣйствія лицо отдается на произволъ и усмотрѣніе частнаго лица. По моему мнѣнію это положеніе будетъ гораздо хуже положенія полицейскаго надзора, потому что тотъ хоть сколько-нибудь регламентированъ, опредѣленъ какими-нибудь законными нормами; здѣсь же частное лицо никѣмъ не ограничено, кромѣ своей собственной воли, и ничѣмъ не стѣснено. Отдать одного человѣка на волю другого—это будетъ нѣчто крайне тягостное; поэтому, мнѣ кажется, невозможно было бы это допускать. Вотъ по этимъ соображеніямъ я и нахожу необходимымъ эту поправку поддержать. Я думаю, что эта поправка вовсе не устраняется такой ролью земскаго начальника—мирового судьи, которая ему предоставляется закономъ, т. е. избраніе соотвѣтствующаго наблюдателя, потому что онъ и въ этомъ случаѣ будетъ избирать. Дѣло будетъ поставлено такъ: онъ выберетъ 2—3 человѣка, которые должны исполнить обязанность наблюденія за досрочно-освобождаемымъ, но досрочно-освобождаемый можетъ только объявить заранѣе, что изъ этихъ трехъ человѣкъ онъ, на примѣръ, проситъ отвести одного по тѣмъ или инымъ соображеніямъ, какъ человѣка, враждебно къ нему относящагося, человѣка, съ которымъ онъ не въ состояніи вмѣстѣ жить, не можетъ подчинить свою жизнь, каждый день его произволу. Въ такомъ случаѣ, если не принять это, то досрочно-освобождаемый можетъ быть поставленъ въ такое положеніе, что скажетъ, что онъ не хочетъ выходить даже изъ тюрьмы, что ему, можетъ быть, въ тюрьмѣ гораздо лучше, чѣмъ находится подъ наблюденіемъ этого лица, что ему лучше остаться въ тюрьмѣ. И этотъ законъ не будетъ примѣненъ въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ долженъ имѣть примѣненіе.

Гр. Беннигсенъ (докладчикъ комисіи по судебнымъ реформамъ). Я бы понялъ возраженіе члена Государственной Думы Ляхницкаго, если бы этому лицу предоставлялись какія-нибудь права надъ досрочно-освобождаемымъ. Но въ сущности ему предоставляется только ближайшее наблюденіе за досрочно-освобождаемымъ. Онъ можетъ лишь слѣдить за нимъ и объ его дурномъ поведеніи сообщать мировому судѣ или земскому начальнику. Въ этомъ всѣ его функціи и заключаются. Разъ функціи его столь ограничены, то не можетъ быть и того стѣсненія личности, столь ужаснаго, о которомъ говорилъ членъ Государственной Думы Ляхницкій. Поэтому я не вижу никакихъ основаній къ принятію этой поправки.

Кривцовъ (Вурская губ.). Поправка въ видѣ добавленія къ ст. 14 мнѣ кажется неудачно проредактированной. Что же этой поправкой въ ея теперешней редакціи достигается? Достигается право заключеннаго просить. Но я думаю и безъ этой поправки просить заключенный всегда имѣетъ право о чемъ ему угодно. Я думаю, что тотъ, кто вносилъ эту поправку, имѣлъ совершенно другое въ виду. Онъ имѣлъ въ виду предоставленіе права не просителю просить, а предоставленіе права тому, къ кому обращена будетъ просьба, исполнить просьбу просителя. Поэтому, по

мнѣнію моему, статью эту слѣдовало бы редактировать такъ: «по просьбѣ досрочно-освобожденнаго во всякое время до срока условнаго освобожденія по уважительнымъ причинамъ должностное лицо, имѣющее надъ нимъ попеченіе, имѣетъ право перемѣнить лицо, коему порученъ надъ нимъ ближайшій надзоръ».

Предсѣдательствующій. Ставлю на голосованіе поправки. Первая поправка: слова «въ теченіе» замѣнить словами «по освобожденіи отъ заключенія досрочно-освобожденный отдается на время и т. д.». Коммисія это отклоняетъ. Поправка отклонена. Слѣдующая поправка: со словъ «если означенныя общества» и кончая словами «по принадлежности»—исключить. Коммисія тоже отклоняетъ эту поправку и находитъ исключеніе это недопустимымъ. Поправка отклонена. Третья поправка: слова «должностныя лица» замѣнить «учрежденія». Поправка отклонена. Теперь, послѣ словъ «съ ихъ на то согласія» добавить слова: «въ случаѣ отказа вышепоименованныхъ учрежденій принять досрочно-освобожденнаго на свое попеченіе, послѣдній отдается подъ непосредственный надзоръ полиціи того мѣста, которое избрано имъ для жительства». Поправка отклонена. Слѣдующая поправка—послѣ словъ: «съ ихъ на то согласія» добавить: «а равно согласіе досрочно-освобожденнаго». Ставлю на голосованіе. Поправка отклонена. Наконецъ послѣднее—дополненіе къ ст. 14: «14¹. Досрочно-освобожденный во всякое время до истеченія срока условнаго освобожденія, по уважительнымъ причинамъ, имѣетъ право просить должностныхъ лицъ, имѣющихъ надъ нимъ попеченіе, о перемѣнѣ лица, коему порученъ надъ нимъ ближайшій надзоръ». Къ этому дополненію имѣется поправка члена Государственной Думы Кривцова. Будьте любезны прочесть.

Кривцовъ (Курская губ.). «По просьбѣ досрочно-освобожденнаго, во всякое время до срока условнаго освобожденія по уважительнымъ причинамъ должностное лицо, имѣющее надъ нимъ попеченіе, имѣетъ право перемѣнить лицо, коему порученъ надъ нимъ ближайшій надзоръ».

Предсѣдательствующій. Угодно принять поправку члена Государственной Думы Кривцова?

Голоса. А какъ Коммисія?

Гр. Беннигсенъ (докладчикъ Коммисіи по судебнымъ реформамъ). Вопросъ о томъ, что должностное лицо имѣетъ право перемѣнить заведывающаго, мнѣ кажется, представляется совершенно яснымъ. Если досрочно-освобожденный можетъ просить о перемѣнѣ лица, то очевидно и лицо, которое проситъ, имѣетъ это право. Эта поправка не представляется существенной.

Предсѣдательствующій. Ставлю на голосованіе поправку члена Государственной Думы Кривцова. Поправка отклонена. Теперь голосуется дополненіе. Дополненіе принято. Такимъ образомъ угодно принять всю статью съ тѣми примѣчаніемъ и дополненіемъ, которыя сдѣланы? Ст. 14 съ прим. 14¹ приняты. Ст. 15.

Секретарь Государственной Думы. Ст. 15. При увольненіи досрочно-освобожденнаго, начальникъ мѣста заключенія дѣлаетъ распоряженіе о пересылкѣ полицейскому начальству той мѣстности, куда направляется освобождаемый, денегъ, принадлежащихъ этому послѣднему и находящихся на храненіи у администраціи мѣста заключенія, для передачи ихъ означенному въ предшедшей (14) статьѣ учрежденію или должностному лицу, которыя выдаютъ ихъ освобожденному частями, по мѣрѣ дѣйствительной надобности.

Предсѣдательствующій. Поправокъ къ этой статьѣ не имѣется. Кому угодно высказаться? Ставлю эту статью на голосованіе. Ст. 15 принята. Слѣдующая статья.

Секретарь Государственной Думы. Ст. 16. По прибытіи досрочно-освобожденнаго въ назначенное ему мѣсто жительства, онъ обязанъ въ теченіе сутокъ явиться въ указанное ему начальствомъ мѣста заключенія полицейское установленіе. Последнее немедленно сообщаетъ о прибытіи досрочно-освобожденнаго тому изъ означенныхъ въ ст. 14 учрежденій или должностныхъ лицъ, на обязанности коего лежитъ попеченіе о досрочно-освобожденномъ.

Предсѣдательствующій. Ставлю на голосованіе настоящую статью. Ст. 16 принята. Слѣдующая ст. 17.

Секретарь Государственной Думы. Въ теченіе обязательнаго срока попеченія (ст. 14) досрочно-освобожденный не имѣетъ права отлучаться изъ назначеннаго ему мѣста жительства безъ разрѣшенія того изъ указанныхъ въ ст. 14 учрежденія или должностнаго лица, на попеченіи коего онъ состоитъ, при чемъ разрѣшеніе на отлучку выдается по уважительнымъ причинамъ на срокъ не свыше одного мѣсяца.

Отлучки же на болѣе продолжительные сроки, а также перемѣна назначеннаго для досрочно-освобожденнаго мѣста жительства, могутъ быть допущены лишь съ разрѣшенія того суда, *коимъ было постановлено о досрочномъ освобожденіи.*

Предсѣдательствующій. Къ настоящей статьѣ внесена поправка—слова: «коимъ было постановлено о досрочномъ освобожденіи» замѣнить словами: «въ округъ котораго живетъ досрочно-освобожденный».

Гр. Беннигсенъ (докладчикъ Коммисіи по судебнымъ реформамъ). Коммисія по судебнымъ реформамъ противъ этой поправки ничего не возражаетъ, такъ какъ она повлечетъ за собой ускореніе производства всякихъ такихъ дѣлъ.

Предсѣдательствующій. Кому угодно еще высказаться? Повидимому никому. Ставлю на голосованіе эту поправку. Поправка принята. Ставлю на голосованіе всю статью съ настоящей поправкой. Ст. 17 принята. Статья 18.

Секретарь Государственной Думы. 18. Если досрочно-освобожденный въ теченіе срока обязательнаго попеченія (ст. 14) совершитъ какое-либо преступное дѣяніе, за которое будетъ присужденъ вступившимъ въ законную силу приговоромъ суда къ наказанію *свыше ареста на три мѣсяца или денежныхъ взысканій или пени въ триста рублей*, то досрочное освобожденіе обязательно подлежитъ отмѣнѣ. Если же досрочно-освобожденный будетъ присужденъ вступившимъ въ законную силу приговоромъ суда къ наказанію, не превышающему ареста *на три мѣсяца или денежныхъ взысканій или пени въ триста рублей*, или будетъ установлено его дурное поведеніе, выразившееся въ пьянствѣ, тунеядствѣ или постоянномъ общеніи съ порочными людьми, то досрочное освобожденіе можетъ быть отмѣнено.

Предсѣдательствующій. Внесены поправки: 1-я—слова: «къ наказанію свыше ареста на 3 мѣсяца и денежныхъ взысканій или пени въ 300 р.» замѣнить словами: «къ тюремному заключенію или болѣе строгому наказанію»; 2-я поправка—послѣ словъ: «пени» вставить слова «свыше 500 р.», и 3-я поправка—слова: «на 3 мѣсяца или денежныхъ взысканій...» исключить совсѣмъ.

Гр. Беннигсенъ (докладчикъ Коммисіи по судебнымъ реформамъ). 2-я поправка, которая говоритъ о вставкѣ слова «свыше» послѣ слова «пени», есть поправка редакціоннаго свойства, вызванная сомнѣніемъ въ ясности фразы, здѣсь цитированной:

«наказаніе свыше ареста на 3 мѣсяца». Сомнѣніе состоитъ въ томъ, распространяется ли слово «свыше» и на арестъ и на денежныя взысканія пени? Несомнѣнно, что слово «свыше» распространяется и на то и на другое. Но если, по мнѣнію нѣкоторыхъ членовъ Думы, это является сомнительнымъ, то Коммисія по судебнымъ реформамъ ничего не имѣетъ противъ того, чтобы вставкой этого слова уяснить смыслъ. Что же касается 2-хъ другихъ поправокъ, составляющихъ проведеніе одной и той же мысли, Коммисія съ ними согласиться не можетъ. Дѣло въ томъ, что досрочно-освобожденный все время нахождения его подъ надзоромъ долженъ относиться особенно осторожно къ своему поведенію и не давать повода говорить о его дурномъ поведеніи. Въ виду этого всѣ западныя законодательства ставятъ при отмѣнѣ отсрочки наказанія условнымъ освобожденіемъ обязательнымъ для сего поводомъ совершеніе всякаго преступнаго дѣянія, какъ бы ничтожно оно ни было. Нашъ же законопроектъ сталъ, казалось бы, совершенно правильно на другую точку зрѣнія. Онъ находитъ, что не всякое преступное дѣяніе должно влечь за собой обязательно возвращеніе въ тюрьму; возможны, напримѣръ, случаи, что освобожденный на 1½ года задавить или собить съ ногъ на велосипедѣ какого-нибудь проходящаго. Неужели же за это тащить его обратно на 1½ года въ тюрьму, или въ исправительныя арестантскія отдѣленія? Въ виду этого нашъ законопроектъ полагаетъ возможнымъ предоставить суду въ случаѣ совершенія ничтожнаго поступка право рѣшать, долженъ ли быть условно-освобожденный обратно возвращенъ въ мѣста заключенія, или нѣтъ. Настоящее предложеніе, однако, находитъ, что тѣ рамки усмотрѣнія, которыя предоставлены въ данномъ случаѣ суду, являются слишкомъ ограниченными, и предлагаетъ расширить эти рамки вплоть до тюремнаго заключенія. Коммисія по судебнымъ реформамъ не признаетъ возможнымъ согласиться съ подобнаго рода поправкой и находитъ, что тѣ полномочія, которыя въ данномъ случаѣ предоставляются, являются вполне достаточными.

Предсѣдательствующій. Кому угодно еще возражать? Ставлю на голосованіе поправку. Статья 18, поправка такая—слова: «къ наказанію свыше ареста на 3 мѣсяца или денежныхъ взысканія или пени 300 р.» замѣнить словами: «къ тюремному заключенію, какъ болѣе строгому наказанію». Ставлю на голосованіе. Поправка отклонена. Вторая поправка съ этимъ сама отпадаетъ. (Голоса: нѣтъ, нѣтъ). Послѣ слова «пени» вставляется слово «свыше». Ставлю на голосованіе. Поправка принята. Слѣдующая поправка—слова: «на три мѣсяца или денежныхъ взысканія или пени 300 р.» исключить совсѣмъ. Поправка отклонена. Угодно, значить, принять эту статью съ той поправкой, которая сейчасъ принята? Ст. 18 принята. Статья 19.

Секретарь Государственной Думы. 19. О всѣхъ случаяхъ нарушенія досрочно-освобожденнымъ условій, на коихъ ему предоставляется свобода, учрежденіе или должностное лицо, имѣющее надъ нимъ попеченіе (ст. 14), а также мѣстное полицейское начальство, доводитъ до свѣдѣнія прокурора мѣстнаго окружнаго суда. По полученіи означенныхъ свѣдѣній и по повѣркѣ ихъ, въ случаѣ надобности, прокуроръ немедленно предлагаетъ объ этомъ суду.

Предсѣдательствующій. Поправокъ не внесено. Кому угодно высказаться? Ставлю на голосованіе ст. 19. Ст. 19 принята. Статья 20.

Секретарь Государственной Думы. 20. Дѣла о взятіи вновь подъ стражу до-

срочно-освобожденного подлежатъ разсмотрѣнію окружнаго суда, въ округѣ котораго досрочно-освобожденный отбываетъ *срокъ обязательнаго попеченія*.

Предсѣдательствующій. Внесена поправка, послѣ послѣднихъ словъ добавить: «по выслушаніи его объясненій».

Гр. Беннигсенъ (докладчикъ Коммисіи по судебнымъ реформамъ). Коммисія по судебнымъ реформамъ не возражаетъ противъ этой поправки, но считаетъ желательнымъ дать ей другую редакцію, а именно къ ст. 20 добавить слѣдующія слова: «въ случаяхъ, предусмотрѣнныхъ 2 ч. ст. 18 настоящихъ правилъ, судъ постановляетъ опредѣленіе, по вызовѣ досрочно-освобожденного для дачи объясненій; неявка досрочно-освобожденного не останавливаетъ разсмотрѣнія дѣла».

Ляхницкій (Ставропольская губ.). Въ виду того, что по содержанію только что внесеннаго измѣненія статья вполне удовлетворяетъ той потребности, для которой была сдѣлана поправка, я эту поправку снимаю.

Замысловскій (Виленская губ.). Едва ли эта поправка приемлема, потому что неизвѣстно, какъ поступитъ судъ въ томъ случаѣ, если досрочно-освобожденный, совершивъ преступленіе, скроется. Найти его нельзя, вручить повѣстку невозможно, и потому эта статья становится непримѣнимой.

Предсѣдательствующій. Поправка, которая напечатана въ докладѣ членомъ Государственной Думы Ляхницкимъ, снимается въ виду той поправки, которая была доложена гр. Беннигсеномъ. Поправка гр. Беннигсена, позволю себѣ повторить, слѣдующая: «въ случаяхъ, предусмотрѣнныхъ ч. 2 ст. 18 настоящихъ правилъ, судъ постановляетъ опредѣленіе по вызовѣ досрочно-освобожденного для дачи объясненій. Неявка досрочно-освобожденного не останавливаетъ разсмотрѣнія дѣла». Ставлю ее на голосованіе. Ст. 20 съ этой поправкой принята.

Секретарь Государственной Думы. 21. Означенныя въ предшедшей (20) статьѣ дѣла судъ разсматриваетъ порядкомъ, указаннымъ въ ст. 12 настоящихъ правилъ.

Предсѣдательствующій. Поправокъ никакихъ не внесено. Кому угодно высказаться? Ставлю на голосованіе. Ст. 21 принята.

Секретарь Государственной Думы. 22. При возвращеніи досрочно-освобожденного, на основаніи ст. 18, въ мѣсто заключенія, время, проведенное имъ на свободѣ, въ срокъ наказанія не засчитывается, но срокъ оставшагося неотбытымъ заключенія исчисляется со времени взятія его подъ стражу.

Предсѣдательствующій. Поправокъ нѣтъ. Кому угодно высказаться? Ставлю на голосованіе. Ст. 22 принята. Переходимъ къ послѣдней, къ ст. 23.

Секретарь Государственной Думы. 23. Если въ теченіе обязательнаго срока попеченія (ст. 14), досрочное освобожденіе не будетъ, на основаніи ст. 18, отмѣнено, то опредѣленное судебнымъ приговоромъ наказаніе почитается отбытымъ.

Предсѣдательствующій. Поправка внесена слѣдующая—слова: «въ теченіе обязательнаго срока попеченія» исключить.

Гр. Беннигсенъ (докладчикъ Коммисіи по судебнымъ реформамъ). Коммисія по судебнымъ реформамъ не признала возможнымъ принять эту поправку, такъ какъ она чисто редакціоннаго характера и лишь ухудшаетъ первоначальный текстъ.

Предсѣдательствующій. Ставлю на голосованіе эту поправку. Поправка отклонена. Такимъ образомъ статья принята въ той редакціи, въ которой предложена.

Второе постатейное обсуждение будет поставлено на одной из ближайших повесток.

Председательствующий Бар. А. Ф. Мейендорфъ. Второе обсуждение внесенного законопроекта «объ условномъ досрочномъ освобожденіи». Согласно ст. 59 наказа, между вторымъ и третьимъ чтеніемъ поступило заявленіе о нѣкоторыхъ поправкахъ. Г. докладчикъ Коммисіи вамъ сообщить поправки и какъ Коммисія отнеслась къ нимъ.

**26 МАЯ 1908 г.,
засѣданіе 73.**

Гр. Беннигсенъ (докладчикъ Коммисіи по судебнымъ реформамъ). Въ Коммисію по судебнымъ реформамъ были переданы три поправки; двѣ изъ нихъ касаются пятой статьи настоящихъ правилъ объ условномъ досрочномъ освобожденіи. При первомъ чтеніи настоящаго законопроекта была принята поправка, согласно которой совѣщаніе, обсуждающее вопросъ о примѣненіи условнаго досрочнаго освобожденія, является законнымъ при наличности, въ числѣ прочихъ лицъ, и духовнаго лица того вѣроисповѣданія, къ которому принадлежитъ заключенный. Уже по принятіи этой поправки при первомъ обсужденіи, г. Товарищъ Министра Люце внесъ въ судебную Коммисію поправку, которая указывала на то, что примѣненіе этого правила вызоветъ въ результатъ почти полную невозможность примѣненія условнаго досрочнаго освобожденія, ибо духовныя лица имѣются лишь при нѣкоторыхъ мѣстахъ заключенія; въ виду этого г. Товарищъ Министра находилъ цѣлесообразнымъ эту поправку исключить. Коммисія по судебнымъ реформамъ, обсудивъ этотъ вопросъ и принимая во вниманіе, что, дѣйствительно, наличность духовныхъ лицъ тѣхъ вѣроисповѣданій, къ которымъ принадлежатъ осужденные, имѣется далеко не всегда, признала наиболее цѣлесообразнымъ эту добавку исключить.

Засимъ, къ этой же статьѣ была внесена поправка еп. Евлогіемъ, который указывалъ на необходимость внести добавленіе о томъ, чтобы при всѣхъ мѣстахъ заключенія была образована особая новая должность тюремнаго священника. При обсужденіи этого вопроса въ Коммисіи по судебнымъ реформамъ, она не сочла возможнымъ присоединиться къ настоящей поправкѣ въ виду того, что настоящая поправка не стоитъ въ непосредственной связи съ настоящимъ законопроектомъ, а представляетъ изъ себя совершенно новое предложеніе; кромѣ того, изъ всѣхъ 870 мѣстъ заключенія должности штатныхъ священниковъ учреждены лишь при нѣкоторыхъ. Въ виду этого учрежденіе подобныхъ должностей при всѣхъ мѣстахъ заключенія повлекло бы за собою новый и весьма крупный расходъ, принимать который на счетъ государственнаго казначейства безъ подробнаго его обсужденія представлялось бы невозможнымъ.

Засимъ, къ ст. 14 внесена поправка членомъ Государственной Думы Парчевскимъ. Въ этой статьѣ говорится между прочимъ, что если попечительныя общества о тюрьмахъ или общества патроната не найдутъ возможнымъ принять на свое попеченіе условно досрочно освобожденнаго, то попеченіе о немъ возлагается на мѣстныхъ мирового или городского судью или земскаго начальника по принадлежности. Членъ Государственный Думы Парчевскій указываетъ, что въ Царствѣ Польскомъ мировые судьи имѣются лишь въ городахъ; въ уѣздахъ же функціонируютъ гминные суды, и предложилъ дополнить эту статью указаніемъ на возможность возложенія въ губерніяхъ Царства Польскаго наблюденія за условно досрочно освобожденными и на гминные суды. Коммисія по судебнымъ реформамъ, выслушавъ заявленіе Парчевскаго

и тѣ разъясненія, которыя были даны Товарищемъ Министра Юстиціи, признала возможнымъ это добавленіе включить въ слѣдующей редакціи: «а въ губерніяхъ Царства Польскаго въ уѣздахъ на гминнаго судью».

Товарищъ Министра Юстиціи Люце. По поводу теперь проектированнаго измѣненія редакціи ст. 5 я прошу позволенія сказать нѣсколько словъ. Въ ст. 4 проекта и въ началѣ ст. 5 уже упомянуто о духовныхъ лицахъ. По ст. 4 имъ предоставлено право возбуждать вопросъ о досрочномъ освобожденіи заключенныхъ, которые заслужили этого своимъ поведеніемъ. Затѣмъ въ началѣ ст. 5 указано, что духовныя лица состоятъ и членами того совѣщанія, которое разсматриваетъ эти вопросы. Этими двумя постановленіями вполне удовлетворена потребность привлеченія духовныхъ лицъ къ досрочному освобожденію заключенныхъ, при чемъ этимъ духовнымъ лицамъ даются тѣ самыя права, которыя даны и товарищу прокурора, и начальнику тюрьмы, и мировому судѣ, предсѣдательствующему въ совѣщаніи, и членамъ патроната, и директорамъ общества попечительнаго о тюрьмахъ. Но поправка, которая была сдѣлана при первомъ чтеніи законопроекта, шла гораздо дальше этого: она установила, что духовное лицо есть необходимый членъ этого совѣщанія, такъ что неприбытіе этого духовнаго лица въ совѣщаніе требуетъ отсрочки всѣхъ дѣлъ. Это представляется крайне неудобнымъ и непрактичнымъ. Прежде всего надо имѣть въ виду, что духовныя лица имѣются не при всѣхъ тюрьмахъ. Напротивъ, они при очень немногихъ. По справкѣ, которая мнѣ дана Главнымъ Тюремнымъ Управленіемъ, изъ числа 900 мѣстъ заключенія въ 750 не существуетъ духовнаго лица при тюрьмѣ. Но независимо отъ этого, даже если и есть духовное лицо при мѣстѣ заключенія, то и тогда такой порядокъ совершенно неудобенъ. Надо сказать, что засѣданія этого совѣщанія не могутъ быть очень часты. Уже присутствіе въ этомъ совѣщаніи товарища прокурора, который пріѣзжаетъ въ уѣздный городъ иногда только одинъ разъ въ мѣсяцъ, не даетъ возможности назначать частыя засѣданія. Между тѣмъ неприбытіе духовнаго лица иногда совершенно неизбежно: вѣдь это можетъ быть случай его болѣзни. Затѣмъ же въ подобныхъ случаяхъ откладывать всѣ дѣла до слѣдующаго засѣданія, всѣ дѣла заключенныхъ, которые ожидаютъ своего освобожденія? Вотъ эти соображенія и послужили поводомъ къ тому, что въ проектѣ Министерства духовныя лица не были упомянуты тамъ, гдѣ говорится о лицахъ, безъ которыхъ нельзя слушать дѣла. Тутъ были названы только такія лица, которыя всегда находятся на мѣстѣ, или лично, или въ лицѣ своихъ замѣстителей. Такъ, мировой судья всегда есть; если онъ заболѣетъ, или уѣзжаетъ въ отпускъ, то его замѣщаетъ другой судья; начальникъ тюрьмы можетъ быть замѣненъ его помощникомъ; одинъ изъ членовъ общества патроната или одинъ изъ директоровъ общества попечительнаго о тюрьмахъ всегда можетъ пайтись въ уѣздномъ городѣ въ наличности. Этыхъ трехъ лицъ и совершенно достаточно для того, чтобы совѣщаніе могло дѣйствовать. Священникъ же, если даже и есть при тюрьмѣ, то онъ одинъ, и его замѣнить рѣшительно нечѣмъ. Поэтому установить, что если онъ не прибудетъ, — не имѣетъ никакой возможности прибыть, — чтобы въ этомъ случаѣ всѣ дѣла откладывать было бы неудобно. По всѣмъ этимъ соображеніямъ было бы очень желательно возстановить прежнюю редакцію конца ст. 5 проекта, какъ это теперь Комиссіей и принято.

Еп. Евлогій (отъ православнаго населенія Люблинской и Сѣдлецкой губ.). Я считаю, господа члены Государственной Думы, своимъ долгомъ поддерживать ту

поправку, которую я внесъ въ ст. 5 разсматриваемаго законопроекта. Я полагаю, что изъ всѣхъ участниковъ того совѣщанія, которое будетъ рѣшать вопросъ о досрочномъ условномъ освобожденіи, священникъ является лицомъ наиболѣе компетентнымъ. Я уже говорилъ здѣсь, съ этой трибуны, что ему болѣе, чѣмъ кому либо, открывается душа и совѣсть осужденнаго, и онъ по этому вопросу, даже не открывая, конечно, тайны исповѣди, можетъ дать наиболѣе цѣнное и наиболѣе безошибочное сужденіе. Здѣсь не возражали принципиально противъ этого, а только указывали—Министерство Юстиціи и Коммисія—на затруднительность обязательнаго присутствія при каждомъ такомъ совѣщаніи священника. Говорятъ, что требованіе обязательнаго присутствія духовнаго лица того же вѣроисповѣданія (*читаетъ*): «можетъ оказаться весьма часто совершенно невыполнимымъ или по отсутствію такого лица въ мѣстѣ расположенія тюрьмы, или въ виду отвлеченій этого лица другими требамъ и не менѣе важными служебными обязанностями, тѣмъ болѣе, что только при весьма немногихъ тюрьмахъ имѣется штатная должность духовника». Но моя поправка была въ связи съ другимъ моимъ добавленіемъ, когда я выражалъ свое пожеланіе, чтобы при каждой тюрьмѣ былъ свой особый священникъ, и, очень жаль, что такого порядка нѣтъ, что во многихъ нашихъ тюрьмахъ нѣтъ отдѣльнаго священника. Конечно, тамъ, гдѣ нѣтъ,—на нѣтъ и суда нѣтъ, какъ говорятъ. Но я боюсь, что если мы не внесемъ священника, какъ обязательнаго участника въ это совѣщаніе, то эта его необязательность можетъ простираться очень далеко, т. е. его могутъ приглашать далеко не всегда, а въ рѣдкихъ случаяхъ, его не пригласятъ даже и тогда, когда представлялась бы возможность его пригласить. Но чтобы отсутствіемъ священника, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, не затруднять, дѣйствительно, и не останавливать рѣшенія дѣла, не тормозить дѣла, я свою поправку въ настоящее время нѣсколько видоизмѣняю, именно въ томъ смыслѣ, что послѣ словъ: «общество патроната», послѣ перечня всѣхъ лицъ, которые должны будутъ участвовать въ этомъ совѣщаніи, прибавляю слова: «и по возможности духовнаго лица того вѣроисповѣданія, къ которому принадлежитъ освобождаемый». Я хочу этимъ подчеркнуть ту мысль, что священникъ долженъ обязательно присутствовать въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ возможно ему присутствовать; если онъ можетъ присутствовать, то онъ долженъ, обязательно долженъ присутствовать въ этомъ совѣщаніи. Это именно моя мысль.

Затѣмъ, что касается втораго добавленія о томъ, чтобы при каждой тюрьмѣ былъ отдѣльный священникъ или особое лицо того вѣроисповѣданія, къ которому принадлежатъ осужденные, то я выражаю это въ видѣ пожеланія, въ видѣ формулы перехода къ слѣдующимъ очереднымъ дѣламъ, а не въ видѣ добавленія къ закону.

Товарищъ Министра Юстиціи Люце. Какъ я и думалъ, въ данномъ случаѣ является просто нѣкоторое недоразумѣніе. Ораторъ, который только что говорилъ, именно оттого внесъ свою поправку, что полагалъ, что безъ нея священникъ можетъ совсѣмъ не быть приглашенъ въ совѣщаніе. Теперь я понимаю, откуда эта поправка явилась. Но дѣло въ томъ, что это недоразумѣніе. Разъ по ст. 5, по началу ст. 5, о духовномъ лицѣ сказано, что оно есть членъ этого совѣщанія, то приглашеніе его каждый разъ вполне обязательно. То совѣщаніе, въ которое не будутъ приглашены надлежащіе члены, это совѣщаніе будетъ недействительно. Такъ что безъ всякаго сомнѣнія никого изъ членовъ совѣщанія приглашеніемъ никоимъ случаемъ обойти не могутъ. Но затѣмъ дальше этого идти нельзя. Въ тѣхъ случаяхъ, когда священ-

никъ, дѣйствительно, или отсутствуетъ совсѣмъ при тюремѣ, или не можетъ явиться, по состоянію своего здоровья, или потому, что онъ уѣхалъ въ отпускъ, не слѣдуетъ откладывать слушаніе дѣлъ до слѣдующаго засѣданія. Вотъ почему поправку эту невозможно оставить. Вотъ для чего нужно возстановить конецъ ст. 5 въ прежней редакціи. Вѣдь нельзя же сказать, что самый необходимый членъ, это именно тотъ, котораго никоимъ образомъ иногда получить невозможно, именно когда его нѣтъ при тюремѣ, или когда онъ боленъ.

Предсѣдательствующій. Никому больше не угодно высказаться? Такъ какъ придется въ третьемъ чтеніи голосовать каждую отдѣльную статью, то возможно будетъ еще высказаться относительно поправокъ, о которыхъ говорилось. Переходимъ, такимъ образомъ, ко второму обсужденію законопроекта объ условномъ досрочномъ освобожденіи.

«I. Ст. 317 и примѣчанія 1 и 2 къ сей статьѣ Устава о Содержащихся подѣ Стражей (Свод. Зак. т. XIV, изд. 1890 г. и по Прод. 1902 г.) и ч. 3 ст. 23 Уголовнаго Уложенія, Высочайше утвержденнаго, 22 марта 1903 г., отмѣнить». Ставлю отдѣлъ I на голосованіе. Отдѣлъ принятъ. «II. Предоставить Министру Юстиціи безотлагательно внести на разсмотрѣніе Государственной Думы законопроектъ о размѣрѣ и условіяхъ пособій обществамъ патроната изъ средствъ государственнаго казначейства». Никому не угодно высказаться? Ставлю на голосованіе. Отдѣлъ принятъ. «III. Въ измѣненіе и дополненіе Устава о Содержащихся подѣ Стражей и подлежащихъ узаконеній постановить:

Приговоренные къ заключенію въ тюрьмѣ или въ работномъ домѣ на срокъ не менѣе восьми мѣсяцевъ, а также къ заключенію въ исправительныхъ арестантскомъ отдѣленіи или домѣ, могутъ быть, съ ихъ согласія, условно освобождены изъ заключенія по отбытіи не менѣе трехъ четвертей опредѣленнаго имъ судебнымъ приговоромъ срока наказанія съ соблюденіемъ нижеслѣдующихъ правилъ». Никому не угодно высказаться? Ставлю на голосованіе. Отдѣлъ принятъ. (*Читаетъ*): «Правила объ условномъ досрочномъ освобожденіи».

«1. Условное досрочное освобожденіе можетъ быть предоставлено заключеннымъ въ томъ случаѣ, если ихъ одобрительное поведеніе во время заключенія даетъ достаточныя основанія предполагать, что, по освобожденіи изъ заключенія, они будутъ вести добропорядочный образъ жизни». Никому не угодно высказаться? Ставлю на голосованіе. Ст. 1 принята. «2. Условное досрочное освобожденіе не предоставляется: 1) осужденнымъ за бродяжничество, 2) осужденнымъ за кражу лошади и 3) тѣмъ изъ присужденныхъ къ заключенію въ тюрьмѣ, которые, по отбытіи сего заключенія, подлежатъ помѣщенію въ работномъ домѣ». Никому не угодно высказаться? Ставлю на голосованіе. Ст. 2 принята. «3. Предоставленіе условнаго досрочнаго освобожденія не устраняетъ дѣйствія постановленій объ отдачѣ подѣ надзоръ мѣстной полиціи и объ ограниченіяхъ въ правѣ избранія и перемѣны мѣста жительства (ст. 58¹ и 58² Улож. Наказ., по Прод. 1902 г., и ст. 34 и 35 Угол. Улож.). Сроки дѣйствія означенныхъ постановленій исчисляются со времени условнаго освобожденія осужденнаго». Никому не угодно высказаться? Ставлю на голосованіе. Ст. 3 принята. «4. Возбужденіе вопроса объ условномъ досрочномъ освобожденіи заключенныхъ принадлежитъ лицамъ прокурорскаго надзора, начальнику мѣста заключенія, членамъ мѣстныхъ обществъ патроната, директорамъ, директрисамъ и членамъ благотворительно-тюрем-

ныхъ комитетовъ, комитетовъ и отдѣленій общества попечительнаго о тюрьмахъ и состоящимъ при мѣстѣ заключенія духовнымъ лицамъ и врачамъ. Вопросъ объ условномъ досрочномъ освобожденіи можетъ быть возбужденъ и до истеченія трехъ четвертей опредѣленнаго судебнымъ приговоромъ срока, но съ тѣмъ, чтобы само освобожденіе было осуществлено не раньше истеченія этого срока». Никому не угодно высказаться? Ставлю на голосованіе. Ст. 4 принята. «5. Вопросъ о примѣненіи условнаго досрочнаго освобожденія къ заключенному вносится начальникомъ мѣста заключенія въ суточный срокъ на обсужденіе особаго совѣщанія, образуемаго подъ предсѣдательствомъ одного изъ мѣстныхъ мировыхъ судей, назначаемаго съѣздомъ мировыхъ судей, а въ мѣстностяхъ, гдѣ введено положеніе о земскихъ участковыхъ начальникахъ, мѣстнаго уѣзднаго члена окружнаго суда, изъ лица прокурорскаго надзора, начальника мѣста заключенія или его помощника и состоящихъ при мѣстѣ заключенія духовнаго лица того вѣроисповѣданія, къ которому принадлежитъ заключенный, врача, имѣвшаго надъ нимъ наблюденіе или пользовавшаго его отъ болѣзни, и завѣдывающаго обученіемъ заключенныхъ, двухъ директоровъ или директрисъ мѣстныхъ комитета или отдѣленія общества попечительнаго о тюрьмахъ, по избранію сихъ установленій, а гдѣ учреждены общества патроната—двухъ членовъ сихъ обществъ, избираемыхъ правленіемъ общества.

Для законности состава совѣщанія необходимо присутствіе предсѣдательствующаго, духовнаго лица того вѣроисповѣданія, къ которому принадлежитъ заключенный, начальника мѣста заключенія или его помощника, одного изъ директоровъ или директрисъ мѣстныхъ комитета или отдѣленія общества попечительнаго о тюрьмахъ, или одного изъ членовъ общества патроната».

Къ этой статьѣ предложена поправка, внесенная членомъ Государственной Думы еп. Евлогіемъ, и затѣмъ поправка, внесенная Коммисіею. Поправка, внесенная еп. Евлогіемъ, является добавленіемъ къ словамъ ст. 5 передъ примѣчаніемъ, гдѣ сказано: «одного изъ директоровъ или директрисъ мѣстныхъ комитетовъ или отдѣленія общества попечительнаго о тюрьмахъ, или одного изъ членовъ общества патроната». Къ этимъ словамъ еп. Евлогій предлагаетъ прибавить слѣдующее: «и по возможности духовнаго лица того вѣроисповѣданія, къ которому принадлежитъ освобождаемый». Вторая поправка, касающаяся этой ст. 5, заключается въ исключеніи изъ второй части слѣдующихъ словъ: «духовнаго лица того вѣроисповѣданія, къ которому принадлежитъ заключенный».

Гр. Беннигсенъ (докладчикъ Коммисіи по судебнымъ реформамъ). Я не могу согласиться съ той поправкой, которую въ настоящее время вноситъ еп. Евлогій. Законъ долженъ заключать въ себѣ обязательныя для того, или иного учрежденія, для тѣхъ или иныхъ лицъ правила. Между тѣмъ эта поправка, которая внесена въ настоящее время, является не поправкой, а лишь пожеланіемъ, чтобы тюремные священники посѣщали засѣданія тѣхъ учреждений, въ которыя они входятъ, на правахъ членовъ. Такъ какъ такого рода пожеланія не являются ни для кого обязательными и въ первую очередь для самихъ священниковъ, то я думаю, что подобнаго рода пожеланіямъ не мѣсто въ законѣ.

Еп. Евлогій (отъ православнаго населенія Сѣдлецкой и Люблинской губ.). Тутъ маленькое недоразумѣніе, я думаю, что моя формула—это не пожеланіе; тамъ, гдѣ имѣется возможность быть священнику, онъ долженъ обязательно присутствовать

на совѣщаніи. Я говорилъ объ обязательномъ присутствіи священника на совѣщаніи, гдѣ есть какая нибудь къ тому возможность.

Товарищъ Министра Юстиціи Люце. Дѣло въ томъ, что то мѣсто въ законѣ, о которомъ идетъ теперь рѣчь, въ этомъ мѣстѣ говорится о тѣхъ только лицахъ, которыя, не «по возможности», но непременно должны быть, безъ которыхъ нельзя слушать дѣла; поэтому нельзя въ этомъ мѣстѣ указывать, что кто либо можетъ быть «по возможности», это было бы противорѣчіемъ въ самомъ законѣ. О томъ же, что священники должны быть приглашаемы, объ этомъ говорилось раньше.

Предсѣдательствующій. Никому больше не угодно высказаться? Двѣ поправки внесены во второй части ст. 5. Считаю долгомъ поставить ихъ на голосованіе въ слѣдующемъ порядкѣ: сперва я поставлю на голосованіе поправку, внесенную Коммисіей, такъ какъ эта поправка заключается въ томъ, что Коммисія предлагаетъ исключить изъ этой второй части ст. 5 тѣ слова, которыя касаются духовныхъ лицъ того вѣроисповѣданія, къ которому принадлежитъ заключенный. Если это предложеніе объ исключеніи этихъ словъ будетъ отклонено, то, мнѣ кажется, одновременно не встрѣтится уже надобности въ дополненіи еп. Евлогія. Слѣдовательно, я сперва ставлю на голосованіе ст. 5 въ той редакціи, которая предложена Коммисіей по судебнымъ дѣламъ, т. е. съ пропускомъ изъ второй части словъ, которыя я сейчасъ прочту: «духовнаго лица того вѣроисповѣданія, къ коему принадлежитъ заключенный». Это предложеніе о пропускѣ только что прочитанныхъ словъ изъ ст. 5, предложеніе, исходящее отъ Коммисіи, я ставлю на голосованіе. Никому не угодно высказаться? Значитъ, предложеніе Коммисіи объ исключеніи этихъ словъ принято. Теперь ставлю на голосованіе добавленіе или поправку ко второй части ст. 5, предложенную еп. Евлогіемъ, заключающуюся въ слѣдующихъ словахъ, которыя должны найти себѣ мѣсто послѣ послѣднихъ словъ второй части ст. 5, т. е.: «или одного изъ членовъ общества патроната» здѣсь добавить: «и по возможности духовнаго лица того вѣроисповѣданія, къ которому принадлежитъ освобождаемый». Вотъ это предложеніе еп. Евлогія ставлю на голосованіе. Поправка еп. Евлогія отклонена. Продолжаю голосовать постатейно и ставлю на голосованіе ст. 5 съ только что принятой поправкой. «5. Вопросъ о примѣненіи условнаго досрочнаго освобожденія къ заключенному вносится начальникомъ мѣста заключенія въ суточный срокъ на обсужденіе особаго совѣщанія, образуемаго подъ предсѣдательствомъ одного изъ мѣстныхъ мировыхъ судей, назначаемаго съѣздомъ мировыхъ судей, а въ мѣстностяхъ, гдѣ введено положеніе о земскихъ участковыхъ начальникахъ, мѣстнаго уѣзднаго члена окружнаго суда изъ лица прокурорскаго надзора, начальника мѣста заключенія или его помощника и состоящихъ при мѣстѣ заключенія духовнаго лица того вѣроисповѣданія, къ коему принадлежитъ заключенный, врача, имѣвшаго надъ нимъ наблюденіе или пользовавшаго его отъ болѣзни, и завѣдывающаго обученіемъ заключенныхъ, двухъ директоровъ или директрисъ мѣстныхъ комитета или отдѣленія общества попечительнаго о тюрьмахъ, по избранію сихъ установлепій, а гдѣ учреждены общества патроната—двухъ членовъ сихъ обществъ, избираемыхъ правленіемъ общества. Для законности состава совѣщанія необходимо присутствіе предсѣдательствующаго, начальника мѣста заключенія или его помощника, одного изъ директоровъ или директрисъ мѣстныхъ комитета или отдѣленія общества попечительнаго о тюрьмахъ, или одного изъ членовъ общества патроната.

Примѣчаніе. Въ С.-Петербургѣ и Москвѣ директора и директрисы благотвори-

тельно-тюремныхъ комитетовъ избираются въ члены особаго совѣщанія правленіями сихъ комитетовъ».

Ст. 5 въ такой редакціи принята. Далѣе ст. 6 «6. Вопросъ о предоставленіи условнаго досрочнаго освобожденія разрѣшается особымъ совѣщаніемъ по большинству голосовъ, при чемъ при равенствѣ голосовъ мнѣніе председателя даетъ перевѣсъ». Ставлю эту статью на голосованіе. Принята. «7. Постановленіе особаго совѣщанія заносится въ протоколъ съ подробнымъ изложеніемъ основаній, по которымъ заключенный признается или не признается заслуживающимъ досрочнаго освобожденія. Каждый изъ членовъ особаго совѣщанія, оставшійся при особомъ мнѣніи, можетъ представить таковое въ письменномъ изложеніи для приобщенія къ протоколу». Ставлю эту статью на голосованіе. Принята. «8. Возобновленіе ходатайства объ условномъ досрочномъ освобожденіи можетъ послѣдовать не ранѣе истеченія трехъ мѣсяцевъ съ того дня, когда состоялось постановленіе о признаніи заключеннаго не заслуживающимъ такого освобожденія». Ставлю эту статью на голосованіе. Принята. «9. Постановленіе особаго совѣщанія о предоставленіи условнаго досрочнаго освобожденія объявляется заключенному начальникомъ мѣста заключенія не позже дня, слѣдующаго за тѣмъ, въ который это постановленіе состоялось, съ предупрежденіемъ, что освобожденіе можетъ послѣдовать лишь съ утвержденія судебной власти. При этомъ начальникъ мѣста заключенія отбираетъ отъ заключеннаго письменное заявленіе о согласіи или несогласіи воспользоваться предоставленной ему льготой, а также о мѣстѣ жительства, которое онъ желаетъ избрать на время досрочнаго освобожденія». Ставлю эту статью на голосованіе. Принята. «10. Постановленіе особаго совѣщанія, коимъ заключенный признанъ заслуживающимъ условнаго досрочнаго освобожденія, при согласіи его воспользоваться предоставляемою ему льготой, начальникомъ мѣста заключенія препровождается не позже дня, слѣдующаго за полученіемъ такого согласія, вмѣстѣ съ особыми мнѣніями, если таковыя были заявлены, подлиннымъ дѣломъ о заключенномъ и другими имѣющимися о немъ свѣдѣніями, прокурору мѣстнаго окружнаго суда; послѣдній безъ замедленія предлагаетъ дѣло суду». Ставлю эту статью на голосованіе. Принята. «11. Дѣла объ условномъ досрочномъ освобожденіи подлежатъ разсмотрѣнію окружнаго суда, въ округѣ котораго заключенный отбываетъ наказаніе». Ставлю эту статью на голосованіе. Принята. «12. Судъ разсматриваетъ дѣло объ условномъ досрочномъ освобожденіи въ распорядительномъ засѣданіи въ ближайшій присутственный день. Въ случаѣ надобности судъ имѣетъ право требовать дополнительныхъ свѣдѣній и вызывать въ засѣданіе для дачи объясненія начальника мѣста заключенія, а равно и другихъ членовъ совѣщанія. Утверждая постановленіе особаго совѣщанія, судъ назначаетъ досрочно освобожденному мѣсто его жительства. Опредѣленія суда по вопросу объ условномъ досрочномъ освобожденіи не подлежатъ обжалованію и немедленно, по постановленіи, обращаются къ исполненію на общемъ основаніи». Ставлю эту статью на голосованіе. Принята. «13. По полученіи выписки изъ опредѣленія суда о предоставленіи заключенному условнаго досрочнаго освобожденія, начальникъ мѣста заключенія въ теченіе сутокъ приводитъ въ исполненіе означенное опредѣленіе; если же опредѣленіе суда послѣдовало до истеченія трехъ четвертей срока, къ которому былъ присужденъ заключенный, то не позже дня, въ который истекаетъ этотъ срокъ. Въ томъ же случаѣ, когда начальнику мѣста заключенія сдѣлались извѣстными какія либо обстоятельства, которыя могутъ препятствовать пре-

доставленію заключенному условнаго досрочнаго освобожденія и которыхъ судъ не имѣлъ въ виду при разрѣшеніи дѣла объ условномъ досрочномъ освобожденіи, начальникъ, не пріостанавливая исполненія опредѣленія суда, немедленно доводитъ объ открывшихся препятствіяхъ до свѣдѣнія прокурора суда, постановившаго о досрочномъ освобожденіи заключеннаго, для предложенія суду о пересмотрѣ постановленнаго имъ опредѣленія». Ставлю эту статью на голосованіе. Принята.

Въ ст. 14 предложена членомъ Государственной Думы Парчевскимъ поправка, которая въ Коммисіи по судебнымъ дѣламъ была принята. Эта поправка заключается въ слѣдующемъ. Послѣ словъ: «если означенныя общества не имѣютъ средствъ для принятія досрочно-освобожденнаго на попеченіе, то таковое возлагается на мѣстныхъ мирового или городского судью, или земскаго начальника» членъ Государственной Думы Парчевскій и согласившаяся съ нимъ Коммисія предлагаетъ поставить слѣдующія слова: «а въ губерніяхъ Царства Польскаго въ уѣздахъ на гминнаго судью». Эту поправку, на которую согласилась Коммисія, ставлю на голосованіе. Никому не угодно высказаться? Поправка принята. Ставлю на голосованіе ст. 14 съ только что принятой поправкой. «14. Въ теченіе оставшагося неотбытымъ срока лишенія свободы, назначеннаго судебнымъ приговоромъ, досрочно-освобожденный состоитъ на попеченіи мѣстнаго общества патроната, а въ мѣстностяхъ, гдѣ такого общества не учреждено,—мѣстныхъ комитета или отдѣленія общества попечительнаго о тюрьмахъ. Если означенныя общества не имѣютъ средствъ для принятія досрочно-освобожденнаго на попеченіе, то таковое возлагается на мѣстныхъ мирового или городского судью или земскаго начальника, а въ губерніяхъ Царства Польскаго въ уѣздахъ на гминнаго судью, по принадлежности. Означенныя должностныя лица ближайшее наблюденіе за досрочно-освобожденнымъ могутъ возложить на несостоящихъ подъ судомъ или слѣдствіемъ и неопороченныхъ по суду внолнѣ благонадежныхъ совершеннолѣтнихъ родственниковъ досрочно-освобожденнаго или другихъ избранныхъ лицъ съ ихъ на то согласія.

Примчаніе. Въ С.-Петербургѣ и Москвѣ попеченіе о досрочно-освобожденныхъ предоставляется также благотворительно-тюремнымъ комитетамъ».

Ст. 14 съ поправкой принята.

«15. Досрочно-освобожденный во всякое время до истеченія срока условнаго освобожденія, по уважительнымъ причинамъ имѣетъ право просить должностныхъ лицъ, имѣющихъ надъ нимъ попеченіе, о перемѣнѣ лица, коему порученъ надъ нимъ ближайшій надзоръ». Никому не угодно высказаться? Ставлю на голосованіе. Ст. 15 принята. «16. При увольненіи досрочно-освобожденнаго, начальникъ мѣста заключенія дѣлаетъ распоряженіе о пересылкѣ полицейскому начальству той мѣстности, куда направляется освобождаемый, денегъ, принадлежащихъ этому послѣднему и паходящихся на храненіи у администраціи мѣста заключенія,—для передачи ихъ означенному въ ст. 14 учрежденію или должностному лицу, который выдаютъ ихъ освобожденному частями, по мѣрѣ дѣйствительной надобности». Ставлю на голосованіе. Ст. 16 принята. «17. По прибытіи досрочно-освобожденнаго въ назначенное ему мѣсто жительства, онъ обязанъ въ теченіе сутокъ явиться въ указанное ему начальствомъ мѣста заключенія полицейское установленіе. Послѣднее немедленно сообщаетъ о прибытіи досрочно-освобожденнаго тому изъ означенныхъ въ ст. 14 учрежденій или должностныхъ лицъ, на обязанности коего лежитъ попеченіе о досрочно-осво-

божденномъ». Ставлю на голосованіе. Ст. 17 принята. «18. Въ теченіе обязательнаго срока попеченія (ст. 14) досрочно-освобожденный не имѣетъ права отлучаться изъ назначеннаго ему мѣста жительства безъ разрѣшенія того изъ указанныхъ въ ст. 14 учрежденія или должностнаго лица, на попеченіи коего онъ состоитъ, при чемъ разрѣшеніе на отлучку выдается по уважительнымъ причинамъ на срокъ не свыше одного мѣсяца. Отлучки же на болѣе продолжительные сроки, а также перемѣна назначеннаго для досрочно-освобожденнаго мѣста жительства, могутъ быть допущены лишь съ разрѣшенія того суда, въ округѣ котораго живетъ досрочно-освобожденный». Ставлю на голосованіе. Ст. 18 принята. «19. Если досрочно-освобожденный въ теченіе срока обязательнаго попеченія (ст. 14) совершитъ какое либо преступное дѣяніе, за которое будетъ присужденъ, вступившимъ въ законную силу, приговоромъ суда къ наказанію свыше ареста на три мѣсяца или денежныхъ взысканій или пени свыше трехсотъ рублей, то досрочное освобожденіе обязательно подлежитъ отмѣнѣ. Если же досрочно-освобожденный будетъ присужденъ вступившимъ въ законную силу приговоромъ суда къ наказанію, не превышающему ареста на три мѣсяца или денежныхъ взысканій или пени въ триста рублей или будетъ установлено его дурное поведеніе, выразившееся въ пьянствѣ, тунеядствѣ или постоянномъ общеніи съ порочными людьми, то досрочное освобожденіе можетъ быть отмѣнено». Ставлю на голосованіе. Ст. 19 принята. «20. О всѣхъ случаяхъ нарушенія досрочно-освобожденнымъ условій, на коихъ ему предоставляется свобода, учрежденіе или должностное лицо, имѣющее надъ нимъ попеченіе (ст. 14), а также мѣстное полицейское начальство, доводитъ до свѣдѣнія прокурора мѣстнаго окружнаго суда. По полученіи означенныхъ свѣдѣній и по провѣркѣ ихъ, въ случаѣ надобности, прокуроръ немедленно предлагаетъ объ этомъ суду». Ставлю на голосованіе. Ст. 20 принята. «21. Дѣла о взятіи вновь подъ стражу досрочно-освобожденнаго подлежатъ разсмотрѣнію окружнаго суда, въ округѣ котораго досрочно-освобожденный отбываетъ *срокъ обязательнаго попеченія*. Въ случаяхъ, предусмотрѣнныхъ второю частью ст. 19 настоящихъ правилъ, судъ постановляетъ опредѣленіе по вызовѣ досрочно-освобожденнаго для дачи объясненія; неявка досрочно-освобожденнаго не останавливаетъ разсмотрѣніе дѣла (ст. 14)». Ставлю на голосованіе. Ст. 21 принята. «22. Означенныя въ предшедшей (21) статьѣ дѣла судъ разсматриваетъ порядкомъ, указаннымъ въ ст. 12 настоящихъ правилъ». Ставлю на голосованіе. Ст. 22 принята. «23. При возвращеніи досрочно-освобожденнаго, на основаніи ст. 18, въ мѣсто заключенія, время, проведенное имъ на свободѣ, въ срокъ наказанія не засчитывается, но срокъ оставшагося неотбытымъ заключенія исчисляется со времени взятія его подъ стражу». Ставлю на голосованіе. Ст. 23 принята. «24. Если въ теченіе обязательнаго срока попеченія (ст. 14) досрочное освобожденіе не будетъ, на основаніи ст. 19, отмѣнено, то опредѣленное судебнымъ приговоромъ наказаніе считается отбытымъ». Ставлю на голосованіе. Ст. 24 принята.

Теперь на голосованіе долженъ быть поставленъ весь законопроектъ въ цѣломъ. Какъ переходъ къ этому голосованію, членъ Государственной Думы оп. Евлогій предлагаетъ слѣдующую формулу: «Выражая пожеланіе, чтобы при каждой тюрьмѣ было особое духовное лицо того вѣроисповѣданія, къ которому принадлежатъ заключенные, Государственная Дума переходитъ къ очереднымъ дѣламъ».

Гр. Беннигсенъ (докладчикъ Коммисіи по судебнымъ реформамъ). Коммисія по судебнымъ реформамъ уже обсуждала этотъ вопросъ, при чемъ имѣла въ первую оче-

редъ въ виду несомнѣнную симпатичность того предложенія, которое сдѣлалъ еп. Евлогій; но съ другой стороны Коммисія думаетъ, что, принимая какую бы то ни было формулу перехода къ очереднымъ дѣламъ, высказывая какое бы то ни было пожеланіе, необходимо смотрѣть съ открытыми глазами на то, что въ результатъ этого пожеланія можетъ намъ предстоять: въ данномъ случаѣ мы совершенно не можемъ предсказать, какіе расходы можетъ повлечь за собой въ будущемъ осуществленіе этого пожеланія. Какъ намъ здѣсь доложилъ недавно г. Товарищъ Министра Юстиціи, священниковъ одного православнаго вѣроисповѣданія не имѣется при 175 мѣстахъ заключенія; кромѣ того то пожеланіе, которое намъ было здѣсь высказано, въ той редакціи, которая была прочитана, требуетъ учрежденія штатныхъ должностей духовныхъ лицъ тѣхъ вѣроисповѣданій, къ которымъ принадлежатъ заключенные; такимъ образомъ можетъ оказаться необходимымъ имѣть по нѣскольку духовныхъ лицъ при каждой тюрьмѣ. Въ виду подобнаго рода соображеній, Коммисія по судебнымъ реформамъ, несмотря на голоса отдѣльныхъ лицъ, отстаивавшихъ этотъ переходъ къ очереднымъ дѣламъ—къ числу этихъ лицъ принадлежалъ лично и я,—подавляющимъ большинствомъ голосовъ высказалась за отклоненіе этой поправки даже въ видѣ формулы перехода къ очереднымъ дѣламъ.

Предсѣдательствующій. Никому больше не угодно высказаться? Предложенную членомъ Государственной Думы еп. Евлогіемъ формулу перехода къ общему голосованію законопроекта ставлю на голосованіе. Формула отклонена. Ставлю на голосованіе вопросъ, принимаетъ ли Государственная Дума законопроектъ въ цѣломъ? Законопроектъ принятъ въ цѣломъ и передается въ редакціонную Коммисію.

Вязигинъ (докладчикъ редакціонной Коммисіи). Редакціонная Коммисія имѣетъ честь предложить на одобреніе Государственной Думы нижеслѣдующую редакцію проекта закона. Проектъ закона объ условномъ досрочномъ освобожденіи.

**4 ЮНЯ 1908 г.,
засѣданіе 78.**

I. Въ измѣненіе и дополненіе подлежащихъ узаконеній постановить нижеслѣдующія правила объ условномъ досрочномъ освобожденіи:

1. Приговоренные къ заключенію въ тюрьмѣ или работномъ домѣ на срокъ не менѣе восьми мѣсяцевъ, а также къ заключенію въ исправительномъ арестантскомъ отдѣленіи или исправительномъ домѣ, могутъ быть, съ ихъ согласія, условно освобождены изъ заключенія по отбываніи не менѣе трехъ четвертей опредѣленнаго имъ судебнымъ приговоромъ срока наказанія, въ порядкѣ, указанномъ въ ст. 2—26.

2. Условное досрочное освобожденіе можетъ быть предоставлено заключеннымъ въ томъ случаѣ, если ихъ одобрительное поведеніе во время заключенія даетъ достаточныя основанія предполагать, что по освобожденіи изъ заключенія они будутъ вести добропорядочный образъ жизни.

3. Условное досрочное освобожденіе не предоставляется: 1) осужденнымъ за бродяжество, 2) осужденнымъ за кражу лошади и 3) тѣмъ изъ присужденныхъ къ заключенію въ тюрьмѣ, которые, по отбытіи сего заключенія, подлежатъ помѣщенію въ работномъ домѣ.

4. Предоставленіе условнаго досрочнаго освобожденія не устраняетъ дѣйствія постановленій объ отдачѣ подъ надзоръ мѣстной полиціи и объ ограниченіяхъ въ правѣ избранія и перемѣны мѣста жительства (ст. 58¹ и 58² Улож. Наказ., ст. 58¹ и 58² по Прод. 1906 г., и Выс. утв. 22 марта 1903 г. Угол. Улож. ст. 34

и 35). Сроки дѣйствія означенныхъ постановленій исчисляются со времени условнаго освобожденія осужденнаго.

5. Возбужденіе вопроса объ условномъ досрочномъ освобожденіи заключенныхъ принадлежитъ лицамъ прокурорскаго надзора, начальнику мѣста заключенія, членамъ мѣстныхъ обществъ патроната, директорамъ, директрисамъ и членамъ благотворительно-тюремныхъ комитетовъ, комитетовъ и отдѣленій общества попечительнаго о тюрьмахъ и состоящимъ при мѣстѣ заключенія духовнымъ лицамъ и врачамъ.

6. Вопросъ объ условномъ досрочномъ освобожденіи можетъ быть возбужденъ и до истеченія трехъ четвертей опредѣленнаго судебнымъ приговоромъ срока, но съ тѣмъ, чтобы само освобожденіе было осуществлено не раньше наступленія этого срока.

7. Вопросъ о примѣненіи условнаго досрочнаго освобожденія къ заключенному вносится начальникомъ мѣста заключенія въ суточный срокъ на обсужденіе особаго совѣщанія, образуемаго подъ предсѣдательствомъ одного изъ мѣстныхъ мировыхъ судей, назначаемаго съѣздомъ мировыхъ судей, а въ мѣстностяхъ, гдѣ введено положеніе о земскихъ участковыхъ начальникахъ, мѣстнаго уѣзднаго члена окружнаго суда, изъ лица прокурорскаго надзора, начальника мѣста заключенія или его помощника, двухъ директоровъ или директрисъ мѣстныхъ комитета или отдѣленія общества попечительнаго о тюрьмахъ, по избранію сихъ установленій, а гдѣ учреждены общества патроната—двухъ членовъ сихъ обществъ, избираемыхъ правленіемъ общества и состоящихъ при мѣстѣ заключенія: духовнаго лица того вѣроисповѣданія, къ которому принадлежитъ заключенный, врача, имѣвшаго надъ нимъ наблюденіе или пользовавшаго его отъ болѣзни, и лица, завѣдывающаго обученіемъ заключенныхъ. Для законности состава совѣщанія необходимо присутствіе предсѣдательствующаго, начальника мѣста заключенія или его помощника, одного изъ директоровъ или директрисъ мѣстныхъ комитета или отдѣленія общества попечительнаго о тюрьмахъ, или одного изъ членовъ общества патроната.

Примѣчаніе. Въ С.-Петербургѣ и Москвѣ директора и директрисы благотворительно-тюремныхъ комитетовъ избираются въ члены особаго совѣщанія правленіемъ сихъ комитетовъ.

8. Вопросъ о предоставленіи условнаго досрочнаго освобожденія разрѣшается особымъ совѣщаніемъ по большинству голосовъ; при равенствѣ голосовъ, мнѣніе предсѣдателя даетъ перевѣсъ.

9. Постановленіе особаго совѣщанія заносится въ протоколъ съ подробнымъ изложеніемъ основаній, по коимъ заключенный признается или не признается заслуживающимъ условнаго досрочнаго освобожденія. Каждый изъ членовъ особаго совѣщанія, оставшійся при особомъ мнѣніи, можетъ представить таковое въ письменномъ изложеніи для приобщенія къ протоколу.

10. Возобновленіе ходатайства объ условномъ досрочномъ освобожденіи можетъ послѣдовать не ранѣе истеченія трехъ мѣсяцевъ съ того дня, когда состоялось постановленіе о признаніи заключеннаго незаслуживающимъ такого освобожденія.

11. Постановленіе особаго совѣщанія о предоставленіи условнаго досрочнаго освобожденія объявляется заключенному начальникомъ мѣста заключенія не позже дня, слѣдующаго за тѣмъ, въ который это постановленіе состоялось, съ предупрежденіемъ, что освобожденіе можетъ послѣдовать лишь съ утвержденія судебной власти.

При этомъ начальникъ мѣста заключенія отбираетъ отъ заключеннаго письменное заявленіе о согласіи или несогласіи воспользоваться предоставляемой ему льготой, а также о мѣстѣ жительства, которое онъ желаетъ избрать на время условнаго досрочнаго освобожденія.

12. Постановленіе особаго совѣщанія, коимъ заключенный признанъ заслуживающимъ условнаго досрочнаго освобожденія, при согласіи его воспользоваться предоставляемою ему льготой, препровождается начальникомъ мѣста заключенія не позже дня, слѣдующаго за полученіемъ такого согласія, вмѣстѣ съ особыми мнѣніями, если таковыя были заявлены, съ подлиннымъ дѣломъ о заключенномъ и другими, имѣющимися о немъ свѣдѣніями, прокурору мѣстнаго окружнаго суда; послѣдній безъ замедленія предлагаетъ дѣло суду.

13. Дѣла объ условномъ досрочномъ освобожденіи подлежатъ разсмотрѣнію окружнаго суда, въ округѣ котораго заключенный отбываетъ наказаніе.

14. Судъ разсматриваетъ дѣло объ условномъ досрочномъ освобожденіи въ распорядительномъ засѣданіи въ ближайшій присутственный день. Въ случаѣ надобности, судъ имѣетъ право требовать дополнительныхъ свѣдѣній и вызывать въ засѣданіе для дачи объясненія начальника мѣста заключенія, а равно и другихъ членовъ совѣщанія. Утверждая постановленіе особаго совѣщанія, судъ назначаетъ досрочно освобожденному мѣсто его жительства. Опрежденія суда по вопросу объ условномъ досрочномъ освобожденіи не подлежатъ обжалованію и немедленно, по постановленіи, обращаются къ исполненію на общемъ основаніи.

15. По полученіи выписки изъ опредѣленія суда о предоставленіи заключенному условнаго досрочнаго освобожденія, начальникъ мѣста заключенія въ теченіе сутокъ приводитъ въ исполненіе означенное опредѣленіе; если же опредѣленіе суда послѣдовало до истеченія трехъ четвертей срока, къ которому былъ присужденъ заключенный, то не позже дня, въ который истекаетъ этотъ срокъ. Въ томъ же случаѣ, когда начальнику мѣста заключенія сдѣлались извѣстными какія-либо обстоятельства, которыя могутъ препятствовать предоставленію заключенному условнаго досрочнаго освобожденія и которыхъ судъ не имѣлъ въ виду при разрѣшеніи дѣла объ условномъ досрочномъ освобожденіи, начальникъ, не приостанавливая исполненія опредѣленія суда, немедленно доводитъ до свѣдѣнія прокурора суда, для предложенія суду о пересмотрѣ постановленнаго имъ опредѣленія.

16. Въ теченіе оставшагося неотбытымъ срока лишенія свободы, назначеннаго судебнымъ приговоромъ, досрочно-освобожденный состоитъ на попеченіи мѣстнаго общества патроната, а въ мѣстностяхъ, гдѣ такого общества не учреждено, — мѣстныхъ комитета или отдѣленія общества попечительнаго о тюрьмахъ. Если означенныя общества не имѣютъ средствъ для принятія досрочно-освобожденнаго на попеченіе, то таковое возлагается на мѣстныхъ мирового, городского или гминнаго судью, или земскаго начальника, по принадлежности. Означенныя должностныя лица ближайшее наблюденіе за досрочно-освобожденными могутъ возложить на несостоящихъ подъ судомъ или слѣдствіемъ и неопороченныхъ по суду вполнѣ благонадежныхъ совершеннолѣтнихъ родственниковъ досрочно-освобожденнаго или другихъ избранныхъ лицъ съ ихъ на то согласія.

Примѣчаніе. Въ С.-Петербургѣ и Москвѣ попеченіе о досрочно-освобожденныхъ предоставляется также благотворительно-тюремнымъ комитетамъ.

17. Досрочно-освобожденный во всякое время до истечения срока условного освобождения, по уважительнымъ причинамъ, имѣетъ право просить должностное лицо, имѣющее надъ нимъ попеченіе, о перемѣнѣ лица, коему поручено надъ нимъ ближайшее наблюденіе.

18. При увольненіи досрочно-освобожденнаго, начальникъ мѣста заключенія дѣлаетъ распоряженіе о пересылкѣ полицейскому начальству той мѣстности, куда направляется освобождаемый, денегъ, принадлежащихъ этому послѣднему и находящихся на храненіи у администраціи мѣста заключенія,—для передачи ихъ означенному въ ст. 16 учрежденію или должностному лицу, которыя выдаютъ ихъ досрочно-освобожденному частями, по мѣрѣ дѣйствительной надобности.

19. По прибытіи досрочно-освобожденнаго въ назначенное ему мѣсто жительства, онъ обязанъ въ теченіе сутокъ явиться въ указанное ему начальствомъ мѣста заключенія полицейское установленіе. Послѣднее немедленно сообщаетъ о прибытіи досрочно-освобожденнаго тому изъ означенныхъ въ ст. 16 учреждений или должностныхъ лицъ, на обязанности коего лежитъ попеченіе о досрочно-освобожденномъ.

20. Въ теченіе срока обязательнаго попеченія (ст. 16) досрочно-освобожденный не имѣетъ права отлучаться изъ назначеннаго ему мѣста жительства безъ разрѣшенія того изъ указанныхъ въ ст. 16 учрежденія или должностнаго лица, на попеченіи коего онъ состоитъ, при чемъ разрѣшеніе на отлучку выдается по уважительнымъ причинамъ на срокъ не свыше одного мѣсяца. Отлучки на болѣе продолжительные сроки, а также перемѣна назначеннаго для досрочно-освобожденнаго мѣста жительства, допускаются лишь съ разрѣшенія того суда, въ округѣ котораго живетъ досрочно-освобожденный.

21. Если досрочно-освобожденный въ теченіе срока обязательнаго попеченія (ст. 16) совершитъ какое-либо преступное дѣяніе, за которое будетъ присужденъ, вступившимъ въ законную силу, приговоромъ суда къ наказанію свыше ареста на три мѣсяца или къ денежному взысканію или пенѣ свыше трехсотъ рублей, то условное досрочное освобожденіе обязательно подлежитъ отмѣнѣ. Если же досрочно-освобожденный будетъ присужденъ вступившимъ въ законную силу приговоромъ суда къ наказанію, не превышающему ареста на три мѣсяца или денежнаго взысканія или пени въ триста рублей или будетъ установлено его дурное поведеніе, выразившееся въ пьянствѣ, тунеядствѣ или постоянномъ общеніи съ порочными людьми, то условное досрочное освобожденіе можетъ быть отмѣнено.

22. О всѣхъ случаяхъ нарушенія досрочно-освобожденнымъ условій, на коихъ ему предоставляется свобода, учрежденіе или должностное лицо, имѣющее надъ нимъ попеченіе (ст. 16), а также мѣстное полицейское начальство, доводитъ до свѣдѣнія прокурора мѣстнаго окружнаго суда. По полученіи означенныхъ свѣдѣній и въ случаяхъ надобности по провѣркѣ ихъ, прокуроръ немедленно предлагаетъ объ этомъ суду.

23. Дѣла о взятіи вновь подъ стражу досрочно-освобожденнаго подлежатъ разсмотрѣнію окружнаго суда, въ округѣ котораго досрочно-освобожденный отбываетъ срокъ обязательнаго попеченія. Въ случаяхъ, предусмотрѣнныхъ второю частью ст. 21 настоящихъ правилъ, судъ постановляетъ опредѣленіе по вызовѣ досрочно-освобожденнаго для дачи объясненія; неявка досрочно-освобожденнаго не останавливаетъ разсмотрѣнія дѣла.

24. Означенныя въ предшедшей (23) статьѣ дѣла судъ разсматриваетъ порядкомъ, указаннымъ въ ст. 14 настоящихъ правилъ.

25. При возвращеніи досрочно-освобожденнаго, на основаніи ст. 21, въ мѣсто заключенія, время, проведенное имъ на свободѣ, въ срокъ наказанія не засчитывается, но срокъ оставшагося неотбытымъ заключенія исчисляется со времени взятія его подъ стражу.

26. Если въ теченіе срока обязательнаго попеченія (ст. 16) условное досрочное освобожденіе не будетъ, на основаніи ст. 21, отмѣнено, то опредѣленное судебнымъ приговоромъ наказаніе почитается отбытымъ.

II. Ст. 317 и примѣчанія 1 и 2 къ сей статьѣ Устава о Содержащихся подъ Стражей (Свод. Зак. т. XIV, изд. 1890 г. и по прод. 1906 г.) и часть 3 ст. 23 Высочайше утвержденнаго, 22 марта 1903 г., Уголовнаго Уложенія—отмѣнить.

III. Предоставить Министру Юстиціи безотлагательно внести на разсмотрѣніе Государственной Думы законопроектъ о размѣрѣ и условіяхъ пособій обществамъ патроната изъ средствъ государственнаго казначейства.

Предсѣдатель. Угодно принять предложенную редакцію? Ставлю ее на голосованіе. Редакція принята, и законопроектъ передается въ Государственный Совѣтъ.

ВЪ ГОСУДАРСТВЕННОМЪ СОВѢТѢ.

Въ Общемъ Собраніи.

Манухинъ. Ваше Высокопревосходительство и г.г. Члены Государственнаго Совѣта. Одобренный Государственною Думою законопроектъ объ условномъ досрочномъ освобожденіи равнымъ образомъ, по мнѣнію моему, едва ли можетъ быть обсужденъ прямо и непосредственно въ Общемъ Собраніи Государственнаго Совѣта, а потому было бы желательно передать его для предварительнаго обсужденія въ Коммисію. Засимъ, такъ какъ мы только что избрали Коммисію законодательныхъ предположеній, и законопроектъ этотъ не такого рода, чтобы требовать образованіе специальной Коммисіи, то я полагаю бы передать этотъ проектъ на обсужденіе только что избранной нами Коммисіи законодательныхъ предположеній.

**23 ОКТЯБРЯ 1908 г.,
засѣданіе 2.**

Предсѣдатель. Поддерживается ли сдѣланное предложеніе о передачѣ настоящаго законопроекта въ Коммисію болѣе чѣмъ 10 Членами? (*Встаетъ болѣе 10 Членовъ*). Не желаетъ ли кто высказаться за передачу въ Коммисію или противъ? За отсутствіемъ желающихъ высказаться по настоящему дѣлу ставится на голосованіе вопросъ, подлежитъ ли одобренный Думою законопроектъ объ условномъ досрочномъ освобожденіи передачѣ въ Коммисію? Постановлено единогласно передать это дѣло въ Коммисію. Угодно передать это дѣло въ Коммисію законодательныхъ предположеній? Единогласно постановлено передать этотъ законопроектъ въ Коммисію законодательныхъ предположеній.

4 ФЕВРАЛЯ 1909 г.,
засѣданіе 16.

Дейтрихъ. Сущность института условнаго досрочнаго освобожденія заключается въ освобожденіи, до истеченія назначеннаго судомъ срока лишенія свободы, тѣхъ заключенныхъ, которые во время отбыванія наказанія отличались примѣрнымъ поведеніемъ, прилежаніемъ въ работахъ и подчиненіемъ тюремной дисциплины и тѣмъ подавали надежду на исправленіе, но подъ условіемъ соблюденія ими въ теченіе всего неотбытаго срока заключенія, добропорядочнаго поведенія подъ угрозою, въ противномъ случаѣ, возвращенія въ мѣсто заключенія для отбытія уже полнаго срока, назначеннаго имъ судомъ лишенія свободы. Институтъ этотъ, ставя освобожденіе и облегченіе участи въ исключительную зависимость отъ воли самого заключеннаго, возбуждаетъ въ немъ, надеждою на возможное облегченіе участи, стремленіе стать на путь самоисправленія и внутренней дисциплины и, кромѣ того, побуждаетъ его и послѣ выхода изъ мѣста заключенія продолжать работать надъ своимъ самоисправленіемъ. Создавая, такимъ образомъ, у преступника привычку къ добропорядочности и труду, институтъ условнаго досрочнаго освобожденія содѣйствуетъ одной изъ главныхъ цѣлей наказанія—исправленію. Одной репрессіи недостаточно для исправленія преступника—нужна еще его самодѣятельность въ этомъ направленіи и только развитію этой самодѣятельности способствуетъ досрочное условное освобожденіе. Опытъ всѣхъ западно-европейскихъ странъ свидѣтельствуетъ, что досрочное условное освобожденіе оказывало на нравственность и поведеніе заключенныхъ весьма благопріятное вліяніе, что они лучше вели себя въ тюрьмѣ, работали и привыкали къ труду, и, такимъ образомъ, институтъ этотъ способствовалъ ихъ исправленію. Главныя возраженія противъ введенія этого института сводятся къ слѣдующимъ: во первыхъ, утверждаютъ, что досрочное освобожденіе колеблетъ силу и значеніе судебнаго приговора, что оно создаетъ въ области примѣненія наказанія призыволь, разрѣшая администраціи измѣнять приговоръ суда, смягчая по своему усмотрѣнію наказаніе заключенному. Второе возраженіе заключается въ указаніи на то, что досрочное условное освобожденіе, въ сущности, есть ни что иное, какъ институтъ, имѣющій цѣлью смягченіе наказанія и уменьшеніе уголовной репрессіи. Въ настоящее же время повышенной преступности населенія, едва ли можетъ быть признано соотвѣтственнымъ уменьшать уголовную репрессію. Опытъ всѣхъ государствъ указываетъ, что, при увеличеніи преступности, съ послѣдними борются не уменьшеніемъ уголовной репрессіи, а наоборотъ ея усиленіемъ. Затѣмъ, говорятъ, что переполненіе нашихъ тюремъ, то хаотическое положеніе, въ которомъ онѣ находятся, смѣшеніе въ однѣхъ и тѣхъ же камерахъ арестантовъ всѣхъ разрядовъ, начиная съ каторжныхъ и кончая тѣми, которые присуждены къ кратковременному тюремному заключенію, дѣлаетъ совершенно невозможнымъ примѣненіе этого института, такъ какъ онъ для своего правильнаго примѣненія требуетъ, чтобы въ мѣстахъ заключенія надъ преступниками было близкое и дѣйствительное наблюденіе. При состояніи же нашихъ мѣстъ заключенія установленіе такого надзора невозможно, оно обратится въ огульное освобожденіе всѣхъ отбывшихъ часть наказанія безъ всякаго соображенія съ тѣмъ, заслужено ли оно ими хорошимъ поведеніемъ и прилежаніемъ въ работѣ. Возраженія эти на мой взглядъ не представляются убѣдительными. Никакого колебанія силы и значенія судебнаго приговора условное досрочное освобожденіе не создаетъ, равно какъ никакого произвола въ примѣненіи этого института оно не допускаетъ. Приговоръ суда постановляется при

наличіи закона, допускающаго досрочное освобожденіе; слѣдовательно, освобожденіе это является освобожденіемъ въ силу закона по установленнымъ правиламъ и притомъ съ разрѣшеніи суда. Очевидно, что если послѣднее рѣшающее слово въ этомъ дѣлѣ имѣетъ судъ, а если наказаніе смягчается лишь по его постановленію, то говорить уже о томъ, что досрочное освобожденіе колеблетъ силу и значеніе состоявшагося судебнаго приговора, нельзя. Второй доводъ на мой взглядъ представляется серьезнѣе. Дѣйствительно, если бы условное досрочное освобожденіе вело лишь къ огульному только уменьшенію наказанія для всѣхъ находящихся въ тюрьмѣ, отбывшихъ извѣстный срокъ заключенія, не достигая вовсе цѣлей исправленія, то тогда несомнѣнно введеніе его представлялось бы несвоевременнымъ, и лично я пахотилъ бы принятіе его невозможнымъ, такъ какъ введеніе досрочнаго освобожденія въ такомъ случаѣ грозило бы общественному спокойствію и безопасности. Однако, дѣло, по моему мнѣнію, обстоитъ иначе: условное досрочное освобожденіе, какъ изволилъ Государственный Совѣтъ усмотрѣть изъ мотивовъ Министра Юстиціи, а также изъ разосланнаго доклада, имѣетъ въ виду не огульное освобожденіе до истеченія срока лишенія свободы, назначеннаго судомъ, всѣхъ заключенныхъ, а лишь тѣхъ изъ лицъ тюремнаго населенія, которыя своимъ поведеніемъ подають надежду на исправленіе, т. е. освобожденіе касается лишь того элемента, который въ тюрьмѣ долженъ быть признанъ менѣе преступнымъ и болѣе подающимъ надежду на исправленіе. Значитъ, онъ касается только исправляющихся. По отношенію къ этимъ лицамъ, допущеніе смягченія наказанія, заслуженнаго ими добрымъ ихъ поведеніемъ въ тюрьмѣ, никакой опасности, по моему мнѣнію, для общественнаго спокойствія не представляетъ. Нельзя при этомъ не обратить вниманія и на слѣдующее: досрочное освобожденіе является необязательнымъ—оно примѣняется не механически къ каждому заключенному, который оказался хорошаго поведенія, а предоставляется по зрѣлому обсужденію всѣхъ обстоятельствъ дѣла лишь тѣмъ заключеннымъ, которые будутъ признаны судомъ того достойными. Значитъ, заключенный, который ведетъ себя хорошо въ тюрьмѣ, можетъ быть не удостоенъ судомъ досрочнаго освобожденія въ томъ случаѣ, если обстоятельства дѣла указываютъ на его особенную испорченность и не подають надежды на его исправленіе. Судъ, при примѣненіи досрочнаго условнаго освобожденія, долженъ принимать во вниманіе, при какихъ условіяхъ было совершено имъ преступленіе, было ли въ данномъ случаѣ большее или меньшее проявленіе злой воли, и сообразно съ этимъ рѣшить, пужно ли въ большей или меньшей степени воздѣйствовать на него уголовною репрессіею. При такихъ условіяхъ освобожденіе досрочное не грозитъ общественной безопасности. По законопроекту, принятому Думою, предполагается распространить дѣйствіе досрочнаго условнаго освобожденія только на тѣхъ заключенныхъ, которые присуждены къ заключенію на сроки, превышающіе шестимѣсячное заключеніе. Слѣдовательно, всѣ тѣ, которые приговорены на этотъ срокъ или на меньшій, ни къ какому случаю не могутъ пользоваться досрочнымъ освобожденіемъ. Въ виду того, что большинству приговоренныхъ къ тюрьмѣ заключеніе назначается на срокъ не свыше 6 мѣсяцевъ, то весьма много заключенныхъ не подойдутъ подъ дѣйствіе настоящаго законопроекта. Что же касается до заключенныхъ въ исправительныя арестантскія отдѣленія, то, по дѣйствующему закону, они и въ настоящее время подлежатъ, при хорошемъ поведеніи, досрочному освобожденію, но освобожденіе это безусловное, т. е. освобожденный арестантъ, какъ

бы онъ себя ни велъ на свободѣ—обратно въ мѣсто заключенія для отбытія остатка наказанія возвращенъ быть не можетъ. Такимъ образомъ, по отношенію къ этой категоріи заключенныхъ, настоящій законопроектъ является особенно строгимъ, ибо условное освобожденіе несомнѣнно строже, чѣмъ безусловное. Какъ на препятствіе къ введенію досрочнаго условнаго освобожденія указываютъ еще на хаотическое состояніе нашихъ мѣстъ заключенія. Дѣйствительно, тюремное дѣло находится въ самомъ ужасномъ состояніи. Происходитъ это, главнымъ образомъ, отъ недостатка мѣстъ заключенія и переполненія тюремъ. При этихъ условіяхъ освобожденіе изъ тюремъ элемента менѣе преступнаго, т. е. тѣхъ, которые подають надежду на то, что на свободѣ не впадутъ вновь въ преступленіе, можетъ быть признано лишь полезнымъ. Чѣмъ меньше въ тюрьмахъ арестантовъ, тѣмъ легче ввести въ нихъ порядокъ, а этому способствуетъ условное досрочное освобожденіе, если заключенные будутъ знать, что они, при условіи добропорядочнаго поведенія, могутъ добиться облегченія своей участи, то несомнѣнно будутъ стараться своимъ поведеніемъ не вызывать нареканій, и тогда въ тюрьмахъ водворится та дисциплина и порядокъ, которые такъ желательны и необходимы. Опытъ западно-европейскихъ государствъ, въ которыхъ введенъ институтъ досрочнаго освобожденія, указываетъ на то, что внутренняя тюремная дисциплина ничѣмъ такъ хорошо не поддерживается, какъ досрочнымъ освобожденіемъ. Каждый арестантъ, желающій выйти скорѣе на свободу и сознавая, что уменьшеніе наказанія зависитъ отъ него, старается вести себя добропорядочно и заслужить тѣмъ освобожденіе изъ тюрьмы. Поэтому я думаю, что даже самые ярые противники условнаго досрочнаго освобожденія не откажутся признать, что оно способствуетъ введенію тюремной дисциплины и порядка въ мѣстахъ заключенія. Такимъ образомъ, указанія на то, что такъ какъ тюрьмы переполнены и дурны, то не слѣдуетъ вводить предлагаемаго института, едва ли можно признать убѣдительными. Затѣмъ указываютъ еще и на то, что общественная безопасность будетъ скомпрометирована, ибо въ среду общества будетъ возвращено много преступныхъ элементовъ. По законопроекту предполагается примѣнять условное досрочное освобожденіе лишь послѣ отбытія осужденнымъ $\frac{3}{4}$ наказанія, т. е. въ существѣ дѣла оно будетъ примѣнено только къ тѣмъ обвиняемымъ, которые и безъ того черезъ нѣсколько недѣль или мѣсяцевъ подлежали освобожденію за отбытіемъ срока. Никакой бѣды отъ этого не произойдетъ, а наоборотъ—польза, разъ есть основаніе предполагать, что досрочное освобожденіе будетъ содѣйствовать исправленію преступника. Нельзя при этомъ упускать изъ виду, что разъ существуетъ институтъ досрочнаго освобожденія, то судья, постановляя приговоръ, несомнѣнно подвергнетъ преступника наказанію съ такимъ расчетомъ, чтобы срокъ обязательнаго заключенія соотвѣтствовалъ вполнѣ совершенному преступному дѣланію. Такимъ образомъ, не будетъ никакого смягченія репрессіи. Для того же, чтобы условное досрочное освобожденіе способствовало поддержанію въ тюрьмахъ дисциплины и служило цѣлямъ исправленія—необходимо, во первыхъ, чтобы освобожденіе было предоставляемо съ большою осмотрительностью и только тѣмъ изъ заключенныхъ, которые дѣйствительно подають надежду на исправленіе, и во вторыхъ, чтобы по выходѣ изъ мѣста заключенія освобожденный былъ поставленъ въ такія условія, при которыхъ онъ зналъ бы, что угроза возможностью возврата въ тюрьму не пустая угроза, что въ случаѣ не только совершенія имъ преступленія, но и при веденіи имъ порочной жизни онъ непремѣнно будетъ возвращенъ

въ мѣсто заключенія. Обсуждая этотъ вопросъ, Коммисія остановилась на 5 и послѣдующихъ статьяхъ проекта, въ которыхъ указанъ порядокъ разрѣшенія вопроса о томъ, подлежатъ ли досрочному освобожденію заключенный. По проекту первоначальное возбужденіе вопроса о досрочномъ освобожденіи предоставлено не только начальнику тюремнаго заведенія, но и лицамъ прокурорскаго надзора, членамъ патронатовъ, директорамъ и директрисамъ тюремныхъ комитетовъ и отдѣленій попечительства о тюрьмахъ и другимъ лицамъ тюремной администраціи. Затѣмъ вопросъ этотъ вносится на разсмотрѣніе особаго совѣщанія, находящагося въ уѣздѣ подъ председательствомъ или мѣстнаго мирового судьи, или уѣзднаго члена окружнаго суда. Въ составъ этого совѣщанія входятъ лицо прокурорскаго надзора, начальникъ мѣста заключенія, священникъ, директора и учителя заключенныхъ. Совѣщаніе обязано провѣрить тѣ данныя, которыя представлены лицами, возбудившими вопросъ о досрочномъ условномъ освобожденіи заключеннаго, и лишь въ томъ случаѣ, если убѣдится въ основательности возбужденнаго ходатайства, представляетъ окружному суду объ его удовлетвореніи. Окружный судъ разсматриваетъ представленныя ему данныя и, въ случаѣ надобности, требуетъ дополнительныхъ свѣдѣній и затѣмъ уже постановляетъ свое окончательное рѣшеніе. Порядокъ этотъ Коммисія признала вполне обезпечивающимъ осмотрительное примѣненіе досрочнаго условнаго освобожденія. Нѣсколько труднѣе и, долженъ сказать, даже значительно труднѣе является устройство попеченія и наблюденія надъ досрочно-освобожденными. Успѣхъ всего института зависитъ отъ того, какъ устроено это попеченіе и наблюденіе. Въдѣ если никакого наблюденія и попеченія надъ досрочно-освобожденнымъ не будетъ, и если онъ, выпущенный изъ тюрьмы, будетъ предоставленъ самому себѣ, то тогда досрочнаго условнаго освобожденія введено не будетъ, а оно обратится въ досрочное безусловное освобожденіе, т. е. въ институтъ, ничего общаго не имѣющій съ тѣмъ институтомъ, о которомъ, въ настоящее время, идетъ рѣчь. Въ средѣ Коммисіи по вопросу объ организаціи попеченія надъ условно-освобожденными вышло разногласіе. Въ западной Европѣ, когда вводилось условное досрочное освобожденіе, никакого затрудненія этотъ вопросъ не представлялъ. Еще до введенія этого института существовали патронаты, на обязанности которыхъ лежало заботиться объ освобождаемыхъ, отбывшихъ полный срокъ заключенія, помогать имъ въ пріисканіи работы и поддерживать ихъ въ первое время послѣ освобожденія. Когда былъ введенъ, въ интересахъ исправленія, институтъ условнаго досрочнаго освобожденія, то эти самыя учрежденія и приняли на себя попеченіе надъ досрочно-освобожденными. Въ сущности, на эти учрежденія возлагалась та же задача попеченія о вышедшихъ изъ тюремъ, которая имъ была присуща, такъ какъ для цѣлей попеченія безразлично, отбылъ ли освобожденный свой срокъ сполна или же не отбылъ. Все равно какъ тому, такъ и другому для того, чтобы онъ твердо сталъ на путь трудовой жизни, необходимо оказывать извѣстную помощь, нужно его пристроить къ какой либо работѣ и такимъ образомъ отвлечь его отъ праздности и необходимости добывать средства существованія преступленіемъ. Не надо забывать, что каждый освобожденный изъ тюрьмы поставленъ въ гораздо худшія условія, чѣмъ тѣ, въ которыхъ онъ находился до заключенія, ему труднѣе устроиться и отыскать работу. Да это и совершенно понятно. Не всякій согласится взять къ себѣ въ домъ только что освобожденнаго изъ тюрьмы и дать ему у себя работу—отъ такого человѣка сторонятся. Въ Россіи общество патроната для

освобожденных изъ мѣстъ заключенія очень мало. Въ Англіи, напримѣръ, на 56 мѣстныхъ и 5 каторжныхъ тюремъ имѣется въ настоящее время 112 обществъ патроната, у насъ же на 715 тюремъ и 36 арестантскихъ отдѣленій всего только 23 общества патроната, да и изъ числа этихъ патронатовъ многіе преслѣдуютъ спеціальныя цѣли попеченія о несовершеннолѣтнихъ и малолѣтнихъ. Очевидно, что при отсутствіи обществъ патроната попеченіе о досрочно-освобожденныхъ должно быть возложено на какія либо другія учрежденія, такъ какъ только при этомъ условіи можно ожидать пользу отъ введенія этого института. По вопросу о томъ, на кого возложить такое наблюденіе и попеченіе, въ средѣ Коммисіи возникло разногласіе. Большинство Коммисіи предположило возложить попеченіе и наблюденіе за освобожденными на существующіе у насъ почти повсемѣстно тюремные комитеты и отдѣленія общества попечительнаго о тюрьмахъ. Такихъ отдѣленій и комитетовъ въ Россіи болѣе 600, они имѣются почти въ каждомъ уѣздѣ. Коммисія полагала, что на общества эти, на обязанности которыхъ лежитъ забота о заключенныхъ, т. е. которыя, въ сущности, представляются обществами патроната, ближе всего возложить наблюденіе и попеченіе о досрочно-освобожденныхъ. Общество попечительное о тюрьмахъ было основано въ 1819 г. На него была возложена задача исправленія нравственности заключенныхъ и забота и попеченіе о нихъ. Такимъ образомъ, при образованіи своего общества принимало на себя обязанности патроната надъ заключенными. Съ теченіемъ времени на отдѣленія и комитеты общества были возложены разныя хозяйственныя обязанности, такъ что въ настоящее время они преслѣдуютъ не столько цѣли попеченія, сколько являются органами хозяйственнаго управленія мѣстъ заключенія. Однако, обязанности попеченія надъ заключенными съ нихъ никогда не были сняты и лежатъ на нихъ и въ настоящее время. Большинство Коммисіи считаетъ, что на эти учрежденія могло бы быть возложено съ успѣхомъ попеченіе и наблюденіе за условно досрочно-освобожденными. Досрочно-освобожденный находится подъ угрозой возможности вернуться въ тюрьму. Это не совсѣмъ свободный человѣкъ, а находящійся подъ воздѣйствіемъ власти, подъ попеченіемъ. Вотъ почему, казалось бы, тюремные комитеты и отдѣленія общества попечительнаго о тюрьмахъ, даже не выходя изъ границъ своихъ обязанностей, съ успѣхомъ могутъ принять на себя, по мнѣнію большинства Коммисіи, попеченіе о досрочно-освобожденныхъ. Меньшинство выходитъ изъ другихъ соображеній и полагаетъ возложить наблюденіе за досрочно-освобожденными на судебныя власти. Подробностей разногласія я въ настоящее время не касаюсь. Если Государственный Совѣтъ приметъ, въ принципѣ, настоящій законопроектъ, тогда при постановкѣ его разсмотрѣніи я и изложу сущность возникшаго разногласія. Тѣмъ не менѣе, считаю своевременнымъ сказать, что Коммисія единогласно пришла къ заключенію, что установить попеченіе и наблюденіе надъ досрочно-освобожденными и при условіяхъ русской жизни возможно, а потому постановила предложить Государственному Совѣту принять одобренный Государственною Думою законопроектъ съ тѣми измѣненіями, которыя будутъ представлены мною при постановкѣ его разсмотрѣніи.

Министръ Юстиціи. Ваше Высокопревосходительство и г.г. Члены Государственного Совѣта! Прежде чѣмъ доказывать Вамъ необходимость введенія въ Россію условнаго досрочнаго освобожденія, позвольте предложить Вашему вниманію нѣкоторыя общія соображенія, касающіяся смысла и значенія мѣры, связанной со словами

«условное досрочное освобождение». Въ правовой жизни государства, въ особенности, когда приходится доискиваться основъ, для созданія правовыхъ нормъ, главенствующее мѣсто должна занимать, какъ это въ свое время было высказано однимъ изъ талантливѣйшихъ юристовъ Ериптомъ, цѣль. Цѣль, по опредѣленію этого юриста, есть творческая сила права. Цѣлью объясняется происхожденіе всѣхъ главнѣйшихъ правовыхъ положеній. Развивая теорію цѣлеваго происхожденія права въ примѣненіи къ карательной дѣятельности государствъ, одинъ изъ извѣстнѣйшихъ современныхъ криминалистовъ, профессоръ Берлинскаго университета, Листъ высказалъ, между прочимъ, что идеаломъ карающей справедливости должно быть полнѣйшее подчиненіе карательной дѣятельности идеѣ о цѣли. Дѣйствительно, если вдуматься въ сущность многихъ коренныхъ положеній уголовного права, мы не можемъ не признать, что какъ бы ни были красивы въ своихъ построеніяхъ многія отвлеченныя формулы, которымъ посвящались многочисленныя изслѣдованія криминалистовъ, тѣмъ не менѣе развѣдающее, а по выраженію одного криминалиста, змѣнное начало цѣлесообразности распатало отвлеченныя формулы уголовного права, лишило ихъ безусловнаго характера. Въ области уголовного права съ особенною наглядностью сказалось то, что, въ сущности, мы ежедневно видимъ въ окружающей насъ природѣ. Подобно тому, какъ природа не знаетъ прямыхъ геометрическихъ линій, а знаетъ линіи кривыя, такъ и въ карательной дѣятельности государствъ, въ сущности, ни одно отвлеченное начало не допускаетъ по соображеніямъ цѣлесообразности неуклонно прямого и безусловнаго проведенія въ жизнь. Достаточно мнѣ указать на тотъ громадный переборъ, который произошелъ въ постановкѣ отвѣтственности малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ преступниковъ, на институтъ уголовной давности, всѣми признаваемый, который появился не по соображеніямъ отвлеченной теоріи, а исключительно по указаніямъ цѣлесообразности. Сошлюсь еще на такое крупное новшество послѣдняго времени въ области уголовного права, какъ условное осужденіе, вызванное къ жизни тоже цѣлесообразностью. На почвѣ внесеннаго въ уголовное право самою жизнью, во имя цѣлесообразности, возникло и условное досрочное освобожденіе. Этотъ институтъ появился вопреки тому, что проповѣдывала отвлеченная теорія, долго стоявшая на томъ, что всякое преступленіе должно быть наказано, и притомъ утверждавшая первоначально, что наказаніе должно быть заранѣе точно фиксировано закономъ въ наиболѣе опредѣленномъ размѣрѣ наказанія, причитающагося всѣмъ виновникамъ того или другаго отдѣльнаго преступленія. Однако, отъ этого послѣдняго положенія пришлось отступить. Подобно тому, какъ въ тюрьмѣ, Вы не можете одѣть въ арестантскіе халаты, сшитые по одному размѣру, всѣхъ арестантовъ, оказалось, что и наказывать однимъ и тѣмъ же наказаніемъ, заранѣе опредѣленнымъ въ законѣ, всѣхъ виновниковъ одного и того же преступленія нельзя. Пришлось отъ санкціи, абсолютно опредѣленной, какъ ее называютъ криминалисты, перейти къ относительно-опредѣленной санкціи. Какъ только была сдѣлана эта уступка, уступка идеѣ, которая была наименована идеею индивидуализаціи наказанія, криминалисты-теоретики не замедлили выдвинуть начало неизмѣнности наказанія, опредѣляемаго судебнымъ приговоромъ. Но и на этомъ положеніи удержаться долго не удалось. Оказалось, что задача исправленія, которая была признана необходимою въ карательной дѣятельности, относительно многихъ видовъ лишенія свободы совершенно не допускаетъ примѣненія наказанія, опредѣленнаго судомъ въ его приговорѣ, къ лицамъ, приговорен-

нымъ къ наказанію, безъ дальнѣйшаго его измѣненія. Пришлось привлечь самого осужденнаго, отбывающаго уголовную кару, къ содѣйствию предпринимаемой надъ нимъ работѣ исправленія. Опытъ указалъ на цѣлесообразность весьма практичной педагогической мысли заинтересовать самого заключеннаго въ возможномъ его улучшеніи и перевоспитаніи. На почвѣ указанной мысли получила развитіе система различныхъ льготъ и облегченій для тѣхъ осужденныхъ, которые во время отбытія наказанія будутъ отличаться хорошимъ поведеніемъ. Система льготъ привела затѣмъ и къ тому, о чемъ мнѣ придется подробнѣе сейчасъ говорить—именно къ условному досрочному освобожденію. Сперва была испытана система такъ называемаго безусловнаго досрочнаго освобожденія, т. е. совершеннаго освобожденія за хорошее поведеніе арестанта, ранѣе опредѣленнаго судомъ срока изъ мѣста заключенія. Однако, оказалось, что ошибки, которыя всюду возможны, при системѣ безусловнаго досрочнаго освобожденія совершенно непоправимы, такъ какъ обратное взятіе въ тюрьму заключеннаго при этой системѣ недопустимо. Вмѣстѣ съ тѣмъ обнаружилось, что безусловное досрочное освобожденіе не обезпечиваетъ поддержки на свободѣ заключенному, когда онъ выходитъ изъ тюрьмы, такъ что столь необходимое смягченіе рѣзкости перехода отъ состоянія лишенія свободы къ состоянію полной свободы при этой системѣ не достигалось. Въ виду недостатковъ безусловнаго досрочнаго освобожденія, современныя законодательства приняли другую систему досрочнаго освобожденія, именуемую условнымъ досрочнымъ освобожденіемъ. Въ чемъ заключается значеніе этой мѣры, каковы цѣли, которыя она преслѣдуетъ? Цѣли эти, милостивые государи, многочисленны. Первая цѣль, которая указывается современными знатоками этого института, заключается въ томъ, что условное досрочное освобожденіе поддерживаетъ бодрость духа въ заключенномъ, противодействуетъ тому неблагоприятному усыпленію добрыхъ побужденій, которое отмѣчается тюремовѣдами въ мѣстахъ заключенія. Болѣе или менѣе продолжительное пребываніе въ тюрьмѣ въ теченіе извѣстнаго срока несомнѣнно дѣйствуетъ весьма пагубно на заключеннаго. Указанному вліянію, которое можетъ оказать на заключеннаго условное досрочное освобожденіе, придаетъ, между прочимъ, серьезное значеніе извѣстный криминалистъ Вальбергъ въ своемъ изслѣдованіи объ индивидуализаціи наказанія. Приведенная первая цѣль, которая достигается условнымъ досрочнымъ освобожденіемъ, стоитъ въ тѣснѣйшей связи и со второю цѣлью, которая обезпечивается условнымъ досрочнымъ освобожденіемъ. Она заключается въ томъ, что условное досрочное освобожденіе облегчаетъ исправленіе лица, содержащагося подъ стражею. Между тѣмъ, исправленіе ставится въ настоящее время въ качествѣ одной изъ главнѣйшихъ задачъ карательной дѣятельности государства. Понятно поэтому, что и рассматриваемымъ мѣропріятіемъ, которое чрезвычайно облегчаетъ достиженіе этой цѣли, приходится чрезвычайно дорожить. Вмѣстѣ съ тѣмъ я долженъ объяснить, господа, что условное досрочное освобожденіе отнюдь не является мѣропріятіемъ, тѣсно связаннымъ съ какою либо опредѣленною карательною системою. Довольно распространено мнѣніе, что условное досрочное освобожденіе есть какъ бы составная часть одной только прогрессивной системы лишенія свободы. Однако, это мнѣніе за послѣднее время ближайшими изслѣдователями института условнаго досрочнаго освобожденія отвергается. Напротивъ того, въ настоящее время представляется въ достаточной мѣрѣ установленнымъ, что условное досрочное освобожденіе особенно полезно въ примѣненіи къ тѣмъ видамъ лишенія свободы, которые не

отличаются совершенством. Тюрьма, хорошо обставленная, усовершенствованная, по сравнению съ плохой тюрьмой, съ тюрьмой, пришедшей въ разстройство, менѣе нуждается въ институтѣ условнаго досрочнаго освобожденія, чѣмъ послѣдняя. Это обстоятельство обыкновенно не только игнорировалось, но даже приводилось въ доказательство серьезнаго препятствія къ введенію условнаго досрочнаго освобожденія. Достаточно сослаться на авторитетныхъ криминалистовъ, составлявшихъ наше уголовное уложеніе. Они именно смотрѣли на условное досрочное освобожденіе какъ на мѣропріятіе, связанное съ стройною карательною системою лишенія свободы, построенною на началахъ, такъ называемой, прогрессивности. Когда въ первоначальномъ проектѣ Уголовнаго Уложенія условное досрочное освобожденіе было предложено къ введенію, то какъ только было обнаружено то, что въ сущности криминалистамъ, составившимъ этотъ проектъ, должно было быть извѣстно и заранѣе, а именно, что наши тюрьмы отличаются крайнимъ неустройствомъ, тѣ же криминалисты немедленно отступили отъ условнаго досрочнаго освобожденія, заявивъ, что, пока наши тюрьмы не будутъ переустроены, нельзя осуществить указаннаго мѣропріятія. Между тѣмъ, было упущено изъ виду, что хорошая тюрьма имѣетъ достаточныя средства воздѣйствовать и помимо условнаго досрочнаго освобожденія весьма благопріятно на заключеннаго, тогда какъ плохая тюрьма иныхъ средствъ исправленія, кромѣ условнаго досрочнаго освобожденія, въ своемъ распоряженіи имѣть не можетъ; на этомъ основаніи я позволю себѣ утверждать, что ошибочно считать препятствіемъ для введенія у насъ условнаго досрочнаго освобожденія плохое состояніе нашихъ тюремъ. Я, напротивъ того, думаю, что именно плохое состояніе нашихъ тюремъ есть наглядное доказательство необходимости возможно скорѣе ввести условное досрочное освобожденіе. Третья цѣль, которая преслѣдуется условнымъ досрочнымъ освобожденіемъ, цѣль, особенно цѣнимая крупнѣйшими криминалистами и лучшими знатоками тюремной части, какъ, напримѣръ, Гольцендорфомъ, Кронэ, Беракже, Крафтономъ, Польсомъ, Бернеромъ, Кюлевейномъ и цѣлымъ рядомъ другихъ извѣстныхъ въ наукѣ именъ, заключается въ томъ, что рассматриваемое мѣропріятіе обезпечиваетъ помощь и поддержку освобождаемымъ изъ мѣста заключенія въ тотъ періодъ, когда они въ томъ наиболѣе нуждаются, т. е. въ періодъ, переходный отъ лишенія свободы къ полной свободѣ. Эта сторона условнаго досрочнаго освобожденія, повторяю, объединяетъ цѣлый рядъ крупныхъ научныхъ именъ въ защитѣ условнаго досрочнаго освобожденія, какъ необходимѣйшей составной части карательной системы государства. Четвертая цѣль, которую обезпечиваетъ условное досрочное освобожденіе, заключается въ возможности провести до крайнихъ предѣловъ начало индивидуализаціи наказанія, т. е. то начало, которымъ справедливо особенно дорожатъ криминалисты. Уже въ настоящее время всѣ криминалисты утверждаютъ, что законъ предусмотрѣть всѣхъ оттѣнковъ вины не можетъ. Современный законъ поэтому расширяетъ, по мѣткому выраженію одного изъ нашихъ изслѣдователей, по возможности, тотъ юридическій корсетъ, которымъ прежнее законодательство чрезмѣрно стягивало судъ. Корсетъ дѣлается болѣе свободнымъ тѣмъ, что предѣлы въ назначеніи наказанія даются суду возможно большіе. Далѣе криминалисты утверждаютъ въ настоящее время, что судъ не можетъ точно и безошибочно опредѣлить размѣра наказанія осужденнымъ, почему и приходится перенести вопросъ объ окончательномъ фиксированіи размѣровъ уголовной кары въ стадію отбыванія наказанія. Условное досрочное освобо-

ждение и дает возможность осуществить начало индивидуализации более совершенным образом. Пятою целью, которая достигается институтом условного досрочного освобождения, является обезпечение дисциплины в тюрьмах. Поддержание порядка в тюрьмах составляет задачу чрезвычайной важности. Я, опять таки, позволяю себе обратиться, милостивые государи, Ваше внимание на то, что и эта цель имеет особенное значение в плохо устроенных, или разстроенных тюрьмах и гораздо меньшее в тюрьмах благоустроенных, ибо в этих последних тюремная дисциплина может быть достигнута иными мероприятиями, а не только одним досрочным освобождением. Для того, чтобы не быть голословным, я сошлюсь на слова известного нашего тюремоведа, профессора Фойницкого, который, описывая, какое большое значение имеет досрочное условное освобождение для поддержания тюремной дисциплины, приводит следующий наглядный пример. Пример этот касается Люцернской тюрьмы, которая, будучи основана на старинном порядке содержания, допускала еще в половине прошлого столетия телесные наказания. В этой тюрьме постоянно замечалось хроническое господство дисциплинарных проступков среди заключенных. В 1869 г. в Люцерн вводится условное досрочное освобождение. Результаты этого мероприятия по отношению к Люцернской тюрьме поистине были поразительны. «Я просматривал», пишет профессор Фойницкий, «тюремные книги Люцернские и убедился, что в годы, следующие за законом 1869 г., дисциплинарные наказания по отношению к арестантам назначались в три, четыре раза реже, чем до издания закона об условном досрочном освобождении». Последнею, шестю целью, которая обезпечивается условным досрочным освобождением, является известное сбережение государственных расходов в деле устройства и содержания мест заключения. Расходы государства, которые идут на карательные учреждения, являются, конечно, расходами, которых избывать трудно, но идеалом, милостивые государи, для уголовного права должны быть слова, которые были сказаны несколько тысячелетий тому назад. Слова эти, к сожалению, позабыты в современной жизни, в высшей степени знаменательны, а потому позволю мне их привести Вам. «Счастливейшею будет та страна, в которой будут стерты ступени храмов и школ, но где дороги к судилищам, к больницам и к тюрьмам совершенно заростут травой». Конечно государство должно, в своей карательной деятельности, всемерно стремиться к тому, чтобы его карательные учреждения ни в каком случае не увеличивали и не развивали преступности в стране, а напротив того ее сокращали. От приведенных общих соображений, разрешите мне перейти к вопросу о том, представляется ли в настоящее время необходимым введение у нас условного досрочного освобождения, или же, следуя мнению известных наших криминалистов, составивших Уголовное Уложение, нам нужно дожидаться переустройства наших карательных учреждений и создания у нас патронатских обществ. Я едва ли ошибаюсь, думая, что Россия не скоро дождется того и другого. Поэтому мнение, которое было высказано нашими знаменитыми криминалистами, сводится в применении к настоящему законопроект условного досрочного освобождения к мысли об его отклонении. Очевидно, если тем не менее, вопреки мнению наших известных криминалистов, я позволяю себе поддерживать этот законопроект, то в моем распоряжении должны быть доказательства, указывающие на безусловную необходимость возможно скорейшего

введенія условнаго досрочнаго освобожденія, минуя несовершенство нашихъ тюремныхъ порядковъ, неустройство нашихъ карательныхъ учреждений и, наконецъ, отсутствіе патронатскихъ обществъ. Въ чемъ же заключаются доказательства необходимости введенія условнаго досрочнаго освобожденія? Они заключаются, главнымъ образомъ, въ полнѣйшемъ разстройствѣ нашей карательной системы. Причины этого печальнаго явленія не многочисленны, но дѣйствовали онѣ въ высшей степени губительно. Первая изъ нихъ состоитъ въ упраздненіи такъ называемой Сахалинской ссылки. Послѣ Портсмутскаго договора, заключеннаго съ Японіею, мы были принуждены вывести изъ сѣверной части Сахалина каторжныхъ. Оставлятъ ихъ тамъ мы не могли, вслѣдствіе чего возникла необходимость размѣстить ихъ по существующимъ тюрьмамъ, т. е. смѣшать съ другими арестантами. Наступившее затѣмъ, такъ называемое, «освободительное» время на тюрьмахъ отразилось въ высшей степени пагубно въ томъ отношеніи, что оно не только увеличило до небывалыхъ размѣровъ количество приговоренныхъ къ каторжнымъ работамъ, но привело въ тюрьмы лицъ, которые, полагая, что они освобождали кого то, съ большою развязностью совершали преступныя дѣянія. Получилось такимъ образомъ съ одной стороны появленіе въ тюрьмахъ серьезнѣйшихъ преступниковъ, приговоренныхъ къ каторжнымъ работамъ, режимъ которыхъ долженъ быть наиболѣе строгимъ, между тѣмъ какъ ихъ приходилось содержать въ тюрьмахъ общихъ, а не въ каторжныхъ, а съ другой стороны наводненіе тюремъ, такъ называемыми, господами освободителями. Когда же по отношенію къ послѣднимъ надежды на амнистію при содѣйствіи Законодательныхъ Учрежденій пали, тогда революціонерами было объявлено освобожденіе ихъ силою, къ чему они и не замедлили приступить. Тогда начались систематическія нападенія на тюрьмы, сплошное терроризированіе чиновъ тюремнаго надзора. Естественно, при такихъ условіяхъ, наши тюрьмы, къ тому же переполненные, оказались въ осадномъ положеніи. Дѣлались при этомъ попытки и совершеннаго уничтоженія тюремъ. У насъ были тюрьмы, которыя сгорѣли, имѣются тюрьмы, которыя приведены на половину въ разрушеніе, вслѣдствіе того, что желавшіе силою освободить не брезгали прибѣгать къ взрывчатымъ веществамъ, единственно чтобы помочь своимъ товарищамъ, находившимся въ тюрьмахъ, выйти оттуда. Словомъ, въ карательныхъ учрежденіяхъ Россійской Имперіи наступило такое положеніе, когда, очевидно, уже не приходилось думать о какихъ либо высокихъ цѣляхъ, которыми задается карательная дѣятельность, а нужно было заботиться только о томъ, чтобы какъ нибудь удержать арестантовъ въ тюрьмахъ и не дать имъ всѣмъ разбѣжаться. Напряженіе дѣятельности тюремнаго надзора достигло, можно сказать, своего апогея, а вмѣстѣ съ тѣмъ съ каждымъ мѣсяцемъ все увеличивалось число попадавшихъ въ тюрьмы. Это число, если Государственному Совѣту благоугодно вспомнить, въ прошломъ году выражалось въ цифрѣ около 165.000 арестантовъ, а въ настоящее время дошло до цифры 178.000. Естественно, что при такихъ условіяхъ наступило полнѣйшее паденіе тюремной дисциплины. Что творится въ тюрьмахъ, быть можетъ, Вамъ раскрываютъ иногда краткія газетныя сообщенія, въ которыхъ Вы читаете то объ убійствѣ чиновъ тюремной администраціи, то о связанныхъ начальникахъ тюремъ, то о многообразныхъ насиліяхъ, которымъ подвергаются не только чины тюремнаго надзора, но иногда и сами арестанты, заподозрѣнные своими товарищами въ провокаціонной дѣятельности, или въ томъ, что они выдавали своихъ соучастниковъ. Поддерживать въ

мѣстахъ заключенія дисциплину при нападеніяхъ извнѣ и извнутри представлялось задачею трудною, да къ тому же и едва ли осуществимою, если припомнить, что наши тюрьмы переполнены вдвое болѣе того, что они въ состояніи вмѣстить: мѣстъ въ тюрьмахъ Россійской Имперіи имѣется приблизительно 100.000, а арестантовъ, какъ я сказалъ, мы имѣемъ до 178.000. Между тѣмъ, поддерживать тюремную дисциплину необходимо, и это возможно при описанныхъ условіяхъ только при введеніи условнаго досрочнаго освобожденія. Поэтому, ссылаясь на приведенныя общія соображенія, я считаю себя въ правѣ сказать, что отклоненіе проекта объ условномъ досрочномъ освобожденіи будетъ равносильно предоставленію нашей карательной системы окончательной гибели. Въ виду этого я бы покорнѣйше просилъ тѣхъ Членовъ Государственнаго Совѣта, которые будутъ голосовать въ принципѣ противъ этого законопроекта, обратить серьезное вниманіе на только что сказанное. Мнѣ приходилось, между прочимъ, много разъ слышать по отношенію къ доводамъ въ пользу условнаго досрочнаго освобожденія, что я не съ того конца подхожу къ вопросу объ упорядоченіи нашей карательной системы, и что слѣдуетъ безотлагательно заняться строительствомъ новыхъ тюремъ и этимъ путемъ достигнуть водворенія порядка въ тюрьмахъ. Но, милостивые государи, Вы знаете какъ длиненъ путь созданія новыхъ тюремныхъ строеній, и какъ онъ удлинняется, какъ только мы вспомнимъ роковыя слова о стѣсненномъ состояніи средствъ государственнаго казначейства. Не мнѣ, Министру Юстиціи, конечно доказывать предъ Законодательными Учрежденіями, что будто бы главнѣйшею задачею, на которую государство должно въ настоящее время расходовать свои средства, является приведеніе въ порядокъ его тюремной системы. Государство Россійское имѣетъ передъ собою другія задачи, болѣе первостепенныя, сопряженныя съ необходимостью весьма значительныхъ расходовъ, а потому совѣты, чтобы я занялся созиданіемъ новыхъ тюремъ, я всегда считалъ и считаю совѣтами, которыми воспользоваться въ данное время нельзя. Наконецъ еслибы даже средства были отпущены, понадобятся годы для того, чтобы можно было дожидаться новыхъ тюремныхъ зданій. Приходится, поэтому, искать иныхъ способовъ, обеспечивающихъ тюремную дисциплину. Наиболѣе разумнымъ способомъ, который, по указаніямъ опыта, именно и достигаетъ цѣли поддержанія тюремной дисциплины, является условное досрочное освобожденіе. Позвольте затѣмъ обратить Ваше вниманіе и на необходимость позаботиться о проведеніи въ тюрьмы извѣстныхъ нравственныхъ началъ. Если мы вспомнимъ изъ законодательства прошлаго законы, которые касались нашихъ карательныхъ учрежденій, то не знаю, согласитесь ли Вы со мною, но, по моему мнѣнію, однимъ изъ важнѣйшихъ законовъ, ограждавшихъ нравственныя начала въ тюрьмахъ, былъ законъ 1886 г. объ обязательномъ арестантскомъ трудѣ. Примѣненіе труда на мой взглядъ на мѣстахъ заключенія представляется мѣропріятіемъ чрезвычайной важности съ точки зрѣнія укрѣпленія извѣстныхъ нравственныхъ задачъ въ нашихъ мѣстахъ лишенія свободы. По вопросу о положеніи нашего арестантскаго труда въ тюрьмахъ мнѣ приходится, однако, представить Вашему вниманію довольно мрачную картину. Переполненіе тюремъ приводитъ Главное Тюремное Управленіе къ необходимости зачастую закрывать мастерскія, имѣющіяся въ тюрьмахъ, т. е. прекращать арестантскую работу только для того, чтобы использовать мастерскія въ видахъ размѣщенія тамъ арестантовъ, которыхъ нѣтъ никакой возможности размѣстить въ иныхъ мѣстахъ тюремнаго зданія. Въ 12 довольно большихъ

тюрьмахъ Россійской Имперіи уже закрыты мастерскія. Посудите же, милостивые государи, въ связи съ сокращеніемъ арестантскаго труда въ тюрьмахъ, что въ нихъ въ настоящее время творится. Неужели кто нибудь будетъ мнѣ серьезно доказывать, что тѣмъ не менѣе нужно отказать этимъ тюрьмамъ, въ которыхъ, по всей вѣроятности, немного лучше, если не хуже Дантова ада, въ томъ нравственномъ лучѣ надежды, который вноситъ въ тюрьму условное досрочное освобожденіе. Дайте же, если нѣтъ никакой другой возможности, пробуждать добрыя чувства въ арестантахъ, возможность пробужденія этихъ чувствъ при помощи условнаго досрочнаго освобожденія. Затѣмъ позвольте еще, милостивые государи, обратить Ваше вниманіе на слѣдующее обстоятельство. Одинъ изъ изслѣдователей нашихъ, который посвящалъ многочисленныя свои труды русской уголовной статистикѣ, именно г. Тарновскій, въ послѣднемъ своемъ трудѣ указываетъ, что въ періодъ послѣдняго пятилѣтія, съ 1901 г. по 1905 г., замѣчается усиленіе рецидива, при чемъ особенно замѣтно усиливается многократный и сложный рецидивъ. Быть можетъ съ этой трибуны будутъ заявленія о томъ, что то преступленіе, которое, въ сущности, наиболѣе объединяетъ русскихъ рецидивистовъ, я разумѣю воровство, не будетъ парализовано условнымъ досрочнымъ освобожденіемъ. Если это дѣйствительно будутъ утверждать, то мнѣ во всякомъ случаѣ не докажутъ, что условное досрочное освобожденіе увеличитъ рецидивъ. Опытъ западной Европы даетъ по этому предмету одно весьма опредѣленное указаніе, а именно, что условное досрочное освобожденіе вліяетъ на рецидивъ въ смыслѣ причины, сдерживающей его развитіе. Поэтому и мы въ правѣ ожидать, что рецидивъ будетъ сдерживаться условнымъ досрочнымъ освобожденіемъ. Наконецъ, я позволю себѣ обратить Ваше вниманіе еще на одну частность чисто техническую. Несомнѣнно, условное досрочное освобожденіе есть мѣрспріятіе болѣе совершеннаго калибра, чѣмъ безусловное освобожденіе досрочное, которое и предполагается въ проектѣ замѣнить условнымъ освобожденіемъ, но на это, вѣроятно, будетъ сдѣлано такое возраженіе. Въ настоящее время у насъ безусловное досрочное освобожденіе примѣняется не ранѣе истеченія двухлѣтняго пребыванія въ исправительномъ арестантскомъ отдѣленіи, а между тѣмъ Вы хотите ввести условное освобожденіе въ болѣе широкомъ объемѣ. Позвольте по этому поводу указать на то, что мы въ вопросѣ о безусловномъ досрочномъ освобожденіи находимся при современномъ нашемъ уголовномъ законодательствѣ, въ сущности, въ условіяхъ полнаго безпорядка. Дѣйствительно, если Вы будете читать только Уложеніе о Наказаніяхъ и Уставъ о Содержащихся подъ Стражею, то выводъ о томъ, что досрочное освобожденіе дается только пробывшимъ не менѣе 2 лѣтъ въ арестантскомъ отдѣленіи, будетъ совершенно правиленъ. Но безусловное досрочное освобожденіе примѣняется и къ лицамъ, совершившимъ государственное или религіозное преступленіе, предусмотрѣнное новымъ Уголовнымъ Уложеніемъ, которое допускаетъ безусловное освобожденіе уже по истеченіи 15 мѣсяцевъ, т. е. по прошествіи года и трехъ мѣсяцевъ пребыванія въ исправительномъ домѣ, а если эти лица будутъ несовершеннолѣтнія отъ 17 до 21 года, то безусловное досрочное освобожденіе по новому Уложенію можно примѣнить и по истеченіи 10 мѣсяцевъ. Такимъ образомъ, въ тюрьмахъ нашихъ находятся — арестанты одни, осужденные по новому Уголовному Уложенію, а другіе — по старому Уложенію, которыми исчисляются совершенно различно сроки досрочнаго освобожденія. Я думаю, что и это несоотвѣтствіе точно такъ же, какъ всѣ бѣды, которыя преслѣдуютъ наши

тюремъ, является новой бѣдой, которая создастъ среди арестантовъ полный разладъ. Очевидно объединить эти правила необходимо, что и имѣетъ въ виду законопроектъ, который я защищаю, объ условномъ досрочномъ освобожденіи, предположенномъ къ примѣненію на одинаковыхъ основаніяхъ какъ къ лицамъ, осужденнымъ по новому Уложенію, такъ и къ лицамъ, приговореннымъ къ наказанію по старому Уложенію. Мнѣ остается сказать Вамъ нѣсколько словъ по вопросу объ отсутствіи у насъ обществъ патронатовъ. Заявляю Вамъ совершенно откровенно, что отсутствіе способовъ обезпечить правильное наблюденіе за освобожденными есть самое серьезное возраженіе, которое можетъ быть предъявлено противъ института условнаго досрочнаго освобожденія. Но, мнѣ кажется, если бы мы этимъ соображеніемъ чрезмерно увлеклись и на этомъ основаніи отказались бы отъ условнаго досрочнаго освобожденія, то мы, въ сущности, воспрепятствовали бы возможности всякаго поступательнаго движенія впередъ въ дѣлѣ развитія патронатскихъ обществъ. Нѣсколько иначе смотрѣла на подобные вопросы наша законодательная власть въ періодъ общаго законодательнаго воодушевленія; я говорю о 60-хъ годахъ. Когда издавался Уставъ о Наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, 20 ноября 1864 г., никому не приходило въ голову приводить напримѣръ серьезныя доказательства невозможности несовершеннолѣтнихъ, которые не достигли 17 лѣтняго возраста, отдавать въ исправительныя пріюты по той причинѣ, что этихъ пріютовъ тогда не существовало и что ихъ нужно предварительно создавать. Тогда разсуждали нѣсколько иначе, тогда говорили, что законъ вызоветъ появленіе тѣхъ учрежденій, которыя онъ намѣтилъ, и учрежденія эти дѣйствительно появились. Правда, можно было въ 1909 г. этихъ учрежденій ожидать большее количество, чѣмъ сколько ихъ въ данное время имѣется. Тѣмъ не менѣе исправительныя учрежденія появились, и мнѣ памяты по отношенію къ нимъ тѣ сужденія, которыя въ 1897 г. происходили въ Государственномъ Совѣтѣ прежняго устройства: Соединенные Департаменты Государственнаго Совѣта признали нужнымъ отмѣтить въ своихъ журналахъ заслугу, которую припесло дѣлу устройства исправительныхъ учрежденій наше судебное вѣдомство. Вотъ въ то время, если только суждено будетъ, конечно, дожидаться этого времени, когда будутъ происходить пренія по поводу ст. 16 настоящаго законопроекта, я намѣреваюсь заявить, что отсѣченіе судебной власти отъ наблюденія надъ досрочно-освобожденнымъ неблагопріятно отразится на важномъ дѣлѣ созданія обществъ патронатовъ. Судебное вѣдомство уже доказало, какъ оно близко принимаетъ къ сердцу вопросы, связанные съ нашей карательной системой. Поэтому, мнѣ кажется, что въ тѣхъ надеждахъ, которыя мы должны питать, при условіи введенія у насъ условнаго досрочнаго освобожденія, о томъ, чтобы возможно скорѣе возникали патронатскія общества, ошибкою будетъ не поставить судебное вѣдомство въ возможно близкое соприкосновеніе къ наблюденію за досрочно-освобожденными. Позвольте также указать Вамъ, милостивые государи, еще на то, что само по себѣ условное досрочное освобожденіе создаетъ условія, въ высшей степени благопріятныя для возникновенія патронатскихъ обществъ, именно потому, что обществамъ этимъ особенно облегчена дѣятельность въ отношеніи къ условно освобождаемымъ. Эти лица, въ періодъ еще неотбытаго наказанія, будутъ поставлены въ положеніе нѣсколько стѣсненное и притомъ зависимое отъ патроната. Къ тому же обществамъ патроната будутъ пересылаться и тѣ средства, которыя были заработаны заключенными въ мѣстѣ, въ которомъ они отбы-

вали наказаніе. Очевидно, эти условія откроютъ обществу патроната широкое поле дѣятельности. Нынѣ безусловно досрочно освобождаемые не обязаны подчиняться наблюденію общества патроната. И еще большой вопросъ, многіе ли изъ освобождаемыхъ пынтъ согласятся подчинить себя попеченію общества патроната, разъ они къ тому не обязаны. Мысль моя, словомъ, сводится къ тому, что самый законъ объ условномъ досрочномъ освобожденіи будетъ весьма благопріятствовать возникновенію обществъ патроната. Если же этого закона не послѣдуетъ, то, вѣроятно, останется безъ измѣненія то, что и теперь на разстояніи многихъ лѣтъ замѣчается. Несмотря на попытки многихъ, и притомъ весьма авторитетныхъ лицъ, призвать къ жизни эти общества—они тѣмъ не менѣе почти не возникаютъ. Говорить серьезно въ такомъ громадномъ государствѣ, какъ Россія, въ которой налицо имѣется всего 23 патронатскія общества, да и притомъ совершенно матеріально не обеспеченныхъ, о существованіи у насъ патроната не приходится. Поэтому, мнѣ кажется, что не ожидать созданія обществъ патроната нужно по отношенію къ условному досрочному освобожденію, а напротивъ того, условнымъ досрочнымъ освобожденіемъ надо дать толчекъ общественной инициативѣ, чтобы она могла рѣшительнѣе сказаться въ дѣлѣ созданія у насъ патронатскихъ обществъ. Я кончаю—главныя мои соображенія исчерпаны. Не скрою, что я былъ бы чрезвычайно огорченъ, если бы законопроектъ объ условномъ досрочномъ освобожденіи былъ отвергнутъ. Частичныя поправки, которыя предлагаются въ этомъ законопроектѣ и которыя являются плодомъ тщательнаго труда, произведеннаго Коммисіею законодательныхъ предположеній, за исключеніемъ одной поправки, я признаю несомнѣннымъ усовершенствованіемъ законопроекта. Поэтому, естественно, я отношусь сочувственно къ предположенію обратить законопроектъ, въ отношеніи къ этимъ поправкамъ, къ новому обсужденію Государственной Думы и признаю, съ своей стороны, наиболѣе совершеннымъ способомъ такого обращенія направленіе настоящаго дѣла въ согласительную Коммисію. Только одна поправка представляется на мой взглядъ, объединяющая правда не всѣхъ членовъ Коммисіи, а только ея большинство, ухудшающею законопроектъ. Но въ настоящую минуту я не буду утомлять Васъ подробностями по этому поводу и буду ожидать съ нетерпѣніемъ того времени, когда въ порядкѣ постатейнаго обсужденія мы перейдемъ къ разсмотрѣнію этой поправки. Я имѣю въ виду предлагаемое измѣненіе ст. 16 проекта. Заклучая мои объясненія, я, милостивые государи, прошу Васъ одобрить законопроектъ, уже одобренный Государственною Думою объ условномъ досрочномъ освобожденіи. Пора въ наши тюрьмы влить оживляющую ихъ струю! Достаточно въ нихъ началъ разлагающихся! Главное, на что я просилъ бы Васъ обратить серьезное вниманіе, заключается въ томъ, чтобы воспрепятствовать карательнымъ учрежденіямъ нашимъ быть дальнѣйшими разсадниками пороковъ и преступленій. Если въ наши карательныя учрежденія не будетъ влита новая оживляющая ихъ струя, они и впредь будутъ одною изъ главныхъ причинъ, вслѣдствіе которыхъ нашъ рецидивъ увеличивается.

Корвинъ-Милевскій. Ваше Высочайшее величество и милостивые государи. Я вовсе не намѣренъ слѣдить за изложеніемъ со стороны докладчика и г. Министра Юстиціи оправданій института досрочнаго освобожденія и по простой причинѣ: на мой взглядъ этотъ институтъ такъ ясенъ самъ по себѣ, такъ отвѣчаетъ началамъ справедливости, что можно было бы только удивляться одному: почему этотъ инсти-

тутъ не нашелъ себѣ мѣста въ западныхъ законодательствахъ ровно съ того момента, когда повсемѣстно на западѣ вмѣсто стараго начала библейской мести и возмездія воцарились начала гуманности и соразмѣрности наказанія съ виною. Однако объясненіе можно найти именно въ томъ, что институтъ досрочнаго освобожденія вовсе не составляетъ части уголовного права, т. е. науки о примѣненіи и назначеніи наказанія. Это составная часть пенитенціарнаго режима и покамѣстъ на западѣ тюремный режимъ, каторга и тюрьмы были еще въ состояніи, похожемъ на наше, хотя, пожалуй, и не въ столь печальномъ, какъ это было изображено Министромъ Юстиціи, но все же въ томъ жалкомъ видѣ, въ которомъ ихъ рисуютъ вамъ всѣмъ извѣстныя картины Дикенса и Евгенія Сю, объ этомъ институтѣ рѣчи не было, и хотя значительный прогрессъ уголовного права слѣдуетъ отнести къ концу XVIII и самому началу XIX столѣтія, однако же первые признаки досрочнаго освобожденія появились во второй половинѣ XIX столѣтія, а распространились они въ самой послѣдней его четверти. Но, милостивые государи, если этотъ институтъ не входитъ, какъ составная часть, въ уголовное право, то онъ, все-таки, имѣетъ въ немъ свои корни. Два очень важныхъ почти главнѣйшихъ, его оправданія суть слѣдующія: во-первыхъ, предположеніе, что нравственность освобождаемаго преступника такая, что можно безъ лишней опасности его опять пустить, такъ сказать, въ ходъ среди общества; во-вторыхъ—что продолжительность наказанія до извѣстной степени уже исчерпываетъ необходимое наказаніе и безопасность для общества. Это, конечно, требуетъ, чтобы съ самаго начала, по опредѣленію закона эта продолжительность была достаточна и соразмѣрна съ виною. Уже съ этого момента, мы находимъ, что если есть во всей вселенной, во всемъ мірѣ одна страна, въ которой съ точки зрѣнія уголовного права эти корни этого института наиболѣе слабы—это именно Россія. Въ первомъ отношеніи само собою разумѣется, что на западѣ изъ досрочнаго освобожденія не исключаются никакіе виды заключенія. Среди разныхъ преступленій, которыя наказываются заключеніемъ, есть громадное число такихъ, которыя вовсе не связаны съ естественною порочною того человѣка, которымъ совершено преступленіе. Его наказывать слѣдуетъ—этого требуетъ общественная и государственная безопасность, но все-таки онъ могъ остаться, не только послѣ совершенія преступленія и въ тюрьмѣ, но и въ самый день совершенія преступленія, вообще, нравственнымъ и даже благороднымъ человѣкомъ. Сюда относятся преступленія, во-первыхъ, политическія, подразумеваемая, конечно, подъ этимъ тѣ, которыя имѣютъ только политическій характеръ, а не связаны съ грабежомъ и т. п.; во-вторыхъ—всѣ преступленія, такъ называемыя, страстныя, причиною которыхъ была любовь, ревность, гнѣвъ, оскорбленная честь и т. п. Между тѣмъ, мы видимъ, что контекстура самаго законопроекта всю эту категорію преступленій исключаетъ изъ подъ дѣйствія досрочнаго освобожденія; по отношенію политическихъ преступленій уже потому, что мы знаемъ, что на практикѣ дѣйствительными инициаторами досрочнаго освобожденія будутъ тюремные начальники и прокуроры. Ни одинъ изъ нихъ не посмѣетъ представить къ досрочному освобожденію ни одного политическаго, не будучи увѣренъ, что это соотвѣтствуетъ настоящему направленію его начальства; а разъ такое настроеніе будетъ, особенно въ высшихъ сферахъ, такъ на это есть, именно, институтъ Высочайшаго помилованія. Во-вторыхъ, исключаются всѣ преступленія, караемыя заключеніемъ въ крѣпости, которыя всѣ до одного имѣютъ характеръ непорочности. Если вы возьмете и соеди-

ните эти два факта, то выходитъ такъ: мы, законодатели, устанавливая досрочное освобожденіе, провозглашаемъ, что мы согласны распустить среди общества десятки тысячъ преступниковъ, но подъ однимъ условіемъ, что они должны быть не случайными и безвредными пренебрегателями закона, а коренными, настоящими подлецами. Другой корень института въ уголовномъ правѣ—это есть, именно, какъ я имѣлъ честь доложить, извѣстная продолжительность наказанія и продолжительность, соразмѣренная съ важностью преступленія. Въ этомъ отношеніи, если, какъ я уже доказалъ, и нѣкоторыя слова г. Министра это подтверждаютъ, почти исключительно воспользуются институтомъ досрочнаго освобожденія преступники противъ всякихъ видовъ правъ собственности, т. е. люди, которые, прежде всего, желаютъ легкой наживы на чужой счетъ, то мы увидимъ, что нѣтъ ни одного законодательства въ Европѣ, которое устанавливало бы такой низкій максимумъ, какъ русское законодательство. Въ этомъ отношеніи, господа, имѣетъ большое значеніе общественное мнѣніе: несомнѣнно, у насъ въ отношеніи этихъ преступленій нѣтъ такой строгости въ нашемъ общественномъ мнѣніи, какъ на западѣ; для цѣлаго ряда видовъ такихъ посягательствъ на чужое имущество, какъ то: мошенничество, шулерство, злостныя банкротства, лихоимство, взяточничество и т. п., даже ежедневный языкъ изобрѣлъ особенный эфемизмъ: уже не говорятъ, что такой то укралъ, воровалъ, нѣтъ, говорятъ: «съ нимъ случилось непріятная исторія». Этому настроенію слѣдуютъ и суды, и всѣ изъ васъ, господа, которые имѣютъ частое дѣло съ ними, всѣ знаютъ, что судьи систематично выискиваютъ для такихъ преступленій бездоказанность, смягчающія обстоятельства и очень рѣдко примѣняютъ максимумъ наказанія. Но что такое этотъ максимумъ? Господа, позвольте вамъ представить маленькое сопоставленіе для всѣхъ родовъ такихъ преступленій по тремъ иностраннымъ законодательствамъ, именно, германскому, итальянскому и французскому, а также по нашему. Вотъ они. Простая кража: во Франціи—5 лѣтъ тюрьмы, въ Германіи—5 лѣтъ тюрьмы, въ Италіи 3 года тюремнаго заключенія, изъ коихъ половина—одиночное заключеніе, половина же—одиночное ночью, а днемъ обязательное молчаніе; въ Россіи—за кражу до трехсотъ рублей, т. е. 99⁹/₁₀ такихъ кражъ—всего 6 мѣсяцевъ, или ¹/₁₀ часть французскаго, или нѣмецкаго наказанія, ¹/₁₀ часть итальянскаго; свыше трехсотъ рублей—2¹/₂ года общаго заключенія. Кража со взломомъ и т. п. обстоятельствами: во Франціи—20 лѣтъ каторги, въ Германіи—10 лѣтъ каторги; въ Италіи—6 лѣтъ дѣйствительно почти звѣрскаго ergastolo, въ Россіи—4 года арестантскихъ отдѣленій, о которыхъ мы знаемъ, что они фактически понижаются до 2, потому что послѣ этого, на основаніи особаго закона, преступники всѣ отпускаются. Подлогъ официальныхъ документовъ (одна изъ язвъ нашей жизни) особенно нотаріальныхъ—во Франціи—20 лѣтъ каторги, въ Германіи—10 лѣтъ каторги, въ Италіи—15 лѣтъ каторги, въ Россіи—2¹/₂ года арестантскихъ отдѣленій, съ тѣмъ же пониженіемъ. Злостное банкротство: во Франціи—20 лѣтъ каторги, въ Германіи—15 лѣтъ каторги, въ Италіи—не могу сказать, потому что оно опредѣляется не уголовнымъ, а коммерческимъ кодексомъ, въ Россіи—3 года тюрьмы. Поджогъ необитаемыхъ строеній (потому что поджогъ обитаемыхъ строеній во Франціи карается смертною казною): во Франціи—15 лѣтъ каторги, въ Германіи—10 лѣтъ, въ Италіи—7-лѣтній ergastolo, въ Россіи—до 3 лѣтъ арестантскихъ отдѣленій, т. е. въ дѣйствительности до 2 лѣтъ. Въ одной Англіи, милостивые государи, скала наказаній, хотя не совершенно достигаетъ нашего низ-

каго уровня, но приближается къ нему. Но не надо забывать, что филантропически настроенные, но практическіе англичане исходятъ изъ той точки зрѣнія, что наказаніе должно быть страданіемъ, и благодаря этому у нихъ жизненные условія, такъ называемаго, *penal servitude* таковы, что для образованнаго человѣка силовъ и рядомъ говорится: 3 года заключенія равны смертной казни. Итакъ, милостивые государи, мы находимся въ такомъ положеніи, что послѣ совершенія преступленія самаго низкаго характера, того, который уже предполагаетъ у субъекта преступленія извращенную нравственность, возможное пониженіе наказанія учитывается три раза. Первый разъ въ громадной степени самимъ закономъ, второй разъ—судами, третій разъ будетъ учитываться посредствомъ тюремныхъ надзирателей, потому что я докажу, что они будутъ дѣйствительными раздавателями этихъ милостей. Но, милостивые государи, разсмотрѣвъ то, что я назвалъ уголовной основой института досрочнаго освобожденія, если мы перейдемъ къ тѣмъ необходимымъ условіямъ непримѣняемости его, безъ которыхъ онъ превращается въ безусловный вредъ, то здѣсь мы увидимъ, что эти условія отсутствуютъ вполне. Не моя эта выдумка, милостивые государи, а мнѣніе самыхъ знаменитовъ криминалистовъ, если я утверждаю, что есть четыре главныхъ условія примѣняемости института досрочнаго освобожденія, за отсутствіемъ которыхъ, хотя бы одного, онъ никакого практическаго смысла не имѣетъ. Эти условія суть слѣдующія: первое это—если не увѣренность или вѣроятность, то возможность извѣстнаго нравственнаго подъема у преступника, хотя бы колебаніе его предрасположенности къ совершенію преступныхъ дѣяній, второе то, что Министръ Юстиціи назвалъ индивидуализаціей не только наказанія, но и надзора за преступникомъ во время тюремнаго пребыванія, иначе нельзя знать, дѣйствительно ли онъ заслуживаетъ этого снисхожденія и досрочнаго освобожденія. Въ третьихъ, само собою разумѣется, возможность довѣрія къ тѣмъ агентамъ государственной власти, которые будутъ давать аттестаціи о нравственномъ состояніи и возвращеніи къ лучшимъ чувствамъ этихъ преступниковъ. Наконецъ, такъ какъ освобожденіе есть не только досрочное, но и условное, то наблюденіе за поведеніемъ преступника послѣ освобожденія, при помощи патролатовъ. Отсутствіе одного изъ этихъ элементовъ было бы достаточно, чтобы поколебать всякую вѣру въ практическую примѣняемость этого института. Между тѣмъ, милостивые государи, они отсутствуютъ и не въ части, но все четыре. Я говорю, можетъ ли быть какая-нибудь надежда не на вѣроятность, но на возможность нравственнаго подъема преступника, когда онъ въ эту тюрьму брошенъ какъ въ адскій котелъ, среди толпы негодяевъ. Мы знаемъ, что преступникъ, приговоренный къ 8—10 мѣсяцамъ заключенія въ тюрьму, благодаря неустройству нашихъ тюремъ, проживаетъ тамъ съ каторжниками, потому что каторжники въ большей части за недостаткомъ мѣста отбываютъ наказаніе въ тюрьмахъ. Здѣсь онъ можетъ только испортиться, а случаи исправленія являются такою рѣдкостью, которую въ расчетъ припимать нельзя. Я говорю: возможно ли предположить какую-нибудь индивидуализацію надзора? На западѣ она возможна, потому что есть или одиночное заключеніе, или, какъ въ Италіи, на половину одиночное заключеніе, во всякомъ случаѣ изоляція, не превосходящая 3—4 человѣкъ въ одной камерѣ. А у насъ, мы знаемъ, что дѣлается ежедневно: скопленіе такое, что приходится помѣщать нѣсколько сотъ человѣкъ въ одномъ мѣстѣ; возникаютъ часто безпорядки, призываютъ войска и въ результатѣ 150 человѣкъ уби-

тыхъ и раненыхъ. Тутъ находится складъ 20 бомбъ и 80 револьверовъ, тамъ роется туннель безъ вѣдома начальства, тамъ пробиваютъ стѣну, и арестанты уходятъ десятками; наконецъ, два дня тому назадъ, эти арестанты заключаютъ подъ ключъ своихъ надзирателей и, забравъ у нихъ 2.000 р., удираютъ. Можетъ ли быть какой-нибудь надзоръ? При такихъ условіяхъ надзиратель можетъ наблюдать только одно: чтобы его не зарѣзали. Никакой индивидуальный надзоръ невозможенъ безъ отдѣленія наблюдаемаго индивидуума. Они сжаты, какъ сельди въ бочкѣ, но позвольте вамъ доложить, что если я желаю изслѣдовать селедку, то я долженъ ее положить на столъ одну, а изслѣдовать ее въ бочкѣ среди другихъ я не могу. Остается достовѣрность аттестаціи. На западѣ, милостивые государи, еще до введенія досрочнаго освобожденія условія тюремной жизни были такія, что не только въ совершенной безопасности были надзиратели и директоры тюремъ, но было уже и гуманное обхожденіе съ заключенными, не доводящее ихъ до озвѣренія и освирыѣнія,—все это позволяло подобрать въ тюрьмахъ такой персоналъ, который въ отношеніи достоинства и честности даже въ уваженіи общественныхъ сферъ ничѣмъ не отличался отъ членовъ магистратуры. У насъ же, господа, мы все знаемъ, что при такихъ условіяхъ жизни какъ тѣ, о которыхъ я упоминалъ и которыхъ не отрицаетъ г. Министръ Юстиціи, извѣстныя условія жизни вызываютъ извѣстный личный составъ. Я не желалъ бы бросать камень такимъ людямъ, которые ежедневно рискуютъ своею жизнью для нашей, такъ называемыхъ сытыхъ буржуевъ, безопасности, но всетаки отчаянная служба требуетъ отчаянныхъ людей и разъ условія жизни таковы, что требуются непременно, подъ условіемъ уничтоженія, люди, у которыхъ безграничная неустрашимость и необузданная энергія берутъ верхъ надъ всеми другими качествами, то получаютъ и соответствующіе результаты, и многіе, очень многіе изъ васъ, господа, не сомнѣваются, что слишкомъ часто аттестаціи, даваемые такими надзирателями, могутъ не даваться, а продаваться. Вѣдь это случается и въ другихъ сферахъ нашей нижней администраціи. Наконецъ, остается, какъ четвертое условіе, надзоръ надъ преступникомъ послѣ ухода его изъ тюрьмы на условное досрочное освобожденіе. Это чрезвычайно легко и возможно тамъ, гдѣ, благодаря богатству, сгущенности, образованности общественныхъ слоевъ, на одну тюрьму приходится полтора-два или три патроната, гдѣ образованное населеніе уже выработало въ себѣ и любовь и стремленіе къ филантропіи и гдѣ находятся патронаты не только для заключенныхъ, но и для всѣхъ видовъ человѣческаго страданія. А у насъ?—Милостивые государи, о будущемъ можно судить по существующему и бывшему. Вотъ здѣсь было сказано о существующемъ—объ уставѣ общества попечительнаго о тюрьмахъ, существующемъ на бумагѣ уже почти 90 лѣтъ. Уставъ этотъ занимаетъ въ XIV томѣ свода законовъ 60 статей. Какой это прелестный законъ! Чего тамъ нѣтъ! Республика Платона!... Просто старому холостяку захотѣлось бы покончить жизнь въ тюрьмѣ, никакіе помѣшники не дадутъ ни столько попеченія, ни столько любви. Но бѣда въ томъ: по этому закону почти рѣшающую, преобладающую роль въ комитетахъ попечительныхъ о тюрьмахъ играетъ губернский предводитель дворянства. Я 30 лѣтъ стоялъ въ очень близкомъ знакомствѣ, очень часто сотрудничалъ съ моими губернскими предводителями дворянства, и отлично зналъ объ ихъ занятіяхъ. Я никогда не слышалъ о тюремныхъ комитетахъ. Что это такое значить, подумалъ я. И для проверки я обращался къ шести здѣсь присутствующимъ на-

шимъ коллегамъ, бывшимъ и настоящимъ губернскимъ предводителямъ дворянства, они засвидѣтельствуютъ, что къ каждому изъ нихъ я обратился поочередно съ слѣдующею рѣчью: «глубокоуважаемый коллега, на основаніи этихъ 60 статей XIV тома вы состояли обязательнымъ директоромъ въ составѣ губернскаго тюремнаго комитета и какъ таковой вы должны были: 1) вербовать членовъ и представлять ихъ на Высочайшее утвержденіе; 2) въ засѣданіяхъ съ другими директорами—распредѣлять роли каждого по попечительству заключенныхъ; 3) наблюдать за всѣми подробностями ихъ матеріальной жизни; 4) заниматься исправленіемъ ихъ нравственности и препятствовать ихъ ожесточенію (*sic*-дословно); 5) слѣдить за тѣмъ, чтобы они исполняли обряды религіи и чтобы во время постовъ они говѣли; 6) чтобы праздники они проводили въ благочестивыхъ чтеніяхъ и молитвахъ; 7) увѣщевать ихъ, морализировать и открывать имъ въ случаѣ хорошаго поведенія перспективу и лучшаго будущаго; 8) наконецъ о всѣхъ результатахъ вашей инспекціи и вашего апостольства ежегодно составлять доклады и представлять Министру Юстиціи, какъ президенту общества попечительнаго о тюрьмахъ.—Что же вы, уважаемый коллега, изъ этого всего изволили сдѣлать? Вотъ изъ моихъ шести пациентовъ—четыре добросовѣстно отвѣчали: «ровно ничего»; одинъ даже удостовѣрилъ, что за 12 лѣтъ его предводительской службы этотъ комитетъ не собирался ни одного раза: пятый—(онъ здѣсь налицо), посѣщалъ тюрьмы и замѣтилъ, что тамъ прачечныя въ безобразномъ состояніи и завелъ тамъ чистоту и порядокъ, а шестой (онъ тоже налицо) заходилъ въ тюрьму, принималъ прошенія и передавалъ по принадлежности. А на счетъ апостольства? Краснорѣчивое молчаніе и улыбка. Вотъ, милостивые государи, какъ эти патронаты, подъ другимъ названіемъ, образовались и развивались въ продолженіе 90 лѣтъ. Какія мы имѣемъ гарантіи и даже надежды на то, что тѣ же попечительства подъ новымъ названіемъ не будутъ существовать и дѣйствовать въ тѣхъ же условіяхъ? И вотъ, такъ какъ на этомъ пунктѣ обнаружились разногласія между припатымъ Государственною Думою проектомъ Министра Юстиціи, между большинствомъ нашей Коммисіи и ея меньшинствомъ, я желаю помирить ихъ по отношенію къ дѣятельности патронатовъ, утверждая, что они вовсе дѣйствовать не будутъ. Но, милостивые государи, я замѣтилъ, что объ этомъ всемъ знаютъ и Коммисія и Министръ Юстиціи. Г. Министръ Юстиціи высказывался здѣсь съ болѣе опредѣленными надеждами. Его объяснительная записка зато носитъ слѣды большихъ сомнѣній, которыхъ онъ не скрывалъ. Что же касается нашей Коммисіи, вотъ какъ она сама предъ собою желаетъ устранить свои собственные сомнѣнія—вотъ ея слова: «Останавливаясь, прежде всего, на тѣхъ препятствіяхъ, которыя имѣлись въ виду при возбужденіи вопроса о возможности введенія условнаго досрочнаго освобожденія въ новое уголовное уложеніе, Коммисія, съ своей стороны, находитъ, что ставить въ прямую зависимость введеніе сего института отъ повсемѣстнаго улучшенія у насъ тюремнаго дѣла значило бы отказаться на очень долгое время отъ примѣненія мѣры, признанной полезною». А я говорю,—лѣтъ: если дѣйствительно есть крупныя, серьезныя препятствія для примѣненія данной мѣры, то нужно сплотиться и сейчасъ же приложить всѣ усилія для устраненія этихъ препятствій, а не вводить опасный институтъ. Во-вторыхъ, Коммисія говоритъ: «что вмѣстѣ съ тѣмъ по удостовѣренію Министра Юстиціи преобразование тюремнаго заключенія на тѣхъ началахъ, которыя приняты Уголовнымъ Уложеніемъ 1903 г., значительно подвинулось впередъ. Не

должно служить также препятствіемъ для принятія всего законопроекта и указаніе на неудовлетворительность личнаго состава тюремной администраціи, ибо этотъ недостатокъ можетъ быть исправленъ заботами Главнаго Тюремнаго Управленія и до извѣстной степени будетъ ослабленъ». А я говорю: нѣтъ, здѣсь ошибка; съ 1903 г. впередъ былъ сдѣланъ только одинъ шагъ, тѣ же самыя мѣста заключенія, которыя содержали 100.000 человѣкъ, содержатъ 180.000, а въ другомъ отношеніи, въ особенности въ отношеніи этого личнаго состава, былъ сдѣланъ шагъ назадъ. Въ 1903 г. у насъ не было такихъ крупныхъ и кровавыхъ примѣровъ вопіющаго безпорядка и злоупотребленій съ одной стороны, и убійствъ, бунтовъ, поджоговъ и истязаній, хотя можетъ быть понятныхъ, но всетаки недопустимыхъ—съ другой. Это ожесточеніе не только одной части, но и другой части жителей тюремнаго населенія, это ожесточеніе увеличилось, оно не уменьшилось, оно усугубилось. Какая же причина такого непремѣннаго требованія со стороны Правительства введенія этого, въ высшей степени еще загадочнаго, института досрочнаго освобожденія? Только одна причина и есть, это ужасное переполненіе тюремъ. Не признать его нельзя. Но, милостивые государи, такое явленіе вовсе не составляетъ специальности настоящаго времени и настоящей страны. Оно появлялось и будетъ появляться въ разныхъ странахъ всегда послѣ всякихъ значительныхъ соціальныхъ или политическихъ кризисовъ. Но я никогда не слышалъ, чтобы для устраненія такого временнаго затрудненія извращались пачала и основы существующаго уголовного права и карательной системы. Это принципиальное дѣло Правительства, дѣло исполнителей. Я имѣлъ бы полное право, даже до извѣстной степени обязанность, не указывать какими мѣрами, потому, что во всѣхъ случаяхъ, когда мы желаемъ заглянуть за дверь правительственныхъ дѣйствій, намъ говорятъ: «куда идете, не ваше дѣло». Но я, всетаки, раскрою эту дверь; я говорю, что первое дѣло, а это дѣло зависитъ не отъ законодательныхъ палатъ, даже не отъ верховнаго управленія и Министра, а отъ двухъ директоровъ Департамента, слѣдующее: всякому изъ насъ извѣстно, что изъ этихъ 180.000 арестантовъ есть число,—я не знаю какое именно,—но очень значительное число людей, которыхъ низшіе агенты Правительства, особенно сыскаго отдѣленія, арестовали совершенно зря; они сидятъ, дожидаясь допроса. А этотъ допросъ кончается иногда тѣмъ, что обвиняемаго спрашиваютъ: Вы Шварцъ? А онъ отвѣчаетъ: нѣтъ, я Швабъ. Ахъ, если вы Швабъ, то убирайтесь вонъ! Между тѣмъ это нужно было бы устранить. Надо подтянуть этихъ господъ, чтобы они безъ уважительныхъ причинъ людей въ тюрьму не сажали. Да и сидящіе, даже по уважительнымъ причинамъ, дожидаются слѣдствія и суда 6 мѣсяцевъ, годъ, а иногда и полтора года, послѣ чего дѣло кончается очень часто или оправданіемъ, или административною ссылкой, или можетъ быть ссылкой въ Сибирь, но, во всякомъ случаѣ, они сидѣли и мѣсто занимали. Здѣсь тоже можно напомнить тѣмъ господамъ, которые занимаются слѣдствіемъ и обвиненіемъ, что слѣдовало бы проститься со старой чиновничьей пословицей: «дѣло не звѣрь, въ лѣсъ не убѣжитъ» и поторопиться. Наконецъ, я долженъ признать, что и этого не было бы достаточно. Я бы болѣе повѣрилъ добросовѣстности и серьезности этого дѣла, еслибы Министръ Юстиціи, хотя бы усиливъ личный составъ прокурорскаго надзора, приказалъ своимъ подчиненнымъ пересмотрѣть дѣла о степени виновности, а можетъ быть, насколько возможно, и о правдивости, о прошломъ, и о настоящемъ настроеніи состоящихъ

теперь подь заключеніемъ лицъ, конечно, безъ всякихъ формальностей, безъ всякихъ обязательствъ исполненія $\frac{3}{4}$ или $\frac{1}{2}$ наказанія, а придерживаясь только данныхъ дѣла и ихъ личныхъ впечатлѣній и представить Министру широкій списокъ лицъ, который онъ представилъ бы на Высочайшее благоусмотрѣніе по вопросу о помилованіи. Эта мѣра правительственнаго характера, которая совершалась нѣсколько разъ въ западныхъ странахъ, возбудила бы у меня болѣе довѣрія, чѣмъ механическое воздѣйствіе этого законопроекта, который окончится только тѣмъ, что раздавать аттестаціи будутъ тюремные надзиратели, а послѣ эти аттестаціи будутъ препровождаться съ обычною формальностью: «имѣемъ честь препроводить» и затѣмъ послѣдуетъ резолюція суда. Больше ничего не будетъ. Кончая мою рѣчь, я долженъ сказать и по адресу тѣхъ, которые будутъ на скамьяхъ противъ меня, а можетъ быть съ правительственныхъ мѣстъ, обвинять меня въ отвращеніи къ реформамъ и любви къ тюрьмамъ. Нѣтъ, господа: есть реформы и реформы, есть тюрьма и тюрьма точно такъ же, какъ есть, кромѣ каменныхъ и деревянныхъ церквей, широкія, какъ вселенная, церкви, состоящія изъ всѣхъ единовѣрцевъ, такъ точно есть, кромѣ каменныхъ и деревянныхъ тюремъ, другая, очень широкая, очень высокая тюрьма, та, въ которую теперь еще или вполнѣ или отчасти заперты то производительный трудъ однихъ, то мысль другихъ, то вѣра или родной языкъ третьихъ. Вотъ, когда Правительство или Коммисія внесутъ предложеніе до извѣстной степени раскрыть двери этого зданія, тогда я буду съ ними, но пока они предлагаютъ такую реформу, которой, я убѣжденъ, въ концѣ концовъ будутъ пользоваться попавшіеся Чичиковъ и Хлестаковъ въ согласіи съ Сквозникъ-Дмухановскимъ и Держимордой, то я буду говорить: нѣтъ, это не серьезная реформа.

Дурново. При разсмотрѣніи этого вопроса, считаясь съ нашею русскою немножко сѣрою обстановкою, невольно обращаетъ на себя вниманіе вопросъ, какой ближайшій поводъ послужилъ основаніемъ ко внесенію этого законопроекта на уваженіе законодательныхъ учрежденій: было ли это стремленіемъ, какъ сказано на стр. 2 доклада, указать отбывающему наказаніе преступнику, къ какимъ выгоднымъ для него послѣдствіямъ можетъ повести добропорядочное поведеніе, дабы досрочное освобожденіе послужило могучимъ стимуломъ самодѣятельности, способствующей духовному перерожденію преступника. Или можетъ быть тутъ были другія соображенія, болѣе практическаго свойства. Остановливаясь сначала на первомъ предположеніи, я замѣчу, что филантропическая идея и разные институты въ области науки уголовного права какъ будто бы устранили неизвѣстную куда условія мѣста и времени въ данномъ случаѣ и, занимаясь исключительно психологическими изслѣдованіями преступниковъ, т. е. воровъ, мошенниковъ и грабителей, совершенно потеряли изъ виду и забыли тѣхъ, кого обкрадываютъ, ограбляютъ и обманываютъ. Средній русскій человѣкъ, имѣвшій несчастіе быть ограбленнымъ или обокраденнымъ, думаетъ совсѣмъ не такъ, какъ думаетъ законопроектъ. Его психологія совершенно иная: онъ, прежде всего, желаетъ, чтобы ему вернули то, что у него украдено или ограблено, затѣмъ, и въ особенности, если ему вернутъ не все или совсѣмъ не вернутъ, онъ требуетъ въ душѣ строгаго наказанія вора и грабителя. Я въ примѣръ приведу самого себя. Уже много лѣтъ назадъ, одинъ близкій мнѣ человѣкъ былъ ограбленъ въ вагонѣ Николаевской желѣзной дороги. Вора потомъ поймали, вещи частью вернули, но когда его осудили на 1 годъ и 4 мѣсяца въ арестантскія роты, я

быть лично глубоко оскорбленъ, какъ человѣкъ, и обиженъ, какъ обыватель, за то, что наказаніе это слишкомъ слабо и послѣдовало потому, что этому грабителю по обстановкѣ преступленія не удалось устроить потерпѣвшему лицу кровоподтековъ, синяковъ, или болѣе или менѣе тяжкихъ поврежденій. Въ другихъ случаяхъ, когда крали мою собственность, я испытывалъ то же самое чувство; мнѣ не приходили никогда въ голову ни цѣль наказанія, ни вопросы объ исправленіи преступника, ни цѣлесообразность раскрывать ему какіе то стимулы къ духовному перерожденію, ни теоріи о томъ, что преступленія совершаются только больными людьми; я думалъ только объ одномъ, чтобы преступника строго наказали. Причисляя себя къ среднимъ русскимъ людямъ, которые не воруютъ и не грабятъ, я думаю, что мы, средніе люди, привѣтствовали бы всякій законъ, который бы далъ намъ, по нашему разумѣнію, возможность думать, что преступленія, воровство, грабежи будутъ уменьшаться вслѣдствіе этого закона. Но, въ данномъ случаѣ, мы, я думаю, никакой цѣли не достигнемъ, никакихъ результатовъ не получимъ. Я думаю, что когда этотъ законъ войдетъ въ житейскій обиходъ, то всѣ неученые, обывательные люди не только изумятся, но нѣсколько даже испугаются. Въ самомъ дѣлѣ, посмотримъ, какъ будетъ примѣняться этотъ законъ, и какія послѣдствія получатся на практикѣ. Въ настоящее время всѣ содержащіеся въ тюрьмахъ и присужденные къ заключенію съ ограниченіемъ правъ до 2 лѣтъ, а безъ ограниченія правъ—до 1 года 4 мѣсяцевъ, всѣ, безъ исключенія, отбываютъ наказаніе сполна, согласно постановленному о нихъ судебному приговору. Всѣ приговоренные къ арестантскимъ исправительнымъ отдѣленіямъ обязаны, до перехода въ разрядъ исправляющихся, просидѣть въ арестантскомъ отдѣленіи 2 года, затѣмъ, по истеченіи этихъ 2 лѣтъ, ихъ наказаніе сокращается, считая 10 мѣсяцевъ за 1 годъ, т. е. на $\frac{1}{6}$ часть. Такимъ образомъ, всѣ наказанія, положенныя пятою степеню ст. 31 Уложенія о Наказаніяхъ, т. е. отъ 1 года до $1\frac{1}{2}$ лѣтъ арестантскихъ отдѣленій, равнымъ образомъ четвертою степеню, отъ $1\frac{1}{2}$ до $2\frac{1}{2}$ лѣтъ, всѣ эти наказанія никакому уменьшенію въ настоящее время не подвергаются. Если мы возьмемъ, что наказанія по четвертой и пятой степенямъ ст. 31 покрываютъ собою почти всѣ кражи и почти всѣ мошенничества, то мы должны чувствовать себя гарантированными, что вѣры и мошенники, при общей слабой уголовной репрессіи, на что такъ краснорѣчиво указалъ И. О. Корвинъ-Милевскій, въ настоящее время отбываютъ свои наказанія сполна: столько, сколько опредѣлено судомъ. Законопроектъ, нами разсматриваемый, предполагаетъ всѣхъ тѣхъ, которые приговорены къ тюрьмамъ, подчинить условному досрочному освобожденію, и всѣмъ имъ, а равно и тѣмъ, которые находятся въ арестантскихъ отдѣленіяхъ до 6 лѣтъ, сокращать срокъ наказанія въ гораздо большей степени, чѣмъ теперь сокращается срокъ наказанія лицамъ, находящимся въ арестантскихъ отдѣленіяхъ. Судить о томъ, кто изъ этихъ лицъ будетъ пользоваться такимъ сокращеніемъ, предоставляется первоначально особымъ совѣщаніямъ, которыя составлены изъ самыхъ разнообразныхъ элементовъ: отъ членовъ не существующихъ патронатовъ до директрисъ тюремныхъ комитетовъ включительно. Я очень сомнѣваюсь, чтобы эти несуществующіе патронаты и эти тюремные комитеты, о дѣятельности которыхъ было сказано И. О. Корвинъ-Милевскимъ, принесли въ данномъ случаѣ какую-либо пользу, и во всякомъ случаѣ, въ концѣ концовъ, рѣшать эти дѣла будетъ одинъ начальникъ тюрьмы. Перехожу теперь къ тому, что станетъ съ этими арестантами, которые

выпускаются теперь и которые будут выпускаться по новому закону. Въ настоящее время всѣ, которые выпускаются безусловно, поступаютъ по закону подъ надзоръ полиціи; фактически никакого надзора нѣтъ: они возвращаются въ свои общества, въ свои деревни, и, являясь угрозою порядку, они держатъ въ страхѣ все мирное населеніе. Но, по счастью, такихъ лицъ въ виду ограниченности, какъ я говорилъ раньше, такихъ преступленій, которыя дозволяютъ сокращать срокъ наказанія, не много. Законопроектъ уменьшаетъ сроки и распространяетъ освобожденіе на цѣлую массу преступниковъ, которые этому не подлежатъ, чѣмъ очевидно увеличиваетъ въ значительной степени число этихъ людей. Очень жаль, что намъ не приведены ни цифры о количествѣ тѣхъ, которые нынѣ выпускаются, ни приблизительныя соображенія о томъ, сколько такихъ лицъ выйдетъ на свободу. Докладъ Коммисіи законодательныхъ предположеній очень обстоятельно по этому предмету предостерегаетъ, что опасность увеличится. На страницѣ 25 доклада сказано слѣдующее: «Было бы, однако, ошибочно полагать, что отъ сего, при существующей у насъ системѣ безусловнаго досрочнаго освобожденія, общественная безопасность и спокойствіе не станутъ въ худшее положеніе», т. е. другими словами, общественная безопасность и спокойствіе станутъ въ положеніе худшее. Далѣе, разбирая, какимъ образомъ у насъ происходитъ безусловное освобожденіе, докладъ говоритъ: «Нельзя при этомъ не пожалѣть, что не имѣется никакихъ свѣдѣній о числѣ досрочно-освобожденныхъ и какой процентъ изъ этихъ лицъ впадаетъ въ рецидивъ». Во всякомъ случаѣ, все вышеуказанное должно быть принято во вниманіе при оцѣнкѣ нынѣ дѣйствующей системы по сравненію съ мѣрами, предлагаемыми законопроектомъ. Казалось бы, что при такихъ условіяхъ мы можемъ спокойно привѣтствовать гуманныя начинанія къ исправленію преступниковъ со стороны Министерства Юстиціи только въ томъ случаѣ, если намъ одновременно будутъ предложены и мѣры, которыя увеличивали бы гарантіи, что новая, несомнѣнно создаваемая опасность,—чего не отрицаетъ и Коммисія,—что эта опасность будетъ чѣмъ нибудь, какимъ-либо способомъ предотвращаема. Что же намъ предлагаютъ? Большинство Коммисіи говоритъ, что надзоръ, попеченіе, наблюденіе,—все это ввѣряется тюремнымъ комитетамъ и тюремнымъ отдѣленіямъ. Меньшинство призываетъ къ этому надзору судей и земскихъ начальниковъ. По моему крайнему разумѣнію, ни изъ того, ни изъ другого ровно ничего не выйдетъ. Если обратимся къ тому, какъ характеризуетъ особое мнѣніе 5 членовъ дѣятельность тюремныхъ комитетовъ и отдѣленій, то независимо отъ того, что говорилъ И. О. Корвинъ-Милевскій, я прочту нѣсколько строкъ на стр. 3. «Нельзя не имѣть въ виду, что во многихъ мѣстностяхъ Имперіи дѣятельность комитетовъ и отдѣленій общества попечительнаго о тюрьмахъ, благодаря недостатку матеріальныхъ средствъ и людей, способныхъ посвятить свой трудъ на пользу заключенныхъ, весьма слабо развита и сводится къ выполненію лишь хозяйственныхъ операцій. Нельзя, наконецъ, скрывать отъ себя и того факта, что есть комитеты и отдѣленія, которые вопреки точному указанію закона почти нигдѣ не собираются, ограничиваясь предписаніемъ такъ называемыхъ летучихъ журналовъ». Хотя большинство Коммисіи на стр. 27 и 28 своего доклада указываетъ, что полезнѣе всего призывать эти самые комитеты къ попеченію и надзору за выпущенными арестантами, но въ моихъ глазахъ это не убѣдительно. Я думаю, что всѣ, кто знаетъ нѣсколько нашу убогую жизнь, со мною въ этомъ отношеніи согласятся. Всѣми подобными

соображеніями о полезности несуществующихъ учрежденій стараются какъ бы пересадить насъ изъ міра настоящаго въ міръ будущаго. Примѣръ Америки, Бельгіи и Англіи для меня ничего не доказываетъ. Сдѣлать русскаго человѣка сразу инымъ, чѣмъ онъ есть, нельзя, и какихъ бы директоровъ и директрисъ мы не призвали къ попеченію и наблюденію за выпущенными арестантами—все это не помѣшаетъ досрочному освобожденію быть и остаться долгое время просто ученой игрушкой, которая въ нашихъ неумѣлыхъ рукахъ намъ перецарапаетъ руки, а можетъ быть принесетъ и больше вреда. Еще менѣе дѣйствительно, но гораздо болѣе вредно, призывать къ этому дѣлу судей и земскихъ начальниковъ и задавать имъ совершенно неразрѣшимую задачу. При дѣятельной работѣ по землеустройству, можно ли думать, что земскіе начальники имѣютъ время наблюдать за арестантами. Равнымъ образомъ судьи, мировые, гминные и городскіе, такъ обременены дѣлами, что не имѣютъ времени рѣшать ихъ настолько быстро, какъ требуютъ того интересы потерпѣвшихъ и тяжущихся. Я смотрю на это предположеніе просто какъ на канцелярскую отписку—на бумагѣ выходитъ гладко, а если взяться за дѣло, то какъ будто объ этомъ никто не думаетъ и это представляется безразличнымъ. У насъ въ Сепатѣ и въ судебныхъ учрежденіяхъ, какъ извѣстно, поставлены зеркала. На этихъ зеркалахъ изображены указы Петра Великаго. Въ одномъ изъ этихъ указовъ сказано, что всеу писать законъ, если его не исполнять. Мнѣ кажется, что мы обязаны всегда помнить этотъ мудрый указъ. Тутъ я кстати замѣчу, что, прочитывая ст. 12, 14 и 15 и нѣкоторыя другія законопроекта, я былъ въ совершенномъ недоумѣніи, видя чрезвычайную заботливость, которая проявляется въ проектѣ, чтобы арестантъ не просидѣлъ въ тюрьмѣ ни одного лишняго дня. Конечно, быстроту теченія дѣла слѣдуетъ привѣтствовать, но когда судьямъ даютъ такое категорическое предписаніе, чтобы они исполняли извѣстныя обязанности въ теченіе одного дня или въ тотъ же самый день, то невольно ставится вопросъ, почему дѣло о досрочномъ освобожденіи арестанта должно идти впереди дѣла о кражахъ или поджогахъ нашей собственности. На основаніи этихъ краткихъ соображеній по общему смыслу закона, я прихожу къ заключенію, что въ настоящее время ввести у насъ этотъ законопроектъ исключительно въ цѣляхъ исправленія преступниковъ представляется совершенно неудобнымъ; какъ ни заманчиво и ни соблазнительно предоставить преступникамъ стимулъ для духовнаго перерожденія, тѣмъ не менѣе я думаю, что это несвоевременно. Затѣмъ, въ началѣ моихъ объясненій я поставилъ себѣ два вопроса: цѣль ли исправленія была мотивомъ представленія этого законопроекта и отвѣтилъ на этотъ вопросъ отрицательно, или же цѣли другія—практическаго свойства? Изъ всѣхъ этихъ поводовъ практическаго свойства я могу угадать только одинъ—переполненіе тюремъ. Въ этой области переполненія тюремъ, мнѣ кажется, нужно разобратъ и различать изъ неудобствъ, которыя влечетъ за собою переполненіе, двѣ категоріи: къ первой категоріи надо поставить неудобства, которыя возникаютъ для арестантовъ, ко второй—тѣ неудобства, которыя возникаютъ для мирныхъ обывателей. Относительно неудобствъ первой категоріи я замѣчу, что у насъ въ Россіи иногда происходитъ странное явленіе. Рядовой крестьянинъ,—я говорю крестьянинъ потому, что въ Россіи крестьянъ больше, нежели другихъ сословій, и, слѣдовательно, въ числѣ содержащихся въ тюрьмахъ болѣе крестьянъ, чѣмъ лицъ другихъ сословій,—такъ, я говорю, рядовой крестьянинъ, пока онъ живетъ честно и трудолюбиво работаетъ, онъ ника-

кого понятія не имѣетъ о томъ, что въ европейскомъ смыслѣ называютъ удобствомъ: ютится онъ съ семьей въ тѣсной избѣ не болѣе 5 квадратныхъ сажень, четверть или треть этой избы занимается печью, подъ лавками воспитываются куры, въ углу гдѣ-нибудь лежитъ теленокъ, спятъ на полу или на лавкахъ, все начальство говоритъ этому крестьянину «ты», всѣ не стѣсняются ни въ словахъ, ни часто въ жестахъ при объясненіяхъ. Но стоитъ ему только украсть, сейчасъ начальство начинаетъ ему говорить «вы», затѣмъ архитекторы начинаютъ измѣрять, сколько кубовъ воздуха въ той камерѣ, въ которой его запрутъ, всѣ беспокоятся о пищѣ. Еще на моей памяти, когда я былъ товарищемъ прокурора, я помню, осматривалъ массу тюремъ и тамъ спрашивалъ арестантовъ: «довольны ли вы всѣмъ?» и многіе мнѣ отвѣчали: «вотъ, говорятъ, даютъ одни щи, а слѣдовало давать и щи и кашу». Вотъ на основаніи такихъ соображеній, въ моихъ глазахъ тѣснота тюремныхъ помѣщеній въ смыслѣ того, что не просторно лежать и не просторно сидѣть, никакого вниманія не заслуживаетъ. У насъ въ Россіи, когда солдаты помѣщены плохо, когда только 40% войска живетъ въ казармахъ, а остальные, какъ Богъ послалъ, размѣщены гдѣ по деревнямъ, гдѣ въ наемныхъ домахъ, рѣчи не можетъ быть, чтобы строить просторныя зданія для арестантовъ. Поэтому переполненіе тюремъ не имѣетъ никакого значенія въ моихъ глазахъ до тѣхъ поръ, пока отъ этого переполненія не грозитъ опасности окружающему населенію; это будетъ уже вторая категорія неудобствъ, но нужно разобратся и въ этой второй категоріи. Если, напримѣръ, въ тюрьмѣ нѣтъ бани, не выводятъ арестантовъ во дворъ, не провѣтриваютъ камеръ и не принимаютъ другихъ гигиеническихъ мѣръ, то, очевидно, въ этой тюрьмѣ наступаетъ уже опасность въ видѣ заразной болѣзни; равнымъ образомъ переполненіе тюремъ влечетъ за собой плохой надзоръ и облегчаетъ побѣги. Слѣдовательно, двѣ опасности: болѣзнь и побѣги, противъ которыхъ необходимо бороться; но каковъ размѣръ этихъ опасностей необходимо опредѣлить для того, чтобы узнать какъ съ ними бороться. По свѣдѣніямъ, помѣщеннымъ въ докладѣ, на страницѣ 26, имѣется указаніе на состояніе тюремъ въ 1906 г. Здѣсь Министръ Юстиціи въ своей рѣчи намъ далъ дополнителныя указанія. Если мы обратимся къ докладу, то увидимъ, что по отношенію къ арестантскимъ отдѣленіямъ какъ будто опасности никакой нѣтъ, что же касается до тюремъ, то, по всей вѣроятности, въ тюрьмахъ дѣйствительно есть тѣснота, но въ этой тѣснотѣ, я полагаю, что пропорція между цифрами 1906 г., помѣщенными въ докладѣ, и тѣми цифрами, которыя здѣсь прибавилъ Министръ Юстиціи, сохранена и положеніе совсѣмъ не такое бѣдственное, котораго никогда прежде не существовало. Я помню, на своемъ вѣку объѣхалъ всѣ тюремныя замки Московской и Владимірской губерній и вездѣ содержали арестантовъ иногда даже вдвое больше, чѣмъ полагалось по штату и чѣмъ просторъ тюремъ это позволялъ. Арестанты, разумѣется, спали и на полу, и на нарахъ. Никакихъ заразныхъ болѣзней, никакихъ усиленныхъ побѣговъ не замѣчалось, но, конечно, въ данное время можетъ быть все иначе; вѣроятно, гораздо болѣе арестантовъ, и, вѣроятно, приготовлено болѣе и мѣстъ заключенія. Но если бы даже и тюрьмы не были расширены, соотвѣтственно увеличенному числу арестантовъ, то и въ такомъ случаѣ я сомнѣваюсь, чтобы переполненіе тюремъ могло вести къ той мѣрѣ, которую намъ предлагаютъ. Слѣдуетъ нанимать дома, переводить арестантовъ изъ плохо охраняемыхъ тюремъ въ тюрьмы крѣпкія, принимать какія либо иныя мѣры—это дѣло

исполнительной власти, но нельзя для того, чтобы освободить нѣсколько тюремъ, выбросить арестантовъ на улицу и выбросить ихъ не въ томъ числѣ, въ которомъ они теперь выходятъ послѣ двухлѣтняго пребыванія въ арестантскихъ отдѣленіяхъ, а въ гораздо болѣе значительномъ. Вотъ тѣ соображенія, которыя привели меня къ выводу, что даже переполненіе тюремъ не можетъ служить основаніемъ къ одобренію представленнаго намъ законопроекта. Въ заключеніе, я, относясь совершенно отрицательно къ законопроекту, думаю, что можно было бы отнестись къ этому законопроекту въ нѣкоторой степени сочувственно при извѣстныхъ условіяхъ; прежде всего, досрочное освобожденіе должно быть ограничено, т. е. должны быть исключены изъ числа лицъ, которыя могутъ имъ пользоваться, такія категоріи, которыя въ настоящее время закономъ не исключены. Затѣмъ, по проекту, намъ представленному, въ дѣйствительности никакого попеченія и наблюденія не можетъ быть, и потому мы вынуждены считать, что условно освобожденные окажутся въ томъ же положеніи, какъ тѣ, которые освобождаются теперь безъ всякихъ условій, но зато опасность для насъ, обывателей, усилится въ томъ, что число ихъ значительно возрастетъ, а уголовная репрессія для нихъ будетъ облегчена. Затѣмъ, необходимо наблюденіе за уголовными досрочно-освобожденными возложить, всецѣло, на полицію. Полиція—это есть единственно организованная власть въ уѣздѣ—другой организованной власти въ уѣздѣ нѣтъ. Вопросъ о возвращеніи ихъ въ тюрьмы долженъ быть предоставленъ мѣстному суду; только мѣстный судья будетъ правильно судить, нужно ли возвратитъ, или оставить ихъ на мѣстѣ. Окружные суды въ такихъ дѣлахъ пользы не принесутъ. Попеченіе, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, т. е. приисканіе занятій, призрѣнія въ случаѣ болѣзни, все это можетъ и должно быть предметомъ частной благотворительности въ видѣ ли тюремныхъ отдѣленій, въ видѣ ли патронатовъ, во всякомъ случаѣ все это дѣло будущаго, когда дѣятельность ихъ будетъ развита, и когда Правительство увидитъ, что объ арестантахъ, которые выпускаются, въ настоящее время дѣйствительно заботятся, тогда только можно призвать эти патроны и тюремныя отдѣленія къ болѣе близкому и рѣшительному участию, какъ въ выборѣ тѣхъ лицъ, которыя должны освобождаться, такъ и въ указаніи на тѣхъ, которыхъ нужно возвращать. Необходимо имѣть и цифры, которыя дали бы намъ возможность судить о числѣ будущихъ освобожденныхъ. Это необходимо въ виду того, что мы могли спокойно и безъ всякихъ опасеній приступить къ разсмотрѣнію этого дѣла. Это былъ бы выгодный пріемъ для тѣхъ лицъ, которыя защищаютъ законопроектъ. Многіе изъ насъ, видя, что число такихъ людей увеличивается, могутъ преувеличивать опасность. Еслибы даны были цифры, мы бы спокойно и безпристрастно обсудили эти цифры, грозятъ ли онѣ намъ или не грозятъ? Наконецъ, вопросъ объ освобожденіи—долженъ быть признанъ вопросомъ болѣе административнаго порядка, чѣмъ судебнаго. Чѣмъ мы ближе поставимъ его къ администраціи, тѣмъ болѣе мы его введемъ въ существо дѣла. Тутъ только одна администрація можетъ судить, полезно ли наводнять губернію тѣмъ или другимъ числомъ освобожденныхъ. Тутъ суду дѣлать нечего, и только участіе прокурора можетъ быть полезно. Я считалъ, что ни одно изъ этихъ положеній, которое соотвѣтствовало бы жизни и потребностямъ и понятіямъ русскихъ людей, ни одно изъ этихъ положеній разсматриваемаго нами законопроекта этимъ требованіямъ не удовлетворяетъ. Поэтому я бы предложилъ, не входя въ постановочное разсмотрѣніе, — законопроектъ отклонить.

Кони. Поставивъ себѣ задачею защищать утвержденный Думой законопроектъ объ условномъ досрочномъ освобожденіи съ нѣкоторыми его видоизмѣненіями, считаю нужнымъ, прежде всего, коснуться двухъ общихъ вопросовъ, затронутыхъ предшествующими ораторами, предлагающими рѣшительно и безусловно отклонить этотъ законопроектъ. «Всеу законы писать, если ихъ не исполнять!» сказалъ одинъ изъ нихъ, приведя слова Великаго Законодателя. Да! это золотыя слова, неопровержимыя и глубоко справедливыя. Но надо, однако, вдуматься въ то, что разумѣлъ Великій Петръ подъ словомъ законъ. Имѣлъ ли онъ въ виду, что законъ долженъ удовлетворять взглядамъ и вкусамъ средняго человѣка, идя въ уровень съ его воззрѣніями и выражая ихъ повелительнымъ образомъ? Или же Петръ принималъ въ соображеніе глубокія потребности родины во всемъ ихъ объемѣ, хотѣлъ двигать ее впередъ и побуждать отъ жалкаго настоящаго переходить на путь къ лучшему будущему, ставя для этого идеалы и облакая ихъ въ мудрое и возвышенное слово закона? Если бы онъ хотѣлъ въ своемъ законодательствѣ удовлетворять одни лишь вкусы и желанія средняго русскаго человѣка, то можно себѣ представить, въ какія формы вылилась бы русская жизнь при немъ, да, вѣроятно, и послѣ него. Вѣдь этотъ средній человѣкъ во времена Петра слѣпо и жадно стоялъ за старое, отворачивался отъ всякаго новшества, считая его выдумкою и порожденіемъ антихриста, которымъ признавалъ самого смѣлаго кормчаго русской земли. Но Петръ, по вѣрному выраженію поэта, «не презиралъ страны родной и зналъ ея предназначенье». Поэтому онъ велъ ее бодро впередъ по пути государственнаго творчества, не обращая вниманія на ропотъ средняго человѣка и имѣя въ виду лучшаго человѣка со всѣми богатыми задатками его духовной природы. Вотъ почему средній человѣкъ не можетъ служить мѣриломъ и оцѣнкой для новаго закона. Такой человѣкъ вообще, а въ Россіи въ особенности, желаетъ, прежде всего, чтобы законъ оставилъ его въ покоѣ, не трогая и ни къ чему не обязывая. И удовлетворяетъ его побужденіямъ, когда онъ выведенъ изъ состоянія спокойствія, возбужденъ или раздраженъ—значитъ становится на опасную дорогу. Съ этой точки зрѣнія, ощущенія и впечатлѣнія потерпѣвшаго отъ преступленія, недовольнаго слабостью уголовной репрессіи, никогда, несмотря на приведенные здѣсь личные примѣры, не могутъ и не должны служить директивой для законодателя. Позвольте и мнѣ привести примѣръ. Въ январѣ нынѣшняго года въ Авиньонѣ казнили убійцу, и когда гильотина отрубила ему голову, стоявшіе близъ эшафота два брата его жертвъ воскликнули: «браво» и «бисъ». Въ этомъ восклицаніи потерпѣвшій въ своихъ чувствахъ средній человѣкъ выразилъ свою жажду отмщенія. Что же? Должно французское законодательство, слѣдуя этому голосу, установить квалифицированную смертную казнь, вводя четвертованіе, колесованіе? Другой общій вопросъ о первоначальномъ источникѣ условнаго досрочнаго освобожденія. Намъ говорятъ, что таковымъ должна быть административная, а не судебная власть и что такая мѣра, если даже признать ее цѣлесообразною, должна быть принимаема въ порядкѣ управленія, т. е., слѣдовательно, по почину Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, котораго, очевидно, и слѣдуетъ ожидать. Не стану спорить, ибо для меня безразлично, по чьему почину былъ бы вынесенъ такой законъ, но замѣчу, что съ тѣхъ поръ, какъ лѣтъ десять назадъ Министръ Внутреннихъ Дѣлъ охотно сложилъ съ себя, а Министръ Юстиціи Муравьевъ еще съ болынею охотою возложилъ себѣ на плечи тяжкій грузъ тюремнаго дѣла со всею громадною нравственною, матеріаль-

ною и общественною отвѣтственностью за него предъ государствомъ и предъ личностью человѣка, тюремные законопроекты должны исходить отъ Министра Юстиціи. У насъ нѣтъ никакихъ указаній или основаній ожидать, чтобы тюремное дѣло, осложняющее самымъ печальнымъ образомъ дѣятельность Министерства Юстиціи, было возвращено въ его прежнее состояніе. Поэтому, мы обязаны разсматривать представленіе Министра Юстиціи, легшее въ основу законопроекта Государственной Думы. И вотъ здѣсь я, прежде всего, встрѣчаю возраженія противъ условнаго освобожденія, разсыпанныя въ остроумной, какъ всегда, и крайне интересной рѣчи И. О. Корвинъ-Милевскаго. Въ западной Европѣ, говорилъ опъ, досрочное освобожденіе было введено въ тюрьмахъ не тотчасъ послѣ того, какъ прекратились въ нихъ варварскія наказанія и истязанія. И тамъ былъ долгій періодъ до тѣхъ поръ, пока пенитенціарная политика не придумала условнаго освобожденія. Къ чему же спѣшить и намъ, тѣмъ болѣе, что наши карательные законы, по сравненію съ западно-европейскими, страдаютъ опасною для общественнаго спокойствія мягкостью, которая увеличивается еще и крайнею снисходительностью присяжныхъ засѣдателей и вообще суда? Къ чему усугублять эту слабость репрессіи условнымъ освобожденіемъ, которое перенесетъ разлагающее начало равнодушія къ преступленію и въ область исполненія приговора? Не могу со всѣмъ этимъ согласиться. Переходъ отъ варварскаго содержанія, которое засталъ еще въ половинѣ XVIII вѣка знаменитый Говардъ, при которомъ въ наказаніе арстанта запирали съ гніющими трупами и подвергали жестокимъ истязаніямъ, прямо къ досрочному освобожденію было бы невысказаннымъ прыжкомъ: нужна была постепенность въ мѣрахъ улучшенія. Эволюція тюремнаго дѣла совершалась годами, и то же самое было и у насъ. Между современной тюрьмой, допускающей условное освобожденіе, и той, которую нашли въ Россіи въ 20-хъ годахъ прошлаго столѣтія квакеры и докторъ Гаазъ,—цѣлый рядъ ступеней улучшенія. И по вопросу о слабой репрессіи мнѣ приходится скрестить шпаги съ уважаемымъ И. О. Корвинъ-Милевскимъ. Нынѣ оставлена мысль, что уголовную кару можно примѣнять на одну общую мѣрку, считая, что преступное дѣяніе есть результатъ преступной воли отдѣльнаго человѣка, воспитавшаго ее въ себѣ, совершенно независимо отъ всего, съ чѣмъ онъ соприкасается въ жизни и чѣмъ эта жизнь вліяетъ на него. Такъ уединенно и отвлеченно его брать нельзя, не рискуя совершить великую несправедливость. Преступленіе есть проявленіе того, что представители уголовной политики называютъ преступнымъ состояніемъ. Оно создается массою обстоятельствъ и обстановкой, окружающими человѣка, и къ нему, стоящему въ центрѣ этого круга, радіусами тянутся тѣ условія, находясь въ которыхъ, онъ совершилъ нарушеніе закона. Сюда входятъ и обстановка обыденной жизни, и степень развитія и образованія, и религіозное чувство, и экономическое положеніе, и физическіе недостатки, наследственность и болѣзни, и состояніе общественной нравственности, и примѣры, и многое другое. Только взятый въ совокупности со всѣмъ этимъ, человѣкъ можетъ правосудно подвергнуться наказанію, не какъ теоретическое лицо, не какъ *hominiculus*, придуманный и принесенный Фаусту законодательнымъ Вагнеромъ, а какъ живая личность, у которой масса корней и развѣтвленій во всей окружающей его средѣ и жизни. Съ такимъ человѣкомъ долженъ имѣть дѣло уголовный законодатель. Не будемъ во всемъ подражать слѣпо Западу и, гдѣ можно, пойдемъ своимъ лучшимъ путемъ. На немъ стоитъ въ извѣстной степени наше карательное законодательство.

Оно принимает во вниманіе преступное состояніе и повидимому разсуждаетъ такъ: я должно опредѣлить родъ и мѣру наказанія для русскаго человѣка, — но что такое этотъ русскій человѣкъ, независимо отъ большихъ способностей и великихъ возможностей, заложенныхъ въ его душѣ? Это тотъ простой человѣкъ, дающій наибольшій количественный контингентъ наказуемыхъ, для образованія и нравственнаго развитія котораго почти ничего не сдѣлано; религіозное чувство котораго не воспитывается, а оставляется въ пренебреженіи, вслѣдствіе формальнаго отношенія къ нему тѣхъ, кому ввѣрена его душа, безсознательно таящая въ себѣ любовь, завѣщанную Христомъ. Это тотъ, который живетъ въ нищетѣ и матеріальномъ одичаніи, безъ потребности въ лучшемъ и безъ надежды на него, въ томъ жалкомъ состояніи, которое въ такихъ яркихъ краскахъ изобразилъ только что П. Н. Дурново, противопоставляя послѣднее роскоши нашего острога, гдѣ полагается — по закону, но не въ дѣйствительности — ложе не на полу и необходимое количество свѣжаго воздуха. Поэтому законодатель, устанавливая размѣры уголовной кары, не можетъ не говорить самому себѣ: человѣкъ, къ которому она будетъ прилагаться, не доѣдаетъ, живетъ во тьмѣ, пьетъ подъ вліяніемъ соблазна и неискоренимой привычки, не слышитъ живаго слова о страхѣ Божьемъ, обнищалъ и вслѣдствіе дурныхъ гигиеническихъ условій сталъ слабъ и болѣзненъ; его нельзя наказывать такъ строго, какъ западнаго европейца, который живетъ въ большинствѣ случаевъ въ гораздо лучшей обстановкѣ и крѣпко сидитъ въ сѣдлѣ въ борьбѣ съ соблазномъ и съ природою, которая и щедрѣе и милостивѣе нашей; это бѣдный слабый русскій человѣкъ, это нашъ родной братъ, его не слѣдуетъ карать безусловно, а наполовину нужно и пожалѣть. И законодатель правильно назначаетъ для него менѣе высокій предѣлъ наказанія, чѣмъ западный законодатель для своего. И наказанія эти не такъ уже слабы. Уже мировой судья и земскій начальникъ имѣютъ право назначить за кражу безъ особо увеличивающихъ обстоятельствъ 1½ года, а не 6 мѣсяцевъ, а за подлогъ векселя слѣдуетъ не 2, а 4 года арестантскихъ отдѣленій и, даже при переводѣ въ разрядъ исправляющихся, все-таки, 3 года и 8 мѣсяцевъ. Затѣмъ идетъ судъ. Присяжныхъ обвиняютъ въ слабости. И дѣйствительно иногда нѣкоторые мягкіе приговоры вызываютъ недоумѣніе въ тѣхъ, кто не былъ самъ при разборѣ дѣла и предъ кѣмъ не прошли тѣ, подчасъ почти неуловимые, обстоятельства и оттѣнки, которыми вызвано снисходительное отношеніе къ подсудимому, разсматриваемому въ связи со всѣмъ, окружавшимъ его, и съ тѣми обстоятельствами дѣла, между которыми главнымъ является онъ самъ со всѣми своими индивидуальными свойствами. А затѣмъ не надо забывать, что въ преступленіи заключается и статика и динамика. Статика — это совершенное дѣяніе и назначенное за него наказаніе, а динамика — это примѣненіе и воздѣйствіе наказанія. Но о какомъ воздѣйствіи можно говорить при настоящемъ культурномъ уровнѣ общества. Воздѣйствіе возмездія? Но возмездіе повсюду отвергается по отсутствію нравственныхъ основъ. Воздѣйствіе устрашенія? Но оно существуетъ только въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ и вынуждено прятаться отъ взоровъ устрашаемыхъ. Остается воздѣйствіе исправленія, для котораго въ области динамики нуженъ рядъ активныхъ мѣръ. Къ нимъ совершенно справедливо Министръ Юстиціи относитъ условное досрочное освобожденіе, которое является сильнымъ рычагомъ для исправленія. Внутреннія побужденія и сокровенныя чувства отбывающаго наказаніе намъ недоступны. Но если трудомъ и бодрымъ соблюденіемъ порядка

онъ знаменуетъ свое пребываніе въ тюрьмѣ, то мы можемъ сказать, что онъ сталъ на путь исправленія, въ которомъ привычка всегда играетъ большую роль. Преступленіе есть, прежде всего, нападеніе на общественный порядокъ, поэтому исправленіе выражается въ рѣшимости подчиниться этому порядку и приспособиться къ нему въ области практической дѣятельности. Но для этого одного желанія мало. Необходимы возможность его осуществленія и самое осуществленіе въ жизни. Но какъ достичь этого срочному арестанту, сознающему, что какъ бы онъ себя ни велъ, онъ не сократитъ срока своего содержанія, а, выйдя на свободу, встрѣтится лицомъ къ лицу съ отчужденіемъ и недоверіемъ къ тюремному сидѣльцу? Такъ развивается въ немъ пассивность и замираетъ самодѣятельность. Надобно возбудить въ немъ активность, сдѣлать его въ нѣкоторомъ отношеніи хозяиномъ своего положенія, внушивъ ему, что отъ него зависитъ сокращеніе срока его содержанія и возможность попеченія о немъ на ту $\frac{1}{4}$ часть его срока, въ теченіе которой онъ будетъ пользоваться свободой и можетъ постепенно завоевать себѣ довѣріе окружающихъ. Въ этой возможности стать нѣкоторымъ хозяиномъ своего положенія заключается и существенная гарантія соблюденія дисциплины, основанная не на карательныхъ мѣрахъ, а на сознаніи собственной пользы. Въ смыслѣ мотивовъ и цѣлей, условное освобожденіе даже не составляетъ чего либо новаго въ нашемъ законодательствѣ. Достаточно припомнить, что по статьямъ 299, 310, 317 и 321 Устава о Содержащихся подъ Стражею и нынѣ существуетъ въ исправительныхъ арестантскихъ отдѣленіяхъ отрядъ исправляющихся, которымъ десять мѣсяцевъ пребыванія считаются за годъ, при чемъ начальству вмѣняется въ обязанность вести особый списокъ съ ежемѣсячной отмѣткой о послушаніи и прилежаніи къ труду каждаго арестанта, возбуждая въ нихъ надежду, что наказаніе будетъ постепенно облегчаемо по мѣрѣ нравственнаго ихъ исправленія. Ошибочно также думать, что проектъ условнаго освобожденія обязанъ своимъ происхожденіемъ исключительно желанію нынѣшняго Министра Юстиціи. Определенная мысль о желательности его введенія высказана еще шесть лѣтъ назадъ, въ 1903 г., Государственнымъ Совѣтомъ при разсмотрѣніи заключеній Особаго Присутствія по проекту уголовного уложенія. Съ тѣхъ поръ у насъ уже четвертый Министръ Юстиціи, который, принявъ на себя, какъ я уже говорилъ, тяжелый грузъ тюремнаго дѣла, находитъ, во исполненіе порученія Государственнаго Совѣта и несмотря на нарисованное имъ печальное положеніе тюремъ, возможнымъ ввести условное освобожденіе. Надо признать, что въ этомъ онъ болѣе компетентенъ, чѣмъ кто либо изъ насъ, такъ какъ внутренняя жизнь тюрьмы и ея погрѣшности, личный составъ служащихъ и тѣ ресурсы, которыми можно располагать, ему всего виднѣе. И если онъ говоритъ, что наступило время сдѣлать то, что всюду признано необходимымъ въ дѣлѣ уголовной политики, и этотъ его взглядъ раздѣленъ Государственною Думою послѣ всесторонняго обсужденія, то, по моему, мы не найдемъ достаточнаго и убѣдительнаго объясненія своему рѣшенію, если скажемъ: «нѣтъ, не надо!—Зачѣмъ Вамъ условное освобожденіе?» Говорятъ намъ: вмѣсто него можетъ быть помилованіе.—Но, господа, условное освобожденіе и помилованіе суть понятія, стоящія на разныхъ плоскостяхъ, и ихъ смѣшивать невозможно. Условное освобожденіе есть своего рода право арестанта, добываемое такимъ поведеніемъ, которое даетъ увѣренность въ будущемъ добропорядочномъ образѣ его жизни. Оно требуетъ взаимодѣйствія и арестанта и тѣхъ лицъ или учреждений, которыя прикосновенны къ тюрем-

ному дѣлу и которымъ принадлежитъ починъ въ вопросѣ о досрочномъ освобожденіи. Оно есть осуществленіе разъ установленнаго нормальнаго, а не чрезвычайнаго порядка вещей. Совсѣмъ не то помилованіе: актъ великаго милосердія обыкновенно гораздо болѣе широкій, источникомъ котораго является не поведеніе арестанта, а милость, о которой предстательствуетъ голосъ сердца. Это прощеніе, давая которое въ исключительныхъ случаяхъ, Монархъ проявляетъ радостную побѣду великодушія надъ горькою судьбою нарушителя закона. Не даромъ Пушкинъ, рисуя ликовавіе Петра, говоритъ про него: «и прощеніе торжествуетъ, какъ побѣду надъ врагомъ». А для прощенія нуженъ починъ молящаго о прощеніи, или его близкихъ, или, наконецъ, суда, и все это изъ закона объ условномъ освобожденіи устраняется. Но есть однако и другой важный вопросъ—о примѣненіи условнаго освобожденія на практикѣ. Наша тюрьма, говорятъ намъ, исключаетъ всякую возможность наблюденія за арестантами и оцѣнки ихъ поведенія; это адскій котелъ, въ которомъ кипятъ всѣ безъ разбора въ общей порчѣ, насиліи и развратѣ. Нельзя и говорить о тюрьмѣ въ отдѣльности, вытаскивая изъ бочки сельдей какую нибудь одну и по ней судя объ остальныхъ; при такихъ условіяхъ все сведется къ аттестаціи со стороны надзирателя, а это откроетъ широкое поприще къ аттестаціи за деньги и внесетъ новую язву въ тюремную жизнь. Нѣтъ ли, однако, во всемъ этомъ большаго преувеличенія? Проектъ закона рассчитанъ не на одну настоящую минуту, а на долгіе годы дальнѣйшаго развитія. Не спору, что въ послѣдніе годы были большіе безпорядки въ нѣкоторыхъ тюрьмахъ. Смута и обоюдныя насилія вторглись и за тюремную ограду и причинили не мало поврежденій и человѣческихъ жертвъ въ вихрѣ смуты и ожесточенія. Но это было далеко не вездѣ и буря повидимому уже промчалась. При томъ же, такія явленія бывають и на западѣ въ совершенно спокойное время. Не далѣе, какъ 1½ года назадъ въ обширной одиночной тюрьмѣ, недалеко отъ Милана произошло возстаніе арестантовъ съ убійствами и овладѣніемъ тюрьмою, для осады которой пришлось посылать цѣлую бригаду. Подобный же случай былъ нѣсколько лѣтъ назадъ на югѣ Франціи. Отдѣльные случаи въ смутное время не могутъ служить характеристикой русской тюрьмы и относиться къ ней съ безнадежнымъ скептицизмомъ нѣтъ основаній. Не надо забывать, что въ Россіи 36 арестантскихъ исправительныхъ отдѣленій и 715 тюремныхъ замковъ. Уже по этому одному, говоря о русской тюрьмѣ, необходимо имѣть въ виду именно цѣльную бочку съ сельдями, а не вытаскивать случайно испорченныхъ сельдей для того, чтобы забраковать всю бочку. Не смущаетъ меня и аттестація надзирателя. По проекту не съ нея начинается возбужденіе вопроса о досрочномъ освобожденіи. Оно исходитъ отъ лицъ высшаго тюремнаго персонала и членовъ патроната и отуѣленія попечительнаго о тюрьмахъ общества, и если аттестація надзирателя и найдетъ себѣ мѣсто, что будетъ весьма естественно, то она всегда и во всякомъ случаѣ будетъ подлежать тщательной провѣркѣ цѣлаго совѣщанія и затѣмъ судебнаго учрежденія. Не слишкомъ ли многихъ лицъ, въ числѣ которыхъ будутъ находиться судьи, священники, врачъ и учитель, придется подмазать арестанту? Не слишкомъ ли дорого это обойдется за одну четверть неотбытаго срока въ заключеніи? Нѣтъ! предположенія о роли подкуна въ этомъ дѣлѣ надо отвергнуть, какъ плодъ пугливаго воображенія. Напротивъ, слѣдуетъ съ упованіемъ взглянуть впередъ и при томъ на основаніи минувшаго опыта. Дѣйствительно патропатовъ у насъ мало, а отдѣленія попечительнаго о тюрьмахъ общества значатся

лишь на бумагѣ, и это весьма понятно, такъ какъ вся дѣятельность ихъ свелась къ роли передаточной инстанціи матеріальныхъ средствъ для содержанія арестантовъ. Когда я, будучи товарищемъ прокурора въ Харьковѣ, настоялъ у одного исправника на собраніи комитета, и онъ это съ видимою неохотою исполнилъ, то всетаки засѣданіе не состоялось, такъ какъ въ него явились только онъ да я. Правительство уже сознало узость задачъ отдѣленій и, преобразовавъ въ С.-Петербургѣ и Москвѣ тюремные комитеты въ тюремно-благотворительныя общества, указало имъ какъ одну изъ главныхъ цѣлей—попеченіе объ освобождаемыхъ изъ подъ стражи, т. е. задачу патроната. На этомъ пути не надо останавливаться, и расширеніе задачъ отдѣленій, а также настойчивое требованіе активной дѣятельности со стороны ихъ официальныхъ членовъ должно составить обязанность Правительства, которое, внося чрезъ Министра Юстиціи проектъ условнаго досрочнаго освобожденія, тѣмъ самымъ принимаетъ на себя выработку и мѣръ къ его дѣйствительному осуществленію въ жизни. Надо съ довѣріемъ относиться къ общественнымъ силамъ и ставить имъ живыя цѣли, тогда оживится и ихъ дѣятельность. Наше общество склонно впадать въ апатію и разочарованіе, но это по большей части бываетъ связано съ тѣми моментами, когда ясныя цѣли затемняются и по дорогѣ съ нимъ воздвигается недовѣріе и стелется туманъ равнодушія. Но когда эти цѣли указаны ясно и призывъ стремиться къ нимъ сдѣланъ искренно, то общество сумѣетъ на нихъ отвѣтить съ пользою для дѣла. Когда Александръ II совершилъ незабвенное дѣло освобожденія крестьянъ, по его призыву, какъ предъ сказочнымъ русскимъ героемъ «какъ листъ передъ травой» изъ бесплодной, повидимому, почвы выросли мировые посредники перваго призыва. То же случилось съ появленіемъ мировыхъ судей, прокуроровъ и адвокатовъ. Явились задачи, и вдругъ сразу проявились и дарованія и горячая любовь къ своему дѣлу, задачи котораго ярко блистали на горизонтѣ. То же въ соотвѣтствующемъ размѣрѣ можетъ произойти и здѣсь. Утвердивъ проектъ Думы, создайте цѣль и возможность реальнаго осуществленія для душевной потребности поддержать на распутьѣ предъ тюремными воротами тѣхъ, кого нашъ народъ привыкъ называть «несчастливыми». Люди для этого найдутся, какъ они нашли въ свое время для судебной, городской и земской реформы. Позвольте мнѣ закончить примѣромъ, заимствованнымъ изъ того же источника, откуда его взялъ И. О. Корвинъ-Милевскій, полагающій, что новый законъ откроетъ новое поприще для Сквозника-Дмухановскаго и Держиморды. Припомнимъ обращеніе этого Сквозника-Дмухановскаго съ «арпинниками» и «самоварниками», которые могли быть и членами дореформенной градской думы. Я спрошу васъ, возможно ли представить себѣ подобное отношеніе къ гласнымъ думы по городскому положенію? Иныя цѣли, болѣе широкія задачи,—и явились другіе люди. Пускай же этотъ проектъ, ставящій такія задачи въ области уголовной политики, встрѣтитъ Ваше сочувствіе.

Прот. Горчаковъ. Ваше Высокопревосходительство и гг. члены Государственного Совѣта. Я буду держать рѣчь не какъ криминалистъ, но какъ правовѣдъ, не какъ членъ Государственнаго Совѣта, но какъ обыватель, а какъ человѣкъ опыта, наблюдавшій въ теченіе 25 лѣтъ за нравственнымъ пастроеніемъ заключенныхъ въ С.-Петербургскихъ тюрьмахъ. Съ 1868 г. прошлаго столѣтія до 1893 г. я былъ членомъ С.-Петербургскаго попечительнаго о тюрьмахъ комитета въ качествѣ директора духовнаго званія. При моей дѣя-

тельности въ теченіе 25 лѣтъ въ качествѣ директора, я задавался мыслію—что бы можно было сдѣлать для направленія заключенными развитія своей личности и природы по пути къ доброму настроенію, по пути къ развитію въ себѣ тѣхъ свойствъ человѣческой природы, по которымъ каждая личность воплощаетъ въ себѣ носителя образа Божьяго. При такой задачѣ своей, я, не чуждый знакомства съ тюрьмовѣдѣніемъ, и наблюдалъ проявленіе человѣческихъ личностей во время ихъ заключенія, нерѣдко посѣщая всѣ тюрьмы, какія въ С.-Петербургѣ есть. Ихъ, къ сожалѣнію, въ С.-Петербургѣ очень много и населеніе въ нихъ многочисленное. Бывалъ я въ Литовскомъ замкѣ, въ Срочной тюрьмѣ, Пересыльной, въ Крестахъ и даже въ крѣпости; бывалъ въ морской тюрьмѣ и въ военной, и во всѣхъ полицейскихъ частяхъ, въ которыхъ есть тюремныя помѣщенія, очень вмѣстительныя. Противники проекта, который разсматривается теперь Государственнымъ Совѣтомъ, какъ будто представляютъ, что защитники этого проекта хотятъ наводнить населеніе разныхъ мѣстностей Россіи неисправимыми ворами, мошенниками, грабителями и убійцами, выпускаемыми изъ мѣстъ заключенія преждевременно, до отбытія ими положеннаго на нихъ правосудіемъ наказанія. Не о такихъ людяхъ составители проекта думали.—Въ тюрьмы попадаетъ множество лицъ совершенно случайно. Очень многіе, попавшіе въ тюрьмы,—такіе же люди, какъ и живущіе на волѣ и пользуются свободою. Они возбуждаютъ въ посѣтителѣхъ ихъ крайнее сожалѣніе къ себѣ: они устраниютъ своимъ настроеніемъ всякое опасеніе для живущаго на волѣ населенія, если имъ дать свободу. Кромѣ случайно попавшихъ въ тюрьмы, весьма часто встрѣчаются такіе заключенные, которые попали подъ судъ и подъ наказаніе по стеченію самыхъ несчастныхъ обстоятельствъ. Затѣмъ въ заключеніи находятся частехонько, даже всегда и постоянно, и совершившіе преступленіе, но, очутившись въ необыкновенномъ положеніи, въ подневольѣ, они обращаются къ своей совѣсти, вдумываются въ обстоятельства своей жизни, сознаютъ неправильность, ошибочность, ложность своего настроенія въ данныхъ условіяхъ и крайне скорбятъ о томъ, что они допустили тѣ или другія преступныя дѣянія. Они сами себѣ враги. Имъ странно. Они пугаются въ ободреніи, въ нравственной поддержкѣ въ ихъ несчастіѣ со стороны людей, опытныхъ въ жизни закономѣрной и доброй. Затѣмъ, еще напому, что среди заключенныхъ находятся многочисленные, слабыя духомъ, женщины и дѣвицы. Вотъ и представьте себѣ, что я являюсь посѣтителемъ среди такого населенія, одна часть котораго попала въ тюрьму случайно, другая по стеченію несчастныхъ обстоятельствъ, третья по невѣдѣнію, не зная, какія послѣдствія для ихъ жизни, для ихъ настроенія, для ихъ отношеній въ обществѣ, среди другихъ лицъ, могутъ имѣть тѣ дѣянія, за которыя они осуждены и наказаны. Весьма многіе изъ заключенныхъ скорбятъ, сознавая свое несчастіе. Въ особенности часто встрѣчаются, и очень много, безутѣшно скорбящія женщины и дѣвицы. Одно напоминаніе матерямъ объ ихъ дѣтяхъ, дѣвицамъ объ ихъ родителяхъ, всѣмъ имъ объ ихъ семьяхъ производитъ потоки горячихъ слезъ. Упомянутые разряды заключенныхъ въ тюрьмахъ и лишенныхъ свободы лицъ и нѣкоторыя другія категоріи лицъ искренно желаютъ быть хорошими и добрыми. Сознывая свое несчастіе и объясняя его невѣрностью своего настроенія и поведенія, они раскаиваются въ тѣхъ своихъ дѣяніяхъ, за которыя подверглись суду и наказанію. Они расположены къ исправленію,—даютъ обѣщаніе впредь не допускать дѣяній, которыя довели ихъ до лишенія свободы,—привели въ тюрьму. Можно ли

такихъ лицъ считать способными къ постоянному воровству, грабительству, къ неисправимости? Всякій, кто только изучаетъ и понимаетъ человѣческую природу и оцѣниваетъ отдѣльныя личности, стоя на здоровыхъ психологическихъ основаніяхъ, а еще болѣе съ христіанской точки зрѣнія, тотъ не можетъ отрицать, что каждая отдѣльная человѣческая личность, каждая особа, воплощающая въ себѣ человѣческую природу, способна развивать свои свойства по общимъ этой природѣ даннымъ законамъ,—но можетъ и уклоняться отъ нихъ. Развитіе отдѣльной личностью въ себѣ свойствъ человѣческой природы по законамъ, ей даннымъ, ведетъ человѣка къ добру, благополучію, счастію. Уклоненіе же отъ законовъ, данныхъ всякому человѣку для правильнаго развитія его природы, ведетъ его къ грѣху, преступному дѣянію, къ неправильному направленію жизни, которое непременно сопровождается вредными и невыгодными для него послѣдствіями. Люди, способные сознавать неправильность направленія своей жизни, преступность своихъ дѣяній, которыя довели ихъ до несчастія, до тюрьмы, не могутъ не имѣть расположенія измѣнить невѣрное направленіе своей жизни и обнаруживаютъ готовность исправленія,—вести себя въ послѣдующей жизни по общимъ законамъ человѣческой природы. Понимая проявленіе и направленіе человѣческой природы въ отдѣльныхъ личностяхъ съ изложенной точки зрѣнія, мы утверждаемъ, что не можетъ быть человѣка—преступника, который бы не могъ и не желалъ бы исправиться отъ преступленій противъ законовъ человѣческой природы. Приходилось мнѣ встрѣчаться съ страшными преступниками, видѣть ихъ въ тюрьмѣ, и они въ нѣкоторые моменты тюремнаго заключенія, при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ обнаруживали желаніе и рѣшимость на исправленіе своей жизни. Конечно, не всѣ преступники съ одинаковою степенью проявляютъ свои желанія и готовность исправляться. Есть такіе, которые упорны въ своей злой волѣ. Не закоренѣлыхъ и неисправимыхъ разбойниковъ, воровъ и мошенниковъ составители рассматриваемаго проекта предлагаютъ выпускать на относительную свободу досрочно, до отбыванія назначеннаго имъ по закону и судебному приговору наказанія, а лицъ способныхъ и готовыхъ, даже въ тюрьмѣ, исправиться отъ преступнаго направленія своей воли и обнаружившихъ не только намѣреніе и желаніе, но и способность согласовать свою жизнь съ общими законами въ обществѣ, сначала при относительной свободѣ подъ руководствомъ лица или учрежденія, опытнаго въ исправленіи нарушителей законовъ, а потомъ и подъ условіемъ полной отвѣтственности за свои дѣйствія. Опытъ указываетъ, что человѣку, который подвергся несчастію быть заключеннымъ въ тюрьмѣ, необходимо напоминать, что не пропала еще его жизнь, что онъ еще можетъ поправиться, лишь бы только возбудилъ въ себѣ и доказалъ на дѣлахъ своихъ доброе настроеніе и доброе желаніе исправиться. И въ тюрьмѣ, при лишеніи гражданской свободы, человѣкъ въ своихъ мысляхъ, понятіяхъ, чувствахъ и нравственномъ настроеніи можетъ усовершенствоваться и развивать свою личность въ добромъ настроеніи. Онъ внутренно, нравственно не можетъ быть лишенъ свободы настраивать себя къ добру, но только лишь область внѣшняго проявленія и примѣненіе ея въ высшей степени стѣснена. Я не встрѣчалъ ни одного заключеннаго, даже убійцы, который не выражалъ бы мысли и желанія, что если бы онъ теперь получилъ возможность жить на свободѣ, онъ бы сталъ избѣгать всего того, что привело его къ такому несчастному положенію. Но что дѣлать? Оказывается, во многихъ случаяхъ, ему закрыта государственнымъ закономъ возможность къ исправленію. Теперь и пред-

ставьте себѣ положеніе священника, у котораго является убѣжденіе, что заключенный могъ бы исправить свою жизнь. Если бы была предоставлена ему возможность условной, по крайней мѣрѣ, свободы? Что священникъ можетъ сказать въ ободреніе, въ успокоеніе, въ облегченіе совѣсти такого узника? Тѣмъ заключеннымъ, которымъ положенъ опредѣленный и непродолжительный срокъ заключенія, священникъ можетъ говорить: время несчастій вашихъ окончится; будьте настолько настроены къ доброй жизни, чтобы самое несчастіе, васъ постигшее, обратилось бы въ одинъ изъ мотивовъ необходимости для человѣка правильной и закономѣрной жизни. Поддержаніе бодрости заключеннаго и увѣренности его въ томъ, что есть возможность исправить свою жизнь, есть крайняя необходимость въ дѣятельности лица, имѣющаго отношенія къ заключенному. Вотъ почему обѣщаніе заключенному, который хочетъ исправиться и показываетъ исправленіе на дѣлѣ—въ добромъ поведеніи, въ отношеніяхъ къ наблюдателямъ и начальству тюрьмы, а равно къ своимъ сотоварищамъ по несчастію, въ трудолюбіи, если работы заведены въ тюрьмѣ, въ дѣятельномъ состраданіи союзникамъ своего несчастія—служить весьма сильнымъ побужденіемъ для него утверждаться и крѣпнуть въ добромъ настроеніи. Многіе заключенные не только вполне расположены къ исправленію, но и дѣйствительно начинаютъ исправляться въ самой тюрьмѣ. Такія лица, которыя рѣшаются исправиться въ заключеніи, вовсе не участвуютъ въ тѣхъ дѣяніяхъ, которыя совершаются въ тюрьмѣ подъ руководствомъ арестантскаго тюремнаго начальства. Они по меньшей мѣрѣ стараются уклониться отъ преступныхъ замысловъ и дѣяній и держать себя скромно, но иногда и противодѣйствуютъ злу. Въ прежнее время они духовнымъ лицамъ и такимъ директорамъ, которые не принадлежатъ къ власти, рассказывали совершенно правдиво о происшествіяхъ, которыя происходили въ тюрьмѣ, и находили при этихъ разсказахъ поводъ поддержать въ себѣ желаніе и готовность и въ тюремномъ заключеніи къ правильной жизни и дѣятельности. Затѣмъ опытъ указываетъ еще, что даже лица, находящіеся въ предварительномъ заключеніи, въ подслѣдственномъ состояніи, въ высшей степени дорожатъ тѣмъ, чтобы скорѣй получить свободу, если даже обѣщать имъ сокращеніе времени ареста на день или на два, на три дня. Если они замѣчаютъ въ сочувствующемъ имъ лицѣ намѣреніе похлопотать, чтобы началось поскорѣе дѣло въ прокурорской камерѣ, они при этомъ случаѣ даютъ обѣщаніе въ жизни уже отнюдь не допускать такихъ дѣяній, которыя привели ихъ въ заключеніе. Я изъ собственной практики это знаю,—мнѣ приходилось, какъ директору, хлопотать, чтобы поскорѣе въ прокурорской камерѣ двинулись дѣла арестованныхъ. Они находятъ обыкновенно лицъ, которыя готовы принять ихъ послѣ освобожденія подъ свое поручительство и руководство; работники у разныхъ мастеровъ и частныхъ лицъ, если они считались честными и исправными работниками, выражали надежду, что хозяева ихъ непременно возьмутъ ихъ на поруки; значитъ—у нихъ есть стремленіе къ тому, чтобы получить свободу хотя бы подъ руководствомъ поручителей, и они даютъ обѣщаніе не подавать ни малѣйшаго повода производить что нибудь имъ непріятное. Такія лица, конечно, заслуживаютъ довѣрія въ томъ, что они готовы жить въ обществѣ по закону. Позволю себѣ сказать нѣчто и *pro domo sua*. Въ древней Россіи духовныя лица имѣли право печалованія, за опальныхъ и заключенныхъ, въ новой Россіи мы лишены права печалованія. Въ теченіе 25 лѣтъ моего служенія въ попечительномъ о заключенныхъ комитетѣ, я созна-

валъ тяжесть этого лишенія. Если только будетъ введено досрочное освобожденіе для лицъ, въ несчастіи заключенія готовыхъ къ исправленію жизни,—откроется возможность не только духовнымъ лицамъ, которыя будутъ имѣть служебное соприкосновеніе съ тюремнымъ населеніемъ, но и другимъ членамъ попечительныхъ комитетовъ или учреждений, а это уже очень важное дѣло для спасенія могущихъ исправиться въ своей жизни. Затѣмъ наказаніе уголовное есть не только лишь кара, возмездіе, но и средство исправленія наказуемыхъ. Вѣдь не даромъ же называютъ систему заключенія, господствующею во всѣхъ теперь государствахъ христіанскихъ, пенитенціарною, т. е. покаянною; какое же возможно покаяніе для человѣка, если у него теряется надежда доказать на дѣлѣ, что онъ въ жизни своей на свободѣ оправдаетъ надежду, что онъ способенъ исправиться. Высказываютъ, что де у насъ всѣ учрежденія, которыя должны были заботиться объ исправленіи, никуда не годны были, или оказались или и теперь оказываются таковыми, если они гдѣ и существуютъ. О бывшемъ С.-Петербургскомъ тюремномъ попечительномъ комитетѣ, въ которомъ я участвовалъ въ качествѣ директора, этого отнюдь нельзя сказать,—за время его дѣятельности съ 1819 г. до 1894 г.; съ 1894 г. дѣятельность его сужена и доведена только до границъ такой благотворительности, которая должна выражаться исключительно въ подачѣ ему денегъ со стороны его членовъ, и больше ничего. Въ то время, когда я былъ членомъ тюремнаго попечительнаго комитета, директора въ большинствѣ своемъ,—а ихъ было довольно много, и даже вице-президенты, весьма заботливо относились къ положенію заключенныхъ и принимали довольно разнообразныя мѣры къ облегченію ихъ положенія и между прочимъ къ ихъ исправленію: введены были въ тюрьмахъ разныя работы, наблюденіе за заключенными, чтеніи, богослуженіе, собесѣдованія и т. п. Были даже такіе у насъ директора, которые спеціально посвящали себя на служеніе и попечительную о заключенныхъ дѣятельность, принявъ на себя завѣдываніе опредѣленнымъ мѣстомъ заключенія. Припомню здѣсь—быть можетъ и многимъ извѣстнаго своею литературною дѣятельностью по тюремному вопросу В. Н. Никитина. Онъ въ тюрьмахъ проводилъ иногда ночи, въ одеждѣ арестанта, для того, чтобы изучить бытъ и настроеніе арестантовъ, и въ высшей степени прилежно занимался такою дѣятельностью, которая содѣйствовала облегченію положенія арестантовъ и дѣтей арестантскихъ. И теперь существуетъ въ С.-Петербургѣ пріютъ арестантскихъ дѣтей, въ основаніи и въ постановкѣ котораго онъ былъ весьма дѣятельнымъ и достойнымъ участникомъ. Говорятъ: С.-Петербургскій комитетъ могъ быть дѣятельнымъ, но провинціальныя комитеты были бездѣтельны и бесполезны. Правда, дѣятельность стала ограничиваться почти исключительно принятіемъ подацій и требованіями отъ членовъ денегъ. Въ прежнее время, я, какъ директоръ, имѣлъ право по билету, выданному мнѣ градоначальникомъ генераль-адъютантомъ Треповымъ, входить во всякую тюрьму и бесѣдовать совершенно свободно съ заключенными. Теперешніе члены попечительства, развѣ только находящіеся въ составѣ такъ называемой наблюдательной коммисіи, или уполномоченные ею, могутъ, и то съ особаго на каждый случай разрѣшенія, въ полномъ составѣ или отдѣльно, входить въ тюрьмы или пользоваться этимъ правомъ по особому порученію; говорятъ другіе: уѣздныя комитеты ничего не дѣлали въ теченіе 40 лѣтъ своего существованія. Гдѣ же причина такой бездѣтельности? Причина въ ихъ личномъ составѣ. О составѣ ихъ мы слышали сегодня сообщеніе. Во главѣ каждаго изъ нихъ былъ предводитель дворян-

ства, какъ председатель, членами—исправникъ и соотвѣтственные имъ по чинамъ другіе чины въ уѣздѣ и одинъ изъ благочинныхъ, живущій въ уѣздномъ городѣ. Комитеты основаны въ 1819—1827 г.г., во времена крѣпостнаго права и были исключительными и единственными учрежденіями для попеченія о нравственномъ и матеріальномъ положеніи заключенныхъ. Но гдѣ же такимъ высокимъ и занятымъ лицамъ, по положенію ихъ въ уѣздѣ, заботиться или имѣть дѣло съ тюремными сидѣльцами, которыхъ считали ворами, мошенниками, разбойниками и т. п., недостойными вниманія высокихъ лицъ людьми. Члены комитета были лица официальные, властные. Извѣстно, что и здѣсь, въ С.-Петербургѣ, если официальное лицо входитъ въ тюремное зданіе,—сейчасъ начинаются свистки и во всѣхъ камерахъ арестанты становятся въ строй. По крайней мѣрѣ, такъ было въ прежнее время. Нравственной связи и отношеній между такими посѣтителями тюремъ и между арестантами,—связи, которая вела бы къ нравственному усовершенствованію послѣднихъ, не было и не можетъ быть. Еще нѣсколько словъ скажу: говорятъ, что теперь нѣтъ и не можетъ быть такихъ учреждений, которыя могли бы принимать на попеченіе лицъ досрочно-освобожденныхъ изъ заключенія до отбытія наказанія. Съ такимъ мнѣніемъ едва ли можно безусловно согласиться. Основаніе, существованіе и дѣятельность патронатовъ вполнѣ зависятъ отъ организаціи ихъ и личнаго состава. Успѣхъ учрежденія ихъ находится въ зависимости отъ взаимныхъ отношеній лицъ, принадлежащихъ къ одинаковымъ занятіямъ, классамъ населенія и профессіямъ. Наблюденіе и опытъ убѣждаютъ, что хозяева рабочихъ артелей охотно принимаютъ на себя руководство и попеченіе въ отношеніи исправныхъ и честныхъ работниковъ въ случаяхъ ихъ несчастій: ихъ можно привлекать въ составъ патронатовъ. Мнѣ приходилось неоднократно наблюдать такого рода явленія. Если заключенный говорилъ, что хозяинъ готовъ за него поручиться, и обращался съ просьбою о томъ къ хозяину, послѣдній все готовъ былъ сдѣлать, чтобы тотъ вышелъ изъ тюрьмы, являлся въ судъ въ свидѣтели въ пользу подсудимаго, принималъ на поруки, объявлялъ суду при судебномъ процессѣ на вопросъ суда или защиты «я возьму къ себѣ его въ работники». Нѣсколько разъ бывало, что артельные сотоварищи готовы были хлопотать объ освобожденіи своего товарища изъ тюрьмы. Къ сожалѣнію, у насъ до настоящаго времени лица не чиновныя, простые обыватели не могутъ принимать участія въ качествѣ имѣющихъ право заботиться о заключенныхъ. Если купцы, подрядчики крупныхъ работъ, вообще богатые, не чиновнаго разряда, лица и привлекались, можетъ быть и теперь привлекаются въ попечительные о заключенныхъ комитеты, то не въ качествѣ директоровъ, полноправныхъ членовъ, а лишь въ качествѣ сотрудниковъ, съ исключительною обязанностью—вносить деньги въ надеждѣ получить почетную награду. Если упомянутыхъ лицъ принимать полноправными членами, несомнѣнно личный составъ ихъ увеличится. Затѣмъ, родственники заключенныхъ могутъ отыскивать такихъ лицъ, которыя могли бы брать на себя обязанности ими руководствовать или имѣть наблюденіе или попеченіе о получившемъ условно свободу. Далѣе, лица, которыя принадлежатъ къ опредѣленнымъ профессіямъ (напр. адвокаты и т. п.), конечно, могутъ, на примѣръ, составлять изъ себя патронатства попеченія о своихъ сочленахъ, подвергшихся несчастію тюремнаго заключенія, если они пользуются доброю репутаціею въ своей средѣ. Въ заключеніе скажу: въ теченіе 25-лѣтняго моего пребыванія директоромъ С.-Петербургскаго попечительнаго тюремнаго комитета я

сознавалъ всегда, не подъ вліяніемъ только учебниковъ уголовного права, но по нуждамъ въ своей практической, въ качествѣ директора, дѣятельности,—недостатокъ въ нашемъ законодательствѣ института условнаго досрочнаго освобожденія изъ подъ заключенія нѣкоторыхъ категорій лицъ, томившихся въ тюрьмахъ. Съ точки зрѣнія попеченія о возвышеніи нравственнаго настроенія заключенныхъ, которые по своей природѣ не могутъ быть лишены нравственной свободы въ стремленіяхъ къ добру или злу,—съ точки зрѣнія христіанскаго пониманія нравственной личности человѣка, такъ какъ всякій и всегда ищетъ благополучія и счастья, и такъ какъ всякая личность хочетъ быть въ своемъ смыслѣ хорошою, съ указанной точки зрѣнія, я убѣжденъ, институтъ досрочнаго условнаго освобожденія заключенныхъ необходимъ въ законодательствѣ и въ жизни.

Дейтрихъ. Всѣ возраженія противниковъ настоящаго законопроекта сводятся не къ критикѣ самого института, теоретическую цѣлесообразность котораго всѣ признаютъ; никто не отрицаетъ также и того, что онъ способствуетъ какъ цѣлямъ исправленія преступника, такъ и цѣлямъ тюремной дисциплины. Но возражаютъ, главнымъ образомъ, съ точки зрѣнія затрудненій, возникающихъ при практическомъ его примѣненіи. Я понялъ бы такую постановку, если бы мы сегодня обсуждали, подлежитъ ли въ порядкѣ законодательной инициативы Государственнаго Совѣта возбудить вопросъ о введеніи у насъ института досрочнаго условнаго освобожденія. Тогда понятны были бы всѣ указанія, на могущія возникнуть при введеніи его затрудненія, но мы вѣдь, въ настоящее время, обсуждаемъ законопроектъ, уже одобренный думою, законопроектъ, внесенный Правительствомъ и здѣсь поддерживаемый Министромъ Юстиціи. Въ своихъ объясненіяхъ Министръ Юстиціи указываетъ, ссылаясь на опытъ западной Европы, что институтъ этотъ достигаетъ своей цѣли исправленія и вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ ему возможность ввести дѣйствительный порядокъ и дисциплину, которые въ настоящее время въ тюрьмахъ отсутствуютъ. Для того, чтобы отвергнуть при этихъ условіяхъ предлагаемый законопроектъ, по мнѣнію моему, необходимо привести не аргументы, касающіеся нѣкоторыхъ шероховатостей при приведеніи его въ жизнь, а такіе аргументы, которые поражали бы его въ самое его основаніе, т. е., чтобы эти аргументы доказывали юридическую несостоятельность этого института и опасность его примѣненія. Такихъ доводовъ вовсе не приводилось. Все сводилось къ указанію на возможную неосмотрительность при примѣненіи этой мѣры, на плохой составъ начальниковъ мѣстъ заключенія, на переполненіе тюремъ, на неорганизованность попеченія и наблюденія за досрочно-освобожденными, т. е. на такія обстоятельства, которыя не могутъ почитаться доводами противъ существа обсуждаемаго законопроекта. Если досрочное освобожденіе будетъ примѣняться неосмотрительно, то вѣдь во власти Министра Юстиціи принять мѣры къ устраненію этой неправильности, а нѣкоторая неорганизованность тѣхъ учрежденій, которымъ предполагается поручить наблюденіе и попеченіе за освобожденными, не можетъ служить безусловнымъ основаніемъ для отклоненія законопроекта. Когда мы будемъ имѣть досрочное условное освобожденіе, то постепенно организуемъ и реформируемъ учрежденія, которымъ мы ввѣряемъ попеченіе объ освобождаемыхъ. Ждать же, чтобы они были раньше реорганизованы, представляется мнѣ равносильнымъ отказу отъ введенія когда либо досрочнаго условнаго освобожденія, такъ какъ если не будетъ условнаго освобожденія, то не будетъ и надобности въ такихъ учрежденіяхъ и они развиваться не будутъ. Намъ предлагаютъ

сказать Министру Юстиціи: ваши тюрьмы плохи, въ нихъ нѣтъ дисциплины, арестанты содержатся дурно, мѣстъ для нихъ недостаточно, денегъ вамъ дать на устройство новыхъ тюремъ мы не можемъ, потому что сами ихъ не имѣемъ, но также не находимъ возможнымъ ввести мѣру, которую вы намъ предлагаете, такую мѣру, которую вся западная Европа признала именно такою, которая способствуетъ не только цѣлямъ исправленія, но одновременно и водворенію порядка въ тюрьмахъ и, кромѣ того, даетъ возможность хоть нѣсколько разрѣдить тюремное населеніе, своею скученностью дѣлающее невозможнымъ поддержаніе хотя какого-бы то ни было порядка въ тюрьмахъ, и при томъ безъ всякой опасности для общества,—этой мѣры мы вамъ не дадимъ, хотя она и хороша, потому что могутъ возникнуть на первыхъ порахъ, при ея примѣненіи, разныя затрудненія, которыя, однако, могутъ быть впослѣдствіи устранены. Я думаю, что по такимъ соображеніямъ принятый Государственною Думою законопроектъ отвергнуть нельзя, а потому и полагаю, что Государственному Совѣту принять его необходимо.

Министръ Юстиціи. Гг. Члены Государственного Совѣта. Стремясь быть по возможности краткимъ, я буду изъ своихъ разсужденій устранять все то, что къ освѣщенію настоящаго дѣла совершенно не относится. На этомъ основаніи позвольте мнѣ устранить совѣты, которые я слышалъ отъ гг. Членовъ Государственного Совѣта, И. О. Корвинъ-Милевскаго и П. Н. Дурново. Оба они, высказываясь за отклоненіе законопроекта, почли нужнымъ, однако, преподать нѣсколько совѣтовъ Правительству. Первый коснулся области управленія, правда оговорившись, что онъ, вѣроятно, попадаетъ не въ тѣ двери, въ которыя ему нужно входить, а второй намѣтилъ для Министерства Юстиціи канву будущаго законопроекта о досрочномъ освобожденіи. Такъ какъ въ настоящемъ засѣданіи мы собраны не для совѣтовъ, то разрѣшите мнѣ совѣты эти оставить въ сторонѣ и ограничиться возраженіями по существу, которыя я здѣсь слышалъ. Прежде чѣмъ коснуться этихъ возраженій, я долженъ однако сообщить цифровую справку въ видѣ вопроса, который былъ обращенъ къ Правительству Членомъ Государственного Совѣта П. Н. Дурново. Имъ былъ поставленъ вопросъ о томъ, каково количество тѣхъ осужденныхъ, на которыхъ можетъ распространиться проектируемое условное досрочное освобожденіе. Какъ я имѣлъ честь докладывать Государственному Совѣту, число содержащихся въ настоящее время въ тюрьмахъ составляетъ 178.000 человекъ. Изъ этого числа, собственно лицъ, содержащихся въ исправительныхъ арестантскихъ отдѣленіяхъ, имѣется 27.000, а лицъ, отбывающихъ наказанія въ тюрьмахъ, на срокъ отъ одного года и выше,—7.000; цифрою въ 5.000 опредѣляется приблизительно число тѣхъ, которые отбываютъ срочное заключеніе въ тюрьмѣ отъ 8 мѣсяцевъ до 1 года. Такимъ образомъ, если подсчитать указанная мною цифры, итогъ выразится въ примѣрной цифрѣ около 40.000 содержащихся въ мѣстахъ заключенія, на которыхъ условное досрочное освобожденіе можетъ быть распространено. Вѣроятно и противники этого института не будутъ утверждать, что всѣ содержащіеся въ тюрьмахъ и исправительныхъ арестантскихъ отдѣленіяхъ воспользуются льготою условнаго досрочнаго освобожденія, а очевидно ею воспользуется только извѣстная часть арестантовъ, почему, естественно, цифру въ 40.000 заключенныхъ нужно значительно уменьшить. Если даже предположить, что условное досрочное освобожденіе будетъ примѣнено къ половинѣ арестантовъ, то мы будемъ имѣть подлежащихъ дѣйствию этого института 20.000 заключенныхъ. Таковы свѣ-

дѣнія справочнаго характера, которыя интересовали Члена Государственнаго Совѣта П. Н. Дурново. Обращаюсь къ возраженіямъ, которыя я здѣсь выслушалъ. Первое возраженіе касалось невозможности или даже несправедливости распространить институтъ условнаго досрочнаго освобожденія на тотъ міръ отверженныхъ, который Членъ Государственнаго Совѣта И. О. Корвинъ-Милевскій именовать даже «безусловными подлецами». Политическіе арестанты, лица, совершившія преступленія по страсти, говорилъ онъ, не будутъ пользоваться благодѣяніями условнаго досрочнаго освобожденія, тогда какъ лица, занимающіяся воровствомъ, подлогами, банкротствами, будутъ пользоваться условнымъ досрочнымъ освобожденіемъ. Съ другой стороны Членъ Государственнаго Совѣта П. Н. Дурново, который очевидно ни преступниками политическими, ни преступниками по страсти не интересовался, указывать на бѣдственное положеніе крестьянъ и солдатъ и въ ихъ бѣдственномъ положеніи отыскивалъ поводы и основанія для того, чтобы отвергать условное досрочное освобожденіе. Итакъ, прежде всего, два слова о политическихъ преступникахъ и о преступникахъ по страсти. Въ законопроектѣ, который одобренъ Государственною Думою, дѣленія преступниковъ на категоріи по свойству совершенныхъ преступленій не содержится, при чемъ въ немъ не упоминается вовсе о томъ, чтобы лица, присужденныя къ заключенію въ исправительномъ арестантскомъ отдѣленіи, а по новому уложенію въ исправительный домъ, могли пользоваться досрочнымъ условнымъ освобожденіемъ только тогда, когда они совершили преступленіе не политическаго характера или не по страсти. Очевидно, всѣ разсужденія, которыя по этому поводу были высказываемы, исходили изъ того, что на форму болѣе облагороженнаго заключенія, именуемаго въ законахъ нашихъ крѣпостью, не будетъ распространено условное досрочное освобожденіе и такъ какъ И. О. Корвинъ-Милевскій, вѣроятно, предполагаетъ, что крѣпость есть наказаніе исключительно для политическихъ преступниковъ и преступниковъ по страсти, то для васъ, господа, ясенъ выводъ, который былъ сдѣланъ. Дѣло однако въ томъ, что не по содержанію свойствъ самаго преступленія, а единственно по свойствамъ наказанія, именуемаго крѣпостью, она исключена въ законопроектѣ изъ подъ дѣйствія условнаго досрочнаго освобожденія. Заключенію въ крѣпости могутъ быть подвергнуты не только политическіе преступники, не только лица, совершившія преступленіе по страсти, но и лица, учинившія другія преступленія и, при томъ, по совершенно инымъ побужденіямъ. Такимъ образомъ эта часть возраженій напоминаетъ собою стрѣльбу мимо цѣли, нисколько не задѣвая законопроекта. Что же касается затѣмъ тяжелаго положенія крестьянъ и солдатъ, которое было такъ трогательно изображено членомъ Государственнаго Совѣта П. Н. Дурново, то я рѣшительно недоумѣваю, какое можетъ имѣть отношеніе къ вопросу объ упрядоченіи карательной системы путемъ введенія условнаго досрочнаго освобожденія указанное обстоятельство. Предполагалъ ли членъ Государственнаго Совѣта П. Н. Дурново упрекнуть Правительство, что оно въ законопроектѣ объ условномъ освобожденіи не включило никакихъ постановленій, направленныхъ къ тому, чтобы поднять благосостояніе крестьянскаго населенія, дать возможность крестьянамъ жить въ болѣе удобныхъ помѣщеніяхъ, чѣмъ тѣ избы, въ которыхъ большинство нашего крестьянства проживаетъ,—я не знаю. Но вы, господа, вѣроятно дадите себѣ ясный отчетъ въ томъ, что какимъ образомъ въ законопроектѣ объ условномъ досрочномъ освобожденіи нельзя было затрогивать тѣхъ вопросовъ, которые П. Н. Дурново предъявляетъ въ видѣ возраженій законопроекту. Это предметы совершенно различнаго порядка и въ аргумен-

такия по этому поводу было несомненно допущено совершенное смѣшеніе. Какъ бы грустно и тягостно ни было положеніе отдѣльныхъ крестьянъ, какъ бы тяжело ни приходилось солдатамъ вслѣдствіе скученности въ казармахъ, я думаю, что ни тѣ, ни другіе, всетаки, не согласились бы подвергнуться тюремному заключенію, подчиняться тюремному режиму и въ тюрьмахъ найти облегченіе. Такимъ образомъ, все, сказанное по этому предмету, я считаю совершенно не опровергающимъ основъ законопроекта, который я имѣю честь защищать передъ вами. Далѣе говорилось о слабости нашихъ уголовныхъ законовъ, при чемъ допускались нѣкоторыя, не знаю сознательныя или не сознательныя, умолчанія, въ ссылокъ, относящихся къ этому предмету. Слабость нашихъ уголовныхъ законовъ усматривалась членомъ Государственнаго Совѣта И. О. Корвинъ-Милевскимъ въ томъ, что высшая ставка наказаній въ иностранныхъ кодексахъ значительно превосходитъ размѣры уголовной кары, которая примѣняется нашими судами. Упущено было, однако, указаніе минимума наказаній въ западно-европейскихъ законодательствахъ, въ столь строгихъ, по мнѣнію члена Государственнаго Совѣта И. О. Корвинъ-Милевскаго, уголовныхъ кодексахъ. Дѣйствительно, если мы сооставимъ иностранные уголовные законы съ нашимъ уголовнымъ законодательствомъ, то, напримѣръ, за такое чрезвычайно часто встрѣчающееся въ жизни преступленіе, какъ кража, Франція доводитъ наказаніе до 20 лѣтъ каторги, о чемъ здѣсь и говорилось. Въ то же самое время минимумъ для этого преступленія установленъ во Франціи въ видѣ денежнаго штрафа въ размѣрѣ 16 франковъ. Объ этомъ обстоятельстве вовсе упомянуто не было, тогда какъ такого минимума въ нашемъ законодательствѣ не имѣется. У насъ минимумъ наказанія за кражу составляетъ 3 мѣсяца тюремнаго заключенія. Въ другихъ законодательствахъ, напримѣръ, Германіи, наказанія за кражу восходятъ отъ одного дня тюрьмы до 10 лѣтъ цухтгауза, въ Венгріи отъ одного дня тюрьмы до 5 лѣтъ. Такимъ образомъ, за кражу, хотя высшая карательная ставка превосходитъ за границею повидимому высшіе предѣлы наказанія за это преступленіе у насъ, при чемъ различіе въ этомъ отношеніи ужь не такъ велико, ибо высшая ставка наказанія за кражу представляетъ у насъ каторгу въ 6 лѣтъ, но за то минимумъ кары у насъ гораздо строже, чѣмъ минимумъ въ западно-европейскомъ законодательствѣ, которое такъ охотно цитировалось здѣсь. То же самое явленіе замѣчается и въ отношеніи къ злостному банкротству и наиболѣе тяжкихъ видовъ поджога. Въ приведенной ссылкѣ на слабость нашихъ уголовныхъ законовъ обнаруживалась склонность нападающихъ приводить данныя неблагопріятныя, въ одностороннемъ освѣщеніи. Но вѣдь, вамъ господа, извѣстно, что получается при одностороннемъ освѣщеніи. Стоитъ сильнымъ свѣтомъ освѣтить одну сторону предмета, тогда всѣ остальные его стороны будутъ исчезать или ступшеываться передъ вашими глазами, а нападающій будетъ себя чувствовать побѣдителемъ: онъ будетъ себя считать доказавшимъ несостоятельность оспариваемаго, изображая его въ односторонне освѣщенной картинѣ, которую при такихъ условіяхъ вы увидите въ неприглядныхъ очертаніяхъ. Но мнѣ хотѣлось бы, чтобы такое высокое законодательное учрежденіе, какъ Государственный Совѣтъ, не пользовалось одностороннимъ освѣщеніемъ и когда ему нужны сооставленія нашихъ законовъ съ законами запада, чтобы по этому предмету предоставлялось всестороннее, полное освѣщеніе предмета. Къ тому же, совершенно не упоминалось одно обстоятельство, а именно то, что нѣкоторая слабость, которая въ нашихъ уголовныхъ законахъ дѣйствительно существуетъ и которая собственно особенно часто проявляется

на практикѣ, проистекаетъ отъ своеобразнаго учрежденія нашихъ волостныхъ судовъ. Объ этомъ почему то не говорилось ничего, и я не знаю, что бы сказалъ членъ Государственнаго Совѣта П. Н. Дурново, если бы ему пришлось обсуждать законопроектъ объ упраздненіи волостныхъ судовъ и о распространеніи на крестьянъ общихъ уголовныхъ законовъ. По отношенію къ наказуемости преступныхъ дѣяній въ этомъ проектѣ пришлось бы встрѣтиться съ усиленіемъ репрессіи, причемъ въ частности за кражу придется допустить примѣненіе тюремнаго заключенія, а не арестъ, который опредѣляется нынѣ по приговорамъ волостныхъ судовъ; быть можетъ, тогда мы услышимъ соображенія въ пользу необходимости слабости уголовной репрессіи. Заглядывать впередъ, предугадывать будущее, конечно трудно, но не могу не указать на то, что если такая слабость дѣйствительно существуетъ, то она связана съ тѣмъ учрежденіемъ, которое по законопроекту, мною внесенному въ Государственную Думу, предложено отмѣнить. Затѣмъ говорилось о томъ, что дальнѣйшее ослабленіе репрессій при слабыхъ законахъ, при склонности судей назначать не высшія мѣры наказаній, по мѣры низшія, совершенно невозможно, причемъ рекомендовалось оцѣнивать даже вопросъ объ условномъ досрочномъ освобожденіи съ точки зрѣнія чувствъ потерпѣвшаго. Потерпѣвшаго, конечно, никто изъ насъ не осудитъ за то чувство возмущенія, иногда даже мстительности, которое будетъ ему до извѣстной степени присуще. Надъ нимъ страдася бѣда, въ ней онъ совершенно неповиненъ, и все то негодованіе, которое онъ испытываетъ, мы вполне понимаемъ, но когда мы подходимъ къ виновнику того дѣянія, отъ котораго пострадалъ потерпѣвшій, то мы не можемъ и не должны разсуждать исключительно съ точки зрѣнія потерпѣвшаго. Членъ Государственнаго Совѣта П. Н. Дурново, бывшій судебный дѣятель, лучше меня знаетъ, для чего судъ призывается къ разрѣшенію какого либо уголовного дѣла, почему дѣло не предоставляется рѣшенію самого потерпѣвшаго. Незыблемо извѣстное юридическое начало, которое гласитъ, что никто не можетъ быть судьей въ своемъ дѣлѣ, а особенно въ уголовномъ дѣлѣ. Государство, карая виновника преступнаго дѣянія, руководствуется не исключительно стремленіемъ оградить интересы потерпѣвшаго, оно приходитъ съ болѣе широкою задачею—оградить интересы государства—и съ точки зрѣнія государственныхъ интересовъ расцѣпываетъ событіе и виновность лицъ, совершившихъ преступленія. Подходить къ вопросу объ условно-досрочномъ освобожденіи съ узкой точки зрѣнія потерпѣвшаго и приглашать Министерство Юстиціи приблизить законопроектъ къ интересамъ потерпѣвшаго представляется, по моему мнѣнію, задачею, которая никоимъ образомъ серьезнаго вниманія заслуживать не можетъ. Вовсе не въ томъ вопросъ, чтобы интересы потерпѣвшаго оградить, а вопросъ въ томъ, чтобы оградить интересы населенія, въ частности и того потерпѣвшаго, который отъ преступленія пострадалъ. Неужели населеніе и его интересы будутъ гораздо больше ограждаться, когда освобожденный, по отбытіи полностью наказанія, изъ исправительнаго арестантскаго отдѣленія или тюрьмы возвратится въ прежнюю среду озлобленнымъ, нравственно совершенно извращеннымъ, безъ всякаго проблеска къ проявленію какихъ нибудь болѣе или менѣе хорошихъ побужденій, и неужели такой возвратившійся представляетъ меньшую опасность, какую будетъ представлять для населенія покаявшійся, обнаружившій въ тюрьмѣ своимъ хорошимъ поведеніемъ раскаяніе заключенный, который только за нѣсколько мѣсяцевъ раньше истеченія всего срока наказанія условно освобожденъ? Я бы понималъ возраженіе члена Государственнаго Совѣта П. Н. Дурново, если бы

вопросъ шель о томъ, чтобы пожизненно-заключенныхъ освобождать, т. е. тѣхъ, отъ которыхъ населеніе на всю жизнь освобождено; мы же говоримъ объ освобожденіи всего на нѣсколько мѣсяцевъ ранѣе полного отбытія наказанія. Къ чему же говорить, что мы ослабляемъ репрессію. Ослабленіе репрессіи есть доводъ, который приводился много разъ по поводу условнаго досрочнаго освобожденія, но если бы члену Государственнаго Совѣта П. Н. Дурново благоугодно было бы взглянуть на какое либо изслѣдованіе вопроса объ условномъ досрочномъ освобожденіи, то онъ съ полною наглядностію убѣдился бы въ томъ, что когда разсуждаютъ объ ослабленіи репрессіи условнымъ досрочнымъ освобожденіемъ, то проявляютъ полнѣйшій обманъ зрѣнія, разсуждаютъ совершенно не о томъ, что въ дѣйствительности происходитъ—не ослабленіе репрессіи достигается условнымъ досрочнымъ освобожденіемъ, а огражденіе общественнаго государственнаго интереса. Въ условномъ досрочномъ освобожденіи, главнымъ образомъ, учитывается то переходное положеніе, въ которое попадаетъ условно освобождаемый въ теченіе періода, который ему остается для отбыванія наказанія, и тѣ, въ сущности, серьезныя муки, которыя онъ долженъ испытывать отъ страха, что его снова заключать въ тюрьму. Надъ нимъ остается Дамокловъ мечъ возвращенія въ тюрьму. Съ вопросомъ объ ослабленіи репрессіи, о томъ, что условное досрочное освобожденіе поколеблетъ будто бы интересы потерпѣвшихъ, позвольте покончить. Эти опасенія не имѣютъ никакого отношенія къ этому институту. Говорилъ, затѣмъ, членъ Государственнаго Совѣта И. О. Корвинъ-Милевскій о плохомъ тюремномъ составѣ, при чемъ и здѣсь, для большій яркости освѣщенія этого довода, чины тюремной администраціи назывались отчаянными людьми. Правда, въ оправданіе ихъ приводилось, что имъ приходится дѣйствовать въ отчаянное время, а въ отчаянное время и нужны отчаянные люди. Членъ Государственнаго Совѣта И. О. Корвинъ-Милевскій полагалъ, что довѣрять этимъ людямъ нельзя: они будутъ дѣйствовать по подкупу, соблазненные корыстными побужденіями, и что, поэтому, условное досрочное освобожденіе превратится, собственно говоря, въ новую форму злоупотребленій этихъ тюремныхъ чиновъ. Но дѣло заключается въ томъ, что въ рукахъ тюремнаго надзора имѣются нынѣ гораздо большія права, чѣмъ тѣ, которыя сводятся къ аттестованію отбывающихъ наказаніе передъ коллегіею, отъ которой будетъ зависѣть представить суду заключеніе только по вопросу о томъ, можетъ ли быть допущено, въ отдѣльномъ случаѣ, условное досрочное освобожденіе. Между тѣмъ, Уставъ о ссыльныхъ, напримѣръ, предоставляетъ управленію, завѣдующему каторгой, переводить ссыльно-каторжныхъ изъ отряда испытываемыхъ въ отрядъ исправляющихся, а затѣмъ и во внѣтюремный разрядъ. Раскрывая содержимое этого полномочія тюремнаго надзора, оказывается, что лицо, присужденное, напримѣръ, къ каторжнымъ работамъ на 20 лѣтъ, можетъ быть освобождено черезъ 6 лѣтъ отъ отбыванія каторжныхъ работъ путемъ перевода въ, такъ называемый, внѣтюремный разрядъ по представленію начальника тюрьмы, причемъ самое освобожденіе производится на основаніи этого представленія губернскимъ правленіемъ. Такъ велики полномочія, какія предоставляетъ нашъ законъ по отношенію къ серьезнѣйшимъ преступникамъ и при томъ въ этомъ случаѣ имѣется дѣйствительно огромное право тюремнаго надзора. Намъ же въ настоящее время говорятъ, какъ о мѣрѣ страшной, что представители тюремнаго надзора будутъ докладывать въ проектируемомъ совѣщаніи о томъ, каково поведеніе того или другого арестанта и возможно ли примѣнить къ нему условное досрочное освобожденіе. При этомъ всѣ остальные члены

совѣщаній, въ которыхъ будетъ дѣлаться этотъ докладъ съ послѣдующимъ по санкціи суда рѣшеніемъ совѣщанія—эти всѣ гарантіи забываются. Здѣсь мы встрѣчаемъ опять то же одностороннее освѣщеніе. На первый планъ выдвигается одно изъ дѣйствующихъ въ совѣщаніи лицъ, а всѣ остальные, по предположеніямъ оратора, должны дѣйствовать по указаніямъ тюремнаго надзора, безпрекословно ему будутъ подчиняться. Однако все это не соотвѣтствуетъ ни мысли, ни содержанію законопроекта. Никакихъ полномочій, о которыхъ здѣсь говорилось, вовсе не предполагается ввѣрять чинамъ тюремной администраціи. Мнѣ думается, что напрасно было и называть отчаянными людьми тѣхъ, которые страдали весьма сильно при исполненіи своего служебнаго долга и которые сумѣли же все-таки тюремную часть, хотя и въ довольно разстроенномъ видѣ, сохранить въ такой мѣрѣ, что не происходило того, чего такъ опасается членъ Государственнаго Совѣта П. Н. Дурново, а именно сплошныхъ побѣговъ изъ тюремъ. Побѣги бывали и бываютъ, но далеко не всѣ арестанты разбѣжались. Затѣмъ, членъ Государственнаго Совѣта П. Н. Дурново опасается въ тюрьмахъ заразы физическимъ заболѣваніемъ. Этого онъ чрезвычайно опасается и рекомендуетъ въ случаѣ появленія заразы принимать самыя радикальныя мѣропріятія. Пока же зараза физическая не проникла въ среду арестантовъ, пусть за стѣнами тюрьмы творится все, что угодно, никакого дѣла государству до этого не должно быть, такъ какъ крестьяне живутъ въ плохой обстановкѣ и солдаты нерѣдко испытываютъ большое неудобство отъ скученности. На все это я позволилъ бы себѣ сказать и напомнить, что кромѣ заразы физической есть и зараза нравственная. Если же члену Государственнаго Совѣта П. Н. Дурново угодно закрывать глаза передъ тѣмъ вредомъ, который дѣйствительно будетъ причиненъ населенію, когда изъ тюрьмы, въ которой совершенно распались дисциплина и внутренній порядокъ, будутъ возвращаться обратно люди, совершенно развращенные, превратившіеся въ закоренѣлыхъ преступниковъ, то я, какъ Министръ Юстиціи, передъ этимъ обстоятельствомъ закрыть глазъ не могу и долженъ изыскивать всѣ мѣры, для того, чтобы съ этимъ явленіемъ бороться. Законопроектъ, который я защищаю, именно и даетъ возможность противодѣйствовать, въ интересахъ всего населенія, а не только одного потерпѣвшаго, указанной нравственной заразы въ тюрьмахъ. Въ заключеніе, я приведу слова одного изъ послѣднихъ изслѣдователей института условнаго досрочнаго освобожденія. Этимъ изслѣдователемъ является попомокъ знаменитаго Миттермайера, молодой Миттермайеръ, профессоръ Гиссенскаго университета. Въ своемъ изслѣдованіи онъ говоритъ, что ни одинъ современный законодатель не вправѣ откладывать въ сторону вопросъ объ условномъ досрочномъ освобожденіи.

Предсѣдатель. Никому больше не угодно принять участія въ преніяхъ объ общихъ основаніяхъ законопроекта? Въ виду содержанія преній, происходившихъ здѣсь, руководствуясь статьею 92 Наказа, ставлю на голосованіе вопросъ, подлежитъ ли предложеніе Коммисіи законодательныхъ предположеній вмѣстѣ съ самымъ законопроектомъ, одобреннымъ Думою, всецѣло отклоненію? (*Производится голосованіе вставаніемъ*). Большинство встало.

Голоса. Просимъ голосовать записками...

Предсѣдатель. Предлагаю Собранію голосовать записками. (*Производится голосованіе записками*). Прошу гг. членовъ Государственнаго Совѣта С. Ф. Платонова, Е. В. Рыкова и Н. С. Яновскаго присутствовать при подсчетѣ голосовъ. (*Производится подсчетъ записокъ*). Прошу Собраніе выслушать результатъ голосованія.

Государственный Секретарь. Въ голосованіи участвовало 130 лицъ. За отклоненіе проекта закона записками «да» высказалось 58 лицъ, противъ отклоненія—записками «нѣтъ»—72.

Предсѣдатель. Итакъ, на вопросъ, который былъ предложенъ на разрѣшеніе Общаго Собранія, послѣдовалъ отвѣтъ отрицательный, и въ то же время положительный по вопросу о переходѣ къ постатейному разсмотрѣнію. Особаго вопроса о постатейномъ разсмотрѣніи я ставить на голосованіе не буду. Въ виду содержанія законопроекта, одобреннаго Думою, и нѣсколькихъ поправокъ, предложенныхъ отдѣльными членами Государственнаго Совѣта, я полагаю, что было бы цѣлесообразнѣе приступить къ постатейному разсмотрѣнію этого законопроекта въ слѣдующемъ засѣданіи.

Предсѣдатель. Сегодня мы должны продолжать разсмотрѣніе доклада Коммисіи законодательныхъ предположеній по законопроекту объ условномъ досрочномъ освобожденіи, но сегодня утромъ мною получено извѣщеніе отъ члена-докладчика большинства Коммисіи В. Ф. Дейтриха о томъ, что его постигло болѣзненное состояніе, мѣшающее ему выходить изъ дому. Такимъ образомъ, докладчика отъ большинства Коммисіи не будетъ. Не признаетъ ли возможнымъ С. С. Манухинъ, являющійся докладчикомъ мнѣнія меньшинства, замѣнить члена-докладчика при разсмотрѣніи первыхъ 15 статей отдѣла I законопроекта, которыя не возбуждаютъ никакихъ разногласій между членами Коммисіи. (*Обращаясь къ С. С. Манухину*). Вы берете на себя обязанность замѣнить В. Ф. Дейтриха?

9 ФЕВРАЛЯ 1909 г.,
засѣданіе 17.

Манухинъ (съ мѣста). Ничего не имѣю противъ.

Предсѣдатель. Въ такомъ случаѣ приступимъ, согласно состоявшемуся въ предыдущемъ засѣданіи постановленію, къ постатейному разсмотрѣнію этого законопроекта. Отдѣлъ I. Заглавная часть отдѣла I въ редакціи, изложенной Коммисіею законодательныхъ предположеній, нѣсколько отличается отъ законопроекта, одобреннаго Думою, ибо предполагается установить нижеслѣдующія правила не только въ измѣненіе и дополненіе, какъ полагала Дума, но и въ отмѣну подлежащихъ узаконеній. (*Обращаясь къ С. С. Манухину*). По этому поводу вы не считаете нужнымъ представить дополнительные объясненія.

Манухинъ (съ мѣста). Это добавленіе настолько безспорно, что едва ли требуетъ какихъ либо поясненій.

Предсѣдатель. Никому не угодно высказаться по этому поводу? Ставлю на голосованіе вопросъ, подлежитъ ли принятію заглавная часть отдѣла I въ редакціи, предложенной Коммисіею? (*Производится голосованіе вставаніемъ*). Заглавная часть отдѣла I принята Общимъ Собраніемъ единогласно въ редакціи, предложенной Коммисіею законодательныхъ предположеній. Статья 1.

Манухинъ. По поводу статьи 1 позвольте указать на тѣ измѣненія, которыя внесены Коммисіею законодательныхъ предположеній въ текстъ, установленный Государственною Думою. Прежде всего Коммисія исключила изъ статьи 1 указаніе на лицъ, приговоренныхъ къ заключенію въ работномъ домѣ, причемъ подъ этимъ работнымъ домомъ въ проектѣ Министерства Юстиціи подразумѣвается тотъ рабочий домъ, который указанъ въ новомъ уголовномъ уложеніи и въ который подлежатъ помѣщенію лица, приговоренныя къ заключенію въ тюрьмѣ, непосредственно по отбытіи сего наказанія, если будетъ признано судомъ, что они совершили преступное дѣяніе

вслѣдствіе праздности или тунеядства. Вотъ объ этихъ лицахъ, которыя по статьѣ 32 новаго уголовного уложенія, послѣ заключенія въ тюрьмѣ, должны помѣщаться въ работные дома, имѣлось въ виду упомянуть въ проектѣ. Но, такъ какъ эта статья новаго уголовного уложенія еще не дѣйствуетъ и даже такихъ работныхъ домовъ во всей Россійской Имперіи не существуетъ, то Коммисія полагала указаніе на работный домъ изъ проекта совершенно исключить. Хотя Министръ Юстиціи внесъ уже въ Думу, въ установленномъ порядкѣ, проектъ закона о введеніи въ дѣйствіе этой статьи 32 новаго уголовного уложенія, но во всякомъ случаѣ, я думаю, пока этотъ законопроектъ не рассмотрѣнъ, едва ли удобно въ новомъ законѣ помѣщать указаніе на такое карательное учрежденіе, которое совершенно въ Россійской Имперіи пока не существуетъ. Кромѣ того, изъ статьи 1 исключено указаніе на то, что условное досрочное освобожденіе примѣняется къ заключеннымъ съ ихъ на то согласія. Собственно говоря, это не есть измѣненіе по существу: Коммисія признала только болѣе соответственнымъ, не упоминая въ статьѣ 1 о согласіи, перенести въ статью 2 этого же проекта указаніе на то, что при примѣненіи къ досрочно-освобождаемому обсуждаемаго закона отъ него отбирается письменное обязательство въ томъ, что имъ будутъ соблюдаться условія, на коихъ ему предоставляется свобода. Этою подпискою, конечно, досрочно-освобождаемый изъявляетъ свое согласіе на досрочное освобожденіе. Наконецъ, нѣсколько измѣнена статья 1 въ томъ отношеніи, что признано было необходимымъ, чтобы досрочно-освобождаемый во всякомъ случаѣ пробылъ въ заключеніи во исполненіе приговора не менѣе 6 мѣсяцевъ безъ зачета въ этотъ срокъ времени, проведеннаго подъ стражею до обращенія приговора къ исполненію. Несомнѣнно, что главнѣйшимъ условіемъ примѣненія условнаго освобожденія является то, чтобы своимъ благонравнымъ поведеніемъ во время пребыванія въ заключеніи арестантъ успѣлъ доказать, что онъ вступилъ на путь исправленія. Понятно, что 6 мѣсяцевъ должны быть признаны минимальнымъ срокомъ отбыванія наказанія, въ теченіе котораго можно было бы установить, именно, признаки исправленія преступника. Вотъ, собственно говоря, всѣ тѣ измѣненія, которыя внесены Коммисіею въ статью 1 законопроекта.

Таганцевъ. Ваше Высокопресходительство и гг. Члены Государственнаго Совѣта. Очень давно въ нашемъ уголовномъ законодательствѣ явился институтъ досрочнаго освобожденія. Еще въ уставѣ о ссыльныхъ 1822 г. и положеніи объ арестантскихъ ротахъ была принята возможность сокращенія установленнаго судомъ наказанія за данное преступленіе. По отношенію къ каторжнымъ, это сокращеніе выражалось въ уменьшеніи срока, послѣ котораго они могли перейти на поселеніе; по отношенію къ ссыльнымъ поселенцамъ, какъ перешедшимъ съ каторги, такъ и прямо приговореннымъ къ поселенію, это уменьшеніе наказанія, въ виду ихъ хорошаго поведенія, выражалось въ предоставленіи имъ сокращеннаго срока для перехода въ разрядъ ссыльныхъ на житье; наконецъ, для исправительныхъ арестантскихъ ротъ и впослѣдствіи для исправительныхъ арестантскихъ отдѣленій оно выражалось въ возможности послѣ перехода, въ виду хорошаго поведенія, въ разрядъ исправляющихся сокращать этотъ срокъ съ такимъ расчетомъ, чтобы 10 мѣсяцевъ, проведенныхъ ими въ арестантскихъ ротахъ, считались за 12. Такимъ образомъ, институтъ досрочнаго освобожденія есть старый и весьма старый институтъ въ нашемъ уголовномъ правѣ. Онъ даже старѣе въ этомъ отношеніи, чѣмъ во многихъ европейскихъ законодатель-

ствахъ. Новый, нами разсматриваемый теперь законопроектъ расширилъ примѣненіе досрочнаго освобожденія, замѣнивъ его притомъ изъ безусловнаго въ условное: онъ расширилъ его, если можно такъ выразиться, внизъ, не трогая болѣе тяжкихъ уголовныхъ наказаній. Онъ расширилъ его на исправительныя наказанія, кромѣ исправительныхъ арестантскихъ отдѣленій, а по новому уголовному уложенію на исправительный домъ; онъ расширилъ его еще и на тюрьму. Вы можете себѣ представить нашу лѣстницу наказаній по уложенію о наказаніяхъ, такъ сказать, фігурально, какъ лѣстницу съ двумя развѣтвленіями: лѣстницу уголовныхъ наказаній и лѣстницу исправительныхъ наказаній, и эти исправительныя наказанія, по отношенію примѣненія къ нимъ вновь проектируемаго института досрочнаго освобожденія, представятся въ слѣдующемъ видѣ: во первыхъ, высшая ступень—это исправительныя арестантскія отдѣленія, до 6 лѣтъ, которыя замѣняютъ съ 1900 г. бывшую дотолѣ во многихъ статьяхъ уложенія ссылку на поселеніе. Къ этимъ приговореннымъ новое досрочное освобожденіе будетъ примѣняться. За ними слѣдуютъ исправительныя арестантскія отдѣленія, назначаемыя вмѣсто ссылки на житье въ Сибирь для привилегированныхъ лицъ, а для непривилегированныхъ—бывшія прежде исправительныя арестантскія отдѣленія. Это—вторая ступень, къ которой тоже будетъ примѣняться новый законъ. За ними идетъ третья ступень—это тюремное заключеніе, замѣнившее собою бывшую прежде отдачу въ рабочій домъ и для привилегированныхъ лицъ ссылку на житье въ отдаленныя губерніи, кромѣ Сибирскихъ. Къ этой третьей ступени тоже будетъ примѣняться новый институтъ. Затѣмъ слѣдуетъ четвертая ступень—это заключеніе въ крѣпость. По отношенію къ этой ступени новый законъ, новое освобожденіе—досрочное—примѣняемо быть не можетъ. За нимъ идетъ пятая ступень—это отдача въ тюрьму, замѣнившая собою прежнюю отдачу въ смиренный домъ; къ ней будетъ примѣняться условное освобожденіе. Шестая ступень—простая тюрьма; къ ней будетъ примѣняться условное досрочное освобожденіе, наконецъ послѣдняя—седьмая ступень—арестъ, на который какъ я на крѣпость не распространяется новый законопроектъ. Такимъ образомъ, если спуститься по этой лѣстницѣ, то придется перепрыгнуть черезъ двѣ ступени: во-первыхъ, черезъ четвертую ступень и затѣмъ черезъ седьмую, за которой слѣдуетъ уже денежное взысканіе. Естественно спросить себя, почему сдѣлано такое исключеніе изъ общаго порядка примѣненія новаго закона. По отношенію къ аресту это понятно само собою. Такое непримѣненіе зависитъ отъ его краткосрочности. Арестъ по уложенію о наказаніяхъ назначается максимумъ на три мѣсяца; къ нему нельзя примѣнить новаго института; даже по новому уголовному уложенію нормальный срокъ ареста 6 мѣсяцевъ, и понятно почему не примѣняется къ нему эта система. Что касается крѣпости, то она стоитъ на другомъ положеніи: по старому уложенію заключеніе въ крѣпость максимумъ 4 года—наказаніе средне-срочное, причѣмъ крѣпость можетъ быть по старому уложенію или соединяема съ лишеніемъ правъ или не соединяема. По новому уложенію срокъ еще длиннѣе: по общему правилу крѣпость можетъ быть назначаемая до 6 лѣтъ, а для рецидивистовъ даже до 8 лѣтъ—это весьма долгосрочное, сравнительно говоря, наказаніе. Обратимся теперь къ вопросу о томъ, почему тѣ соображенія, которыми оправдывается вновь вводимый институтъ, оказываются непримѣнимыми къ этому долгосрочному наказанію. Я не буду останавливаться на самыхъ основаніяхъ этого новаго института: въ прошлое засѣданіе вопросъ

этотъ былъ достаточно исчерпанъ какъ со стороны докладчика, такъ и со стороны Министра Юстиціи, и повторять теперь это было бы излишне. Нужно посмотрѣть, почему не можетъ быть примѣнимо къ крѣпости ни одно изъ основаній, приводившихся въ защиту этого института. Было указано, въ сущности, на три категоріи соображеній. Самая практическая изъ нихъ состояла въ томъ, что всѣ наши мѣста заключенія въ настоящее время такъ переполнены, что вмѣсто 100,000 сидятъ въ нихъ 178,000 человѣкъ, а въ нѣкоторыхъ тюрьмахъ, тамъ, гдѣ слѣдуетъ сидѣть одному, сидятъ по два и даже по три. Это переполненіе влечетъ за собою страшное положеніе для сидящихъ. Оно влечетъ за собою разстройство здоровья, влечетъ болѣзни, которыя грозятъ не только тюрьмѣ и ея сидѣльцамъ, но, перенесясь за тюремную ограду, грозятъ страшною опасностью и для всего населенія. Какъ въ прошлый разъ указалъ справедливо Министръ Юстиціи, эта скученность угрожаетъ не только одною физическою заразою, она угрожаетъ еще болѣе страшнымъ зломъ—правственнымъ заразою. Оказывается, по словамъ защитниковъ законопроекта, что это заставляетъ желать примѣненія такого института, который, не уменьшая обезпеченности государства по отношенію къ преступникамъ, въ то же время далъ бы возможность разрѣдить тюремное населеніе, его эвакуировать. Я полагаю, что если съ этой точки зрѣнія обратиться къ тѣмъ, которые приговорены къ крѣпости, но сидятъ и отбываютъ свое наказаніе въ общихъ мѣстахъ заключенія, то по отношенію къ нимъ, понятно, положеніе окажется то же самое. Скученность по отношенію къ нимъ грозитъ тоже физическими болѣзнями, и, можетъ быть, эта же скученность, хотя нѣсколько въ другомъ смыслѣ, усиливаетъ правственное зараженіе, если можно такъ выразиться, потому что скучиваются они въ общемъ заключеніи, вращаются въ своей собственной средѣ, среди, такъ сказать, единомышленниковъ, единомышленниковъ и еще болѣе укрѣпляются въ тѣхъ воззрѣніяхъ и въ тѣхъ мысляхъ, и въ тѣхъ побужденіяхъ, изъ-за которыхъ они попали въ тюрьму. Съ этой стороны едва ли можно сказать, что приговоренные къ крѣпости составляютъ какую-нибудь особенность относительно другихъ заключенныхъ. Я позволю себѣ добавить, что если бы приговоренные къ крѣпости сидѣли совершенно отдѣльно отъ всѣхъ другихъ, въ особо устроенныхъ помѣщеніяхъ, отдѣльно отъ тюремъ, въ помѣщеніяхъ, въ которыхъ эта скученность и ея пагубное вліяніе не проявлялось бы, то еще можно было бы сдѣлать какое нибудь различіе, но они сидятъ въ тѣхъ же исправительно-арестантскихъ отдѣленіяхъ, въ тѣхъ же тюрьмахъ въ отдѣльныхъ только камерахъ съ отдѣльными для нихъ этикетками. Итакъ, ввиду этого перваго соображенія едва ли можно приискать основаніе, по которому нельзя распространять на крѣпость новый институтъ. Второе, болѣе серьезное соображеніе, заключается въ слѣдующемъ. Для того, чтобы поддержать въ мѣстахъ заключенія дисциплину, въ особенности при той скученности, которая существуетъ теперь, для этого нужны особенныя средства, и къ числу этихъ средствъ, несомнѣнно, должно быть отнесено—пріохотить самого сидящаго сдерживать себя и подчиниться требованіямъ тюремной дисциплины. Какъ только человѣкъ самъ пойметъ, что ему выгодно сидѣть смирно, что тогда ему сократится срокъ, то это соображеніе послужитъ сильнымъ подспорьемъ для тюремной дисциплины и сильнымъ подспорьемъ для тюремнаго начальства. Объ этомъ говорилось и здѣсь со стороны Министра Юстиціи. Я позволю себѣ привести краткое, но весьма вѣрное указаніе, сдѣланное по этому поводу въ Государственной Думѣ со стороны докладчика, графа Беннигсена. Онъ ука-

залъ, что: «Такъ какъ преступникъ во время пребыванія въ тюрьмѣ живетъ, главнымъ образомъ, мечтою о свободѣ, о томъ днѣ, когда онъ выйдетъ изъ мѣста заключенія, то нужно въ цѣляхъ исправленія использовать эту мечту, этимъ понудить къ хорошему поведенію и привести къ добровольному подчиненію тюремному режиму». Но если стать на эту точку зрѣнія, то опять таки, по отношенію къ заключеннымъ въ крѣпость, едва ли можно сказать, что эти соображенія не могутъ быть къ нимъ примѣнимы. Можетъ ли кто нибудь отрицать, что у нихъ не менѣе, чѣмъ у другихъ арестантовъ, горитъ любовь и желаніе вырваться на свободу изъ мѣста заключенія. Точно также нельзя не считать, что по отношенію къ тюремной дисциплинѣ они отнюдь не представляютъ особенно покорной, особенно спокойной среды. Я не буду въ этомъ отношеніи ожидать упрековъ въ голословности, я позволю себѣ сослаться на офиціальное указаніе; въ тѣхъ матеріалахъ, которые намъ разосланы, вы изволите видѣть, между прочимъ, циркуляръ Главнаго Тюремнаго Управленія отъ 17 сентября 1905 г., въ которомъ указывается, между прочимъ, на то, что политическіе арестанты въ общихъ мѣстахъ заключенія составляютъ наиболѣе беспокойный и трудноподдающійся дисциплинѣ элементъ. Значитъ, и съ этой стороны, я могу сказать, что если для всѣхъ, вообще, арестантовъ чрезвычайно важно сдѣлать человека кузнецомъ своего собственнаго счастья, то это одинаково важно и по отношенію къ политическимъ заключеннымъ; они тоже, если будутъ ожидать того, что ихъ могутъ освободить изъ тюрьмы ранѣе, тоже могутъ взять себя въ руки и приучить себя къ тюремной дисциплинѣ. Значитъ, этотъ аргументъ, на которомъ зиждется условное досрочное освобожденіе, можетъ быть распространенъ и на приговоренныхъ къ заключенію въ крѣпости. Остается третій самый главный аргументъ—что институтъ условнаго освобожденія, содѣйствуя весьма сильно исправительному воздѣйствію тюрьмы въ мѣстахъ заключенія на заключенныхъ, есть средство исправленія. Въ самомъ дѣлѣ, если человекъ сознаетъ и, такъ сказать, укрѣпляется въ мысли о томъ, что онъ самъ можетъ устраивать до извѣстной степени свою судьбу въжелаемую сторону, сокращать свое время пребыванія въ тюрьмѣ, если это сознаніе дастъ ему возможность взять себя въ руки, какъ я уже сказалъ, и руководить собою и своими дѣйствіями и этимъ самымъ подневоливать себя своимъ пожеланіемъ подчиниться дисциплинѣ, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что если это будетъ повторяться неоднократно и ежедневно, то, укореняясь мало-по-малу, оно образуетъ извѣстную привычку, которая, по выходѣ изъ тюрьмы, сыграетъ свою роль, именно побудитъ и на свободѣ подчинять себя и свои дѣйствія требованіямъ внѣшняго порядка и требованіямъ внѣшняго закона. Вотъ какъ говорили объ условномъ досрочномъ освобожденіи, въ прошломъ засѣданіи, защитники этого института; это есть одинъ изъ существеннѣйшихъ факторовъ, который, присоединяясь къ другимъ факторамъ, составляетъ тотъ фундаментъ, на которомъ зиждется исправительное воздѣйствіе тюрьмы. Эта привычка къ сдержанности и самоисправленію вмѣстѣ съ приученіемъ къ труду и работѣ, вмѣстѣ съ вліяніемъ духовника, вмѣстѣ съ вліяніемъ правильно поставленнаго тюремнаго начальства—вотъ тѣ факторы, которые, собственно говоря, и образуютъ то, что мы называемъ нравственнымъ воздѣйствіемъ заключенія и чѣмъ мы оправдываемъ возможность досрочнаго освобожденія. Но говорятъ, что по отношенію къ группѣ политическихъ преступниковъ можно ли говорить о такомъ нравственномъ воздѣйствіи на нихъ заключенія, говорятъ, намъ, можно ли представить себѣ, что нашъ персо-

наль тюремный могъ бы убѣдить анархиста въ томъ, что его идеалы не только не жизнеспособны, но и разрушительны для всякаго соціального организма, чтобы тюремный смотритель могъ бы убѣдить соціаль-революціонера въ томъ, что его утопіи, его проповѣдь не соотвѣтствуютъ условіямъ современной жизни, чтобы онъ могъ воздѣйствовать на приговореннаго за преступленія печати, могъ бы убѣдить его въ томъ, что его дѣятельность не только не полезна для общества, но и вредна, и т. д. Въ виду всего этого, говорятъ намъ, можно ли дѣйствительно серьезно говорить о томъ, что на нихъ, политическихъ арестантовъ, возможно нравственное воздѣйствіе тюрьмы и на этомъ основывать возможность ихъ досрочнаго освобожденія? На это я позволю себѣ повторить то, что говорилъ прошлый разъ г. Министръ Юстиціи, возражая противъ возраженій противниковъ досрочнаго условнаго освобожденія. Вѣдь условное досрочное освобожденіе не есть обязанность тюремнаго начальства, а это есть его право. Если нельзя воздѣйствовать, если дѣйствительно этотъ преступникъ, какъ намъ говорятъ, не можетъ поддаться вліянію тюрьмы, вліянію патронатовъ, вліянію духовенства, то вѣдь затѣмъ что же послѣдуетъ? То, что его не освободятъ? Но если онъ поддается вліянію, то почему же заранѣе говорить, что онъ всетаки освобожденъ не будетъ? Затѣмъ, позвольте спросить, на что направляется такое нравственное воздѣйствіе? Развѣ мы, въ самомъ дѣлѣ, говоримъ о переубѣжденіи, объ измѣненіи нравственнаго и умственнаго склада человѣка? Вѣдь государство своими уголовными законами и своими наказаніями съ убѣжденіями, идеями и мыслями людей не борется; бороться вѣдь оно можетъ только съ одними проявленіями во внѣ внутренняго человѣка, оно можетъ требовать только того, чтобы человѣкъ въ своихъ житейскихъ отношеніяхъ не нарушалъ тѣхъ предѣловъ, тѣхъ прѣградъ, которые поставлены ему закономъ, но какъ онъ въ самомъ дѣлѣ и изъ какихъ побужденій удерживается отъ того, чтобы не нарушить законъ, это—внутреннее, святая святыхъ человѣка безусловно недостижимо для человѣческаго правосудія и воздѣйствія. Значить, мы можемъ говорить только о томъ, можемъ ли мы достигнуть того, чтобы политическій преступникъ, выйдя изъ мѣста заключенія, не совершилъ того, за что въ него попалъ. Вотъ тотъ предѣлъ, о которомъ мы можемъ говорить, рассуждая о вліяніи тюрьмы на преступника. Но къ какимъ бы партіямъ мы бы ни принадлежали, какія бы политическія воззрѣнія на жизнь страны ни имѣли, мы не можемъ же отрицать, что и среди политическихъ преступниковъ существуетъ цѣлый рядъ такихъ, которые дѣйствуютъ подъ вліяніемъ страсти, подъ вліяніемъ увлеченія, что юношескій пылъ часто заставляетъ совершать многое такое, отъ чего они бы въ качествѣ зрѣлыхъ мужей отказались. Нельзя въ особенности забывать, что на политическихъ преступниковъ имѣетъ громадное вліяніе то, что въ уголовномъ правѣ называется вліяніемъ массы, толпы. Вотъ въ то время, когда совершался цѣлый рядъ революціонныхъ попытокъ, когда господствовала политическая забастовка, сколько людей попало въ участники этихъ преступленій только благодаря этому временному состоянію, даже не своему личному, а состоянію цѣлой среды, всего того общества, въ которомъ они вращались. Они совершили рядъ поступковъ, за которые должны понести уголовную отвѣтственность, но прошелъ угаръ, прошелъ этотъ чадъ общественный и не только тѣ, которые шли съ преступными пѣснями или распространяли преступныя книжки, но и тѣ, которые совершили преступныя дѣйствія, подъ вліяніемъ отрезвленія становятся совершенно другими. По отношенію

къ этимъ лицамъ почему не можемъ мы сказать, что наступить условія, при которыхъ непримѣненіе къ нимъ возможности досрочнаго освобожденія будетъ бесполезною жестокостью? Наконецъ есть еще одинъ факторъ, о которомъ я не упоминалъ, разсуждая о томъ вліяніи, которое имѣетъ заключеніе на заключенныхъ: это неумолимое и всепоглощающее время. Если преступникъ сидитъ не день, не два, не мѣсяцъ, а просиживаетъ при отбываніи долгосрочнаго наказанія 4, 5, 7, 8 лѣтъ, то можно ли допустить, чтобы по выходѣ изъ этого заключенія значительный процентъ лицъ остался бы тѣмъ, чѣмъ они вошли въ эту тюрьму. Въ правѣ уголовномъ существуетъ отдѣльный институтъ, который, всецѣло, основанъ на этомъ всепоглощающемъ времени, это институтъ давности; набрасывается пелена, такъ сказать, забвенія на дѣянія самыя кровавыя, если прошелъ извѣстный срокъ времени. Спрашивается, а политическія преступленія изъяты изъ подъ этого вліянія, изъ подъ этого, такъ сказать, погашающаго вліянія времени? Нѣтъ. По нашему уголовному уложенію, которое по отношенію къ политическимъ преступленіямъ вступило въ силу, политическія преступленія подлежатъ дѣйствію давности. Наконецъ, чтобы не вращаться въ совершенно отвлеченной сферѣ, нужно спросить, а что рецидивъ въ политическихъ преступленіяхъ неужели онъ такъ великъ, что доходитъ чуть не до цѣлаго, а не въ процентномъ отношеніи выражается? Мы на это получимъ отвѣтъ, особенно тамъ, гдѣ въ этомъ отношеніи въ болѣе продолжительные сроки можно дѣлать сравненія, что по отношенію къ рецидиву, конечно, на первомъ мѣстѣ стоятъ тѣ преступленія, которыя вытекаютъ изъ побужденій корысти,—имущественныя преступленія, тѣ, которыя даютъ большій процентъ рецидива, доходящій до огромной цифры. И что же? По отношенію къ нимъ примѣняется этотъ институтъ условнаго освобожденія, но тамъ, гдѣ эта повторяемость такого грознаго характера не имѣетъ, тамъ онъ не можетъ быть примѣнимъ. Позвольте теперь перейти на чисто юридическую почву. Уже въ прошлый разъ Министръ Юстиціи обратилъ ваше вниманіе на то, что смѣшивать понятія политическаго преступленія и приговореннаго къ крѣпости юридически нельзя, это будетъ не вѣрно—не всякій политическій преступникъ идетъ въ крѣпость и не всякій приговоренный къ крѣпости—есть политическій преступникъ. Это положеніе безспорное. Но я постараюсь нѣсколько развить его, такъ какъ я боюсь, что для неспеціалистовъ именню по данному вопросу, по вопросу о примѣнимости или непримѣнимости условнаго освобожденія къ приговореннымъ къ крѣпости, та мысль, о томъ, что здѣсь, въ сущности, рѣчь идетъ о политическихъ преступникахъ, можетъ играть весьма большую роль. Извольте посмотрѣть въ дѣйствительности, какъ стоитъ дѣло. По отношенію къ политическимъ преступленіямъ нынѣ дѣйствуетъ новое уголовное уложеніе, уложеніе о наказаніяхъ не примѣняется; въ уголовномъ уложеніи политическимъ преступленіямъ отведена глава III—«о бунтѣ», IV—«объ измѣнѣ» и V—«о смутѣ». Въ этихъ главахъ находится 39 статей, большинство изъ нихъ разбито на части, и каждая изъ этихъ частей имѣетъ свою самостоятельную уголовную угрозу. Если мы обратимся къ этимъ уголовнымъ угрозамъ за политическія преступленія, мы получимъ слѣдующую схему. Смертная казнь назначается въ 5 случаяхъ, каторга въ 27, поселеніе въ 11, исправительный домъ въ 13, крѣпость въ 9, тюрьма въ 8 и арестъ также въ 8 случаяхъ. Если вы возьмете тѣ изъ этихъ наказаній (я не буду касаться ни каторги, ни поселенія, потому что они къ этому закону не относятся), которыя относятся къ настоящему

закону, то при обзорѣ ихъ вы получаете слѣдующее: по отношенію къ 21 случаю допускается условное освобожденіе и по отношенію только къ 8 случаямъ, за которые назначается заключеніе въ крѣпость,—не допускается. Спрашивается, возможно ли сказать, что при разрѣшеніи настоящаго вопроса дѣйствительно идетъ рѣчь о политическихъ преступникахъ. Здѣсь рѣчь идетъ о самой незначительной ихъ части и, обратитѣ вниманіе, именно, о тѣхъ политическихъ преступникахъ, которые особенной преступности не проявляли. Тутъ идетъ рѣчи ни о бомбистахъ, ни объ экспроприаторахъ, потому что наказаніе, имъ угрожающее, совсѣмъ не крѣпость, а тѣ наказанія, по отношенію къ которымъ законопроектъ сохраняетъ условное освобожденіе. Здѣсь рѣчь идетъ, такъ сказать, о болѣе мелкихъ сошкахъ, съ точки зрѣнія уголовного закона, о тѣхъ, которые совершаютъ преступленія меньшей важности; и только тамъ слѣдовательно, въ 8 случаяхъ, мы не будемъ примѣнять условнаго досрочнаго освобожденія. Попробуемъ теперь перевернуть вопросъ: а за какія же преступныя дѣянія угрожаетъ законъ крѣпостью? Получается слѣдующее: по старому уложенію о наказаніяхъ, гдѣ теперь крѣпость уже совсѣмъ не относится къ политическимъ преступленіямъ, мы находимъ, что крѣпостью угрожаетъ законъ параллельно съ исправительнымъ домомъ, т. е. за общія преступленія, въ 13 случаяхъ, параллельно съ тюрьмою въ 7 случаяхъ и отдѣльно въ 9 случаяхъ. Значитъ, не на политическихъ, а на обыкновенныхъ преступниковъ, или по крайней мѣрѣ на известную группу обыкновенныхъ преступниковъ, мы распространяемъ вотъ это положеніе, что крѣпость условнаго досрочнаго освобожденія не допускаетъ. Въ новомъ уложеніи мы точно также находимъ, что параллельно съ исправительнымъ домомъ крѣпостью угрожаются 6 случаевъ, параллельно съ тюрьмою 3 случая и отдѣльно угрожаются крѣпостью 21 случай. Я, конечно, не буду утруждать ваше вниманіе подробнымъ ознакомленіемъ съ каждымъ отдѣльнымъ случаемъ, напримѣръ, параллельнаго наказанія крѣпостью и исправительнымъ домомъ, или тюрьмою, такъ какъ это слишкомъ бы насъ утомило, но я считаю себя обязаннымъ, защищая то положеніе, защищать которое и вышелъ и которое, кромѣ меня, раздѣляютъ и другіе члены, привести пару примѣровъ, изъ которыхъ вы могли бы судить о томъ, насколько, дѣйствительно, съ точки зрѣнія практики возможно такое примѣненіе къ одному и непримѣненіе къ другому условнаго досрочнаго освобожденія. Я беру изъ нашего дѣйствующаго уложенія, такъ сказать, не на выборъ, а въ послѣдовательномъ порядкѣ, тѣ статьи, которыя угрожаютъ и тѣмъ, и другимъ наказаніемъ—исправительный домъ или крѣпость. Прежде всего остановлюсь на статьѣ 341, по которой наказывается: превышеніе власти и бездѣйствіе власти, преступленія служащихъ. За нихъ законъ назначаетъ въ случаяхъ особенно важныхъ или лишеніе всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и отдачу въ исправительныя арестантскія отдѣленія, или заключеніе въ крѣпости на сроки такіе то. Значитъ, въ особо важныхъ случаяхъ за бездѣйствіе или превышеніе власти—зависитъ отъ судей назначить или болѣе тяжкое наказаніе—исправительныя арестантскія отдѣленія, и въ такомъ случаѣ допустить для виновнаго возможность досрочнаго освобожденія, или назначить для него менѣе важное—крѣпость и въ такомъ случаѣ этого досрочнаго освобожденія не допустить. Еще нагляднѣе, перевернувъ всего одну страницу, мы находимъ рядомъ съ нимъ стоящее узаконеніе, въ которомъ еще рѣзче, такъ сказать, эта непоследовательность проявляется. Въ статьѣ 344 законъ говоритъ объ отвѣтственности чиновниковъ или

должностныхъ лицъ, которые самовольно будутъ препятствовать другимъ должностнымъ лицамъ въ отправленіи ихъ обязанностей, по закону на нихъ возложенныхъ. Законъ угрожаетъ за меньшее, т. е. если это случай неважный, дисциплинарными наказаніями, но если виновный дозволитъ себѣ какое либо насиліе или угрозы, то онъ приговаривается къ отдачѣ въ исправительныя арестантскія отдѣленія или къ заключенію въ крѣпости. Въ первомъ случаѣ допустимо, а во второмъ случаѣ недопустимо условное освобожденіе. Наконецъ, уложеніе прибавляетъ, если будетъ особенно тяжкій случай, въ случаѣ особой важности, то виновный приговаривается къ лишенію всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и заключенію въ исправительныя арестантскія отдѣленія, т. е. къ наказанію, при которомъ опять будетъ примѣняться досрочное освобожденіе. Значитъ, если судъ находитъ, что преступникъ заслуживаетъ по своей винѣ, по тому, что онъ учинилъ, болѣе тяжкаго наказанія, то онъ къ нему, въ сущности, относится снисходительнѣе, допуская въ послѣдствіи, при хорошемъ поведеніи, уменьшеніе этого наказанія; совершенно съ такого рода редакціей угрозы закона мы встрѣтимся при опредѣленіи наказанія нынѣ за подлогъ по службѣ (ст. 362), неправосудіе (ст. 368), оскорбленіе начальника дѣйствіемъ (ст. 395), неисполненіе требованій закона о выдачѣ видовъ на жительство (ст. 978, 979), поврежденіе желѣзной дороги по неосторожности, если не было сдѣлано о немъ заявленія своевременно и оно сопровождалось смертью или увѣчьемъ кого либо и т. д., и т. д., все это будто такія преступленія, которымъ по взгляду противниковъ предполагается неисправимость преступника и не допускается условное досрочное освобожденіе. То же самое мы встрѣтимъ и въ новомъ уложеніи. Я позволю себѣ привести всего одинъ примѣръ: именно изъ той части, которая дѣйствуетъ нынѣ, это относительно богохуленія. Богохуленіе, по нашему законодательству, какъ по старому, такъ и по новому уложенію, раздѣляется, смотря по тому, гдѣ оно учинено. Учинено въ церкви, учинено въ часовнѣ, учинено публично, или не публично, но при свидѣтеляхъ. Въ первомъ случаѣ новый законъ назначаетъ срочную каторгу или ссылку на поселеніе; во второмъ случаѣ—ссылка на поселеніе, при этихъ важныхъ случаяхъ будетъ примѣнимо досрочное освобожденіе по уставу о ссыльныхъ, но въ третьемъ случаѣ, когда богохуленіе учинено не публично, но съ цѣлью произвести соблазнъ въ присутствующихъ,—назначается заключеніе въ исправительный домъ на срокъ не выше трехъ лѣтъ, или заключеніе въ крѣпость не выше 3 лѣтъ. Опять тутъ же—то допускается примѣненіе досрочнаго освобожденія, то не допускается, т. е. богохуленіе признается то исправимымъ, то неисправимымъ. По этому поводу въ докладѣ большинства Комисіи указано одно соображеніе, что это есть непослѣдовательность, что законъ въ этомъ отношеніи поступилъ неправильно и не сдѣлалъ болѣе точнаго выбора тѣхъ преступленій, за которыя слѣдуетъ наказывать крѣпостью, и что это не мѣняетъ дѣла, не уничтожаетъ основнаго положенія о непримѣнимости къ крѣпости условнаго досрочнаго освобожденія. Я на это долженъ сказать, что, однако, мы будемъ примѣнять тотъ законъ, который дѣйствуетъ нынѣ, а не тотъ законъ, который мы предлагали бы устроить. Вѣдь мы рѣшаемъ вопросъ о томъ, къ этому то существующему закону будетъ примѣняться или не будетъ примѣняться это досрочное освобожденіе. Теперь я долженъ перейти ко второму вопросу, на который особенно обращалъ вниманіе Министръ Юстиціи, въ своемъ хотя и мелькомъ сказанномъ, замѣчаніи, въ прошломъ засѣданіи о нераспространеніи досрочнаго освобожденія на

крѣпость. Говорятъ, что причина этого лежитъ не въ томъ, кто наказывается, а въ самомъ существѣ этого наказанія. Это наказаніе есть «custodia honesta». Въ объяснительной запискѣ къ настоящему законопроекту было замѣчено: «принимая за основаніе примѣненіе условнаго освобожденія цѣль исправленія, слѣдуетъ признать, что на тѣ формы лишенія свободы, которыя такой цѣли не преслѣдуютъ, распространеніе этого института было бы неправильно. Поэтому лишеніе свободы, имѣющее характеръ «custodia honesta», не вызываетъ необходимости примѣненія условнаго освобожденія». Слѣдовательно, такъ сказать, этимъ названіемъ, этимъ ярлыкомъ именно сказано то, что къ нему нельзя примѣнять условнаго досрочнаго освобожденія. Но, я долженъ сказать, что эта «custodia honesta» въ дѣйствительности отбывается въ тѣхъ же самыхъ мѣстахъ заключенія, въ которыхъ сидятъ всѣ остальные. Значитъ, въ этомъ отношеніи особеннаго специфическаго свойства отбытія наказанія, препятствующаго примѣненію досрочнаго освобожденія, оно въ себѣ не заключаетъ. Но этого мало. А что значитъ это: «custodia honesta»? Почему они явились въ законѣ, какъ особый видъ заключенія, подходящій подъ это названіе? Мы не встрѣчаемъ въ старомъ уложеніи объясненій, почему оно вводитъ за нѣкоторыя преступленія заключеніе въ крѣпости, потому что старое уложеніе въ проектѣ 1844 г. довольствуется въ этомъ отношеніи почти постояннымъ повтореніемъ, что оно вводитъ этотъ видъ наказанія по примѣру лучшихъ иностранныхъ законодательствъ. Но мы, при составленіи новаго уложенія въ объяснительной запискѣ, которая была принята и Государственнымъ Совѣтомъ, находили таковое, а именно его введеніе и объясненіе, такимъ образомъ, что оно вводится «для такихъ дѣяній, которыя хотя и заключаютъ въ себѣ иногда весьма тяжкія нарушенія закона, причиняютъ существенный вредъ и сопряжены даже съ значительною опасностью для общества, но вмѣстѣ съ тѣмъ не высказываютъ ни особой испорченности, ни безиравственности виновнаго, а болѣе свидѣтельствуютъ о его неумѣнн подчинять порывы своихъ желаній требованіямъ закона. Поэтому это наказаніе не влечетъ за собою никакихъ правопораженій». Но, вотъ это неумѣнн подчинять свои порывы требованіямъ закона развѣ не поддается воздѣйствію заключенія, какъ и всякое другое побужденіе, вызвавшее преступленіе, и результатомъ того, что заключеніе въ крѣпость называется custodia honesta, является одно, что это наказаніе не должно влечь за собою пораженіе правъ. Тѣ побужденія, изъ которыхъ выходилъ преступникъ, были не такими, чтобы сдѣлать его въ глазахъ общества безчестнымъ, и хотя мы давно учились и учимъ, что не наказаніе дѣлаетъ безчестнымъ, а то преступленіе, которое вызвало наказаніе, но общественные взгляды обыкновенно всетаки таковы, что разъ человѣкъ посидѣлъ и вышелъ изъ обыкновенныхъ мѣстъ заключенія, то онъ и несетъ за собою пятно той атмосферы, гдѣ онъ находился,—и это вызвало созданіе особаго типа наказанія «custodia honesta», за которымъ пораженіе въ правахъ не слѣдуетъ, хотя я долженъ прибавить, что старое наше уложеніе о наказаніяхъ даже этого отличія не даетъ. Но какъ изъ этого понятія вывести, что если человѣкъ нельзя по его побужденіямъ подвергать пораженію въ правахъ, какъ отсюда вывести, что нельзя примѣнять къ нему досрочнаго освобожденія, т. е. раньше окончить тотъ срокъ наказанія, къ которому онъ приговоренъ. Прибавляются еще указанія, что нынѣшнее положеніе заключенныхъ въ крѣпости есть положеніе временное, что нахожденіе ихъ въ общихъ мѣстахъ заключенія, въ исправительномъ домѣ или тюрьмѣ, есть ненормальное явленіе, есть исключе-

ніе. Я долженъ обратиться къ офіціальному въ этомъ отношеніи источнику, именно къ представленію Министра Юстиціи отъ 25 октября 1906 г. Это именно то представленіе, на основаніи котораго состоялся законъ 1906 г. о замѣнѣ заключенія въ крѣпости другими мѣстами заключенія. Тамъ сказано, что изъ свѣдѣній, сообщенныхъ Министерству Юстиціи Главнымъ Военно-Суднымъ Управленіемъ въ концѣ 1904 г., можно усмотрѣть, что въ крѣпостяхъ въ то время имѣлось помѣщеніе для содержанія всего лишь 20 лицъ. Среднее число лицъ военного вѣдомства, заключаемыхъ въ крѣпости по суду, за 1896—1900 гг. составляло около 10 въ годъ (въ 1896 г.—14), и къ нему должны быть еще присоединены лица, которымъ содержаніемъ въ крѣпости замѣнены, по Монаршему милосердію, другія болѣе строгія наказанія, а также лица, приговариваемыя къ крѣпости по приговорамъ военно-морскихъ судовъ. Такимъ образомъ на долю лицъ гражданскаго вѣдомства могло бы остаться не болѣе 4—5 мѣстъ въ годъ. Но и это количество мѣстъ Военное Министерство едва ли въ состояніи предоставить для заключенныхъ гражданскаго вѣдомства, въ виду заявленій военныхъ начальниковъ о необходимости освободить отъ содержанія заключенныхъ въ крѣпости стратегическаго значенія и сосредоточить таковое содержаніе исключительно въ крѣпостяхъ-складахъ (Двинскѣ, Бобруйскѣ, Кіевѣ и Бендерахъ), вслѣдствіе чего вышеуказанное количество мѣстъ для заключенныхъ должно еще сократиться. Вотъ вслѣдствіе этого циркуляромъ было признано цѣлесообразнымъ установить содержаніе приговоренныхъ къ заключенію въ крѣпости на болѣе короткій срокъ, а болѣе долгосрочныхъ осужденныхъ этой категоріи сосредоточивать: лицъ мужескаго пола—въ специально предназначенномъ для сего особомъ корпусѣ Орловскаго исправительнаго отдѣленія, а лицъ женскаго пола въ Костромскомъ исправительномъ арестантскомъ отдѣленіи и въ женскомъ отдѣленіи Рижской губернской тюрьмы, которыя приспособлены для указанной цѣли. Въ порядкѣ отбытія это наказаніе постановлено такъ же, какъ и въ исправительныхъ домахъ и въ тюрьмахъ. Единственно, что въ законѣ прибавлено, это то, что они должны содержаться по правиламъ общаго заключенія—во первыхъ, а во вторыхъ, они не могутъ быть принуждены къ обязательнымъ работамъ; но и это не составляетъ основанія для того, что въ случаѣ ихъ хорошаго поведения они не заслуживаютъ себѣ права быть освобожденными досрочно. Я, такимъ образомъ, кончаю. Въ заключеніе позвольте мнѣ сослаться на слова, которыя были сказаны Министромъ Юстиціи по поводу условнаго досрочнаго освобожденія въ Думѣ. Я особенно просилъ бы Членовъ Государственнаго Совѣта обратить серьезное вниманіе на эти указанія. Министръ Юстиціи говорилъ: «Институтъ условнаго досрочнаго освобожденія нигдѣ, никогда, буду это смѣло утверждать и по отношенію къ теперешнему русскому Правительству, политической точки зрѣнія не отражалъ; институтъ этотъ есть установленіе чисто юридическое, правовое, которое находитъ свое обоснованіе въ особыхъ свойствахъ тюремнаго, непитенціарнаго дѣла». И вотъ, опираясь на эти въ высшей степени правильныя слова, я позволю себѣ обратиться къ Государственному Совѣту съ однимъ ходатайствомъ: въ вопросѣ, къ которому я представилъ свои соображенія, руководствоваться не политическими соображеніями, но руководствоваться только одними соображеніями—права и справедливости.

Манухинъ. Я начну съ того, чѣмъ копчилъ Н. С. Таганцевъ. Прежде всего, позвольте устранить изъ этого вопроса все то, что касается дѣленія на политическихъ и неpoliticalическихъ преступниковъ. Большинство членовъ Комисіи законода-

тельныхъ предположеній, именно, признало, что общій вопросъ о примѣнимости или непримѣнимости условнаго досрочнаго освобожденія долженъ быть разрѣшенъ не въ зависимости отъ распредѣленія преступниковъ по свойству совершеннаго ими дѣянія, а, напротивъ того, въ зависимости отъ свойства того наказанія, къ которому они приговорены, т. е. отъ рода и вида его. Съ этой точки зрѣнія, совершенно устраняя вопросъ о томъ, примѣнимо ли вообще условное досрочное освобожденіе къ политическимъ преступникамъ, большинство Коммисіи въ данномъ случаѣ находится въ принципиальномъ разногласіи съ меньшинствомъ въ другомъ отношеніи. Большинство членовъ Коммисіи полагаетъ, что условное досрочное освобожденіе, которое вообще примѣнимо только къ наказаніямъ лишеніемъ свободы, можетъ распространяться только на такія изъ этихъ наказаній, которыя преслѣдуютъ цѣль исправленія преступниковъ, а изъ всѣхъ видовъ лишенія свободы цѣли этой не преслѣдуютъ два:—арестъ и крѣпость. Несомнѣнно, что условное досрочное освобожденіе и по идеѣ своей и на практикѣ можетъ и должно достигать многихъ благихъ результатовъ. Но несомнѣнно также, что главная и коренная цѣль этого института заключается въ исправленіи преступника, и потому принципиально непослѣдовательно примѣнять условное досрочное освобожденіе къ такого рода наказаніямъ, которыя вовсе не преслѣдуютъ цѣли исправленія преступника. Если въ отношеніи угрозы за то или иное преступное дѣяніе заключеніемъ въ крѣпости и можно встрѣтить, въ особенности въ старомъ Уложеніи, нѣкоторую невыдержанность системы, то съ точки зрѣнія принципа это, конечно, ничего не доказываетъ. Во всякомъ случаѣ въ новомъ Уголовномъ Уложеніи крѣпость поставлена, такъ же впрочемъ, какъ и въ старомъ Уложеніи, какъ *custodia honesta*—въ этомъ цѣль и смыслъ этой параллельной мѣры. Что же касается указаній на тѣ отдѣльныя постановленія нашихъ уголовныхъ законовъ, въ которыхъ наказаніе крѣпостью стоитъ параллельно съ другими—исправительнымъ домомъ и тюрьмою, причемъ выборъ между этими наказаніями предоставленъ суду, то эти указанія не только не опровергаютъ мнѣнія большинства, но напротивъ его поддерживаютъ. Именно суду долженъ быть предоставленъ выборъ наказанія по свойству содѣяннаго преступленія, потому что одно и то же преступное дѣяніе можетъ быть совершено по разнымъ побужденіямъ, при различныхъ условіяхъ и обстановкѣ. Засимъ, вѣрно изъ практическихъ указаній Н. С. Таганцева то, что у насъ мало мѣстъ въ крѣпостяхъ, ихъ почти вовсе нѣтъ, и Министерство Юстиціи вынуждено направлять преступниковъ, приговариваемыхъ къ заключенію въ крѣпости, въ тюрьмы и исправительныя отдѣленія, тѣмъ не менѣе и въ этихъ мѣстахъ заключенія они должны содержаться на особыхъ основаніяхъ, соотвѣтствующихъ тому наказанію, къ которому они приговорены. Соблюдается ли это на практикѣ въ должной мѣрѣ, это другой вопросъ. У насъ въ тюремномъ дѣлѣ вообще много неустройствъ. Въ нашихъ тюрьмахъ, напримѣръ, для несовершеннолѣтнихъ, которые должны были бы содержаться въ исправительныхъ пріютахъ и колоніяхъ, отводятся помѣщенія подъ названіемъ «особыхъ отдѣленій», которыя мало отвѣчаютъ своему назначенію. Но всѣ подобнаго рода неустройства, при всеѣ желательности скорѣйшаго ихъ устраненія, не могутъ служить основаніемъ для отступленія отъ принципиальнаго воззрѣнія въ настоящемъ вопросѣ. Засимъ, я отнюдь не отрицаю, что и лица, совершившія преступныя дѣянія, караемыя обыкновенно заключеніемъ въ крѣпости, а именно преступленія политическія, религіозныя, дуэль и т. п., могутъ вступить на путь раскаянія,

но и это обстоятельство не может изменить мнѣнія большинства членовъ Коммисіи относительно непримѣнимости условнаго досрочнаго освобожденія къ приговореннымъ къ заключенію въ крѣпости. Къ такимъ раскаявшимся преступникамъ примѣнимо, по мысли Коммисіи, только досрочное освобожденіе безусловное въ путяхъ Монаршаго милосердія. Не подлежитъ сомнѣнію, что институтъ условнаго досрочнаго освобожденія имѣетъ въ виду другихъ преступниковъ и совершенно иного рода исправленіе. Условное досрочное освобожденіе направлено, главнымъ образомъ, къ тому, чтобы пробудить въ заключенномъ, совершившемъ преступное дѣяніе подъ вліяніемъ порочной нравственности, стремленіе къ добропорядочной жизни и удержать его внѣ стѣнъ тюрьмы на пути честнаго и трудового существованія. А относительно тѣхъ, которые совершаютъ преступленія, караемыя крѣпостью, это соображеніе и не примѣнимо; этимъ соображеніемъ не руководствуется ни законодатель, ни судья, облагая наказаніемъ крѣпостью извѣстнаго рода дѣянія, совершаемыя по побужденіямъ, которыя не позорятъ нравственности лица, ихъ учинившаго. И вотъ, по всѣмъ этимъ основаніямъ большинство Коммисіи, слѣдуя и проекту Министра Юстиціи и взгляду Государственной Думы, полагаетъ не включать въ статью 1 проекта указаніе на крѣпость.

Кони. По отношенію къ условному освобожденію въ томъ видѣ, какъ оно намъ предлагается, крѣпость составляетъ какой то перерывъ, какую то выпавшую ступень въ лѣстницѣ наказаній. На содержащихся въ ней не распространяются ни условное, ни безусловное освобожденіе, т. е., будто бы, *custodia honesta* назначается за преступленія, въ которыхъ нѣтъ ничего позорнаго, но которыя, вмѣстѣ съ тѣмъ, допускаютъ мысль не объ исправленіи виновнаго, а лишь о его устрашеніи. Прежде всего надо замѣтить, что мнѣніе о безусловной непозорности дѣяній, облагаемыхъ крѣпостью, не вѣрно: по дѣйствующему уложенію о наказаніяхъ это «почетное» заключеніе назначается за такія непочетныя дѣянія, какъ истязаніе и жестокости при отправленіи должности (ст. 345); корыстный подлогъ (ст. 362); неправильное рѣшеніе дѣла и усиленіе наказанія или уменьшеніе его, допущенныя судьями или чинами полиціи, изъ корыстныхъ или личныхъ видовъ, или съ цѣлью мщенія (ст. 366, 367, 368, 458); корыстная выдача подложнаго паспорта (ст. 978, 979); умышленная утайка чиновниками чужихъ писемъ и т. д. Также не вѣрна и мысль о невозможности исправленія заключеннаго въ крѣпость, т. е. желанія его подчиниться общественному порядку и охраняющему его закону и съ этою рѣшимостью начать новую жизнь. Какъ боевой доводъ, здѣсь обыкновенно выдвигаютъ дуэль. На дуэль выходятъ люди, съ тоскою и отвращеніемъ склоняющіе выю подъ тяжкое ярмо общественнаго предразсудка, или бреттеры, надменно и самоувѣренно желающіе путемъ кровопролитія доказать, что *nemo me impune lacessit!* Но развѣ и для нихъ невозможны раскаяніе или нравственное перерожденіе, когда пройдетъ робость передъ общественнымъ мнѣніемъ и замолчитъ голосъ мстительнаго чувства или оскорбленнаго самолюбія? Наше новое Уложеніе назначаетъ, между прочимъ, крѣпость и за убійство подъ вліяніемъ сильнаго душевнаго волненія, вызваннаго противозаконнымъ насиліемъ надъ личностью или тяжкимъ оскорбленіемъ со стороны потерпѣвшаго, а также за убійство при превышеніи необходимой обороны (ст. 458, 459). На возможность раскаянія и въ этомъ случаѣ указываетъ даже и наша Коммисія законодательныхъ предположеній, несмотря на то, что она считаетъ недопустимымъ распространеніе условнаго освобожденія на содержащихся въ крѣпости. «Поджогъ—говорить

она—весьма часто совершаемый изъ побуждений мести и злобы или подъ вліяніемъ душевныхъ волненій, какъ указываетъ судебная практика, не рѣдко приводитъ осужденныхъ къ чистосердечному раскаянію въ своей винѣ». Какимъ же образомъ возможно отрицать то, что предъ лицомъ, внесшимъ въ противодѣйствіе насилію мстительное и гнѣвное чувство, не предстанетъ въ уединеніи заточенія въ крѣпости высокое начало христіанскаго терпѣнія и душевная боль при мысли о совершенномъ лишеніи жизни своего ближняго. И еще сильнѣе можетъ это чувство иногда развиться при обыкновенной замѣнѣ крѣпости тюрьмою, когда придется такъ или иначе сталкиваться съ простымъ русскимъ человѣкомъ. Вспомните ту глубину христіанскаго смиренія, которую вынесъ изъ каторги Достоевскій! Протоіерей Горчаковъ въ теплыхъ словахъ изобразилъ намъ въ послѣднемъ засѣданіи, какъ подъ корой певѣжества и неразумія, приведшаго къ преступленію, теплится въ душѣ простого русскаго человѣка искра Божія, способная при благопріятныхъ условіяхъ разгорѣться въ очистительный душевный пожаръ. Къ значительному количеству тюремныхъ сидѣльцевъ примѣнимы слова Montesquieu: *le peuple est honnête dans ses goûts, sans l'être dans ses mœurs*. Сознаніе грѣха и чувства стыда предъ своимъ преступнымъ дѣяніемъ, почти совсѣмъ утраченные во многихъ изъ нашего полуобразованнаго общества, еще живутъ въ большинствѣ простыхъ русскихъ людей. Съ этой точки зрѣнія возможно ли отрицать строгое самосужденіе приговореннаго въ крѣпость по новому Уложенію (ст. 73) за богохуленіе съ цѣлью соблазна, когда въ уединеніи предъ нимъ изъ того или другого источника прозвучать великія Евангельскія слова; «аще кто изъ васъ соблазнитъ одного изъ малыхъ сихъ...», и «нельзя соблазну не придти въ міръ, по горе тому, черезъ кого онъ приходитъ». Посмотримъ затѣмъ на участіе въ смутѣ и на преступленія противъ порядка управленія, за которые предоставляется суду назначать альтернативно крѣпость или тюрьму и крѣпость или исправительный домъ. Такихъ случаевъ по новому Уложенію восемь и, рассматривая ихъ по сравненію съ тѣми, гдѣ назначается исключительно исправительный домъ и гдѣ слѣдовательно примѣняется условное освобожденіе, мы никакъ не придемъ къ пониманію, почему въ одномъ случаѣ оно допустимо, а въ другомъ недопустимо. Напримѣръ, статья 125 даетъ право заточить въ крѣпость виновнаго въ участіи въ сообществѣ, имѣющемъ цѣлью возбудить къ неповиновенію власти или закону, сѣять вражду между отдѣльными частями или классами населенія или между хозяевами и рабочими и т. д. А между тѣмъ перешедшій отъ такихъ цѣлей къ ихъ практическому осуществленію въ видѣ участія въ скопищѣ, учинившемъ общими силами насиліе надъ личностью, похищеніе или поврежденіе имущества, съ употребленіемъ оружія изъ религіозной, племенной или сословной вражды или изъ экономическихъ отношеній, согласно статьѣ 122 Уголовнаго Уложенія, можетъ быть условно освобожденъ. Почему, напримѣръ, виновный въ дерзкихъ словахъ о Монархѣ, однако безъ цѣли возбудить неуваженіе къ его Особѣ, т. е. виновный въ необдуманной и непослужительной болтовнѣ, въ которой вѣроятно не разъ раскается, сидя въ крѣпости (ст. 103), научившись управлять своими словами,—не можетъ быть условно освобожденъ при увѣренности тюремнаго начальства въ его дальнѣйшемъ добронормочномъ поведеніи, а виновный (ст. 499) въ лишеніи свободы и заключеніи, опасномъ для жизни и сопровождаемомъ мученіями кого либо изъ чиновъ караула, охраняющаго Священную Особу Монарха, можетъ воспользоваться условнымъ освобожденіемъ. Накопецъ,

позвольте обратить Ваше вниманіе на то, что по статьѣ 124 Уголовнаго Уложенія не можетъ воспользоваться условнымъ освобожденіемъ виновный въ сообществѣ, завѣдомо запрещенномъ въ установленномъ порядкѣ. По этой статьѣ состоялось въ послѣднее время много приговоровъ. Но вспомнимъ недавно пережитые нами тяжелые дни, когда и жизнь и законодательство находились въ лихорадочномъ состояніи, когда провозглашеніе «свободъ» не было связано, къ сожалѣнію, съ обнародованіемъ законовъ, опредѣляющихъ условія и способы осуществленія этихъ свободъ; когда въ заразительномъ угарѣ, вихрѣ, и туманѣ смуты взаимному гипнозу относительно дозволеннаго и недозволеннаго поддавались люди не только молодые, неопытные и воспріимчивые ко всякимъ вліяніямъ, но и люди болѣе зрѣлаго возраста, иногда тѣ, которыхъ въ одной изъ своихъ рѣчей Министръ Финансовъ называлъ людьми 20-го числа, и которые составляли, такъ сказать, подпору тому самому порядку, противъ котораго въ своемъ увлеченіи дѣйствовали. Но тревожное время красныхъ флаговъ проходитъ или прошло. Въ молодомъ поколѣніи проснулась жажда знанія. Оно, по наблюденіямъ представителей ученаго сословія, горячо относится къ университетскимъ занятіямъ. Среди посаженныхъ въ тюрьмы вмѣсто крѣпости, по статьѣ 124, несомнѣнно могутъ быть юноши, у которыхъ вдали отъ постороннихъ внушеній и въ принудительномъ лишеніи свободы, не можетъ не явиться сознаніе, что для строительства лучшаго будущаго необходимъ трудъ надъ матеріаломъ знанія, а не шумъ и красныя знамена, развязное и огульное отрицаніе вчерашняго дня и отсутствіе яснаго представленія о завтрашнемъ днѣ. А если къ этому сознанію присоединяется, быть можетъ, мысль, что есть страдающіе мать и отецъ, что есть близкіе, которыхъ надо поддерживать и помогать имъ трудомъ, то должно явиться жадное желаніе наверстать потерянное для ученія время и для этого подчиниться государственному порядку. А, между тѣмъ, напримѣръ, лжесвидѣтелямъ всѣхъ видовъ,—похитителямъ дѣтей для нищенства или безнравственныхъ цѣлей,—ворующимъ во время общественныхъ бѣдствій,—членамъ шайки, орудующей ночью съ оружіемъ въ рукахъ для кражи,—растлителямъ маленькихъ дѣтей, или сводникамъ жены и родной дочери дается возможность условнаго освобожденія! Я не вижу въ этомъ ни справедливости, ни послѣдовательности, такъ же, какъ не вижу этого и въ отнятіи условнаго освобожденія отъ людей, осужденныхъ, по дѣйствующему Уложенію о Наказаніяхъ, за разные виды превышенія власти, какъ будто человѣкъ, иногда весьма молодой, вродѣ, напримѣръ, нѣкоторыхъ изъ подлежащихъ суду земскихъ начальниковъ, облеченный неожиданною и непривычною властью, не можетъ отрезвѣть отъ вѣпа власти, бросившагося ему въ голову, и искренно пожелать дальнѣйшимъ поведеніемъ доказать, что служебное положеніе связано со строгими обязанностями и выдержкой по отношенію къ себѣ и къ окружающимъ. Это противорѣчило бы пункту 10 Высочайше утвержденнаго мнѣнія Государственнаго Совѣта о введеніи въ дѣйствіе Уголовнаго Уложенія, по которому лицъ, приговоренныхъ къ крѣпости, разрѣшается принимать на государственную службу, а приговоренныхъ къ исправительному дому не разрѣшается, что знаменуетъ собою признаніе государственною властью возможности такого исправленія человѣка, сидѣвшаго въ крѣпости за преступленія противъ государственнаго порядка, что его можно призвать на службу этому же самому порядку. Въ заключеніе, я долженъ замѣтить, что мнѣ укажутъ на преступленія, караемыя ссылкой на поселеніе, по которымъ согласно статьи 53 Уголовнаго Уложенія существуетъ пере-

ходъ къ заточенію въ крѣпости. Что же изъ этого? Заточеніе можетъ быть назначено до 6 лѣтъ и, конечно, въ важныхъ случаяхъ, караемыхъ поселеніемъ, и назначается. Ужели, однако, и въ этихъ случаяхъ 4½ года заключенія при удостовѣренной начальствомъ тюрьмы и признапой судомъ готовности заключеннаго вести «добропорядочный образъ жизни» не должны давать возможности примѣнить условное освобожденіе? И вотъ, мнѣ кажется, что, отвергая распространеніе такого условнаго освобожденія на заключеніе въ крѣпости, на практикѣ замѣняемое тюрьмою, мы будемъ держаться вышшняго признака и ставить разрѣшеніе такого вопроса въ зависимость не отъ дѣянія, а отъ зданія, считая, что исправленіе возможно только въ предѣлахъ острога съ традиціонными башнями, а не за крѣпостной оградой, которая въ дѣйствительности въ огромномъ большинствѣ случаевъ осужденнаго и не окружаетъ. Не будетъ ли это обращеніемъ *custodia honesta* въ *privilegium odiosum*? Господа! Знаменитый историкъ и государственный мужъ Франціи Тьеръ говорилъ, что наибольшей ошибкой въ управленіи является непослѣдовательность. Мы бывали свидѣтелями такой непослѣдовательности въ мѣропріятіяхъ и видѣли ея горькіе плоды. Но непослѣдовательность въ дѣйствіяхъ исполнительной власти менѣе вредна, чѣмъ въ дѣйствіяхъ власти законодательной. Первая, очутившись между двумя взаимно противоположными рѣшеніями, можетъ безотлагательно найти равнодѣйствующую. Но вторая «ходитъ осторожно и подозрительно глядитъ» и не можетъ быть склонна къ послѣднимъ перемѣнамъ своего строительства. Вотъ почему было бы желательно, чтобы Государственный Совѣтъ, устанавливая понятіе объ условномъ досрочномъ освобожденіи, былъ послѣдователенъ, и, признавъ извѣстный принципъ, проводилъ его до конца, не смущаемый временными, переходящими соображеніями.

Ковалевскій. Ваше высокопревосходительство и г.г. члены Государственнаго Совѣта. Г. Министръ Юстиціи сказалъ намъ въ прошломъ засѣданіи: мы возражаемъ не противъ включенія тѣхъ или другихъ видовъ преступниковъ въ число условно освобождаемыхъ; мы считаемъ не примиримымъ условное освобожденіе съ самымъ характеромъ того наказанія, какое представляетъ собою крѣпость. А еще ранѣе въ Коммисіи законодательныхъ предположеній его Товарищъ проводилъ взгляды Министерства и напомнилъ намъ, что крѣпость есть почетный видъ лишенія свободы—*custodia honesta*, который ждетъ честныхъ, но неисправимыхъ фанатиковъ. Разборъ нашего законодательства съ точки зрѣнія на крѣпость, какъ на *custodia honesta* сдѣланъ былъ и въ Коммисіи, и теперь въ Общемъ Собраніи Государственнаго Совѣта тѣмъ знаменитымъ криминалистомъ, которому поручено было составленіе проекта новаго Уголовнаго Уложенія. Онъ былъ сдѣланъ также тѣмъ представителемъ наиболѣе блестящей эпохи нашихъ судебныхъ учрежденій, дѣятельность котораго одно время поддерживала въ русскомъ обществѣ увѣренность, что прокурорскій надзоръ стоитъ на стражѣ общественной совѣсти. Какъ мнѣ кажется, соображенія, ими представленныя, не оставили ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что у насъ этой *custodia honesta*, этого почетнаго состоянія подъ стражей въ дѣйствительности не существуетъ. Заточеніе въ крѣпости отбывается въ тюрьмѣ, а самая крѣпость служитъ замѣной ссылки на поселеніе. И вотъ, возникаетъ вопросъ: если заключенный въ тюрьму допускается къ досрочному условному освобожденію, то неужели же лицо, приговоренное къ крѣпости, но отбывающее свое наказаніе въ тюрьмѣ, не можетъ быть допущено къ досрочному условному освобожденію? Если Вы отвѣтите, что не можетъ, то

въ вашемъ утвержденіи будетъ больше рѣшимости, чѣмъ логики. Перестанемъ по-этому замаскировать юридическою догматикою нежеланіе власти распространить на преступленія противъ вѣры и общественнаго порядка тѣ самыя льготы, какія она не прочь дать лицамъ, повиннымъ въ преступленіи противъ имуществъ. Я слышалъ очень странную теорію, что такъ называемыя политическія преступленія суть преступленія, состоящія въ мнѣніяхъ. Съ тѣхъ поръ, какъ 17 лѣтъ отъ роду и впервые былъ призванъ къ ознакомленію съ нѣпростѣйшими юридическими понятіями изъ лекцій по энциклопедіи законовѣдѣнія и до послѣдняго засѣданія въ Комисіи законодательныхъ предположеній, мнѣ никогда не приходилось слышать, что преступленіе могло состоять въ тѣхъ или другихъ мнѣніяхъ. Азбучное понятіе гласитъ, что въ преступленіи должна быть встрѣча злого умысла и матеріальнаго вреда. Дикари иногда карали и караютъ за причиненіе матеріальнаго вреда безъ умысла, но они не повинны въ томъ, чтобы преслѣдовать людей только за то, что они смотрятъ на тѣ или другіе вопросы иначе чѣмъ начальство. Изъ всѣхъ сторонниковъ неограниченной, всепозволяющей себѣ власти, едва ли кто ставилъ болѣе тѣсныя границы личной свободѣ, чѣмъ англичанинъ Гоббсъ, но и онъ признавалъ автономію внутренняго человѣка, его право мыслить свободно. Этого права нельзя отнять уже потому, что отказаться отъ него не въ нашей власти. Мы не можемъ отогнать отъ себя докучливыхъ сомнѣній. «Мальчики кровавые въ глазахъ», какъ угроза совѣсти, вставали и встаютъ и передъ Годуновыми всѣхъ временъ.... Годуновы не сразу доходятъ до олимпійскаго цинизма. Подъ черепомъ, употребляя картинное выраженіе Виктора Гюго, происходитъ не одно сраженіе, прежде чѣмъ возникнетъ въ человѣкѣ увѣренность, что мнѣніе, служащее его интересамъ, есть всегда право мнѣніе. И вотъ, господа, съ этой точки зрѣнія, я не вижу, почему молодой человѣкъ, ставящій благо свободы выше собственнаго благополучія и въ этомъ служеніи выстему идеалу переходящій нѣрѣдко рубежъ дозволеннаго, не можетъ, подъ вліяніемъ продолжительныхъ размышленій, сидя въ тюрьмѣ, замѣляющей ему почетную крѣпость, внутренне раскаяться. Не покидая того идеала, который служилъ ему въ жизни путеводною звѣздою, онъ, разумѣется, можетъ скорбѣть о томъ, что въ преслѣдованіи этого идеала онъ вышелъ за предѣлы закона. Я увѣренъ, что такой человѣкъ самъ осудитъ свой поступокъ и не разъ пожалѣетъ о томъ, что далъ увлечь себя, хотя бы однимъ изъ тѣхъ тайныхъ служителей законности, которымъ, въ интересахъ ея конечнаго упрощенія, поручено вызывать молодыхъ людей на совершеніе беззаконій. Вы видите, такимъ образомъ, господа, что преступники противъ существующаго общественнаго порядка могутъ, не грѣша противъ своихъ убѣжденій, переживать то психическое настроеніе, которое ведетъ къ раскавленію и укрѣпляетъ въ нихъ готовность по нарушать впредъ закона. А вѣдь обновленный правовой строй нуждается именно въ такихъ людяхъ; нужны ему тѣ, кто, не сжигая всего, чему поклонялись, въ то же время настолько овладѣли собой, что готовы отнынѣ къ преслѣдованію высшаго идеала служенія отечеству не нарушать болѣе закона. Итакъ, господа, я не вижу причины, по которой общественному порядку въ болѣе степеніи грозилъ бы человѣкъ, позволившій себѣ тотъ или другой эксцессъ словомъ или перомъ, отбывшій за то уже болѣшую часть своего наказанія и выпущенный затѣмъ условно на свободу, чѣмъ пропущенный черезъ тѣ же испытанія воръ или мошенникъ. Чтобы высказаться на этотъ счетъ въ обратномъ смыслѣ, требуется, опять таки, болѣе рѣшимости, чѣмъ логики.

Министръ Юстиціи. Ваше Высокопревосходительство и г.г. члены Государственного Совѣта. Выслушанныя соображенія трехъ г.г. членовъ Государственного Совѣта, высказывавшихся въ смыслъ включенія въ число наказаній, допускающихъ условное досрочное освобожденіе, крѣпость, побуждаютъ меня, всецѣло, присоединиться къ тому, что было сказано двумя изъ нихъ: право и справедливость должны опредѣлять собою предѣлы примѣненія условнаго досрочнаго освобожденія. Уже, конечно, въ глубокой степени правъ былъ Тьеръ, когда онъ указывалъ на необходимость строгой послѣдовательности для законодательства. Что касается третьяго изъ говорившихъ члена Государственного Совѣта М. М. Ковалевскаго, то я никоимъ образомъ сказаннаго имъ принять не могу и считаю, что всѣ соображенія, которыя имъ были приведены, совершенно не относились ни къ области послѣдовательности въ законодательствѣ, ни къ тѣмъ соображеніямъ о правѣ и юридическимъ соображеніямъ, которыми мы должны исключительно руководствоваться. Но въ вопросѣ о крѣпости, какъ наказанія, которое могло бы допустить условное досрочное освобожденіе, незамѣтно даже для говорившихъ, которые были бы и сторонниками послѣдовательности въ законодательствѣ и сторонниками строго правового обоснованія вопроса, незамѣтно, можетъ быть, для нихъ самихъ, допускался переходъ къ той области, которая именно и противорѣчитъ какъ послѣдовательности въ законодательствѣ, такъ и строго правовой точкѣ зрѣнія, то, что такъ нежелательно при обсужденіи юридическаго института,—политическій уголъ зрѣнія на тотъ или другой вопросъ, незамѣтно присоединился къ филигранной работѣ, касавшейся отдѣльных статей Уголовнаго Уложенія, причемъ приведены были такого рода сужденія, которыя къ юридической оцѣнкѣ института никакого отношенія имѣть не могутъ. Не въ отрицаніи прощлаго, говорилось, создается будущее, не въ томъ, чтобы мелкихъ сошекъ подвергать особой строгости закона, можетъ быть достигнута справедливость. Это все соображенія, которыя къ институту условнаго досрочнаго освобожденія примѣненія имѣть не могутъ, и тотъ незамѣтный переходъ, который былъ сдѣланъ отъ строго правовой оцѣнки къ оцѣнкѣ чисто политической, привелъ къ тому, что мы въ настоящемъ засѣданіи получили подтвержденіе словъ, которыя, я очень хорошо помню, принадлежатъ извѣстному профессору Чичерину. Слова эти гласятъ слѣдующее: «Человѣкъ неизбѣжно впадаетъ въ противорѣчіе самъ съ собою, когда онъ хочетъ послѣдовательно привести одностороннія начала». Въ самомъ дѣлѣ, первый изъ говорившихъ здѣсь въ защиту крѣпости для примѣненія досрочнаго условнаго освобожденія членъ Государственного Совѣта Н. С. Таганцевъ разбивается блестящимъ образомъ въ своихъ доводахъ соображеніями члена бывшей Редакціонной Коммисіи по составленію Уголовнаго Уложенія Н. С. Таганцева. Авторъ новаго Уголовнаго Уложенія, въ значительныхъ его частяхъ, посвятилъ въ объясненіяхъ къ Уголовному Уложенію вопросу о досрочномъ условномъ освобожденіи сужденія, которыми я буду пользоваться для того, чтобы, въ настоящее время опровергать то, что, на мой взглядъ, занесено сюда не юридическими соображеніями, а соображеніями исключительно политическими. Исторія досрочнаго условнаго освобожденія въ нашемъ законодательствѣ такова. Эта мѣра была предложена Редакціонною Коммисіею въ первой редакціи проекта Уголовнаго Уложенія; затѣмъ, уже въ позднѣйшей редакціи эта мѣра воспроизведена не была, и въ новое Уголовное Уложеніе попало одно только безусловное досрочное освобожденіе. Предо мною первая редакція объясненій къ проекту Уго-

ловнаго Уложенія. Изъ этой редакціи проекта Уголовнаго Уложенія видно, что всѣ тѣ соображенія, которыя въ настоящее время побуждаютъ члена Государственнаго Совѣта Н. С. Таганцева быть сторонникомъ досрочнаго условнаго освобожденія для крѣпости въ то время, когда составлялось Уголовное Уложеніе, а это было въ 1882 г. (къ этому времени относится первая редакція проекта), привели къ совершенно противоположному выводу: на заключенныхъ въ крѣпость распространять условное досрочное освобожденіе не слѣдуетъ. Въ настоящее же время оказывается, что крѣпость стоитъ въ лѣстницѣ наказаній и тѣмъ не менѣе черезъ крѣпость, какъ выразился членъ Государственнаго Совѣта Н. С. Таганцевъ, въ отношеніи примѣненія условнаго досрочнаго освобожденія будетъ сдѣланъ «прыжокъ». Я пользуюсь собственнымъ выраженіемъ говорившаго, но вѣдь упускается изъ вида то, что прыжокъ дѣлается черезъ крѣпость и при смягченіи наказанія. Черезъ крѣпость отъ исправительнаго дома прыгаютъ къ тюрьмѣ, но не переходятъ къ крѣпости. Равнымъ образомъ, отъ ссылки на поселеніе переходятъ при смягченіи наказанія, минуя исправительный домъ.—Обстоятельства эти не случайны. Прыжокъ, который, какъ говоритъ членъ Государственнаго Совѣта Н. С. Таганцевъ, предлагаетъ законопроектъ, есть прыжокъ необходимый, прыжокъ, соотвѣтствующій духу тѣхъ прыжковъ, которые установлены въ порядкѣ смягченія отвѣтственности. При составленіи первой редакціи Уголовнаго Уложенія было принято во вниманіе, что заточеніе, т. е. теперешняя крѣпость, есть *custodia honesta*, что оно не задается исправительными задачами, такъ какъ этотъ видъ заключенія примѣняется къ тѣмъ лицамъ, которыя не по какимъ бы то ни было безнравственнымъ побужденіямъ совершили преступленія, а обнаружили лишь неумѣніе подчинять порывъ своихъ желаній требованію закона. При этомъ долгосрочность, которая нынѣ отмѣчается въ крѣпости,—она можетъ быть доведена до 6 лѣтъ—въ первой редакціи проекта Уголовнаго Уложенія ставилась еще рѣзче: заключеніе въ крѣпости предполагалось до 10 лѣтъ. Несмотря, однако, на то, что крѣпость въ первоначальной своей постановкѣ намѣчена была даже на срокъ, превышающій исправительный домъ (6 лѣтъ), тѣмъ не менѣе въ виду самого существа крѣпости, какъ наказанія, совершенно устранявшаго всякую мысль о достиженіи исправительныхъ задачъ, въ первой редакціи Уголовнаго Уложенія совершенно отвергалась возможность на заключеніе въ крѣпости распространить условное досрочное освобожденіе. Да и въ самомъ дѣлѣ, какъ исправлять тѣхъ, которыхъ подвергаютъ наказанію только для того, чтобы ихъ успокоить или, какъ выразился одинъ криминалистъ, для того, чтобы охладить въ нихъ чрезмѣрную порывистость въ неподчиненіи закону. Въ настоящее же время оказывается, что обнаруживаются такіа обстоятельства, при которыхъ нужно отъ этого положенія отступитъ. Я бы понималъ еще защищающихъ условное досрочное освобожденіе для крѣпости, если бы они предлагали безусловное досрочное освобожденіе. Но я рѣшительно отказываюсь понимать, какимъ образомъ можно освобождать условно изъ крѣпости, слѣдить за освобожденными, не входятъ ли они въ общеніе съ порочными людьми, не обнаруживаютъ ли они тунеядства, и, въ случаѣ, если они окажутся неодобрительнаго поведенія, вновь водворять ихъ въ крѣпость. Повторяю, я совершенно отказываюсь понимать предлагаемое положеніе: разъ заключеніе въ крѣпость совершенно не задается цѣлью улучшать нравственное состояніе того, кто этому наказанію подвергается, то отсюда вытекаетъ, что наступающая послѣ примѣненія досрочнаго освобожденія необ-

ходимость наблюденія, необходимость облегченія тому, кто выходитъ изъ тюрьмы, приспособиться къ обществу—это все для заключеннаго въ крѣпость совершенно отпадаетъ. Создается при этомъ совершенно непріемлемое положеніе; въ случаѣ дурнаго поведенія, возбуждающаго неудовольствіе окружающихъ, придется этого человѣка, только что вышедшаго изъ крѣпости и начавшаго обпаруживать порочность поведенія, посадить опять не въ такое мѣсто заключенія, гдѣ нужно его отъ этихъ порочныхъ наклонностей отучать, но въ крѣпость, т. е. подвергнуть наказанію, не преслѣдующему исправительныхъ цѣлей. Мы видимъ, такимъ образомъ, къ какимъ противорѣчіямъ принципіальнымъ приводитъ возможность примѣненія условнаго досрочнаго освобожденія къ крѣпости. Какъ я уже сказалъ, я понималъ бы защитниковъ этой формы облегченія уголовной кары, ибо съ точки зрѣнія облегченія наказуемости собственно и идетъ рѣчь о примѣненіи условнаго досрочнаго освобожденія къ крѣпости, если бы было предложено безусловное досрочное освобожденіе. Но составители Уголовнаго Уложенія не признавали возможнымъ и безусловное досрочное освобожденіе, принятое ими для исправительнаго дома, распространить на заключенныхъ въ крѣпости. Въ настоящее время, для подтвержденія мысли о примѣненіи условнаго досрочнаго освобожденія къ крѣпости, сдѣланы между прочимъ экскурсіи по всему новому Уголовному Уложенію. Указывалось здѣсь, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ мы можемъ встрѣтить въ отбывающемъ наказаніе въ крѣпости лицо, которое, передумавши, раскаявшись въ совершенномъ, вторично не совершить новаго нарушенія закона. Однако, тѣ или другія несоотвѣтствія въ отдѣльныхъ статьяхъ Уголовнаго Уложенія могли бы только служить основаніемъ для тѣхъ, которые такъ тщательно это Уложеніе изучили и обнаружили въ его статьяхъ несоотвѣтствія, внести законодательное предположеніе объ измѣненіи наказуемости за отдѣльныя преступныя дѣянія. Изъ несоотвѣтствія же въ нѣкоторыхъ статьяхъ Уложенія вовсе не вытекаетъ допустимость условнаго досрочнаго освобожденія въ случаѣ присужденія къ заключенію въ крѣпости. Говорилось, между прочимъ, о томъ, что революціонное время прошло, наступило успокоеніе, и что даже такой институтъ, какъ давность, проникнутъ всецѣло преклоненіемъ передъ всепоглащающимъ значеніемъ, какое имѣетъ время. Я долженъ сказать по этому поводу, что если въ уголовномъ законѣ допускается исключеніе изъ этой давности въ новомъ Уголовномъ Уложеніи, то именно въ случаѣ наиболѣе тяжкаго политическаго преступленія, предусмотрѣннаго статьею 99 этого Уложенія. Слѣдовательно, не такъ уже, повидимому, убѣдительно ссылка на всепоглащающую силу времени въ области политическихъ преступленій, о которыхъ и говорилось больше всего, причемъ вмѣстѣ съ тѣмъ признавалось совершенно правильнымъ мое указаніе на то, что по отношенію къ институту условнаго досрочнаго освобожденія слѣдуетъ исходить не изъ дѣленія преступниковъ на политическихъ и не политическихъ, а изъ существа примѣняемаго наказанія. Вообще вопросъ о политическихъ преступленіяхъ есть вопросъ донельзя опасный, вопросъ, который представляетъ собою нѣчто подобное пахлонной плоскости. Въ одной изъ своихъ рѣчей Бисмаркъ говорилъ, между прочимъ, это было много лѣтъ тому назадъ, что нѣтъ другого понятія, которымъ въ такой степени злоупотребляли, какъ понятіемъ «политическое преступленіе». Подъ этимъ названіемъ разумѣютъ совсѣмъ не то, о чемъ писали когда то криминалисты, считавшіе политическимъ преступленіе идейное,—идея сама по себѣ не можетъ быть про-

ступленіемъ, лишь извѣстнаго рода дѣйствию можетъ содержать въ себѣ какое либо преступное посягательство. Теперь же область политическаго преступленія охватила чуть ли не всѣ главы уголовного кодекса. Чего только не совершаютъ изъ политическихъ цѣлей, какихъ только преступленій ни учиняютъ изъ желанія называться политическимъ преступникомъ? Бисмаркъ цитировалъ, напримѣръ, поддѣлку русскихъ фальшивыхъ денежныхъ знаковъ какъ политическое преступленіе, ибо она совершалась въ видахъ достиженія политическихъ цѣлей. Въ переживаемое время на этой почвѣ возникло даже особое слово—чисто юридическое, но не уголовное, а именно слово, скрывающее въ себѣ преступленіе—«экспропріація», а недавно это слово обнаружило даже попытку превратиться въ другое, въ слово «анексія». И вотъ, подъ такими наименованіями политическіе преступники желаютъ отдѣлаться отъ терминовъ разбой, грабежи, упуская изъ виду, что какъ ни переименовывать ихъ преступныя дѣянія, они, эти дѣянія, въ своей основѣ остаются разбоями и грабежами. Убіиства въ Россіи почитаются преступленіями, которыя могутъ быть политическими, могутъ быть и неполитическими, тогда какъ всякія убійства всегда будутъ убійствами; при такой неопредѣленности понятій, разсужденія относительно политическихъ преступленій для примѣненія къ нимъ досрочнаго условнаго освобожденія представляются, по моему мнѣнію, разсужденіями по меньшей мѣрѣ рискованными. Мы живемъ въ такое время, когда мы даже тѣсныхъ предѣловъ для понятія политическаго преступленія указать не можемъ. Если, далѣе, вдуматься въ сужденія тѣхъ, которые такъ настаиваютъ на примѣненіи условнаго досрочнаго освобожденія къ крѣпости, то мы встрѣтимся съ отраженіемъ того, что съ гораздо большею рѣзкостью и достаточною откровенностью было заявлено въ Государственной Думѣ 7 марта прошлаго года представителемъ социаль-демократической группы членомъ Государственной Думы Гегечкори. Последнимъ была весьма категорически заявлена мысль, что необходимо «самоотверженныхъ героевъ и борцовъ за свободу» поскорѣе освободить отъ какого бы то ни было наказанія. Нельзя отказать такой постановкѣ вопроса въ чрезвычайной ясности. Въ настоящее время обнаружившіяся стремленія доказать примѣнимость въ дѣйствительности совершенно непримѣнимаго къ крѣпости условнаго досрочнаго освобожденія покоится въ существѣ на одномъ только желаніи облегченія участи тѣхъ, которые приговариваются къ этому наказанію. Вотъ эта точка зрѣнія и есть то одностороннее начало, которое, по словамъ Чичерина, приводитъ къ противорѣчію съ самимъ собою. Условное досрочное освобожденіе не есть мѣра облегченія отвѣтственности. Это нужно твердо помнить, а потому и не слѣдуетъ подходить для достиженія этой цѣли къ институту, который для этого вовсе не созданъ. Для смягченія отвѣтственности, юриспруденція знаетъ цѣлый рядъ другихъ аппаратовъ, при помощи которыхъ и достигается смягченіе отвѣтственности. Условное досрочное освобожденіе есть институтъ, обезпечивающій исправленіе заключенныхъ и облегчающій имъ возможность возвращенія въ общество, которое ограждается отъ совершенія ими новыхъ преступныхъ дѣяній. Но вотъ, указанная отправная точка зрѣнія о смягченіи отвѣтственности, примѣняемая къ институту условнаго досрочнаго освобожденія, создала то, что въ настоящее время для тѣхъ лицъ или по крайней мѣрѣ для одного изъ нихъ, которыя составляли объясненія къ первой редакціи проекта Уголовнаго Уложенія и совершенно ясно себѣ представляли невозможность примѣненія условнаго досрочнаго освобожденія къ крѣпости, оказалось въ

настоящее время совершенно очевиднымъ обратное, т. е. полная возможность сочетать условное досрочное освобожденіе съ заключеніемъ въ крѣпости. Закончу мои объясненія двумя словами. Много здѣсь говорилось о томъ, что заключеніе въ крѣпости отбывается въ тюрьмахъ. Это совершенно вѣрно, но отбытіе въ тюрьмахъ заключенія въ крѣпости существеннѣйшимъ образомъ отличается отъ обычнаго тюремнаго режима. Для тѣхъ, которые приговорены къ крѣпости и помѣщаются въ тюрьмахъ, во первыхъ, стводятся отдѣльныя помѣщенія, во вторыхъ, на нихъ не распространяется обязательность работъ; въ третьихъ, имъ даются всевозможныя льготы, какія только допустимы въ стѣнахъ тюрьмы, льготы, по свиданіямъ, по пользованію выходящими книгами и журналами, въ частности, желающимъ предоставляется, между прочимъ, возможность заниматься умственнымъ трудомъ и т. д. Словомъ, вся обстановка содержанія существеннымъ образомъ отличается отъ того содержанія, которому подвергаются лица, отбывающія тюрьму какъ наказаніе. Несомнѣнно, такая постановка крѣпости не можетъ почитаться вполнѣ соответствующей идеѣ этого наказанія. Вынужденные къ такой постановкѣ крѣпости необходимостью, мы остаемся при томъ убѣжденіи, что разъ тюремный режимъ въ полномъ объемѣ не примѣняется къ лицамъ, отбывающимъ въ тюрьмѣ заключеніе въ крѣпости, то по отношенію къ этимъ лицамъ не имѣется основаній примѣнить условное досрочное освобожденіе, которое, само по себѣ, по существу, къ крѣпости не примѣнимо. Вопросъ о допустимости сочетанія крѣпости и условнаго досрочнаго освобожденія есть вопросъ, который въ наукѣ представляется спорнымъ, но послѣдній изъ изслѣдователей условнаго досрочнаго освобожденія, именно, Миттермайеръ съ совершенною опредѣленностью указываетъ на то, что такъ какъ заключеніе въ крѣпости не преслѣдуетъ исправительныхъ цѣлей, то къ заключенію въ крѣпости нельзя приурочить и условнаго досрочнаго освобожденія. Законодательство, говорилъ Тьеръ, должно быть послѣдовательно. Современное наказаніе, скажемъ мы, преслѣдуетъ одну изъ трехъ цѣлей: или цѣль устрашенія, или цѣль исправленія, или цѣль обезвреженія. Только для такихъ наказаній, которыя созданы ради цѣли исправленія, и можетъ быть примѣняемо условное досрочное освобожденіе. Крѣпость принадлежитъ къ числу наказаній, которыя примѣняются только ради цѣли устрашенія. Къ наказаніямъ же, обслуживающимъ эту цѣль, условное досрочное освобожденіе примѣнено быть не можетъ.

Таганцевъ. Гг. члены Государственнаго Совѣта. Когда вы приступите къ обсужденію той поправки, которая была предложена мною и нѣкоторыми другими членами Государственнаго Совѣта, я бы просилъ васъ объ одномъ: вспомнить то, чѣмъ я кончилъ, вспомнить мои слова: что при рѣшеніи даннаго вопроса нужно руководствоваться не соображеніями политики, а соображеніями права и справедливости. Г. Министръ Юстиціи избралъ совершенно другой путь въ своихъ возраженіяхъ, и притомъ если можно такъ выразиться, — путь личныхъ возраженій. На это я могу сказать слѣдующее. Министромъ сдѣлано было сравненіе противорѣчивыхъ мнѣній двухъ лицъ, посящихъ, какъ выразился онъ, одну и ту же фамилію: «Таганцевъ» тотъ, который былъ членомъ Редакціонной Коммисіи, составлявшей уголовное уложеніе, и тотъ, который защищалъ предъ вами въ настоящій день мысль о томъ, что необходимо на крѣпость распространить условное досрочное освобожденіе. Я полагаю и надѣюсь, что вы признаете, что мнѣніе отдѣльнаго лица, говорившаго о чемъ либо тому почти

назадъ 27 лѣтъ, не можетъ служить основаніемъ для вашего рѣшенія. То, что говорилось тогда и на что ссылался теперь Министръ Юстиціи, это уже принадлежитъ исторіи. Но я могу сказать и въ этомъ отношеніи одно только: будучи довольно близко знакомъ съ тѣмъ самымъ лицомъ, которое участвовало въ составленіи уголовного уложенія въ 1881 г. и писало къ нему объяснительную записку, я утверждаю, что вѣдь кроме того, что вылилось въ окончательной редакціи, которая была редакціей не одного лица, а Редакціонной Коммисіи, существовали еще мнѣнія отдѣльныхъ лицъ, составлявшихъ эту Коммисію. По отношенію къ этимъ мнѣніямъ, конечно, юридическія доказательства нельзя получить изъ текста статьи, и доказательства можно черпать только изъ области мемуаровъ. Но позволю себѣ надѣяться, что, можетъ быть, къ живому мемуару, который стоитъ передъ вами, Вы отнесетесь съ нѣкоторымъ довѣріемъ; онъ можетъ засвидѣтельствовать, что именно въ то время, уже въ 1881 г., то, что Министръ Юстиціи, по его мнѣнію, желалъ бы, чтобы я въ настоящій моментъ вамъ предложилъ, было сдѣлано; ему хорошо извѣстно, что по отношенію къ условному досрочному освобожденію, именно къ условному, я лично былъ тогда противникомъ введенія его въ Россійской Имперіи. По этому поводу, тотъ компромиссъ, который совершился тогда, явился именно компромиссомъ въ Коммисіи; но я тогда говорилъ и теперь говорю, что по отношенію той группы лицъ, о которой идетъ рѣчь, можетъ быть освобожденіе, безусловное досрочное освобожденіе было бы гораздо правильнѣе, чѣмъ условное, но мы теперь разбираемъ не институтъ безусловнаго освобожденія. Если бы Министръ Юстиціи предложилъ институтъ безусловнаго досрочнаго освобожденія по отношенію къ заключеннымъ въ крѣпость, то тогда, можетъ быть, это ослабило бы многіе доводы по отношенію къ нераспространенію на нихъ условнаго досрочнаго освобожденія. Но разъ этого нѣтъ, то въ силѣ остаются мои соображенія, высказанныя сегодня. Я удивляюсь второму возраженію, которое привелъ Министръ Юстиціи въ своемъ отвѣтѣ, именно ссылокъ на тѣ, такъ сказать, бурныя пренія, которыя были по этому предмету въ Государственной Думѣ. Министръ Юстиціи позволилъ себѣ тѣ самыя мысли, которыя высказывались тамъ нѣкоторыми членами Думы социалъ-демократической партіи, приписать и тѣмъ членамъ Государственнаго Совѣта, которые нынѣ выступали передъ вами въ защиту распространенія условнаго досрочнаго освобожденія на политическихъ преступниковъ. Я надѣюсь, что этого вы и не подумаете. Я говорю, какъ юристъ, съ точки зрѣнія правды и справедливости, на основаніи тѣхъ доводовъ, которые я подробно развивалъ предъ вами и которые были поддержаны и другими членами Государственнаго Совѣта. Но говорить, что мы при этомъ думали о какомъ-то восхваленіи тѣхъ преступленій политическихъ, которыя были за послѣднее время, что наше сокровенное желаніе—поскорѣе этихъ борцовъ выпустить на свободу—это такія предположенія, на которыя возражать не приходится и на которыхъ вы, нисколько не сомнѣваясь, и не остановитесь при рѣшеніи этого вопроса. Третье мое замѣчаніе относится къ той ссылкѣ, которую Министръ Юстиціи сдѣлалъ и въ Коммисіи, и нынѣ, на послѣдняго изслѣдователя по этому вопросу, внука знаменитаго профессора Миттермайера молодого профессора Миттермайера, который написалъ въ сравнительномъ обзорѣннн уголовныхъ законодательствъ специальную статью «объ условномъ досрочномъ освобожденіи». Совершенно справедливо, что онъ не допускаетъ, или, по крайней мѣрѣ, не считаетъ возможнымъ распространить условное досрочное освобожденіе на политическихъ преступниковъ, на то наказаніе, которое въ герман-

скомъ кодексѣ нѣмцы называютъ «Festung»—крѣпость, но если цитировать какого либо автора, особенно близко познакомившись съ нимъ, то надо, для того, чтобы правильно было впечатлѣніе, знакомить со всѣми его воззрѣніями, во всей полнотѣ. Министръ Юстиціи не будетъ отрицать, что тотъ же самый Миттермайеръ вмѣстѣ съ тѣмъ въ той же самой статьѣ говоритъ, что, само собою разумѣется, по отношенію къ заключеннымъ въ крѣпости необходимо примѣнять досрочное безусловное освобожденіе или какія либо подобныя этому мѣры. Не могу также не замѣтить, что ссылка на Миттермайера, мнѣніе котораго Министръ Юстиціи приводилъ въ защиту условнаго досрочнаго освобожденія—ссылка крайне опасная, потому что руководящее начало, изъ котораго выходилъ профессоръ Миттермайеръ въ своей статьѣ, слѣдующее: что только въ тѣхъ странахъ, въ тѣхъ государствахъ, въ которыхъ тюремное дѣло поставлено рационально, въ которыхъ всѣ приемы тюремной дисциплины, приемы обученія, приемы работъ находятся въ соотвѣтствіи тѣмъ принципамъ, на которыхъ строится пенитенціарная система, можно говорить о введеніи условнаго досрочнаго освобожденія. Тамъ же гдѣ, наоборотъ, тюрьма только развиваетъ дурныя инстинкты, гдѣ тюремный режимъ основанъ только на строгости и подавленіи всякихъ человѣческихъ побужденій и только вліяетъ съ одной стороны на заключеннаго, тамъ условное освобожденіе досрочное не должно имѣть мѣста.

Предсѣдатель. Къ статьѣ 1, содержаніе которой извѣстно, за подписью 14 лицъ, предложена поправка, отпечатанная и разосланная всѣмъ Членамъ Государственнаго Совѣта. Поправка предлагаетъ въ статью 1 внести два слова, именно послѣ словъ «въ тюрьмѣ» поставить слова «въ крѣпости». Ставлю на голосованіе вопросъ, подлежитъ ли эта поправка принятію? Большинствомъ поправка отвергнута. Переходимъ къ дальнѣйшему постановленію разсмотрѣнію проекта объ условномъ досрочномъ освобожденіи. По статьѣ 1 отдѣла I предложенная 14 лицами поправка отклонена. Ставлю на голосованіе вопросъ, подлежитъ ли принятію статья 1 въ редакціи, предложенной Коммисіею законодательныхъ предположеній? Статья 1 принята. Статья 2. Коммисія законодательныхъ предположеній полагаетъ статью 2 законопроекта, одобреннаго Думою, оставить безъ измѣненія. По содержанію этой статьи 2 никому не угодно высказать сужденій? Ставлю на голосованіе вопросъ, подлежитъ ли принятію статья 2 отдѣла I? Статья 2 принята. Переходимъ къ разсмотрѣнію статьи 3. При этомъ позволю себѣ объяснить Общему Собранію, лучше сказать, напомнить Общему Собранію, что такъ какъ по этому отдѣлу мы имѣемъ значительное число поправокъ, то прошу авторовъ этихъ поправокъ вспомнить содержаніе статьи 102 Наказа, которая гласитъ, что поправка къ статьѣ проекта, не поддержанная въ томъ засѣданіи, въ которомъ разсматривается означенная статья, лицомъ, предложившимъ эту поправку, или кѣмъ либо изъ присутствующихъ Членовъ Государственнаго Совѣта, не подлежитъ обсужденію Совѣта.

Манухинъ. Позвольте объяснить, въ чемъ заключаются тѣ измѣненія, которыя Коммисія законодательныхъ предположеній внесла въ статью 3 проекта. По пункту 1 статьи 3 проекта, одобреннаго Государственною Думою, условное досрочное освобожденіе не предоставляется «осужденнымъ за бродяжество». Поводъ, по которому внесено это правило, содержавшееся и въ проектѣ Министра Юстиціи, заключается въ томъ, что лица, присуждаемыя за бродяжество къ заключенію въ исправительномъ арестантскомъ отдѣленіи, по отбытіи этого наказанія подлежатъ водворенію

въ Якутской области, а потому къ нимъ, конечно, фактически не примѣнимо условное досрочное освобожденіе, ибо вслѣдъ за выбытіемъ изъ мѣста заключенія они подлежатъ высылкѣ и водворенію въ Якутской области. Но Коммисія законодательныхъ предположеній усмотрѣла, что, кромѣ этого, по дѣйствующему законодательству возможны другіе случаи, когда послѣ срочнаго лишенія свободы осужденному угрожаетъ высылка въ Сибирь, т. е. ссылка на поселеніе, это въ случаѣ такъ называемой коммюляціи наказаній, т. е. соединенія наказаній. Поэтому нужно было пункту 1 статьи 3 придать болѣе обобщенную редакцію. Она изложена такъ: «Условное досрочное освобожденіе не примѣняется: . . . къ тѣмъ изъ заключенныхъ, кои, по отбытіи наказанія срочнымъ лишеніемъ свободы, подлежатъ по закону водворенію въ Якутской области или ссылкѣ на поселеніе». Засимъ по пункту 2 статьи 3 проекта Думы условное досрочное освобожденіе не предоставляется осужденнымъ за кражу лошади. Коммисія законодательныхъ предположеній, признавая вообще нежелательнымъ ограничивать примѣненіе условнаго досрочнаго освобожденія какимъ либо родомъ преступныхъ дѣяній, тѣмъ не менѣе не рѣшилась въ данномъ случаѣ вступить въ разногласіе съ Государственною Думою, потому что это постановленіе было внесено въ законопроектъ по настоянію Членовъ Государственной Думы изъ крестьянъ по тому, очевидно, соображенію, что конокрадство является въ деревнѣ однимъ изъ самыхъ ужасающихъ народныхъ бѣдствій. Но, принимая, такимъ образомъ, то измѣненіе въ законопроектъ, которое внесено было Государственною Думой, Коммисія законодательныхъ предположеній, тѣмъ не менѣе, предполагала замѣнить выраженіе «кража лошади» словомъ «конокрадство», вполне соответствующимъ по существу той мысли, которая вложена была въ эту поправку самой Государственною Думой. Засимъ пунктъ 3 статьи 3 проекта, внесеннаго Министромъ Юстиціи и одобреннаго Государственною Думою, совершенно устранивъ Коммисіею законодательныхъ предположеній по тѣмъ соображеніямъ, которыя я уже имѣлъ честь докладывать по статьѣ 1 законопроекта, именно, въ виду того, что помѣщеніе въ работномъ домѣ въ настоящее время еще не осуществимо на практикѣ. Точно такъ же, какъ изъ статьи 1 исключено указаніе на работный домъ, долженъ быть исключенъ изъ статьи 3 пунктъ 3.

Предсѣдатель. Угодно кому либо дать объясненіе по содержанію статьи 3 законопроекта? Поправка, предложенная Н. Н. Шрейберомъ, какъ не поддерживаемая, не подлежитъ нашему обсужденію.

Шрейберъ. Я поддерживаю свою поправку.

Предсѣдатель. Въ такомъ случаѣ угодно Вамъ дать объясненія?

Шрейберъ. Г. Предсѣдатель и г.г. Члены Государственнаго Совѣта. По статьѣ 3 проекта условное досрочное освобожденіе не примѣняется въ двухъ указанныхъ случаяхъ. Я, съ своей стороны, считало необходимымъ дополнить эти два исключенія еще третьимъ и признать, что условное досрочное освобожденіе не примѣняется къ кражѣ и присвоенію чужаго имущества, наказуемыхъ по уставу о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями,—между супругами, а также родителями и дѣтьми. Необходимость такого изъятія обусловливается слѣдующими основаніями. По силѣ статей 19, 20 и 22 означеннаго устава и статьи 5 устава уголовного судопроизводства дѣла этого рода возбуждаются не иначе, какъ по жалобѣ потерпѣвшаго; обвиненіе по этимъ дѣламъ поддерживается не иначе, какъ потерпѣвшимъ или его

повѣренными, именуемымъ въ законѣ частнымъ обвинителемъ. Определенное судомъ наказаніе отмѣняется въ случаѣ примиренія между осужденнымъ и потерпѣвшимъ. Хотя въ статьѣ 19 устава о наказаніяхъ указано также мошенничество между супругами и родителями и дѣтьми, но такъ какъ по уставу о наказаніяхъ высшая мѣра наказанія за мошенничество—6 мѣсяцевъ тюрьмы, то въ виду статьи 1 проекта условное досрочное освобожденіе къ мошенничеству, наказуемому по уставу о наказаніяхъ, не можетъ вообще примѣняться. Преступныя дѣянія, подлежащія преслѣдованію не иначе, какъ въ порядкѣ частнаго обвиненія, предусмотрѣны какъ въ уложеніи о наказаніяхъ, такъ и въ уставѣ о наказаніяхъ, но между постановленіями уложенія о наказаніяхъ и устава о наказаніяхъ есть существенное различіе, которое, по моему мнѣнію, имѣетъ особое значеніе, при обсужденіи предлагаемой мною поправки. Различіе это состоитъ въ томъ, что по статьѣ 150 уложенія о наказаніяхъ приговоръ о наказаніи отмѣняется, если принесшій жалобу примирится съ виновнымъ прежде исполненія приговора. Между тѣмъ какъ словъ «прежде исполненія приговора» въ уставѣ о наказаніяхъ нѣтъ, а въ статьѣ 222 сказано: «определенное приговоромъ наказаніе отмѣняется вслѣдствіе примиренія съ обиженнымъ». Сообразно такому различію изложенію законовъ, Правительствующій Сенатъ по Уголовному Кассационному Департаменту въ цѣломъ рядѣ рѣшеній (между прочимъ въ рѣшеніи 1882 г. № 22) и Общее Собраніе Кассационныхъ Департаментовъ въ рѣшеніи 1887 г. № 2, признали, что по преступленіямъ сего рода, наказуемымъ по уложенію о наказаніяхъ примиреніе можетъ послѣдовать только до заключенія виновнаго въ тюрьму, а по уставу о наказаніяхъ примиреніе можетъ послѣдовать и во время содержанія осужденнаго въ тюрьмѣ. Я не касаюсь дѣлъ частнаго обвиненія о преступныхъ дѣяніяхъ, наказуемыхъ по уложенію о наказаніяхъ потому, что здѣсь не можетъ быть столкновенія правъ между установленіями, на кои возложено разрѣшеніе дѣлъ объ условномъ досрочномъ освобожденіи и волею частныхъ обвинителей, наоборотъ, такое столкновеніе правъ можетъ имѣть мѣсто именно по указаннымъ мною въ поправкѣ дѣламъ. Возьмемъ такой примѣръ: отецъ послѣ неоднократнаго прощенія сына за кражу, наконецъ, въ виду его неисправимости рѣшается прибѣгнуть къ суду, и мировой судья осуждаетъ его за кражу къ одному году тюрьмы. Отецъ можетъ простить своего сына и съ нимъ примириться во всякое время, а слѣдовательно и по истеченіи 9 мѣсяцевъ содержанія его въ тюрьмы. Но съ этого срока начинаются и права начальствующихъ установленій на примѣненіе условнаго досрочнаго освобожденія, и вотъ, при столкновеніи правъ начальствующихъ установленій и правъ отца возникаетъ вопросъ: что предпочтительнѣе: условное ли досрочное освобожденіе по распоряженію начальствующихъ установленій или освобожденіе изъ тюрьмы сына по просьбѣ отца, вслѣдствіе того, что онъ его простилъ и они между собою примирились, и отъ какого изъ этихъ двухъ видовъ освобожденія можно ожидать болѣе благопріятныхъ послѣдствій? Едва ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что даже самымъ цѣлямъ закона объ условномъ досрочномъ освобожденіи болѣе соотвѣтствуетъ освобожденіе виновнаго сына вслѣдствіе прощенія его отцомъ и состоявшагося между ними примиренія. Въ этомъ случаѣ сынъ возвращается въ домъ своего отца, въ свою семью, съ чувствомъ благодарности своему отцу, оказавшему сыну милость, предавшему забвенію его порочное прежде поведеніе. Наоборотъ, если сынъ возвращается въ свою семью по распоряженію начальствующихъ установленій,

то какъ у отца, такъ и у сына не можетъ не остаться въ извѣстной мѣрѣ чувство озлобленія и взаимнаго недовольства: у отца вслѣдствіе того, что сынъ по распоряженію начальствующихъ установленій возвращенъ въ его домъ, несмотря на то, что отецъ не желалъ прощать своего сына, а у сына останется озлобленіе вслѣдствіе сознанія, что онъ не отцу своему обязанъ освобожденіемъ изъ тюремнаго заключенія. Едва ли этотъ послѣдній порядокъ можетъ способствовать водворенію въ семьѣ столь желательнаго мира, согласія и спокойствія. По этимъ основаніямъ я поддерживаю ту поправку, которая была, господа, вамъ разослана.

Министръ Юстиціи. При всей кажущейся убѣдительности тѣхъ доводовъ, которые Вы изволили выслушать, я, съ своей стороны, позволяю себѣ однако усумниться въ желательности по отношенію хотя бы только къ двумъ уголовно-частнымъ преступленіямъ, а именно къ семейнымъ кражѣ и присвоенію чужаго имущества, предусмотрѣннымъ мировымъ уставомъ, допустить исключенія изъ подѣ дѣйствія условнаго досрочнаго освобожденія. Одно дѣло—тѣ основанія, по которымъ законъ, карающій во имя публичныхъ интересовъ виновнаго въ преступномъ дѣяніи, допускаетъ возможность примиренія потерпѣвшаго съ осужденнымъ въ преступномъ дѣяніи и другое дѣло тѣ соображенія, по которымъ примѣняется условное досрочное освобожденіе. Поправка, которая нынѣ предлагается, вызвана собственно извѣстнымъ несоотвѣтствіемъ, существующимъ между уставомъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, и уложеніемъ о наказаніяхъ. Несоотвѣтствіе это въ данномъ случаѣ усмотрѣно въ нежеланіи, напримѣръ, отца простить своего сына и возможности возвращенія его къ отцу до отбытія полностью наказанія. Но это возможно и по отношенію къ преступнымъ дѣяніямъ подобнаго же рода, когда наказуемость опредѣлена по уложенію, но не по мировому уставу. Правда, по уложенію не допускается возможность примиренія во время отбыванія наказанія, но тѣмъ не менѣе возвращеніе сына къ отцу ранѣе отбытія полного срока уголовной кары можетъ оказаться въ явномъ противорѣчій съ желаніями отца, который, такъ сказать, не мирится съ самымъ возвращеніемъ своего сына обратно. При этомъ, введеніе въ законъ поправки, которую намъ предлагаютъ, чревато послѣдствіями съ точки зрѣнія послѣдовательности. Благоволите вспомнить, что, напримѣръ, въ области кражъ и присвоенія чужаго имущества предусматриваются въ уставѣ о наказаніяхъ, во-первыхъ преступныя дѣянія этого рода, не превышающія по суммѣ похищеннаго или присвоеннаго 300 р.,—и, во-вторыхъ, преступныя дѣянія, учиненныя лицами, не принадлежащими къ дворянамъ, священнослужителямъ, монашествующимъ и почетнымъ гражданамъ. Такимъ образомъ, окажется, что только въ извѣстной непривилегированной части населенія кражи и присвоенія и притомъ, во всякомъ случаѣ, на сумму менѣе трехсотъ рублей подпадутъ подѣ дѣйствіе той поправки, которая предлагается. Кражи же и присвоенія, совершенныя лицами привилегированныхъ состояній при паличности близкихъ семейныхъ отношеній и равнымъ образомъ всѣ кражи и присвоенія на сумму болѣе 300 р., будутъ всегда подѣ дѣйствіемъ уложенія о наказаніяхъ. Слѣдовательно, совершенно однородныя кражи и присвоенія, только потому, что они совершены лицами привилегированнаго сословія у своихъ родителей будутъ допускать условное досрочное освобожденіе, тогда какъ тѣ же преступленія, совершенныя не въ кругу семьи привилегированнаго класса, а въ кругѣ лицъ непривилегированныхъ, будутъ устранять досрочное условное освобожденіе. Очевидно, при условномъ досрочномъ освобожденіи

никоимъ образомъ нельзя исходить изъ тѣхъ или другихъ несоотвѣтствій, которыя существуютъ между уставомъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, и уложеніемъ о наказаніяхъ. Оно никоимъ образомъ не можетъ покоиться на намѣреніяхъ и желаніяхъ лицъ потерпѣвшихъ. Это—институтъ публичнаго права, который не можетъ стоять въ зависимости отъ воли и усмотрѣнія потерпѣвшаго. Поэтому, мнѣ кажется, что въ силу публично-правоваго свойства условнаго досрочнаго освобожденія предлагаемая поправка подлежитъ отклоненію.

Манухинъ. Позвольте прибавить нѣсколько словъ къ тому, что сказалъ г. Министръ Юстиціи. Сущность возраженія Н. Н. Шрейбера заключается въ томъ, что въ указанныхъ имъ случаяхъ получается столкновеніе, какъ онъ выразился, между правомъ обиженнаго или потерпѣвшаго примириться съ отбывающимъ наказаніе и правомъ суда примѣнить къ нему условное досрочное освобожденіе. Но я позволю себѣ сказать, что въ этихъ случаяхъ едва ли слѣдуетъ говорить о столкновеніи—вѣдь это два поѣзда, которые идутъ параллельно и притомъ по другимъ рельсамъ. Суду, съ одной стороны, и потерпѣвшему съ другой, предоставляется сократить дальнѣйшее отбываніе наказанія, но пути, тѣ мотивы, по которымъ допускается примиреніе по дѣламъ уголовно-частнымъ и примѣненіе условнаго досрочнаго освобожденія, совершенно различны. Въ этихъ дѣлахъ право простить часть наказанія, съ указанной точки зрѣнія, приводитъ, прежде всего, къ столкновенію права потерпѣвшаго съ силою судебного рѣшенія, которое, какъ извѣстно, почитается равнымъ закону, но, тѣмъ не менѣе, въ этомъ не усматривается никакого неудобства, потому что это два совершенно различныхъ вопроса, ничего общаго между собой не имѣющихъ. Послѣдній вопросъ, который поставилъ Н. Н. Шрейберъ: что же лучше, сохранить ли право примиренія за отцомъ въ томъ примѣрѣ, который онъ приводилъ, или предоставить суду примѣнить условное досрочное освобожденіе? Я отвѣчу—и то и другое хорошо.

Предсѣдатель. Поправка, предложенная Н. Н. Шрейберомъ, заключается въ томъ, что статья 3 въ редакціи Комисіи законодательныхъ предположеній должна быть дополнена пунктомъ 3, содержаніе котораго изложено въ поправкѣ, Вамъ разосланной. Ставлю на голосованіе вопросъ, подлежитъ ли эта поправка принятію? Большинствомъ поправка отклонена. Ставлю на голосованіе вопросъ, подлежитъ ли принятію статья 3 въ редакціи Комисіи законодательныхъ предположеній? Статья 3 принята. Переходимъ къ статьѣ 4.

Манухинъ. Статья 4, въ первой своей части признается Комисіею законодательныхъ предположеній совершенно излишней, потому что нѣтъ, казалось бы, основаній оговаривать въ проектѣ, что тѣ или иныя постановленія дѣйствующаго закона сохраняютъ свою силу. Но мало того, что таковая оговорка излишняя, она можетъ оказаться неудобною, потому что порождаетъ сомнѣніе, сохраняютъ ли вмѣстѣ съ тѣмъ силу другія статьи уголовныхъ законовъ, находящіяся въ тѣсной связи со статьями 58¹ и 58² уложенія о наказаніяхъ и статьями 34 и 35 новаго уложенія. Комисія полагаетъ, что всѣ эти статьи, по сколько они не отмѣняются текстомъ новаго законопроекта, въ случаѣ его утвержденія, будутъ продолжать дѣйствовать. Вотъ почему Комисія признаетъ желательнымъ всю первую часть статьи 4 исключить. Вмѣстѣ съ тѣмъ, усматривая, что собственно новое законодательное правило, содержащееся въ этой статьѣ законопроекта, сводится лишь къ исчисленію срока

отбытія надзора полиціи, Коммисія полагаетъ въ проектъ закона включить только эту послѣднюю часть статьи 4 въ слѣдующей редакціи: «Сроки дѣйствія постановленій объ отдачѣ приговоренныхъ къ срочному лишенію свободы подъ надзоръ мѣстной полиціи и объ ограниченіяхъ въ правѣ избранія и перемѣны мѣста жительства исчисляются съ времени условнаго освобожденія осужденнаго».

Предсѣдатель. Нѣтъ желающихъ дать объясненія по содержанію статьи 4? Угодно Общему Собранію принять статью 4 въ редакціи, предложенной Коммисіею законодательныхъ предположеній? Статья 4 принята. Переходимъ къ разсмотрѣнію статьи 5.

Манухинъ. Въ статьѣ 5 Коммисія сдѣлала исключительно редакціонное измѣненіе для согласованія съ предлагаемымъ ею измѣненіемъ другихъ статей проекта. Въ немъ выдѣляются въ отдѣльныя постановленія, въ примѣчаніе къ статьѣ 7 и примѣчаніе къ статьѣ 16, указанія относительно С.-Петербургскихъ и Московскихъ мужскихъ и дамскихъ благотворительно-тюремныхъ комитетовъ. Но дѣло въ томъ, что эти комитеты учреждены такъ же, какъ и прочіе комитеты и отдѣленія, въ составѣ общества попечительнаго о тюрьмахъ, а потому предпочтительнѣе исключить указаніе на эти благотворительно-тюремные комитеты въ самый текстъ подлежащихъ статей проекта. Такой же способъ изложенія предполагается принять и для статьи 5 проекта.

Дурново. Я позволю себѣ предложить къ законопроекту объ условномъ досрочномъ освобожденіи цѣлый рядъ поправокъ. Поправки эти съ одной стороны имѣютъ цѣлью облегчить примѣненіе этого закона на практикѣ съ тѣмъ, чтобы были устранимы всѣ возможныя при примѣненіи этого закона шероховатости и во-вторыхъ, приблизить постановленія закона къ современнымъ условіямъ жизни, къ дѣйствительному положенію вещей. Статья 5 законопроекта, принятаго Коммисіею, говоритъ, что къ числу лицъ, которыя имѣютъ право возбуждать вопросъ объ условномъ досрочномъ освобожденіи, входятъ директоры и директрисы тюремныхъ комитетовъ и отдѣленій и члены обществъ патроната. Въ прошломъ засѣданіи Государственному Совѣту были доложены подробныя свѣдѣнія, какъ подчеркнутыя въ дѣйствующемъ законѣ, такъ и въ докладѣ Коммисіи законодательныхъ предположеній, о томъ, въ какой мѣрѣ члены тюремныхъ комитетовъ и ихъ отдѣленій могутъ быть съ пользою для дѣла призываемы къ возбужденію такихъ вопросовъ. Фактически дѣятельность этихъ членовъ въ области попечительной сводится къ нулю. Слѣдовательно, и въ законѣ не представляется надобности упоминать о томъ, что они могутъ возбуждать подобные вопросы. Что же касается до членовъ патроната, то изъ словъ Министра Юстиціи мы слышали, что патронаты фактически въ Россіи не существуютъ, что они бѣдны деньгами и людьми, дѣятельно работающими на этой почвѣ. Слѣдовательно, и о членахъ этихъ патронатовъ, которыхъ фактически не существуетъ, едва ли требуется упоминать въ законѣ въ качествѣ лицъ, которыя могутъ возбуждать вопросъ объ условномъ досрочномъ освобожденіи. Такого рода упоминаніе можетъ подать поводъ людямъ, совершенно не принимающимъ дѣятельнаго участія въ попечительной работѣ, путаться въ дѣла, въ которыхъ они никакой пользы принести не могутъ. Я затѣмъ долженъ замѣтить, что всѣ мои поправки имѣютъ тѣсную связь между собою. Мои поправки сводятся къ тому, что возбужденіе вопроса о досрочномъ освобожденіи должно принадлежать тѣмъ лицамъ, которыя имѣютъ ближайшее наблюденіе за поведеніемъ арестанта и могутъ слѣдовательно дать ту или другую оцѣнку: заслу-

живаешь ли онъ или не заслуживаетъ досрочнаго условнаго освобожденія. Съ этой точки зрѣнія призывать къ такой оцѣнкѣ уѣзднаго члена окружнаго суда или мирового судью, которые, можетъ быть, никогда его въ глаза не видали, по моему мнѣнію, представляется излишнимъ обремененіемъ и безъ того достаточно обремененныхъ судебныхъ дѣятелей. Я останавливался на мысли, кто же, собственно, можетъ лучше всего опредѣлить, заслуживаетъ ли заключенный досрочнаго освобожденія или не заслуживаетъ? У насъ арестантскія отдѣленія находятся въ губернскихъ городахъ. Въ губернскихъ городахъ имѣются губернскіе тюремные инспектора и ихъ помощники. Поэтому въ губернскихъ городахъ и должны председательствовать въ этихъ особыхъ совѣщаніяхъ тѣ лица тюремнаго вѣдомства, которыя вѣдаютъ благоустройство и, главнымъ образомъ, попеченіе о тюрьмахъ. Я думалъ, что губернский тюремный инспекторъ лучше чѣмъ уѣздный членъ окружнаго суда исполнить возложенныя на послѣдняго обязанности. Къ устрашенію уѣзднаго члена окружнаго суда отъ председательствованія въ этомъ особомъ совѣщаніи меня побуждало еще и то, что я находилъ, что опасеніе вмѣшательства въ эти дѣла окружныхъ судовъ совершенно неправильно, во первыхъ, съ юридической точки зрѣнія, окружный судъ присуждаетъ только въ арестантскія отдѣленія и къ тюремному заключенію лишь въ исключительныхъ случаяхъ, между тѣмъ, на него возлагается сужденіе о преступникахъ, которые осуждены мировымъ судьей, городскимъ судьей и земскимъ начальникомъ. Практически количество тюремныхъ замковъ, расположенныхъ въ уѣздахъ, въ нѣсколько разъ больше, чѣмъ губернскихъ тюремъ. Между тѣмъ, окружные суды въ большинствѣ случаевъ находятся въ губернскихъ городахъ; слѣдовательно, всякое дѣло, возбуждаемое въ уѣздномъ городѣ, должно идти въ губернский городъ для своего утвержденія, по вопросу объ условномъ досрочномъ освобожденіи. Гораздо правильнѣе поставить дѣло такъ, чтобы всѣ вопросы объ условномъ досрочномъ освобожденіи разрѣшались тамъ, гдѣ находятся арестанты, и такъ какъ арестантовъ, приговоренныхъ къ тюремнымъ заключеніямъ, въ уѣздныхъ тюремныхъ замкахъ содержится гораздо больше, чѣмъ въ губернскихъ, то, слѣдовательно, вопросъ объ условномъ досрочномъ освобожденіи долженъ быть разрѣшаемъ уѣзднымъ членомъ окружнаго суда, потому что уѣздный членъ окружнаго суда является въ уѣздѣ тою судебною инстанціею, которой подвѣдомственны наиболѣе тяжкія преступленія въ смыслѣ наказуемости. Если признать, что судить о томъ, заслуживаетъ арестантъ освобожденія или не заслуживаетъ, могутъ только люди, близко за нимъ наблюдающіе, а съ другой стороны, что вопросъ долженъ разрѣшаться судьями, близко стоящими къ тому мѣсту, гдѣ арестантъ сидитъ, то, само собою, окружный судъ изъ этой комбинаціи выпадаетъ. Но между этимъ совѣщаніемъ и уѣзднымъ членомъ или назначеннымъ для того мировымъ судьей должно быть поставлено лицо прокурорскаго надзора; это лицо прокурорскаго надзора, получая дѣло въ извѣстный срокъ, съ своимъ краткимъ заключеніемъ, предлагаетъ его на разрѣшеніе уѣзднаго члена. Теперь мы должны себѣ представить, какъ на практикѣ эти дѣла будутъ происходить? Мы не можемъ думать, чтобы каждый день, въ каждомъ тюремномъ замкѣ Россійской Имперіи собирались совѣщанія, по вопросамъ досрочнаго освобожденія. Вѣроятно, при примѣненіи этого закона даны будутъ мѣстнымъ властямъ какія нибудь указанія. Во всякомъ случаѣ, въ уѣздныхъ городахъ чаще, чѣмъ одинъ разъ въ мѣсяцъ, такія совѣщанія собираться не могутъ. Несомнѣнно,

этотъ разъ можетъ быть приспособленъ къ прїѣзду товарища прокурора, который тамъ живетъ или прїѣзжаетъ на засѣданія уѣзднаго сѣзда. Такимъ образомъ, совѣщаніе можетъ состояться въ первый день открытія засѣданій уѣзднаго сѣзда. Товарищъ прокурора даетъ заключенія въ теченіе двухъ дней, и дѣло разсматривается въ теченіе трехъ-четырехъ дней. То же самое и въ губернскомъ городѣ—разъ въ мѣсяцъ. Невозможно думать, чтобы въ арестантскихъ отдѣленіяхъ или въ тюремномъ замкѣ губернскаго города каждодневно засѣдали члены особаго совѣщанія. Предыдущія соображенія о практическомъ примѣненіи закона объ условномъ досрочномъ освобожденіи привели меня къ заключенію, что эти дѣла будутъ рѣшаться правильнѣе и быстрѣе, если мы выключимъ окружный судъ изъ этой комбинаціи. Разъ остановившись на мысли, что условное досрочное освобожденіе примѣняется съ разрѣшенія уѣзднаго члена, и возвращеніе освобожденныхъ назадъ въ тюрьму слѣдуетъ предоставить рѣшенію того же уѣзднаго члена. Затѣмъ, я остановился на томъ, что если въ томъ или другомъ мѣстѣ существуютъ дѣйствующіе патронаты, или существуютъ такіа тюремныя отдѣленія, которыя заботятся, принимаютъ на себя попеченіе объ арестантахъ, то такихъ лицъ, такіе патронаты слѣдуетъ и должно призывать къ попеченію надъ арестантами, когда они досрочно выпущены на свободу. Всѣ эти статьи и поправки могутъ быть дополнены тѣми или иными положеніями въ тѣхъ случаяхъ, когда патронаты достутъ до надлежащаго положенія, но это все дѣло будущаго, и точно такъ же, какъ въ законѣ не слѣдуетъ писать о несуществующихъ работныхъ домахъ,—въ равной мѣрѣ не слѣдуетъ возлагать извѣстныя обязанности на лицъ, которыя фактически не существуютъ. Обращаясь теперь къ надзору за освобожденными, я, какъ и въ прошломъ засѣданіи, позволю себѣ указать, что надзоръ за ними можетъ быть возложенъ только на одну полицію, ибо нѣтъ въ уѣздахъ у насъ никого, кто бы могъ за ними смотрѣть. Я считаю, что постановленіе передавать этотъ надзоръ частнымъ лицамъ есть фиктивное предположеніе: никакихъ частныхъ лицъ, которыя бы взяли на себя отвѣтственность и близкое попеченіе за людьми, выпущенными изъ тюрьмы, не найдется; такое попеченіе, прежде всего, стоитъ денегъ, и слѣдовательно нужно заинтересовать людей, которые бы готовы на это истратить хотя и небольшія суммы. Въ уѣздныхъ городахъ такихъ лицъ нѣтъ, и поэтому писать въ законѣ о томъ, чтобы возлагать попеченіе на частныхъ лицъ, да еще предоставлять самому арестанту мѣнять этихъ частныхъ лицъ по своему выбору, хотя и съ одобренія извѣстныхъ учрежденій, по моему мнѣнію, представляется совершенно непрактичнымъ. Я думаю, что всѣ мои поправки въ этомъ направленіи, несомнѣнно, заслуживаютъ нѣкотораго вниманія, и если поправки къ статьямъ 7 и 12 будутъ Государственнымъ Совѣтомъ отвергнуты, то остальные отпадутъ сами собой.

Манухинъ. Позвольте мнѣ въ моихъ объясненіяхъ придерживаться нѣсколько инаго порядка и высказываться по содержанію поправокъ П. Н. Дурново при обсужденіи тѣхъ отдѣльныхъ статей, къ которымъ онѣ относятся. По статьѣ 5, которая теперь разсматривается, замѣчаніе П. Н. Дурново сводится къ тому, чтобы исключить изъ нея указаніе на право членовъ обществъ патроната, а также директоровъ, директрисъ и членовъ комитетовъ и отдѣленій общества попечительнаго о тюрьмахъ возбуждать вопросъ объ условномъ досрочномъ освобожденіи заключеннаго. Я съ этимъ согласиться не могу. Хотя я совершенно раздѣляю мнѣніе П. Н. Дурново относительно того, что общество попечительное о тюрьмахъ, особенно уѣздныя его отдѣле-

нія, въ области благотворительной своей дѣятельности до сихъ поръ сдѣлало весьма мало, и хотя я по этому предмету нахожусь въ нѣкоторомъ разномысліи съ большинствомъ членовъ Коммисіи по другой статьѣ 16 законопроекта, но тѣмъ не менѣе ни большинство членовъ Коммисіи, ни я лично никогда не отрицали возможности и пользы привлеченія органовъ этого общества къ участию въ попечительной дѣятельности относительно досрочно освобождаемыхъ. Если филантропическая дѣятельность этого общества во многихъ мѣстахъ нынѣ проявляется слабо, то надо надѣяться, что подъ вліяніемъ настояній Министра Юстиціи, который носитъ званіе президента этого общества, дѣятельность эта теперь оживится. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, это фактъ, который не подлежитъ отрицанію, отдѣльные органы этого общества, особенно нѣкоторые губернскіе комитеты, проявляютъ свою дѣятельность даже въ такой области, которая закономъ на нихъ не возлагается. У нихъ имѣются пріюты, они заботятся о дѣтяхъ арестантовъ и иногда о самихъ освобожденныхъ изъ тюремъ. Что же касается обществъ патроната, то Министръ Юстиціи сказалъ, а П. Н. Дурново за нимъ повторилъ, что такихъ обществъ въ Россіи не существуетъ. Но это относительно. Дѣйствительно, наличность 23 обществъ патроната при 140.000.000 населенія Россіи и ея пространствѣ—это все равно, что ихъ нѣтъ, но тѣмъ не менѣе они существуютъ, и мы слышали тоже отъ Министра Юстиціи, и я это вполне раздѣляю, что утвержденіе настоящаго законопроекта дастъ живой толчекъ развитію патронатскихъ обществъ. Но и теперь ихъ дѣятельность плодотворна. Я позволю себѣ сослаться на крупный авторитетъ въ области тюремовѣдѣнія, на профессора Фойницкаго. Недавно онъ лично мнѣ заявилъ,—онъ состоитъ предсѣдателемъ правленія С.-Петербургскаго общества патроната,—что члены этого общества посѣщаютъ весьма прилежно тюрьмы, близко изучаютъ поведеніе, характеръ и даже прежнюю жизнь отдѣльныхъ заключенныхъ и что дѣятельность этого общества съ каждымъ годомъ все болѣе развивается. Вообще, отрицать пользу участія обществъ патроната и другихъ организацій общественной благотворительности въ дѣлѣ осуществленія обсуждаемыхъ нами законодательныхъ предположеній никоимъ образомъ нельзя. А наиболѣе драгоценнымъ это участіе можетъ быть именно тогда, когда члены этихъ обществъ приступили къ изученію заключеннаго въ самой тюрьмѣ еще до принятія его на свое попеченіе и на основаніи этого изученія заявлять свое мнѣніе, что онъ вступилъ на путь исправленія, что онъ доказалъ своимъ поведеніемъ справедливость примѣненія къ нему условнаго досрочнаго освобожденія. Вотъ поэтому, какъ бы ни была слабо развита дѣятельность органовъ общества попечительнаго о тюрьмахъ, какъ бы ни было незначительно количество обществъ патроната, большинство Коммисіи законодательныхъ предположеній можетъ только приветствовать привлеченіе этихъ учрежденій къ участию въ вопросѣ о примѣненіи къ заключеннымъ условнаго досрочнаго освобожденія.

Шрейберъ. Я, съ своей стороны, обращаю особое вниманіе на поправку, которую предлагаетъ П. Н. Дурново. Мысль его заключается въ томъ, чтобы упростить порядокъ и правила условнаго досрочнаго освобожденія, я не только раздѣляю подробности его предположеній. Мнѣ кажется, едва ли возможно одному мировому судѣ дать право освобождать, по представленію особаго совѣщанія, лицъ, заключенныхъ въ исправительныя арестантскія отдѣленія по приговорамъ окружныхъ судовъ. Съ другой стороны, совершенно нѣтъ необходимости отдѣлять уѣзднаго члена или

мироваго судью отъ этого совѣщанія. Въмѣсто такого совѣщанія и представленія его заключеній на утвержденіе уѣзднаго члена или мироваго судьи гораздо лучше приобщить ихъ къ этому совѣщанію, дабы они сообща обсудили вопросъ и разрѣшили окончательно—можно или нельзя, въ данномъ случаѣ, примѣнить правила досрочнаго условнаго освобожденія. Далѣе я считаю, что пужно различать арестантовъ, содержащихся въ исправительныхъ арестантскихъ отдѣленіяхъ и содержащихся въ тюрьмахъ. Наши исправительныя арестантскія отдѣленія, сколько мнѣ извѣстно, находятся только, или почти только, въ губернскихъ городахъ, гдѣ находятся и окружные суды. Поэтому я полагаю, что въ уѣздныхъ городахъ освобожденіе изъ тюремъ по правиламъ условнаго досрочнаго освобожденія должно производиться въ особомъ присутствіи, о которомъ я говорилъ ранѣе и составъ коего, такъ или иначе, будетъ установленъ, а освобожденіе изъ арестантскихъ отдѣленій должно быть представлено особымъ присутствіемъ окружнаго суда въ особо опредѣленномъ составѣ, и то и другое должно постановить окончательное по этому предмету опредѣленіе, но если мысль, по заявленію П. Н. Дурново, будетъ принята большинствомъ г.г. Членовъ Государственнаго Совѣта, она потребуетъ значительныхъ поправокъ и измѣненій въ настоящемъ проектѣ, и по сему мнѣ казалось бы правильнымъ передать предложеніе П. Н. Дурново въ Коммисію законодательныхъ предположеній для разсмотрѣнія.

Манухинъ. Я затрудняюсь въ данную минуту возражать по содержанію всего того, что позволилъ говорить Н. Н. Шрейберъ, потому что мы не кончили еще обсужденія статьи 5, которая никакого отношенія ко всему сказанному Н. Н. Шрейберомъ не имѣетъ. По замѣчаніямъ, касающимся послѣдующихъ статей, мною будутъ представлены объясненія, тогда, когда дойдетъ до нихъ очередь. Что же касается предложенія относительно всѣхъ вообще поправокъ П. Н. Дурново о передачи ихъ для новаго обсужденія въ Коммисію законодательныхъ предположеній, то противъ этого я лично позволю себѣ категорически возражать по той простой причинѣ, что и такъ уже дѣло это въ Коммисіи обсуждалось весьма подробно и весьма продолжительное время. Законопроектъ разсматривался въ Коммисіи даже дважды, о чемъ имѣю честь доложить Государственному Совѣту; онъ былъ разсмотрѣнъ разъ еще въ ноябрѣ мѣсяцѣ, а потомъ, въ виду обширныхъ замѣчаній на первый проектъ журнала Коммисіи, онъ вновь былъ самымъ подробнымъ образомъ соображенъ отъ первой статьи до послѣдней. Къ тому же П. Н. Дурново было угодно сегодня только формулировать въ видѣ поправокъ къ отдѣльнымъ статьямъ проекта все то, что мы слышали и при общемъ его обсужденіи. Все это было уже заявлено въ его обширной рѣчи, и тѣмъ не менѣе это нисколько не убѣдило тогда большинство Членовъ Государственнаго Совѣта идти по тому пути, который рекомендовалъ ему П. Н. Дурново. Поэтому, оставаясь пока исключительно въ предѣлахъ вопроса о передачѣ дѣла вновь въ Коммисію, я позволю себѣ категорически противъ такого предложенія возражать.

Предсѣдатель. Предложеніе Н. Н. Шрейбера о передачѣ поправки П. Н. Дурново вновь въ Коммисію поддерживается ли 10 Членами Государственнаго Совѣта? *(Встаетъ больше 10 Членовъ).*

Графъ Олсуфьевъ. Позвольте сказать нѣсколько словъ по этому поводу.

Предсѣдатель. Вы будете имѣть возможность высказаться по поводу Коммисіи, если предложеніе о Коммисіи будетъ поддержано.

Кобылинскій. Позвольте сказать два слова. Я былъ въ составѣ Коммисіи и ни

какой рѣчи П. Н. Дурново въ этой Коммисіи не слыхалъ. Не знаю такого случая, чтобы рѣчи П. Н. Дурново были выслушаны и обсуждены. Ничего подобнаго не было.

Манухинъ. Ничего подобнаго я и не заявлялъ. Вѣдь П. Н. Дурново не состоитъ членомъ Коммисіи законодательныхъ предположеній, а потому и не могъ сказать никакой рѣчи въ этой Коммисіи. Я сказалъ, что тѣ поправки, которыя П. Н. Дурново сегодня защищалъ предъ Государственнымъ Совѣтомъ, были имъ по существу, заявлены въ первой его рѣчи въ Общемъ Собраніи Государственнаго Совѣта при обсужденіи настоящаго дѣла, и тѣмъ не менѣе эта рѣчь никого не побудила тогда идти по тому пути, который былъ имъ рекомендованъ.

Дурново. Позвольте сказать два слова. Я вообще возражалъ противъ условнаго досрочнаго освобожденія и находилъ, что самое введеніе этого института въ Россіи представляется несвоевременнымъ, и вотъ въ сегодняшней рѣчи профессора Н. С. Таганцева я съ удовольствіемъ услышалъ высказанную имъ ту же самую мысль. Онъ также полагаетъ, что введеніе этого института возможно только тамъ, гдѣ торьмы въ порядкѣ. А гдѣ торьмы въ безпорядкѣ, тамъ этимъ способомъ привести торьмы къ порядку нельзя. Но при общихъ преніяхъ по всему законопроекту я высказалъ нѣсколько бѣглыхъ соображеній о томъ, при какихъ условіяхъ досрочное освобожденіе можетъ быть примѣнимо въ Россіи. Это не значитъ, что я тогда пытался вести Государственный Совѣтъ по пути моихъ поправокъ; я говорилъ, что законопроектъ слѣдуетъ отклонить. Но такъ какъ Государственный Совѣтъ призналъ, что слѣдуетъ перейти къ постатейному разсмотрѣнію, то я представилъ мои поправки, имѣлъ въ виду только одно, чтобы законъ могъ съ успѣхомъ дѣйствовать. Никакихъ другихъ соображеній я не имѣлъ. Напрасно думать, что этими поправками я хотѣлъ умалить, хотѣлъ упразднить дѣйствіе условнаго досрочнаго освобожденія. Всѣ мои поправки сводились къ тому, чтобы не было лишнихъ треній, лишнихъ проволочекъ и чтобы дѣло это дѣлали люди, которые ближайшимъ образомъ стоятъ къ мѣстному суду и къ арестантамъ.

Министръ Юстиціи. Касаться вопроса о существѣ и пріемлемости или непріемлемости условнаго досрочнаго освобожденія, я, конечно, не намѣренъ. Вопросъ этотъ я считаю рѣшеннымъ голосованіемъ, которое уже было произведено въ предшествующемъ засѣданіи. Правда, я могъ бы къ словамъ П. Н. Дурново внести нѣкоторую поправку. Заключительныя слова его въ первомъ нашемъ засѣданіи по этому дѣлу сводились не къ тому, чтобы признать въ принципѣ условное досрочное освобожденіе пріемлемымъ, но что вопросъ недостаточно разработаннымъ, и рекомендовать Министерству Юстиціи законопроектъ переработать. Въ настоящемъ же засѣданіи я уже слышалъ о несвоевременности введенія условнаго досрочнаго освобожденія. Но эта поправка, по моему мнѣнію, значенія имѣть не можетъ, такъ какъ, по существу, вопросъ объ условномъ досрочномъ освобожденіи подвергаться обсужденію вторично не приходится, предложеніе передать все дѣло снова на обсужденіе Коммисіи въ виду совершенно иной постановки законопроекта, мнѣ представляется дѣломъ совершенно пожелательнымъ, такъ какъ всѣ поправки, которыя внесены, далеко по представляются такими сложными, чтобы дѣйствительно онѣ требовали обсужденія въ Коммисіи. Эти поправки могутъ быть достаточно выяснены путемъ преній, которыя будутъ здѣсь происходить. Дѣло же это, какъ было правильно замѣчено докладчикомъ С. С. Манухинымъ, уже подвергалось подробному обсужденію Коммисіи, между тѣмъ

Коммисія по своему составу не может обнимать всѣхъ Членовъ Государственнаго Совѣта, ибо учрежденіе Коммисіи имѣетъ въ виду выдѣлить изъ состава Совѣта небольшое число Членовъ Государственнаго Совѣта для детальной обработки проекта. Мнѣ думается, что задача Коммисіи въ полной мѣрѣ ею выполнена, и Государственный Совѣтъ имѣетъ полную возможность нынѣ же продолжать постатейное разсмотрѣніе проекта, предоставивъ всѣмъ, которые имѣли бы высказаться по отдѣльнымъ статьямъ, свои объясненія представить.

Предсѣдатель. Сдѣлано предложеніе о передачѣ поправки въ Коммисію законодательныхъ предположеній. Высказаться могутъ только двое, одинъ за, и другой противъ. Есть два желающихъ говорить за передачу, это гг. Д. А. Олсуфьевъ и А. А. Нарышкинъ, а между тѣмъ допускается лишь одна рѣчь. (*Обращаясь къ гг. Д. А. Олсуфьеву и А. А. Нарышкину*). Не угодно ли Вамъ войти между собою въ соглашеніе, или бросить жребій?

Графъ Олсуфьевъ. Я уступаю право слова А. А. Нарышкину.

Нарышкинъ. Я скажу только нѣсколько словъ, въ которыхъ считаю себя обязаннымъ доложить Государственному Совѣту, въ качествѣ члена Коммисіи законодательныхъ предположеній, что нахожу въ поправкахъ, которыя предлагаются нынѣ, много такихъ указаній, кои въ составѣ Коммисіи сдѣлано не было, а онѣ, по моему мнѣнію, по своей важности, дѣйствительно требуютъ болѣе подробнаго обсужденія. Не однѣ только поправки, предложенныя П. Н. Дурново, но и нѣкоторыя другія сужденія, въ связи съ ними, приводятъ меня къ тому заключенію, что долѣе велитъ мнѣ сказать, что подробности этого проекта, по моему убѣжденію, были недостаточно разсмотрѣны въ Коммисіи законодательныхъ предположеній, а потому я считалъ бы, что ради усовершенствованія подлежащаго законопроекта, слѣдуетъ возвратитъ его въ названную Коммисію. Я полагаю, что ущерба никакого отъ этого произойти не можетъ и если онъ явится окончательно принятымъ Государственнымъ Совѣтомъ въ другой редакціи (въ нѣкоторыхъ лишь отношеніяхъ), то я полагаю, что и г. Министръ Юстиціи отнюдь противъ этого не могъ бы возражать. Я настоятельно, именно, прошу обратить на это вниманіе и заявляю, что, въ качествѣ члена Коммисіи законодательныхъ предположеній, не вынесъ того общаго заключенія, что проектъ этотъ былъ въ достаточной мѣрѣ разработанъ и обсужденъ въ самой Коммисіи. Первое же засѣданіе, о которомъ упоминалъ С. С. Манухинъ, продолжалось всего лишь—позвольте это привести на справку—3½ часа, въ теченіе которыхъ, по бѣгломъ разсмотрѣніи, вѣрнѣе сказать, прочтеніи и отмѣткѣ о сдѣланныхъ замѣчаніяхъ, по всѣмъ статьямъ былъ предложенъ одинъ вопросъ: достаточно ли эти замѣчанія существенны и важны, чтобы изъ за нихъ проектъ, принятый Государственною Думою, пересматривать и исправлять, или же предпочтительнѣе принять его безъ малѣйшей поправки. И это послѣднее мнѣніе получило незначительный перевѣсъ при голосованіи. Но черезъ нѣсколько дней нѣкоторые изъ числа 15 членовъ Коммисіи, потребовали, однако, пересмотра: они не были удовлетворены этимъ рѣшеніемъ Коммисіи такъ же, какъ я и въ настоящее время признаю себя неудовлетвореннымъ и считаю за исполненіе моего прямого долга это предъ Вами высказать, что проектъ отъ этого можетъ только выиграть, причѣмъ, конечно, надѣюсь также на содѣйствіе въ этомъ отношеніи въ Коммисіи со стороны г. Министра Юстиціи.

Предсѣдатель. Угодно кому высказаться противъ передачи дѣла въ Коммисію?

Ставию на голосованіе вопросъ, подлежитъ ли принятію предложеніе о новой передачи этого дѣла вмѣстѣ съ поправками въ Коммисію? Большинствомъ предложеніе о передаче этого дѣла въ Коммисію отклонено. Ставится на голосованіе поправка, предлагаемая П. Н. Дурново по статьѣ 5. Поправка эта имѣется у каждаго изъ г.г. Членовъ. Большинствомъ поправка отклонена.

Шрейберъ. Предлагаемая мною въ статьѣ 5 поправка заключается въ томъ, чтобы какъ въ этой статьѣ, такъ и во всѣхъ послѣдующихъ статьяхъ выраженіе «общество патроната» замѣнить словами «общество покровительства лицамъ, освобождаемымъ изъ мѣста заключенія». Я предлагаю эту поправку на слѣдующихъ трехъ основаніяхъ. Во-первыхъ, предлагаемое мною названіе дано уже такого рода обществамъ Министромъ Юстиціи, въ утвержденномъ имъ 10 сентября 1908 г. Уставѣ, и слѣдовательно намъ незачѣмъ такимъ обществамъ придавать какое либо другое названіе. Во-вторыхъ, понятіе патроната само по себѣ ничего въ точности не означаетъ. У насъ существуютъ разныя общества покровительства и попеченія о лицахъ, которыя желаютъ получить извѣстныя занятія, извѣстную работу и т. д. Всѣ эти общества могутъ быть названы также патронатами. Слѣдовательно, если помѣстить въ законѣ слова «общество патроната», то нужно сказать надъ чѣмъ, надъ какими лицами. Въ третьихъ, потому, что это слово не русское, а какъ мы законы пишемъ для населенія Россійской Имперіи, большинство которой не понимаетъ и не знаетъ иностранныхъ словъ, то мнѣ кажется, что изложеніе нашихъ законовъ должно быть таково, чтобы его всякій русскій человѣкъ понималъ. Я не отрицаю того, что многіе изъ весьма высокообразованныхъ людей привыкли къ употребленію иностранныхъ словъ, считая ихъ даже какъ бы получившими права гражданства, но я, тѣмъ не менѣе, позволю себѣ представить нѣкоторыя соображенія по этому предмету. Я не боюсь даже упрековъ въ отсталости, въ мелочности и въ чемъ угодно, я позволю себѣ сказать, что мое замѣчаніе можетъ показаться мелкимъ, но кто и въ маломъ будетъ вѣренъ всему русскому, родному, тотъ и въ большихъ дѣла проявитъ эту вѣрность. Въ теченіе моей почти 50-лѣтней службы я только одно иностранное слово нашелъ въ нашихъ шестнадцати томахъ Свода Законовъ. Быть можетъ, въ нихъ есть и другія иностранныя слова, но я на нихъ не натыкался; это иностранное слово помѣщено въ статьѣ 61 Общаго Устава Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ, гдѣ сказано: «съ момента», тогда какъ рядомъ, въ другихъ статьяхъ, смотря по обстоятельствамъ употреблено выраженіе «со времени» или «со дня». Въ послѣднее время сначала въ бумагахъ, представленіяхъ, соображеніяхъ и разнаго рода актахъ правительственныхъ и судебныхъ стали проникать иностранныя слова, а затѣмъ ихъ стали употреблять даже въ законахъ, издаваемыхъ въ установленномъ на то порядкѣ. Мнѣ неоднократно случалось читать въ Собраніи Указаній «объ организаціи того то» (слово «организація» не русское), о служебномъ персоналѣ и т. д. Однако, я съ особымъ удовольствіемъ помню, что Государственный Совѣтъ принималъ мѣры къ устраненію иностранныхъ словъ изъ русскихъ законовъ. Такъ, когда Государственный Совѣтъ къ Высочайше утвержденному Особому Совѣщанію для предварительнаго разсмотрѣнія Уголовнаго Уложенія, замѣтилъ въ немъ въ нѣсколькихъ статьяхъ выраженіе «органъ Правительственной власти», то онъ замѣнилъ его словами: «облеченное надлежащею властью должностное лицо», причемъ въ основаніе этой замѣны помѣстилъ, между прочимъ, слѣдующія соображенія: «не говоря уже о томъ, что выраженіе это есть

терминъ скорѣе научно-теоретическій, чѣмъ практически-житейскій и т. д.». Тоже самое я могу сказать и о патронатѣ. Это выраженіе скорѣе теоретически-научное, чѣмъ практически житейское, или иными словами, чѣмъ русское слово. Поэтому, я съ своей стороны поддерживаю, чтобы «обществу патроната» дать то названіе, которое ему дано Министромъ Юстиціи.

Манухинъ. Я отношусь съ глубочайшимъ сочувствіемъ къ всегдашнему стремленію Н. Н. Шрейбера содѣйствовать, по мѣрѣ силъ, искорененію изъ русскаго законодательства иностранныхъ выраженій. Поэтому, съ этой точки зрѣнія, мои возраженія будутъ очень слабы, но позвольте мнѣ защитить проектъ, по мѣрѣ возможности, съ другой стороны. Прежде всего Н. Н. Шрейберъ ссылается на заголовокъ утвержденнаго Министромъ Юстиціи нормальнаго устава «Обществъ покровительства лицамъ, освобождаемымъ изъ мѣстъ заключенія», но тамъ же въ скобкахъ сказано: «патроната». Кромѣ того патронатъ это одно слово, а вмѣсто него Н. Н. Шрейберъ предлагаетъ употребить шесть словъ, а такъ какъ это довольно часто пришлось бы дѣлать въ настоящемъ проектѣ, то Коммисія законодательныхъ предположеній и соблазнилась оставить во всѣхъ подлежащихъ статьяхъ проекта, ради краткости, всѣмъ понятное выраженіе «патронатъ».

Предсѣдатель. Предлагаемая Н. Н. Шрейберомъ поправка ставится на голосованіе. Большинствомъ поправка отклонена. Позвольте поставить на голосованіе вопросъ, подлежитъ ли принятію статья 5 въ редакціи, предложенной Коммисіею законодательныхъ предположеній? Статья 5 принята. Переходимъ къ статьѣ 6.

Манухинъ. Въ статьѣ 6 измѣнена редакція конца, исключительно для согласованія ея съ тѣмъ измѣненіемъ, которое Коммисія законодательныхъ предположеній внесла въ статью 1, и которое я уже объяснилъ въ сегодняшнемъ засѣданіи Государственнаго Совѣта.

Предсѣдатель. Никому не угодно представить болѣе объясненій по статьѣ 6? Голосуется вопросъ, подлежитъ ли принятію статья 6 въ редакціи, предложенной Коммисіею законодательныхъ предположеній? Статья 6 принята. Статья 7.

Предсѣдатель. Мы остановились на статьѣ 7 этого законопроекта.

**13 ФЕВРАЛЯ 1909 г.,
засѣданіе 19.**

Манухинъ. Измѣненія, которыя Коммисія законодательныхъ предположеній внесла въ текстъ статьи 7 законопроекта, сводятся къ слѣдующему: 1) по проекту, принятому Думою, предсѣдателемъ особаго совѣщанія по примѣненію условнаго досрочнаго освобожденія состоитъ мировой судья, назначаемый съѣздомъ мировыхъ судей, а тамъ, гдѣ введено положеніе о земскихъ участковыхъ пачальникахъ, — мѣстный уѣздный членъ окружнаго суда. Коммисія имѣла въ виду, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ не существуетъ съѣздовъ мировыхъ судей, и обязанности ихъ исполняются окружными судами. Объ этомъ и упомянуто въ редакціи, установленной Коммисіею законодательныхъ предположеній. 2) По проекту, принятому Думою, въ составъ совѣщанія входитъ лицо, завѣдывающее обученіемъ заключенныхъ. Такъ какъ обученіе заключенныхъ бываетъ разнообразное, ибо они не столько обучаются грамотѣ, сколько различнымъ мастерствамъ, и такъ какъ привлеченіе къ совѣщанію мастеровъ было признано нецѣлесообразнымъ, въ виду того, что они по образованію своему не соотвѣтствуютъ возлагаемымъ на совѣщаніе задачамъ, то Коммисія предлагаетъ указать въ статьѣ 7 только на то лицо, которое завѣдываетъ

школьнымъ обученіемъ арестантовъ. Наконецъ, 3) исключено примѣчаніе, содержаніе котораго перенесено въ текстъ самой статьи. Вотъ всѣ тѣ измѣненія, кромѣ исключительно редакціонныхъ, которыя внесены въ статью 7 Коммисіею законодательныхъ предположеній.

Предсѣдатель. Угодно кому либо изъ членовъ Государственнаго Совѣта высказаться по поводу статьи 7? (*Обращаясь къ П. Н. Дурново*). Вы поддерживаете ту поправку, которую предлагали въ прошломъ засѣданіи.

Дурново. Я поддерживаю эту поправку и теперь говорить не буду, потому что то, что хотѣлъ сказать, высказалъ въ прошломъ засѣданіи.

Предсѣдатель. Угодно кому либо высказаться по содержанію поправки, предлагаемой П. Н. Дурново, по статьѣ 7?

Шрейбергъ. Г. Предсѣдатель и гг. члены Государственнаго Совѣта. Я предлагаю по настоящему проекту принять основное положеніе съ единственною цѣлью способствовать исполненію закона объ условномъ досрочномъ освобожденіи. Я не поддерживаю и отказываюсь отъ второй части той моей поправки, которая напечатана и разослана, относительно состава тѣхъ уѣздныхъ присутствій и окружныхъ судовъ, которые должны быть призваны къ рѣшенію вопроса объ условномъ досрочномъ освобожденіи. Я поддерживаю только одно основное положеніе, которое состоитъ въ томъ, чтобы признать, что вопросъ о примѣненіи условнаго досрочнаго освобожденія къ лицамъ, осужденнымъ къ заключенію въ тюрьму, подлежалъ бы разрѣшенію въ уѣздныхъ присутствіяхъ, а не въ окружномъ судѣ, т. е. въ уѣздныхъ и мировыхъ сѣздахъ, которыхъ у насъ въ Россійской Имперіи 534, а въ уѣздахъ, въ которыхъ нѣтъ означенныхъ сѣздовъ, а таковыхъ у насъ въ Россійской Имперіи 148 (въ Архангельской губерніи, въ Закавказьѣ и во всей Азіатской Россіи),—есть въ каждомъ уѣздномъ городѣ участковые мировые судьи, и тамъ присутствіе для разрѣшенія этихъ вопросовъ въ томъ или иномъ составѣ можетъ быть образовано. Я повторяю, что я на составѣ этихъ присутствій не останавливаюсь, потому что вопросъ этотъ спорный—и обсужденію долженъ подлежать послѣ того, какъ будетъ признано основное начало о томъ, чтобы передать вопросы объ условномъ досрочномъ освобожденіи лицъ, приговоренныхъ къ заключенію въ тюрьму на разрѣшеніе уѣздныхъ присутствій. Такимъ образомъ, я касаюсь единственно, вопроса о подсудности. Мнѣ могутъ представить возраженія, что уѣздные сѣзды и мировые сѣзды собираются только одинъ разъ въ мѣсяцъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, какъ на Сѣверномъ Кавказѣ, даже и рѣже. Я это обстоятельство совершенно предвижу, но считаю, что такъ какъ въ каждомъ уѣздномъ городѣ, гдѣ есть уѣздный сѣздъ,—тамъ есть и уѣздный членъ, а въ каждомъ городѣ, гдѣ есть мировой сѣздъ,—тамъ есть мировой судья, то, мнѣ кажется, что, въ промежуткахъ времени между обыкновенными срочными засѣданіями уѣздныхъ сѣздовъ и мировыхъ сѣздовъ, можно образовать особые присутствія, составивъ ихъ изъ находящихся налицо мирового судьи, или уѣзднаго члена суда и приглашеннаго какого либо другаго члена этихъ установленій—либо почетнаго мирового судьи. Я считаю, что дѣла о лицахъ, которыхъ приговорены къ тюремному заключенію, не должны быть разсматриваемы окружными судами по слѣдующимъ причинамъ: во-первыхъ, пространство въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россійской Имперіи таково, что во многихъ случаяхъ законъ объ условномъ досрочномъ освобожденіи, если онъ будетъ переданъ въ окружные суды, сведется къ нулю и не будетъ вовсе исполняемъ. Достаточно вспомнить, что Архангель-

ская губернія имѣетъ 754.000 квадратныхъ верстъ, Иркутская 652.000 квадратныхъ верстъ, Приморская область 1.694.000 квадратныхъ верстъ, Енисейская губернія, гдѣ окружный судъ одинъ, Красноярскій,—2.246.000 квадратныхъ верстъ, наконецъ, Якутская область имѣетъ 3.500.000 квадратныхъ верстъ. Для такихъ мѣстностей установлены исключительныя правила: такъ, по примѣчанію къ статьѣ 642 устава уголовного судопроизводства, по прод. 1906 г., къ числу законныхъ причинъ неявки свидѣтелей въ губерніяхъ Астраханской, Олонецкой, Оренбургской и Уфимской относится жительство ихъ въ разстояніи болѣе 200 верстъ отъ мѣста судебного засѣданія. Но въ этихъ губерніяхъ исключеніе сдѣлано только для окружныхъ судовъ, между тѣмъ какъ по статьѣ 1389 устава уголовного судопроизводства, по прод. 1906 г., въ Архангельской губерніи къ числу законныхъ причинъ неявки свидѣтелей не только въ окружные суды, но и къ мировому суду относится жительство свидѣтелей на разстояніи болѣе 200 верстъ. Такое же точное правило установлено для всѣхъ губерній Сибирскихъ, въ статьѣ 1433. Если законъ освобождаетъ свидѣтелей отъ явки въ судъ и къ мировому суду, когда свидѣтель живетъ на разстояніи 200 верстъ, то это намъ показываетъ, что составители этихъ законоположеній имѣли въ виду обширныя пространства не только округовъ окружныхъ судовъ, но и участковъ мировыхъ судей. Уже одно это соображеніе можетъ убѣдить въ томъ, что нельзя не опасаться, что примѣненіе закона объ условномъ освобожденіи въ этихъ мѣстностяхъ будетъ крайне затруднительно, такъ какъ если представленія о томъ будутъ идти въ окружные суды, то во многихъ случаяхъ отвѣтъ окружнаго суда можетъ поспѣть только тогда, когда заключенный уже отсидѣлъ весь срокъ своего заключенія. Мнѣ могутъ представить возраженіе, что по статьѣ 6 проекта вопросъ объ условномъ досрочномъ освобожденіи можетъ быть возбужденъ и до истеченія $\frac{3}{4}$ опредѣленнаго судебнымъ приговоромъ срока, но съ тѣмъ, чтобы само освобожденіе было осуществлено не раньше наступленія сроковъ, означенныхъ въ статьѣ 1. Я это возраженіе не признаю убѣдительнымъ. По проекту, правомъ досрочнаго освобожденія могутъ пользоваться всѣ тѣ, которые присуждены къ заключенію въ тюрьмѣ на 8 мѣсяцевъ и болѣе. Присужденные къ заключенію на 8 мѣсяцевъ могутъ быть освобождены, при добромъ поведеніи, по истеченіи 6 мѣсяцевъ содержанія. При этомъ необходимо обратить вниманіе на время, съ какаго можно начать возбужденіе вопроса объ условномъ освобожденіи. Очевидно, это время не можетъ быть очень отдаленно отъ 6-мѣсячнаго срока, по истеченіи коего заключенный можетъ быть освобожденъ. Если предположить, что вопросъ о примѣненіи закона объ условномъ досрочномъ освобожденіи будетъ возбуждаться за 1 мѣсяць, то во многихъ мѣстностяхъ Россійской Имперіи въ мѣсячный срокъ нельзя привести къ окончанію все производство объ условномъ досрочномъ освобожденіи. Я даже допускаю, что если принять этотъ срокъ въ 2 мѣсяца, т. е. по истеченіи половины времени содержанія заключеннаго въ тюрьмѣ, то и тогда во многихъ мѣстностяхъ законъ о досрочномъ освобожденіи нельзя будетъ исполнить. Кромѣ тѣхъ пространствъ, на которыя я указалъ, кромѣ тѣхъ статей устава уголовного судопроизводства, коими установлено право свидѣтелей не являться на разстояніи 200 верстъ въ мѣстностяхъ, въ которыхъ участки мировыхъ судей особенно обширны, обращаю вниманіе на то, что сообщеніе и въ Европейской Россіи по почтѣ не такъ во многихъ мѣстностяхъ установлено, чтобы сношеніе узниковъ съ губернскимъ городомъ, гдѣ находится большая часть окружныхъ судовъ, могло быть таково, чтобы окружный судъ могъ дать своевре-

менно отвѣтъ на представленіе о досрочномъ освобожденіи. Я всячески заботился пріобрѣсти почтовый дорожникъ для того, чтобы съ нимъ въ рукахъ опредѣлить разстояніе, которое почта изъ уѣзднаго города проходитъ въ губернский городъ. Но я этого почтоваго дорожника пайти не могъ, даже въ главномъ управленіи почтъ, гдѣ посланному моему сказали, что изданіе почтоваго дорожника все разошлось, а новое выйдетъ въ концѣ февраля. Но тѣмъ не менѣе я обращаю ваше вниманіе на то, что въ смыслѣ общаго правила почта идетъ опредѣленнымъ почтовымъ трактомъ. И вотъ я укажу два случая. Я долженъ сказать, что я говорю о томъ, что мнѣ было извѣстно, когда я былъ старшимъ предсѣдателемъ Саратовской судебной палаты въ 1869 и въ 1870 г.г. Саратовскому окружному суду подчиненъ Новоузенскій уѣздъ. До города Новоузеньска по прямой линіи черезъ Волгу отъ Саратова 200 верстъ, а почта идетъ на Самару болѣе 800 верстъ, т. е. туда и обратно болѣе 1.600 верстъ. Могу указать на уѣздный городъ Елецъ, гдѣ находится окружный судъ, отъ него на разстояніи около 32 верстъ находится другой уѣздный городъ, названіе котораго я въ настоящее время забылъ. Судьи на сессіи ѣздить туда на извозчикахъ или въ экипажахъ, нанятыхъ въ Елецъ, а не по почтѣ, а почта идетъ кругомъ по уѣздамъ и попадаетъ въ этотъ городъ, сдѣлавъ около 400 верстъ, т. е. туда и обратно около 800 верстъ. Второе основаніе, по которому я считаю, что нужно передать вопросъ о досрочномъ освобожденіи присужденныхъ къ тюремному заключенію въ уѣздъ, заключается въ томъ, что правило проекта обременить окружные суды значительнымъ количествомъ дѣлъ. Всѣхъ заключенныхъ въ Россійской Имперіи въ 1904 г. на разные сроки отъ 3 мѣсяцевъ и болѣе было около 100.000 человекъ. Всѣхъ осужденныхъ въ 1904 г. мировыми судьями, городскими судьями, уѣздными членами окружныхъ судовъ, окружными судами и судебными палатами было 75.202. Цифра эта точная, такъ какъ заимствована мною изъ свода статистическихъ свѣдѣній по уголовнымъ дѣламъ, изданнаго Министерствомъ Юстиціи за 1904 г. Но къ тюремному заключенію присуждаютъ еще земскіе начальники, которые могутъ присуждать къ тюрьмѣ на срокъ до одного года, во-первыхъ, за кражу, съ увеличивающими вину обстоятельствами, предусмотрѣнными статьею 170 устава о наказаніяхъ, и во-вторыхъ, за присвоеніе чужаго имущества по статьѣ 177 того же устава. Я не имѣю точныхъ свѣдѣній о томъ, сколько лицъ земскіе начальники въ Россійской Имперіи присуждаютъ въ годъ къ тюремному заключенію. Я эту цифру вывожу предположительно, принявъ во вниманіе, что земскіе начальники введены въ 43 губерніяхъ и что при опредѣленіи въ каждомъ уѣздѣ числа участковъ земскихъ начальниковъ это число было болѣе того числа, которое было установлено для участковъ мировыхъ судей. Совокупность этихъ данныхъ привела меня къ заключенію, что земскими начальниками можетъ быть присуждено къ тюрьмѣ въ теченіе года около 25.000 человекъ. Слагая 25.000 и 75.000, я и опредѣляю число лицъ, присуждаемыхъ въ годъ къ тюремному заключенію на какой бы то ни было срокъ въ 100.000. Но намъ важно не то, сколько лицъ вообще присуждается въ годъ къ тюремному заключенію; для насъ важно опредѣлить, сколько присуждается въ годъ къ тюремному заключенію на срокъ отъ 8 мѣсяцевъ и выше; какъ бы полно и добросовѣстно ни составлялся бы статистическій сводъ Министерства Юстиціи по дѣламъ уголовнымъ. конечно, составители не могли предвидѣть той важности, которую для разсматриваемаго проекта имѣетъ число лицъ, присужденныхъ къ 8-мѣсячному тюремному заключенію. Посему число это можетъ быть только предположительное. Однако означенное число

можетъ быть обосновано на нѣкоторыхъ данныхъ; по отчету главнаго тюремнаго управленія къ 1 января 1903 г. находилось подъ стражейъ присужденныхъ къ тюрьмѣ на срокъ не свыше одного года 27.583, а свыше одного года 4.162 лица; слѣдовательно лицъ, присужденныхъ къ тюремному заключенію на срокъ болѣе года, была $\frac{1}{7}$ изъ общаго числа всѣхъ, содержавшихся 1 января 1903 г. присужденныхъ къ тюрьмѣ арестантовъ. Эта $\frac{1}{7}$ и служить мнѣ руководствомъ для опредѣленія приблизительнаго количества лицъ, присужденныхъ къ тюремному заключенію отъ 8 мѣсяцевъ до 1 года. Число присужденныхъ къ тюремному заключенію отъ 8 мѣсяцевъ до 1 года принимало нѣсколько менѣе $\frac{2}{7}$ общаго числа. Изъ сего слѣдуетъ, что изъ 100.000 приговоренныхъ къ тюремному заключенію присуждено нѣсколько менѣе $\frac{3}{7}$ къ заключенію на 8 и болѣе мѣсяцевъ, т. е. около 40.000 лицъ. Изъ этихъ 40.000 лицъ вопросъ о досрочномъ освобожденіи можетъ возникнуть приблизительно относительно 30.000. Если эти 30.000 дѣлъ по условному досрочному освобожденію возложить на окружные суды, а у насъ ихъ въ Россійской Имперіи 104, то на окружный судъ придется среднимъ числомъ новыхъ дѣлъ о досрочномъ освобожденіи лицъ, присужденныхъ къ тюремному заключенію, 288. Сверхъ того, въ окружныхъ судахъ прибавится (я противъ этого никакихъ возраженій не имѣю) новыхъ дѣлъ о досрочномъ освобожденіи лицъ, присужденныхъ въ исправительныя арестантскія отдѣленія, или исправительный домъ. По точнымъ свѣдѣніямъ свода статистическихъ свѣдѣній Министерства Юстиціи, за 1904 г. въ арестантскія отдѣленія присуждено было 12.320 лицъ. Если предположить, что относительно 10.000—11.000 изъ этихъ 12.000 возникнетъ вопросъ о досрочномъ условномъ освобожденіи, то число такого рода дѣлъ, въ среднемъ на каждый окружный судъ опредѣлится около 100 дѣлъ въ годъ. Такимъ образомъ окружные суды, по проекту Коммисіи, примутъ на себя разрѣшеніе по 388 новыхъ дѣлъ. Если къ этимъ 388 дѣламъ относиться формально, то эта работа легкая, но мнѣ кажется, не такого формальнаго отношенія желаютъ и ожидаютъ отъ тѣхъ установленій, которымъ будетъ предоставлено окончательное условное досрочное освобожденіе. Для того, чтобы правильно разрѣшить представленіе объ освобожденіи, необходимо ознакомиться, какъ мнѣ кажется, съ прежнимъ подлиннымъ производствомъ и со всѣмъ тѣмъ производствомъ, которое будетъ представлено изъ тюрьмы, написать опредѣленію и т. д. Это трудъ довольно большой, въ особенности если принять во вниманіе, что онъ долженъ быть совершаемъ слѣшно. Посему прибавлять 388 дѣлъ на каждый окружный судъ, въ то время, когда они обременены и безъ того громаднымъ количествомъ подлежащихъ разсмотрѣнію дѣлъ, едва ли было бы правильно. Наоборотъ, если мы предоставимъ разрѣшеніе этихъ дѣлъ уѣзднымъ присутствіямъ, то, какъ я имѣлъ честь докладывать, уѣздныхъ и мировыхъ сѣздовъ у насъ 534, а уѣздовъ, гдѣ нѣтъ этихъ сѣздовъ, а именно гдѣ мировые судьи подчинены непосредственно окружному суду, — 148, такимъ образомъ всего можно образовать уѣздныхъ присутствій 682. Если 30.000 дѣлъ, о которыхъ я говорилъ ранѣе, распределить между уѣздными присутствіями, то на каждое изъ нихъ придется лишь 44 дѣла. Третье основаніе, по которому слѣдовало бы дѣла этого рода передать въ уѣздъ, заключается въ томъ, что уѣздное присутствіе, по моему мнѣнію, болѣе правильно можетъ отнестись къ разсмотрѣнію этихъ вопросовъ, потому что если принять предложеніе члена Государственнаго Совѣта П. Н. Дурново, чтобы присоединять къ этимъ присутствіямъ исправника, если въ этомъ присутствіи будетъ находиться начальникъ тюрьмы, то мнѣ кажется, что при

взаимномъ общеніи между чинами судебныхъ и судебно-административныхъ установленій съ лицами, близко стоящими къ тюрьмѣ, вопросъ объ условномъ досрочномъ освобожденіи разрѣшится болѣе правильнымъ образомъ. Окружные же суды будутъ разрѣшать эти дѣла по бумагамъ. Правда, въ статьѣ 14 указано, что окружный судъ можетъ приглашать къ себѣ начальника тюрьмы, но тутъ же установлено, что только того начальника тюрьмы, который живетъ въ той же мѣстности, гдѣ находится и окружный судъ, а такихъ мѣстностей, какъ я сказалъ, только 104. Слѣдовательно, если мы изъ 682 уѣздныхъ присутствій исключимъ 104, въ которыхъ могъ бы находиться начальникъ тюрьмы, то окажется, что по дѣламъ 578 уѣздныхъ присутствій окружные суды не могутъ пригласить начальника тюрьмы, а должны будутъ довольствоваться, если свѣдѣнія не полныя, только требованіемъ новыхъ свѣдѣній, новою перепискою, что еще болѣе замедлитъ разрѣшеніе дѣла. Итакъ, я поддерживаю основное положеніе: признать, что вопросы о примѣненіи условнаго досрочнаго освобожденія къ лицамъ, присужденнымъ къ заключенію въ тюрьмѣ, подлежатъ разрѣшенію въ уѣздныхъ присутствіяхъ. Но такъ какъ это основное положеніе въ случаѣ, если Государственному Совѣту угодно будетъ принять его, требуетъ подробной разработки, то я бы полагалъ, чтобы это основное положеніе передать въ Комисію, которая будетъ признана необходимой Государственнымъ Совѣтомъ. Но позвольте сдѣлать мнѣ еще слѣдующую оговорку: если Государственному Совѣту не благоугодно будетъ принять это основное положеніе, то я предлагаю къ проекту поправку. Руководствуясь основаніями объ обширныхъ пространствахъ нѣкоторыхъ нашихъ губерній и областей, пространствахъ, о которыхъ я говорилъ, нахожу, что въ настоящее время, если мы распространимъ этотъ законъ на окраины, на Сибирь, на губернію Архангельскую и т. д., то этотъ законъ по громадному разстоянію уѣздовъ отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ находятся окружные суды, этотъ законъ, говорю, во многихъ случаяхъ не будетъ приведенъ въ исполненіе, и лица, которыя присуждены къ меньшимъ срокамъ заключенія, напри- мѣръ на 8 мѣсяцевъ, и которыя признаны были заслуживающими досрочнаго освобожденія, могутъ во многихъ случаяхъ остаться сидѣть въ тюрьмѣ вплоть до того времени, когда ихъ срокъ уже истекъ. Поэтому, если мое основное положеніе не будетъ принято, то подлежитъ внести слѣдующую поправку къ проекту: «дѣйствіе настоящаго закона не распространяется на всѣ мѣстности, въ коихъ къ числу законныхъ причинъ неявки свидѣтелей въ судъ относится жителство ихъ въ разстояніи 200 верстъ отъ мѣста, въ которое ихъ вызываютъ», предоставивъ Министру Юстиціи внести въ Государственную Думу проектъ особыхъ правилъ для этихъ мѣстностей.

Графъ Олсуфьевъ. При первомъ голосованіи, когда вопросъ ставился принципиально о желательности предлагаемаго закона, я голосовалъ за этотъ законъ, ибо нахожу его практически цѣлесообразнымъ. Совершенно не стоя на точкѣ зрѣнія теоретиковъ криминалистовъ, соображенія которыхъ пространно излагались съ этой каеэды объ исправительномъ значеніи тюрьмы и пр., я въ примѣненіи собственно къ русскимъ тюрьмамъ желалъ бы такого закона, по которому, какъ общее правило, всѣ арестанты, исправно себя ведущіе, освобождались-бы досрочно, а дурно ведущіе, составляющіе исключеніе, задерживались бы властью начальника тюрьмы еще дополнительно въ той же тюрьмѣ. Обращаю ваше вниманіе на слѣдующее: вѣдь собственно вопросъ о размѣрѣ репрессіи—это совершенно отдѣльный вопросъ. Я совершенно согласенъ съ тѣми, которые говорили съ этой каеэды, что размѣры репрессій въ Россіи во

многихъ случаяхъ крайне недостаточны. Но вся суть въ томъ, что сила репрессіи вовсе не выражается только въ срокъ заключенія; меньше всего срокъ заключенія имѣетъ значенія; сила репрессіи главнымъ образомъ выражается въ характеръ заключенія. Одно дѣло, сидѣть, скажемъ, въ Пенсильванской тюрьмѣ, въ одиночномъ заключеніи, хотя бы три недѣли, а другое дѣло сидѣть у насъ въ какой-нибудь уѣздной казармѣ, въ особенности зимой, въ компаніи, при полномъ отсутствіи дисциплины, хотя бы шесть или семь мѣсяцевъ. Я приведу такой примѣръ: у насъ въ уѣздномъ городѣ постоянно бывають рецидивисты, извѣстные всѣмъ и исправнику, и начальнику тюрьмы, которые, встрѣчаясь съ начальникомъ тюрьмы на базарѣ, дружелюбно ему кланяются, а начальникъ отвѣчаетъ и спрашиваетъ стараго знакома (я рассказываю фактъ): «а когда же ко мнѣ опять»? а тотъ отвѣчаетъ: «А вотъ, ваше благородіе, какъ заходитъ». Я привожу этотъ примѣръ въ возраженіе тѣмъ противникамъ законопроекта, которые стоятъ на той точкѣ зрѣнія, что будто въ длительности наказанія—вся сила репрессіи. Съ этимъ я совершенно не согласенъ. Мое разсужденіе иное; я считаю полезнымъ этотъ законъ вотъ въ какомъ смыслѣ: на практикѣ законъ этотъ установить, какъ общее правило, объ арестантѣ, исправно себя ведущемъ, въ установленный срокъ входить съ представленіемъ объ его освобожденіи; отсюда слѣдуетъ, что арестантъ, дурно себя ведущій, можетъ быть задержанъ начальникомъ тюрьмы еще на полтора, на два мѣсяца, на годъ и т. д. Другими словами закономъ этимъ въ практическомъ его примѣненіи какъ бы дается власть начальнику тюрьмы удлинять дополнительно наказаніе дурно ведущему себя арестанту. Такъ, по моему, законъ этотъ выразится въ практикѣ жизни и въ этомъ его значеніи считаю его очень полезнымъ. Затѣмъ несомнѣнно нужно, чтобы въ тюрьмахъ былъ и болѣйшій порядокъ, а это легче всего достигается, если у самого арестанта будетъ прямая выгода вести себя хорошо. Итакъ, вотъ мое основное соображеніе, которое будетъ имѣть связь съ дальнѣйшими моими сужденіями: это то общее правило, что арестантъ, хорошо себя ведущій, имѣетъ право на то, чтобы быть освобожденнымъ. Затѣмъ позволю себѣ предпослать нѣсколько общихъ замѣчаній по поводу разсматриваемаго законопроекта. Въ сущности, я считаю, что разсматриваемый нами законопроектъ едва ли не самый важный изъ всѣхъ до сихъ поръ нами, представительными учрежденіями, разсмотрѣнный. Это первый законопроектъ, имѣющій общее значеніе, какъ обнимающій всю территорію государства и касающійся всѣхъ слоевъ общества. Мнѣ кажется, что законопроектъ этотъ настолько важенъ и не слѣшенъ, что позволительно нѣсколько расширить рамки разсужденій, и если я принципиально высказался за законопроектъ, въ смыслѣ признанія его цѣлесообразности, то этимъ самымъ я совсѣмъ еще не высказывалось одобрительно о томъ, какъ онъ составленъ, объ его построеніи. По моему, все построеніе этого законопроекта, а главнымъ образомъ статья 7, представляется для насъ, людей практики, совершенно несоотвѣтствующимъ жизни, и въ этомъ отношеніи я волюгъ раздѣляю взглядъ П. Н. Дурново и особенно взглядъ Н. Н. Шрейбера. Высокоуважаемый А. Ф. Кони на прошломъ засѣданіи иронизировалъ въ своей рѣчи надъ среднимъ обывательскимъ смысломъ; но я думаю, что кромѣ соображеній специалистовъ-юристовъ, при обсужденіи закона, несомнѣнно долженъ имѣть главное значеніе этотъ среднеобывательскій смыслъ. И вотъ, съ точки зрѣнія этого среднеобывательскаго смысла, я считаю себя обязаннымъ высказать свои соображенія, ибо въ этомъ я вижу назначеніе представительныхъ учрежденій и насъ здѣсь сидящихъ—выборныхъ. Если бы все дѣ-

малось только на основаніи Митермейера и его юридических соображеній, то для нашего участія рѣшительно тутъ не было бы мѣста. Такъ вотъ, то, что сказалъ Н. Н. Шрейберъ о разстояніяхъ, для насъ, живущихъ въ уѣздахъ,—азбука. Не нужно такъ далеко ходить, напримѣръ, въ Архангельскую губернію или Вологодскую; у насъ въ Камышинскомъ уѣздѣ Саратовской губерніи только недавно открыта желѣзная дорога, а раньше почта тамъ ходила 2 раза въ недѣлю, и я подтверждаю, что совершенно вѣренъ подсчетъ Н. Н. Шрейбера, что для арестантовъ, осужденныхъ на 8 мѣсяцевъ, надо, чтобы начальникъ тюрьмы возбуждалъ дѣло по крайней мѣрѣ спустя два—три мѣсяца послѣ того, какъ арестантъ попалъ въ тюрьму. Быть можетъ, практика къ этому и сведется. Арестантъ вступилъ въ тюрьму; черезъ 2 мѣсяца уже начальникъ тюрьмы возбуждаетъ дѣло объ его досрочномъ освобожденіи. Этимъ способомъ онъ запасается заблаговременно такими «lettres de cachet», касающимися своихъ заключенныхъ, и по мѣрѣ того, какъ сроки выходятъ, онъ выпускаетъ арестантовъ: но едва ли этого желалъ законодатель. Такимъ образомъ, мнѣ кажется, къ этому закону примѣнима во всей силѣ старая насмѣшка обывателя надъ нашими законодателями-бюрократами, выразившаяся въ поговоркѣ: «учреждаютъ все инстанціи, забываютъ про дистанціи». Это первое формальное возраженіе, т. е. не формальное, а скорѣе внѣшнее, матеріальное прелятствіе къ выполненію закона. Затѣмъ, я укажу на слѣдующее; опять таки совершенно присоединяюсь къ мнѣнію Н. Н. Шрейбера и въ этомъ пунктѣ я усматриваю сущность всего вопроса: собственно, на что же призывать вторую инстанцію—окружный судъ? Припомнимъ, господа, что Н. С. Таганцевъ намъ указалъ, какъ аксіому криминалистики, что человѣка судятъ по внѣшнимъ проявленіямъ его воли; законъ имѣетъ дѣло не съ внутренними тайниками его души. Безусловно это вѣрно. И вотъ я думаю, что и при обсужденіи вопроса объ освобожденіи обсуждаются поступки арестанта, а не его душевное настроеніе. А какіе же поступки составляютъ хорошее поведеніе? Хорошее поведеніе выражается въ отсутствіи поступковъ! Въ самомъ дѣлѣ, какого рода аттестацію можетъ представить начальникъ тюрьмы? Арестантъ смирный, трудящійся. Но во второй инстанціи ему скажутъ:—докажите, что онъ смирный.—«Т. е. Ваше Превосходительство, какъ же Вамъ доказать»?—Ну, не было ли такого случая, когда бы было испытано его смиреніе? Его ударили, можетъ быть, по правой щекѣ, а онъ, подѣ влияніемъ уроковъ духовнаго отца въ тюрьмѣ, подставилъ лѣвую? «Нѣтъ, этого собственно не было, а все-таки онъ смирный, Ваше Превосходительство».—Но, однако, въ чемъ же выражается его смиреніе? Нѣтъ, это не доказательно, надо ходатайство отклонить. Такъ поставятъ во второй инстанціи. Теперь другой примѣръ: скажутъ: «арестантъ трудящійся.—Да, но въ чемъ же выражается его трудолюбіе?—Тоже не можете доказать»? и т. п. Въ статьѣ 1 первоначальнаго проекта сказано опредѣленно: первое, что требуется отъ арестанта,—одобрительное поведеніе, которое выражается въ соблюденіи правилъ порядка, т. е., чтобы онъ не ругался, не пьянствовалъ, не дерзилъ. Какъ видите, все признаки отрицательные. Но кромѣ того отъ него требуется трудолюбіе и успѣхъ въ работахъ. Съ перваго раза выраженіе «успѣхъ въ работахъ» можетъ возбудить сомнѣніе: не требуется-ли особое искусство въ работѣ, не имѣется-ли въ виду установить нѣчто въ родѣ ремесленного экзамена? Однако, очевидно, что это не такъ. Вѣдь не можетъ же потребовать окружный судъ: представьте намъ сапоги, которые сработалъ арестантъ, ибо при такомъ порядкѣ искусный

сапожники или портной будутъ всегда освобождаемы, а неискусные будутъ сидѣть въ тюрьмѣ. Слѣдовательно, когда говорится объ успѣшности работы, имѣется въ виду опять таки отрицательный признакъ, что арестантъ не уклоняется отъ работы. Я поясню свою мысль путемъ сравненія: я считаю, что всякій арестантъ, у котораго будетъ 12 балловъ за поведеніе, имѣетъ право быть освобожденнымъ. Но кому же ставятъ 12 балловъ въ школѣ за поведеніе? Между тѣмъ въ учебномъ заведеніи больше области для изслѣдованія внутренняго человѣка, той святой святыхъ, о которой говорилъ Н. С. Таганцевъ. Однако, всетаки, скажу, что 12 за поведеніе ставится ученику, ведущему себя добропорядочно и только. Ученикъ можетъ быть и злой, и завистливый, и мстительный, а всетаки ему ставятъ 12 за поведеніе, потому что онъ ничего плохаго не сдѣлалъ, и наоборотъ добрый, хорошій разбилъ что нибудь, или сломалъ, и ему ставятъ 11. Слѣдовательно, полный баллъ изъ поведенія есть квалификація, основанная на признакахъ отрицательныхъ. Теперь представимъ себѣ, что по уставу Министерства Народнаго Просвѣщенія требовалось бы отмѣтку о 12-балльномъ поведеніи сообщать въ попечительскіе совѣты на утвержденіе. Но педагогическій совѣтъ гимназіи лично знаетъ ученика: что онъ ведетъ себя хорошо, что онъ заслужилъ 12 балловъ, и вотъ отмѣтка представляется для утвержденія въ попечительскій округъ, и вотъ въ совѣтъ округа, какъ и въ окружномъ судѣ, скажутъ: «а почему вы ему поставили 12?»—«Хорошо себя ведетъ».—«Докажите! давайте вызовемъ свидѣтелей».—Тамъ начальника губернской тюрьмы вызываютъ, а тутъ директора. Но доказать положительное поведеніе арестанта или ученика невозможно, ибо хорошее поведеніе выражается въ отсутствіи проступковъ, а отрицательный фактъ свидѣтельствуется, но не доказывается. Другое дѣло—дурное поведеніе, оно выражается въ наличности проступковъ. Вотъ намъ нужно установить фактъ кражи: человѣка судятъ, вызываютъ свидѣтелей и проч. Но устанавливать въ двухъ инстанціяхъ отрицательный фактъ отсутствія проступковъ не имѣетъ ни значенія, ни смысла. Поэтому я считаю, что кромѣ матеріальныхъ причинъ,—дальности разстояній, о которыхъ, совершенно осповательно сказалъ Н. Н. Шрейберъ,—самое существо дѣла отнюдь не требуетъ двухъ инстанцій—и по возможности никакихъ инстанцій—т. е. одну ближайшую—ту инстанцію, которая лично знаетъ арестантовъ, которая въ основу сужденія кладетъ личное впечатлѣніе. Тутъ есть подробность, совершенно ни къ чему ненужная въ этомъ законѣ и очень характерная: что арестанта инстанція судить, а *потомъ* сообщаетъ ему объ этомъ. Казалось, не проще ли бы было арестанта вызвать и тутъ же спросить его: «хочешь, молъ, быть освобожденнымъ и выбери себѣ мѣсто жительства» и тутъ же рѣшить дѣло сразу. Но законодательство, любившее и до сихъ поръ любящее всякія инстанціи, не терпитъ такого порядка. Это было бы слишкомъ просто, слишкомъ хорошо и слишкомъ естественно, а потому не соотвѣтствовало бы традиціямъ, многимъ традиціямъ нашихъ законодателей. По поводу статьи 7 П. Н. Дурново, кажется, указалъ на то, что въ совѣщаніи необходимо участіе представителя отъ полиціи. Проектъ опускаетъ такое лицо, какъ уѣздный исправникъ, къ которому сразу подъ наблюденіе перейдетъ этотъ арестантъ, отъ котораго зависитъ сказать: «не выпускайте его, господа; онъ сейчасъ же украдетъ; продержите его до лѣта, когда будетъ работа. Я одинъ наблюдаю за этимъ». За то врачъ, который пользовалъ больного, если у него была какая нибудь инфлуэнца въ теченіе 2 дней, или насморкъ, или расстройство желудка и если врачъ прописалъ

ему лекарство, то врачъ этотъ является съ рѣшающимъ голосомъ въ отношеніи этого арестанта, а между тѣмъ онъ его не видѣлъ послѣ болѣзни 5 мѣсяцевъ, или годъ, а мѣстный исправникъ, или полиціймейстеръ, па чѣмъ попеченіи, какъ совершенно правильно указалъ П. Н. Дурново, будетъ находится этотъ арестантъ, въ совѣщаніе не вводится. Между тѣмъ, я указываю особенно относительно рецидивистовъ-арестантовъ, что они большею частью въ уѣздныхъ городахъ извѣстны лично пачальнику тюрьмы и исправнику и даже уѣздному члену окружнаго суда. Такимъ образомъ введеніе въ первую инстанцію представителя полиціи является безусловно необходимымъ. Отсутствіе этого представителя въ проектѣ Министерства можно объяснить только историческою справкою: когда этотъ законъ писался и для какой Думы онъ писался. Только исторически можно объяснить, что въ статьѣ 7 не помещено представителя полиціи. Позвольте мнѣ еще указать нѣсколько несообразностей. Полное несоотвѣтствіе двухъ инстанцій выражается между прочимъ въ слѣдующемъ: при рѣшеніи вопроса, сколько времени и гдѣ можетъ проживать арестантъ. Говорятъ такъ: назначается ему мѣсто жительства, но не объясняется, что значитъ терминъ «мѣстожительство». Можно подумать напр. село Ивановское или Михайловское;— но, будѣ онъ отъ этого села отлучится болѣе, чѣмъ на мѣсяцъ, то онъ долженъ испрашивать разрѣшеніе у окружнаго суда. Я представляю себѣ слѣдующее: вотъ арестантъ выпущенъ лѣтомъ въ деревню, назначенную ему мѣстожительствомъ, и вотъ земскій начальникъ или директриса будутъ прикидывать ему работу и говорятъ: сосѣдній помѣщикъ приглашаетъ арестанта на молотьбу. Онъ пошелъ работать на молотьбу, но мѣсяцъ истекаетъ, и пужно писать въ окружной судъ, можно ли ему, отлучившемуся изъ села Михайловскаго на разстояніи 7—8 верстъ, остаться на молотьбѣ у такого то помѣщика. Съ моей точки зрѣнія, съ обывательской, это совершенная несообразность. Очевидно вопросъ о мѣстожительствѣ долженъ рѣшаться полиціей или же въ болѣе важныхъ случаяхъ можетъ быть рѣшенъ уѣзднымъ членомъ окружнаго суда. Смѣшно, по моему, заваливать окружные суды, и безъ того заваленные работой, такими пустяшными несоотвѣтствующими дѣлами. И. О. Корвинъ-Милевскій указалъ на то, что одна изъ цѣлей, преслѣдуемыхъ закономъ (а несомнѣнно такая цѣль существуетъ), освободить тюрьмы отъ переполненія. Достигнуть ее лучшимъ образомъ, говорилъ онъ, можно ускореніемъ и усиленіемъ средствъ судопроизводства и слѣдственной части судовъ. Несомнѣнно такъ. Поэтому, въ настоящее время, когда по году сидятъ подсѣдственные безъ вызова къ слѣдствію, выдумывать новую ненужную работу для центральныхъ учрежденій я считаю вреднымъ. Я позволю себѣ освѣтить еще одну сторону вопроса. Мнѣ могутъ возразить: Вы не такъ понимаете идею закона. Вы толкуете слишкомъ формально. Мы хотимъ освобожденіе назначить, какъ награду за внутреннее перерожденіе арестанта. А для сужденія объ этомъ нужны двѣ инстанціи, чтобы была гарантія въ безошибочности рѣшенія. Но къ чему однако такая постановка дѣла поведетъ на практикѣ? Для меня ясно: къ крайне вредному направленію, къ лицемѣрію и лжи. Дѣйствительно статья 9 требуетъ отъ особаго совѣщанія подробнаго изложенія основаній, по коимъ арестантъ такой то подлежитъ освобожденію. Я такого требованія не понимаю. Арестантъ смиренный, работающій, не пьющій велъ себя хорошо; ему говорятъ: можешь идти изъ тюрьмы. Но нѣтъ, этого недостаточно для второй инстанціи. Значитъ надо лгать, писать, напримѣръ, про политическаго, что онъ настолько переродился, что даже полюбилъ

русское Правительство, а про какогонибудь ворюшку, что онъ благочестиво въ церкви молится, Бога поминаетъ часто и т. п. Другими словами, наша теоретическая криминалистика толкаетъ на путь фальши и лжемѣрія, которыя, конечно, крайне нежелательны. По всѣмъ этимъ соображеніямъ и имѣя въ виду, что рассматриваемый законъ въ высшей степени важный, но идеѣ симпатичный и вовсе не слѣшый, я бы всячески привѣтствовалъ передачу его въ Коммисію на новое разсмотрѣніе. Къ сожалѣнію, разбирая пренія въ Думѣ по этому закону, убѣждаешься, что вся критика пародныхъ представителей собственно плавала въ сферѣ общихъ соображеній: доказывали гуманность, либеральность этого закона; по техники законодательной, живаго вліянія духа земли, вліянія народныхъ представителей на самую структуру закона совершенно не видно. Старый законъ, хотя и либеральный, хотя и гуманный, но старый по своей канцелярской бюрократической конструкціи. Особенно курьезна одна изъ «поправокъ», внесенная Думою. Въ статьѣ 7 добавлено, что начальникъ тюрьмы вопросъ о примѣненіи условнаго досрочнаго освобожденія къ заключенному вносить *въ суточный срокъ*. Но съ какого времени исчислять этотъ суточный срокъ, никому неизвѣстно. Интересно, что эта курьезная «поправка» сдѣлана Думою, и кажется Н. Н. Шрейберъ уже предложилъ замѣнить «суточный срокъ» словомъ «своевременно». Далѣе будутъ идти отдѣльные возраженія по другимъ статьямъ, по которымъ я все же позволю себѣ утомлять Государственный Совѣтъ и буду, въ свое время, вновь просить слова, ибо считаю своею обязанностью къ такому важному закону отнестись посылно внимательно. Въ заключеніе выскажу еще одно соображеніе: какія причины, что по проекту учреждаются двѣ инстанціи, кромѣ общей любви къ инстанціямъ нашихъ законодателей? А причина вотъ какая: боятся новизны, а потому одной рукой даютъ, а другой берутъ; это тоже застарѣлая привычка нашего законодательства. Разсуждаютъ такъ: а ну какъ по первой инстанціи слишкомъ много будетъ освобождено заключенныхъ? Вотъ вторая инстанція и попридержитъ. Но для этого вторая инстанція—средство мало пригодное. Ужъ если пускаться въ область административной практики примѣненія новаго закона, то гораздо проще начальникамъ тюрьмы разослать циркуляръ, что вотъ такихъ то представлять къ освобожденію, но не болѣе, на примѣръ, 20%. Повѣрьте, что если тюремный инспекторъ напишетъ, чтобы болѣе 20% не представлять, то и въ тюрьмахъ окажется ровно 20% арестантовъ «исправившихся».

Дурново. Къ тѣмъ объясненіямъ, которыя были представлены Н. Н. Шрейберомъ и гр. Д. А. Олсуфьевымъ, я могу прибавить, что разница между моими поправками и тѣми поправками, которыя внесены Н. Н. Шрейберомъ, сводятся къ тому, что я полагалъ установить для условнаго досрочнаго освобожденія 2 инстанціи: одну инстанцію въ тюрьмѣ—совѣщанію подъ предѣтельствомъ губернскаго тюремнаго инспектора, другую инстанцію на мѣстахъ—въ лицѣ уѣздныхъ членовъ окружнаго суда. Мы совершенно сходимся какъ съ Н. Н. Шрейберомъ, такъ и съ гр. Д. А. Олсуфьевымъ по вопросу, что это дѣло должно разрѣшаться на мѣстахъ, о чемъ я подробно докладывалъ Государственному Совѣту въ прошломъ засѣданіи; но я совершенно присоединяюсь къ мысли Н. Н. Шрейбера и гр. Д. А. Олсуфьева, что если возможно учредить только одну инстанцію на мѣстахъ, то это будетъ, по моему мнѣнію, болѣе удовлетворять потребностямъ, чѣмъ мое первоначальное предположеніе, потому что такъ или иначе то совѣщаніе, которое образуется въ тюрьмѣ, подъ тѣмъ или другимъ

предсѣдательствомъ въ томъ или другомъ составѣ, рѣшить дѣло окончательно. И если стать на точку зрѣнія Н. Н. Шрейбера, то дѣло будетъ рѣшено правильно, безъ дальнѣйшихъ задержекъ. Въ виду всѣхъ этихъ данныхъ, я предполагаю ту поправку, которую вноситъ Н. Н. Шрейберъ—вопросъ объ учрежденіи одной инстанціи—передать на разсмотрѣніе Коммисіи.

Товарищъ Министра Юстиціи Люце. Мысль статьи 7 заключается въ томъ, чтобы въ полной мѣрѣ удовлетворить потребности правильного освобожденія арестанта за его хорошее поведеніе, прежде, чѣмъ наступаетъ срокъ окончанія его наказанія. Наказаніе ему опредѣлено судомъ, и онъ долженъ бы его отбыть полностью; но по особымъ обстоятельствамъ это измѣняется и послѣдняя часть наказанія ему условно прощается и замѣняется другимъ, такъ сказать, наказаніемъ. Заключение освобождается подъ извѣстнымъ условіемъ, особенно строгимъ, за нарушеніе котораго его вернутъ въ тюрьму, причѣмъ вернуть его могутъ по истеченіи нѣкотораго срока, такъ что въ сущности онъ отбудетъ свое наказаніе въ теченіе гораздо болѣе продолжительнаго времени, чѣмъ первоначально было присуждено. При этомъ освобожденіи есть два момента: одинъ моментъ—когда извѣстная власть должна сказать, что по своему поведенію заключенный заслуживаетъ того, чтобы о немъ быть возбужденъ вопросъ объ освобожденіи его изъ тюрьмы; другой моментъ—когда такое предположеніе получаетъ свое утвержденіе. Первый моментъ не требуетъ постановленія суда; но въ немъ должны участвовать всѣ тѣ лица, которые могутъ слѣдить за поведеніемъ арестанта и могутъ судить о его поведеніи. Второй моментъ требуетъ участія суда. При измѣненіи того наказанія, къ которому освобождаемый былъ присужденъ, должна дѣйствовать судебная власть. Должно быть постановленіе суда о томъ, что первоначальный приговоръ измѣняется. Постановляется, такъ сказать, дополнительный приговоръ, коимъ конецъ наказанія, которое было присуждено виновному, измѣняется, обращается въ условное освобожденіе. Вотъ для удовлетворенія этой мысли и было предложено Министерствомъ Юстиціи и принято Государственною Думою и Коммисіею законодательныхъ предположеній Государственнаго Совѣта такое устройство условнаго освобожденія, чтобы сначала лица, слѣдящія за поведеніемъ арестанта, судили о томъ, слѣдуетъ ли возбудить вопросъ объ его освобожденіи, а затѣмъ уже судъ постановлялъ объ освобожденіи заключеннаго. Здѣсь говорилось о томъ, что въ проектированномъ совѣщаніи не участвуетъ исправникъ. Это заблужденіе; исправникъ всегда будетъ. Онъ вѣдь одинъ изъ директоровъ тюремнаго комитета, а гдѣ будетъ общество патроната, тамъ онъ, конечно, и членъ этого общества и самый дѣятельный его членъ. Такъ что исправникъ будетъ участвовать въ совѣщаніи, которое даетъ заключеніе о поведеніи арестанта. Но главное,—привлечь въ это совѣщаніе частныхъ лицъ, слѣдящихъ за поведеніемъ заключенныхъ, членовъ обществъ патроната, которые имѣются на мѣстахъ, а если ихъ нѣтъ, то вызывать въ жизнь такія общества, спеціальность которыхъ именно въ томъ, чтобы слѣдить за поведеніемъ осужденныхъ, и въ тюрьмѣ, и въ особенности внѣ тюрьмы, когда ихъ освободятъ. Этой цѣли вполне удовлетворяетъ совѣщаніе, установленное въ статьѣ 7. Затѣмъ, предполагается, чтобы представленіе его шло на утвержденіе окружнаго суда, такъ какъ только судъ можетъ измѣнить приговоръ. Здѣсь было указано, что отдаленность окружныхъ судовъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи препятствуетъ представленію такихъ предположеній о досрочномъ освобожденіи заключенныхъ на разрѣшеніе суда. Въ Россіи, конечно, есть отдален-

ленные мѣстности, но онѣ не могутъ служить препятствіемъ къ принятію статьи 7, въ видѣ общаго правила. Но, кромѣ того, эти опасенія, по моему, въ высшей степени преувеличены: все-таки, какъ бы то ни было, а тюрьма, гдѣ отбывается наказаніе по приговору окружнаго суда, не далека отъ окружнаго суда; законъ же о досрочномъ освобожденіи будетъ, главнымъ образомъ, примѣняться къ тѣмъ, кто сидитъ по приговору окружнаго суда, потому что по приговору мировыхъ судей чрезвычайно рѣдко, чтобы наказаніе тюремю было болѣе шести мѣсяцевъ, хотя судьи могутъ присуждать къ тюрьмѣ на срокъ до 1½ года, но какъ извѣстно наши судьи вовсе не склонны назначать наказанія въ высшихъ размѣрахъ и обыкновенно уменьшаютъ его по возможности. Другое предположеніе, что это загромождаетъ окружной судъ, что это слишкомъ большое количество случаевъ, когда придется суду разсматривать предложенія объ освобожденіи—тоже весьма преувеличено. Хотя тѣ цифры, которыя Н. Н. Шрейберъ приводилъ, очень велики, по моему, гораздо больше, чѣмъ онѣ будутъ на практикѣ, такъ какъ онѣ теоретически разрѣшили вопросъ о томъ, сколько лицъ будетъ заключено на срокъ свыше восьми мѣсяцевъ, а это рѣшить теоретически невозможно, но тѣмъ не менѣе у него вышло менѣе 400 дѣлъ въ годъ, на каждый судъ. Сравнительно съ тѣмъ количествомъ дѣлъ, которыя окружной судъ разсматриваетъ въ распорядительныхъ засѣданіяхъ, это такое ничтожество, о которомъ и говорить не приходится. Между тѣмъ, какъ законъ новый, въ особенности въ первое время, какъ первый опытъ, досрочное условное освобожденіе необходимо поставить подъ контроль окружнаго суда. Суточный срокъ, о которомъ говорится въ статьѣ 7, и противъ котораго теперь возражаютъ, принятъ Думою; его не было въ проектѣ Министерства Юстиціи. Хотя, разумѣется, можно было бы найти и другое выраженіе, быть можетъ, болѣе удачное, или вовсе выпустить эти слова, мнѣ казалось бы, что изъ за этого срока не стоило бы входить въ разногласіе съ Думою. По проекту П. Н. Дурново, исключаются изъ числа лицъ, участвующихъ въ первоначальномъ разсмотрѣніи вопроса о томъ, заслуживаютъ ли арестанты освобожденія, члены судебного вѣдомства, директора тюремныхъ комитетовъ и члены патроната. Это представляется неудобнымъ. Относительно членовъ судебного вѣдомства, надо сказать, что хотя въ настоящее время дѣйствительно, при разрѣшеніи вопроса о безусловномъ освобожденіи арестантовъ изъ арестантскихъ отдѣленій, члены судебного вѣдомства не участвуютъ, равно какъ и при предоставленіи льготъ при отбываніи каторжныхъ работъ, при переводѣ ихъ въ разрядъ исправляющихся или на поселеніе; но уже, при утвержденіи Уголовнаго Уложенія Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта отъ 22 марта 1903 г., было признано необходимымъ привлечь чиновъ судебного вѣдомства въ тѣ губернскія установленія, въ которыхъ разсматриваются эти вопросы, привлечь въ качествѣ членовъ этихъ присутствій председатели и прокурора окружнаго суда. Въ соответствии съ этимъ, и въ настоящемъ законопроектѣ предположено въ первоначальную Коммисію по разсмотрѣнію вопроса о томъ, заслуживаетъ ли данное лицо освобожденія, привлечь чиновъ судебного вѣдомства. Что касается членовъ обществъ патроната, директоровъ тюремныхъ комитетовъ, то, казалось бы, ихъ привлеченіе особенно важно, главнымъ образомъ, для того, чтобы возбудить въ нихъ особый интересъ къ этому дѣлу. Имъ, уже по принятой Вами статьѣ 5, предоставлено возбужденіе вопросовъ объ освобожденіи арестантовъ, и не допустить ихъ въ Коммисію, которая разрѣшаетъ вопросъ о томъ, представить ли

или не представить объ освобожденіи заключеннаго на разрѣшеніе суда было бы не послѣдовательно, и очень вредно для дѣла, потому что, разумѣется, это не могло бы не охладить ихъ дѣятельности по наблюденію за арестантами, а главное и по попеченію объ освобожденныхъ изъ тюремъ. Затѣмъ, по предположенію П. Н. Дурново, эти совѣщанія устраиваются въ губернскихъ городахъ, подъ предсѣдательствомъ тюремнаго инспектора, а въ уѣздныхъ городахъ подъ предсѣдательствомъ исправника. Предсѣдательствованіе исправника было бы невозможно провести въ Государственной Думѣ, а предсѣдательствованіе тюремнаго инспектора создало бы новое губернское учрежденіе, между тѣмъ, какъ этому учрежденію предоставлено только первоначальное разрѣшеніе вопроса—представить ли въ судъ объ освобожденіи арестанта или не представлять; такимъ образомъ, по этому предположенію П. Н. Дурново, которое находится въ связи со статьею 12, оказалось бы, что предварительное рѣшеніе губернской власти поступало бы на окончательное разрѣшеніе уѣздной власти, къ мировому судѣ или къ уѣзному члену суда. Это было бы крайне неудобно. Въ заключеніе надо сказать, что, разумѣется, устроить эти предварительныя совѣщанія о досрочномъ освобожденіи, какъ и вообще создать весь порядокъ условнаго освобожденія, мыслимо на всевозможные лады и нельзя даже представить себѣ все различныя учрежденія, какія можно было бы изобрѣсти для этой цѣли. Но для того, чтобы приступить къ какимъ либо инымъ въ настоящую минуту предположеніямъ, нужно было бы имѣть твердыя доказательства того, что все принятое Государственною Думою и Коммисіею законодательныхъ предположеній Государственнаго Совѣта, никуда не годится. Между тѣмъ такихъ доказательствъ, по мнѣнію моему не представлено.

Прот. Буткевичъ. Ваше Высокопревосходительство! Я буду говорить немного и выскажу чисто практическія соображенія. Я всецѣло поддерживаю поправку, внесенную П. Н. Дурново, но въ ней есть мѣсто, на которое я долженъ обратить Ваше вниманіе. Особое совѣщаніе образуется изъ начальника мѣста заключенія, его помощника и состоящаго при мѣстѣ заключенія духовнаго лица того вѣроисповѣданія, къ коему принадлежитъ заключенный. Тяжелое положеніе, которое испытываетъ заключенный въ тюрьмѣ, поскольку свидѣтельствуется опытъ, облегчается въ особенности религіею. Тюрьма очень часто людей легкомысленныхъ изъ своихъ стѣнъ выпускаетъ благочестивыми и религіозными. Я долго изучалъ религіозное настроеніе каторжниковъ и заключенныхъ въ тюрьмѣ, начиная съ декабристовъ. Многіе изъ декабристовъ были люди легкомысленные, рисовались даже своими атеистическими воззрѣніями. Одинъ изъ нихъ, напримѣръ, Кюхельбеккеръ даже читалъ въ Атепеумѣ въ Парижѣ лекціи объ атеизмѣ, запрещенныя по постояннѣю нашего посла. Но, посмотрите, послѣ освобожденія своего изъ заключенія, онъ вынесъ оттуда довольно толстую книгу стихотвореній, въ которыхъ проявляется глубокое религіозное чувство. Я видѣлъ князя Трубецкаго, который въ молодости своей увлекался суетною жизнью, а по выходѣ изъ каторги находилъ удовлетвореніе предъ своею смертію въ одномъ храмѣ Божіемъ, читая Апостолъ и неопустительно посѣщая богослуженія. Въ дѣлѣ исправленія преступниковъ весьма важное значеніе имѣетъ то духовное лицо, къ вѣроисповѣданію котораго преступникъ принадлежитъ. И въ настоящее время люди, заключенные въ тюрьмахъ, а въ особенности если совѣсть ихъ не подавлена совершенно, часто призываютъ къ себѣ священника для утѣшенія и раскрываютъ передъ нимъ свою душу. Недавно былъ примѣръ на моихъ глазахъ въ Харьковѣ, когда одинъ

преступникъ, осужденный за убійство на смертную казнь, до эшафота обвинялъ судей и прокурора, что его казнятъ невинно, послѣ нѣсколькихъ словъ священника сознался, что страдаетъ по справедливости и обвинялъ даже своихъ товарищей по преступленію, присужденныхъ къ тому же наказанію, за то, что они лгали упорно. Поэтому я утверждаю, что никто такъ не можетъ свидѣтельствовать по совѣсти, насколько преступникъ исправляется, какъ именно духовникъ его, священникъ, состоящій при мѣстахъ заключенія. Но, каждая медаль имѣетъ и обратную сторону. Въ практикѣ нашей очень часто парализуется благотворное вліяніе духовника на заключенныхъ въ тюрьмѣ. Въ нашей практикѣ очень часто соединяется должность тюремнаго священника съ должностью священника, приводящаго при окружномъ судѣ и мировыхъ сѣздахъ къ присягѣ свидѣтелей и присутствующаго при разбирательствахъ. Я скажу Вамъ изъ своего личнаго опыта. Я былъ въ такомъ положеніи, быть духовникомъ въ одной изъ тюремъ и въ то же время обязанъ былъ, какъ служащій при тюрьмѣ, быть при окружномъ судѣ и приводить къ присягѣ по различнымъ дѣламъ. Преступники, которые изъ суда потомъ переходили ко мнѣ въ тюрьму, видѣли меня находящимся въ судѣ, знакомымъ съ прокуроромъ и въ свободное время, когда присяжные удалялись для совѣщанія, бесѣдующимъ съ судебными чинами. Этого достаточно было, чтобы мое вліяніе, какъ священника, было совершенно парализовано. Я былъ удивленъ, когда мнѣ пришлось исповѣдывать цѣлыхъ 270 человекъ и оказалось, что между ними нѣтъ ни одного грѣшника, всѣ святые. Кого ни спрашиваю изъ заключенныхъ: «сознаешь себя грѣшнымъ»? — «Нѣтъ», отвѣчаютъ наотрѣзъ, и только потомъ я узнаю, что причина такого недовѣрія ко мнѣ, со стороны заключенныхъ въ тюрьмѣ, была именно въ томъ, что они видѣли меня присутствующимъ на судѣ, осудившемъ ихъ, и знали, что я нахожусь въ личномъ знакомствѣ и добрыхъ отношеніяхъ съ прокуроромъ суда. Они уже боялись меня, они опасались, чтобы я не сталъ вмѣсто духовника и духовнаго руководителя допосчикомъ какимъ нибудь и инимомъ. Поэтому, поддерживая всецѣло предложеніе П. Н. Дурново, я съ своей стороны считаю долгомъ обратить Ваше вниманіе на то, что священникъ можетъ быть наилучшимъ свидѣтелемъ совѣсти преступника, какъ своего духовнаго сына, можетъ быть наилучшимъ цѣнителемъ, а слѣдовательно и членомъ особаго совѣщанія, но при томъ условіи, если для него тюрьма въ данномъ случаѣ совершенно отдѣлится отъ суда и мировыхъ судей.

Манухинъ. Позвольте мнѣ остановиться на формальной сторонѣ вопроса, которая до сихъ поръ не была затронута. Наказъ Государственнаго Совѣта, въ статьѣ 99, допускаетъ при постановкѣ обвиненія законопроекта только внесеніе поправокъ, а поправка, какъ видно изъ содержанія этой статьи Наказа и изъ мотивовъ къ ней, должна заключать въ себѣ опредѣленное предложеніе или объ исключеніи статьи законопроекта, или объ измѣненіи статьи, или о внесеніи наряду съ обсуждаемой статьѣй—новой статьи. И вотъ, такъ какъ повидимому всѣ возражающіе по статьѣ 7 объединились на мнѣніи Н. Н. Шрейбера, то я долженъ заявить, что то, что внесено Н. Н. Шрейберомъ, не соответствуетъ статьѣ 99 Наказа Государственнаго Совѣта и не можетъ почитаться поправкою, потому что самъ Н. Н. Шрейберъ заявилъ, и въ текстѣ внесенной имъ поправки такъ и сказано, что это есть только основное положеніе къ новому, еще имѣющему быть выработаннымъ, законопроекту. Совершенно правильно, съ этой точки зрѣнія, П. Н. Дурново, отказавшись отъ перво-

начальныхъ своихъ поправокъ и присоединившись къ поправкѣ Н. Н. Шрейбера, заявилъ, что это есть только поводъ, чтобы вернуть этотъ проектъ обратно въ Комисію для обсужденія той основной мысли, которую высказываетъ Н. Н. Шрейберъ и которую онъ еще не изложилъ въ видѣ поправки, требуемой Наказомъ Государственнаго Совѣта. Поэтому я полагаю, что первая часть заявленія Н. Н. Шрейбера, на которой, повидимому, всѣ возражавшіе объединились, не подлежала бы намему обсужденію въ качествѣ поправки къ статьѣ 7. Оно можетъ быть только поводомъ къ новому голосованію въ Государственномъ Совѣтѣ вопроса, уже голосовавшагося прошлый разъ: о возвращеніи этого проекта въ Комисію законодательныхъ предположеній. Я отнюдь не отрицаю принципиально возможности подобнаго голосованія по каждой статьѣ законопроекта. Вторая часть заявленія, которая вносится Н. Н. Шрейберомъ на случай отклоненія первой, уже является дѣйствительно поправкой,—т. е. содержитъ въ себѣ предложеніе о внесеніи въ законопроектъ новой статьи о томъ, что дѣйствіе его не распространяется на такія мѣстности, въ которыхъ дѣйствуетъ правило о правѣ свидѣтелей не являться въ судъ для дачи показанія, если они живутъ отъ суда далѣе 200 верстъ. Но въ концѣ этой поправки имѣется предложеніе, которое уже прямо, принципиально, не пріемлемо, ибо тамъ предлагается предоставить Министру Юстиціи внести въ Государственную Думу проектъ особыхъ правилъ для этихъ мѣстностей, о примѣненіи условнаго досрочнаго освобожденія. Мы уже достаточно часто обсуждали въ Государственномъ Совѣтѣ и въ Общемъ Собраніи и въ разныхъ комисіяхъ вопросъ о томъ, въ правѣ ли Законодательныя Учрежденія, нынѣ существующія, поручать Правительству разработку тѣхъ или иныхъ законодательныхъ вопросовъ. До сихъ поръ мы придерживались того взгляда и принимали всѣ мѣры къ тому, чтобы склонить и Государственную Думу къ тому пониманію этого вопроса, что такого рода порученій въ составѣ обсуждаемыхъ ими законопроектовъ Законодательныя Учрежденія Правительству давать не могутъ. Съ этой точки зрѣнія, всецѣло раздѣляя это мнѣніе и не обременяя Государственный Совѣтъ новымъ изложеніемъ его и объясненіемъ по существу, я полагаю, что по одной указанной выше причинѣ поправка Н. Н. Шрейбера абсолютно непріемлема. Затѣмъ, если угодно будетъ выслушать мои замѣчанія по существу всѣхъ тѣхъ соображеній, которыя были высказаны гр. Д. А. Олсуфьевымъ, П. Н. Дурново и Н. Н. Шрейберомъ, то я не прочь это сдѣлать при дальнѣйшемъ обсужденіи статьи 7, а теперь предпошлю этому только главное замѣчаніе, что мы, т. е. большинство Комисіи законодательныхъ предположеній, и, полагаю, также Министръ Юстиціи и Государственная Дума, исходили изъ діаметральнопротивоположныхъ соображеній, чѣмъ тѣ заботы, которыя нынѣ побуждаютъ лицъ возражающихъ говорить объ одной только инстанціи и возражать противъ перенесенія дѣла во вторую окончательную инстанцію—къ окружной судъ. Мы не заботились объ облегченіи примѣненія обсуждаемыхъ правилъ. Мы вовсе не хотѣли, чтобы всякому арестанту, отбывшему извѣстный срокъ въ тюрьмѣ, по распоряженію ближайшей мѣстной власти, предоставлялось условное досрочное освобожденіе: напротивъ того, наши сужденія о примѣненіи этого института, сводились къ тому, что институтъ этотъ новый, и потому легко можетъ быть извращенъ на практикѣ; мы заботились о томъ, чтобы правильное примѣненіе его было обезпечено и основная мысль наша заключалась въ томъ, чтобы были установлены гарантіи разумнаго и осмотрительнаго осуществленія проекти-

руемой мѣры. Уже съ точки зрѣнія того, что говорилъ Товарищъ Министра Юстиціи, совершенно необходимо, чтобы въ дѣлѣ этомъ была контрольная инстанція и чтобы первая инстанція стояла близко къ арестанту, знала и изучала его. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи, я всецѣло поддерживаю мнѣніе, выраженное Сенаторомъ М. О. Люце, о томъ, что въ этой первой инстанціи можетъ проявиться наиболѣе полезная дѣятельность попечительныхъ учрежденій объ арестантахъ—патроновъ и попечительнаго общества о тюрьмахъ. Я, впрочемъ, говорилъ это въ прошломъ засѣданіи по поводу другой статьи проекта. Эта дѣятельность заключается въ томъ, чтобы члены указанныхъ организацій, добросовѣстно изучая арестанта въ самой тюрьмѣ, именно на почвѣ близкаго знакомства съ арестантомъ, съ его поведеніемъ, давали свою о немъ аттестацію и притомъ не въ отрицательномъ смыслѣ, какъ изволилъ болѣе остроумно, чѣмъ правильно, сказать гр. Д. А. Олсуфьевъ, а положительную, именно о томъ, что арестантъ дѣйствительно вступилъ на путь истиннаго исправленія. Но кромѣ того нужно, чтобы надъ этой инстанціей стояла вторая ревизіонная инстанція, достаточно авторитетная и въ глазахъ Правительства и Законодательныхъ Учрежденій, да и въ глазахъ населенія, для того, чтобы вновь вводимая мѣра не была извращена на практикѣ и не превратилась въ механическій способъ досрочнаго освобожденія арестантовъ, а напротивъ того—примѣнялась съ должною осмотрительностью. Хотя у насъ и не любятъ ссылокъ на западъ, и хотя я и самъ думаю, что во многихъ отношеніяхъ мы должны руководствоваться собственными условіями, тѣмъ не менѣе я хотѣлъ бы указать, что и на западѣ разстоянія между центромъ и окраинами бываютъ велики. Вѣдь, напримѣръ, отъ Парижа до болѣе отдаленнаго мѣста Франціи всетаки болѣе 200 верстъ разстоянія, а между тѣмъ и во Франціи, какъ и въ большинствѣ западно-европейскихъ государствъ, окончательное разрѣшеніе примѣненія условнаго досрочнаго освобожденія идетъ въ центръ государства и разрѣшается высшею центральною административною или судебною властью. Я думаю, что и тамъ разстоянія играютъ роль, удобства и быстрота имѣютъ свое значеніе, но тамъ прямо переносятъ окончательное примѣненіе этой мѣры въ центръ государства, въ столицу, къ центральнымъ органамъ. Я думаю, это указаніе должно имѣть не малое значеніе, вѣроятно, и тамъ руководствуются тою же самою мыслью, чтобы этотъ самый институтъ примѣнялся не шаблонно, не механически, а осторожно, съ должною осмотрительностью. По поводу нѣкоторыхъ мыслей гр. Д. А. Олсуфьева, я долженъ сказать еще нѣсколько словъ. Я позволю себѣ заявить, что они болѣе остроумны, чѣмъ вѣрны, онѣ болѣе касались общей постановки вопроса, общаго построенія проекта, но онѣ не совсѣмъ точны. Прежде всего, графу было угодно сказать, что дѣло это не спѣшно. Конечно, оно не спѣшно, но если мы все наше время будемъ посвящать этому дѣлу, если будемъ разсматривать его до безконечности и въ Общемъ Собраніи и въ Коммисіи, то это затормозитъ другія дѣла, которыя въ концѣ концовъ всѣ сдѣлаются дѣлами спѣшными, потому что мы будемъ ихъ откладывать. Я думаю, что дѣло это уже тѣмъ спѣшно, что нужно же его разрѣшить; мы долго и много говорили о немъ и въ Коммисіи и въ Общемъ Собраніи и время разрѣшать его пришло. Далѣе графъ сказалъ, что нельзя устанавливать отрицательныхъ фактовъ относительно поведенія заключеннаго. Неужели въ окружный судъ посылать спитые имъ сапоги? Но не въ томъ дѣло, какъ онъ шьетъ сапоги, а какъ онъ себя ведетъ. Для того, чтобы рѣшить, какъ онъ шилъ сапоги, нуженъ сапожникъ, и никакого

суда для этого не требуется, а судъ необходимъ для опредѣленія его поведенія съ внутренней, моральной стороны и отрицать возможность квалификаціи этой стороны поведенія едва ли правильно. Въдѣ тюрма не университетъ и не гимназія, тамъ балловъ не ставятъ, а потому въ окружные суды и не придется посылать никакихъ отмѣтокъ о поведеніи заключеннаго ни по 12, ни по 5 балльной системѣ. Въ судѣ будутъ поступать мотивированныя объясненія о томъ, какъ себя велъ арестантъ въ тюрмѣ, каковъ онъ самъ по себѣ и какой переворотъ произошелъ въ его психической и моральной жизни. Мы слышали отъ отца Т. И. Буткевича, какое значеніе имѣетъ религія для преступниковъ, и какія картины получаются въ тюрмѣ подъ вліяніемъ религіознаго воздѣйствія на заключенныхъ. Я думаю, что свидѣтельство духовнаго отца, священника, а иногда врача, имѣетъ громадное значеніе и будетъ выражаться не въ цифрѣ балла за поведеніе, а въ характеристикѣ самого преступника. Наконецъ, по поводу сообщенія, гр. Д. А. Олсуфьева о томъ, что перенесеніе этихъ дѣлъ во вторую инстанцію будетъ имѣть своимъ послѣдствіемъ лицемѣріе и ложь со стороны первой инстанціи, я долженъ сказать, что неужели, если Правительство устанавливаетъ какой либо контроль, то это побуждаетъ контролируемыя инстанціи непременно лицемѣрить и лгать. Я думаю, что, вмѣсто того, чтобы лгать и лицемѣрить, контролируемая инстанція должна говорить правду. А если она будетъ лгать, то за это надо съ нея взыскивать и ее наказывать. Вотъ все, что я хотѣлъ пока сказать. Въ частности, по поводу заявленія отца Т. И. Буткевича могу лишь замѣтить, что его слова всецѣло относятся къ вѣдѣнію Министерства Юстиціи. Совмѣщеніе должности духовнаго лица при тюрмѣ и священника, приводящаго къ присягѣ на судѣ, существуетъ, и отецъ Т. И. Буткевичъ указывалъ на отрицательныя и тѣнныя стороны такого совмѣщенія. Но, я думаю, что это указаніе къ статьѣ 7 не относится и въ моихъ объясненіяхъ не нуждается.

Предсѣдатель. Приступимъ въ настоящее время къ обсужденію тѣхъ измѣненій, которыя предложены Членомъ Государственнаго Совѣта Н. Н. Шрейберомъ. Одно изъ этихъ измѣненій было напечатано и разослано г.г. Членамъ Государственнаго Совѣта. Сегодня, въ дополненіе къ прежнимъ своимъ предложеніямъ, Н. Н. Шрейберъ представилъ новое предложеніе слѣдующаго содержанія: «Членъ Государственнаго Совѣта Н. Н. Шрейберъ имѣетъ честь предложить слѣдующее основное положеніе по статьѣ 7 и слѣдующимъ проекта закона объ условномъ досрочномъ освобожденіи: признать, что вопросы о примѣненіи условнаго досрочнаго освобожденія къ лицамъ, приговореннымъ къ заключенію въ тюрму, подлежатъ разрѣшенію въ уѣздныхъ присутствіяхъ. Если это основное положеніе не будетъ принято, то надлежитъ ввести въ настоящій законъ статью слѣдующаго содержанія: дѣйствіе настоящаго закона не распространять на всѣ мѣстности, въ коихъ къ числу законныхъ причинъ неявки свидѣтелей въ судѣ относится жительство ихъ въ разстояніи далѣе 200 верстъ отъ мѣста, въ которое они вызываются, предоставивъ Министру Юстиціи внести въ Государственную Думу проектъ особыхъ правилъ для этихъ мѣстностей».

Шрейберъ. Въ настоящее время я отказываюсь отъ второй части того моего предложенія, которое было ранѣе разослано Членамъ Государственнаго Совѣта.

Предсѣдатель. Это упрощаетъ дѣло. Здѣсь совершенно правильно объяснилъ членъ-докладчикъ, что такого рода предложеніе, названное основнымъ положеніемъ и начинающееся словами «признать...», не соответствуетъ понятію поправки, потому

что подъ именемъ поправки разумѣется дополненіе или измѣненіе статьи, которое изложено въ такой формѣ, что можетъ быть принято и внесено въ законопроектъ, Н. Н. Шрейберъ заявилъ, что такого рода предложеніе съ его стороны, въ видѣ основного положенія, должно влечь за собою возвращеніе этого дѣла въ Коммисію для новаго соображенія законопроекта съ этимъ основнымъ положеніемъ. Въ этой части, т. е. въ части предложенія о возвращеніи дѣла въ Коммисію, предложеніе Н. Н. Шрейбера поддерживается гр. Д. А. Олсуфьевымъ и П. Н. Дурново. Мнѣ приходится обратиться съ вопросомъ, поддерживается ли предложеніе о передачѣ дѣла въ Коммисію 10 Членами Государственнаго Совѣта? (*Встаетъ больше 10 Членовъ*). Угодно теперь произнести двѣ рѣчи—одну—за и другую—противъ?

Графъ Олсуфьевъ. Развѣ нельзя до вопроса о передачѣ въ Коммисію сказать по поводу того: поправка это или нѣтъ?

Предсѣдатель. Мною уже объяснено, что означенное предложеніе не соотвѣтствуетъ понятію о поправкѣ.

Графъ Олсуфьевъ. Въ какой же моментъ нашего обсужденія этого законопроекта можно было бы внести поправку? Первоначально обсуждался общій вопросъ—признать желательнымъ или нежелательнымъ, затѣмъ постановкой.

Предсѣдатель. Неужели лицъ, предложившихъ это основное положеніе, не удовлетворитъ постановка на голосованіе вопроса о томъ, подлежитъ ли это дѣло въ виду предложеннаго новаго основного положенія возвращенію въ Коммисію для соображенія этого основного положенія съ содержаніемъ даннаго законопроекта?

Графъ Олсуфьевъ. Я полагаю такъ, что можно раньше баллотировать желательность принципиально, а затѣмъ, если примутъ положеніе, тогда баллотировать вопросъ, передать ли его въ Коммисію.

Манухинъ. Позвольте сказать нѣсколько словъ въ дополненіе къ тому, что я доложилъ уже и что разъяснилъ г. Предсѣдатель Государственнаго Совѣта. Я повторяю,—поправка при постановкѣ обсужденія законопроекта можетъ быть и должна быть внесена только въ такомъ видѣ, въ какомъ она могла-бы быть проголосована и поставлена на мѣсто, соотвѣтствующее ей въ законопроектъ. Поправка можетъ или должна заключать въ себѣ предложеніе или объ исключеніи какой либо статьи законопроекта, либо о точно указанномъ измѣненіи этой статьи, либо о дополненіи проекта новой статьей, а то, что предлагаетъ П. П. Шрейберъ, есть мысль, а не измѣненіе проекта. А что это такъ, наиболее убѣдительно доказывается текстомъ заявленія Н. Н. Шрейбера, который, во-первыхъ, назвалъ свою поправку основнымъ положеніемъ, а во-вторыхъ, началъ изложеніе ея такъ: «признать, что вопросъ о примѣненіи условнаго досрочнаго освобожденія долженъ разрѣшаться убѣдительнымъ присутствіемъ», на словахъ же пояснилъ, что составъ убѣдительнаго присутствія представляется спорнымъ и имъ окончательно не установленъ. Изъ этого вытекаетъ, что то, что предлагаетъ Н. Н. Шрейберъ, не есть поправка къ статьѣ 7, а есть только поводъ для передачи проекта вновь въ Коммисію. Такой вопросъ съ принципиальной точки зрѣнія можетъ конечно быть возбуждаемъ, независимо отъ того, насколько это удобно, по каждой отдѣльной статьѣ законопроекта.

Дурново. Я думаю, что очень трудно оставаться на томъ или другомъ принципѣ изъ тѣхъ, которые здѣсь провозглашались въ текущемъ засѣданіи. Поправка и соображенія, которыя были высказаны Н. Н. Шрейберомъ, мною и гр. Д. А. Олсуфье-

вымъ, удостовѣряютъ только, что для примѣненія этого законопроекта на практикѣ желательно было бы выработать иные положенія. И вотъ для того, чтобы выработать иные положенія, мы предлагаемъ передать дѣло въ Коммисію. Совершенно очевидно, что Коммисія можетъ придумать совѣщаніе совершенно другого состава, чѣмъ Н. Н. Шрейберъ, и состава, который нисколько не будетъ соответствовать моимъ мыслямъ, но, можетъ быть, наши мысли, высказанныя здѣсь, будутъ служить Коммисіи матеріаломъ при разработкѣ вопроса какъ указаніе, что по этому вопросу есть люди, которые думаютъ иначе и предполагаютъ, что дѣло должно быть разрѣшено на иномъ основаніи. Такимъ образомъ, Коммисіи при обсужденіи вопроса о порядкѣ примѣненія досрочнаго освобожденія открывается широкое поле.

Шрейберъ. Съ своей стороны я считаю, что гораздо правильнѣе голосовать вопросъ объ основномъ положеніи и передать его только въ томъ случаѣ въ Коммисію, если это основное положеніе будетъ принято Государственнымъ Совѣтомъ.

Предсѣдатель. Ставлю на голосованіе Общаго Собранія вопросъ, подлежитъ ли законопроектъ въ виду представленнаго Н. Н. Шрейберомъ основного положенія, вмѣстѣ съ этимъ основнымъ положеніемъ, передать въ Коммисію законодательныхъ предположеній для новыхъ соображеній? (*Производится голосованіе вставаніемъ*). Результатъ голосованія не ясенъ.

Голоса. Просимъ голосовать записками.

Предсѣдатель. Предлагаю приступить къ голосованію записками. (*Производится голосованіе записками*). Прошу присутствовать при подсчетѣ чинами Государственной Канцеляріи записокъ Членовъ Государственного Совѣта Е. И. Алексѣева, кп. В. А. Кугушева и Я. В. Кучерова. (*Производится подсчетъ записокъ*). Приглашаю Собраніе выслушать результаты голосованія.

Государственный Секретарь (*читаетъ*). Въ голосованіи участвовало 126 лицъ. За передачу законопроекта въ Коммисію записками «да» — высказалось 72 лица; противъ передачи въ Коммисію записками «нѣтъ» — высказалось 54 лица.

Предсѣдательствующій. Дѣло объ условномъ досрочномъ освобожденіи уже разсматривалось въ трехъ засѣданіяхъ Государственного Совѣта, прошло стадію общихъ сужденій, перешло во вторую стадію постановительнаго разсмотрѣнія и въ этой второй стадіи шесть статей проекта были разсмотрѣны Государственнымъ Совѣтомъ и приняты. Въ настоящее время надлежитъ продолжать постановительное разсмотрѣніе проекта объ условномъ досрочномъ освобожденіи, начиная со статьи 7. Перерывъ въ разсмотрѣніи Государственнымъ Совѣтомъ этого проекта произошелъ вслѣдствіе передачи на дополнительное разсмотрѣніе Коммисіи законодательныхъ предположеній нѣкоторыхъ изъ тѣхъ поправокъ, которыя были представлены Государственному Совѣту по главнымъ его статьямъ, начиная со статьи 7. Докладъ Коммисіи Вамъ разосланъ, и В. Ф. Дейтрихъ выступаетъ докладчикомъ Коммисіи законодательныхъ предположеній.

20 МАРТА 1909 г.,
засѣданіе 27.

Дейтрихъ. По законопроекту для примѣненія къ заключенному досрочнаго освобожденія устанавливается слѣдующій порядокъ: образуется особое совѣщаніе подъ предѣлательствомъ мирового судьи или уѣзднаго члена окружнаго суда. Въ составъ этого совѣщанія входятъ лица прокурорскаго надзора, начальникъ мѣста заключенія, его помощникъ, два директора или директрисы мѣстнаго тюремнаго комитета, два члена патроната, тамъ, гдѣ онъ имѣется, духовное лицо того вѣроисповѣданія, къ

которому принадлежит подлежащій досрочному освобожденію заключенный, врачъ и учитель. Это совѣщаніе должно обсудить возбужденный вопросъ о примѣненіи досрочнаго освобожденія къ заключенному и свое заключеніе, если оно признаетъ его достойнымъ такового, представить на разсмотрѣніе, окружнаго суда. Слѣдовательно, въ проектѣ установленъ одинъ общій порядокъ для примѣненія досрочнаго освобожденія ко всѣмъ заключеннымъ, какъ въ арестантскихъ отдѣленіяхъ, такъ и въ тюрьмѣ. Такимъ образомъ, окружный судъ является тѣмъ контролирующимъ органомъ, который и уполномоченъ принять окончательное рѣшеніе по дѣлу. Н. Н. Шрейберъ не согласенъ съ этой схемой, изложенной въ проектѣ Министра Юстиціи и одобренной Государственною Думою, и предлагаетъ установить два порядка примѣненія условнаго досрочнаго освобожденія. Одинъ—для лицъ, приговоренныхъ въ арестантскія отдѣленія, а другою—для приговоренныхъ къ тюрьмѣ. Для первыхъ онъ предполагаетъ сохранить тотъ самый порядокъ, который установленъ законопроектомъ, нами нынѣ обсуждаемымъ, т. е. особыя совѣщанія и окружный судъ, для лицъ же, которыя присуждены къ тюремному заключенію, онъ предлагаетъ установить совершенно иной порядокъ. Онъ предлагаетъ образовать всего одну только инстанцію. Инстанція эта, по его мысли, должна быть образована въ томъ мѣстѣ, гдѣ находится мѣсто заключенія, и эта одна инстанція должна разрѣшать полностью весь вопросъ. Онъ предполагаетъ сдѣлать такъ: въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ имѣются мировые сѣзды, поручить имъ разсмотрѣніе и окончательное разрѣшеніе вопроса о досрочномъ освобожденіи, дополнивъ эти присутствія лицами, указанными въ статьѣ 7 законопроекта. Тамъ же, гдѣ мировыхъ сѣздовъ нѣтъ, онъ предполагаетъ поручить досрочное освобожденіе особымъ присутствіямъ, состоящимъ подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго или мирового судьи. Наконецъ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ не существуетъ ни мировыхъ сѣздовъ, ни лицъ судебнаго вѣдомства, а такія мѣста есть, тамъ поручать это представителю мѣстной полиціи. Необходимость такого измѣненія законопроекта Н. Н. Шрейберъ основываетъ на двухъ соображеніяхъ, что при сосредоточеніи всѣхъ дѣлъ о примѣненіи досрочнаго условнаго освобожденія въ окружныхъ судахъ не всѣ заключенные могутъ воспользоваться этою льготою, что въ отношеніи нѣкоторыхъ будетъ допущена несправедливость, такъ какъ къ нимъ не можетъ быть примѣнено досрочное освобожденіе по обстоятельствамъ, отъ нихъ не зависящимъ. Онъ указываетъ, что нѣкоторыя мѣста заключенія находятся въ столь отдаленномъ разстояніи отъ окружныхъ судовъ по грунтовымъ дорогамъ, что лица, присужденныя не къ особенно длинному сроку заключенія, ни въ какомъ случаѣ не могутъ воспользоваться досрочнымъ освобожденіемъ. Н. Н. Шрейберъ указываетъ и второе, что окружные суды не въ состояніи будутъ исполнить возложенную на нихъ обязанность, въ виду чрезвычайнаго ихъ обремененія, и что поэтому возложеніе на нихъ примѣненія досрочнаго освобожденія является совершенно непосильною для нихъ задачею. Коммисія думаетъ, что опасенія, которыя угодно было высказать Н. Н. Шрейберу, едва ли могутъ быть признаны настолько сильными и убѣдительными, чтобы заставить принять его предложеніе. Очевидно, Н. Н. Шрейберъ исходитъ изъ того положенія, что досрочное освобожденіе, при условіи добропорядочнаго поведенія, является правомъ всякаго заключеннаго, а потому непримѣненіе къ нему при этомъ условіи досрочнаго освобожденія будетъ несправедливостью, ему оказанною, т. е. онъ смотритъ на досрочное условное освобожденіе, какъ на институтъ, имѣющій своею цѣлью смягченіе наказанія. Такого характера однако этотъ институтъ не имѣетъ.

Институтъ этотъ вводится исключительно въ однихъ лишь цѣляхъ исправленія заключеннаго и смотритъ на смягченіе наказанія только какъ на средство достиженія этой цѣли. Досрочное освобожденіе даруется заключеннымъ не за одно добропорядочное ихъ поведеніе, но и при условіи полной гарантіи въ томъ, что оно послужитъ къ ихъ исправленію и не окажется опаснымъ для общества. Вести себя въ тюрьмѣ хорошо обязанъ всякій заключенный—это требованіе тюремной дисциплины, но изъ этого еще вовсе не вытекаетъ право заключеннаго на досрочное освобожденіе. Необходимо, чтобы то учрежденіе, которое разрѣшаетъ ему досрочное освобожденіе, было убѣждено въ томъ, что онъ сталъ на путь самонисправленія, что есть полная надежда и основаніе думать, что, будучи освобожденъ, заключенный не вернется на путь преступленій. Только тогда онъ можетъ воспользоваться льготою досрочнаго освобожденія. Отсюда понятна важность тѣхъ учреждений, которымъ ввѣряется примѣненіе условнаго досрочнаго освобожденія. По мнѣнію Коммисіи, проектируемыя Н. Н. Шрейберомъ уѣздныя присутствія представляютъ менѣе гарантій правильнаго примѣненія условнаго досрочнаго освобожденія, чѣмъ изложенныя въ одобренномъ Государственною Думою законопроектъ. Несомнѣнно, что установивъ только одну инстанцію, вмѣсто двухъ: одной разрѣшающей, а другой провѣряющей и говорящей свое окончательное рѣшительное слово, мы не улучшимъ, а ухудшимъ дѣло. Въ западной Европѣ условное досрочное освобожденіе примѣняется далеко не ко всѣмъ заключеннымъ, которые могли бы быть освобождены, вслѣдствіе добропорядочнаго своего поведенія. Опытъ странъ, въ которыхъ этотъ институтъ введенъ, указываетъ, что освобождаются лишь отъ 5 до 10%. Нигдѣ не заботятся о самомъ широкомъ, огульномъ освобожденіи, вездѣ законодатель стремится сузить это примѣненіе, т. е. сдѣлать досрочное освобожденіе дѣйствительною наградой для всѣхъ ведущихъ себя не столько добропорядочно въ тюрьмѣ, но и подающихъ надежду на то, что на свободѣ они не будутъ угрожать общественной безопасности. Повсемѣстно право досрочнаго освобожденія предоставлено высшимъ представителямъ власти—во Франціи—министру внутреннихъ дѣлъ, въ Бельгіи—министру Юстиціи, въ Германіи—высшему департаменту юстиціи, т. е. такимъ учрежденіямъ, которыя находятся вдали отъ мѣстъ заключенія и которыя совершенно не подвержены какимъ либо мѣстнымъ вліяніямъ. Вотъ поэтому я нахожу, что и у насъ приближеніе той инстанціи, которая разрѣшаетъ вопросъ о досрочномъ освобожденіи, къ мѣстамъ заключенія, является совершенно нежелательнымъ въ интересахъ дѣла. Указываютъ еще и на то, что сосредоточеніе освобожденія въ окружныхъ судахъ никакого дѣйствительнаго контроля не создастъ, что окружные суды ничего новаго въ дѣло освобожденія не внесутъ, что они будутъ держаться лишь одной формальной стороны и только съ формальной стороны и будутъ разсматривать представленіе особыхъ совѣщаній, а если это такъ, то они представляются излишними органами. Я совершенно не раздѣляю этого мнѣнія, я думаю, что окружные суды никогда дѣйствовать такимъ образомъ не будутъ. Я полагаю, что суды, разсматривая этого рода дѣла, будутъ принимать во вниманіе не только заключеніе о добропорядочномъ поведеніи арестанта, но будутъ обращать вниманіе также и на то, насколько это лицо представляется опаснымъ для общества; я сомнѣваюсь, чтобы, напримѣръ, рецидивистъ, пять, шесть разъ отсидѣвшій уже въ тюрьмѣ, представленный къ условному освобожденію особымъ совѣщаніемъ, былъ бы судомъ освобожденъ. Такимъ образомъ, я прихожу къ выводу, что сосредоточеніе дѣлъ объ условномъ досрочномъ освобожденіи въ мѣстныхъ учрежденіяхъ

и уничтоженіе контролирующей инстанціи—окружного суда—вноситъ не улучшеніе въ настоящій законопроектъ, а значительно его ухудшаетъ. Теперь обращаюсь къ вопросу о невозможности будто бы сосредоточенія дѣлъ о примѣненіи досрочнаго освобожденія въ окружныхъ судахъ, въ виду большихъ разстояній уѣздныхъ тюремъ отъ мѣстопробыванія судовъ. Н. Н. Шрейберъ и здѣсь, и въ Комисіи, указывалъ на то, что примѣненіе досрочнаго освобожденія невозможно, вслѣдствіе того, что у насъ есть уѣздные города, которые пахотятся въ разстояніи сотенъ и тысячъ почти верстъ отъ мѣста пребыванія окружного суда, и что покуда бумага объ освобожденіи будетъ идти въ судъ и обратно, то могущій быть досрочно освобожденнымъ успеетъ отбыть весь срокъ заключенія. При этомъ указывалось на цѣлый рядъ городовъ, находящихся на такомъ разстояніи отъ мѣста нахождения суда. При тщательномъ разсмотрѣніи тѣхъ справокъ, которыя у насъ имѣются, оказывается, однако, что многіе изъ тѣхъ уѣздныхъ городовъ, на которые указывалъ Н. Н. Шрейберъ, не имѣютъ вовсе тюремныхъ замковъ, а слѣдовательно и такихъ арестантовъ, которые подлежали бы досрочному освобожденію. Нельзя при этомъ не отмѣтить, что во власти Министра Юстиціи сдѣлать распоряженіе, чтобы всякій заключенный, могущій подлежать досрочному освобожденію, т. е. болѣе долгосрочные арестанты, были бы переводимы изъ уѣздныхъ тюремныхъ замковъ въ губернскія тюрьмы. Разъ это распоряженіе будетъ сдѣлано, то очевидно, что примѣненіе досрочнаго освобожденія ко всемъ арестантамъ уже не можетъ болѣе встрѣтить съ этой стороны никакихъ препятствій. Такой порядокъ содержанія арестантовъ практикуется и въ настоящее время—почти все долгосрочные арестанты стягиваются въ мѣстныя губернскія тюрьмы, такъ какъ въ губернскихъ тюрьмахъ возможно учредить болѣе строгій надзоръ за арестантами и съ большими удобствами организовать работы. Вслѣдствіе этого, я полагаю, что разстоянія при организаціи учрежденій, примѣняющихъ досрочное освобожденіе, не могутъ имѣть никакого значенія. Затѣмъ второй доводъ Н. Н. Шрейбера—это указаніе на страшное обремененіе судовъ дѣлами; онъ утверждаетъ, что если окружнымъ судамъ будетъ ввѣрено примѣненіе условнаго досрочнаго освобожденія, то они не въ состояніи будутъ справиться съ тою подавляющею работою, которую на нихъ возлагаютъ. Я долженъ сказать, что, по моему мнѣнію, это опасеніе не основательно. Всякій, кто служилъ въ судебномъ вѣдомствѣ, знаетъ, что разсмотрѣніе дѣлъ въ распорядительномъ засѣданіи вовсе не требуетъ такой громадной потери времени и такого особаго труда, какъ разсмотрѣніе дѣлъ въ судебныхъ засѣданіяхъ. Увеличеніе количества распорядительныхъ дѣлъ на 200, 300, 400 дѣлъ ровно никакого обремененія для окружныхъ судовъ составить не можетъ. Изъ той справки, которую мы получили отъ помощника начальника Главнаго Тюремнаго Управленія о распредѣленіи арестантовъ въ мѣстахъ заключенія къ 1 февраля 1909 г., видно, что даже такого незначительнаго наплыва дѣлъ въ окружные суды ожидать нельзя. Изъ этой справки, на страницѣ 15, видно слѣдующее: приговоренныхъ къ заключенію въ тюрьмы на срокъ свыше одного года—содержалось къ 1 февраля текущаго года всего 7.373 челоуѣка. Если и у насъ освобожденіе будетъ примѣняться такъ же, какъ и въ западной Европѣ, лишь съ надлежащею осмотрительностью, то, принимая даже высшій процентъ освобождаемости досрочно (на западѣ отъ 5% до 10%) въ 10%, изъ числа этой категоріи будутъ подлежать освобожденію всего 737 челоуѣкъ. Окружныхъ судовъ у насъ болѣе 100, слѣдовательно въ среднемъ придется окружнымъ судамъ разсматривать по 7,37 дѣлъ ежегодно. При-

сужденныхъ къ заключенію въ тюрьму на срокъ не свыше одного года, къ крѣпости и аресту къ 1 февраля значилось всего 43.785 человѣкъ. У насъ нѣтъ, къ сожалѣнію, свѣдѣній о томъ, сколько изъ этихъ 43.000 человѣкъ присуждено къ тюрьмѣ на срокъ не свыше 6 мѣсяцевъ, къ аресту и къ крѣпости, такъ какъ на всѣхъ этого рода арестантовъ не распространяется условное досрочное освобожденіе. Думаю, что не погрѣшу, если скажу, что изъ числа этихъ лицъ половина была присуждена къ заключенію на срокъ меньше чѣмъ 6 мѣсяцевъ; въ эту же половину я включу и лицъ, приговоренныхъ къ крѣпости и къ аресту; тогда окажется, что всѣхъ арестантовъ, подлежащихъ по срокамъ заключенія досрочному освобожденію, имѣется 23.340 человѣкъ. Если возьмемъ изъ нихъ 10% подлежащихъ досрочному освобожденію, то это составитъ 2.334 человѣка, раздѣливъ это число на число окружныхъ судовъ, т. е. на 100, мы получимъ по 23 человѣка на судъ. Такимъ образомъ, въ каждомъ окружномъ судѣ ежегодно будетъ вступать около 30 дѣлъ о примѣненіи условнаго досрочнаго освобожденія къ приговореннымъ къ тюремному заключенію. Если же къ этому мы прибавимъ еще и число присужденныхъ къ исправительнымъ арестантскимъ отдѣленіямъ, на которыхъ должно распространяться досрочное освобожденіе, подобныхъ лицъ на окружный судъ приходится по 28 человѣкъ. Такимъ образомъ, мы получаемъ столь незначительное количество дѣлъ распорядительныхъ о примѣненіи досрочнаго условнаго освобожденія, которое ни въ какомъ случаѣ не можетъ почитаться для судовъ обременительнымъ, а именно по 58 дѣлъ въ годъ. Если мы даже предположимъ, что у насъ будетъ вдвое болѣе досрочно освобожденныхъ, чѣмъ на Западѣ, т. е. мы будемъ освобождать 20% заключенныхъ, то и тогда на каждый окружный судъ придется не болѣе 116 дѣлъ сего рода въ годъ. Въ виду этихъ соображеній я нахожу, что указаніе Н. Н. Шрейбера на то, что окружные суды будутъ обременены выше силъ—падаетъ. Насколько предложеніе, которое угодно было сдѣлать Н. Н. Шрейберу, не вводитъ въ настоящій законопроектъ улучшенія, а лишь ведетъ къ значительному его усложненію и ухудшенію, уже доказывается тѣмъ, что уже послѣ внесенія въ Государственный Совѣтъ своего общаго положенія, когда Н. Н. Шрейберъ приступилъ къ разработкѣ своего предложенія, то ему пришлось написать цѣлую тетрадь въ 16 статей о порядкѣ примѣненія досрочнаго освобожденія въ разныхъ мѣстностяхъ Имперіи. Въ однихъ мѣстностяхъ это примѣненіе возлагалось на окружные суды, въ другихъ—на мировые, въ третьихъ—на особые присутствія, и, наконецъ, на высшихъ представителей полиціи на мѣстахъ. Изложенныя мною соображенія привели Коммисію къ единогласному заключенію о неприемлемости предложеннаго Н. Н. Шрейберомъ основнаго положенія. Затѣмъ Коммисія обратилась къ рассмотрѣнію той поправки, которую угодно было сдѣлать П. Н. Дурново. Поправка П. Н. Дурново заключается въ томъ, что онъ предполагаетъ сохранить особое совѣщаніе, которое предварительно разсматриваетъ вопросъ...

Предсѣдательствующій (*Обращаясь къ В. Θ. Дейтриху*). За неполученіемъ мною заявленія отъ кого либо изъ гг. Членовъ Государственнаго Совѣта о желаніи поддержать поправку Члена Государственнаго Совѣта П. Н. Дурново, не признаете ли Вы излишнимъ давать объясненія по этой поправкѣ?

Дейтрихъ. Хорошо, тогда я ея касаться не буду. Въ виду этихъ соображеній, я отъ имени Коммисіи заявляю, что предложенія Н. Н. Шрейбера не могутъ быть приняты, поэтому, въ той редакціи, съ тѣми измѣненіями, которыя я сейчасъ изложу,

Коммисія предлагаетъ принять статью 7 законопроекта. Въ статьѣ 7, въ той ея редакціи, которая въ настоящее время предлагается Вамъ Коммисіей, имѣется нѣсколько поправокъ. Нѣкоторыя изъ нихъ исключительно редакціоннаго свойства, а другія касаются самаго существа статьи. Въ этой статьѣ сдѣланы слѣдующія измѣненія. Во первыхъ, вставлено указаніе на то, что тамъ, гдѣ нѣтъ мировыхъ сѣздовъ, тамъ предсѣдатель особаго совѣщанія назначается по опредѣленію окружнаго суда. Эта поправка предлагается потому, что есть мѣстности, въ которыхъ есть мировые судьи, но не существуетъ мировыхъ сѣздовъ; обязанности же мировыхъ сѣздовъ исполняетъ окружной судъ. Во вторыхъ, примѣчаніе къ статьѣ 7 Коммисія ввела въ самый текстъ ея. Въ примѣчаніи этомъ говорится о порядкѣ избранія директоровъ и директрисъ благотворительныхъ тюремныхъ комитетовъ въ эти особые совѣщанія. Въ третьихъ, въ проектѣ, одобренномъ Думою, указано, что въ составъ совѣщаній входятъ учителя, обучающіе заключенныхъ, но такъ какъ обучаются заключенные и мастерству, то очевидно, что и Министръ Юстиціи и Государственная Дума предполагали ввести не мастеровъ въ эти совѣщанія, а лишь тѣхъ учителей, которые занимаются школьнымъ обученіемъ заключенныхъ. Въ этомъ смыслѣ и дополнена статья 7. Коммисія признала соответственнымъ пополнить составъ особаго совѣщанія еще мѣстными представителями полиціи, а въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ таковыя имѣются, и тюремными инспекторами. Сначала полиціймейстеровъ и исправниковъ не предполагалось вводить на томъ основаніи, что по закону, по должности, какъ полиціймейстеръ, такъ и исправникъ являются директорами тюремнаго комитета, но въ виду сдѣланнаго къ Коммисіи указанія на то, что лица эти могутъ быть и не выбранными въ особые совѣщанія, Коммисія и полагала включить ихъ въ составъ особыхъ совѣщаній. Затѣмъ сдѣлано еще послѣднее редакціонное измѣненіе, а именно: слово «предсѣдательствующій» замѣнено словомъ «предсѣдатель».

Предсѣдательствующій. Считаю долгомъ пояснить, что мое обращеніе къ г. докладчику было вызвано слѣдующимъ обстоятельствомъ. По статьѣ 102 нашего Наказа, поправки къ статьѣ, не поддержанныя въ засѣданіи Государственнаго Совѣта, не разсматриваются Государственнымъ Совѣтомъ; такъ какъ я не получилъ заявленія о томъ, чтобы кто нибудь поддерживалъ поправку Члена Государственнаго Совѣта П. Н. Дурново, то мнѣ казалось, что можно обойтись безъ объясненій, касающихся этой поправки. Предшествующія объясненія г. докладчика касались той поправки, которая, какъ мнѣ заявлено, будетъ поддержана въ нынѣшнемъ засѣданіи.

Графъ Олсуфьевъ. Я, господа, во первыхъ, совершенно ясно сознаю всю неблагодарность моей роли въ настоящемъ засѣданіи. Г. Предсѣдательствующій уже заявилъ намъ, что дѣло это разсматривалось уже три раза въ Государственномъ Совѣтѣ и у всѣхъ какъ будто есть такое чувство: «что же еще толковать? Надѣли вы намъ съ вашимъ условнымъ досрочнымъ освобожденіемъ, поскорѣе бы развязаться съ нимъ»! Конечно, при такой, позвольте такъ выразиться, психологической атмосферѣ аудиторіи очень трудно останавливать долго вниманіе на этомъ законопроектѣ. Тѣмъ не менѣе, мнѣ кажется, что законъ этотъ не таковъ, чтобы къ нему можно было отнестись чисто формально: «подписано и съ плечъ долой». Уже въ самомъ первомъ засѣданіи нашемъ, когда защитники закона являлись кромѣ того его энтузіастами, когда они еще не старались насъ убѣдить въ необходимости особенно осторожнаго примѣненія его, не говорили еще какъ теперь, что это очень опасный законъ, но, напротивъ, вся-

чески насъ убѣждали, что это великолѣпный законъ и что онъ открываетъ перспективы самыя неожиданныя для практики нашей тюремной жизни, уже въ то время намъ указывалась вся важность и все значеніе этого закона. И дѣйствительно, я думаю, что законъ этотъ имѣетъ несомнѣнно огромную важность. Но теперь разрѣшается не принципиальный вопросъ о томъ, желателенъ ли такой законъ. Я лично и теперь высказываюсь за его желательность и въ этомъ смыслѣ голосовать съ большинствомъ Государственнаго Совѣта, которое признало, что законъ желателенъ. Но это нисколько не поколебало моего убѣжденія, что, хотя по идѣ законъ этотъ желателенъ, но въ томъ видѣ, въ какомъ онъ вносится въ Государственный Совѣтъ, по формѣ своей, законъ этотъ очень неудаченъ. Мнѣ кажется, что, становясь именно на точку зрѣнія (теперешнюю) защитниковъ проекта, точку зрѣнія осторожности, осмотрительности и пр., слѣдуетъ быть смѣлымъ, настойчивымъ въ критикѣ его. Ибо чѣмъ опаснѣе законъ, тѣмъ лучше онъ долженъ быть приноровленъ къ русской жизни, чтобы не повлечь къ совершенно нежелательному его практическому примѣненію. Другое неудобство моей позиціи, кромѣ того, что всѣмъ наскучило разсуждать объ этомъ законопроектѣ, есть то, что, вообще, въ практикѣ Государственнаго Совѣта рѣдко бывали случаи, чтобы онъ шелъ и противъ Думы, и противъ Правительства. Государственный Совѣтъ либо шелъ за Думу противъ Правительства, либо за Правительство противъ Думы. Но въ настоящее время критикующіе законъ идутъ и противъ Правительства, и противъ Думы. Но все это не снимаетъ съ моей совѣсти ответственности, и если, по моему мнѣнію, и Дума, и Правительство что нибудь существенное упустили, я долженъ высказать свои соображенія. Въ настоящее время я думаю, что наиболѣе практическая постановка этого закона это та, которая предложена была здѣсь Н. Н. Шрейберомъ, т. е., чтобы была одна близкая инстанція въ уѣздѣ и инстанція вполне компетентная. Къ чему же, однако, все это я веду? Да къ тому, чтобы законъ этотъ былъ просто возвращенъ Правительству для переработки. Но будетъ ли это достигнуто или нѣтъ, я всетаки свои соображенія считаю долгомъ высказать. Остановлю вниманіе Государственнаго Совѣта на томъ, что законъ этотъ переданъ былъ на вторичное разсмотрѣніе Коммисіи, именно въ силу того, что Государственному Совѣту показались соображенія о двухъ инстанціяхъ весьма неубѣдительными и былъ какъ бы молчаливый consensus на одну инстанцію, и въ этомъ смыслѣ законопроектъ былъ переданъ на вторичное разсмотрѣніе Коммисіи. Какіе же новые доводы представила намъ въ возраженіе Коммисія? Я этихъ доводовъ не видѣлъ. Тактика аргументаціи дѣйствительно новая; теперь намъ говорятъ, что законъ этотъ опасный, что при Вашей поправкѣ слишкомъ много будетъ освобождаться изъ тюремъ и намъ какъ бы ставятъ въ упоръ, что какъ же это принципъ одной инстанціи выставляется со стороны этого крыла Государственнаго Совѣта, которое какъ будто возражаетъ противъ самаго закона; мы, защитники закона, говоримъ намъ, становимся на почву осторожности, ограничительнаго примѣненія закона, а Вы, противники закона, хотите слишкомъ широко двери открыть для его примѣненія. Я думаю, что ничего подобнаго нѣтъ. Я, всетаки, продолжаю утверждать, что широта или узость примѣненія закона будетъ зависеть не отъ второй инстанціи, а отъ первой, ибо попрежнему я держусь того мнѣнія, и никто мнѣ возраженій противъ него не представилъ, что, собственно говоря, отвлеchenно, по бумагѣ, судить о достоинствахъ арестанта невозможно. На это намъ указывали, что вы стоите на слишкомъ формальной точкѣ зрѣнія, что тамъ будетъ обсуждаться какая

то психологія арестанта, и для рѣшенія этого вопроса наиболѣе компетентнымъ учрежденіемъ является именно окружный судъ. Въ докладѣ Коммисіи сказано, что вопросъ этотъ требуетъ тонкой, справедливой разносторонней оцѣнки, и конечно, само собою разумѣется (вотъ и весь аргументъ), такая тонкая, справедливая, разносторонняя оцѣнка будетъ лучше всего произведена во второй инстанціи—окружномъ судѣ на основаніи бумаги, пришедшей изъ уѣзда. Но я не представляю себѣ образца такой бумаги. Я былъ много лѣтъ предводителемъ дворянства и не могу себѣ представить, какія бы изъ уѣздовъ пошли характеристики арестантовъ тонкія и разностороннія. Напечатать въ законѣ все можно. Но, опять таки, утверждаю, что ничего подобнаго въ жизни не осуществится. Я представляю себѣ уѣзды наши и представляю чиновниковъ, которые тамъ сидятъ, и утверждаю, что такой тонкой характеристики арестанта Вы отъ нихъ не получите, а будетъ только краткая шаблонная характеристика: напримѣръ, Иванъ Сидоровъ ни въ чемъ не замѣченъ, добропорядочный, честный,—его нужно выпустить. Или Сидоръ Карповъ—трезвый, скромный, никому не дерзитъ, трудолюбивый,—его надо выпустить. Ничего другого тонкаго не получить окружный судъ. Если же уѣздные чиновники будутъ пытаться входить въ психологію арестанта, то это будетъ совершенно невозможная фальшь, извините за выраженіе, белиберда, ибо трудно охарактеризовать внутренній обликъ арестанта, а тѣмъ болѣе въ казенной бумагѣ за номеромъ такимъ то. Въ докладѣ Коммисіи намъ говорятъ, что на Западѣ освобождаютъ 5%—10% арестантовъ, а потому и у насъ не должно быть больше. А я говорю, что либо этотъ законъ искусственно сведутъ на нѣтъ, т. е. не прикажутъ освобождать болѣе 10%, либо, если примѣненіе закона предоставитъ ходу, то будетъ практиковаться самое широкое освобожденіе, въ виду переполненія тюремъ. И вотъ, повидимому, Правительство думаетъ, что окружные суды легче держать въ рукахъ, что имъ легче преподать къ руководству, что болѣе 10% изъ такой то тюрьмы арестантовъ выпускать нежелательно и что они соотвѣтственно съ этимъ будутъ дѣлать тонкую оцѣнку исправляющихся арестантовъ. А я думаю, что все главнымъ образомъ будетъ зависѣть отъ первой инстанціи, а она то и весьма ненадежна въ томъ составѣ, какъ она намѣчена по проекту. По моему мнѣнію, вся суть въ томъ, что если хотите уменьшить количество представленій, то, конечно, надо принять предложеніе П. Н. Дурново, т. е. чтобы инициатива освобожденія исходила только отъ власти, несущей отвѣтственность за тюремно-заключенныхъ, т. е. отъ начальника тюрьмы или товарища прокурора; но когда инициатива предоставлена всѣмъ, и доктору, случайно пользовавшему арестанта, и директрисѣ, случайно заглянувшей въ тюрьму, то это будетъ зависѣть, такъ сказать, отъ общественнаго настроенія уѣздной среды: въ одной тюрьмѣ будутъ много представлять арестантовъ къ освобожденію, а въ другой—мало. Но желателенъ ли такой порядокъ? И вотъ первая инстанція, которая будетъ рѣшающей и конечной, въ проектѣ Н. Н. Шрейбера, гораздо основательнѣе составлена. Такимъ образомъ тамъ тоже допущены и директриса и даже докторъ, случайно смазавшій горло арестанту мѣсяцевъ 5 тому назадъ. Но тамъ скажутъ имъ: «Вы рѣшайте, но Вы будете какъ бы сторонами», ядромъ же присутствія кто будетъ?—городскіе судьи, земскіе начальники, предводитель, уѣздный членъ, т. е. тѣ самыя лица, которыя отправляли этого арестанта въ тюрьму, и которыя, каждый въ отдѣльности, могутъ вполне разумно судить, насколько возможно освободить этого арестанта. Кромѣ того, у нихъ, какъ у мѣстныхъ жителей, явится большее чувство отвѣтствен-

ности за освобождение жулика или мошенника, которые будут при этом условии рядомъ съ ними жить. Тѣмъ, кто не живетъ въ какомъ нибудь Усть-Сысольскѣ, освобождение арестанта будетъ безразлично, тѣ же, кто живутъ въ Усть-Сысольскѣ, едва ли будутъ рады освобожденію опаснаго ворюжки. Если главнымъ залогомъ пользы примѣненія досрочнаго освобожденія является осторожность, то лучшая мѣра для этого предложена П. Н. Дурново. Если Правительство, или партія или группы, поддерживающія этотъ проектъ, стоятъ за сокращеніе, за осторожное примѣненіе досрочнаго освобожденія, то предложеніе П. Н. Дурново нужно было бы въ первую голову принять. Въ самомъ дѣлѣ, что получится, когда инициативу освобожденія предоставятъ всѣмъ членамъ комитета? Я представляю себѣ какой нибудь отдаленный уѣздъ: какому нибудь члену комитета или директрисѣ будетъ угодно всѣхъ арестантовъ освобождать, а начальникъ тюрьмы говоритъ: «я на это не согласенъ, такіе то ко мнѣ непочтительны», и тогда этотъ споръ между ними переносится въ это самое присутствіе, гдѣ будутъ партіи, партіи, съ одной стороны охраняющія интересы тюремнаго начальника, съ другой—партіи, такъ сказать, освободительныя. Въ предположеніи Н. Н. Шрейбера все это мирится этимъ центральнымъ ядромъ, совершенно компетентнымъ, ядромъ, члены котораго рѣшили вопросъ объ отправленіи арестанта въ тюрьму, т. е. городскіе судьи, земскіе начальники, предводители—всѣ они представляютъ нейтральную почву. Я думаю, что такая инстанція будетъ гораздо сдержаннѣе и осторожнѣе и десять разъ подумаетъ, освободить ли такого то или нѣтъ, руководствуясь не соображеніями тонкой психологіи, а лишь обшѣномъ впечатлѣніемъ. Мнѣ кажется, что всѣ расчеты на психологію есть чистѣйшая утопія, сплошной теоретизмъ. Поэтому я думаю, что двѣ инстанціи хуже, чѣмъ одна; потому что менѣе нужна толкая психологія, изложенная на бумагѣ, чѣмъ личное впечатлѣніе. Я желалъ бы досрочнаго освобожденія арестанта не на томъ основаніи, что видѣлъ бы его внутреннее перерожденіе, но только на его хорошемъ поведеніи. Членъ Государственнаго Совѣта протоіерей Буткевичъ намъ указывалъ такіе примѣры, какъ перерожденіе декабристовъ въ смыслѣ религіозности. Не спорю, всякія перерожденія бываютъ, но эти перерожденія не учитываются на бумагѣ. Иной, внутренне переродившійся человѣкъ можетъ быть ведетъ себя съ внѣшней стороны не такъ корректно, какъ другой, вовсе не переродившійся. Такимъ образомъ, въ основѣ русскаго досрочнаго освобожденія, не знаю какъ на западѣ, тамъ можетъ быть лучше умѣютъ проникать въ душу арестанта, но у насъ въ основѣ будутъ внѣшніе признаки поведенія и личное впечатлѣніе начальствующихъ. Поэтому, окружный судъ совершенно лишняя инстанція. Если же окружные суды будутъ просто по инструкціи руководствоваться, что молъ болѣе столкихъ то процентовъ не освобождать, то это окажется вреднымъ, такъ какъ это будетъ чистый произволъ, Ивана Сидорова освободятъ, а Сидоръ Ивановъ покажется сомнительнымъ и его не освободятъ; а произволъ, даже въ такой мѣрѣ, хуже, чѣмъ если бы досрочнаго освобожденія совсѣмъ не существовало. Я продолжаю держаться такого мнѣнія, что арестантъ, разъ законъ вводится, имѣетъ скрытое право сказать: «а почему меня не освобождаютъ?». А потому, что про того написали, что онъ внутренне переродился, а ты нѣтъ. «Такъ почему же, вѣдь я велъ себя исправно?». И вотъ начало, хотя на видъ и хорошее, можетъ обратиться въ начало злое, съ моей точки зрѣнія. Итакъ я продолжаю утверждать, что на главный мой вопросъ, почему собственно вторая инстанція признается болѣе компетентною—я никакого отвѣта не получилъ отъ Комисіи, а только такъ говорятъ: само собою разу-

мѣется, что компетентна, очевидно, что компетентна и больше ничего. Затѣмъ идутъ возраженія матеріальнаго свойства, которыя, конечно, Коммисія тоже нисколько не опровергаетъ. Возражающіе противъ законопроекта указываютъ на разстоянія, на дистанціи—какъ же Коммисія на это отвѣчаетъ? Вѣдь кажется очевидно, что при тѣхъ разстояніяхъ вторая инстанція невозможна? Намъ на это отвѣчаютъ, что всякій общій законъ можетъ встрѣтить на мѣстахъ «нѣкоторое» затрудненіе, что это есть «особенности мѣстныя». Что, однако, нѣтъ никакого основанія не распространять на эти мѣстности дѣйствіе такихъ мѣропріятій, которыя вообще признаются необходимыми и полезными; но тутъ же въ докладѣ говорится: «да, разумѣется, въ силу культурныхъ особенностей нѣкоторыхъ мѣстностей, не вездѣ законъ будетъ дѣйствовать съ одинаковымъ успѣхомъ». Тутъ уже допущена нѣкоторая игра словъ, затемняющая мысль. Ибо, когда говорятъ, что въ силу условій культуры нѣкоторыя мѣстности не доросли до института условнаго освобожденія, то можно думать, что имѣется въ виду умственная и душевная неразвитость жителей; однако имѣются въ виду пути сообщенія, т. е. что нѣтъ моста черезъ рѣку или что почта ходитъ разъ въ мѣсяцъ и поэтому этотъ край не доросъ до досрочнаго освобожденія. А вотъ выстроить мостъ, тогда онъ доростетъ. При этомъ намъ говорятъ: зачѣмъ вы заботитесь объ этихъ мѣстностяхъ, важно провозгласить принципъ закона, а что на самомъ дѣлѣ онъ не будетъ осуществленъ—это не важно. Относительно такихъ мѣстностей Министръ Юстиціи, по указанію опыта, войдетъ съ особымъ представленіемъ. Но какой же тутъ опытъ нужно? Ясно, что 800 верстъ въ бездорожье и въ 2 недѣли проѣхать нельзя. Нѣтъ, нуженъ, говорятъ, опытъ. Вотъ въ этомъ я и вижу теоретичность, произвольность и сухость всего законопроекта: лишь бы было на бумагѣ гладко, а тамъ на дѣлѣ все равно. Мы знаемъ, что въ отдаленныхъ мѣстностяхъ этотъ законъ фактически примѣненъ не будетъ. Но намъ говорятъ: это и не важно, лишь бы былъ провозглашенъ принципъ. Мы безъ всякаго опыта знаемъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ нѣтъ ни проѣздныхъ дорогъ, ни мостовъ, ни благоустроенной почты; но и на это все закрываемъ глаза. Затѣмъ на второй аргументъ, что окружные суды у насъ завалены работой, намъ возражаютъ, что дѣлъ объ освобожденіи будетъ не много, не болѣе 5—10%, какъ на Западѣ. Потомъ еще добавляютъ, что въ сущности дѣла эти простыя, быстро рѣшаются, вѣдь они не судебныя, только психологическая оцѣнка требуется. Другими словами, все желаютъ свести къ чисто формальному производству: Ивана Сидорова освободить, а Сидора Иванова не освобождать. Всѣ эти соображенія меня приводятъ къ заключенію, что для законовъ, въ особенности для законовъ, проходящихъ черезъ Представительныя Учрежденія, мало одной хорошей вывѣски, а нужно, чтобы законъ дѣйствительно отвѣчалъ всѣмъ условіямъ русской жизни. И если возможно новый законъ ввести, то надо его ввести такъ, какъ слѣдуетъ, а если невозможно, такъ нужно его просто отклонить. А потому я лично, если Государственный Совѣтъ поправку Н. Н. Шрейбера не приметъ, то по общему вопросу объ окончательномъ принятіи закона я буду голосовать противъ, хотя я и баллотировалъ въ первомъ засѣданіи за,—ибо, повторяю, законъ этотъ совершенно не обработанъ и онъ совершенно не принаровленъ къ потребностямъ русской жизни. Въ частности, я укажу на слѣдующее: какимъ образомъ напримѣръ можно было бы съ точки зрѣнія осторожности примѣненія закона видоизмѣнить первую инстанцію? Лучшее всего,—я думаю, предоставить предсѣдателю право протеста. Пусть будетъ предсѣдателемъ уѣздный членъ окружнаго суда, съ тѣмъ

же равнымъ голосомъ, какъ и врачъ, какъ другіе члены первой инстанціи. Но представьте ему въ случаѣ несогласія переносить дѣло во вторую инстанцію, въ окружный судъ. Вообще многое можно было бы придумать, чтобы обставить разрѣшеніе дѣла въ одной инстанціи всѣми гарантіями осторожности. Но то, что предлагается проектомъ, есть просто волокита, бумагомараніе, словомъ тотъ канцеляризмъ, противъ котораго мы, по крайней мѣрѣ выборные Члены Совѣта, должны всѣми мѣрами бороться.

Шрейберъ. Ваше Высокопревосходительство, гг. Члены Государственнаго Совѣта. Основное положеніе, которое я поддерживалъ въ засѣданіи 13 февраля, заключалось въ томъ, чтобы всѣ дѣла о лицахъ, присужденныхъ къ тюремному заключенію, по вопросу объ условномъ досрочномъ освобожденіи, передать на разсмотрѣніе въ уѣздныя присутствія. Это основное положеніе имѣетъ двѣ части, совершенно одна отъ другой различныя. Часть первая—это предложеніе о передачѣ всѣхъ дѣлъ этого рода въ уѣздныя присутствія и изъятіе ихъ изъ вѣдѣнія окружныхъ судовъ, и часть вторая—предложеніе о передачѣ только тѣхъ дѣлъ сего рода о присужденныхъ къ тюремному заключенію, которые содержатся въ такихъ отдаленныхъ мѣстностяхъ отъ мѣста нахожденія окружнаго суда, что законъ объ условномъ досрочномъ освобожденіи сдѣлается относительно этихъ арестантовъ мертвою буквою. Хотя я и нынѣ того мнѣнія, что правильнѣе было бы принять мое основное положеніе во всемъ его объемѣ, но послѣ обсужденія этого предмета Коммисіею законодательныхъ предположеній и послѣ частной бесѣды съ нѣкоторыми изъ гг. Членовъ Государственнаго Совѣта, я означенную первую часть моего предложенія о передачѣ всѣхъ дѣлъ о присужденныхъ къ тюремному заключенію въ уѣздныя присутствія не поддерживаю, но зато съ болышею силою буду поддерживать вторую часть моего предложенія, а именно объ изъятіи изъ вѣдѣнія окружныхъ судовъ тѣхъ дѣлъ объ арестантахъ, содержащихся въ отдаленныхъ мѣстахъ, относительно которыхъ, въ силу дальности разстоянія ихъ содержанія отъ мѣста нахожденія окружнаго суда, исполненіе закона объ условномъ досрочномъ освобожденіи въ настоящемъ его видѣ сдѣлается невозможнымъ. Но по этому предмету я буду имѣть честь представить свои объясненія послѣ того, какъ г. Предсѣдатель предоставитъ мнѣ слово.

Предсѣдательствующій (*Обращаясь къ гр. Д. А. Олсуфьеву*). Вы изволите поддерживать первоначальную поправку, предложенную Членомъ Государственнаго Совѣта Н. Н. Шрейберомъ?

Графъ Олсуфьевъ. Если я имѣю на это формальное право, а я думаю, что его имѣю, то я всецѣло поддерживаю эту поправку.

Предсѣдательствующій. Въ томъ видѣ, въ какомъ она была внесена въ февраль мѣсяцѣ?

Графъ Олсуфьевъ. Въ томъ видѣ, какъ она опровергалась въ докладѣ Коммисіи, на этихъ дняхъ намъ разосланномъ. Какъ разъ въ рамкахъ обсужденія Коммисіи. Они говорятъ—не хорошо, я же говорю, хорошо—то, что въ этой поправкѣ предполагается.

Предсѣдательствующій. Въ Коммисіи былъ печатный экземпляръ поправки Н. Н. Шрейбера. Въ этомъ печатномъ экземплярѣ поправка сведена къ опредѣленному измѣненію извѣстныхъ статей проекта, въ томъ числѣ къ измѣненію начала статьи 7. Я хочу только удостовѣриться въ томъ, что гр. Д. А. Олсуфьевъ поддерживает поправку Н. Н. Шрейбера и предлагаетъ измѣнить начало статьи 7 такъ, какъ напеча-

тано въ изложеніи первоначальнаго проекта Н. Н. Шрейбера объ измѣненіи отдѣльныхъ статей.

Графъ Олсуфьевъ. Статья 7 изложена такъ: «Вопросъ о примѣненіи условнаго досрочнаго освобожденія къ лицамъ, присужденнымъ къ содержанію въ исправительномъ арестантскомъ отдѣленіи или исправительномъ домѣ, начальникъ сихъ мѣстъ заключенія вносить, съ надлежащими свѣдѣніями, своевременно на обсужденіе и т. д.».

Предсѣдательствующій. Записавшихся и желающихъ говорить по статьѣ 7 больше не имѣется, поэтому предстоитъ приступить къ голосованію этой статьи. Прежде всего приходится поставить на голосованіе поправку, поддержанную въ нынѣшнемъ засѣданіи гр. Д. А. Олсуфьевымъ. Эта поправка, поскольку она касается статьи 7, заключается въ измѣненіи первыхъ строкъ этой статьи, въ томъ смыслѣ, чтобы ограничить примѣненіе этой статьи только къ содержащимся въ исправительномъ домѣ или исправительныхъ арестантскихъ отдѣленіяхъ. Это измѣненіе связано съ предположеніемъ, что для содержащихся въ тюремныхъ замкахъ долженъ быть установленъ проектированный Н. Н. Шрейберомъ и внесенный имъ въ Коммисію цѣлый рядъ особыхъ правилъ, долженствующихъ составить послѣднія главы даннаго проекта. Такъ какъ мы при постатейномъ разсмотрѣніи должны прежде всего установить содержаніе статьи 7, то ставлю на голосованіе вопросъ, угодно ли Государственному Совѣту принять изложенное начало статьи 7 въ слѣдующемъ видѣ: «Вопросъ о примѣненіи условнаго досрочнаго освобожденія къ лицамъ, присужденнымъ къ содержанію въ исправительномъ арестантскомъ отдѣленіи или исправительномъ домѣ, начальникъ сихъ мѣстъ заключенія вносить, съ надлежащими свѣдѣніями, своевременно на обсужденіе и т. д.» по тексту статьи 7? Большинство отвергаетъ поправку къ статьѣ 7. Коммисія законодательныхъ предположеній предлагаетъ нѣкоторое видоизмѣненіе первоначально проектированнаго ею изложенія этой статьи 7. Это видоизмѣненіе послѣдовало на основаніи тѣхъ заявленій, которыя были сдѣланы въ послѣднемъ засѣданіи Коммисіи законодательныхъ предположеній. Вотъ въ этой послѣдней редакціи и подлежитъ голосованію статья 7. Эта послѣдняя редакція изложена въ заключеніи доклада Коммисіи законодательныхъ предположеній. Позвольте не читать содержанія всей этой статьи, такъ какъ она у Васъ имѣется, или угодно, чтобы она была прочитана передъ голосованіемъ? Я слышу голоса, что ее считаютъ достаточно усвоенною и поэтому новаго прочтенія не требуется. Ставлю на голосованіе, угодно ли въ этой позднѣйшей редакціи принять статью 7? Большинствомъ голосовъ статья 7 въ послѣдней редакціи Коммисіи законодательныхъ предположеній принята. Къ этой статьѣ 7 въ проектѣ Государственной Думы имѣется примѣчаніе. Содержаніе примѣчанія было включено въ составъ изложенія статьи 7, только что Вами припято. Изъ этого вытекаетъ, что Вы изволили уже заранѣе изъяснить согласіе, чтобы примѣчаніе къ статьѣ 7 было исключено. Никто не возражаетъ? Примѣчаніе исключено. Принятіе статьи 7 въ редакціи, предлагаемой Коммисіей законодательныхъ предположеній, еще не предрѣшаетъ вопроса объ участи поправокъ, предлагаемыхъ Членомъ Государственнаго Совѣта Н. Н. Шрейберомъ, какъ изъятіе изъ общаго положенія для нѣкоторыхъ мѣстностей, для которыхъ онъ проектируетъ статью 27 и слѣдующія. Къ обсужденію проекта этихъ статей мы въ свое время обратимся, когда дойдемъ до статьи 26. Такимъ образомъ, позвольте считать, что Ваше голосованіе одобрило статью 7, какъ общее положеніе, не предрѣшая вопроса о томъ, будутъ ли допущены изъятія изъ этой статьи для какихъ нибудь

отдѣльных мѣстностей. Возраженій противъ такого пониманія Вашего голосованія нѣтъ? Обратимся теперь къ послѣдующимъ статьямъ. По слѣдующимъ нѣсколькимъ статьямъ нѣтъ никакихъ заявленій о томъ, чтобы кто либо желалъ высказаться. Не позволите ли поэтому прямо приступить къ голосованію? По статьѣ 8 проекта Думскаго Коммисія предлагаетъ Вамъ оставить ее безъ измѣненія. Возражающихъ нѣтъ? Ставлю статью 8 на голосованіе. Статья 8 принята. По статьѣ 9 Коммисія законодательныхъ предположеній также предлагаетъ оставить ее безъ измѣненій. Никто не возражаетъ? Ставлю статью 9 на голосованіе. Статья 9 принята. По статьѣ 10 точно также Коммисія предлагаетъ Вамъ принять ее безъ измѣненія. Никто не возражаетъ? Ставлю статью 10 на голосованіе. Статья 10 принята. Затѣмъ обратимся къ статьѣ 11.

Дейтрихъ. Въ статьѣ 11 сдѣлано измѣненіе въ соотвѣтствіе со статьею 1, т. е. предполагается, чтобы начальникъ мѣста заключенія отбиралъ у заключенныхъ заявленіе не о согласіи ихъ воспользоваться льготою досрочнаго освобожденія, а объ обязательствахъ подчиненія правиламъ освобожденія. Въ этомъ и будетъ состоять согласіе заключеннаго.

Предсѣдательствующій. По статьѣ 11 никто не выразилъ желанія говорить и о поддержкѣ какихъ либо поправокъ въ нынѣшнемъ засѣданіи мнѣ не было заявлено. Поэтому позвольте приступить къ голосованію статьи 11 въ редакціи, предлагаемой Коммисіей законодательныхъ предположеній. Статья 11 принята.

Дейтрихъ. Въ статьѣ 12 сдѣлано лишь редакціонное измѣненіе. Оно заключается въ согласованіи съ 11 статьею и, кромѣ того, указывается еще на то, что окружный судъ въ томъ округѣ, въ которомъ отбываетъ наказаніе заключенный, разрѣшаетъ вопросъ о примѣненіи условнаго досрочнаго освобожденія. Въ соотвѣтствіи съ этимъ, уже статью 13 надо исключить.

Предсѣдательствующій. По статьѣ 12 мнѣ не заявлено о желаніи кого либо высказаться или о внесеніи и поддержаніи какихъ либо поправокъ. Поэтому приступимъ прямо къ голосованію статьи 12, но оговариваюсь, что по поводу статьи 12 проектированы Членомъ Государственнаго Совѣта Н. Н. Шрейберомъ нѣкоторыя изъятія, изложенныя имъ въ статьѣ 27 и въ послѣдующихъ. Поэтому, позвольте поставить на голосованіе статью 12, какъ общее правило, безъ предрѣшенія вопроса, будутъ ли Вами допущены какія либо изъятія для нѣкоторыхъ мѣстностей при разсмотрѣніи поправки Н. Н. Шрейбера. Съ этой оговоркой ставлю на голосованіе статью 12, въ редакціи Коммисіи законодательныхъ предположеній. Статья 12 принята. По тѣмъ соображеніямъ, которыя высказалъ докладчикъ Коммисіи, Коммисія предлагаетъ статью 13 Думскаго проекта исключить. Не угодно ли голосовать это предложеніе. Статья 13 исключена.

Дейтрихъ. Въ ст. 14 сдѣланы редакціонныя измѣненія и, кромѣ того, предполагается ограничить право суда вызывать членовъ совѣщанія для дачи объясненія лишь тѣми, которыя находятся въ мѣстѣ нахожденія суда. Коммисія находила, что предоставить право вызывать лицъ, находящихся не въ мѣстѣ пребыванія суда, не удобно и можетъ представить большія затрудненія.

Напіорковскій. Я предлагаю поправку.

Предсѣдательствующій. Слово принадлежитъ Члену Государственнаго Совѣта А. Ю. Напіорковскому.

Напіорковскій. Ваше Высокопревосходительство, гг. Члены Государственного Совѣта. Въ напечатанной и разосланной поправкѣ къ статьѣ 14, я, вкратцѣ, изложилъ соображенія, по коимъ нахожу невозможнымъ вызовъ въ окружной судъ членовъ особаго совѣщанія для дачи объясненій. Мысль свою я хочу нѣсколько развить, находя, что въ невинной формѣ условнаго вызова для дачи объясненій въ судъ членовъ особаго совѣщанія кроется болѣе серьезный вопросъ. Столь часто хорошо задуманный проектъ закона, при различныхъ дополненіяхъ, примѣчаніяхъ, оговоркахъ, настолько измѣняется, что, въ концѣ концовъ, на практикѣ въ жизни вмѣсто хорошаго закона получается плохой. Министерство Юстиціи проектировало вызовъ въ судъ для дачи объясненій только начальника мѣста заключенія, Дума же добавила вызовъ и другихъ членовъ особаго совѣщанія. Наша Коммисія, признавая, что вызовъ въ засѣданіе суда членовъ совѣщанія, проживающихъ часто въ уѣздномъ городѣ, на значительномъ отъ мѣста нахожденія суда разстояніи, было бы сопряжено съ немалыми расходами, вмѣстѣ съ тѣмъ и принципиально, вполне основательно, нашла, что такой вызовъ признается напраснымъ, такъ какъ постановленія особаго совѣщанія заносятся въ протоколъ съ подробнымъ изложеніемъ основаній, по коимъ заключенный признается или не признается заслуживающимъ условнаго досрочнаго освобожденія и каждый изъ членовъ особаго совѣщанія, оставшійся при особомъ мнѣніи, можетъ представить таковое въ письменномъ видѣ для приобщенія къ протоколу. При этомъ, судъ имѣетъ право требовать всякаго рода дополнительные свѣдѣнія. Казалось бы, послѣ подобныхъ мотивовъ, выводъ только одинъ долженъ быть—отклонить вызовъ для объясненій. Но наша Коммисія вошла въ компромиссъ съ Государственною Думою и предлагаетъ вызывать въ судъ для объясненій членовъ, пребывающихъ въ мѣстѣ нахожденія суда. Подобное заключеніе, подобная факультативная, исключительная мѣра въ общемъ законѣ, сама по себѣ, не вполне уместна, не говоря уже о томъ, что подобное исключеніе противорѣчитъ общему принципу, признанному Коммисіею. Я нахожу, что подобное исключеніе, подобное факультативное условіе, относящееся къ мѣсту, мотивированное исключительно только удобствомъ, не вполне желательно. Это прецеденты, которыхъ вообще въ законодательство не слѣдовало бы вносить. Но если даже съ этими формальными недостатками можно было бы примириться, то вопросъ по существу представляется болѣе серьезнымъ, такъ какъ касается существа дѣла. Какъ извѣстно, институтъ досрочнаго освобожденія вводится въ Россіи при крайне неблагоприятныхъ, исключительно неблагоприятныхъ, условіяхъ. Нѣтъ и слѣдовъ какой нибудь пенитенціарной системы, не можетъ быть и рѣчи о правдивомъ воздѣйствіи, объ исправленіи арестанта-преступника. Въ сущности даже о какомъ нибудь режимѣ, о дисциплинѣ—и то не особенно можно говорить, зная, что тюрьмы чрезвычайно переполнены, что въ нихъ вдвое болѣе содержится арестованныхъ, чѣмъ имѣется мѣста. Въ такихъ условіяхъ, конечно, вводя условное освобожденіе, предполагается рассчитывать исключительно на помощь, на воздѣйствіе въ этомъ важномъ дѣлѣ общества, общественныхъ силъ. Дѣйствительно, можно рассчитывать, т. е. я самъ надѣюсь, что общество откликнется на это, но не нужно создавать обществу различныхъ тормазовъ, и первый тормазъ, чрезвычайно важный, я нахожу въ проектируемомъ вызовѣ въ судъ для дачи объясненій членовъ особаго совѣщанія. На это условіе несомнѣнно будетъ обращено вниманіе, и каждый подумаетъ о томъ, что его, какъ члена особаго совѣщанія,

могутъ вызывать въ судъ для дачи объясненій. Вотъ это навѣрное дѣлу не поможетъ. Можетъ быть, многіе призадумаются: съ какой стати я пойду, буду содѣйствовать, а меня еще будутъ для отчета въ моихъ мнѣніяхъ вызывать для объясненій. Вѣдь создается новое учрежденіе, которому слѣдуетъ сыграть въ дѣлѣ условнаго освобожденія довольно важную роль—это особое совѣщаніе; вѣдь это, такъ сказать, новая судебная инстанція, первая инстанція, которая предварительно будетъ рѣшать вопросъ объ освобожденіи отъ наказанія въ границахъ отъ 2 мѣсяцевъ до 1½ года. Ее въ нѣкоторой степени можно приравнять къ суду присяжныхъ, или скорѣе—къ суду шефеновъ. Тутъ даже случилось, что по проекту, вновь, съ прибавками, особое совѣщаніе состоитъ изъ 12 лицъ. Призывается къ участию общество, и весь законъ въ сущности созданъ на томъ предположеніи, что общество поможетъ въ дѣлѣ условнаго освобожденія; безъ помощи общества дѣйствительно нельзя рассчитывать, чтобы условное освобожденіе кое какіе результаты могло принести. Напротивъ, могутъ получиться результаты даже отрицательнаго свойства. Если признавать, что общество въ трехъ стадіяхъ будетъ принимать участіе: во-первыхъ, въ мѣстахъ заключенія для исправленія преступниковъ, для воздѣйствія на ихъ нравственное исправленіе; во вторыхъ, по разрѣшенію вопроса объ условномъ освобожденіи, и, въ третьихъ, въ извѣстной роли при попеченіи послѣ освобожденія,—то, останавливаясь на этомъ второмъ, чрезвычайно важномъ въ данномъ вопросѣ фазисѣ, т. е. на разрѣшеніи вопроса объ условномъ освобожденіи, мы получаемъ для этой цѣли коллегію, какъ я упоминалъ, изъ 12 лицъ. Въ числѣ этихъ 12 лицъ, исключая духовное лицо, врача и учителя, мы находимъ 4 лица изъ общественныхъ силъ: 2 отъ общества попечительнаго о тюрьмахъ и 2 отъ патронатовъ. Если мы приравняемъ къ какой нибудь судебной функціи задачи этого новаго учрежденія, то скорѣе всего можно его сравнивать, какъ я сказалъ, съ судомъ присяжныхъ. Но никому вѣдь въ голову не придетъ спрашивать присяжнаго засѣдателя, на какомъ основаніи онъ призналъ обвиняемаго заслуживающимъ снисхожденія? Затѣмъ, вѣдь даже волостного судью никто не вызываетъ и не требуетъ отъ него объясненій по поводу его мнѣнія. Если даже къ волостному судѣ такой пріемъ не примѣнимъ, можно ли подобныя условія ставить для члена этого новаго учрежденія, ставить его въ столь незавидное положеніе, чтобы вызывать его въ судъ для дачи объясненія въ отношеніи своего мнѣнія. Я думаю, что это должно отталкивающимъ образомъ вліять на тѣхъ, которые охотно пошли бы на это дѣло, которые стали бы наблюдать и изучать арестантовъ, а затѣмъ высказали бы свои безпристрастныя соображенія. Если встать на эту точку, тогда дѣйствительно Коммисія была совершенно права, въ принципѣ отрицая и не признавая никакой нужды, никакой необходимости вызова. Но, не взирая на это, Коммисія пошла на компромиссъ, по моему мнѣнію, совершенно безцѣльный, и не только безцѣльный, но въ результатѣ даже вредный. Затѣмъ, позвольте обратить вниманіе на нѣкоторыя особынности, которыя возникли бы тогда: вѣдь въ числѣ членовъ мы видимъ мирового судью или члена окружнаго суда, затѣмъ товарища прокурора—это есть по закону члены особаго совѣщанія. Этихъ лицъ слѣдуетъ, когда судъ найдетъ нужнымъ, вызывать также для дачи объясненій. Мнѣ могутъ возразить, да возможно ли, чтобы товарищъ прокурора или членъ суда вызывался. Это, конечно, немного странно; да не только странно, но даже воплоти съ основнымъ положеніемъ

судебныхъ уставовъ не согласно. Но, къ сожалѣнію, законъ прямо говоритъ о вызовѣ безъ всякой оговорки для кого либо изъ членовъ совѣщанія, и эти лица подходятъ, они подходятъ, положительно, подъ этотъ законъ и если по усмотрѣнію суда они будутъ вызваны, то должны явиться и дать отчетъ въ своихъ мнѣніяхъ и объяснить. Но еще обращаю вниманіе на одно обстоятельство: каждый законъ долженъ быть исполняемъ, экзекутивы закона должны быть. Допустимъ, что всѣ члены совѣщанія—должностныя лица будутъ безпрекословно подчиняться и являться для дачи объясненій въ судъ: и товарищъ прокурора, и членъ окружнаго суда. Но частныя лица, директора, директрисы, члены патронатовъ, вѣдь они могутъ такъ разсуждать: вѣдь я приношу для добраго дѣла безкорыстно время свое и свой трудъ и, можетъ быть, иногда и деньги жертвую и затѣмъ, нелицемѣрно, по крайнему разумѣнію, высказалъ свое мнѣніе, записанное въ постановленіи объ условномъ досрочномъ освобожденіи,—съ меня и этого достаточно и въ судъ я не явлюсь, потому что я высказался добросовѣстно и мнѣ нечего объяснять. Понятно, авторитетъ суда былъ бы уничтоженъ тѣмъ, что вызываемые имъ не являются. Я, по крайней мѣрѣ, самъ стою на той точкѣ зрѣнія, что каждый вызываемый судомъ долженъ явиться, потому что авторитетъ суда въ противномъ случаѣ былъ бы совершенно подорванъ. Такимъ образомъ, если мы примемъ эти предлагаемыя мѣры, то необходимо сейчасъ же сдѣлать примѣчаніе, что члены совѣщанія за неявку въ судъ подвергаются такому то штрафу, а затѣмъ приводятся. Это логическій выводъ, отъ котораго мы не уйдемъ, разъ станемъ на эту почву. А если мы придемъ къ подобнымъ результатамъ, то я спрашиваю: будутъ ли у насъ возникать тѣ патронаты, на которые всѣ такъ разсчитываютъ, и найдутся ли на это дѣло тѣ, у которыхъ есть досужее время и которые желаютъ въ этомъ трудномъ дѣлѣ помочь. Я думаю, что они не пойдутъ и патронаты при этихъ условіяхъ не возникнутъ. Я позволю себѣ обратить вниманіе, что эта невинная статья, хотя въ ней вызовъ является условнымъ, она, всетаки, говоритъ: судъ можетъ вызвать и это сразу произведетъ на общество впечатлѣніе неблагопріятное. Тотъ, который будетъ жертвовать и приносить трудъ свой и свое время, еще долженъ въ судъ являться для дачи объясненія въ своихъ филантропическихъ дѣйствіяхъ. Притомъ, вѣдь вопросъ объ условномъ досрочномъ освобожденіи не вдругъ возникъ; онъ много лѣтъ разрабатывался въ Министерствѣ Юстиціи. Тамъ надъ этимъ вопросомъ вѣроятно много думали и именно оттого то вызова членовъ особаго совѣщанія Министерство и не предложило, а не предложило по той простой причинѣ, что оно совершенно не находило это нужнымъ, умѣстнымъ и цѣлесообразнымъ. Да вдобавокъ, если бы Министерство предложило это условіе, оно непременно сейчасъ же сдѣлало бы примѣчаніе, что за неявку въ судъ непослушный штрафуется, а затѣмъ и приводится. Вотъ, если стать на эту точку зрѣнія, если съ этой стороны посмотрѣть на дѣло, то я думаю, что нужно было бы призадуматься вводить это условіе даже въ той формѣ, въ формѣ компромисса, которую наша Комиссія предлагаетъ въ угоду Государственной Думѣ. Дума, мнѣ кажется, не взвѣсила въ достаточной мѣрѣ всѣхъ послѣдствій и задача Государственнаго Совѣта эту ошибку исправить. Я еще нѣсколько словъ только скажу. Дѣйствительно ли представляется какая либо надобность вызывать кого либо изъ членовъ совѣщанія въ судъ и какія послѣдствія отъ этого произошли бы? Положимъ такой случай: начальникъ мѣста заключенія противъ осво-

божденія, а всѣ члены—за; что же судъ? Кого онъ будетъ вызывать, если найдетъ это нужнымъ? Вызоветъ начальника мѣста заключенія и, выслушавъ его мнѣніе, вопреки мнѣнію всего совѣщанія, откажетъ въ условномъ досрочномъ освобожденіи. Да я думаю, что члены особаго совѣщанія скажутъ тогда: «при чемъ мы здѣсь». Если обратное возьмемъ, то тоже будутъ различныя недоразумѣнія, такъ что въ сущности нѣтъ никакихъ основаній, нѣтъ существа поводовъ для того, чтобы кого либо вызывать, не исключая даже начальника мѣста заключенія, разъ всѣ они члены совѣщанія, члены новаго своего рода судебного учрежденія. Это первая инстанція и пока она не рѣшитъ вопроса объ условномъ досрочномъ освобожденіи суду не приходится разсматривать этого вопроса. Засимъ, если даже возникнетъ какое либо сомнѣніе, то вѣдь есть товарищъ прокурора, который есть членъ этого совѣщанія и спеціально надъ тюрьмами у него есть наблюденіе. Всякое недоразумѣніе этого товарищъ прокурора въ засѣданіи же суда и выяснитъ, и вопросъ правильно рѣшится. Оканчивая, я повторяю, что нахожу вызовъ членовъ совѣщанія не только совершенно лишнимъ, но даже вреднымъ для дѣла, почему эту, хотя и факультативную, мѣру нужно исключить.

Товарищъ Министра Юстиціи Люце. Мнѣ кажется, что вопросу этому придаютъ слишкомъ большое значеніе. Сомнѣнія, которыя высказаны противъ приглашенія въ окружный судъ членовъ совѣщанія, по моему мнѣнію, не представляются убѣдительными. Дѣло въ томъ, что вѣдь вызовъ этихъ лицъ не обязателенъ; онъ только предоставляется суду, когда судъ, по обстоятельствамъ дѣла, найдетъ его нужнымъ. Когда окружный судъ находитъ нужнымъ допросить кого либо или выслушать кого либо, то было бы страннымъ препятствовать этому, въ особенности въ настоящее время, когда все судопроизводство основано на принципѣ непосредственности, на принципѣ возможно лучшаго и непосредственнаго освѣдомленія судьи объ обстоятельствахъ дѣла, прежде, чѣмъ произнести какое нибудь рѣшеніе. При томъ же допрашиваются, какъ сказано въ ст. 14, только лица, пребывающія въ мѣстѣ нахожденія окружнаго суда. Казалось бы, что это не должно вызывать никакихъ сомнѣній. Относительно того, будто это вообще небывалый примѣръ, чтобы члены первой инстанціи допрашивались во второй, что такихъ случаевъ законъ не знаетъ, что, на примѣръ, волостные судьи не могутъ быть вызываемы на вторую инстанцію, то это не совсѣмъ основательно. Есть установленіе закона, которое въ этомъ отношеніи можетъ служить прекраснымъ примѣромъ. Мировой судья, постановившій рѣшеніе или приговоръ, не имѣетъ права участвовать въ мировомъ съѣздѣ, при разсмотрѣніи дѣла во второй инстанціи, но можетъ быть приглашаемъ мировымъ съѣздомъ для представленія объясненія, причемъ, давъ объясненіе, онъ долженъ затѣмъ удалиться. Это совершенно аналогичный случай и надо имѣть въ виду, что, если разъясненія кого-нибудь изъ членовъ совѣщанія признаются по данному дѣлу важными, то данный членъ совѣщанія, безъ всякаго сомнѣнія, одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ его членовъ. Онъ не только съ совершенною готовностью явится въ окружный судъ, но и почтетъ не трудомъ, а прямо особымъ преимуществомъ данную ему возможность лично представить суду свои соображенія. Государственная Дума отъ того и распространила дѣйствіе этого постановленія, касавшагося по нашему проекту лишь начальника тюрьмы, на всякаго другаго члена совѣщанія, что считала его для нихъ не только не тягостнымъ, но даже весьма полезнымъ. Примѣръ, который былъ представленъ въ концѣ своей

рѣчи предшествующимъ ораторомъ, что, такимъ образомъ, окружный судъ, выслушавъ объясненія тюремнаго начальника, можетъ, вопреки постановленію всей коллегіи совѣщанія, постановить совершенно обратное мнѣнію совѣщанія, согласно только тѣмъ объясненіямъ, которыя представитъ начальникъ тюрьмы, доказываетъ, по моему, противное тому, что хотѣлъ доказать ораторъ. Этотъ примѣръ доказываетъ, что проектируемая мѣра очень хороша. Окружный судъ и не долженъ утверждать всѣхъ представлений особаго совѣщанія; для того этотъ судъ и является второю инстанціею, чтобы онъ ихъ провѣрялъ и по своему собственному убѣжденію постановлялъ, можно ли или нельзя освободить заключеннаго. Если, допросивъ когонибудь изъ членовъ совѣщанія, судъ признаетъ соотвѣтственнымъ оставить безъ уваженія представленіе совѣщанія, то это значитъ, что показанія допрошеннаго лица были весьма существенны и что допросъ его принесъ огромную пользу для правильного разрѣшенія дѣла.

Дейтрихъ. Членъ Государственнаго Совѣта А. Ю. Напіорковскій основываетъ свою поправку на томъ, что разрѣшеніе окружнымъ судамъ вызывать для дачи объясненій членовъ особаго совѣщанія несогласно было бы съ достоинствомъ лицъ, входящихъ въ это совѣщаніе. Особое совѣщаніе, по мнѣнію Члена Государственнаго Совѣта А. Ю. Напіорковскаго, является своего рода судомъ, это присяжные или шефены. Рѣшеніе совѣщанія имѣетъ такое же значеніе, какъ и рѣшеніе судебное и потому вызовъ членовъ совѣщанія въ окружный судъ для дачи разъясненій равняется требованію отъ членовъ суда объясненій по поводу того рѣшенія, которое они вынесли. Такое утвержденіе мнѣ кажется страннымъ: что общаго между судомъ присяжныхъ, шефенами и этимъ особымъ совѣщаніемъ? Что такое это особое совѣщаніе? Особое совѣщаніе рассматриваетъ только вопросъ о возможности примѣненія условнаго освобожденія и выводитъ свое заключеніе, имѣется ли наличность условій, по которымъ надлежало бы освободить заключеннаго. Очевидно, если окружный судъ находитъ нужнымъ вызвать члена совѣщанія, то кромѣ пользы для дѣла ничего произойти не можетъ. Въдѣ окружный судъ вовсе не будетъ спрашивать члена особаго совѣщанія, почему онъ былъ такого то мнѣнія, а не инаго. Судъ только разспроситъ его объ обстоятельствахъ дѣла, которыя неясны—очевидно, что въ этомъ нѣтъ ничего общаго съ требованіемъ объясненій отъ суда по поводу постановленнаго рѣшенія. вмѣстѣ съ тѣмъ, въ этомъ я не усматриваю и нарушенія достоинства товарища прокурора или члена суда, который входитъ въ это совѣщаніе, если они будутъ вызваны окружнымъ судомъ для дачи объясненій. Затѣмъ, здѣсь было сказано, что если предоставить суду право на вызовъ, то нужно будетъ дополнить эту статью установленіемъ карательнаго постановленія для лицъ, которыя откажутся явиться въ судъ. Это не вѣрно. Существуетъ общее положеніе, по которому всякое лицо должно явиться по вызову суда для дачи объясненій или показаній, и существуютъ извѣстныя общія карательныя постановленія за ослушаніе этому требованію. Я рѣшительно не вижу никакой опасности и нарушенія какогонибудь достоинства членовъ особаго совѣщанія вызовомъ ихъ въ судъ. Вслѣдствіе этого я полагаю, что эта поправка не можетъ быть принята.

Предсѣдательствующій. Ставится на голосованіе поправка къ статьѣ 14. Указанная поправка предлагаетъ изъ середины статьи 14 исключить слова о правѣ суда вызывать въ засѣданіе для дачи объясненій пребывающихъ въ мѣстѣ пахожденія

суда начальника мѣста заключенія, равно какъ и другихъ членовъ совѣщанія. Большинствомъ голосовъ поправка отвергнута. Приступаемъ къ голосованію статьи 14 въ той редакціи, въ которой она предложена Коммисіею законодательныхъ предположеній. Статья 14 принята. Статья 15.

Дейтрихъ. Въ этой статьѣ для ясности вставлено только указаніе на срокъ, указанный въ статьѣ 1.

Предсѣдательствующій. Относительно этой статьи, никакихъ заявленій о желаніи представить объясненія не имѣется. Голосованіе этой статьи произойдетъ въ предположеніи, что она устанавливаетъ общее правило, не предрѣшая вопроса о тѣхъ изъятіяхъ, которыя могли бы быть установлены для нѣкоторыхъ мѣстностей. Угодно ли Общему Собранію принять статью 15 въ редакціи, предложенной Коммисіею законодательныхъ предположеній? Статья 15 принята. Статья 16. По этой статьѣ, въ Коммисіи заявлено два мнѣнія. Защитникомъ одного мнѣнія будетъ г. докладчикъ Коммисіи, защита другого мнѣнія, если я не ошибаюсь, возложена на Члена Государственного Совѣта С. С. Манухина.

Дейтрихъ. Статья 16 опредѣляетъ организацію попеченія и надзора надъ досрочно-освобожденными. Вопросъ объ организаціи наблюденія за досрочно-освобожденными и попеченія о нихъ является однимъ изъ главныхъ вопросовъ въ настоящемъ законопроектѣ. Дѣло въ томъ, что для правильнаго примѣненія досрочнаго освобожденія необходимо, чтобы досрочно-освобожденные, будучи освобождены изъ тюрьмы, первое время находили себѣ какую либо поддержку для того, чтобы они могли и на свободѣ продолжать вести добропорядочный образъ жизни и заняться работой. Для этого требуется устройство такихъ учрежденій, которыя могли бы принять на себя обязанность помогать имъ, содѣйствовать тому, чтобы они стали на путь дальнѣйшаго самоисправленія. Въ Западной Европѣ вопросъ этотъ чрезвычайно просто разрѣшился. Когда институтъ досрочнаго условнаго освобожденія вводился, то тогда уже повсемѣстно пахотились цѣлымъ обществомъ, такъ называемымъ обществомъ патроната, которыя ранѣе того ставили своею задачею попеченіе объ освобожденныхъ изъ тюрьмы по отбытіи ими наказанія и которыя принимали на себя обязанность помогать имъ въ нахожденіи работы и въ устройствѣ ихъ жизни. Очевидно, что когда былъ введенъ институтъ условнаго досрочнаго освобожденія, то эти самыя патронаты приняли на себя и заботы относительно условно-досрочноосвобожденныхъ. Вѣдь, въ сущности, для обществъ было совершенно безразлично: до срока ли онъ былъ освобожденъ или по отбытіи полнаго срока заключенія? Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, освобожденный всегда пуждается, чтобы ему подали руку помощи по выходѣ его изъ тюрьмы. Положеніе освобожденнаго изъ тюрьмы значительно тяжелѣе, чѣмъ было раньше, до того, какъ онъ совершилъ преступленіе. Дѣло въ томъ, что такое лицо очень трудно можетъ подыскать себѣ работу, для того же, чтобы вести себя добропорядочно и исправиться, пужно, разумѣется, прежде всего заняться работою, чтобы имѣть возможность добывать себѣ кусокъ хлѣба честнымъ трудомъ. Вотъ въ этихъ цѣляхъ общества патроната и были организованы въ западной Европѣ. Общества эти и принимали досрочноосвобожденныхъ въ свое вѣдѣніе. У насъ въ Россіи такихъ обществъ почти не существуетъ. Въ настоящее время, если и существуютъ, то ихъ всего насчитывается 23, причемъ изъ этихъ патронатовъ большинство вовсе не имѣетъ цѣлью заботиться объ освобожденныхъ изъ тюрьмы, а имѣетъ спеціальныя цѣли или

попеченіе о малолѣтнихъ или другія задачи. Такимъ образомъ, при введеніи института условнаго досрочнаго освобожденія мы наталкиваемся на самое трудное, какъ устроить такъ, чтобы вышедшій изъ тюрьмы съ перваго же раза пасть бы въ комъ нибудь или въ чемъ нибудь себѣ опору? Законопроектъ въ той схемѣ, въ которой онъ былъ предложенъ Думѣ Министромъ Юстиціи и принятъ Государственною Думою, заключается въ слѣдующемъ: прежде всего, по статьѣ 16 законопроекта, одобреннаго Государственною Думою, предполагается, что попеченіе надъ досрочноосвобожденнымъ должно быть возложено на общества патроната, если общества патроната нѣтъ, то на попечительныя о тюрьмахъ общества, отдѣленія ихъ, а также и комитеты. Если же эти общества не имѣютъ средствъ для попеченія надъ досрочноосвобожденнымъ, то попеченіе возлагается обязательно на мѣстнаго мирового судью, городского судью, земскаго начальника и гминнаго судью, по принадлежности. Затѣмъ, эти лица имѣютъ право передать ближайшее наблюденіе надъ условно-освобожденнымъ частнымъ лицамъ съ ихъ на то согласія. Коммисія, разсматривая эту статью, единогласно признала, что въ этой редакціи, въ этой формѣ, статья 16 принята быть не можетъ. Вѣдь, дѣйствительно, по проекту обязательно попеченіе возложено на однихъ должностныхъ лицъ судебного вѣдомства, на мирового судью, на городского судью, на земскаго начальника и на гминнаго судью, т. е. на тѣхъ лицъ, которыя въ существѣ дѣла никакого отношенія не имѣютъ къ этимъ досрочноосвобожденнымъ. Попеченіе требуетъ извѣстныхъ средствъ, такъ какъ надо оказать освобожденнымъ матеріальную помощь, и лицо, опекающее его, должно имѣть возможность доставить ему средства для занятій и работы. Съ этой точки зрѣнія, несомнѣнно, что должностныя лица судебного вѣдомства ни при какихъ условіяхъ не въ состояніи принять на себя эту обязанность и исполнить ее не могутъ. Законопроектъ какъ бы организуетъ въ лицѣ судей обязательные патронаты, что, по мнѣнію Коммисіи, представляется совершенно невозможнымъ. Дѣло въ томъ, что мировые судьи обременены работой сверхъ мѣры. Если мы обратимся къ тѣмъ обязанностямъ, которыя лежатъ на мировыхъ судьяхъ, то мы должны будемъ признать, что это одна изъ самыхъ обремененныхъ должностей, какія мы имѣемъ. На мирового судью во многихъ мѣстностяхъ Россіи возложено, кромѣ разрѣшенія судебныхъ дѣлъ, уголовныхъ и гражданскихъ, еще веденіе слѣдствія (это на всемъ Востокѣ, въ Сибири, Туркестанѣ и на Сѣверѣ), веденіе опекупскихъ и нотаріальныхъ дѣлъ, и если къ этому еще присоединить совершенно неимѣющее ничего общаго съ ихъ служебными обязанностями попеченіе надъ освобожденными, чего они осуществить не могутъ, то, очевидно, что это равносильно тому, что ничего не устанавливать. Въ виду этого, Коммисія единогласно признала, что на этихъ должностныхъ лицъ попеченіе объ освобожденныхъ изъ заключеній ни при какихъ условіяхъ возложено быть не можетъ. Затѣмъ, точно также едва ли возможно возложить ближайшее наблюденіе за досрочноосвобожденными и на частныхъ лицъ, какъ это предполагается въ проектѣ. Въ виду этого Коммисія признала, что статья 16 въ редакціи, одобренной Государственною Думою, принята быть не можетъ. Перейдя, такимъ, къ обсужденію вопроса, какъ же устроить это попеченіе, Коммисія нашла, что намъ необходимо выработать такія правила, которыя соответствовали бы нашимъ бытовымъ условіямъ. Въ средѣ Коммисіи по этому вопросу произошло разногласіе: меньшинство Коммисіи, исходя изъ того положенія, что попеченіе и наблюденіе не можетъ быть возложено властью закона на патронаты, а можетъ быть принято ими на

себя лишь добровольно, предполагало, что въ законопроектѣ нужно указать условно, что, въ случаѣ согласія, попеченіе это возлагается на патронатъ, а тамъ, гдѣ тако-
го нѣтъ, на тюремные комитеты. На мировыхъ же судей меньшинство предположило
возложить наблюденіе за досрочноосвобожденными, т. е. веденіе всей регистраціи о
досрочноосвобожденныхъ. Такимъ образомъ, по мысли меньшинства, мировые судьи
должны будутъ нести обязанности, свойственныя исключительно учрежденіямъ адми-
нистративнымъ или же полиціи. Далѣе, меньшинство предлагаетъ возложить наблю-
деніе и на другія учрежденія, которыя по своимъ уставамъ могутъ принять его на
себя, какъ, напримѣръ, на мѣстные попечительства о трудовой помощи, приходскія
попечительства и т. п. учрежденія. Большинство Комисіи выходитъ изъ совершенно
другихъ началъ. Большинство Комисіи пришло къ тому заключенію, что нельзя
возлагать наблюденіе и опеку надъ досрочно освобожденными на мировыхъ судей.
Мировые судьи совершенно для этого дѣла непригодны, поэтому большинство нашло,
что нужно постараться воспользоваться тѣми учрежденіями, которыя у насъ существу-
ютъ. Эти учрежденія надлежитъ приспособить и развить въ томъ направленіи, чтобы
они могли осуществлять задачи патроната. Такія учрежденія существуютъ. На то
количество мѣстъ заключенія, которое въ Россіи находится, 715 губернскихъ и уѣзд-
ныхъ тюремъ и 36 арестантскихъ отдѣленій, у насъ имѣется около 600 отдѣленій
общества попечительнаго о тюрьмахъ и тюремныхъ комитетовъ. Во всѣхъ тѣхъ горо-
дахъ, гдѣ находятся тюрьмы, кромѣ Закаспійскаго края и Привислинскаго края, вездѣ
имѣются тюремные комитеты. Большинство и разсуждало такъ: нельзя ли обра-
титься къ этимъ учрежденіямъ и на нихъ возложить наблюденіе и попеченіе надъ
досрочноосвобожденными. Обращаясь къ исторіи этихъ учрежденій, мы видимъ, что
попечительнаго о тюрьмахъ общество было учреждено еще въ 1819 г. Это общество
было учреждено исключительно въ интересахъ одного попеченія объ арестантахъ и
должно было заботиться о религіозномъ и нравственномъ ихъ просвѣщеніи. Какъ
Вы изволите усмотрѣть, это были патронаты, которые обязаны были пещись о ли-
цахъ, заключенныхъ въ самой тюрьмѣ. Казалось бы, если бы это учрежденіе получило
дальнѣйшее развитіе въ этомъ направленіи, то и у насъ, какъ и въ Англіи, изъ
него образовались бы и патронаты. Но нужно замѣтить, что эти учрежденія, хотя и
оставались всегда обязанными заботиться о нравственномъ и религіозномъ просвѣще-
ніи заключенныхъ, но вскорѣ имъ была придана нѣсколько иная окраска. Въ 1861 г.
на нихъ была возложена обязанность вести все тюремное хозяйство, т. е. такая обя-
занность, которая, въ сущности, уничтожала ту цѣль, для которой эти учрежденія
были образованы. Въ теченіе всего послѣдняго столѣтія, тѣмъ не менѣе, тюремные
комитеты никогда не оставляли задачи попеченія о находящихся въ тюрьмахъ. И,
дѣйствительно, хотя здѣсь въ періодъ заведенія и высказывалась мысль, что тюрем-
ные комитеты ничего не дѣлаютъ, что они не собираются, что о существованіи
ихъ извѣстно лишь изъ бумагъ, но я согласенъ съ этимъ не могу. Я прямо утвер-
ждаю, что это обвиненіе несправедливо, и вотъ почему. Тюремные комитеты, кромѣ
того, что они несутъ на себѣ всю хозяйственную тюремную часть, до сихъ поръ
никогда не забывали о нравственномъ просвѣщеніи заключенныхъ. Этимъ тюремнымъ
комитетамъ, и только имъ однимъ, мы обязаны устройствомъ въ тюрьмахъ церквей,
библіотекъ, обученіемъ арестантовъ, заботами о религіозно-нравственномъ ихъ про-
свѣщеніи и т. д. Это тѣ учрежденія, которыя при посредствѣ своихъ членовъ,

директоровъ тюремныхъ комитетовъ, обслуживали эту сторону тюремной жизни. Значить, эти учрежденія всегда имѣли въ себѣ и никогда не теряли того характера патроната, который необходимъ для того, чтобы они могли съ успѣхомъ принять на себя обязанности попеченія надъ освобожденными. Большинство Комисіи и полагало, что этимъ учрежденіемъ нужно воспользоваться и его приспособить для цѣлей патроната. Высказывалось нѣкоторыми такое соображеніе: да позвольте, вѣдь это казенное учрежденіе, казенныхъ патронатовъ устроить нельзя; вотъ въ Бельгіи устроили казенные патронаты, и ничего изъ этого не вышло. Но я полагаю, что то, что наши казенные общественные патронаты дѣлаютъ въ тюрьмахъ, указываетъ лишь на ихъ жизненность и должно вселить въ насъ надежду, что они съ успѣхомъ примутъ на себя призваніе и заботу о досрочно-освобождаемыхъ. Создать же необходимые намъ 800, 900 патронатовъ мы не можемъ. Въ Англіи на 56 тюремъ имѣется 112 патронатовъ. Развѣ мы когда нибудь на наши 750 тюремъ можемъ имѣть ихъ въ такой пропорціи? Слѣдовательно, намъ нужно воспользоваться тѣмъ, что у насъ есть и постараться ихъ развить. По составу своему наши тюремные комитеты даютъ полное основаніе предполагать, что они явятся настоящими патронатами. Тюремный комитетъ состоитъ, во первыхъ, изъ предводителя дворянства, т. е. лица избираемаго, лица, близко знакомаго съ мѣстными условіями жизни, предсѣдателя земской управы, затѣмъ представителей общества, въ лицѣ директоровъ, т. е. такихъ лицъ, которыя входятъ въ патронатъ добровольно, зная его задачи, задачи благотворенія, задачи попеченія о заключенныхъ. Теперь посмотримъ, могутъ ли они исполнять задачи благотворенія и попеченія? Я утверждаю, что могутъ и могутъ вотъ почему. Кто эти директора? Директора въ тюремныхъ комитетахъ—это мѣстные промышленники, землевладѣльцы, купцы и т. д., лица, могущія дать работу, а это то, что только и требуется освобожденному. Дадите Вы ему работу, Вы дадите ему возможность стать на честный путь. Затѣмъ, можетъ ли быть осуществлено этими учрежденіями наблюденіе? Разумѣется. Въ тюремные комитеты входитъ представитель полиціи. Исправникъ, полиціймейстеръ, въ качествѣ директора комитета, могутъ, при посредствѣ своихъ подчиненныхъ, осуществлять задачи наблюденія; при ихъ посредствѣ тюремный комитетъ можетъ имѣть наблюденіе надъ досрочно-освобожденнымъ. къ этому подлежитъ добавить, что тюремные комитеты имѣютъ своихъ директоровъ не только въ городахъ, но и въ деревняхъ, и я думаю, что если патронатъ разовьется, то увеличится также и число его директоровъ, проживающіе же въ деревняхъ директора это—землевладѣльцы, могущіе дать освобожденному работу. По мнѣнію моему, эти учрежденія, при извѣстномъ своемъ развитіи, должны безусловно удовлетворять тѣмъ требованіямъ, которыя необходимы для успѣшнаго попеченія надъ освобожденными изъ тюремъ, и вотъ поэтому Комисія и предлагаетъ возложить попеченіе и наблюденіе за освобожденными на эти учрежденія. Возраженіе противъ этого заключается еще въ томъ, что у тюремныхъ комитетовъ будто бы нѣтъ раіоновъ, что, по закону, они вѣдаютъ только внутреннею жизнью тюрьмы. Я думаю, что это не совсѣмъ вѣрно. Но если бы это было и такъ, то мы вѣдь законъ пишемъ, а не толкуемъ его, а потому можемъ ввести такое постановленіе. Мировой судья, на котораго предполагается проектомъ возложить попеченіе и наблюденіе за досрочно-освобожденнымъ тоже такихъ обязанностей въ настоящее время не имѣетъ. Разъ считаютъ, что возможно возложить эти обязанности на судью, то почему же нельзя возложить ихъ на комитеты, которые,

по существу своему, для этого приспособлены и для этого дѣла созданы. Скажу еще, что районы у тюремныхъ комитетовъ есть, такъ какъ имъ подвѣдомственны всѣ мѣста заключенія, находящіяся въ уѣздѣ, т. е. дѣйствіе ихъ распространяется на весь уѣздъ. Директора тюремныхъ комитетовъ проживаютъ по всему уѣзду, а потому комитеты и приспособлены дѣйствовать на всемъ пространствѣ уѣзда. Вотъ тѣ соображенія, на основаніи которыхъ Коммисія думаетъ, что на тюремные комитеты можно и должно возложить это попеченіе. Коммисія полагала, что, возлагая эту обязанность на тюремные комитеты, послѣднимъ можно было бы предоставить право входить въ соглашеніе съ другими обществами, преслѣдующими одинаковыя цѣли, такъ, напри- мѣръ, съ обществами трудовой помощи и съ патронатами и т. п. Затѣмъ, попеченіе точно также можно передавать и поручать отдѣльнымъ частнымъ лицамъ, но только попеченіе, а не наблюденіе, потому что заботиться можетъ каждый о другомъ, и это ничуть не оскорбляетъ того, о которомъ заботятся; но отдавать его подъ наблюденіе, подъ надзоръ частнаго лица, а не полиціи—это, съ точки зрѣнія большинства Ком- мисіи, представляется невозможнымъ. Наблюденіе должно остаться на томъ учрежде- ніи, которое для этого и существуетъ, а это учрежденіе одно—полиція. Что бы мы ни говорили, на какихъ бы мировыхъ судей ни возлагали наблюденіе, все же оно оста- нется и должно остаться за одной полиціей. Патронатамъ этого довѣрить нельзя. По изложеннымъ основаніямъ, я полагаю, что Государственному Совѣту надлежитъ при- нять 16 статью въ редакціи большинства.

Манухинъ. Ваше Высокопревосходительство и гг. члены Государственного Совѣта. Г. докладчикъ Коммисіи весьма правильно сузилъ предѣлы того разногласія, которое возникло въ средѣ Коммисіи по статьѣ 16 законопроекта. Сущность этого разногласія выражается въ нѣсколькихъ словахъ: меньшинство членовъ Коммисіи полагаетъ, что попеченіе о досрочно-освобожденныхъ весьма желательно и полезно, но его нельзя вводить въ качествѣ обязательнаго официальнаго патроната. Противъ такой организаціи попеченія о досрочно-освобожденныхъ имѣются два возраженія, оди- наково убѣдительныя для меньшинства; возраженіе принципиальное и возраженіе, дока- занное практическимъ опытомъ всѣхъ странъ. Принципиальное—что такое патро- нать? Патронать есть такого рода покровительственная или попечительная дѣятель- ность относительно лицъ, освобождаемыхъ изъ мѣстъ заключенія, которая направлена къ тому, чтобы нравственною и матеріальною поддержкою содѣйствовать бывшему тюремному сидѣльцу стать на путь честной и трудовой жизни. Ясно, что такая дѣя- тельность мыслима только на почвѣ чувства христіанскаго человеколюбія, на почвѣ чистой филантропіи, и я думаю, что никакимъ закономъ нельзя предписать отправле- ніе филантропическихъ обязанностей. Задачи патроната, конечно, гораздо шире той попечительной дѣятельности, которая связана съ институтомъ досрочнаго условнаго освобожденія. Осуществленіе задачъ, которыя объемлются понятіемъ тюремнаго патро- ната, признается современною наукою естественнымъ дополненіемъ самаго наказанія лишеніемъ свободы. Оно желательно и полезно по отношенію ко всякому бывшему тюремному сидѣльцу, безотносительно къ тому, отбылъ ли онъ весь срокъ наказанія или освобожденъ досрочно и притомъ условно или безусловно. Но какъ бы ни было необходимо возможно широкое развитіе дѣятельности патроната, оно, по мнѣнію мень- шинства Коммисіи, принципиально возможно только на почвѣ свободной, личной или общественной инициативы. Вотъ это первое возраженіе. Затѣмъ, опытъ всѣхъ странъ,

если можно такъ выразиться—міровой опытъ, и въ томъ числѣ и нашъ собственный, свидѣтельствуютъ всего краснорѣчивѣе о томъ же. А нашъ собственный опытъ—это именно опытъ общества попечительнаго о тюрьмахъ. Общество это, которое возникло еще 90 лѣтъ тому назадъ, въ 1819 г., на почвѣ филантропическихъ идей знаменитаго Говарда, свои филантропическія функціи, хотя и ограниченныя предѣлами тюремныхъ стѣнъ, сохранило и по сію минуту, и тѣмъ не менѣе за 90 лѣтъ своего существованія этихъ своихъ функцій не исполнило. Это не подлежитъ никакому сомнѣнію. Справки, намъ разосланныя, единогласное мнѣніе русскихъ тюрьмовѣдovъ, работы всѣхъ комиссій, которыя объ этомъ разсуждали (у насъ и по этому предмету имѣются справки) свидѣтельствуютъ о томъ, что филантропическая дѣятельность общества попечительнаго о тюрьмахъ за 90 лѣтъ его существованія не получила почти никакого развитія. Изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, что этимъ обществомъ на этой почвѣ ровно ничего не сдѣлано, мы этого не утверждаемъ; но результаты, достигнутые въ этой области, ничтожны настолько, что за 90-лѣтнее существованіе общества попечительнаго о тюрьмахъ ихъ нельзя признать не только удовлетворительными, но можно установить обратное, что эту задачу общество не выполнило. Для иллюстраціи, позволю себѣ привести только одну цифру изъ всѣхъ справокъ, намъ разосланныхъ. Въ 1907 г. по смѣтѣ общества на всѣ школы и библіотеки, т. е. на просвѣтительныя нужды тюрьмы по всей Россійской Имперіи, было отпущено 8.312 р. 88 к., т. е. около 10 р. на каждое мѣсто заключенія. Мнѣ кажется, что такого рода указаніе краснорѣчивѣе всякаго возраженія. Тѣмъ не менѣе, я желалъ бы отмѣтить, что, съ точки зрѣнія меньшинства, мы могли бы только привѣтствовать ту гораздо болѣе розовую картину дѣятельности общества попечительнаго о тюрьмахъ, которая изображена въ докладѣ Комисіи и такъ подробно повторена сегодня докладчикомъ. И это потому, что мы въ принципѣ вовсе не возражаемъ противъ возможности предоставить обществу попечительному о тюрьмахъ наблюденіе и попеченіе о досрочно-освобожденныхъ. И если, подъ вліяніемъ обсуждаемаго закона, общество это широко будетъ развивать свою дѣятельность въ такомъ направленіи, то мы только и могли бы отнестись къ этому съ полнымъ сочувствіемъ. Съ точки зрѣнія меньшинства, мы возражаемъ лишь противъ того, чтобы было возможно и достаточно простымъ росчеркомъ пера превратить всѣ комитеты и отдѣленія этого общества въ органы обязательнаго тюремнаго патроната. Засимъ мы полагаемъ, что наряду съ обществомъ попечительнымъ о тюрьмахъ въ настоящемъ дѣлѣ должны быть привлечены и всѣ общества патроната вездѣ, гдѣ они существуютъ, и дай Богъ, чтобы они существовали въ гораздо большемъ числѣ. Но, опять таки, нельзя и общества патроната, съ точки зрѣнія меньшинства, обязывать принимать на свое попеченіе досрочно-освобожденныхъ, хотя и естественно ожидать, что они будутъ это дѣлать всегда, когда позволятъ средства и условія ихъ дѣятельности. Вотъ, съ этой точки зрѣнія, съ точки зрѣнія нашего принципиальнаго разногласія, мы и говоримъ: вездѣ и всегда, при самомъ освобожденіи изъ тюрьмы, досрочно-освобожденный передается подъ наблюденіе и на попеченіе мѣстнаго общества патроната или мѣстнаго комитета или отдѣленія общества попечительнаго о тюрьмахъ. Это изложено въ первой части статьи 16 проекта, составленной согласно съ мнѣніемъ меньшинства членовъ Комисіи. Но, съ этой же принципиальной точки зрѣнія, мы говоримъ даѣе: эти учрежденія могутъ отъ этого отказаться и у нихъ могутъ быть къ этому самыя уважительныя причины и законъ не можетъ, или вѣрнѣе, не дол-

женъ навязывать имъ этихъ функцій. У нихъ можетъ не быть средствъ, они могутъ встрѣтить и другія затрудненія, и нельзя ихъ принуждать формально и номинально только брать на себя такого рода обязанности, которыя они исполнить не признаютъ возможнымъ. Засимъ, могутъ быть случаи, когда нельзя обратиться на мѣстѣ къ содѣйствію этихъ учрежденій, потому что досрочно-освобожденный мѣстомъ своего жительства можетъ избрать такой городъ, который отстоитъ на далекомъ разстояніи отъ той тюрьмы, изъ которой онъ освобожденъ. Наконецъ, существуютъ и такія мѣстности, въ которыхъ никакихъ органовъ общества попечительнаго о тюрьмахъ не только фактически, но и юридически не имѣется. Фактически ихъ во многихъ мѣстахъ нѣтъ, т. е. они почти не функціонируютъ во многихъ мѣстахъ, но сверхъ того есть такія мѣстности, въ которыхъ общество попечительное о тюрьмахъ не имѣетъ и юридически никакихъ органовъ, ибо оно по закону не распространяетъ своей дѣятельности на нѣкоторыя губерніи и области. Засимъ, есть много мѣстъ, гдѣ нѣтъ никакихъ обществъ патронатовъ. Вотъ, во всѣхъ этихъ случаяхъ, когда нельзя сразу же отдать досрочно-освобожденнаго на попеченіе органовъ общества попечительнаго о тюрьмахъ или общества патроната, мы и полагаемъ, что тѣмъ не менѣе нельзя его пустить на вѣтеръ, надъ нимъ нужно установить извѣстнаго рода наблюденіе—уже не попеченіе, а наблюденіе. Я позволилъ себѣ уже отмѣтить, что, при всей желательности попеченія, его нельзя сдѣлать обязательнымъ, но институтъ условнаго досрочнаго освобожденія, независимо отъ попеченія, требуетъ еще и наблюденія и при томъ наблюденія обязательнаго и спеціальнаго, вызываемаго именно введеніемъ института условнаго досрочнаго освобожденія. Это, конечно, не то общее наблюденіе полиціи, которое существуетъ и которое останется, которое должно быть проявляемо и будетъ проявляться—его никто не трогаетъ, ни мнѣніе большинства, ни мнѣніе меньшинства. Я говорю о спеціальному наблюденіи, которое сопряжено съ введеніемъ института условнаго досрочнаго освобожденія. Это—цѣлый рядъ обязанностей, которыя, всетаки, нельзя никому не поручать. Вотъ для этого кого нибудь да нужно. Мы, меньшинство, полагаемъ, что возложеніе этихъ обязанностей на мѣстнаго судью возможно, я скажу больше, желательно, скажу еще, что такимъ путемъ институтъ этотъ, вопреки тому, что выражено въ докладѣ Коммисіи, отнюдь не обращается въ институтъ досрочнаго безусловнаго освобожденія. Напротивъ того, указанная мѣра предлагается меньшинствомъ именно для того, чтобы этотъ институтъ явился на практикѣ институтомъ условнаго досрочнаго освобожденія. Для того, чтобы уяснить, въ чемъ это наблюденіе будетъ заключаться, чтобы не оставаться въ сферѣ однихъ только общихъ понятій, я долженъ очертить его хотя бы въ краткихъ словахъ. Прежде всего, мировой судья, въ тѣхъ случаяхъ, когда досрочно-освобожденный поступаетъ подъ его наблюденіе, долженъ озаботиться о томъ, нельзя ли въ томъ мѣстѣ, гдѣ водворился досрочно-освобожденный, подыскать учрежденіе, которое приняло бы на себя наблюденіе и попеченіе о немъ. Это можетъ быть не только органъ общества попечительнаго о тюрьмахъ или общество патроната, но всякое, вообще, благотворительное учрежденіе. Затѣмъ, если судья не найдетъ такого учрежденія, то онъ можетъ обратиться къ частному благонадежному лицу, которое приняло бы на себя эту обязанность. Затѣмъ, деньги, заработанныя арестантомъ и присланныя изъ тюрьмы—ихъ тоже нельзя бросить на произволъ судьбы. Желательно, чтобы онѣ были въ рукахъ у мирового судьи, чтобы онъ ихъ выдавалъ, по мѣрѣ надобности, съ соблюденіемъ интe-

ресовъ и пользы самого досрочно-освобожденнаго. Затѣмъ, отлучки досрочно-освобожденнаго. По проекту предполагается предоставить мировому судѣ позволять такія отлучки на срокъ до одного мѣсяца. Наконецъ, на судѣ, по проекту, будетъ лежать и нѣкоторое наблюденіе за тѣмъ, чтобы досрочно-освобожденный не нарушилъ тѣхъ условій, на которыхъ ему предоставлена свобода. Изъ послѣдующихъ статей проекта мы видимъ, противъ этого не возражало и большинство, что мировымъ судьямъ предполагается ввѣрить возбужденіе и провѣрку въ первой инстанціи вопроса о прекращеніи досрочнаго условнаго освобожденія и даже предоставляется право подвергать досрочно-освобожденнаго предварительному задержанію. Главнѣйшее, если не единственное, существенное возраженіе противъ мнѣнія меньшинства состоитъ въ томъ, что мировые судьи такъ обременены, что этого допустить нельзя. Позвольте и мнѣ возразить противъ такого довода. Прежде всего, гдѣ же это будетъ? Я повторяю, только тамъ будетъ и только въ томъ случаѣ будетъ, когда нѣтъ никакой рѣшительно возможности найти иной способъ попеченія и наблюденія за досрочно-освобожденнымъ. Конечно, это будетъ, главнымъ образомъ, въ глухихъ мѣстахъ, въ уѣздныхъ мѣстностяхъ, а въ глухихъ мѣстахъ и уѣздныхъ мѣстностяхъ и самые судьи гораздо менѣе обременены дѣлами. Затѣмъ, докладчикъ вполне правильно и, въ моихъ глазахъ совершенно убѣдительно, доказывалъ, что, вообще, случаи условнаго досрочнаго освобожденія не будутъ исчисляться сотнями на каждый окружный судъ, какъ намъ угрожали въ прошломъ засѣданіи, а если ихъ будетъ мало на каждый окружный судъ, то ихъ придется въ десять разъ меньше на каждого судью. Поэтому, я полагаю, что осуществленіе предположеній меньшинства не только возможно, но и желательно. Мы всѣ, болѣе или менѣе, согласны въ томъ, что надлежащее попеченіе о досрочно-освобожденныхъ полезно и желательно, что успѣхомъ этого дѣла обезпечивается и успѣхъ примѣненія всего законопроекта, его жизненность. Мы всѣ желаемъ развитія дѣятельности патроната, но на кого мы предполагаемъ опереться въ нашей надеждѣ, что общества патроната будутъ возникать и развиваться. Я думаю, что правильно указалъ, хотя и вскользь, Министръ Юстиціи въ одномъ изъ первыхъ засѣданій, что снѣ въ этомъ отношеніи свои надежды возлагаетъ на мировыхъ судей. Я это мнѣніе раздѣляю и думаю, что его раздѣляетъ и меньшинство членовъ Коммисіи. Мировые судьи явятся тою ячейкою, благой инициативѣ коей мы будемъ обязаны успѣхомъ процвѣтанія и развитія патронатскаго дѣла у насъ въ Россіи. Этимъ я могъ бы кончить свои соображенія. Позвольте, однако, высказать и нѣсколько частныхъ замѣчаній по поводу изложенія статьи 16 въ редакціи, предложенной большинствомъ. Мы, прежде всего, полагаемъ, что нельзя упоминать о районѣ дѣйствій органовъ общества попечительнаго о тюрьмахъ. Такого района дѣйствій не знаетъ ни законъ, ни жизнь. Объ этомъ можно прочесть въ любомъ учебникѣ тюремнѣдѣнія, хотя бы у профессора Фойницкаго. Я очень хорошо понимаю, что мы пишемъ законъ, но пока дѣятельность органовъ общества попечительнаго о тюрьмахъ ограничивается стѣнами мѣстъ заключенія, нельзя въ законѣ ссылаться на несуществующій районъ ихъ дѣйствій, а надо еще указать въ законѣ же, какіе именно эти районы. Кромѣ того, мы полагаемъ, что нельзя ставить общества патроната въ иное, я позволю себѣ сказать, приниженное положеніе сравнительно съ органами общества попечительнаго о тюрьмахъ. Общества патроната по нормальному уставу спеціально предназначаются для попечительной дѣятельности о лицахъ, освобождаемыхъ изъ мѣстъ заключенія. Въ томъ же уставѣ

даже особо указывается категорія будущихъ условно освобождаемыхъ, на которыхъ должна распространяться эта дѣятельность. Поэтому, едва ли удобно связывать эту дѣятельность спонсированіями съ органами попечительнаго о тюрьмахъ общества, которые будутъ отъ себя перепоручать наблюденіе и попеченіе о досрочно-освобожденномъ мѣстнымъ обществамъ патроната. Такое приниженіе обществъ патроната можетъ даже помѣшать ихъ возникновенію и развитію. Засимъ, мы полагаемъ, что, вообще, нельзя и не слѣдуетъ предоставлять учрежденію, которое уже разъ приняло на себя отправление этой филантропической функціи, право перепоручать это свое служеніе дѣлу человеколюбія другимъ. Разъ уже какое нибудь общество приняло на себя заботу о досрочно-освобожденномъ, оно не можетъ отнестись къ этому настолько формально, чтобы принять это на себя только для того, чтобы скорѣе подыскать кого нибудь другого, вмѣсто себя. Наконецъ, мы полагаемъ, что право обращенія къ частнымъ лицамъ, въ качествѣ наблюдателей и попечителей надъ досрочно-освобожденными, должно быть ввѣрено только судьямъ, и въ этомъ деликатномъ дѣлѣ мы полагаемся лишь на подобнаго рода выборъ. Въ частности я думаю, что при такихъ условіяхъ можно на частное лицо возложить сверхъ попеченія и обязанность по ближайшему наблюденію за досрочно-освобожденнымъ. Вотъ все, что я имѣю сказать въ подтвержденіе мнѣнія меньшинства и въ видѣ критики мнѣнія большинства. Всѣ остальные поправки, нами предлагаемыя въ послѣдующихъ статьяхъ проекта, тѣсно связаны съ существомъ разногласія по статьѣ 16 и особыхъ объясненій не требуютъ, какъ и не будутъ требовать особаго голосованія, если мнѣніе меньшинства не удостоится одобренія Государственнаго Совѣта.

Товарищъ Министра Юстиціи Люце. С. С. Манухинъ столь полно изложилъ соображенія, по которымъ слѣдовало бы принять мнѣніе меньшинства Коммисіи законодательныхъ предположеній, что я не позволю себѣ утруждать васъ какими либо дополненіями. Я хотѣлъ только доложить, что Министерство Юстиціи вполне присоединяется къ мнѣнію меньшинства Коммисіи законодательныхъ предположеній и что относительно вопроса о томъ, не будутъ ли судьи обременены, С. С. Манухинъ только что допустилъ одну обмолвку, которую я хочу поправить. Относительно обремененія мировыхъ судей, надо имѣть въ виду, что если бы этого можно было бы опасаться, то, разумѣется, Министръ Юстиціи не предложилъ бы возложить на мировыхъ судей наблюденіе за освобожденными въ тѣхъ случаяхъ, когда, на мѣстѣ, ни общество попечительное о тюрьмахъ, ни патронатъ не могутъ принять ихъ на свое попеченіе. С. С. Манухинъ сказалъ, что если, какъ теперь оказывается, на каждый окружный судъ придется весьма небольшое количество освобождаемыхъ, то, разумѣется, въ 10 разъ меньше ихъ будетъ на мирового судью. Я замѣчу—не въ 10, а въ 100, въ 200 разъ меньше. Надо сказать, что, по предположенію объ устройствѣ мѣстнаго суда, имѣется въ виду на каждый уѣздъ назначить около 20, иногда нѣсколько больше, иногда нѣсколько меньше мировыхъ судей. Такимъ образомъ, если принять за исходную точку тѣ цифры, которыя сегодня были приведены г. докладчикомъ, что самое большее на каждый окружный судъ придется 50—60 досрочно-освобождаемыхъ въ годъ, то уже на мирового судью не придется даже одного освобожденного въ годъ. Иногда будетъ одинъ въ 3 или 4 года. Наблюдать за такимъ освобожденнымъ не составитъ для мирового судьи никакого труда.

Щербачевъ. Господа, я выступаю для того, чтобы просить освободить мировыхъ

и городскихъ судей отъ спеціальныхъ наблюденій надъ досрочно-освобожденными. Возлагать эти обязанности на судей представляется совершенно невозможнымъ при томъ количествѣ дѣлъ, которыя у нихъ всегда на рукахъ. Кромѣ того, это поставитъ судей въ какое то совершенно ложное положеніе. Я васъ спрашиваю: этотъ мировой судья въ чемъ, когда и какъ выразитъ наблюденіе надъ досрочно-освобожденнымъ. Это повлечетъ только къ тому, что этотъ досрочно-освобожденный будетъ себя считать въ какомъ то привилегированномъ положеніи, что онъ будетъ являться къ мировому судья и съ чернаго и съ главнаго хода и требовать: дай мнѣ работу, дай мнѣ то, дай другое, третье, десятое. До сихъ поръ наши русскіе судьи съ честью несли свои обязанности. Я думаю, что нельзя Государственному Совѣту возлагать на нихъ такія обязанности, которыя они не могутъ исполнить. Кому бы ни отдавали это попеченіе—только бы не судьямъ. Вообще же я былъ противъ самого законопроекта, такъ какъ я глубоко убѣжденъ, что нѣтъ въ Россійской Имперіи тѣхъ учрежденій или лицъ, которыя могли бы имѣть то наблюденіе надъ условно-освобожденными, которое требуется. У меня одна покорнѣйшая просьба—не возлагайте на судей эти обязанности.

Предсѣдательствующій. Списокъ лицъ, которыя желали говорить по статьѣ 16, исчерпанъ. Затѣмъ предстоитъ Государственному Совѣту обратиться къ голосованію этой статьи, безъ предвѣщенія, допустимы ли изъятія для нѣкоторыхъ мѣстностей. Прежде подлежитъ голосованію мнѣніе меньшинства членовъ Коммисіи; если оно будетъ принято, то тѣмъ самымъ отпадетъ мнѣніе большинства. Ставится на голосованіе вопросъ, угодно ли Государственному Совѣту, согласно предложенію меньшинства членовъ Коммисіи, принять статью 16 въ редакціи, помѣщенной въ третьей графѣ сравнительнаго изложенія, которое вы имѣете въ рукахъ? Признаете ли нужнымъ прочесть все содержаніе этой статьи 16?

Голоса. Нѣтъ.... Не надо...

Предсѣдательствующій. Тогда позвольте поставить на голосованіе вопросъ, угодно ли Государственному Совѣту принять, по мнѣнію меньшинства, статью 16 въ той редакціи, въ которой это меньшинство ее предлагаетъ? Принято мнѣніе меньшинства. Съ принятіемъ мнѣнія меньшинства казалось бы, что послѣдующія статьи предстоитъ обсуждать также по редакціи меньшинства.

Мы остановились на статьѣ 16, которая принята. Дальше слѣдуютъ статьи 17, 18 и 19, по которымъ никто не заявлялъ мнѣ о желаніи представить объясненія. Разъ принята вами статья 16 въ редакціи меньшинства Коммисіи, то статьи 17, 18, 19 и 20 подлежатъ, казалось бы, вашему обсужденію тоже по редакціи меньшинства Коммисіи, приноровленной къ главному правилу, содержащемуся въ статьѣ 16. Такъ какъ никто не заявлялъ о желаніи высказаться по этимъ статьямъ, то позвольте въ порядкѣ послѣдовательности поставить на голосованіе статью 17 въ редакціи меньшинства. Статья 17 принята. Ставлю на голосованіе статью 18 также въ редакціи меньшинства Коммисіи. Статья 18 принята. Ставлю на голосованіе статью 19 въ редакціи меньшинства Коммисіи. Статья 19 принята. По статьѣ 20 членъ Государственнаго Совѣта гр. Д. А. Олсуфьевъ предлагаетъ поправку, касающуюся одинаково редакціи какъ меньшинства, такъ и большинства Коммисіи.

Графъ Олсуфьевъ. Я совершенно не понимаю, почему окружный судъ считается единственной компетентной инстанціей, чтобы отпустить поднадзорнаго болѣе чѣмъ на мѣсяцъ, или въ томъ, чтобы измѣнить ему мѣстожителство. Терминъ «мѣстожитель-

ство» въ этомъ законѣ недостаточно выясненъ: что разумѣется: область, уѣздъ или въ тѣсномъ смыслѣ мѣстожителство, т. е. такое то селеніе? Такъ что можно это понять и въ смыслѣ селенія. Такъ стало быть арестантъ, переходящій изъ одного селенія въ другое болѣе чѣмъ на мѣсяцъ, долженъ поднять всю эту процедуру, послать прошеніе въ окружный судъ, ибо окружный судъ считается наиболѣе компетентной инстанціей, чтобы разрѣшить, жить ли ему въ селѣ Ивановскомъ или въ селѣ Михайловскомъ, отстоящемъ на 8 верстъ. Я нахожу, что это своего рода *combe*. Съ своей стороны, я думаю, что единственной компетентной инстанціей въ этомъ вопросѣ будетъ полиція; жить ли арестанту въ Ивановскомъ или Михайловскомъ можетъ зависѣть, напримѣръ, отъ того, есть ли въ Ивановскомъ урядникъ, который бы наблюдалъ за арестантомъ, или его тамъ нѣтъ. У насъ есть въ законахъ уставъ о лицахъ, состоящихъ подъ надзоромъ полиціи; тамъ это рѣшается полицейскою властью, и тутъ въ выборѣ мѣстожителства компетентнымъ учрежденіемъ будетъ не судебное учрежденіе, а мѣстная администрація, или если есть судебная, то мѣстная ближайшая власть. По этому я предлагаю послѣ словъ «допускаются» вставить: «съ разрѣшенія уѣзднаго члена окружнаго суда».

Товарищъ Министра Юстиціи Люце. Предлагаемая поправка представляется, по мнѣнію моему, неудобною, въ виду принятой уже статьи, по которой окружный судъ назначаетъ освобожденному мѣсто жителства. Измѣненіе этого распоряженія не должно быть предоставлено кому нибудь другому, кромѣ самого окружнаго суда; онъ могъ имѣть свои соображенія, когда установилъ данное мѣсто жителства. Затѣмъ, относительно отпусковъ въ законѣ пришлось указать какой либо срокъ, выше котораго мѣстная власть не могла бы разрѣшать отлучекъ съ опредѣленнаго судомъ мѣста жителства. Такимъ срокомъ и назначенъ 1 мѣсяцъ. Отпускъ на время еще болѣе продолжительное уже нарушалъ бы опредѣленіе суда объ обязательномъ мѣстѣ жителства осужденнаго, поэтому онъ и допущенъ только съ разрѣшенія окружнаго суда. Это вполне правильно и измѣнить это, по меньшей мѣрѣ, не представляется достаточнаго повода.

Предсѣдательствующій. Поправка гр. Д. А. Олсуфьева касается послѣднихъ строчекъ статьи 20 и предлагаетъ требовать разрѣшенія не окружнаго суда, а уѣзднаго члена окружнаго суда для отлучекъ на болѣе продолжительные сроки, а также для перемѣны назначеннаго для досрочно-освобожденныхъ мѣста жителства. Ставлю эту поправку на голосованіе.

Голоса. Просимъ голосовать записками.

Предсѣдательствующій. Угодно баллотировать записками? Баллотируется вопросъ о томъ, принимается ли поправка гр. Д. А. Олсуфьева въ смыслѣ возложенія разрѣшенія болѣе продолжительныхъ отпусковъ и перемѣны мѣста жителства на уѣздныхъ членовъ окружныхъ судовъ, а не на окружный судъ, какъ предполагается проектомъ? Г. Государственный Секретарь сообщить о результатахъ подсчета голосованія.

Государственный Секретарь. Въ голосованіи участвовало 104 лица по вопросу о томъ, надлежитъ ли принять поправку, предложенную гр. Д. А. Олсуфьевымъ къ статьѣ 20 законопроекта. Высказавшихся за принятіе поправки записками «да» — 54 лица, противъ — записками «нѣтъ» — 50 лицъ.

Предсѣдательствующій. Такимъ образомъ, по голосованію, произведенному запис-

ками, поправка, предложенная гр. Д. А. Олсуфьевымъ, принята. Принятіемъ этой поправки нѣсколько видоизмѣняется конецъ статьи, но самая статья 20 подлежитъ голосованію; конечно, съ измѣненіемъ ея согласно поправкѣ гр. Д. А. Олсуфьева. Угодно будетъ принять Государственному Совѣту статью 20 въ редакціи меньшинства Комисіи вмѣстѣ съ поправкою гр. Д. А. Олсуфьева? Статья 20 принята. При включеніи въ статью 20 принятой Государственнымъ Совѣтомъ поправки гр. Олсуфьева придется указать, кто замѣняетъ уѣзднаго члена окружнаго суда въ мѣстностяхъ, гдѣ этой должности не учреждено. Это будетъ сдѣлано въ томъ сводѣ всѣхъ статей проекта, который будетъ предъявленъ Государственному Совѣту на основаніи статьи 109 Наказа. Переходимъ къ статьѣ 21 проекта.

Дейтрихъ. На основаніи 21 статьи законопроекта условное досрочное освобожденіе можетъ быть отмѣнено, если будетъ установлено дурное поведеніе освобожденнаго, выражающееся въ пьянствѣ, тунеядствѣ и постоянномъ общеніи съ порочными людьми, а равно, если досрочно-освобожденный будетъ приговоренъ къ наказанію, не превышающему ареста. Редакцію этой статьи предполагается измѣнить, такъ какъ Комисія нашла, что «дурное поведеніе» недостаточно ясно и опредѣленно указываетъ, при какихъ условіяхъ можетъ быть отмѣнено досрочное освобожденіе, и предлагаетъ замѣнить это словами: «порочное поведеніе, которое грозитъ общественной безопасности или порядку».

Предсѣдательствующій. Никто не выразилъ желанія высказаться по статьѣ 21. Голосую статью 21 въ той редакціи, которая предложена Комисіею законодательныхъ предположеній. Статья 21 принята. Переходимъ къ статьѣ 22. Я долженъ повторить, что принятіе ея въ той или другой редакціи не предрѣшаетъ вопроса, подлежащаго въ будущемъ обсужденію, не слѣдуетъ ли установить какого либо изъятія для нѣкоторыхъ мѣстностей. По статьѣ 22 есть два изложенія, большинства Комисіи и меньшинства. Такъ какъ статья 16, въ зависимости отъ которой статья 22 находится, была принята въ редакціи меньшинства Комисіи, то, конечно, и въ настоящее время подлежитъ, прежде всего, обсужденію статья 22 въ редакціи меньшинства Комисіи.

Дейтрихъ. Я полагаю, что статья эта, въ виду того, что статья 16 принята въ редакціи меньшинства, должна быть принята и здѣсь въ редакціи меньшинства. Тѣ измѣненія, которыя сдѣланы, касаются пункта 2. Какъ вамъ угодно будетъ замѣтить, на мировыхъ судей, гминныхъ судей, а равно и на земскихъ начальниковъ возложена обязанность подвергать предварительному заключенію досрочно-освобожденнаго, если его поведеніе грозитъ общественной безопасности, и возбуждать самимъ дѣло о заключеніи подъ стражу и о прекращеніи досрочнаго освобожденія по своему усмотрѣнію. Такое измѣненіе я считаю полезнымъ.

Предсѣдательствующій. Угодно ли Государственному Совѣту принять статью 22 въ редакціи меньшинства Комисіи? Статья 22 въ редакціи меньшинства Комисіи принята. По статьѣ 23 Комисія законодательныхъ предположеній предлагаетъ исключить изъ проекта эту статью, находящуюся въ Думскомъ проектѣ.

Дейтрихъ. Я долженъ сказать, что первая часть статьи 23 входитъ въ статью 22, а вторая часть помѣщена въ статьѣ 24.

Предсѣдательствующій. Угодно ли Государственному Совѣту согласиться съ предложеніемъ Комисіи объ исключеніи статьи 23? Статья 23 исключена. Обращаемся

къ статьѣ 24, по которой членъ Государственнаго Совѣта А. Ю. Напіорковскій выражаетъ желаніе высказаться по поводу предлагаемой имъ поправки.

Напіорковскій. Я внесъ поправку объ исключеніи изъ статьи 24 слѣдующаго абзаца: «Въ случаѣ надобности суду предоставляется вызывать въ засѣданіе для дачи объясненій досрочно-освобожденнаго, если онъ имѣетъ пребываніе въ мѣстѣ нахождения суда». Я подробно изложилъ въ разосланной поправкѣ соображенія, по которымъ считаю исключеніе этого абзаца уместнымъ, поэтому повторять ихъ не буду, не желая утруждать Ваше вниманіе. Добавлю только, что создавать въ общемъ законѣ привилегіи, обусловленные исключительно мѣстомъ, представляется вообще нежелательнымъ, а въ данномъ случаѣ, кромѣ того, подобная мѣра ничѣмъ положительно не оправдывается. Вѣдь здѣсь рѣчь будетъ идти только о нѣкоторомъ процентѣ условно-освобожденныхъ, которые будутъ этой привилегіей пользоваться, несмотря на то, что эта привилегія сама по себѣ, въ виду существа и значенія условнаго освобожденія, не должна бы имѣть мѣста. Въ виду того, что всѣмъ поднадзорнымъ воспрещено жить въ губернскихъ городахъ, только маленькій процентъ будетъ пользоваться особымъ, исключительнымъ правомъ, введеннымъ въ общій законъ. Я считаю, что подобныхъ привилегій не слѣдовало бы вводить и не желательно подобные прецеденты создавать.

Дейтрихъ. Съ своей стороны, поддерживаю ту редакцію Коммисіи, которая въ докладѣ подробно изложена, и думаю, что никакого неудобства не будетъ, если предоставить досрочно-освобожденному право прибыть въ засѣданіе и разрѣшить окружному суду вызывать условно-освобожденнаго въ засѣданіе суда, если онъ живетъ въ мѣстѣ нахождения суда. Поэтому я поправку А. Ю. Напіорковскаго отвергаю.

Предсѣдательствующій. Статья 24, проектируемая Коммисіей, состоитъ изъ трехъ частей. Членъ Государственнаго Совѣта Напіорковскій предлагаетъ исключить третью часть. По этому предмету, прежде всего, вамъ предстоитъ высказаться: благоугодно ли Государственному Совѣту исключить изъ проекта въ редакціи Коммисіи законодательныхъ предположеній часть третью статьи 24? Ставлю на голосованіе этотъ вопросъ. Большинствомъ поправка отвергнута. Затѣмъ голосуется статья 24 въ томъ видѣ, какъ она проектируется Коммисіею законодательныхъ предположеній. Статья 24 принята въ редакціи Коммисіи. Статью 25 Коммисія предлагаетъ вамъ оставить безъ измѣненія. Есть противъ этого возраженія?

Напіорковскій. Я внесъ незначительную поправку.

Предсѣдательствующій. Благоволило объяснить ее.

Напіорковскій. Въ статьѣ 25 я предлагаю вставить слова: «а равно въ срокъ полицейскаго надзора и другихъ ограниченій (ст. 4)». Такъ какъ по статьѣ 4 законопроекта срокъ полицейскаго надзора исчисляется со дня условнаго освобожденія и, если не будетъ никакой оговорки, можетъ возникнуть сомнѣніе, прекратится ли надзоръ въ случаѣ отмены досрочнаго освобожденія и затѣмъ, засчитывается ли время, проведенное на свободѣ досрочно освобожденнымъ, такъ какъ онъ состоялъ, во всякомъ случаѣ, подъ надзоромъ. Въ статьѣ 25 оговорено, что время, проведенное на свободѣ, не засчитывается въ срокъ наказанія. Если это оговорено, то само собой разумѣется, тѣмъ болѣе необходима подобная оговорка относительно полицейскаго надзора.

Дейтрихъ. Я думаю, что эта поправка чрезвычайно полезна, потому что, дѣйствительно, послѣ возвращенія обратно въ мѣсто заключенія досрочно-освобожденнаго и по отбытіи имъ остальнаго наказанія, полицейскій надзоръ подлежитъ считать учре-

жденнымъ съ того времени, когда онъ вторично освобожденъ, а не со времени досрочнаго освобожденія.

Предсѣдательствующій. Благоугодно ли Государственному Совѣту принять статью 25, согласно предложенію члена Государственного Совѣта Напюрковскаго, съ добавленіемъ по этой статьѣ, послѣ словъ: «срокъ наказанія» слѣдующихъ словъ: «а равно въ срокъ полицейскаго надзора и другихъ ограниченій (ст. 4)». Эта поправка принята, а вмѣстѣ съ тѣмъ съ нею совокупно принята и статья 25 законопроекта. Статья 26.

Дейтрихъ. Имѣются только редакціонныя измѣненія.

Предсѣдательствующій. Голосуется вопросъ о принятіи статьи 26 въ редакціи, предложенной Коммисіею. Статья 26 принята. Теперь намъ предстоитъ обратиться къ разсмотрѣнію поправки, предлагаемой членомъ Государственного Совѣта Н. Н. Шрейберомъ для нѣкоторыхъ мѣстностей и состоящей изъ 16 новыхъ статей. Къ такой поправкѣ позвольте примѣнить порядокъ обсужденія, установленный въ пунктахъ 1 и 2 статьи 91 и въ статьѣ 92 Наказа, а именно, сперва обсудить общія основанія предложенія, затѣмъ поставить вопросъ по статьѣ 92 и далѣе руководствоваться тѣмъ постановленіемъ Государственного Совѣта, которое состоится по этому вопросу. Вслѣдствіе отсутствія возраженій противъ этого порядка, благоволите приступить къ общему обсужденію предложенія.

Шрейберъ. Проектъ закона объ условномъ досрочномъ освобожденіи имѣетъ общее значеніе, т. е. онъ распространяется одинаково на всѣхъ безъ изъятія лицъ, отбывающихъ тюремное заключеніе, не исключая и тѣхъ, которые содержатся въ отдаленныхъ мѣстностяхъ отъ мѣста нахожденія окружнаго суда. По обнародованіи этого закона, каждому заключенному, содержащемуся хотя бы въ отдаленной мѣстности, будетъ извѣстно, что изданный законъ обѣщаетъ ему досрочное освобожденіе, если онъ своимъ поведеніемъ, добропорядочностью и трудомъ заслужитъ это. И вотъ, можетъ оказаться на практикѣ что, несмотря на то, что условія этого освобожденія были содержащимися въ тюрьмѣ соблюдены, и что онъ заслуживаетъ быть досрочно освобожденнымъ, но законъ этотъ не можетъ быть къ нему примѣненъ только потому, что начальство, единственно вслѣдствіе отдаленности окружнаго суда отъ мѣста содержанія заключеннаго, не успѣетъ по этому предмету списаться. Это, во первыхъ, совершенно несправедливо, а во вторыхъ, это можетъ вызвать ропотъ и броженіе между арестантами и раздраженіе противъ начальства. Я изслѣдовалъ эти отдаленныя мѣста, во первыхъ, на основаніи почтоваго дорожника изданія 1909 г., во вторыхъ, на основаніи отчета тюремнаго управленія 1906 г., въ третьихъ, на основаніи адресъ-календаря чиновъ всей Россійской Имперіи за 1908 г. и наконецъ, на основаніи свѣдѣній о составѣ чиновъ судебныхъ установленій, о пространствахъ ихъ округовъ и т. д., издаваемыхъ Министерствомъ Юстиціи. Я представляю вамъ нѣсколько болыпо примѣровъ, чѣмъ тѣ, какіе были мною указаны при разсмотрѣніи этого вопроса въ Коммисіи законодательныхъ предположеній. Я утверждаю, что по обнародованіи закона этого безъ предлагаемаго мною дополненія, законъ этотъ будетъ для нѣкоторыхъ мѣстностей совершенно мертвой буквой. Въ моей поправкѣ, въ статьяхъ 28 и 33, предположено принять пространство въ 400 верстъ и болѣе по почтовому или земскому тракту, не считая желѣзной дороги, отъ мѣста содержанія заключеннаго до мѣста нахожденія окружнаго суда, какъ такое разстояніе, которое затруднитъ своевременное распоряженіе

объ условномъ досрочномъ освобожденіи. Я принимаю эти 400 верстъ не только для Европейской Россіи, но и для Азіатской и для всѣхъ вообще нашихъ окраинъ. Я принимаю разстояніе въ 400 верстъ потому, что туда и обратно это и составляетъ 800 верстъ. Между тѣмъ, законъ долженъ дѣйствовать круглый годъ, а во время распутицы, во время разлива рѣкъ, едва ли возможно ожидать, чтобы пространство въ 800 верстъ не представило затрудненій въ перепискѣ между установленіями уѣздной мѣстности и окружнымъ судомъ. Кромѣ того, надлежитъ принять во вниманіе еще и то обстоятельство, что почта въ этихъ отдаленныхъ мѣстностяхъ, очевидно, ходитъ не ежедневно. Даже въ центральныхъ мѣстностяхъ Россійской Имперіи почта ходитъ два раза въ недѣлю, а въ этихъ отдаленныхъ мѣстностяхъ она, вѣроятно, ходитъ и гораздо рѣже. Я вовсе не настаиваю на цифрѣ 400 верстъ, можетъ быть вамъ угодно принять 500 верстъ—это вопросъ подробности. Этихъ отдаленныхъ мѣстностей и городовъ вовсе у насъ не такъ много, слѣдовательно, и лицъ, содержащихся тамъ подъ стражей, вовсе не такъ много. Отсюда слѣдуетъ, что я не колеблю проекта закона Министра Юстиціи, поддерживаемаго Коммисіею законодательныхъ предположеній, относительно сосредоточенія всѣхъ дѣлъ объ условномъ досрочномъ освобожденіи лицъ, содержащихся въ тюрьмѣ, въ вѣдѣніи окружныхъ судовъ. Въ доказательство того, что дѣйствительно на практикѣ произойдутъ не только затрудненія, но и совершенная невозможность исполнить правила досрочнаго освобожденія въ отношеніи лицъ, содержащихся подъ стражей въ отдаленныхъ мѣстностяхъ, я приведу вамъ, господа, нѣкоторые примѣры; повторяю, что я только привожу одни примѣры, потому что изслѣдованіе всѣхъ этихъ мѣстностей требуетъ весьма много времени. При этомъ я оговариваюсь, что въ моемъ проектѣ въ примѣчаніи къ послѣдней статьѣ указано, что, по обнародованіи закона, каждый окружный судъ, въ своемъ округѣ, обязанъ опредѣлить, какіе изъ уѣздныхъ городовъ и иныхъ поселеній отстоятъ отъ него въ разстояніи 400 или болѣе верстъ по почтовому дорожнику, дабы не было по этому предмету никакой ошибки; а окружные суды прекрасно знаютъ всѣ эти мѣстности и не только окружные суды, но и всякій приходорасходчикъ окружнаго суда, потому что окружные суды выѣзжаютъ въ эти города на сессіи и всѣмъ имъ извѣстно количество прогоновъ, которые они получаютъ, а расчетъ прогоновъ производится по почтово-дорожнику. И такъ, я въ видѣ примѣровъ позволю себѣ указать вамъ на нѣкоторые отдаленные города. Во первыхъ, въ губерніяхъ, гдѣ учреждены уѣздные съѣзды, именно г. Усть-Сысольскъ, Вологодской губерніи: по почтовой дорогѣ отъ Вологды 882½ версты, а туда и обратно 1.765 верстъ. Есть тюрьма, содержится срочныхъ арестантовъ 12 по отчету 1906 г. Далѣе въ центральныхъ руссійскихъ губерніяхъ, на примѣръ, г. Ветлуга отстоитъ отъ Костромы по желѣзной дорогѣ 143 версты, которыхъ я по считаю, и по почтовой дорогѣ 422¾ версты, а, слѣдовательно, туда и обратно 845 верстъ. Есть тюрьма, содержится срочныхъ арестантовъ 21. Засимъ перехожу къ мѣстностямъ, гдѣ нѣтъ ни мировыхъ съѣздовъ, ни уѣздныхъ съѣздовъ, гдѣ мировые судьи подчинены непосредственно окружнымъ судамъ. Показано селеніе Усть-Цильма, Почорскаго уѣзда Архангельской губерніи, гдѣ сосредоточено все уѣздное управленіе, тамъ есть уѣздный исправникъ, мировой судья и такъ далѣе. Нынѣ, какъ мы передавали, эта Усть-Цильма, Почорскаго уѣзда, переименована уже въ городъ. Усть-Цильма отстоитъ по почтовой дорогѣ 377½ верстъ, сверхъ того по земской 403 версты, а всего 780½ верстъ, туда и обратно 1.561 верста; тамъ тюрьмы нѣтъ,

но есть Печорское арестантское помѣщеніе, въ коемъ срочныхъ арестантовъ содержится три. Замѣчу, что въ Усть-Цильмѣ законъ о досрочномъ условномъ освобожденіи не можетъ быть примѣненъ не только по дальности разстоянія, но еще и по слѣдующей причинѣ. Тамъ нѣтъ тюрьмы, а есть только арестантское помѣщеніе, въ которомъ, однако, отбываютъ заключеніе арестанты тюремнаго разряда, а, слѣдовательно, тамъ не можетъ быть и отдѣленія попечительнаго общества о тюрьмахъ, а засимъ тамъ нельзя образовать особаго совѣщанія по статьѣ 7 проекта, такъ какъ для законнаго состава означеннаго совѣщанія, по той же статьѣ 7, необходимо требуется присутствіе директора или директрисы отдѣленія попечительнаго общества о тюрьмахъ, или члена общества патроната, каковое общество едва ли въ означенной мѣстности можетъ возникнуть. Въ той же Архангельской губерніи, городъ Кемь. По желѣзной дорогѣ 122 версты, по почтовой дорогѣ $428\frac{1}{2}$ версты, слѣдовательно, всего по почтовой дорогѣ туда и обратно 857 версты. Есть тюрьма, срочныхъ арестантовъ среднимъ числомъ въ годъ—13. Далѣе, уѣздный городъ Александровскъ; изъ Архангельска почта идетъ на Кемь, а отъ Кеми до Александровска 637 версты по земской дорогѣ, слѣдовательно, отъ Александровска до Кеми и обратно 1.274 версты, а до Архангельска, гдѣ окружный судъ, отъ Александровска, туда и обратно 2.131 верста. Тутъ тюрьмы нѣтъ, но есть арестантское помѣщеніе и тамъ содержался одинъ арестантъ, о которомъ въ докладѣ Комисіи законодательныхъ предположеній, отъ 3 марта, сказано, что, очевидно, это такой арестантъ, который не можетъ пользоваться правомъ условнаго досрочнаго освобожденія. Это «очевидно», по моему мнѣнію, есть только предположеніе, а я могу сдѣлать другое предположеніе: что его держатъ тамъ потому, что это мѣсто такъ отдалено отъ настоящихъ тюремъ, хотя бы, напримѣръ, и отъ Кеми—на 637 версты, что препровожденіе одного лица этапнымъ порядкомъ по земскому тракту представляется слишкомъ затруднительнымъ. Въ Азіатской Россіи отъ Владивостока г. Николаевскъ, Приморской области, по желѣзной дорогѣ до Хабаровска 731 верста и далѣе по Амуру на пароходахъ, а затѣмъ зимою по льду— $904\frac{3}{4}$ версты, а, слѣдовательно, туда и обратно, не считая желѣзную дорогу, 1.809 $\frac{1}{2}$ версты. Далѣе, въ почтовомъ дорожникѣ сказано: «а зимою и осенью въ распутицу сообщенія никакого нѣтъ». Между тѣмъ тамъ есть тюрьма и тамъ содержится 15 срочныхъ арестантовъ, по отчету тюремнаго управленія за 1906 г. Въ Иркутской губерніи, отъ г. Иркутска до г. Киренска почта идетъ $272\frac{1}{2}$ версты до г. Верхоленска по грунтовой дорогѣ, а отъ Верхоленска до Киренска 723 версты лѣтомъ на пароходахъ и лодкахъ по р. Ленѣ, а зимою по льду р. Лены, весною же и осенью эти 723 версты и обратно—выючно. Всего отъ Иркутска до Киренска $995\frac{1}{2}$ версты, а туда и обратно 1.991 верста. Тюрьма на 154 человекъ, 150 въ общихъ камерахъ и 4 одиночныхъ, срочныхъ арестантовъ среднимъ числомъ въ 1906 г. содержалось 34. Въ Семипалатинской области г. Зайсанъ—по грунтовой дорогѣ $599\frac{1}{2}$ версты отъ Семипалатинска, гдѣ находится окружный судъ, что туда и обратно составляетъ 1.199 версты; тюрьмы тамъ нѣтъ, но въ арестномъ помѣщеніи срочныхъ арестантовъ тюремнаго разряда—7. Здѣсь также законъ объ условномъ досрочномъ освобожденіи не можетъ быть примѣненъ, какъ и въ Усть-Цильмѣ, независимо отъ дальности разстоянія, и потому, что тамъ нѣтъ тюрьмы. Если сосчитать срочныхъ арестантовъ, содержащихся подъ стражей въ этихъ отдаленныхъ мѣстностяхъ, то таковыхъ окажется 106. (Въ засѣданіи 20 марта сказано 109, такъ какъ въ это число входило и 3 арестанта, содержащихся въ Березовѣ, но о Березовѣ

упущено было упомянуть). Я не знаю, на какой срок они заключены, но могу только одно сказать, что, несомненно, тамъ есть и такіе, которые присуждены къ тюремному заключенію на 8 и болѣе мѣсяцевъ. Я привелъ эти цифры и эти мѣстности единственно въ видѣ примѣра и, слѣдовательно, при установленіи окружнымъ судомъ мѣстностей, которыя отстоятъ отъ мѣстонахожденія окружнаго суда въ разстояніи 400 или болѣе верстъ, такихъ мѣстъ будетъ нѣсколько болѣе. Но, во всякомъ случаѣ, это число будетъ ничтожно въ сравненіи съ тѣми тысячами арестантовъ, участь которыхъ по вопросу о примѣненіи условнаго досрочнаго освобожденія будетъ зависѣть отъ окружнаго суда. Коммисія законодательныхъ предположеній, разбирая мой проектъ относительно этихъ арестантовъ, содержащихся въ отдаленныхъ мѣстностяхъ, съ своей стороны пришла къ слѣдующему заключенію на страницѣ 10 и 11 доклада. Я позволю себѣ передъ вами разобрать соображенія Коммисіи и представить опроверженія, которыми, по моему мнѣнію, совершенно уничтожается значеніе этихъ соображеній. Коммисія приняла во вниманіе, что, при громадныхъ пространствахъ Россійской Имперіи и разнообразіи бытовыхъ и географическихъ условій отдѣльныхъ ея окраинъ, всякій общій законъ можетъ встрѣтить на мѣстахъ нѣкоторыя, не существующія въ остальныхъ мѣстностяхъ Имперіи, затрудненія. Обстоятельство это не должно, однако, останавливать распространенія на эти окраины дѣйствія такихъ мѣропріятій, которыя признаются необходимыми и полезными. Безъ всякаго сомнѣнія, условное досрочное освобожденіе, какъ институтъ новый, требующій для его введенія особой организациі, будетъ примѣняться въ зависимости отъ степени мѣстныхъ особенностей и культуры не вездѣ съ одинаковымъ успѣхомъ. Такимъ образомъ, и самая Коммисія признаетъ, что примѣненіе закона въ томъ видѣ, въ какомъ онъ проектированъ, встрѣтитъ на практикѣ затрудненія. При изданіи общихъ законовъ, распространяющихся на всю Имперію, до настоящаго времени всегда были принимаемы во вниманіе мѣстныя условія, и коль скоро законъ былъ обнародованъ общій для всей Россіи, то, если представлялось необходимость, издавались особые правила для нашихъ окраинъ. Такъ, если вы возьмете томъ II свода законовъ, то увидите, что тамъ есть и Общее Учрежденіе Губернское и особые Учрежденія Сибирское, Семипалатинское и т. д. Точно также, когда было рѣшено распространить судебную реформу на отдаленную нашу окраину—Сибирь, то для нея были изданы и особенныя правила, о которыхъ я прошлый разъ, между прочимъ, говорилъ. Въ Сибири, на примѣръ, въ виду дальности разстояній, предоставлено свидѣтелямъ не являться къ мировымъ судьямъ, если ихъ жительство отстоитъ отъ камеры мирового судьи въ разстояніи 200 или болѣе верстъ. Почему же только въ отношеніи закона объ условномъ досрочномъ освобожденіи это принятое нашимъ законодательствомъ правило не соблюдено? Вотъ я и считаю, что нужно издать особые правила о примѣненіи закона объ условномъ досрочномъ освобожденіи для отдаленныхъ окраинъ, сообразно съ тѣмъ, какъ для тѣхъ же мѣстностей издавались особые правила по всѣмъ другимъ предметамъ нашего законодательства. Далѣе, въ докладѣ Коммисіи сказано: «Опасеніе затрудненій, могущихъ возникнуть въ отдаленныхъ мѣстностяхъ, которыя указаны въ справкѣ, составленной членомъ Государственнаго Совѣта Н. Н. Шрейберомъ (которую я нѣсколько дополнилъ въ настоящемъ засѣданіи), не подтверждается представленными тюремнымъ вѣдомствомъ свѣдѣніями. Во первыхъ, изъ указанныхъ мѣстностей въ городахъ: Верхоянскѣ, Туруханскѣ, Колымскѣ, Анадырѣ, Охотскѣ, Гижигѣ, Петропавловскѣ и Александровскѣ вовсе нѣтъ тюремъ и тюремныхъ замковъ,

а, слѣдовательно, не можетъ быть и досрочно-освобождаемыхъ». Что касается свѣдѣній тюремнаго управленія, то свѣдѣнія эти совершенно вѣрны, но выводъ сдѣланъ, по моему мнѣнію, совершенно неправильно. Въ этомъ выводѣ сказано: «а, слѣдовательно, не можетъ быть и досрочно освобождаемыхъ». И вотъ я беру справку изъ отчета тюремнаго управленія и вижу, что въ Колымскѣ, о которомъ я упоминалъ, есть караульный домъ. Въ отчетномъ году содержащихся срочныхъ арестантовъ не было, но назначено 70 копѣекъ на дневное пропитаніе арестанта. Слѣдовательно, тамъ могутъ быть арестанты, и есть караульный домъ. Но беру другой городъ Верхоянскъ—тамъ есть караульный домъ, и по отчету тюремнаго управленія за 1906 г. тамъ содержался 1 арестантъ, срочный тюремнаго разряда. Слѣдовательно, выводъ Коммисіи «а, слѣдовательно, въ этихъ мѣстностяхъ не можетъ быть досрочно освобождаемыхъ» я позволю себѣ признать неправильнымъ. Я считаю долгомъ обратить Ваше вниманіе еще на то обстоятельство, что всѣ перечисленные мною города находятся въ совершенно исключительномъ положеніи. Тамъ существуютъ, кромѣ г. Туруханска, только два должностныхъ лица: уѣздный начальникъ и врачъ. Этому уѣздному начальнику принадлежитъ такая полнота власти, которой никто въ Россійской Имперіи, даже Министръ, не имѣетъ, ибо въ немъ сосредоточена вся судебная и вся исполнительная власть, и онъ тамъ и судебный слѣдователь, и мировой судья, и, какъ мировой судья, въ правѣ присуждать къ тюремному заключенію до полутора года. Я на этихъ начальниковъ—въ виду столь обширной власти, предоставленной имъ по примѣненію закона о наказаніяхъ,—считаю съ своей стороны правильнымъ возложить примѣненіе закона объ условномъ досрочномъ освобожденіи во всемъ его объемѣ. Затѣмъ, въ докладѣ Коммисіи изложено, что по свѣдѣніямъ Главнаго Тюремнаго Управленія за 1906 г. въ арестныхъ домахъ, арестныхъ помѣщеніяхъ при полицейскихъ управленіяхъ, караульныхъ домахъ, только въ г. Александровскѣ въ теченіе года содержался одинъ срочный арестантъ, изъ категоріи тѣхъ, къ которымъ очевидно, не можетъ быть по роду наказанія примѣнено досрочное освобожденіе. Я имѣлъ честь объяснять, что это есть предположеніе и что можно сдѣлать другое предположеніе, именно о томъ, что онъ оставался въ арестномъ помѣщеніи на томъ основаніи, что это помѣщеніе слишкомъ далеко отъ мѣстности, гдѣ есть тюрьма. Далѣе, въ докладѣ Коммисіи сказано, что въ другихъ, указанныхъ въ той же справкѣ мѣстностяхъ содержалось, въ среднемъ, срочныхъ арестантовъ за тотъ же годъ въ тюрьмахъ: въ Николаевскѣ—15, въ Березовѣ—3, въ Усть-Сысольскѣ—12, въ Ветлугѣ—21 (итого 51). Цифры эти ясно показываютъ, какъ велико общее число срочныхъ арестантовъ въ тюрьмахъ этихъ мѣстностей и сколь ничтожно число арестантовъ, могущихъ подойти по сроку заключенія къ осуществленію условно-досрочнаго освобожденія. По этому предмету я считаю, что какъ бы ничтожно ни было число содержащихся въ мѣстахъ заключенія въ отдаленныхъ мѣстностяхъ, тѣмъ не менѣе, по проекту закона объ условномъ досрочномъ освобожденіи, этотъ законъ распространяется и на нихъ, а по моему глубокому убѣжденію онъ на нихъ не распространится, потому что присутствіе мѣста и должностныя лица по почтѣ между собой своевременно списаться не могутъ. Далѣе сказано въ докладѣ такъ: «во всякомъ случаѣ отъ самого Министра Юстиціи зависитъ сдѣлать циркулярное распоряженіе о томъ, чтобы въ этихъ мѣстностяхъ всѣ вообще долгосрочные арестанты содержались исключительно въ губернскихъ тюрьмахъ». Я съ этимъ согласиться не могу и представлю вамъ слѣ-

дующія два соображенія. Первое,—на страницѣ 40 отчета Главнаго Тюремнаго Управленія напечатано, что въ 1900 г. оставлено въ тюрьмахъ арестантовъ, присужденныхъ къ заключенію въ исправительныя заведенія или въ исправительныя арестантскія роты, по краткости срока и по отдаленности арестантскихъ отдѣленій всего 294 лица. А если мы, господа, примемъ во вниманіе, что самый краткій срокъ заключенія въ арестантскихъ отдѣленіяхъ есть одинъ годъ, то очевидно, что арестантовъ тюремнаго разряда тюремное управленіе не переведетъ при отдаленности разстоянія изъ уѣздной въ губернскую тюрьму. Во вторыхъ, въ городѣ Киренскѣ есть тюрьма на 154 арестанта; тамъ содержатся 34 арестанта, присужденныхъ къ тюремному заключенію на сроки, а среднее число арестантовъ всѣхъ разрядовъ въ годъ при 154 мѣстахъ—94, т. е. $\frac{1}{3}$ тюремнаго замка свободна для принятія другихъ. Разстояніе до Иркутска 995 $\frac{1}{2}$ верстъ, между тѣмъ въ Иркутскѣ тоже есть тюрьма, она устроена на 556 арестантовъ, содержащихся въ общихъ камерахъ и 35, содержащихся въ одиночныхъ камерахъ, а всего на 591 арестанта. Въ среднемъ показано: въ годъ содержится 1.155 человѣкъ, а высшій предѣлъ 1.458 человѣкъ. Можно ли изъ этого вывести, чтобы, при свободности тюремнаго замка въ Киренскѣ, тюремное управленіе переводило бы изъ Киренска для примѣненія закона объ условномъ досрочномъ освобожденіи въ Иркутскъ, гдѣ тюрьма иногда настолько переполнена, что въ ней содержится втрое болѣе, чѣмъ на какое количество устроена эта тюрьма. Изъ этого видно, что ни въ какомъ случаѣ тюремное управленіе для примѣненія закона объ условномъ досрочномъ освобожденіи не можетъ сдѣлать распоряженія о переводѣ арестантовъ изъ мѣстъ отдаленныхъ въ мѣста нахожденія окружныхъ судовъ. Наконецъ, въ томъ же докладѣ сказано: «а если бы эта мѣра, т. е. переводъ арестантовъ, оказалась бы недостаточной, отъ Министра Юстиціи зависить войти въ законодательномъ порядкѣ съ особеннымъ, согласно указаніямъ опыта, представленіемъ о порядкѣ примѣненія закона объ условномъ досрочномъ освобожденіи въ отдаленныхъ мѣстностяхъ Имперіи». Мнѣ кажется, господа, что опытъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ сократить разстояній, и если тѣ данныя, которыя мною представлены объ этихъ разстояніяхъ, не подлежатъ никакому сомнѣнію, то мы въ настоящее время должны сдѣлать такіа изъятія изъ общаго правила проекта закона объ условномъ досрочномъ освобожденіи, которыя сдѣлали бы его примѣнимымъ и къ тѣмъ арестантамъ, на которыхъ я указывалъ. Я разобравъ тѣ соображенія, которыя привели Коммисію законодательныхъ предположеній къ выводу о томъ, что предложенная мною поправка подлежитъ отклоненію. Но мнѣ кажется, что представленныя мною данныя настолько вѣсны, что онѣ опровергаютъ тѣ соображенія, которыя привели Коммисію законодательныхъ предположеній къ упомянутому выводу. По этимъ основаніямъ, я поддерживаю ту поправку, которая изложена мною въ статьѣ 27 и слѣдующихъ статьяхъ и которая вамъ была разослана въ среду, 18 марта. Въ этой поправкѣ существенныя статьи, заключающія въ себѣ основанія всѣхъ остальныхъ, это—статьи 27 и 33. Въ настоящее время я не буду говорить о подробностяхъ, но прибавлю лишь слѣдующее: около половины, моей, почти полувѣковой, службы я занимаю должность судьи и моей судейской совѣсти претитъ молчать, когда я завѣдомо знаю, что издаваемый законъ, объявленный ко всеобщему исполненію, не можетъ быть примѣненъ къ нѣкоторымъ арестантамъ, единственно въ виду того, что они содержатся въ столь отдаленныхъ мѣстахъ, что переписка объ ихъ досрочномъ освобожденіи не можетъ поспѣть своевременно. Я не излагаю никакихъ

партійныхъ взглядовъ, я домогаюсь только одной справедливости и участь этихъ забытыхъ арестантовъ, этихъ пасынковъ проекта передаю на справедливое обсужденіе каждаго изъ васъ.

Товарищъ Министра Юстиціи Люце. Само собою разумѣется, что если бы я даже и не былъ тоже въ свое время судьей, я во всякомъ случаѣ вполнѣ раздѣлялъ бы мнѣніе Н. Н. Шрейбера, что никакая несправедливость не должна быть допущена. Но дѣло именно въ томъ, что въ настоящемъ случаѣ вовсе не идетъ рѣчи о какой нибудь несправедливости. Разница въ нашихъ мнѣніяхъ происходитъ только отъ разныхъ точекъ отправленія нашихъ разсужденій. Н. Н. Шрейберъ исходитъ изъ той точки зрѣнія, что, вводя въ дѣйствіе условное досрочное освобожденіе, законъ хочетъ предоставить извѣстную льготу содержащимся подъ стражею и объявляетъ ее, какъ выразился Н. Н. Шрейберъ, ко всеобщему исполненію. Эта точка зрѣнія, по моему, неправоильна. Еще никто никогда не считалъ условное досрочное освобожденіе льготою. Оно имѣетъ совершенно иное значеніе. Содержащійся въ тюрьмѣ или въ исправительномъ заведеніи отбываетъ наказаніе, которое состоитъ изъ двухъ элементовъ. Первое—это лишеніе свободы, заключеніе въ четырехъ стѣнахъ тюремнаго замка. Другой элементъ—это извѣстное воздѣйствіе на заключенныхъ, особая дисциплина, извѣстный режимъ, въ которомъ главную часть составляетъ принужденіе къ работѣ. Посредствомъ этого принужденія къ работѣ стараются достигнуть исправленія, перевоспитанія арестанта. Опытъ показалъ, что когда арестантъ отбылъ въ тюрьмѣ большую часть своего наказанія, то возможно измѣненіе остальной части наказанія въ томъ смыслѣ, чтобы вывести арестанта за тюрьму, оставить его внѣ тюрьмы. Свобода его, всетаки, до извѣстной степени ограничена, она ограничена многими, и притомъ весьма тягостными, условіями. Но остальная часть наказанія продолжаетъ существовать—это принудительная работа. Освобожденному позволяютъ остаться внѣ тюрьмы лишь подъ условіемъ, чтобы онъ соблюдалъ всѣ правила, которыя ему предписаны, и чтобы онъ трудился. За одно тунеядство онъ можетъ быть возвращенъ обратно въ тюрьму, не говоря уже о дурномъ поведеніи, причемъ время, проведенное имъ внѣ тюрьмы, не засчитывается ему въ срокъ наказанія. Условное досрочное освобожденіе есть только особый способъ исполненія наказанія, болѣе цѣлесообразный, болѣе интенсивный. Оно вводится совсѣмъ не какъ льгота арестанту, а только въ интересахъ государственныхъ. Оно вводится потому, что, какъ оказалось, оно весьма укрѣпляетъ дисциплину въ тюрьмахъ, и потому, что оно дѣйствуетъ прекрасно противъ апатіи заключеннаго, которая есть величайшее препятствіе къ исправленію. Доставляя осужденному возможность имѣть вліяніе на свою судьбу хорошимъ поведеніемъ и трудомъ, условное освобожденіе побуждаетъ его къ самодѣятельности. Затѣмъ, этотъ институтъ вводится потому, что онъ является лучшимъ средствомъ исправленія, ибо онъ приучаетъ осужденнаго хорошо работать не только въ тюрьмѣ, но и послѣ освобожденія изъ тюрьмы. Онъ еще потому вводится, что при немъ переходъ отъ полного лишенія свободы къ совершенной свободѣ происходитъ постепенно, что каждый, освобождающійся изъ тюрьмы при посредствѣ досрочнаго освобожденія, нѣкоторое время остается на испытаніи, а полную свободу получаетъ только тогда, когда выдержитъ это испытаніе. Этотъ институтъ потому вводится, опять таки, лишь въ интересахъ государства, что онъ сокращаетъ расходы на содержаніе тюремъ, такъ какъ оставляетъ на свободѣ тѣхъ, которые могутъ быть оставлены на своемъ иждивеніи, не только безъ вреда, но съ пользою

для ихъ исправленія. Онъ также потому вводится, что удовлетворяетъ еще одной потребности правосудія. Онъ удовлетворяетъ той потребности, чтобы точная мѣра наказанія окончательно опредѣлялась при его исполненіи, въ зависимости отъ личныхъ свойствъ преступника. Осужденъ, напримѣръ, кто нибудь на 4 года. Эти 4 года онъ и отбудетъ, притомъ три года въ тюрьмѣ и четвертый годъ внѣ тюрьмы, но не на полной свободѣ, а съ большими ограниченіями и съ обязанностью трудиться. Если онъ нарушитъ условія, на коихъ онъ выпущенъ изъ тюрьмы, или не станетъ работать, его могутъ возвратитъ отбыть еще пятый годъ въ тюрьмѣ. Какая же эта льгота? Такимъ образомъ, мы видимъ, что цѣли, для которыхъ вводится условное досрочное освобожденіе, ничего не имѣютъ общаго съ намѣреніемъ предоставить заключеннымъ какую либо льготу. Если стать на эту правильную точку зрѣнія на значеніе условнаго досрочнаго освобожденія, если принять во вниманіе, что это есть не освобожденіе въ собственномъ смыслѣ, но особый способъ отбыванія наказанія,—то будетъ ясно, что собственно права на такое освобожденіе никто изъ заключенныхъ не имѣетъ и что въ тѣхъ случаяхъ, когда почему либо неудобно примѣнить условное досрочное освобожденіе, никакой несправедливости въ отношеніи заключеннаго не происходитъ, онъ только не можетъ отбывать новаго, измѣненнаго наказанія, а долженъ отбыть то, которое ему судомъ присуждено и которое онъ своимъ преступленіемъ вполне заслужилъ. Съ своей стороны Н. Н. Шрейберъ считаетъ, что эта, по его мнѣнію, льгота должна примѣняться ко всѣмъ заключеннымъ на 8 и болѣе мѣсяцевъ, и не можетъ успокоиться, что найдутся лица, къ которымъ льготу нельзя примѣнить. Для этихъ лицъ ему приходится проектировать цѣлое учрежденіе, въ которомъ изложены постановленія объ особыхъ присутствіяхъ. То это уѣздные съѣзды, то это мировые съѣзды, то это еще другія присутствія, для промежуточнаго времени, когда съѣзды не засѣдаютъ, то это исправникъ, для мѣстностей, гдѣ никакихъ судебныхъ установленій не устроено. Мало того, ему приходится изложить особую статью о порядкѣ привлеченія къ отвѣтственности самихъ членовъ этихъ различныхъ присутствій за нарушеніе долга службы, о дисциплинарномъ и судебномъ преслѣдованіи ихъ. И все это для того, чтобы нѣсколькихъ арестантовъ, которые въ разныхъ отдаленныхъ мѣстностяхъ отбываютъ долгосрочныя наказанія, можно было условно досрочно освобождать. Между тѣмъ, если уже на то пошло, то, конечно, проще взять такихъ арестантовъ изъ отдаленныхъ мѣстностей и перевести въ тюрьмы, гдѣ условное досрочное освобожденіе можетъ быть къ нимъ примѣнено. Н. Н. Шрейберъ привелъ нѣкоторыя цифры. Эти цифры, по моему мнѣнію, значенія имѣть не могутъ, потому что всѣ эти свѣдѣнія о томъ, что столько то срочныхъ арестантовъ тамъ то содержится, вовсе не указываютъ на то, чтобы они были долгосрочными, и мы изъ этихъ цифръ не можемъ сдѣлать никакихъ заключеній. Надо еще имѣть въ виду, что если гдѣ либо въ отдаленной тюрьмѣ и есть арестанты, къ которымъ по срокамъ ихъ осужденія могло бы быть примѣнено условное досрочное освобожденіе, то этого далеко недостаточно для дѣйствительнаго ихъ освобожденія. Надо знать еще, имѣются ли другія данныя для такого освобожденія. Эти отдаленныя тюрьмы, часто даже не тюрьмы, а караульные дома, и тамъ никакихъ работъ нѣтъ. Въ такихъ случаяхъ не можетъ быть и рѣчи объ условномъ досрочномъ освобожденіи. Наконецъ, я долженъ напомнить, что Главное Тюремное Управленіе, какъ въ своей строительной политикѣ, такъ и въ своихъ постоянныхъ распоряженіяхъ, принимаетъ всѣ мѣры къ тому, чтобы осужденные на

сроки даже больше 3 мѣсяцевъ не отбывали наказанія въ уѣздныхъ тюрьмахъ, и старается такихъ, только сравнительно долгосрочныхъ, арестантовъ переводить въ центральныя тюрьмы и въ губернскія тюрьмы. Это дѣлается теперь, когда закона объ условномъ досрочномъ освобожденіи еще нѣтъ. Когда введется этотъ законъ въ дѣйствіе, то, само собою разумѣется, будетъ сдѣлано распоряженіе, чтобы, по меньшей мѣрѣ, всѣ тѣ, которые могутъ быть досрочно условно освобождаемы, содержались въ центральныхъ и губернскихъ тюрьмахъ. Въ виду изложеннаго, я совершенно не сомнѣваюсь, что если бы даже принять предложеніе Н. Н. Шрейбера, если бы даже устроить всѣ эти особыя присутствія для отдаленныхъ мѣстностей, то результатомъ было бы то, что эти присутствія не имѣли бы никакого практическаго примѣненія, такъ какъ долгосрочные арестанты были бы переведены въ центральныя тюрьмы. Поэтому, я полагаю бы, что разсматриваемую поправку слѣдуетъ отклонить.

Дейтрихъ. Я, съ своей стороны, долженъ категорически высказаться противъ предложенія, сдѣланнаго Н. Н. Шрейберомъ. Я не буду излагать соображеній, приводящихъ меня къ сему заключенію, они были изложены уже мною при обсужденіи статьи 7; всѣ эти соображенія примѣнимы и къ настоящей поправкѣ, а поэтому я полагаю, на основаніи статьи 92 нашего Наказа, не переходить къ постатейному разсмотрѣнію предложенныхъ поправокъ, а отклонить весь проектъ Члена Государственнаго Совѣта Н. Н. Шрейбера.

Предсѣдательствующій. Желавшихъ высказаться по общему обсужденію предложенія Н. Н. Шрейбера не записано. Слѣдовательно, намъ предстоитъ обратиться, примѣнительно къ статьѣ 92 Наказа, къ разрѣшенію того предложенія, которое сдѣлано докладчикомъ Коммисіи В. Ф. Дейтрихомъ. Докладчикъ Коммисіи предлагаетъ Государственному Совѣту, послѣ бывшаго общаго сужденія, отклонить предложеніе Члена Государственнаго Совѣта Н. Н. Шрейбера и не переходить къ постатейному его обсужденію. Ставлю на голосованіе предложеніе г. докладчика. Большинствомъ голосовъ Государственный Совѣтъ постановилъ отклонить предложеніе Н. Н. Шрейбера, не переходя къ постатейному его обсужденію. Въ дальнѣйшемъ намъ предстоитъ обратиться къ отдѣламъ II и III проекта Государственной Думы. Коммисія предлагаетъ отдѣлъ II, проектированный Государственною Думою, оставить безъ измѣненія. Ставлю на голосованіе это предложеніе Коммисіи. Отдѣлъ II принять. Отдѣлъ III проекта Государственной Думы Коммисія предлагаетъ исключить.

Дейтрихъ. Я не буду приводить соображеній, почему Коммисія полагала исключить этотъ отдѣлъ. Государственный Совѣтъ уже неоднократно высказывался, что никакого порученія Министрамъ Законодательныхъ Учрежденій давать по въ правѣ. Въ виду этого, Коммисія полагала исключить отдѣлъ III.

Предсѣдательствующій. Угодно Государственному Совѣту, согласно предложенію Коммисіи законодательныхъ предположеній, исключить отдѣлъ III изъ проекта? Отдѣлъ III исключенъ. Этимъ исчерпывается постатейное обсужденіе этого проекта объ условномъ досрочномъ освобожденіи, который былъ предложенъ Вашему разсмотрѣнію. По статьямъ 109 и 110 нашего Наказа, послѣ окончанія постатейнаго обсужденія проекта или предложенія, Государственною Канцеляріею составляется сводъ всѣхъ статей его на точномъ основаніи постановленій Совѣта; сводъ этотъ представляется Государственному Совѣту, причемъ обсужденію подлежатъ только редакція и

расположеніе отдѣльныхъ статей; по установленіи окончательной редакціи проекта или предложенія, Государственному Совѣту предлагается вопросъ о принятіи или отклоненіи его въ полной совокупности; сужденія по этому вопросу не могутъ касаться измѣненія отдѣльныхъ частей проекта. Для исполненія этихъ требованій статей 109 и 110 Наказа предстоитъ необходимость нѣкоторой отсрочки, потому что для Государственной Канцеляріи нужно время, чтобы составить сводъ статей, принятыхъ Государственнымъ Совѣтомъ, съ соотвѣтственнымъ измѣненіемъ нумераціи, и внести въ нихъ тѣ исправленія, которыя по нѣкоторымъ статьямъ были приняты Государственнымъ Совѣтомъ. Въ сегодняшнемъ засѣданіи мы этой работы по статьямъ 109 и 110 Наказа не можемъ исполнить, и окончательное разсмотрѣніе проекта должно быть отсрочено до другого засѣданія Государственного Совѣта.

**15 АПРѢЛЯ 1909 г.,
засѣданіе 29.**

Предсѣдатель. Приступаемъ къ разсмотрѣнію свода статей измѣненнаго Государственнымъ Совѣтомъ проекта закона «Объ условномъ досрочномъ освобожденіи». Согласно статьѣ 109 Наказа обсужденію нашему подлежатъ по настоящему дѣлу только редакція и расположеніе отдѣльныхъ статей. Но долженъ при этомъ прибавить, что правило это, по причинамъ, которыя объясню впослѣдствіи, не можетъ получить распространенія на статью 19 разсматриваемаго свода. Никому не угодно высказаться по этому дѣлу? Позвольте спросить, не угодно ли кому нибудь изъ г.г. Членовъ Государственного Совѣта сдѣлать замѣчанія по поводу статей 1—18 отдѣла I, т. е. по вопросу о редакціи ихъ и размѣщеніи? За отсутствіемъ желающихъ дать по этому поводу объясненія, позвольте считать эти статьи, относительно редакціи и расположенія, принятыми безъ измѣненій? Статьи 1—18 отдѣла I приняты. Что касается статьи 19, то 20 марта, при разсмотрѣніи этого дѣла въ Общемъ Собраніи Государственного Совѣта, голосовалась и обсуждалась статья 20, нынѣ 19, причемъ, согласно послѣдней части этой статьи, отлучки на болѣе продолжительные сроки, а также перемѣна назначеннаго для досрочно-освобожденнаго мѣста жительства, въ предложеніи меньшинства Коммисіи, допускались лишь съ разрѣшенія мѣстнаго окружнаго суда, въ округѣ котораго имѣлъ жить условно-досрочно-освобожденный. Но во время засѣданія Членомъ Государственного Совѣта г. Д. А. Олсуфьевымъ была предложена относительно этой послѣдней части сказанной статьи поправка, по смыслу которой эти болѣе продолжительныя отлучки, а равно и перемѣна мѣста жительства досрочно-освобожденнаго подлежали вѣдѣнію мѣстнаго уѣзднаго члена окружнаго суда, и эта поправка большинствомъ голосовъ была принята. Въ разосланномъ Вамъ сводѣ имѣется добавленіе или дополненіе къ этой поправкѣ, вызванное тѣмъ обстоятельствомъ, что въ поправкѣ, а въ то же время и въ статьѣ, принятой съ этою поправкою, не упоминалось о такихъ мѣстностяхъ, гдѣ Положеніе о земскихъ участковыхъ начальникахъ не введено и гдѣ уѣздныхъ членовъ нѣтъ. И это дополненіе, которое гласитъ, какъ значится въ разосланномъ Вамъ сводѣ: «въ мѣстностяхъ же, гдѣ не введено Положеніе о земскихъ участковыхъ начальникахъ», такія отлучки и перемѣны подлежатъ вѣдѣнію «мирового судьи, въ участкѣ котораго водворенъ досрочно-освобожденный». Однако, это добавленіе къ проекту не можетъ разсматриваться какъ поправка, такъ какъ это добавленіе сдѣлано Государственною Канцеляріею, а, строго говоря, по статьѣ 109 Наказа могутъ быть въ сводъ вписаны лишь тѣ измѣ-

ненія, которыя освящены постановленіемъ Государственнаго Совѣта. По данному вопросу въ настоящее время роздана Членамъ Государственнаго Совѣта предлагаемая С. С. Манухинымъ поправка. Въ виду вышеприведенныхъ обстоятельствъ статья 19 свода, вопреки требованію статьи 109 Наказа, должна нами обсуждаться по существу.

Манухинъ. Ваше Высокопревосходительство, г.г. Члены Государственнаго Совѣта. По первоначальному проекту, одобренному Государственною Думою, который, по существу, былъ принятъ и Коммисіею законодательныхъ предположеній, какъ большинствомъ, такъ и меньшинствомъ, было предположено, что досрочно-освобожденный долженъ, строго говоря, пребывать въ томъ мѣстѣ жительства, которое назначено ему окружнымъ судомъ, причемъ, конечно, оно будетъ избираемо судомъ по соображенію съ тѣми пожеланіями, которыя выскажетъ самъ досрочно-освобожденный. Засимъ, тѣмъ не менѣе, за невозможностью держать его непремѣнно въ одномъ мѣстѣ, безъ разрѣшенія ему даже кратковременныхъ отлучекъ по экстреннымъ какимъ нибудь надобностямъ, въ проектѣ былъ установленъ самый порядокъ разрѣшенія такихъ кратковременныхъ отлучекъ. Первоначально, въ проектѣ Министра Юстиціи, такія кратковременныя отлучки предполагалось давать только на 7 дней, но Государственная Дума, признавая, по нашимъ бытовымъ условіямъ, это слишкомъ краткимъ срокомъ, остановилась на мысли допустить такія кратковременныя отлучки на срокъ до одного мѣсяца и, притомъ, исключительно по уважительнымъ причинамъ. Разрѣшеніе этихъ кратковременныхъ отлучекъ ввѣрялось тѣмъ органамъ, которые имѣютъ попеченіе и наблюденіе надъ досрочно-освобожденными. Такими органами являлись или учрежденія тюремнаго попечительства, или должностныя лица, именно: земскіе начальники и городскіе судьи тамъ, гдѣ введено Положеніе о земскихъ участковыхъ начальникахъ, и мировые судьи во всѣхъ остальныхъ мѣстностяхъ и, наконецъ, въ Царствѣ Польскомъ—гминные судьи. Вотъ это и было выражено въ статьѣ 20 законопроекта. Это та самая статья, которая нынѣ является статьею 19. Затѣмъ, въ той же статьѣ было сказано, что отлучки на болѣе продолжительный срокъ, а также перемѣна мѣста жительства для досрочно-освобожденнаго ввѣряется только власти окружнаго суда. По этой статьѣ была представлена поправка гр. Д. А. Олсуфьевымъ, который полагалъ полномочія относительно разрѣшенія отлучекъ на болѣе продолжительный срокъ, чѣмъ мѣсяцъ, и перемѣны мѣста жительства—предоставить уѣздному члену окружнаго суда. Эта поправка была Государственнымъ Совѣтомъ принята. Всецѣло покоряясь такому голосованію, я, тѣмъ не менѣе, думаю, что изъ него можно вывести только то, что въ немъ выражено, и ничего болѣе. А выражено въ немъ то, что указанные полномочія можно ввѣрить уѣздному члену окружнаго суда. Поэтому, выводъ о томъ, что эти полномочія можно ввѣрять еще и другимъ должностнымъ лицамъ, является уже гадательнымъ и изъ постановленія Государственнаго Совѣта невытекающимъ. Въ частности, предположеніе о предоставленіи подобныхъ же полномочій мировымъ судьямъ никѣмъ изъ Членовъ Государственнаго Совѣта возбуждено не было и голосованію не подвергалось. Я позволю себѣ сдѣлать скорѣе обратный выводъ: если Государственному Совѣту угодно было, принимая поправку гр. Д. А. Олсуфьева, дать эти полномочія уѣзднымъ членамъ суда, то, тѣмъ самымъ, не можетъ разрѣшаться вопросъ о предоставленіи такихъ же полномочій и мировымъ судьямъ. Наоборотъ, позволительно, по мнѣнію моему, допустить, что во всемъ томъ, что не разрѣ-

шено прямо поправкою гр. Д. А. Олсуфьева и голосованіемъ Государственнаго Совѣта, остается въ силѣ основной законопроектъ, никѣмъ и ни въ чемъ не измѣненный. Такимъ образомъ скорѣе возможно признать, что, допуская отступленіе отъ статьи 20 (нынѣ 19) проекта въ томъ смыслѣ, что полномочія на разрѣшеніе отлучекъ свыше мѣсяца и перемѣны мѣста жительства были ввѣрены уѣздному члену окружнаго суда, Государственный Совѣтъ во всемъ остальномъ, а слѣдовательно и для мѣстностей, гдѣ эта должность не учреждена, оставилъ въ силѣ первоначальный проектъ, который эти обязанности ввѣрялъ окружнымъ судамъ. Вотъ почему, уже съ формальной стороны, я не могу согласиться съ тою редакціею, которая дана Государственною Канцеляріею статьѣ 19. Но и по существу я сомнѣваюсь въ цѣлесообразности предоставленія такихъ широкихъ полномочій мировымъ судьямъ. Дѣло въ томъ, что, по основной мысли института условнаго досрочнаго освобожденія, необходимо, чтобы досрочно-освобожденный жилъ въ опредѣленномъ мѣстѣ жительства для того, чтобы надзоръ и попеченія о немъ не превратились въ пустую формальность. Конечно, исключительныя обстоятельства могутъ требовать допущенія изъятія изъ этого ригористическаго правила, но, тѣмъ не менѣе, въ принципѣ нежелательно, чтобы досрочно-освобожденный постоянно передвигался, перемѣнялъ свое мѣсто жительства, переходилъ съ мѣста на мѣсто. Въ уважительныхъ случаяхъ, конечно, это допустимо, и, какъ я упомянулъ, Министръ Юстиціи полагалъ эти случаи ограничить краткимъ срокомъ—семядневнымъ. Дума пошла далѣе и установила мѣсячныя отлучки, которыя разрѣшаются ближайшею властью; но идти еще далѣе—едва ли цѣлесообразно, и я думаю, что предоставить мировымъ судьямъ власть отпущать на неопредѣленные сроки,—быть можетъ, на все время, въ теченіе котораго досрочно-освобожденный долженъ находиться подъ наблюденіемъ въ назначенномъ ему мѣстѣ жительства,—было бы крайне неосторожно. Я, конечно, не опасаясь никакихъ злоупотребленій, но думаю, что этимъ нарушалась бы идея условнаго досрочнаго освобожденія, это явилось бы уже значительнымъ колебаніемъ того опредѣленія суда, въ которомъ указано какъ примѣненіе самого условнаго досрочнаго освобожденія къ данному лицу, такъ и назначенное для него мѣсто жительства. Такое существенное колебаніе постановленія окружнаго суда ввѣрять мѣстной судебной власти, въ лицѣ мирового судьи, едва ли желательно, и это отнюдь не вытекаетъ изъ поправки гр. Д. А. Олсуфьева. Хотя я конечно, не могу себѣ присвоить права толковать его намѣренія, тѣмъ не менѣе я позволяю себѣ предполагать, что гр. Д. А. Олсуфьевъ не даромъ же указалъ именно на уѣзднаго члена окружнаго суда: онъ, конечно, зналъ, что, по первой части обсуждаемой статьи, мировому судѣ принадлежитъ полномочіе извѣстнаго рода и именно полномочіе на разрѣшеніе отлучекъ кратковременныхъ, но относительно отлучекъ болѣе продолжительныхъ и перемѣны мѣста жительства—мировому судѣ никакой власти не предоставляется. При всемъ томъ, гр. Д. А. Олсуфьевъ не проектировалъ, однако, предоставить эти полномочія мировымъ судьямъ, а полагалъ ввѣрить ихъ другому должностному лицу—уѣздному члену окружнаго суда. Не надо забывать, что уѣздный членъ окружнаго суда, по закону, и нынѣ уже облеченъ цѣлымъ рядомъ служебныхъ полномочій, которыя возложены на него именно, какъ на представителя на мѣстѣ, въ уѣздѣ окружнаго суда. Какъ извѣстно, уѣздному члену принадлежитъ право ревизовать дѣлопроизводства городскихъ судей и судебныхъ слѣдователей, а также нотаріальныхъ конторъ. На него возложенъ надзоръ за судебными приставами окружнаго

суда, онъ входитъ въ составъ присутствія суда, какъ въ мѣстѣ постоянного пребыванія суда, такъ и на выѣздныхъ сессіяхъ, наконецъ, на выѣздныхъ сессіяхъ онъ можетъ явиться и въ роли предсѣдательствующаго. Всѣ эти служебныя обязанности уѣздныхъ членовъ значительно превышаютъ полномочія мировыхъ судей. Къ числу такихъ превышающихъ полномочія мировыхъ судей служебныхъ обязанностей уѣздныхъ членовъ суда должны быть отнесены и тѣ права, которыя предполагается имъ предоставить нынѣ, согласно поправкѣ гр. Д. А. Олсуфьева. Вотъ, по совокупности всѣхъ этихъ соображеній я полагаю, что идти далѣе поправки гр. Д. А. Олсуфьева, принятой Государственнымъ Совѣтомъ, намъ не слѣдуетъ. Не надо забывать и того, что сроки условнаго досрочнаго освобожденія вообще будутъ не особенно продолжительны. Вѣдь срокъ этотъ только въ рѣдкихъ случаяхъ будетъ доходить до года, или до полутора года—въ крайнемъ случаѣ. Обыкновенно срокъ этотъ будетъ въ нѣсколько мѣсяцевъ. Удобно ли, чтобы такой условно-досрочно-освобожденный, если онъ водворенъ не подъ формальный надзоръ, не для формальнаго попеченія, а для дѣйствительнаго наблюденія и попеченія, чтобы онъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ условнаго освобожденія бродилъ съ мѣста на мѣсто и не пахнулъ себѣ пристанища? Цѣлесообразно ли допустить, чтобы ближайшая мѣстная судебная власть, которая даже, можетъ быть, иногда соблазнена перспективою избавиться отъ такого досрочно-освобожденнаго, имѣла право разрѣшать ему на весь этотъ срокъ находиться внѣ того мѣста, которое назначено ему для жительства окружнымъ судомъ? Если досрочно-освобожденный вынужденъ будетъ перемѣнить это мѣсто жительства и такое ходатайство будетъ обставлено уважительными соображеніями, то и окружный судъ не будетъ слишкомъ далекъ, чтобы разрѣшить въ этихъ исключительныхъ, въ моихъ глазахъ, случаяхъ подобное ходатайство. Вотъ почему я настаивалъ бы на поправкѣ, которую я имѣлъ честь предложить. Но я слышалъ нѣкоторыя замѣчанія, относительно изложенія моей поправки. Мнѣ было указано, что въ концѣ статьи, гдѣ говорится о томъ, что: «отлучки на болѣе продолжительные сроки, а также перемѣна назначеннаго для досрочно-освобожденнаго мѣста жительства, допускаются лишь съ разрѣшенія того окружнаго суда, въ округѣ котораго водворенъ досрочно-освобожденный, или мѣстнаго уѣзднаго члена сего суда (тамъ, гдѣ эта должность учреждена)», что тутъ слово «или» можетъ подать поводъ къ тому истолкованію, что это правило альтернативное, что разрѣшаетъ или окружный судъ, или уѣздный членъ суда. Я, конечно, былъ далекъ отъ мысли допустить подобнаго рода толкованіе. Думаю, что слова, помѣщенные въ скобкахъ, не даютъ основанія для такого рода толкованія, но, тѣмъ не менѣе, для меня достаточно услышать, что редакція, мною предложенная, вызываетъ сомнѣнія, чтобы попытаться это сомнѣніе устранить. Поэтому имѣю честь предложить послѣ словъ «не свыше одного мѣсяца» изложить конецъ статьи 19 слѣдующимъ образомъ: «Отлучки на болѣе продолжительные сроки, а также перемѣна назначеннаго для досрочно-освобожденнаго мѣста жительства допускается лишь съ разрѣшенія мѣстнаго уѣзднаго члена окружнаго суда, въ мѣстностяхъ же, гдѣ не введено Положеніе о земскихъ участковыхъ начальникахъ,—того окружнаго суда, въ округѣ котораго водворенъ досрочно-освобожденный».

Товарищъ Министра Юстиціи Люце. Ваше Высокопревосходительство и г.г. Члены Государственнаго Совѣта. Министерство Юстиціи совершенно присоединяется къ поправкѣ, предложенной С. С. Манухинымъ, въ той редакціи, въ которой онъ сей-

часть ее прочесть. Дѣйствительно, право разрѣшать отлучку изъ мѣста жительства, опредѣленнаго судомъ, настолько важно, что если уже Государственный Совѣтъ принялъ поправку о предоставленіи этого права уѣзднымъ членамъ, то нельзя далѣе распространять его на кого либо другаго. Остается, слѣдовательно, признать, что тамъ, гдѣ нѣтъ уѣздныхъ членовъ, тамъ этимъ правомъ долженъ пользоваться только окружный судъ.

Дейтрихъ. Я думаю, что поправка, предложенная С. С. Манухинымъ, вполне отвѣчаетъ тому, что было принято Государственнымъ Совѣтомъ; повторять тѣ соображенія, которыя были изложены С. С. Манухинымъ, не буду. Я ихъ вполне раздѣляю и думаю, что эту поправку слѣдуетъ принять.

Предсѣдатель. Ставлю на голосованіе поправку, предложенную Членомъ Государственнаго Совѣта С. С. Манухинымъ, въ той редакціи, въ какой она была только что прочитана. Поправка принята. Статьи 20—24 и общая часть отдѣла I, отдѣлъ II. Нѣтъ никакихъ замѣчаній по вопросу о редакціи или расположеніи этихъ статей? Статьи 20—24 и общая часть отдѣла I, а также отдѣлъ II, въ той редакціи, въ какой они изложены въ сводѣ, приняты. Остается поставить на голосованіе вопросъ, принимается ли законопроектъ въ цѣломъ? Большинствомъ законопроектъ принять. Комиссія законодательныхъ предположеній предлагаетъ, въ случаѣ внесенія измѣненій въ законопроектъ, одобренный Государственною Думою, передать это дѣло въ особую, такъ называемую, согласительную Коммисію, образованную изъ равнаго числа Членовъ Государственнаго Совѣта и Государственной Думы, причемъ число Членовъ Государственнаго Совѣта, по мнѣнію Коммисіи законодательныхъ предположеній, не должно превышать 6. Угодно Общему Собранію передать это дѣло, въ виду внесенныхъ Государственнымъ Совѣтомъ измѣненій въ законопроектъ, одобренный Государственною Думою, въ особую согласительную комиссію? Нѣтъ возраженій? Предложеніе принято. Угодно число Членовъ Государственнаго Совѣта, имѣющихъ войти въ составъ этой Коммисіи, опредѣлить 6? Принято.

ВЪ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМѢ.

Въ Общемъ Собраніи.

Редакція законопроекта объ условіи досрочномъ освобожденіи принимается согласно докладу редакціонной Коммисіи и передается въ Государственный Совѣтъ.

**2 ЮНЯ 1909 г.,
засѣданіе 126.**

ВЪ ГОСУДАРСТВЕННОМЪ СОВѢТѢ.

Въ Общемъ Собраніи.

Предсѣдатель. Разсматривается законопроектъ, одобренный Государственною Думою «Объ условномъ досрочномъ освобожденіи», измѣненный Государственнымъ Совѣтомъ.

12 ЮНЯ 1909 г.,
засѣданіе 44.

Законопроектъ этотъ, заключающій въ себѣ два отдѣла, изъ коихъ по отдѣлу I имѣются статьи 1—24, восходилъ на вторичное разсмотрѣніе Государственной Думы, причемъ послѣдняя приняла почти всѣ измѣненія, сдѣланныя въ этомъ законопроектѣ Государственнымъ Совѣтомъ. Только по статьямъ 7, 20 и 21 остались незначительныя, редакціоннаго характера, разномыслія. Разномыслія эти заключаются въ слѣдующемъ: по статьѣ 7 въ законопроектѣ, одобренномъ Государственною Думою, прибавлено слово «или»; это «или» помѣщается между словами: «полиціймейстера» и «уѣзднаго исправника». Этого союза въ редакціи Государственнаго Совѣта не имѣется. Затѣмъ, по статьямъ 20 и 21 законопроекта, одобреннаго Государственною Думою, предусматривается угроза не только противъ общественной, но и противъ личной безопасности, а потому добавлено слово: «личной». Это единственное несогласіе съ Государственнымъ Совѣтомъ, которое усматривается въ редакціи, установленной Государственною Думою. Полагая, что никому не угодно будетъ по этимъ незначительнымъ редакціоннымъ измѣненіямъ устанавливать разномысліе съ Государственной Думой, я ставлю на голосованіе общій вопросъ, угодно ли Общему Собранію принять статьи 7, 20 и 21 въ редакціи, установленной Государственною Думою? Нѣтъ возраженій? Статьи 7, 20 и 21 приняты въ редакціи, установленной Государственною Думою. Что касается остальныхъ статей законопроекта, измѣненнаго Государственнымъ Совѣтомъ, то статьи эти, какъ принятыя Государственною Думою безъ всякихъ измѣненій, новому обсужденію не подлежатъ. Угодно Государственному Совѣту принять этотъ законопроектъ въ цѣломъ? Нѣтъ возраженій? Законопроектъ принять.

На подлинномъ написано:

«Утверждаю».

Министръ Юстиціи *Щегловитовъ*.

10 сентября 1908 года.

II. НОРМАЛЬНЫЙ УСТАВЪ

Обществъ покровительства лицамъ, освобождаемымъ изъ мѣстъ заключенія (патроната).

I. Цѣль, права и обязанности Общества.

1. Общество патроната имѣетъ цѣлью: 1) содѣйствовать лицамъ, освобождаемымъ изъ мѣстъ заключенія (такихъ-то губерній, уѣзда, города, или же освобождаемымъ изъ такого-то мѣста заключенія), въ устройствѣ ихъ быта, въ видахъ возвращенія на путь честной жизни, и 2) помогать нуждающимся семействамъ заключенныхъ и ссыльныхъ.

2. Общество состоитъ въ вѣдѣніи Министерства Юстиціи, по Главному Тюремному Управленію.

3. Подъ покровительство Общества могутъ быть принимаемы: 1) лица, освобождаемыя изъ мѣстъ заключенія по отбытіи наказанія лишеніемъ свободы, какъ учинившія преступное дѣяніе въ первый разъ, такъ и рецидивисты, если отбывшее наказаніе лицо подаетъ надежду возвратиться на путь честной жизни; 2) лица, условно освобождаемыя изъ заключенія на основаніи закона о досрочномъ освобожденіи; 3) тѣ изъ лицъ, содержавшихся подъ стражею, относительно которыхъ было прекращено возбужденное уголовное преслѣдованіе или состоялся оправдательный приговоръ, или которыя были освобождены отъ наказанія, и 4) семейства лицъ, содержащихся подъ стражею, и ссыльныхъ.

4. Подъ покровительство Общества поступаютъ исключительно лица (ст. 1 и 3), выразившія о томъ желаніе.

5. Дѣятельность Общества выражается:

1) въ снабженіи лицъ, принятыхъ имъ подъ свое покровительство, одеждою, пищею, медицинскими пособіями, рабочими

инструментами, матеріалами и другими полезными для нихъ предметами;

2) въ выдачѣ имъ ссудъ и денежныхъ пособій;

3) въ заботахъ о пріисканіи для означенныхъ лицъ занятій и о предоставленіи имъ мѣстъ;

4) въ содѣйствіи помѣщенію ихъ въ пріюты, больницы, школы, убѣжища, дома трудолюбія и даровыя или дешевыя квартиры;

5) въ принятіи мѣръ къ скорѣйшему полученію означенными лицами видовъ на жительство;

6) въ возбужденіи предъ подлежащею властью относительно означенныхъ лицъ, если они подлежатъ по отбытіи наказанія ограниченіямъ въ правѣ избранія и перемѣны мѣста жительства, ходатайствъ: о разрѣшеніи льготъ въ отношеніи избранія и перемѣны мѣста жительства, объ исключеніи изъ видовъ на жительство отмѣтокъ о судимости и о разрѣшеніи слѣдовать въ мѣсто назначенія по проходному свидѣтельству, а не по этапу;

7) въ содѣйствіи означеннымъ лицамъ, по освобожденіи ихъ изъ мѣстъ заключенія, къ отправленію на родину;

8) въ облегченіи и доставленіи имъ способовъ къ воспитанію дѣтей, а также и другихъ, тому подобныхъ мѣрахъ и дѣйствіяхъ, направленныхъ къ оказанію помощи состоящимъ подъ покровительствомъ Общества.

6. Обществу предоставляется открывать, съ соблюденіемъ дѣйствующихъ узаконеній и правилъ, для состоящихъ подъ его покровительствомъ лицъ пріюты, убѣжища, столовыя, дома трудолюбія, мастерскія и другія тому подобныя учрежденія.

7. Общество имѣетъ право, для осуществленія своихъ цѣлей, пріобрѣтать и отчуждать недвижимое имущество, принимать пожертвованія, получать отказы по завѣщанію, заключать займы и вообще вступать во всякаго рода дозволенные закономъ договоры и сдѣлки, пользуясь въ отношеніи платежа налоговъ и пошлинъ всѣми преимуществами, предоставленными благотворительнымъ учрежденіямъ.

8. Общество имѣетъ печать съ надписью: «Общество покровительства лицамъ, освобождаемымъ изъ мѣстъ (мѣста) заключенія (такихъ-то губерніи, уѣзда, города)».

9. Члены Общества могут получать свидетельства, удостоверяющія ихъ принадлежность къ Обществу. Установленіе для членовъ Общества отличительныхъ знаковъ или жетоновъ допускается не иначе, какъ съ разрѣшенія, каждый разъ, Министра Юстиціи, которымъ утверждается при этомъ форма и порядокъ ношенія знака.

10. Годовые отчеты о дѣятельности Общества и состояніи его средствъ, по утвержденіи общимъ собраніемъ (ст. 46), представляются ежегодно въ двухъ экземплярахъ: губернатору (начальнику области, градоначальнику) и въ Главное Тюремное Управленіе и печатаются въ губернскихъ вѣдомостяхъ, а по возможности, и въ другихъ мѣстныхъ періодическихъ изданіяхъ.

11. Управленіе дѣлами Общества сосредоточиваются въ городѣ (такомъ-то). Въ прочихъ городахъ губерніи (области), въ которыхъ нѣтъ самостоятельныхъ обществъ патроната, могутъ быть открываемы, по постановленію общаго собранія и съ соблюденіемъ порядка, установленнаго для регистраціи обществъ (ст. 53), отдѣленія Общества. Равнымъ образомъ, могутъ быть открываемы отдѣленія для осуществленія какихъ-либо спеціальныхъ задачъ патроната (попеченія о несовершеннолѣтнихъ женщинахъ и т. д.). Организація и условія дѣятельности отдѣленій опредѣляются особою инструкціею, устанавливаемою общимъ собраніемъ. Означенная инструкция не должна ни въ чемъ противорѣчить настоящему уставу.

12. Общество оказываетъ возможное содѣйствіе другимъ, существующимъ въ Имперіи обществамъ патроната, и входитъ въ сношенія съ ними, а равно съ другими благотворительными учрежденіями, могущими способствовать осуществленію задачъ Общества.

II. Составъ Общества.

13. Общество состоитъ изъ неограниченнаго числа членовъ, изъ лицъ обоего пола, всѣхъ состояній, званій и вѣроисповѣданій. Въ составъ его могутъ входить также учрежденія, общества и товарищества, которыя участвуютъ въ дѣлахъ Общества чрезъ своихъ представителей.

14. Членами Общества не могутъ быть: 1) несовершеннолѣтніе, за исключеніемъ имѣющихъ классныя чины; 2) учащіеся въ

учебныхъ заведеніяхъ; 3) состоящіе подъ гласнымъ надзоромъ полиціи; 4) признанные виновными въ преступныхъ дѣяніяхъ, влекущихъ за собою наказанія не ниже заключенія въ исправительномъ домѣ или же соединеннаго съ лишеніемъ правъ состоянія заключенія въ тюрьмѣ, и 5) состоящіе подъ слѣдствіемъ и судомъ по обвиненію въ указанныхъ въ предшествующемъ (4) пунктѣ преступныхъ дѣяніяхъ.

15. Члены Общества раздѣляются на: 1) почетныхъ, 2) дѣйствительныхъ и 3) сотрудниковъ.

16. Въ почетные члены могутъ быть избираемы общимъ собраніемъ, по представленію правленія (ст. 34), лица, пожертвовавшія въ пользу Общества не менѣе одной тысячи рублей или оказавшія ему иныя существенныя услуги.

17. Дѣйствительные члены обязываются дѣлать въ пользу Общества ежегодный взносъ въ размѣрѣ, опредѣленномъ общимъ собраніемъ. Для поступленія въ число дѣйствительныхъ членовъ требуется рекомендація двухъ почетныхъ или дѣйствительныхъ членовъ Общества.

18. Члены-сотрудники, не дѣлая установленнаго денежнаго взноса (ст. 17), обязываются исполнять порученія по дѣламъ Общества и вообще содѣйствовать осуществленію преслѣдуемыхъ имъ цѣлей своимъ личнымъ трудомъ.

19. Дѣйствительные члены, не уплатившіе своего взноса къ 1 іюля каждаго года, и члены-сотрудники, въ теченіе года уклонявшіеся отъ исполненія порученій по дѣламъ Общества (ст. 17 и 18), считаются выбывшими изъ его состава. Означенныя лица не лишаются права вновь вступить въ Общество, на общемъ основаніи.

20. Членъ Общества, нарушающій своими дѣйствіями его интересы, по постановленію общаго собранія (ст. 46 п. 2 и ст. 48), можетъ быть исключенъ изъ состава Общества.

III. Средства Общества.

21. Средства Общества образуются изъ:

1) доходовъ отъ принадлежащихъ Обществу капиталовъ и недвижимыхъ имуществъ;

- 2) членскихъ взносовъ;
- 3) пожертвованій и отказовъ по духовнымъ завѣщаніямъ;
- 4) пособій со стороны правительственныхъ и общественныхъ учрежденій;
- 5) кружечныхъ и иныхъ сборовъ, разрѣшенныхъ подлежащею властью;
- 6) доходовъ отъ устраиваемыхъ въ пользу Общества, съ надлежащаго каждый разъ разрѣшенія и съ соблюденіемъ установленныхъ для сего правилъ, выставокъ, чтеній, концертовъ, спектаклей и т. п.;
- 7) другихъ непредвидѣнныхъ доходовъ.

22. Всѣ поступающія въ общество суммы, по назначенію своему, подраздѣляются на капиталы: основной и расходный.

23. Основной капиталъ образуется изъ: 1) отчисленій, въ размѣръ не менѣе 1⁰/₀, отъ членскихъ взносовъ (ст. 46 п. 3), и 2) пожертвованій, не подлежащихъ, по волѣ жертвователя, обращенію на текущія потребности. Всѣ прочія поступающія въ пользу Общества суммы, а также проценты съ основного капитала—обращаются въ расходный капиталъ.

24. Основной капиталъ Общества обращается въ государственныя или гарантированныя правительствомъ процентныя бумаги и хранится въ государственныхъ кредитныхъ учрежденіяхъ.

25. Въ отношеніи расходованія пожертвованій, имѣющихъ спеціальное назначеніе, съ точностью соблюдается воля жертвователей.

26. Отвѣтственность за цѣлость суммъ Общества возлагается на правленіе.

IV. Управление дѣлами Общества.

27. Управление дѣлами Общества принадлежитъ: 1) правленію и 2) общему собранію его членовъ. Для наблюденія за правильнымъ веденіемъ дѣлъ Общества состоитъ ревизіонная коммисія.

А. Правленіе.

28. Правленіе Общества состоитъ, по усмотрѣнію общаго собранія, изъ шести или девяти членовъ, избираемыхъ общимъ со-

браніемъ на три года изъ числа почетныхъ или дѣйствительныхъ членовъ Общества. Третъ членовъ правленія ежегодно выбываетъ изъ его состава: первые два года по учрежденіи Общества—по жребію, а затѣмъ—по прослуженіи срока, на который они были избраны, и замѣщается новыми членами. Выбывшіе члены могутъ быть избираемы вновь.

29. На случай выбытія кого-либо изъ членовъ правленія ранѣе срока, на который онъ былъ избранъ, собраніемъ избираются ежегодно три кандидата къ членамъ правленія. Кандидатъ, вступившій въ составъ правленія, остается въ немъ до того срока, на который былъ избранъ выбывшій членъ. Старшинство кандидатовъ при замѣщеніи выбывающихъ членовъ правленія опредѣляется большинствомъ полученныхъ ими при выборахъ голосовъ.

30. Изъ числа членовъ правленія общее собраніе избираетъ ежегодно двухъ лицъ для исполненія обязанностей предсѣдателя правленія и его товарища. Правленіе ежегодно выбираетъ изъ своей среды казначея Общества и секретаря.

31. Правленіе созывается предсѣдателемъ не менѣе одного раза въ мѣсяцъ, по личному его усмотрѣнію или по требованію двухъ членовъ правленія. Для дѣйствительности засѣданія правленія необходимо присутствіе не менѣе трехъ членовъ, считая въ томъ числѣ предсѣдательствующаго.

32. Въ засѣданія правленія приглашаются предсѣдателемъ, съ правомъ совѣщательнаго голоса, почетные члены Общества, выразившіе о томъ желаніе, а равно и другія лица, не принадлежащія къ составу правленія, участіе которыхъ въ засѣданіи будетъ признано предсѣдателемъ полезнымъ.

33. Рѣшенія правленія постановляются простымъ большинствомъ голосовъ членовъ его, присутствующихъ въ засѣданіи; при равенствѣ голосовъ, голосъ предсѣдательствующаго даетъ перевѣсъ.

34. Къ обязанностямъ правленія относятся:

1) изысканіе мѣръ къ увеличенію средствъ Общества и возможно полному достиженію преслѣдуемыхъ имъ цѣлей;

2) завѣдываніе имуществами, капиталами и учрежденіями Общества;

3) свидѣтельствованіе не менѣе одного раза въ мѣсяцъ суммъ Общества;

4) утверждение въ званіяхъ дѣйствительныхъ членовъ и членовъ сотрудниковъ (ст. 17 и 18);

5) представленіе общему собранію объ избраніи въ почетные члены, а также объ исключеніи изъ состава Общества (ст. 16 и 20);

6) веденіе списка членовъ Общества, наблюденіе за своевременнымъ поступленіемъ годовыхъ членскихъ взносовъ и исключеніе изъ списка дѣйствительныхъ членовъ, не уплатившихъ въ установленный срокъ этихъ взносовъ, и членовъ-сотрудниковъ, уклонявшихся въ теченіе того же времени отъ исполненія своихъ обязанностей по отношенію къ Обществу (ст. 19);

7) приглашеніе членовъ Общества къ участию въ занятіяхъ правленія и принятію на себя обязанностей попечителей надъ состоящими подъ покровительствомъ Общества лицами, а также другихъ по дѣламъ Общества порученій;

8) собраніе свѣдѣній о лицахъ, обращающихся къ покровительству Общества, оказаніе имъ соотвѣтственной помощи и наблюденіе за надлежащимъ употребленіемъ ими выданныхъ пособій;

9) возбужденіе ходатайствъ предъ подлежащею властью о предоставленіи лицамъ, принятымъ подъ покровительство Общества, различныхъ, допускаемыхъ закономъ, льготъ;

10) назначеніе и увольненіе лицъ, служащихъ въ учрежденіяхъ Общества, и наблюденіе за правильнымъ исполненіемъ ими своихъ обязанностей;

11) созваніе общихъ собраній и исполненіе ихъ постановленій;

12) составленіе и представленіе на утвержденіе общихъ собраній годовыхъ прихода-расходныхъ смѣтъ и отчетовъ о суммахъ и дѣятельности Общества;

13) предварительная разработка всѣхъ вносимыхъ въ общія собранія дѣлъ и, въ томъ числѣ, издаваемыхъ для правленія, отдѣленій и учрежденій Общества инструкцій и правилъ;

14) опубликованіе свѣдѣній о дѣятельности Общества;

15) сношенія отъ имени Общества съ подлежащими лицами и учрежденіями.

35. Предсѣдатель правленія созываетъ членовъ въ засѣданія правленія, предсѣдательствуетъ въ засѣданіяхъ, наблюдаетъ за общимъ ходомъ дѣлъ Общества и исполненіемъ постановленій

правленія и общихъ собраній и подписываетъ исходящія отъ Общества бумаги.

36. Товарищъ предсѣдателя правленія замѣняетъ предсѣдателя въ случаѣ его отсутствія или болѣзни. При неприбытіи его въ засѣданіе правленія во время исполненія обязанностей предсѣдателя, предсѣдательствующій въ засѣданіи избирается наличными членами правленія.

37. Казначей Общества принимаетъ поступающіе въ Общество взносы и пожертвованія деньгами и вещами, наблюдаетъ за сборами въ пользу Общества и производитъ, по распоряженію предсѣдателя, основанному на постановленіяхъ правленія или общаго собранія, всѣ денежныя операціи и выдачи деньгами и вещами.

Примѣчаніе. Порядокъ храненія остающихся на рукахъ у казначея денегъ, документовъ и книгъ, пріема и сдачи суммъ, а также веденія денежной отчетности, опредѣляется особою инструкціею, составляемою правленіемъ и утверждаемою общимъ собраніемъ.

38. Секретарь Общества завѣдуетъ дѣлопроизводствомъ Общества, ведетъ журналы засѣданій правленія и общихъ собраній и скрѣпляетъ всѣ исходящія отъ Общества бумаги.

39. Для большаго ознакомленія съ личностью и нуждами освобождаемыхъ изъ мѣстъ заключенія и для своевременнаго принятія указанныхъ въ статьѣ 5 мѣръ, правленію предоставляется избирать изъ своей среды или изъ числа почетныхъ либо дѣйствительныхъ членовъ Общества особыхъ лицъ для посѣщенія содержащихся подъ стражею, не болѣе пяти для каждаго мѣста заключенія. Списокъ избранныхъ съ этою цѣлью лицъ представляется, въ началѣ каждаго года, на утвержденіе губернатора. Члены Общества, получающіе разрѣшеніе губернатора на посѣщеніе мѣстъ заключенія, снабжаются именными билетами, по предъявленіи которыхъ допускаются въ мѣста заключенія, въ видахъ осуществленія, въ предѣлахъ настоящаго устава, задачъ Общества.

Примѣчаніе. Для посѣщенія содержащихся въ мѣстахъ заключенія, среднее ежедневное населеніе которыхъ превышаетъ 500 чел., правленію Общества предоставляется, съ согласія губернатора, избирать, въ порядкѣ, указанномъ настоящею (39) статьею, и свыше пяти лицъ, не болѣе, однако же, одного на каждахъ сто арестантовъ.

Б. Общее собраніе.

40. Общія собранія бываютъ обыкновенныя и чрезвычайныя.

41. Общія собранія созываются правленіемъ: обыкновенныя—не менѣе одного раза въ годъ, чрезвычайныя—по мѣрѣ въ томъ надобности, по распоряженію правленія, или по требованію Главнаго Тюремнаго Управленія, губернатора либо ревизіонной комисіи, или, наконецъ, по письменному заявленію не менѣе $\frac{1}{5}$ части числа почетныхъ и дѣйствительныхъ членовъ Общества, живущихъ въ городѣ, въ которомъ сосредоточено управленіе дѣлами Общества.

42. О днѣ, часѣ, мѣстѣ и предметахъ занятій общихъ собраній правленіе обязано доводить каждый разъ заблаговременно до свѣдѣнія начальника мѣстной полиціи. Къ обсужденію въ общихъ собраніяхъ допускаются лишь такіе вопросы, которые относятся непосредственно къ опредѣленной уставомъ дѣятельности Общества.

43. Обсужденію общаго собранія подлежатъ исключительно вопросы, которые были означены въ повѣсткѣ, разосланной всѣмъ членамъ Общества, и о которыхъ было доведено до свѣдѣнія начальника мѣстной полиціи (ст. 42).

44. Общее собраніе признается состоявшимся, если въ немъ присутствуетъ не менѣе $\frac{1}{5}$ части числа почетныхъ и дѣйствительныхъ членовъ Общества, проживающихъ въ городѣ, въ которомъ сосредоточено управленіе дѣлами Общества, не считая въ томъ числѣ членовъ правленія и ревизіонной комисіи. Если собраніе не состоится по неприбытію достаточнаго числа членовъ, то созывается вторичное собраніе, въ срокъ, назначенный правленіемъ, но не ранѣе недѣли, для обсужденія вопросовъ, указанныхъ въ первоначально разосланной повѣсткѣ (ст. 43). Собраніе это считается состоявшимся при всякомъ числѣ присутствующихъ въ немъ членовъ, о чемъ члены Общества извѣщаются въ разсылаемыхъ вторично повѣсткахъ.

45. Общее собраніе открывается предсѣдателемъ правленія, послѣ чего собраніемъ избирается, каждый разъ, особый предсѣдательствующій изъ лицъ, не принадлежащихъ къ составу правленія и ревизіонной комисіи.

46. Къ вѣдѣнію общаго собранія относятся:

1) избраніе почетныхъ членовъ Общества, членовъ правленія и ревизіонной комисіи и кандидатовъ къ нимъ;

2) исключеніе изъ состава Общества членовъ, нарушающихъ своими дѣйствіями его интересы;

3) опредѣленіе размѣровъ членскихъ взносовъ и отчисленій изъ членскихъ взносовъ въ основной капиталъ;

4) разсмотрѣніе и утвержденіе годовыхъ отчетовъ о суммахъ и дѣятельности Общества и прихода-расходныхъ смѣтъ, въ связи съ заключеніями ревизіонной комисіи;

5) разрѣшеніе вопросовъ объ открытіи и закрытіи отдѣленій Общества, а также различныхъ его учрежденій;

6) разрѣшеніе вопросовъ о пріобрѣтеніи и отчужденіи недвижимыхъ имуществъ и заключеніи займовъ;

7) утвержденіе инструкцій для правленія, ревизіонной комисіи, отдѣленій и учрежденій Общества и правилъ о порядкѣ храненія и расходованія принадлежащихъ Обществу суммъ и капиталовъ;

8) разрѣшеніе вопросовъ объ измѣненіи или дополненіи устава, о закрытіи Общества и ликвидаціи его имущества и суммъ;

9) разрѣшеніе всѣхъ вообще дѣлъ, превышающихъ власть правленія, вносимыхъ на разсмотрѣніе общаго собранія правленіемъ, ревизіонною комисіею или членами Общества, чрезъ посредство правленія.

47. Дѣла въ общемъ собраніи, за исключеніемъ вопросовъ, означенныхъ въ ст. 48, рѣшаются простымъ большинствомъ голосовъ почетныхъ и дѣйствительныхъ членовъ Общества, присутствующихъ въ засѣданіи; при равенствѣ голосовъ, голосъ предсѣдательствующаго даетъ перевѣсъ. Члены-сотрудники пользуются въ общихъ собраніяхъ правомъ совѣщательнаго голоса.

48. Вопросы о закрытіи Общества, измѣненіи и дополненіи его устава, открытіи и закрытіи отдѣленій и учрежденій Общества, пріобрѣтеніи и отчужденіи недвижимой собственности, заключеніи займовъ и исключеніи изъ состава Общества членовъ, нарушающихъ своими дѣйствіями его интересы,—рѣшаются большинствомъ не менѣе половины голосовъ числа почетныхъ и дѣйствительныхъ членовъ Общества.

49. Всѣ выборы въ общемъ собраніи производятся закрытою баллотировкою.

В. Ревизіонная коммисія.

50. Ревизіонная коммисія состоитъ изъ трехъ членовъ, избираемыхъ на одинъ годъ общимъ собраніемъ. Одинъ изъ членовъ коммисіи, по ея выбору, исполняетъ обязанности предсѣдателя. На случай болѣзни или выбытія кого-либо изъ членовъ коммисіи ранѣе срока, общимъ собраніемъ избираются къ нимъ ежегодно два кандидата; при этомъ соблюдается правило, изложенное въ ст. 29. Званія членовъ правленія и ревизіонной коммисіи несовмѣстимы.

51. Къ обязанностямъ ревизіонной коммисіи относятся:

- 1) періодическія и внезапныя ревизіи суммъ, имущества и книгъ Общества;
- 2) наблюденіе за дѣятельностью принадлежащихъ Обществу учреждений;
- 3) предварительное разсмотрѣніе отчетовъ о суммахъ и дѣятельности Общества и годовыхъ прихода-расходныхъ смѣтъ;
- 4) исполненіе порученій общаго собранія, относящихся къ наблюденію за ходомъ дѣлъ въ Обществѣ и изысканію способовъ устраненія обнаруженныхъ упущеній;

52. О результатахъ произведенныхъ ревизій члены коммисіи дѣлаютъ отмѣтки въ соотвѣтствующихъ книгахъ. Замѣчанія, сдѣланныя ревизіонною коммисіею въ теченіе года, включаются въ годовой отчетъ.

V. Объ открытіи и закрытіи Общества.

53. Общества патроната открываются порядкомъ, указаннымъ въ статьяхъ 20—29 приложенія къ ст. 118¹ устава о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій по продолженію 1906 г., въ томъ случаѣ, когда съ этою цѣлью соединятся въ губернскомъ городѣ не менѣе тридцати лицъ, имѣющихъ право на поступленіе въ члены Общества (ст. 13 и 14), и соберутъ не менѣе ста рублей наличными деньгами, а въ уѣздномъ городѣ—не менѣе двадцати лицъ, при сборѣ не менѣе пятидесяти рублей. По открытіи Общества, означенныя лица зачисляются въ составъ дѣйствительныхъ членовъ и образуютъ первое общее собраніе.

54. Общество можетъ быть закрыто: 1) по постановленію общаго собранія (ст. 48), 2) по опредѣленію мѣстнаго губернскаго или городского по дѣламъ объ обществахъ присутствія (Уст. Пред. Прест., ст. 118¹, прил., ст. 33—40, по Прод.) и 3) по распоряженію Министра Юстиціи.

55. Въ случаѣ закрытія Общества, его капиталы и имущество, оказавшіеся, по ликвидаціи дѣлъ Общества, свободными, получаютъ дальнѣйшее назначеніе по опредѣленію общаго собранія, утвержденному Главнымъ Тюремнымъ Управленіемъ (ст. 48), при отсутствіи же опредѣленія общаго собранія, имѣющаго законную силу, обращаются Главнымъ Тюремнымъ Управленіемъ на нужды тюремнаго патроната.

Подписалъ: И. д. Начальника Главнаго
Тюремнаго Управленія *Боровитиновъ*.

Скрѣпилъ: Завѣдывающій Дѣлопроизводствомъ *П. Лучинскій*.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	СТРАН.
Краткое обозрѣніе движенія законопроекта	I—III
Высочайше утвержденный 22 Іюня 1909 г. законъ объ условномъ досрочномъ освобожденіи	1—7
А. Общія основанія закона:	
I. Краткая объяснительная записка къ проекту Министра Юстиціи	8—20
II. Докладъ Коммисіи по судебнымъ реформамъ Государственной Думы.	21—27
III. Докладъ Коммисіи Законодательныхъ Предположеній Государ- ственного Совѣта	27—33
Б. Одобренный Государственнымъ Совѣтомъ и Государственною Думою законъ объ условномъ досрочномъ освобожденіи съ постатейными къ нему объясненіями:	
Статья I	33
„ 1	33—42
„ 2	42—44
„ 3	44—49
„ 4	49—51
„ 5	51—53
„ 6	53—54
„ 7	54—60
„ 8	60
„ 9	60
„ 10	60—61
„ 11	61—62
„ 12	63—65
„ 13	65—68
„ 14	68—69
„ 15	69—91
„ 16	91

	СТРАН.
Статья 17	91— 92
„ 18	92
„ 19	92— 94
„ 20	94
„ 21	95— 96
„ 22	97—103
„ 23	103—104
„ 24	104—105
„ II	105

В. Приложенія:

I. а) Пренія въ Государственной Думѣ по официальнымъ стено- графическимъ отчетамъ:

27 февраля 1908 г., засѣданіе	32	106—114
1 марта „ „ „	33	114—143
4 „ „ „	34	143—169
7 „ „ „	35	169—204
26 мая „ „ „	73	204—213
4 іюня „ „ „	78	213—217
2 „ 1909 г. „	126	361

I. б) Пренія въ Государственномъ Совѣтѣ по официальнымъ сте- нографическимъ отчетамъ:

23 октября 1908 г., засѣданіе	2	217
4 февраля 1909 г., „	16	218—262
9 „ „ „	17	262—298
13 „ „ „	19	298—317
20 марта „ „ „	27	317—357
15 апрѣля „ „ „	29	357—361
12 іюня „ „ „	44	362

II. Утвержденный Министромъ Юстиціи нормальный уставъ обществъ покровительства лицамъ, освобождаемымъ изъ мѣстъ заключенія (патроната) 363—374